

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

<i>Батурина О.С., Бронников С.А., Сапегин К.В.</i> Духовная социализация личности в условиях духовно-просветительской деятельности.....	6
<i>Калинич В.С.</i> Динамика представления российской молодёжи о патриотах, патриотизме и патриотическом воспитании в 2022–2024 гг.	13
<i>Ли Чжожу, У Цзежэнь.</i> Идеологические вызовы и стратегии глобальной коммуникации китайских ценностей в условиях международной конфронтации.....	21
<i>Тарасова А.В.</i> Самообразование как неотъемлемая часть профессиональной деятельности современного преподавателя иностранных языков.....	28
<i>Ташлыкова Н.Ю.</i> Ценность любви в современном российском шансоне.....	32
<i>Тонг Лин, Чжао Сю Линь.</i> Новые тенденции в теории и практике перевода китайской пейзажной лирики.....	35
<i>Фалько Е.А.</i> Исторические формы становления журналистики в России XVIII–XX вв.: к исследованию самоопределения отечественной журналистики.....	39

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Ананичева С.Р.</i> Социальная адаптация молодых специалистов: социологический анализ.....	47
<i>Бакунова А.С.</i> Ценностно-мотивационная детерминация профессионального становления государственных гражданских служащих органов власти.....	52
<i>Говорченко М.О.</i> Интеграционные процессы в системе высшего образования государств-членов ЕАЭС.....	55
<i>Камнева Е.В., Симонова М.М.</i> Взаимосвязь мотивационного типа и удовлетворенности трудом молодых специалистов.....	58
<i>Коркодинов В.А.</i> Понятие и значение категории «конфликт» в социологии.....	62
<i>Костерин А.А.</i> Социальное прогнозирование в управлении подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции.....	66

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Карпунин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Криволюсов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромьнка Принт», Москва, ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.10.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Асонов Н.В. Ценностно-целевое пространство официального российского консерватизма на современном этапе в оценке семантико-фреймового подхода (на примере анализа пятой Конституции РФ) 137

Еньшина А.А. «Вы принадлежите себе»: социальная аксиология либертарианства в контексте дискурса традиционных духовно-нравственных ценностей 141

Каюмов А.Т., Демидова С.А. История как процесс: философский анализ концепций провиденциализма..... 146

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Фархитдинова О.М. Принцип делимитации как методологическое основание разграничения предметных областей философии и феноменологии религии 151

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Ежов Д.А. Трансформация института политических партий в России в условиях цифровизации и виртуализации1..... 156

Ильин П.А. Политические инструменты взаимодействия некоммерческих организаций и государства: аспекты формирования гражданского общества..... 160

Михайленок О.М., Малышева Г.А. Сетевые онлайн-коммуникации и социокультурные тренды в современной России: динамика в контексте СВО..... 163

Сафонова А.С., Тараканова Т.С. Патриотизм в структуре гражданско-политической идентичности студенческой молодежи 170

Яковенко А.К. Современные молодежные организации РФ как актор развития общества в условиях геополитических изменений 176

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ци Илннь, Чжу Юйтянь, Ван Жуйсинь. Международные отношения России и Китая: проблемы и перспективы 180

Околота Д.П. Трансформация политической позиции Сербской Православной Церкви в период с 1990 по 2020 гг. 184

Сизов А.А. Проблемы и перспективы создания глобального рынка водорода: международно-политический контекст 189

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гаспарян С.А. Идеологические позиции американских партий в оптике концепции Карла Маннгейма 194

Полякова Е.А., Печкуров И.В., Месхи Б.Б. Факторы привлекательности зарубежных стран в межпоколенческом ракурсе 76

Ретинская В.Н., Мурзина И.А., Полежаева Д.А. Социально-экономические вызовы и проблемы рынка труда молодых специалистов: опыт российских регионов 80

Садовая В.В. Исторические аспекты проблемы устойчивости занятости..... 83

Серегина П.Д. Социальное сотрудничество как средство развития компетенций информационного взаимодействия в обществе..... 88

Уманец И.Ф. Приоритеты семейных ценностей студенческой молодежи в вузе 96

Ушаков Е.В. Социальная ответственность бизнеса: роль направляющего контекста в формировании ответственного поведения фирмы 99

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Васильев В.А., Тарасова Е.И. Китайский иероглиф в контексте философии культуры 104

Забнева Э.И., Алексева В.Г. Профессионализация государственных служащих в условиях рискогенности современной действительности 107

Елдин М.А., Ширшов А.В., Изергина В.П., Кузьменкова Д.И. Византийская духовная традиция и этноконфессиональная идентичность российских финно-угров: социально-философские аспекты..... 111

Карпенко А.М. Влияние социальных и природных детерминант на телесные практики: историко-культурологический контекст..... 115

Лустин Ю.М., Пефтиев О.В. Правовое сознание человека и его философско-концептуальная роль в развитии гражданского общества 120

Равочкин Н.Н., Рвалов П.Н., Филимонова Д.О. Современные когнитивные практики в социальной философии: постмодернистская и феноменологическая методология 125

Тумин А.Ю. Русские философы рубежа XIX–XX вв. о патриотизме и служении Отечеству 129

Чубаров Н.А. Социально-философский анализа феномена «цифровой ресурс»: аспекты воздействия на экономику 133

<i>Грибанова Г.И.</i> Эволюция политики Китая в Антарктике в контексте трансформации политико-экономических интересов 202	<i>Данилова Е.В., Данилов В.В.</i> Особенности деятельности первых православных миссий в Китае (1715–1821 гг.) 243
<i>Де Сейта Лима Далмейда Арагау Ожвалду.</i> Ограничения применения политических инструментов миротворческой деятельности ООН: на примере Руандийского конфликта 1990–1994 годов 207	<i>Иванова Г.П., Марченко А.А., Ширкова Н.Н.</i> Критерии и уровни сформированности гражданской идентичности младших школьников 247
<i>Денисова П.Р., Макарова Т.С., Шутов И.А.</i> Реализация контртеррористической политики: сопоставительный анализ подходов России и Казахстана 212	<i>Кравченко А.И.</i> Онтология и феноменология абсурда 251
<i>Зимин А.В., Абросимов А.А.</i> Парламентская демократия Вишеградской группы в условиях новой геополитической реальности 218	<i>Дао Ньы, Нгуен Ван Тхань.</i> Обзор специализированного образовательного учреждения кхмерской буддийской академии Тхеравады города Кантхо, Вьетнам 257
<i>Маслова К.В.</i> Внешняя культурная политика ФРГ – инструмент построения отношений 225	<i>Зарудный Б.Г.</i> Многостороннее взаимодействие государств – участников СНГ в противодействии международному терроризму 261
<i>Сафронова О.В., Бушов А.С.</i> «Доктрина Байдена» и построение архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе во внешней политике США 229	<i>Ковалев А.Н., Потемкина Ю.Г.</i> Применение социальных технологий при оптимизации миграционной политики на региональном и федеральном уровнях 265
<i>Цзяо Юньян, Ван Ао.</i> Российско-иранские отношения в контексте развития политического процесса взаимодействия стран «глобального Юга» 235	<i>Михайлова О.А.</i> Звуковой хронотоп: к определению понятия 270
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	<i>Бутко Н.Б., Степина С.П.</i> Роль профильных классов школ в приобретении студентами вузов профессиональных компетенций 274
<i>Абдуллина А.Ш., Лысова О.В., Нигматуллина Л.А.</i> Опыт этнокультурной экспедиции в профессиональном становлении педагогов 239	<i>Хоу Шихао.</i> Исследование развития китайского боевого искусства – тайцзицюань в Беларуси 277
	<i>Чэнь Цзони.</i> Переосмысление развития китайской геополитической теории 283
	<i>Яманова О.А.</i> Применение искусственного интеллекта в политике: кейс-анализ в различных странах 287

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

<i>Baturina O.S., Bronnikov S.A., Sapegin K.V.</i> Spiritual socialization of the personality in the conditions of spiritual and educational activities	6
<i>Kalinich V.S.</i> Dynamics of the Russian youth's perception of patriots, patriotism and patriotic education in 2022–2024	13
<i>Li Zhuoru, Wu Zeren.</i> Ideological challenges and strategies for global communication of Chinese values in the context of international confrontation.....	21
<i>Tarasova A.V.</i> Self-education as an integral part of the professional activities of a modern foreign language teacher	28
<i>Tashlykova N.Y.</i> <i>The Value of Love</i> in Modern Russian Chanson.....	32
<i>Tong Lin, Zhao Xiuling</i> New trends in the theory and practice of translation of chinese landscape lyrics	35
<i>Falco E.A.</i> Historical forms of journalism formation in Russia of the XVIII–XX centuries: towards the study of the self-determination of domestic journalism	39

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Ananicheva S.R.</i> Social adaptation of young professionals: a sociological analysis	47
<i>Bakunova A.S.</i> Value-motivational determination of professional formation of state civil employees of authorities.....	52
<i>Govorchenko M.O.</i> Integration processes in the higher education system of the EAEU member states	55
<i>Kamneva E.V., Simonova M.M.</i> The relationship between motivational type and job satisfaction of young professionals	58
<i>Korkodinov V.A.</i> The concept and meaning of the «conflict» category in sociology.....	62
<i>Kosterin A.A.</i> Social forecasting in the management of units of the Russian armed forces in the conditions of special military operation.....	66
<i>Polyakova E.A., Pechkurov I.V., Meskhi B.B.</i> Factors of attractiveness of foreign countries in an intergenerational perspective	76
<i>Retinskaya V.N., Murzina I.A., Polezhaeva D.A.</i> Socio-economic challenges and problems of the labor market for young specialists: the experience of Russian regions.....	80
<i>Sadovaya V.V.</i> Historical aspects of the problem of employment sustainability	83
<i>Seregina P.D.</i> Labor potential and competitive advantages of the modern generation of university graduates	88
<i>Umanets I.F.</i> The priorities of family values among student youth in the university	96
<i>Ushakov E.V.</i> , Social responsibility of business: the role of the guiding context in shaping the responsible behavior of the company	99

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow University for the Humanities, Honored Scientist of the Russian Federation; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEP, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18 Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.10.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Vasiliev V.A., Tarasova E.I.</i> Chinese character in the context of cultural philosophy	104
<i>Zabneva E.I., Alekseeva V.G.</i> Professionalization of civil servants in the conditions of riskiness of modern reality	107
<i>Eldin M.A., Shirshov A.V., Izergina V.P., Kuzmenkova D.I.</i> The Byzantine Spiritual tradition and the ethno-confessional identity of the Russian Finno-Ugrians: socio-philosophical aspects ...	111
<i>Karpenko A.M.</i> The influence of social and natural determinants on bodily practices: historical and cultural context ...	115
<i>Lustin Yu.M., Peftiev O.V.</i> Human legal consciousness and its philosophical and conceptual role in the development of civil society	120
<i>Ravochkin N.N., Rvalov P.N., Filimonova D.O.</i> Contemporary cognitive practices in social philosophy: postmodern and phenomenological methodology.....	125
<i>Tumin A.Yu.</i> Russian philosophers at the turn of the XIX–XX centuries about patriotism and service to the Fatherland	129
<i>Chubarov N.A.</i> Social and philosophical analysis of the phenomenon of “digital resource”: aspects of the impact on the economy	133

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Asonov N.V.</i> The value target space of official Russian conservatism at the current stage in of assessment semantic-frame approach (based on the analysis of the fifth Constitution of the Russian Federation).....	137
<i>Enshina A.A.</i> “You Belong to Yourself”: The Social Axiology of Libertarianism in the Context of the Discourse of Traditional Spiritual and Moral Values	141
<i>Kayumov A.T., Demidova S.A.</i> History as a process: of philosophical analysis of providentialism concepts	146

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Farkhitdinova O.M.</i> The principle of delimitation as a methodological basis for delimiting subject areas of philosophy and phenomenology of religion.....	151

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Ezhov D.A.</i> Transformation of the institution of political parties in Russia in the context of digitalization and virtualization	156
<i>Ilin P.A.</i> Political instruments of interaction between non-profit organizations and the state: aspects of the formation of civil society	160
<i>Mikhaylenok O.M., Malysheva G.A.</i> Online network communications and socio-cultural Trends in contemporary Russia: dynamics in the context of the SMO.....	163
<i>Safonova A.S., Tarakanova T.S.</i> Patriotism in the structure of civil-political identity of students	170
<i>Yakovenko A.K.</i> Modern youth organizations of the Russian Federation as an actor in the development of society in the context of geopolitical changes	176

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Qi Yilin, Zhu Yutian, Wang Ruixin.</i> International relations between Russia and China: problems and prospects.....	180

<i>Okolota D.P.</i> Transformation of the political position of the serbian orthodox church in the period from 1990 to 2020	184
<i>Sizov A.A.</i> Problems and prospects of creating a global hydrogen market: the international political context	189

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Gasparian S.A.</i> Ideological positions of american political parties through the optics of karl mannheim’s theory	194
<i>Gribanova G.I.</i> Evolution of China’s Antarctic Policy in the Context of Transformation of Political and Economic Interests	202
<i>De Ceita Lima D’Almeida Aragao Osvaldo.</i> Limitations of the Use of Political Instruments of UN Peacekeeping: The Case of the Rwandan Conflict of 1990–1994.....	207
<i>Denisova P.R., Makarova T.S., Shutov I.A.</i> Implementation of Counter-Terrorism Policy: A Comparative Analysis of Russia and Kazakhstan’s Approaches	212
<i>Zimin A.V., Abrosimov A.A.</i> Parliamentary democracy of the Visegrad group in the context of a new geopolitical reality.....	218
<i>Maslava K.V.</i> Germany’s external cultural policy as a tool of relationship building	225
<i>Safronova O.V., Bushov A.S.</i> “Biden Doctrine” and construction of security architecture in Indo-Pacific region in US foreign policy	229
<i>Jiao Yunyang, Wang Ao.</i> Russian-Iranian relations in the context of the development of the political process of interaction between the countries of the “global South”	235

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Abdullina A.Sh., Lysova O.V., Nigmatullina L.A.</i> Experience of an ethnocultural expedition in the professional development of teachers	239
<i>Danilova E.V., Danilov V.V.</i> Features of the first orthodox missions in China (1715–1821).....	243
<i>Ivanova G.P., Marchenko A.A., Shirkova N.N.</i> Components, indicators and levels of formation of the civic identity of primary school children	247
<i>Kravchenko A.I.</i> Ontology and Phenomenology of the Absurd	251
<i>Dao Nhu, Nguyen Van Thanh</i> Overview of specialized educational institution Khmer Theravada Buddhist Academy in Can Tho city, Vietnam.....	257
<i>Zarudny B.G.</i> Multilateral cooperation of the member states of the Commonwealth of Independent States in combating international terrorism	261
<i>Kovalev A.N., Potemkina Ju.G.</i> Application of social technologies in optimizing migration policy at the regional and federal levels levels.....	265
<i>Mikhailova O.A.</i> Sound chronotope: to the definition of the concept.....	270
<i>Butko N.B., Stepina S.P.</i> The Role of Specialized School Classes in the Acquisition of Professional Competencies by University Students.....	274
<i>Hou Shihao.</i> Research on the development of Chinese wushu-taijiquan in Belarus.....	277
<i>Chen Jiongyi.</i> Rethinking the development of chinese geopolitical theory	283
<i>Yamanova O.A.</i> Application of Artificial Intelligence in Politics: Case Analysis in Different Countries	287

Духовная социализация личности в условиях духовно-просветительской деятельности

Батурина Оксана Сергеевна,

к.п.н., доцент, начальник научного отдела, руководитель Научно-образовательного центра «Духовно-нравственное просвещение» Бирского филиала ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»; заместитель Генерального директора Автономной некоммерческой организации по созданию и обеспечению деятельности духовно-просветительского центра «Духовное благолепие»
E-mail: baturina.os@mail.ru

Бронников Сергей Анатольевич,

к.п.н., доцент, заведующий кафедрой педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: bronbir@rambler.ru

Сапегин Константин Васильевич,

к.п.н., доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Духовно-просветительские центры, учрежденные российскими религиозными организациями, нуждаются в методической поддержке. Однако в России еще не сложилась Служба духовно-нравственного просвещения как системная и доступная информационная, обучающая, ресурсная поддержка специалистов, занимающихся духовно-просветительской деятельностью. Отсутствует координация деятельности организаций духовно-просветительской направленности. Для частичного решения возникших проблем в рамках проекта «Центр компетенций «Мы просвещаем»: комплексная поддержка и развитие духовно-нравственного просвещения» при поддержке гранта Фонда Президентских грантов по развитию гражданского общества были разработаны Примерные программы духовно-нравственного просвещения. В статье описываются концепция и особенности применения примерных программ духовно-нравственного просвещения. В статье осуществляется анализ программ: 1) детей младшего школьного возраста, 2) детей и подростков в период летних каникул, 3) людей «серебряного» возраста. Примерные программы призваны помочь специалистам по духовно-нравственному просвещению создать и реализовать собственные работающие программы в духовно-просветительских центрах и организациях, занимающихся духовно-просветительской деятельностью.

Ключевые слова: духовно-нравственное просвещение, духовно-просветительские центры, организации духовно-просветительской направленности, примерные программы духовно-нравственного просвещения, концепция примерных программ, духовные просветители.

Актуальность Примерных программ духовно-нравственного просвещения

Актуальность Примерных программ духовно-нравственного просвещения (далее – Программы) определяется потребностью российского общества в защите традиционных ценностей, сохранении моральных устоев и укреплении суверенитета и духовного единства России. В условиях кризиса социально-культурной идентичности необходимо сохранить нравственность, обеспечить преемственность, защиту и бережное отношение к культурно-историческому наследию России, сохранить многовековые духовные традиции самобытного и, в то же время, многонационального и многоконфессионального, народа России.

В России сфера духовно-нравственного просвещения находится на этапе интенсивного развития. Это видно по приросту построенных духовно-просветительских центров. Нами был проведен подсчет духовно-просветительских центров, которые были учреждены епархиями Русской Православной Церкви в форме автономных некоммерческих организаций. Результаты в наглядном виде отображены на рисунке 1.

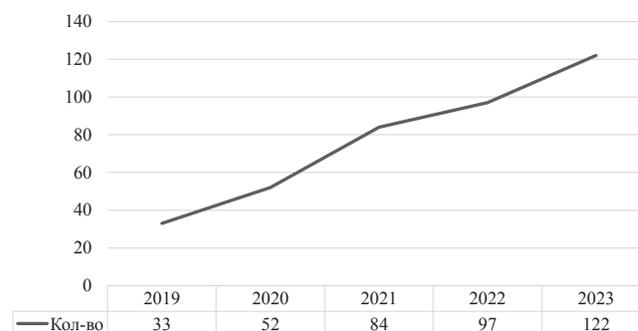

Рис. 1. Количество открытых духовно-просветительских центров при епархиях РПЦ за последние 5 лет

Как видно из рисунка 1, за последние 5 лет было открыто 122 духовно-просветительских центров в разных регионах Российской Федерации, преимущественно находящихся в малых городах. В то же время религиозные организации исламской направленности активно проводят духовно-просветительские мероприятия при мечетях, называя их «примечетские курсы». Значительный вклад в активизации духовно-просветительских мероприятий вносит Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России) посредством выделения субсидий.

В России пока не сложилась Служба духовно-нравственного просвещения. Поэтому духовно-просветительские центры, а также организации, занимающиеся духовно-просветительской деятельностью, испытывают потребность в координации деятельности, нуждаются в организационной и методической поддержке. Они не обеспечены методическими материалами, отсутствуют примерные программы духовно-нравственного просвещения. Специалисты, занимающиеся духовно-

Статья подготовлена по результатам реализации проекта № 22–1–014191 «Центр компетенций «Мы просвещаем»: комплексная поддержка и развитие духовно-нравственного просвещения» при поддержке гранта Фонда Президентских грантов по развитию гражданского общества.

просветительской деятельностью, не получают системную и доступную информационную, обучающую, ресурсную и иную поддержку от профессиональной координирующей организации.

Примерные программы духовно-нравственного просвещения способны частично решить назревшие проблемы. Это одни из первых программ в Российской Федерации, которые направлены на методическое обеспечение российских духовно-просветительских организаций. Они разработаны в рамках реализации проекта «Мы просвещаем»: комплексная поддержка и развитие духовно-нравственного просвещения» [2] при поддержке Фонда президентских грантов. Руководитель проекта кандидат психологических наук, магистр педагогики, телолог Оксана Сергеевна Батурина. Ниже будет представлена концепция и принципы использования следующих программ.

1. Примерная программа духовно-нравственного просвещения детей младшего школьного возраста [5].
2. Примерная программа духовно-нравственного просвещения детей и подростков в период летних каникул [4].
3. Примерная программа духовно-просветительского лектория для людей «серебряного» возраста [6].

Нормативно-правовые основы духовно-нравственного просвещения

Правовую основу Программ составляют Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и ее субъектов, нормативные правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации. Программы духовно-нравственного просвещения разработаны с учетом нормативных правовых актов, которые представлены на рисунке 2.

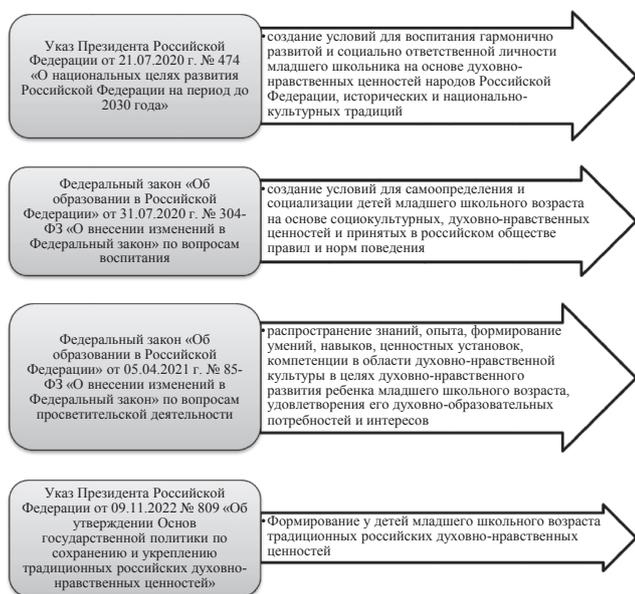

Рис. 2. Нормативно-правовая основа Примерной программы духовно-нравственного просвещения детей младшего школьного возраста

В основе Программ лежит принцип партнерства и различные его формы: социальное, государственно-социальное, государственно-общественное, государственно-конфессиональное, социально-конфессиональное, общественно-конфессиональное, внутри и межконфессиональное. Рекомендуется осуществлять Программу и отдельные ее компоненты совместно

с иными организациями, чьи задачи созвучны духовно-нравственному просвещению, воспитанию, развитию.

Примерные программы призваны помочь организациям духовно-просветительской направленности создать и реализовать собственные работающие программы духовно-нравственного просвещения, направленные на создание условий для успешной духовной социализации определенных категорий населения. Примерная программа показывает, каким образом специалисты по духовно-нравственному просвещению (духовные просветители) могут реализовать познавательный, духовно-ценностный потенциал их совместной со слушателями деятельности. Примерные программы – это не перечень обязательных для организаций духовно-просветительской направленности мероприятий, а описание системы возможных форм и методов работы со слушателями.

На основе примерных программы организации духовно-просветительской направленности, разрабатывают свои собственные рабочие программы духовно-нравственного просвещения. Примерную программу необходимо воспринимать как конструктор для создания рабочей программы духовно-нравственного просвещения. Она позволяет каждой организации, взяв за основу содержание основных ее разделов, корректировать их там, где это необходимо: добавлять нужные или удалять неактуальные материалы, приводя тем самым свою программу в соответствие с реальной деятельностью, которую конкретная организация будет осуществлять в сфере духовно-нравственного просвещения.

Духовная социализация – приоритет духовно-нравственного просвещения

В качестве ключевого понятия Программ определена духовная социализация и социализирующая функция как приоритетная. Следуя определению А.И. Матвеевой, духовная социализация «представляет собой процесс духовной адаптации личности к уже имеющимся ценностным основаниям духовного и социального бытия: формирования на этой основе собственных мировоззренческих идеалов, принципов и убеждений личности, характеризующих ее внутренний мир, развития продуктивно-творческих способностей личности, обуславливающих актуализацию духовных ценностей в социальной практике» [3].

Программы составлены с учетом трехфазовой модели духовной социализации личности в социальных взаимодействиях.

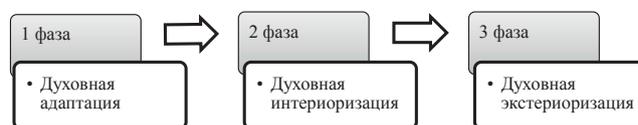

Рис. 3. Трехфазная модель духовной социализации личности

Модель духовной социализации, представленную на рисунке 3, можно описать следующим образом. На фазе духовной адаптации происходит освоение основных, базовых представлений о духовной культуре. Далее наступает процесс интериоризации духовного содержания, когда постигаются и осваиваются духовно-нравственные ценности. Социальное духовное творчество наступает на фазе экстериоризации, на которой осуществляется актуализация ценностей духовной культуры и происходит преобразование сложившихся и создание качественно новых форм социальных отношений и социальной действительности.

Организации с духовно-просветительской направленностью

Примерные программы, разработанные в рамках реализации проекта «Центр компетенций «Мы просвещаем», в первую очередь направлялись в духовно-просветительские центры. Но с учетом современного состояния, характеризующимся активным развитием социального института духовно-нравственного просвещения, данные программы могут быть рекомендованы 1) организациям, осуществляющим духовно-просветительскую работу как основную, 2) духовно ориентированным образовательным организациям, 3) организациям, реализующим духовно-просветительские программы и мероприятия в структуре образовательной, научной, досуговой и иной деятельности.

Примерная программа духовно-нравственного просвещения детей младшего школьного возраста может использоваться в работе образовательной организации начального общего образования в рамках внеурочной деятельности по предмету ОРКиСЭ. Применение программы будет уместно при реализации совместных с духовно-просветительским центром социально ориентированных проектов по духовно-нравственному просвещению, воспитанию и развитию личности детей младшего школьного возраста, а также в проектной деятельности обучающихся по теме религиозной культуры.

Примерная программа духовно-нравственного просвещения детей и подростков в период летних каникул служит методическим программным обеспечением организаций духовно-просветительских направленности, работающих в летний период времени. Предполагается, что такие организации способны дать детям определенную целостную систему духовно-нравственных ценностей, патристического воспитания и культурных традиций через погружение ребенка в атмосферу игры и познавательной деятельности. Более массово в России в период летних каникул для детей и подростков для организации их деятельности, оздоровления созданы условия в детских оздоровительных лагерях. Но данная Программа не сводима Программе летнего оздоровительного лагеря. Но может быть использована, если программа детского оздоровительного лагеря будет носить духовно-просветительскую направленность.

Представленные выше программы могут быть полезны в образовательных организациях высшего образования при изучении студентами вопросов духовного просвещения, воспитания и развития, методики духовно-просветительской деятельности среди детей и подростков.

Примерная программа духовно-просветительского лектория людей «серебряного» возраста может быть использована в рамках российских проектов «Университет третьего возраста», «Высшая народная школа», «Серебряный возраст», «Серебряные волонтеры», «Активное долголетие» и др.

В свете Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 духовно-нравственное просвещение предстает как ключевой социальный институт духовной направленности, интегрирующий разные области деятельности (образования, науки, работы с молодежью, национальных и религиозных отношений и др.) по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Духовно-нравственное просвещение могут осуществлять такие организации, которые в той или иной степени причастны по своему функционалу к духовно-нравственным ценностям (рис. 4).

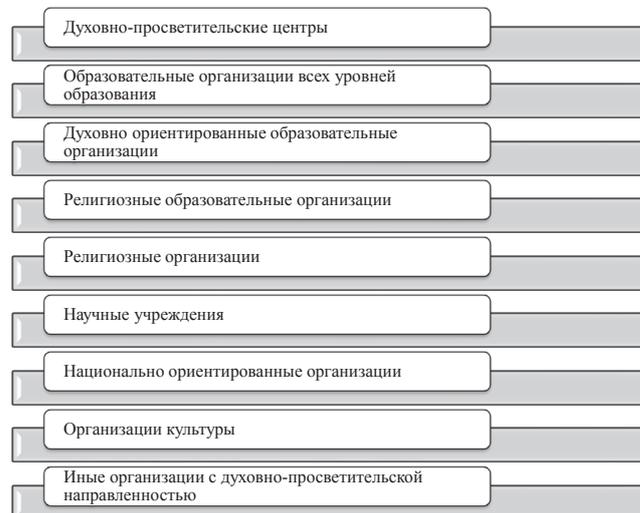

Рис. 4. Организации с духовно-просветительской направленностью

1. Духовно-просветительские центры, чья духовно-просветительская деятельность с различными категориями населения является целевой.

2. Образовательные организации всех уровней образования в рамках реализации внеурочной деятельности по предметам «Основы религиозной культуры и светской этики», «Основы духовно-нравственной культуры народов России», «Основы российской государственности», «Основы безопасности и защита Родины», «Духовно-нравственная культура» и другие, а также в рамках программ воспитания.

3. Духовно ориентированные образовательные организации, реализующие наряду с образовательными программами ФГОС внеурочную духовно ориентированную работу и духовно ориентированную воспитательную деятельность.

4. Религиозные образовательные организации.

5. Религиозные организации, которые учредили духовно-просветительские центры или осуществляют духовно-просветительскую деятельность как одно из внерелигиозных социально ориентированных направлений.

6. Научные учреждения, осуществляющие популяризацию среди населения результатов исследования в сфере духовно-нравственной культуры.

7. Национально ориентированные организации (национально-культурные организации, этнические общности, историко-культурные центры и иные), объединенные под флагом ассамблеи родов России, формирующие у молодого поколения бережное отношение к традиционным духовно-национальным ценностям многонационального народа России.

8. Организации культуры по сохранению и передачи российских духовной культуры подрастающему поколению.

9. Библиотеки по удовлетворению познавательных потребностей и интересов детей младшего школьного возраста в вопросах духовной культуры, традиций многонационального народа России, используя для этого литературные произведения отечественных авторов.

10. Организации в сфере социального обслуживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, пожилых граждан и инвалидов.

Все вышеперечисленные организации и иные организации, еще не вошедшие в этот список, причастные по своему функционалу к духовно-нравственным ценностям, объединены нами в общую формулировку «организации с духовно-просветительской направленностью».

Цель и задачи духовно-нравственного просвещения

Цель программ духовно-нравственного просвещения населения может быть сформулирована следующим образом: создание условий для успешной духовной социализации различных категорий населения.

В нашем исследовании задачи программ представлены в виде 4 блоков, которые представлены на рисунке 5.

Рис. 5. Блоки задач программ духовно-нравственного просвещения

Следуя рисунку 5, блоки задач раскрываются следующим образом.

1. Когнитивно-рефлексивная:
 - удовлетворение познавательных потребностей и интересов различных категорий населения по вопросам духовной культуры, традиций многонационального народа России;
 - формирование системных представлений различных категорий населения о духовной культуре, традициях народов России;
 - формирование у различных категорий населения готовности, способности к изучению традиций религиозной культуры нашей страны.
2. Ценностно-смысловая:
 - формирование у различных категорий населения чувства бережного отношения к духовно-культурному наследию многонационального народа России;
 - формирование у различных категорий населения чувства уважительного отношения духовным традициям народов нашей страны, и стремления к их сохранению и укреплению;
 - передача различным категориям населения ценностных установок по сохранению российских традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества и готовности передачи моральных принципов и духовных идеалов другим.
3. Коммуникативная:
 - освоение различными категориями населения на духовно-просветительских мероприятиях коммуникативных умений и умений взаимодействия в группе;
 - формирование у различных категорий населения культуры толерантности, и основ культуры межэтнического и межконфессионального общения;
 - привитие различным категориям населения уважения к языку, культурным, религиозным традициям, истории и образу жизни представителей народов России.

4. Практическая:
 - формирование у различных категорий населения на духовно-просветительских мероприятиях готовности к духовно-творческой, духовно-патриотической и духовно-экологической и иной деятельности;
 - предоставление различным категориям населения самостоятельности в выборе духовно-творческой, духовно-патриотической и духовно-экологической и иной деятельности;
 - формирование у различных категорий населения умений и навыков в целях духовно-нравственного развития личности.

Специалисты по духовно-нравственному просвещению

Разрабатывать рабочие программы духовно-нравственного просвещения должен методист, а проводить педагог, обладающий соответствующими компетенциями. Но на сегодняшний день нет ни одной образовательной программы подготовки специалистов по духовно-нравственному просвещению. В наших исследованиях мы обозначаем их как «духовные просветители». Так как большинство духовно-просветительских центров в России открываются при учреждении религиозных организаций, поэтому духовно-просветительскую работу призваны проводить служители (персонал и волонтеры) религиозных организаций, обладающие педагогическими компетенциями. В организациях духовно-просветительской направленности к реализации программ могут быть привлечены педагоги, имеющие теологические компетенции.

На рисунке 6 отображена модель специалиста, где в центре находятся духовные просветители как ключевые специалисты по духовно-нравственному просвещению, обладающие теологическими и педагогическими компетенциями. К проведению мероприятий с определенными категориями населения или при проведении духовно-просветительских мероприятий на специальные темы могут приглашены специалисты так называемых «помогающих» профессий: психологи, юристы, социологи, конфликтологи, геронтологи и т.д.

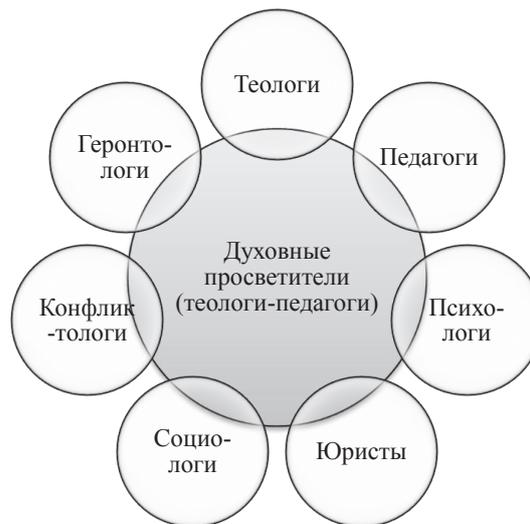

Рис. 6. Специалисты в сфере духовно-нравственного просвещения

В тот момент, когда в российском образовании будет апробирована и внедрена образовательная программа подготовки специалистов по духовно-нравственному просвещению, а также будут определены квалификационные требования к такому специалисту, то необходимо

будет дать описание, сформулировать характеристики и определить требования к данному специалисту.

Принципы духовно-нравственного просвещения

В своей деятельности специалист по духовно-нравственному просвещению руководствуется основными принципами осуществления просветительской деятельности, обеспечивающими ее гуманистическое содержание, основанное на результатах духовного творчества народов России и достижения науки.

В нашем исследовании выделены 4 группы принципов духовно-нравственного просвещения, которые в наглядном виде представлены на рисунке 7.

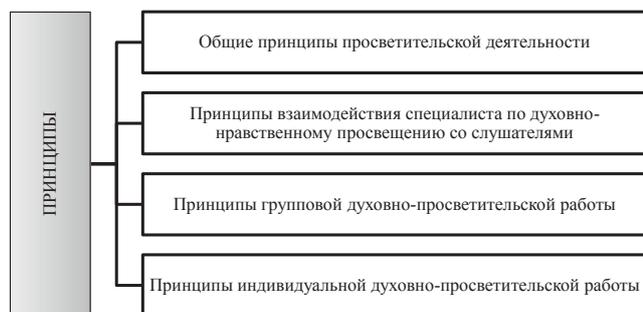

Рис. 7. Группы принципов духовно-нравственного просвещения

Просветительская деятельность планируется и осуществляется исходя из общих принципов просветительской деятельности:

- осуществление интеграции духовно-просветительской деятельности в задачи сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также в практику государственного, культурного, социального развития Российской Федерации и ее граждан;
- признание значимой роли российских духовно-просветительских центров как ключевых участников и организаций с духовно-просветительской направленностью как структурных компонентов духовно-нравственного просвещения в Российской Федерации;
- признание права на потребность в духовном просвещении личности как основы ее духовной социализации;
- ориентация на общечеловеческие ценности, традиционные ценности, моральные принципы и идеалы гуманизма;
- недопустимость пропаганды войны, этнических и религиозных распрей, насилия и жестокости;
- широкая доступность духовно-просветительских мероприятий для различных категорий населения;
- самоуправляемость духовно-просветительских центров;
- плюрализм: духовно-просветительские центры признают право иных организаций, осуществляющих духовно-просветительскую работу, общественных движений, добровольных объединений граждан, не запрещенных законом, заниматься духовно-просветительской деятельностью, отражающей их идеологию;
- недопустимость какой-либо незаконной цензуры по отношению к духовно-просветительским программам, проектам и мероприятиям;
- актуальность сообщаемой информации на духовно-просветительских мероприятиях, основанная на отражении актуальных вопросов развития общества

и служащая снижению остроты существующих проблем;

- достоверность сообщаемой информации на духовно-просветительских мероприятиях;
- возможно осуществление духовно-нравственного просвещения на основе партнерства: социального, государственно-социального, государственно-общественного, государственно-конфессионального, социально-конфессионального, общественно-конфессионального, внутри и межконфессионального;
- учет региональных и местных особенностей территории при разработке и реализации программы духовно-нравственного просвещения;
- учет общегосударственных и общесоциальных интересов, интересов отдельных социальных групп при разработке и реализации программы духовно-нравственного просвещения.

Процесс духовно-нравственного просвещения в духовно-просветительском центре можно описать, следуя правилам и принципам взаимодействия специалиста по духовно-нравственному просвещению со слушателями:

- неукоснительное соблюдение законности и прав семьи и слушателя;
- соблюдение неразглашения какой-либо информации о слушателе и семье;
- создание в духовно-просветительском центре психологически комфортной и безопасной среды и условий для каждого слушателя о, без которой невозможно конструктивное взаимодействие слушателей и специалистов по духовно-нравственному просвещению;
- реализация процесса духовно-нравственного просвещения посредством проведения содержательных просветительских мероприятий, создания позитивного эмоционального состояния всех участников;
- системность и целесообразность мероприятий духовно-нравственного просвещения.

Основными традициями духовно-нравственного просвещения группы слушателей в духовно-просветительском центре могут быть следующие:

- стержнем годового цикла духовно-просветительской работы организации являются ключевые мероприятия духовного просвещения;
- важной чертой каждого ключевого духовно-просветительского мероприятия призвана стать коллективная разработка, коллективное планирование, коллективное проведение и коллективный анализ их результатов;
- формирование коллективов проводится не только в рамках просветительских групп, но и просветительских кружков, студий, секций и иных возрастных, социальных объединений;
- групповые духовно-просветительские мероприятия проводятся на основе конструктивного внутригруппового (при наличии нескольких просветительских групп – конструктивного межгруппового) взаимодействия, доброжелательности, товарищеских взаимоотношений, взаимоподдержки слушателей;
- ключевой фигурой духовно-нравственного просвещения в духовно-просветительском центре является специалист по духовно-нравственному просвещению, реализующий по отношению к слушателям просветительскую, познавательную, личностно развивающую, организационную функции.

Однако духовно-просветительская работа может осуществляться не только в группе, но и индивидуально. В связи с этим важно выделить личностно ориентиро-

ванный подход специалиста по духовно-нравственному просвещению:

- принимать участие в программе просвещения могут граждане независимо от их религиозной и этнической принадлежности;
- вовлечение по возможности каждого слушателя духовно-просветительские мероприятия в качестве активного участника, выполняющего определенную значимую роль в мероприятии: сценариста, постановщика, исполнителя, ведущего, декоратора, редактора, корреспондента, видеографа, фотографа, ответственного за оборудование, ответственного за приглашение и встречу гостей и т.п.;
- индивидуальная помощь слушателю (при необходимости) в освоении навыков подготовки, проведения и анализа духовно-просветительского мероприятия;
- наблюдение за поведением слушателя в ситуациях подготовки, проведения и анализа духовно-просветительского мероприятия, за его отношениями со сверстниками, другими взрослыми;
- при необходимости коррекция поведения слушателя через частные беседы с ним, через включение его в совместную работу с другими слушателями, которые могли бы стать хорошим примером для слушателя.

Выводы

1. Интенсивное развитие сферы духовно-нравственного просвещения подтверждается значительным приростом духовно-просветительских центров и увеличением числа духовно-просветительских мероприятий, проводимых в различных организациях с духовно-просветительской направленностью, причастных по своему функционалу к духовно-нравственным ценностям.

2. Духовно-нравственное просвещение как ключевой социальный институт духовной направленности интегрирует разные области деятельности (образования, науки, работы с молодежью, национальных и религиозных отношений и др.) по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

3. В силу низкой методической обеспеченности духовно-просветительской деятельности разработаны примерные программы духовно-нравственного просвещения, в основе которых лежит модель духовной социализации личности. Это позволило выделить духовно-социализирующую как ключевую функцию и сформировать цель духовно-нравственного просвещения – создание условий для успешной духовной социализации различных категорий населения. Задачи духовно-нравственного просвещения представлены в виде блоков: когнитивно-рефлексивный, ценностно-смысловой, коммуникативный, практический.

4. В центре модели специалиста по духовно-нравственному просвещению находится духовный просветитель, обладающий теологическими, социальными, педагогическими компетенциями. Специалисты «помогающих» профессий привлекаются к духовно-просветительской деятельности при проведении мероприятий с определенной категорией населения или на специальные темы.

5. Примерные программы духовно-нравственного просвещения основываются на принципах: общие принципы просветительской деятельности, принципы взаимодействия специалиста по духовно-нравственному просвещению со слушателями, принципы групповой и индивидуальной духовно-просветительской работы.

6. Возникает необходимость создания единой российской Службы духовно-нравственного просвещения, которая способна осуществлять системную и доступную информационную, обучающую, ресурсную поддержку специалистов, занимающимся духовно-просветительской деятельностью и координировать деятельность организаций с духовно-просветительской направленностью.

Литература

1. Батурина О.С. Педагогика духовно-нравственного просвещения: монография. – Бирск: Академия развития, 2022. – 208 с.
2. Заявка № 22–1–014191 Центр компетенций «Мы просвещаем»: комплексная поддержка и развитие духовно-нравственного просвещения. – URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/application/about-project?applicationId=fcfe00e7-a70f-4128-9140-7611d1cbbdbb> (дата обращения: 07.02.2022).
3. Матвеева А.И. Духовная социализация личности как проблема социальной философии / А.И. Матвеева; Урал. Унт., – Екатеринбург: Стягъ, 2011. – 306 с.
4. Примерная программа духовно-нравственного просвещения детей и подростков в период летних каникул / под ред. О.С. Батуриной. – Бирск: Духовное благолепие, 2022. – 44 с.
5. Примерная программа духовно-нравственного просвещения детей младшего школьного возраста / под ред. О.С. Батуриной. – Бирск: Духовное благолепие, 2022. – 50 с.
6. Примерная программа духовно-просветительского лектория для людей «серебряного» возраста / под ред. О.С. Батуриной. – Бирск: Духовное благолепие, 2022. – 49 с.

SPIRITUAL SOCIALIZATION OF THE PERSONALITY IN THE CONDITIONS OF SPIRITUAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES¹

Baturina O.S., Bronnikov S.A., Sapegin K.V.

Birsk branch of the Ufa University of Science and Technology

Spiritual and educational centers established by Russian religious organizations require methodological support. However, in Russia the Service of Spiritual and Moral Education has not yet developed as a systematic and accessible information, training, and resource support for specialists engaged in spiritual and educational activities. There is no coordination of the activities of spiritual and educational organizations. To partially solve the problems that have arisen, within the framework of the project “Competence Center “We Enlighten”: comprehensive support and development of spiritual and moral education”, with the support of a grant from the Presidential Grants Fund for the Development of Civil Society, Model programs of spiritual and moral education were developed. The article describes the concept and features of the application of exemplary programs of spiritual and moral education. The article analyzes programs for: 1) children of primary school age, 2) children and adolescents during the summer holidays, 3) people of “silver” age. Sample programs are designed to help spiritual educators create and implement their own working programs in spiritual and educational centers and organizations engaged in spiritual and educational activities.

Keywords: spiritual and moral education, spiritual and educational centers, organizations of spiritual and educational orientation, exemplary programs of spiritual and moral education, concept of exemplary programs, spiritual educators.

¹ The article was prepared based on the results of the project No 22–1–014191 “Competence Center “We Educate”: Comprehensive Support and Development of Spiritual and Moral Education” with the support of a grant from the Presidential Grants Fund for the Development of Civil Society.

References

1. Baturina O.S. Pedagogy of spiritual and moral education: monograph. – Birk: Development Academy, 2022. – 208 p.
2. Application No. 22–1–014191 Competence Center “We Enlighten”: comprehensive support and development of spiritual and moral education. – URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn-p1ai/application/about-project?applicationId=fce00e7-a70f-4128-9140-7611d1cbbdbb> (date of access: 02/07/2022).
3. Matveeva A.I. Spiritual socialization of the individual as a problem of social philosophy / A.I. Matveeva; Ural. Unt. – Yekaterinburg: Styazh, 2011. – 306 p.
4. Sample program of spiritual and moral education of children and adolescents during the summer holidays / edited by O.S. Baturina. – Birk: Spiritual Beauty, 2022. – 44 p.
5. Sample program of spiritual and moral education of children of primary school age / edited by O.S. Baturina. – Birk: Spiritual Beauty, 2022. – 50 p.
6. Sample program of spiritual and educational lectures for people of the “silver” age / edited by O.S. Baturina. – Birk: Spiritual Beauty, 2022. – 49 p.

Динамика представления российской молодёжи о патриотах, патриотизме и патриотическом воспитании в 2022–2024 гг.

Калинич Владислав Сергеевич,

ассистент кафедры современной социологии,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladislav6988@mail.ru

Статья посвящена части результатов анкетного опроса молодёжи, который был проведен в декабре 2023 – апреле 2024 года. Опрос является повторным, мониторинговым. Предыдущий (первый) анкетный опрос на эту тему проведен автором в июле-сентябре 2022 года. Результаты исследования опубликованы в журнале «Социально-гуманитарные знания» в номере 5 за 2023 год¹ и номере 7 за 2024 год². Для получения максимально полной информации можно ознакомиться с указанными статьями. В рамках мониторингового исследования в числе задач обозначены анализ устойчивости представлений об образе современного патриота России, выявление представлений о роли, значении и месте патриотического воспитания в системе воспитания молодёжи, актуальных проблем и возможных перспектив патриотического воспитания, а также углубленное изучение и уточнение полученных в результате первого анкетного опроса сведений.

Ключевые слова: молодёжь, патриотизм, молодежная политика, патриотическое воспитание, эмпирическое исследование, социологическое исследование, анкетирование, государство, современное общество.

Регулярный мониторинг состояния и восприятия молодёжной политики и системы патриотического воспитания имеет практический и научный смысл и значение: во-первых, позволит трезво оценивать эффективность принимаемых мер по формированию и развитию системы работы с молодёжью и вносить коррективы в случае необходимости. Во-вторых, поможет актуализировать и приращивать научное социологическое знание о молодёжи, особенностях, траекториях и динамике её развития в реальном времени, изучении факторов этого развития.

Целью исследования является анализ динамики и оценка устойчивости представлений респондентов о патриотизме, образе современного патриота, современном состоянии патриотического воспитания в России, анализ динамики системы ценностных ориентаций и структуры социальной активности молодёжи на основании данных анкетирования, проведенного в июле – сентябре 2022 года и настоящего анкетного опроса. В некоторых вопросах расширены и уточнены варианты ответов на основании результатов и опыта предыдущего исследования.

В данной статье будут проанализированы следующие блоки результатов исследования:

- динамика представления молодёжи об образе современного патриота, его личных качествах;
- выявление представлений о типичных чертах патриотичного и непатриотичного поведения индивида;
- самооценка личного патриотизма и патриотизма молодёжи в целом;
- динамика представлений молодёжи о персонах исторических и современных патриотов нашей страны;
- динамика представлений о патриотическом воспитании в России: его состоянии, актуальных проблемах.

Обратимся к динамике представлений об образе современного патриота. Мнение о том, что быть патриотом – значит любить свою страну, осталось самым популярным ответом респондентов и даже укрепилось (55,4% в 2022, 61,7% в 2024). Быть готовым защищать свою Родину – второй по популярности ответ, поднялся в рейтинге с четвертого места за счёт перераспределения предпочтений при практически том же уровне выбора (38,2% в 2022 году, 38,4% в 2024 году). Патриот должен знать и любить историю и культуру своей страны, считают 37,1% респондентов, это был и остаётся третий по популярности ответ респондентов. Патриот пытается сделать жизнь в стране лучше (в 2022 году – 41,3% и второе место) и патриот должен уважать и соблюдать законы государства, честно платить налоги (в 2022 году – 18,6% и седьмое место), считают 27,5% респондентов и эти варианты делят четвертое и пятое место по популярности у молодых людей. Патриот гордится тем, что он гражданин этого государства, считают 26,7% респондентов, вариант занимает шестое место (в 2022–24,8% и пятое место). Патриот добросовестно работает и трудится на благо своей страны по мнению 26% респондентов, вариант занимает седьмое место (в 2022–20,9% респондентов и шестое место). Патриот бережет природу и заботится об окружающем мире, утверждают 13,6% респондентов, это восьмой по популярности тезис и в 2022, и в 2024 го-

¹ Калинич В.С. Ценностные ориентации и представления молодёжи о патриотизме и патриотическом воспитании в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 19–29.

² Калинич В.С. Динамика системы ценностей и ценностных ориентаций российской молодёжи в 2022–2024 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 142–148.

ду (в 2022–17,5%). Патриот уважает своих сограждан по мнению 11,1% респондентов, это девятый по популярности ответ и в 2022, и в 2024 году (в 2022–13,1%). Патриот ставит интересы своей страны превыше всего, считают 9,2% опрошенных, десятый по популярности ответ респондентов и в 2022, и в 2024 году (в 2022–10%) (рисунок 1).

Рис. 1. Динамика представлений об образе патриота

Система представлений об образе современного патриота в сознании молодёжи показала свою устойчивость, популярные представления сохранили своё доминирующее положение, небольшая динамика произошла за счёт перераспределения ответов внутри выборочной совокупности. Можно утверждать, что данный элемент образа патриота в сознании молодёжи оказался устойчивым. В то же время следует отметить рост популярности ответа «уважать и соблюдать законы государства, честно платить налоги». Законопослушность и добросовестность становятся важными чертами личности современного патриота.

Среди качеств, которые по мнению респондентов присущи настоящему патриоту, самым популярным остается гражданская ответственность (71,1% в 2022, 69,7% в 2024). Вторым по популярности качеством остается активная социальная позиция (46,6% в 2022, 45,1% в 2024). Третьим по популярности качеством является верность, которое было на пятом месте по результатам первого опроса (в 2022–29,2%, в 2024–39,3%). Патриот должен иметь уважительное отношение к другим по мнению 38,6% опрошенных, это четвертое место в рейтинге, в 2022–40,6% и третье место. Патриотам присуща гордость по мнению 32,1% респондентов. Это пятый по популярности ответ, по итогам первого опроса был четвертым при практически том же результате – 32,5% выбора респондентов. Честность как качество патриота сохранило шестую позицию, но улучшило результат по количеству выборов – 23,3% в 2022, 26,4% в 2024. Духовность как качество патриота стало более популярным и заняло седьмую позицию с 21,9% выбравших её, в 2022–16% и восьмая позиция. Доброжелательность заняла восьмую позицию среди качеств современного патриота, практически с тем же результатом по выбору респондентов (была также восьмой с 17,8% в 2022, набрала 18% в 2024). Бескомпромиссность сохранила девятую позицию, но добавила количество выбора респондентов (6,5% в 2022, 9% в 2024). В перечень возможных качеств, которые присущи современному патриоту, была добавлена критичность. Патриот не только любит свою страну и граждан, но может видеть возникающие пробле-

мы, трезво их оценивать, сохранять критичность мышления. Критичность патриотов заняла заметное место в общественном дискурсе в период с 2022 года по ряду объективных причин и событий (ссылки). Критичность как качество патриота заняла десятое место и была выбрана 7,7% респондентов. Доверчивость сохранила последнее место по популярности среди качеств патриота: в 2022 – десятое место и 4,9%, в 2024 – одиннадцатое место и 4,1% (рисунок 2).

Рис. 2. Динамика представлений о личных качествах патриота

Представления о главных качествах современного патриота в целом остались неизменными, сохранена их структура. В то же время очевидно выросло значение духовности, бескомпромиссности и верности, что является, вероятно, отражением эволюции образа патриота под влиянием государственной политики в области патриотического воспитания молодёжи и ряда других внешних и внутренних факторов.

В целях уточнения, углубления анализа и более полного раскрытия образа непатриота, вернее антипатриота в представлении молодёжи, количество черт, присущих антипатриотам, предлагаемых для выбора респондентам, было увеличено вдвое и многие новые варианты оказались в числе популярных выборов респондентов.

Нельзя считать патриотами тех, кто желает вреда, поражения своей стране. Это мнение осталось самым популярным в представлении молодёжи (68,5% в 2022, 67,9% в 2024). Патриотом не может быть тот, кто оскорбляет страну и её граждан, по мнению 56,6% респондентов, это второй по популярности ответ (был третьим в 2022 с 31,7% выбора). Не может быть патриотом тот, кто не любит свою Родину – новый предложенный респондентам вариант стал третьим по популярности у респондентов с 48,3% выбора. Тот, кто делает свою страну хуже и не заботится о ней, не может быть патриотом по мнению 47,3% молодых людей, это четвертый по популярности ответ, и он тоже был предложен впервые. Тот, кто злоупотребляет своим положением во вред гражданам своей страны, не может быть патриотом по мнению 40,3% респондентов, этот новый вариант стал пятым по популярности среди молодёжи. Фанатики, дискредитирующие само понятие патриотизма, тоже не могут считаться патриотами по мнению 39,6% молодых людей (новый и шестой по популярности ответ респондентов). Второй по популярности в первом опросе вариант, что патриотом не может быть тот, кто не уважает своих сограждан, сохранил процент выбравших (36,8% в 2022, 34,8% в 2024), но из-за расширения количества вариантов оказался седьмым в 2024 году. Не может быть патриотом тот, кто не уважает законы

и нарушает их, ответили 32,2% респондентов, это восьмой по популярности ответ. Тот, кто не знает и не чит историю, культуру своей страны, патриотом не может быть по мнению 27,9% молодых людей (девятый по популярности ответ). Не патриот тот, кто уехал жить за рубеж. Тезис стал более популярным по количеству выборов (с 6,2% в 2022 до 13,9% в 2024), но в силу расширения количества вариантов в популярности занял десятое место (был пятым). Тот, кто критикует действия власти (в 2022 7,4% и четвертое место), и тот, кто не стремится улучшить жизнь вокруг себя, разделили одиннадцатое и двенадцатое место с 9,5% выбора респондентов. Того, кто открыто говорит о проблемах и неурядицах в стране, нельзя называть патриотом по мнению 2,7% молодёжи, это тринадцатый по популярности ответ (в 2022—4,6% и шестое место). Затруднились ответить всего 1% респондентов, в 2022—3,6% (рисунок 3).

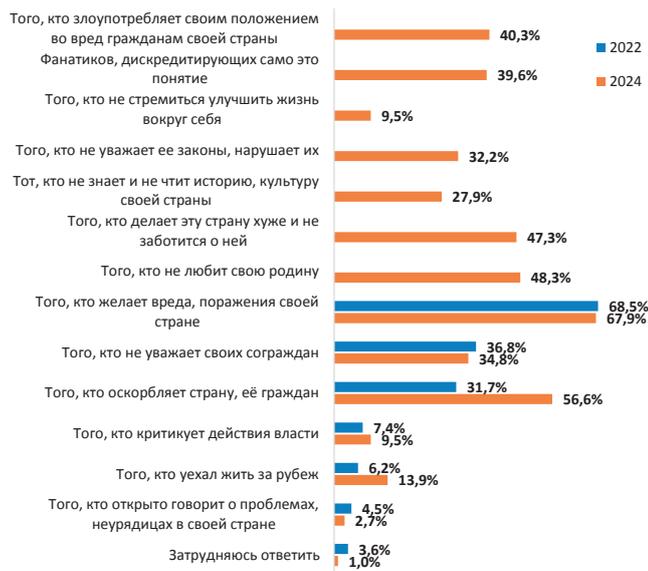

Рис. 3. Динамика представлений об образе антипатриота

Расширение перечня вариантов ответа о признаках непатриотичного поведения улучшило возможности анализа представлений молодёжи по этому вопросу. Учитывая расширение перечня вариантов и опираясь на результат первого опроса, можно сделать вывод, что структура представлений молодёжи о непатриотичном поведении оказалась устойчивой. Признаки поведения антипатриота антагонизируют признакам поведения патриота. На рейтинг представлений молодёжи, вероятно, оказали влияние внешние и внутренние факторы и события, происходившие в исследуемый период с 2022 по 2024 годы.

В вопрос о возможных причинах упоминания и восприятия слова «патриотизм» в негативном ключе добавлен вариант об отсутствии образа истинного патриота в современной культуре. Данный вариант поможет проанализировать оценку респондентами степени патриотичности современной культуры в России и достаточности в ней положительных примеров патриотизма. Главной причиной негативного восприятия термина «патриотизм» осталось слишком частое и неуместное его употребление, в 2022 году с этим согласились 48,1% респондентов, в 2024—50,4%. Второй по важности причиной остаётся неправильное понимание значения слова «патриотизм», это отметили в 2022 году 38,9% опрошенных, в 2024—42,2%. Третьей по важности причиной негативного восприятия патриотизма является то, что те, кто называют себя патриотами, дискредитировали себя неблагоприятными поступками. И в 2022, и в 2024 году это отметили 36,4% респондентов. Четвёртой по важности

причиной осталось неправильное понимание того, как должны вести себя настоящие патриоты. В 2022 году это отметили 35,5% респондентов, в 2024—31,3%. Пятой причиной негативного восприятия патриотизма остаётся проецирование отрицательного отношения к государству на патриотизм и патриотов. Несмотря на сохранение пятой позиции данный вариант значительно потерял поддержку опрошенных. Если в 2022 году таковых было 33,8%, то в 2024 их осталось всего 20,9%. На шестой позиции среди причин негативного восприятия патриотизма оказалось мнение, что массовая культура негативно влияет на патриотические настроения людей. Данный вариант в 2022 году был на восьмой позиции с 7,9% выбора, в 2024 занял шестую позицию с удвоенным результатом — 15,8% выбора респондентов. Недостаточное развитие патриотического воспитания граждан ведёт к негативному восприятию патриотизма, отметили 14,3% опрошенных, это седьмая по популярности возможная причина. В 2022 году так предположили 17,1% молодых людей, это была шестая позиция. Средства массовой информации настраивают людей непатриотично, посчитали 13,1% респондентов, данная причина стала восьмой по популярности у молодёжи. В 2022 эта же причина была седьмой, но с более низким результатом — 11,3%. Предложенный респондентам в повторном опросе вариант — отсутствие в современной культуре образов истинных патриотов — стал девятым по популярности с 10% выбора респондентов. Незначительная популярность может свидетельствовать о вероятно низкой степени актуальности данного фактора. Вариант «Другое» остался на последней позиции с 1,7% выбора респондентов, в 2022 его выбрали 1,2% опрошенных (рисунок 4).

Рис. 4. Динамика представлений о причинах негативного восприятия слова «патриотизм»

В настоящих геополитических условиях тема патриотизма чрезвычайно актуальна и часто поднимается в российском общественном поле, но по причине частого неуместного использования самого слова «патриотизм», его неверного толкования, ассоциации патриотизма с различными авантюристами и преступниками, которые прикрывают свои неблагоприятные деяния словами о патриотизме или манипулируют чувством патриотизма других, неверного понимания термина и сути патриотизма, этой важной ценностной ориентации наносится значительный ущерб. В связи с этим популяризация патриотизма и активная борьба с паразитированием на патриотической тематике проходимцев и политиканов является важной задачей для государства и гражданского общества.

Представления молодёжи о патриотичности своей социальной группы также оказались устойчивыми. 5,5% (в 2022—6%) респондентов однозначно согласились, что большинство представителей современной молодё-

жи – патриоты России, скорее согласились с этим – 47% (в 2022–42,5%). То есть, количество респондентов, положительно оценивающих молодёжь как патриотов выросло на 4% и превысило 50% – 52,5% против 48,5% в 2022 году. Склонны не считать большинство современной молодёжи патриотами 41,3% (в 2022–42%). Однозначно не считают большинство молодёжи патриотами 6,2% (в 2022–9,5%). Соответственно, негативно оценивающих мнение о патриотичности молодёжи в 2022 году было 51,5%, а стало 47,5%. (рисунок 5).

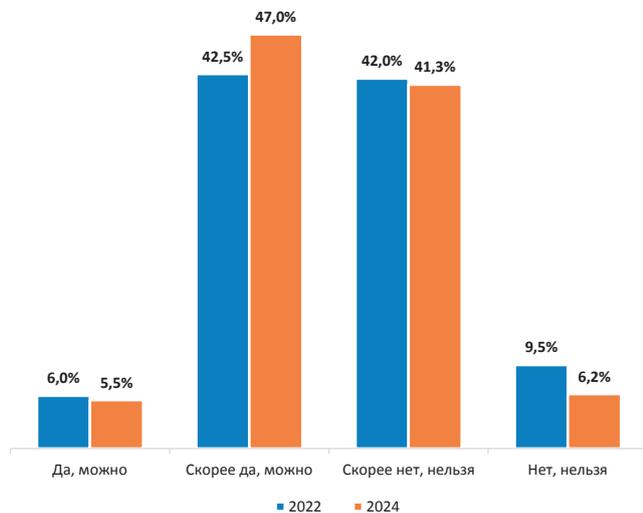

Рис. 5. Динамика представлений о патриотичности молодёжи в современной России

В этом вопросе представления молодёжи оказались устойчивыми, но с чёткой положительной тенденцией к улучшению мнения о патриотичности. За короткий период был преодолён важный рубеж: более 50% респондентов положительно оценивают мнение о патриотичности молодёжи в современной России.

Патриотами России однозначно назвали себя 31,3% респондентов (в 2022–31,5%). Склонны считать себя патриотами 49,9% молодых людей (в 2022–49,3%). В личной оценке себя как патриота положительно высказались 81,2% молодёжи (в 2022–80,8%). Склонны не считать себя патриотами 14,2% респондентов (14,4% в 2022). Однозначно не считают себя патриотами 4,6% (4,8% в 2022). Негативно оценивают свой патриотический потенциал 18,8% респондентов, а в 2022 таковых было 19,2% (рисунок 6).

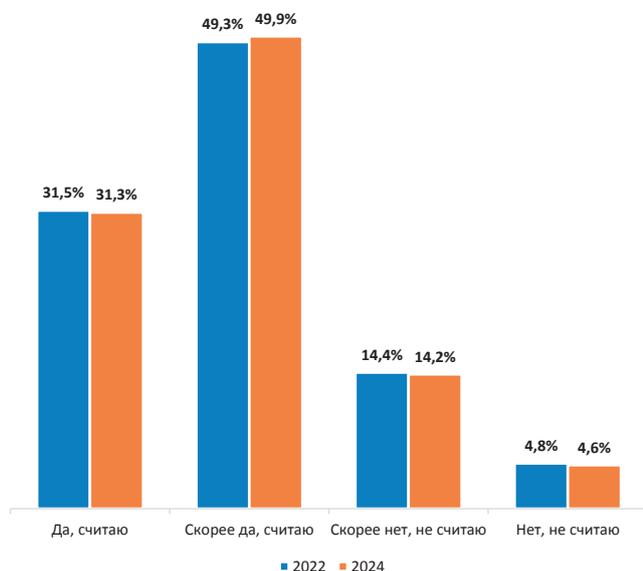

Рис. 6. Самооценка уровня патриотизма

Можно сделать вывод, что представления молодёжи о личном патриотизме также оказались устойчивыми с положительной тенденцией к укреплению личных представлений о собственном патриотизме.

Слово «патриотизм» ассоциируется у респондентов в первую очередь со словами «Родина» Любовь», «Гордость», «Верность», «Россия», «Страна», «Уважение», «Честь», «Честность», «Любовь к Родине», «Смелость» «Преданность», «Ответственность», «Семья», «Фанатизм», «Вера», «Отвага», «Свобода» и другие. Самыми популярными словами, ассоциирующимися у респондентов со словом «патриотизм» в 2022 году, были слова «Родина», «Любовь», «Гордость», «Верность», «Ответственность», «Уважение», «Честность», «Страна», «Вера», «Преданность», «Защита», «История», «Честь», «Россия», «Сила», «Свобода», «Долг», «Семья» и другие. Следует отметить, что ассоциативный ряд по самым популярным словам изменений не претерпел, но популярнее стало слово «Россия» и «Страна». Ассоциативные представления о патриотизме оказались устойчивыми. Слова, имеющие негативное значение, также содержатся в ответах респондентов, но их количество невелико, они единичны.

Из известных исторических деятелей нашей страны молодые люди назвали патриотами Петра I, Иосифа Сталина, Владимира Ленина, Владимира Жириновского, Александра Суворова, Михаила Ломоносова, Михаила Кутузова, Александра Невского, Александра Пушкина, Петра Столыпина, Юрия Гагарина, Георгия Жукова, Екатерину II, Льва Толстого, Александра III, Михаила Тверского и других. В 2022 году настоящими патриотами респонденты назвали Петра I, Иосифа Сталина, Владимира Ленина, Владимира Жириновского, Михаила Кутузова, Екатерину II, Александра Суворова, Георгия Жукова, Юрия Гагарина, Михаила Ломоносова, Александра Пушкина, Александра Невского, Николая II, Бориса Ельцина, Бориса Немцова, Александра II, Петра Столыпина и других. Представления молодёжи об исторических личностях – патриотах России оказались устойчивыми.

Современными патриотами России респонденты считают Президента России Владимира Путина, певца Шамана (Ярослав Дронов), заместителя председателя Совета Безопасности Российской Федерации Дмитрия Медведева, блогера Екатерину Мизулину, Министра иностранных дел Сергея Лаврова, секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Сергея Шойгу, певца Олега Газманова, премьер-министра России Михаила Мишустина, журналиста Владимира Соловьёва и многих других. Следует отметить, что среди современных патриотов фигурируют ныне исторические персоны блогера Алексея Навального, политика Владимира Жириновского и бизнесмена Евгения Пригожина. То есть респонденты воспринимают их как современников, а не как личностей из прошлого. В 2022 году опрошенные среди современных патриотов назвали следующие персоны. Политики и государственные деятели: Владимир Путин, Сергей Шойгу, Сергей Лавров, Рамзан Кадыров, Дмитрий Медведев, Михаил Мишустин, и другие. Артисты: Олег Газманов, Николай Басков, Тимур Юнусов (Тимати), Чулпан Хаматова, Антон Басаев и другие. Участники специальной военной операции на Украине: Сергей Суровикин и Евгений Пригожин. Журналисты и блогеры: Алексей Навальный, Владимир Соловьёв, Екатерина Шульман¹, Юрий Дудь², Илья Варламов³ и другие. Достаточно часто респонденты называли патриотами себя и своих родителей.

¹ Признана иностранным агентом.

² Признан иностранным агентом.

³ Признан иностранным агентом.

Представления о современных патриотах России оказались достаточно динамичны и формируются, как правило, средствами массовой информации. Некоторые современные деятели, названные патриотами в 2022 году, снизили свою медийную активность или покинули посты/должности, которые занимали, что тоже сказалось на их публичном образе. В то же время, персоны, имевшие значительную популярность, но также ушедшие недавно из публичного поля, в памяти респондентов сохраняются и могут фигурировать в представлениях как патриоты ещё некоторое время.

Представления о патриотическом воспитании в России и восприятие этого института молодёжью может быть маркером восприятия всей молодёжной политики, так как проблемы, которые существуют в системе патриотического воспитания, часто проецируются и на другие отрасли молодёжной политики. Активное межведомственное взаимодействие и значительное внимание со стороны высших органов государственной власти позволяют постепенно решать многие структурные проблемы, накопившиеся за прошлые десятилетия, но решение системных проблем и повышение лояльности к институту патриотического воспитания со стороны молодёжи остаются в числе приоритетных задач. Регулярное исследование восприятия патриотического воспитания и поиск негативных точек восприятия позволит вовремя корректировать внедрение этого института на системной основе и повысить эффективность его работы.

Необходимость систематического патриотического воспитания однозначно подтверждают 22,5% опрошенных (в 2022—21,4%). Скорее готовы с этим согласиться 33,7% молодых людей (в 2022—29,2%). То есть положительно оценивают такую необходимость 56,2% (в 2022—50,6%). Склоняются отрицать такую необходимость 19,2% респондентов (в 2022—17,6%). Определённо отрицают 11,1% опрошенных, в 2022—16,9%. Общая доля отрицательно оценивающих эту необходимость составляет 30,3% молодых людей, в 2022—34,5%. Затруднились ответить 13,5%, в 2022 году — 14,9% (рисунок 7).

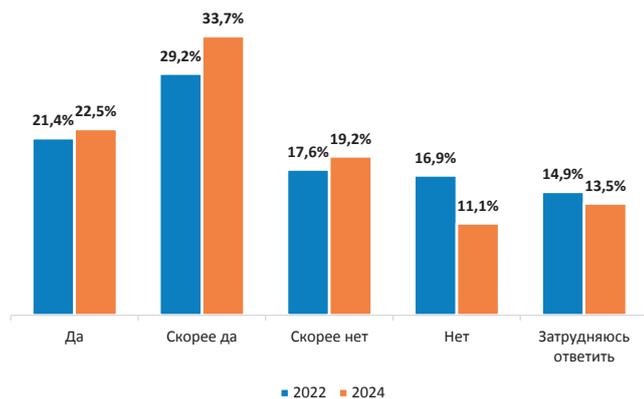

Рис. 7. Динамика представлений о необходимости систематического патриотического воспитания в России

При постепенном снижении доли неопределившихся респондентов имеет место тенденция роста доли молодых людей, положительно оценивающих необходимость систематического патриотического воспитания, и снижение доли отрицающих эту необходимость. Динамика по отношению к необходимости патриотического воспитания положительная.

Необходимость повышения уровня патриотического воспитания подтверждают 20% опрошенных, в 2022 году — 22,2%. Склонны согласиться с такой необходимостью

32,9% респондентов, в 2022 году — 36%. Всего доля положительно оценивающих необходимость повышения уровня патриотического воспитания составляет 52,9% респондентов, в 2022 году — 58,2%. Доля тех, кто склоняется отрицать необходимость повышения уровня патриотического воспитания составила 18,4% (в 2022 году — 17,7%). Отрицают эту необходимость 14,2% опрошенных, в 2022 году — 13,8%. Общая доля тех, кто отрицательно оценивает необходимость повышения уровня патриотического воспитания составила 32,6%, в 2022 году — 31,5%. Затруднились ответить 14,5% респондентов, в 2022 году — 10,3% (рисунок 8).

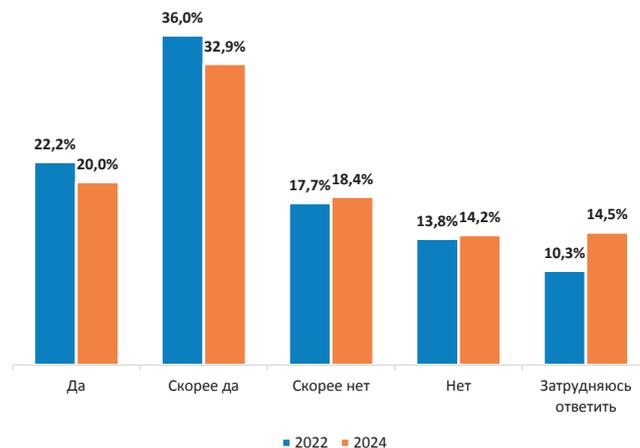

Рис. 8. Динамика представлений о необходимости повышения уровня патриотического воспитания в России

Тенденция роста неопределённости респондентов на фоне снижения доли тех, кто положительно оценивает необходимость повышения уровня патриотического воспитания, может свидетельствовать как об улучшении работы системы патриотического воспитания, его глубины и охвата, так и о снижении уровня вовлеченности респондентов в тематику или вообще в систему патриотического воспитания.

В число возможных проблем современного патриотического воспитания респондентам предложен дополнительный вариант — отсутствие поддержки патриотического волонтерства и инициатив самой молодёжи. Представляется важным проанализировать видение респондентов об актуальности и возможности данной проблемы, поскольку патриотическое волонтерство потенциально может быть самой массовой формой патриотической работы с молодёжью в силу того, что добровольчество является самой популярной формой социальной активности молодёжи¹. Представления респондентов о поддержке молодёжных инициатив со стороны государства проецирует их восприятие в целом молодёжной политики и является маркером эффективности информирования молодёжи о работе в этом направлении. Основной проблемой современного патриотического воспитания остается то, что его трансляцию сводят только к историческому и военному (55,3% выбора респондентов в 2024 году, 54,1% выбора респондентов в 2022 году). Второй по популярности проблемой остаётся принудительный характер участия во многих мероприятиях (48,9% выбора в 2024 году, 50,9% выбора в 2022 году). Третьей проблемой остаётся то, что те, кто транслируют патриотизм сами патриотами не являются (34,5% в 2024 году, 35,9% в 2022 году). Четвёртой проблемой остаются устаревшие методы освещения и трансляции

¹ Калинич В.С. Ценностные ориентации и представления молодежи о патриотизме и патриотическом воспитании в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 27

патриотической тематики (30,8% в 2024 году, 28,1% в 2022 году). Пятой по популярности проблемой по мнению респондентов является то, что программы и мероприятия по патриотическому воспитанию неинтересны для молодёжи. Об этом высказались 22,8% молодых людей (в 2022–16,9% и шестое место). Актуальной остаётся проблема, что в современном патриотическом воспитании нет системы и логичности, это шестая по популярности проблема и 21,3% выбора (в 2022 году – 21,8% и пятое место). Столь же актуальной за прошедший период видится респондентам проблема скрытого деструктивного воздействия на молодёжь различных антисистемных элементов. Эту проблему обозначили 11,8% молодых людей, она осталась седьмой по популярности, как и в 2022 году, тогда её выбрали 14,4% респондентов. Проблема отсутствия поддержки патриотического волонтерства и инициатив самой молодёжи, которая была впервые предложена респондентам, стала восьмой по популярности, её выбрали 9,6% опрошенных. Отсутствие качественных фильмов, книг и других произведений патриотической тематики является актуальной проблемой по мнению 7,7% молодых людей, она остаётся девятой по популярности проблемой, как и в 2022 году. Тогда её выбрали 7,2% респондентов. Проблема отсутствия государственной идеологии беспокоит в числе других 7,4% опрошенных, это десятый по популярности ответ. В 2022 таковых был 8,1% и это был восьмой по популярности ответ. Следует отметить, что за прошедший период данная проблема потеряла определённую часть актуальности, что может быть связано с выстраиванием курса на сохранение и укоренение системы традиционных ценностей, что консолидирует, укрепляет общество, и молодёжь воспринимает эти изменения. Не видят никаких проблем 4,6% респондентов, в 2022 таковых было 2,6%, и видят другие причины 0,7%, в 2022–4% (рисунок 9).

Рис. 9. Динамика представлений о проблемах современного патриотического воспитания в России

Можно сделать однозначный вывод, что представления о структуре актуальных проблем патриотического воспитания в современной России за прошедший период не претерпели концептуальных изменений. Главные проблемы патриотического воспитания сохранили свою актуальность. Несколько возросло внимание к проблеме неинтересных проблем и мероприятий, субъектам патриотического воспитания стоит обратить на это внимание при формировании планов и графиков патриотических мероприятий. Проблема отсутствия поддержки патриотического волонтерства и молодёжных инициатив, впервые обозначенная в исследовании, обратила

на себя внимание, но не является одной из главных проблем этой сферы.

Патриотическое волонтерство – одно из самых перспективных направлений патриотической работы, поэтому в исследование добавлены варианты, которые упоминают патриотическое добровольчество. В число предлагаемых респондентам мер усовершенствования системы патриотического воспитания в современных российских реалиях по сравнению с первым опросом включена мера активной поддержки патриотического волонтерства, с целью выяснить её необходимость и актуальность в представлении молодёжи. Самой важной мерой усовершенствования по мнению респондентов является создание актуальных и более интересных для молодёжи программ. Эту меру выбрали 54,4% опрошенных, в 2022 таковых было 42,9%, она была второй по популярности. Стараться сформировать конструктивное понимание патриотизма – самая популярная мера по итогам опроса 2022 года (44,5%), в настоящее время оказалась на втором месте с 42,7% выбравших. Остаётся столь же актуальной мера делать качественный контент на патриотическую тематику – третье место в 2022 (36,5%) и в 2024 (30,4%). Сохранила свою позицию и мера, направленная на системную работу со средствами массовой информации и интернет-пространством, – четвертое место в 2022 (24,4%) и в 2024 (22,4%). Мера разнообразия направлений работы с молодёжью стала пятой по популярности и собрала 18,1% предпочтений (в 2022 – шестая с 17,4% выборов молодёжи). Увеличение количества публикаций положительных примеров граждан и их поступков в средствах массовой информации стало шестым (16,2%), потеряв одну позицию и четверть выборов респондентов (в 2022 было пятым с результатом 22,6%). Данная динамика может быть связана непосредственно с началом применения этой меры¹ и неактуальностью вопроса о её внедрении. Об активной поддержке волонтерского движения высказались 14% опрошенных, эта мера была предложена респондентам впервые, она заняла седьмое место среди прочих. Сделать методы патриотического воспитания более универсальными и преемственными между учреждениями разного уровня в целях усовершенствования призвали 10,2% респондентов (было 14,1%), эта мера оказалась восьмой. В 2022 году данная мера была на седьмом месте по популярности. Определённое снижение может быть связано с попытками внедрения единых принципов и методов работы в этой сфере. Разработка и утверждение государственной идеологии в России (в 2022 было восьмое место и 9,1% выбора) и мнение о том, что в патриотическом воспитании нет необходимости (добавлено впервые), разделили девятое и десятое место с 8,5% выбора респондентов. Мнение о том, что патриотическое воспитание не нуждается в усовершенствовании, стало одиннадцатым в рейтинге и набрало всего 3,8% выбора респондентов (в 2022 было девятым с 6,9%). Другие возможные варианты набрали всего 0,9% и стали двенадцатыми в рейтинге, в 2022 были десятыми с 3,2% выбора (рисунок 10).

Структура представлений о мерах совершенствования оказалась устойчивой. Даже с учётом предложения респондентам двух новых вариантов ответа динамика внутри структуры составила не более 1–2 позиций.

¹ См.: О подвигах российских военных при выполнении боевых задач рассказывают в Минобороны [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2022-03-23/424440-opodvigah_rossijskih_voennyh_pri_vypolnenii_boevyh_zadach_rasskazyvayut_v_minoborony. Дата обращения: 06.09.2024.

Рис. 10. Динамика представлений о возможных мерах совершенствования патриотического воспитания в современных российских реалиях

В предыдущих публикациях автора семья рассматривалась как важнейший субъект патриотического воспитания ребёнка¹. По мнению респондентов, семья и родственники должны вносить решающий вклад в патриотическое воспитание молодежи. В 2022 году этот вариант выбрали в числе других 73,6% опрошенных, в 2024—65,6%. Образовательные организации являются вторым по важности субъектом патриотического воспитания². Этот тезис также разделяют респонденты: школа и другие образовательные учреждения – второй по важности институт, который должен вносить значительный вклад в патриотическое воспитание молодежи. В 2022 этот вариант выбрали 50,4% молодых людей, в 2024—50,5%. Третьим по важности институтом, который должен транслировать ценности патриотизма, респонденты считают средства массовой информации, таковым его назвали в числе прочих 25,6% опрошенных (в 2022 году этот вариант был на четвертой позиции с 18,9%). Следующим по важности институтом респонденты назвали Общероссийское движение молодежи – в настоящее время таковым является Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых». В числе важнейших субъектов его назвали 15,3% респондентов, вариант занял четвертое место по популярности. В 2022 году этот институт получил почти вдвое больше выборов респондентов – 27,3% и был на третьей позиции. Столь высокая оценка обусловлена тем, что в период проведения первого этапа исследования организация данного движения широко обсуждалась в средствах массовой информации и в общественном поле. Широкий информационный резонанс мог образовывать повышенные ожидания по отношению к движению и его деятельности. Во время проведения второго этапа исследования деятельность движения освещается в СМИ и общественном поле не более других крупных молодежных организаций. В то же время значение средств и силу влияния массовой информации, в первую очередь, новых медиа, сложно переоценить. Виртуальное информационное пространство играет не менее важную роль, чем сама социальная реальность вокруг молодых людей. В этой связи результаты по данному вопросу, полученные в ходе второго этапа исследования, выглядят более релевантными. Органы по делам молодежи федерального уровня, как один из важнейших институтов патри-

отического воспитания, выбрали 14,5% опрошенных, это пятая по популярности позиция (в 2022—9,5% и восьмая позиция). Специальные досуговые центры, как важные пространства патриотического воспитания, сохранили шестую по популярности позицию, практически с тем же результатом (12,3% в 2022 году, 13% в 2024). Политические партии, как субъекты патриотического воспитания, нашли поддержку 10% респондентов и заняли седьмую позицию, в 2022 году результат был 16,5% и пятое по популярности место. Достаточно яркая тенденция снижения популярности политических партий в вопросе патриотического воспитания молодежи может быть обусловлена снижением социальной и политической активности молодежи в целом, это выясняется на основе анализа структуры социальной активности молодежи, который будет опубликован позже. Органы по делам молодежи на местном уровне стали девятым по популярности институтом патриотического воспитания молодежи с 7,8% выбора респондентов (в 2022—11,8% и седьмая позиция), а региональные органы по делам молодежи сохранили десятую позицию, добавив проценты выбора (в 2022—3,3%, в 2024—7,5%). Региональные и местные общественные и некоммерческие организации по сравнению с 2022 годом почти удвоили количество выбора респондентов (с 3,6% до 6,4%), но по причине внутреннего перераспределения предпочтений оказались на одиннадцатой позиции (были на девятой). Следует отметить значительное увеличение популярности варианта «другое», с 1,2% до 8,8% и переход с одиннадцатого места на восьмое по популярности. Это может свидетельствовать о возникновении новых институтов или агентов воспитания молодежи, на которых обращают внимание респонденты. Выявление и изучение этих субъектов – одна из задач дальнейших исследований (рисунок 11).

Рис. 11. Динамика представлений о важнейших субъектах патриотического воспитания в России

Подводя итог, следует отметить, что широкий круг представлений молодежи о патриотизме, образе патриота, его качествах оказался устойчивым. Структура представлений об образе антипатриота также не претерпела значительных изменений, но усилилась актуальность признака об оскорблении своей страны и её граждан. Расширение количества вариантов ответа о признаках антипатриотичного поведения позволило более объемно взглянуть на этот важный феномен и открыло окно возможностей для дальнейшего анализа факторов антипатриотичного поведения. Представления о проблемах и особенностях патриотического воспитания были актуализированы в соответствии с произошедшими за исследуемый период изменениями. Корректировка

¹ См.: Калинич В.С. Патриотическое воспитание как элемент социализации современной молодежи // Социология. 2022 № 5. С. 7.

² Там же.

и уточнение определённых вопросов и ответов с опорой на результаты первого анкетирования позволила, с одной стороны, проверить валидность полученных ранее данных, с другой стороны, выявить возможные новые стороны рассматриваемых проблем и явлений. Система представлений молодёжи об изучаемой области показала свою устойчивость, динамика носит локальный характер без изменения структуры. Представления о современных патриотах России во многом формируют средства массовой информации. Определённую силу имеют факторы, которые могут оказывать влияние на скорость динамики представлений молодёжи, в первую очередь, фактор влияния общественного поля и средств массовой информации. При массированном использовании этих инструментов система представлений молодёжи может претерпевать структурные изменения. Если этот процесс не будет регламентирован и контролируем, это может иметь малопредсказуемые последствия и результаты.

Социологические исследования патриотизма и системы патриотического воспитания – важный элемент текущих преобразований в этой сфере. Отрасль молодёжной политики России и патриотического воспитания граждан после распада СССР и утраты выстроенной системы работы с детьми, молодёжью и взрослым населением находится в динамическом состоянии, в стадии трансформации. Это состояние, вероятно, связано с поиском эффективных решений по выстраиванию оптимальной модели работы с детьми, молодёжью и взрослой категорией граждан. За последние годы при поддержке государства появился внушительный общественный сектор, который занимается непосредственно патриотическим воспитанием. Развиваются имеющиеся государственные институты сферы молодёжной политики и патриотического воспитания. Тем не менее, имеющиеся проблемы во многом носят системный характер и для эффективного устранения требуют межведомственного и системного подхода. Один из курирующих руководителей сферы молодёжной политики, заместитель председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко обозначил, что «к 2030 году в России должна быть сформирована система работы с молодёжью, которая обеспечит воспитание поколения ответственных и патриотически настроенных граждан»¹. Для решения этой задачи необходимо системное взаимодействие всех субъектов молодёжной политики и патриотического воспитания. Согласованная работа власти и гражданского общества позволит в обозримой перспективе наладить систему патриотического воспитания на территории нашей страны.

Литература

1. Калинин В.С. Патриотическое воспитание как элемент социализации современной молодёжи // Социология. 2022 № 5. С. 7.
2. Калинин В.С. Ценностные ориентации и представления молодёжи о патриотизме и патриотическом

воспитании в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 19–29.

3. Калинин В.С. Динамика системы ценностей и ценностных ориентаций российской молодёжи в 2022–2024 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 142–148.
4. О подвигах российских военных при выполнении боевых задач рассказывают в Минобороны [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2022-03-23/424440-o_podvigah_rossiyskih_voennyh_pri_vypolnenii_boevyh_zadach_rasskazyvayut_v_minoborony. Дата обращения: 06.09.2024.
5. Чернышенко рассказал о формировании системы работы с молодёжью [электронный ресурс] режим доступа: <https://ria.ru/20240829/molodezh-1969267603.html>. Дата обращения: 30.08.2024.

DYNAMICS OF THE RUSSIAN YOUTH'S PERCEPTION OF PATRIOTS, PATRIOTISM AND PATRIOTIC EDUCATION IN 2022–2024

Kalinich V.S.

Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to part of the results of the youth questionnaire survey, which was conducted in December 2023 – April 2024. The survey is a repeat, monitoring one. The previous (first) questionnaire survey on this topic was conducted by the author in July–September 2022. The results of the study are published in the journal «Social and Humanitarian Knowledge» in issue 5 for 2023 and issue 7 for 2024. To get the most complete information, you can read these articles. As part of the monitoring study, the tasks include analyzing the stability of ideas about the image of a modern patriot of Russia, identifying ideas about the role, meaning and place of patriotic education in the youth education system, current problems and possible prospects for patriotic education, as well as in-depth study and clarification of information obtained as a result of the first questionnaire survey.

Keywords: youth, patriotism, youth policy, patriotic education, empirical research, sociological research, questionnaire, state, modern society.

References

1. Kalinich V.S. Patriotic education as an element of socialization of modern youth // Sociology. 2022 № 5. p. 7.
2. Kalinich V.S. Value orientations and ideas of youth about patriotism and patriotic education in modern Russia // Socio-humanitarian knowledge. 2023. № 5. pp. 19–29.
3. Kalinich V.S. Dynamics of the value system and value orientations of Russian youth in 2022–2024. // Socio-humanitarian knowledge. 2024. № 7. pp. 142–148.
4. The Ministry of Defense tells about the exploits of the Russian military in the performance of combat missions [electronic resource] Access mode: https://www.1tv.ru/news/2022-03-23/424440-o_podvigah_rossiyskih_voennyh_pri_vypolnenii_boevyh_zadach_rasskazyvayut_v_minoborony. Date of appeal: 06.09.2024.
5. Chernyshenko spoke about the formation of a system of work with youth [electronic resource] access mode: <https://ria.ru/20240829/molodezh-1969267603.html>. Date of application: 30.08.2024.

¹ Чернышенко рассказал о формировании системы работы с молодёжью [электронный ресурс] режим доступа: <https://ria.ru/20240829/molodezh-1969267603.html>. Дата обращения: 30.08.2024.

Идеологические вызовы и стратегии глобальной коммуникации китайских ценностей в условиях международной конфронтации

Ли Чжожу,

аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия) и Заместитель генерального секретаря Общества мировой политической экономики и приглашенный научный сотрудник Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете и Старший советник Центра по связям с иностранными государствами провинции Гуандун
E-mail: liz@my.msu.ru.

У Цзежэнь,

аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия)
E-mail: whiker@yeah.net

Статья исследует идеологические вызовы, с которыми сталкивается современный Китай при глобальной коммуникации своих ценностных ориентиров в условиях усиленной международной конфронтации. Применяя методологию исторического и диалектического материализма, авторы анализируют диалектические противоречия между капиталистическими и социалистическими аксиологическими системами, которые затрудняют распространение китайских ценностей на международной арене. Основное внимание уделяется внутренним и внешним вызовам, таким как недостаточное развитие гуманитарных наук в Китае, доминирование западных СМИ, а также низкий потенциал международной коммуникации. В статье предлагаются как микро- так и макро-стратегии для преодоления этих вызовов, включая укрепление медийных платформ, интернационализацию китайской культуры и использование «живых носителей» для межкультурной коммуникации. Данная работа вносит вклад в развитие теоретической базы международной коммуникации китайских ценностей, заполняя пробелы в междисциплинарных исследованиях культурной дипломатии и глобальной политической социологии.

Ключевые слова: глобальная коммуникация, китайские ценности, диалектический материализм, идеологическая борьба, культурная дипломатия.

Исследование диалектики экстернализации современных китайских аксиологических конструктов через призму исторического материализма позволяет эксплицировать сущность классового антагонизма в идеологической сфере. Данный антагонизм является манифестацией фундаментального противоречия современности – дихотомии капиталистической и социалистической формаций. Опираясь на теоретический базис марксистской политической социологии и интегрируя методологический аппарат коммуникативистики, настоящее исследование анализирует глубинные импликации продолжающейся глобальной конфронтации между социализмом и капитализмом на процесс диссеминации китайских ценностных ориентиров.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что аксиологическая система современного Китая сформировалась на основе синизации марксизма и диалектической ассимиляции элементов традиционной китайской культуры. Параллельно с этим, процесс реформ и открытости неизбежно инкорпорировал определенные элементы капиталистической аксиологии, что привело к формированию социалистических ценностей с китайской спецификой. Однако в условиях глобализации экстернализация китайских аксиологических конструктов сталкивается с существенными препятствиями, детерминированными преимущественно антагонизмом между социалистической и капиталистической общественными формациями.

Целью данного исследования является применение методологии диалектического и исторического материализма для углубленного анализа вышеобозначенной проблематики, а также изучение эффективных механизмов трансляции китайских ценностных ориентиров и укрепления культурной гегемонии Китая в контексте глобального противостояния социалистической и капиталистической систем.

Введение

В контексте интенсификации глобализационных процессов и усложнения международных отношений, трансляция межкультурных аксиологических конструктов стала одной из ключевых проблематик в сфере международной политологии, коммуникативистики и культурологии. Настоящее исследование фокусируется на феномене интернациональной коммуникации современных китайских ценностных ориентиров – теме, имеющей существенную теоретическую и практическую значимость для российской социологической науки.

Цель данной работы заключается в систематическом анализе многомерных дилемм и их глубинных детерминант, с которыми сталкивается экстернализация китайских аксиологических конструктов, используя методологический аппарат исторического и диалектического материализма, а также в разработке на этой основе эффективных стратегий их преодоления. В рамках данного исследования современные китайские ценности концептуализируются как аксиологическая система, базирующаяся на социалистических фундаментальных ценностях, интегрирующая квинтэссенцию традиционной ки-

тайской культуры и современные концепции развития, включая базовые концепты гармоничного общества, всеобщего процветания, сообщества единой судьбы человечества и модернизации с китайской спецификой.

Методологический базис исследования опирается на теоретическую парадигму марксистской политической социологии, синтезированную с эмпирическими методами коммуникативистики для формирования многоуровневой аналитической структуры. Данный методологический подход коррелирует с устойчивым интересом российского социологического сообщества к марксистской теории и способствует интенсификации научного диалога между китайскими и российскими исследователями в области марксистской социологии.

Посредством комплексного анализа отечественной и зарубежной научной литературы, углубленного изучения кейсов и наблюдения за практикой международной коммуникации, исследование демонстрирует, как продолжающаяся глобальная конфронтация между социалистической и капиталистической системами оказывает существенное влияние на эффективность международной трансляции китайских ценностных ориентиров. Междисциплинарный подход открывает новые перспективы для российских ученых при исследовании аналогичной проблематики.

Логическая структура исследования соответствует схеме «идентификация проблемы – анализ причин – разработка стратегии». Первоначально проводится критический анализ существующего научного дискурса и практики, идентифицируются ключевые дилеммы экстернализации современных китайских ценностей, включая дефицит коммуникационного потенциала, недостаточное международное влияние гуманитарных и социальных наук Китая, а также продолжительное доминирование западных капиталистических стран в формировании международного общественного мнения. Далее, применяя аналитический инструментарий исторического материализма, исследуются фундаментальные причины этих дилемм с акцентом на влияние макрофакторов (международные политико-экономические модели, идеологическая борьба, культурные дивергенции) и микрофакторов (коммуникационные механизмы, дискурсивные системы, развитие человеческого капитала). В заключение, на основе проведенного анализа, предлагается комплекс стратегий преодоления выявленных проблем на микро- и макроуровнях.

Значимость данного исследования для российского социологического сообщества многоаспектна:

1. В теоретическом плане работа интегрирует марксистские теории международной коммуникации с современными достижениями коммуникативистики, расширяя экспланаторный потенциал марксистской парадигмы в эпоху глобализации. Это предоставляет российским ученым новый ориентир для дальнейшего развития марксистской социологической теории в постсоветский период, особенно в контексте анализа современной идеологической конфронтации.
2. Исследование углубляет теоретическое осмысление конструирования национальной «мягкой силы», эксплицируя неразрывную связь между трансляцией ценностей и формированием национального имиджа. Для России, стремящейся усилить свое международное влияние, данная работа имеет существенное значение.
3. В статье исследуется механизм кросс-культурной трансляции ценностей и представлен китайский академический вклад в формирование теоретической системы «сообщества единой судьбы челове-

чества». Эта перспектива коррелирует с дискурсом о многополярном мире и евразийстве в российских научных кругах.

На практическом уровне значимость работы заключается в следующем.

1. Систематический анализ дилемм международной трансляции китайских ценностей и их фундаментальных причин предоставляет рекомендации для лиц, принимающих решения. Российские исследователи могут адаптировать аналитические рамки и методологию данной работы для изучения собственных стратегий культурной дипломатии.
2. Конкретные меры противодействия, предложенные в статье (усиление коммуникационного потенциала СМИ, интернационализация культурных продуктов, использование межкультурной интерперсональной коммуникации), являются практически реализуемыми и могут служить ориентиром для повышения дискурсивной силы страны на арене международного общественного мнения.

Внутренние и международные вызовы передаче ценностей в современном Китае

Нам известно, экстернализация аксиологических конструктов представляет собой экстраполяцию такого значимого социального феномена, как журналистика. Трансляция ценностных ориентиров современного Китая за рубеж является интегральной частью китайской журналистики и, следовательно, обладает выраженными классовыми атрибутами. Целевая установка данного процесса заключается в стимулировании социального прогресса, повышении классового сознания трудящихся масс и формировании всесторонне развитой личности посредством объективного, комплексного и глубокого отражения действительности, а также через трансляцию фактологических новостных сообщений и реализацию культурных мероприятий.

В противовес этому, трансляция аксиологических конструктов в западных капиталистических странах базируется на манипулятивных техниках и занимает реакционную позицию, стремясь препятствовать пробуждению и повышению классового сознания трудящихся всех стран путем информационных манипуляций. Этот фундаментальный конфликт между различными классовыми позициями является первопричиной дилеммы, с которой сталкивается современный Китай при экстернализации своих ценностных ориентиров – он отражает глубокий антагонизм классовых интересов в рамках различных социальных структур.

Дискурсивная система международной коммуникации современных китайских ценностей сталкивается с комплексом проблем, детерминированных как внутренними, так и внешними факторами. Во внутреннем контексте наблюдаются такие проблемы, как недостаточный потенциал внешней коммуникации, низкое международное влияние гуманитарных и социальных наук Китая, слабость академического дискурса и неэффективность механизмов культурного обмена. На международном уровне сопротивление обусловлено преимущественно долгосрочной дискурсивной гегемонией западных капиталистических стран.

Западные капиталистические государства в ходе исторического развития установили прочный контроль над доминирующими позициями в сфере международной коммуникации, трансформировав эту дискурсивную гегемонию в инструмент поддержания капиталистической системы и глобального доминирования. Таким образом, дихотомия между капиталистическими и соци-

алистическими ценностными ориентирами стала ключевым барьером на пути расширения международного влияния Китая и обретения им дискурсивной власти в коммуникационной сфере.

Среди внутренних факторов наиболее значимыми являются недостаточное развитие потенциала внешних коммуникаций и пассивность в международных академических обменах.

Недостаточный потенциал внешней коммуникации обусловлен дефицитом количества и качества платформ и носителей внешней коммуникации, а также недостаточной преемственностью политики внешней коммуникации. Для эффективной трансляции дискурса современных китайских ценностей на международной арене необходимы адекватные коммуникационные каналы. В настоящее время основными платформами являются традиционные медиа (радио, телевидение, печатные издания) и новые медиа (интернет-ресурсы). Китайское правительство демонстрирует определенные недоработки в обоих аспектах.

1. Традиционные медиа, несмотря на создание комплекса коммуникационных платформ для международного взаимодействия, демонстрируют низкую эффективность в трансляции ценностных ориентиров современного Китая из-за ограниченности аудитории за пределами страны.

2. В сфере новых медиа наблюдается недостаточное использование онлайн-ресурсов для продвижения системы дискурса зарубежной коммуникации о современных китайских ценностях. Технологические ограничения и идеологические факторы препятствуют полноценному использованию потенциала новых медиа, в то время как развитые капиталистические страны эффективно применяют эти инструменты для трансляции своих аксиологических конструкций.

3. Отмечается недостаточная преемственность в развитии стратегий зарубежного образования. Пример Институтов Конфуция демонстрирует текущие трудности в их функционировании и развитии, что негативно влияет на возможность китайского правительства в сфере международного дискурса и продвижения современных китайских ценностных ориентиров.

Вторым ключевым фактором, детерминирующим проблематику экстернализации современных китайских ценностных ориентиров, является низкое международное влияние гуманитарных и социальных наук КНР, а также пассивность и слабость международных академических обменов.

С начала периода реформ и открытости, под эгидой экономико-центричной парадигмы развития, Китай достиг значительных успехов в экономической и социальной сферах, существенно повысив материальный уровень жизни населения. Однако, фокусируясь на экономической инфраструктуре, страна уделяла недостаточное внимание развитию духовной цивилизации, что привело к дисбалансу в эволюции гуманитарных и общественных наук. В частности, естественные науки, благодаря своей прагматической ориентации, получили приоритетное развитие, в то время как гуманитарные и социальные дисциплины столкнулись с серьезными препятствиями, что отразилось на ослаблении их дискурса и снижении международного влияния. Основные причины данного феномена следующие.

1. Трансформация базовой экономической системы от плановой к социалистической рыночной модели привела к значительным изменениям в экономическом базисе, являющемся фундаментом надстройки. Одновременно с этим, в контексте реформ и открытости, произошло интенсивное проникновение капиталистической

идеологии в сферу гуманитарных и социальных наук Китая. Значительная часть этих дисциплин оказалась под влиянием ученых, придерживающихся буржуазной идеологии либерализации, что привело к постепенной эрозии китайского дискурса в данных областях. Академические дискурсы и исследовательские парадигмы подверглись существенной «вестернизации». Таким образом, некритическое принятие западных академических взглядов и традиций стало значимым фактором, обуславливающим дилемму в конструировании системы дискурса для внешней коммуникации современных китайских ценностей.

2. В контексте международных академических обменов и мероприятий китайские ученые в области гуманитарных и социальных наук демонстрируют недостаточную дискурсивную силу и слабое присутствие. Их участие зачастую носит пассивный характер, что препятствует усилению международного дискурса китайской академической сферы. Это, в свою очередь, ограничивает распространение современных китайских ценностей через каналы академического обмена и научной деятельности. Академический обмен является критически важным механизмом продвижения ценностных ориентиров современного Китая в зарубежном дискурсивном пространстве. Низкая академическая дискурсивная сила китайских гуманитарных и социальных наук на международной арене существенно ограничивает распространение и продвижение современных китайских ценностей. В результате, зарубежные ученые сталкиваются с трудностями в понимании и признании современных китайских ценностей через академические каналы, не говоря уже о проведении глубоких исследований, способствующих распространению этих ценностей в их странах.

Что касается международных факторов, ключевой детерминантой является долгосрочная гегемония западных капиталистических стран в сфере формирования международного общественного мнения. Эта гегемония, в свою очередь, обусловлена фундаментальным антагонизмом между социалистической и капиталистической идеологиями. Анализ факторов, препятствующих эффективной экстернализации современных китайских ценностных ориентиров, выявляет два ключевых аспекта международного контекста.

Во-первых, западные капиталистические страны долгое время доминируют в международном информационном пространстве. В условиях современной истории идеологическая борьба опирается на развитую и хорошо оснащённую техническую базу. Огромные объёмы информации, распространяемой через интернет, печатные издания, радио и телевидение, способны влиять на сознание людей, формируя их поведение в желаемом для пропагандистов направлении. Люди, помимо личного опыта, ежедневно получают новости через новые и традиционные медиа на международном уровне. В условиях классовой борьбы и существования двух противоположных общественно-политических систем – капитализма и социализма – новости неизбежно переплетаются с борьбой противостоящих социальных сил. В настоящее время западные капиталистические страны продолжают крепко удерживать контроль над международным медиапространством, включая как традиционные, так и новые медиа. Это обусловлено несколькими причинами.

1. Западные капиталистические страны, используя своё технологическое и экономическое превосходство, контролируют основные международные медиа, тогда как у других стран мало возможностей для значимого присутствия в этой сфере. Между ними существует фундаментальный конфликт интересов. Столкнувшись с вы-

зовами в области контроля над информационными потоками, западные страны неизбежно предпринимают шаги по противодействию и саботажу.

2. Содержание и формы распространения информации через международные медиа насыщены капиталистической идеологией. Материалы тщательно редактируются и подаются с учётом доминирующих западных ценностей и идеологических установок, чтобы направить аудиторию в нужное русло, обслуживая специфические интересы. В то же время ценности современного Китая основаны на социалистической идеологии, и их распространение неизбежно бросает вызов господствующей капиталистической парадигме, что противоречит интересам международной монополистической буржуазии, контролирующей основные медиа.

Во-вторых, современное состояние идеологической борьбы в мире остаётся крайне напряжённым. Каждый исторический период имеет свои особенности в идеологической борьбе, которые определяются классовой структурой общества и объективным положением различных классов и социальных групп. В наше время основная тенденция заключается в том, что марксизм-ленинизм, как идеология рабочего класса, противостоит различным формам и проявлениям буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. На практике это препятствует распространению ценностей современного Китая. Например, в теоретической борьбе важное место занимает вопрос о классовом характере гуманитарных наук. Западные капиталистические страны утверждают, что гуманитарные науки, подобно естественным, являются внеклассовыми, так как их основа якобы заключается не в интересах классов, а в интересах человеческой природы и «общих» интересах людей, не принадлежащих ни к одному классу. Однако это ошибочное представление. Марксизм утверждает, что в классовом обществе каждый человек принадлежит к определённому классу в зависимости от своего объективного положения. Интеллигенция не является отдельным классом, а объективно либо присоединяется к буржуазии, либо становится частью трудящихся масс. В.И. Ленин также утверждал, что «внеклассовая» позиция невозможна: «каждому человеку стать или по эту, нашу, сторону, или по другую. Все попытки не стать ни на одну, ни на другую сторону заканчиваются крахом и скандалом» [1, с. 401]. Это проявляется в следующих аспектах.

1. С момента начала реформ и открытости в 1978 году западные капиталистические страны систематически осуществляли идеологическую экспансию в Китай, что привело к серьёзным изменениям в сознании населения, и часть общества оказалась под влиянием капиталистической идеологии, став «раковой опухолью» для развития социалистического общества. В таких условиях распространение социалистических ценностей сталкивается с серьёзными препятствиями даже внутри страны. Не сформировав внутренней уверенности в своих ценностях, Китай ещё более уязвим в международной коммуникации.

2. Западные капиталистические страны, осуществляя идеологическую экспансию в Китай, сами не допустят лёгкого проникновения китайских ценностей в своё общественное сознание, так как это подорвало бы их устоявшуюся капиталистическую идеологию и угрожало бы политической легитимности буржуазии.

Микростратегии коммуникации ценностей в современном Китае

Марксистско-ленинская теория государства утверждает, что политика является определяющим фактором в дея-

тельности партии и социалистического государства. Развитие социалистического общества подчиняется объективным законам исторического процесса, которые партия учитывает в своей политической работе. Сила политики Коммунистической партии заключается в её научной основе, которая опирается на законы общественного развития и сохраняет неразрывную связь с практикой. Это выражается в том, что политика партии представляет собой отражение коренных интересов трудящихся масс, которые соответствуют объективным тенденциям исторического развития. Как отмечал В.И. Ленин, раскрывая природу «Политика из хаоса и обмана стала нау» [2, с. 443]. Именно это превращение политики в науку и является основой её эффективности в социалистическом обществе, где она выражает и защищает интересы большинства, направляя развитие общества в соответствии с диалектическими законами исторического материализма.

При международном распространении современных китайских ценностей, несмотря на разнообразие применяемых методов, необходимо выработать конкретные и чётко структурированные пути их реализации, чтобы обеспечить эффективность и влияние этого процесса. Только посредством целенаправленных мер и системных стратегий можно способствовать продвижению дискурса китайских ценностей на глобальной арене и достичь существенного прогресса. Данная коммуникационная деятельность связана не только с формированием позитивного образа китайской культуры на международной арене, но и с укреплением национальной «мягкой силы». В связи с этим коммуникационные стратегии могут быть разделены на несколько ключевых направлений.

Во-первых, необходимо усилить потенциал средств массовой информации и создать систему внешнего дискурса, которая будет основана на ценностях современного Китая. В условиях цифровой эпохи СМИ, как основной инструмент распространения общественной идеологии, играют важную роль в определении влияния страны в глобальной системе дискурса. С развитием информационных технологий онлайн-СМИ стали главным источником получения информации для мировой аудитории, однако традиционные СМИ по-прежнему сохраняют свою значимость, особенно в контексте формирования общественного мнения и дискурса. В связи с этим Китай должен создать всеобъемлющую платформу для медийной коммуникации, которая будет обеспечивать широкий охват и соответствовать международным стандартам политической корректности. Китайский ученый Вэй Цайцзян подчеркивает, что для достижения этой цели необходимо сформировать систему иностранного дискурса, которая гармонично объединит национальные ценности Китая и требования глобальной аудитории [3]. Реализация данной задачи может быть представлена следующими шагами.

1. Продолжение использования преимуществ традиционных медиа, таких как печатная пресса, радио и телевидение. Хотя их влияние уступает новым медиа, их авторитет и надёжность делают их незаменимыми источниками информации, которые продолжают играть ключевую роль в формировании общественного мнения. Традиционные СМИ также служат источником контента для «я-медиа» (персонализированные медиа), благодаря чему продолжают влиять на направление коммуникации. В этом контексте Китай должен усилить свою дискурсивную мощь на международной арене, обогатить контент, созданный традиционными медиа, и продемонстрировать мировому сообществу реалии современного Китая более объективным и многообразным образом.

2. Активное использование онлайн-платформ и новых медиа для адаптации к потребностям цифровой

эпохи. Важно не только разрабатывать новые медийные платформы, но и активно внедрять современные технологии, чтобы создать более гибкие и персонализированные подходы к взаимодействию с глобальной аудиторией. Контент этих медиа должен быть разнообразным, ярким и интерактивным, что позволит приблизить его к повседневной жизни людей и улучшить восприятие китайских ценностей. Необходимо также учитывать культурные и психологические различия аудитории разных стран для обеспечения более эффективной и целевой коммуникации.

Во-вторых, необходимо содействовать международному распространению китайской культуры, используя культурные обмены как эффективный инструмент для распространения ценностных ориентиров. Культура представляет собой концентрированное выражение национальной идентичности и духовных устремлений общества. Китайская культура, обладая тысячелетней историей, не только воплощает в себе богатый исторический опыт, но и отражает идеологические ценности и социальные нормы китайского народа. В этом контексте культура становится важным средством международной коммуникации, посредством которого могут быть переданы ключевые ценности современного Китая. Конкретные меры в этом направлении могут включать следующее.

1. Интеграция распространения китайских ценностей в международный маркетинг культурной продукции. Китайские фильмы, телевизионные сериалы, музыка и другие культурные продукты за последние годы приобрели значительное влияние на мировых рынках. Это стало важным инструментом для продвижения китайских ценностей на международной арене. Важным аспектом является воплощение в культурной продукции таких ключевых элементов, как социалистическая система ценностей, идеи мирного сосуществования и модели взаимовыгодного сотрудничества. Посредством культурных продуктов можно мягко влиять на восприятие мировой аудиторией Китая и его современной модели развития, постепенно изменяя её представления.

2. Расширение системы ценностного дискурса Китая через двусторонние и многосторонние культурные обмены. С начала XXI века Китай активно проводит масштабные двусторонние и многосторонние культурные мероприятия, такие как «Год культуры» и «Год наций», которые стали важными платформами для продвижения китайских ценностей. Эти события способствуют углублению взаимопонимания между китайской и иностранными культурами, укрепляют культурный обмен и создают условия для демонстрации ценностного дискурса Китая. Примером успешного культурного обмена может служить инициатива правительства Китая, начатая в 2023 году, по введению односторонней безвизовой системы для граждан ряда стран. Это позволило существенно увеличить приток иностранцев в Китай, что оказало значительное политическое и культурное влияние. Согласно данным Национального иммиграционного бюро Китая, за период с января по июнь 2024 года Китай посетили 14 635 000 иностранцев, что на 152,7% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Из них 8,542 миллиона человек воспользовались безвизовым въездом, что на 190,1% больше, чем в предыдущем году [4]. Иностранные посетители активно делятся своими впечатлениями о пребывании в Китае, что привлекло внимание международных СМИ и вызвало значительный резонанс в социальных сетях. Эти культурные инициативы способствуют тому, что международная аудитория получает возможность ближе познакомиться с современной китайской культурой и ценностями, что

укрепляет их понимание и восприятие Китая как страны с уникальной культурной идентичностью.

В-третьих, использование «живых носителей» для межкультурного и межличностного распространения современных китайских ценностей. В рамках теории коммуникации термин «живые носители» отличается от традиционных материальных средств передачи информации. Он относится к процессам коммуникации, основанным на личном общении, при котором информация передается через прямое взаимодействие субъектов. Этот подход коммуникации, предполагающий «субъект-субъектный» диалог, обладает большей гибкостью и адаптивностью по сравнению с традиционными физическими носителями, так как позволяет не только первичную, но и вторичную обработку информации в зависимости от потребностей и восприятия аудитории. Таким образом, коммуникатор выступает не только в роли передатчика, но и интерпретатора информации, способного адаптировать её в процессе общения. Особая роль «живых носителей» в межличностной коммуникации может быть реализована через следующие ключевые направления.

1. Международный туризм как важный инструмент распространения современных китайских ценностей. С ростом китайской экономики и повышением уровня благосостояния граждан количество китайских туристов за рубежом стремительно увеличивается. Эти путешествия не только предоставляют им возможность для культурного обмена, но и делают их активными проводниками китайских ценностей. В процессе общения с иностранной аудиторией китайские туристы могут передавать национальные культурные и социальные нормы через свои слова, поведение и рассказы о стране. Таким образом, они становятся важным каналом для распространения китайских ценностей в глобальном масштабе.

2. Иностранные студенты как ключевые агенты распространения китайских ценностей. Иностранные студенты играют важную роль в качестве «живых носителей» культурных ценностей. Они представляют собой не только участников образовательного обмена, но и важное средство межкультурной коммуникации. Китайские студенты за рубежом, как и иностранные студенты, обучающиеся в Китае, взаимодействуют с мультикультурной средой и, благодаря этому, могут эффективно распространять китайские ценности через академические и общественные каналы. Будь то в ходе учебы или повседневной жизни, они становятся интерпретаторами китайской культуры и современных идеологических ценностей. Например, китайские студенты, обучающиеся за границей, через взаимодействие с зарубежной академической средой и местными сообществами, способствуют пониманию китайской культуры и основных принципов современного китайского общества. В то же время иностранные студенты, обучающиеся в Китае, получают возможность глубже понять культурные и социальные аспекты страны. По возвращении на родину они могут стать активными распространителями китайских ценностей, способствуя дальнейшему культурному и идеологическому влиянию Китая. Примером успешного использования «живых носителей» является китайско-российское культурное сотрудничество. После начала конфликта на Украине в 2014 году культурные, образовательные и туристические обмены между Китаем и Россией значительно расширились. Это способствовало улучшению восприятия Китая в российском обществе. Согласно данным ВЦИОМ, с 2014 года доля россиян, рассматривающих Китай как экономического и политического соперника, сократилась с 21–24%

до 8%. Одновременно возросло число тех, кто видит в Китае стратегического и экономического партнера – за 18 лет этот показатель вырос на 22 процентных пункта [5]. Более того, 65% россиян считают Китай самым близким партнером России, а 92% положительно относятся к этой стране (данные Левада-Центра) [6].

Подводя итог, можно утверждать, что успешная реализация современных китайских ценностей в международной коммуникации зависит от последовательного и целенаправленного применения комплекса конкретных мер на микроуровне. Независимо от того, идет ли речь о работе с медиа, культурных обменах или межличностном взаимодействии через «живых носителей», все стратегии должны учитывать культурные и идеологические различия в условиях глобализации. Это требует разработки гибких и адаптивных коммуникационных методов, которые будут направлены на эффективное восприятие китайских ценностей различными аудиториями. Распространение современных китайских ценностей представляет собой не только процесс культурной экспансии, но и стратегически важный шаг к укреплению авторитета и влияния Китая на международной арене, в том числе в сфере общественного мнения. В условиях сложной и нестабильной международной обстановки Китай должен использовать диверсифицированные и инновационные методы коммуникации, способствующие активному обмену и диалогу ценностей в глобальном масштабе. Это позволит не только усилить роль Китая в мировом сообществе, но и способствовать формированию более широкой и глубокой культурной идентичности, которая будет признана на международной арене.

Макро-стратегии коммуникации ценностей в современном Китае

Распространение современных китайских ценностей за рубежом зависит не только от технологий и культурных продуктов, но и требует многоуровневого институционального и организационного подхода. В этом процессе ключевую роль играют зарубежные учреждения, которые должны не только выполнять дипломатические и экономические задачи, но и активно продвигать современные китайские ценности. Для достижения этой цели необходима координация на всех уровнях и системное планирование. Конкретные стратегии включают следующие меры:

Во-первых, следует максимально использовать потенциал дипломатических миссий Китая для распространения ценностей современного Китая. Китайские посольства и консульства за рубежом, как «окна» национального имиджа, обладают уникальными географическими и культурными преимуществами. **Во-первых**, они могут организовывать культурные обмены, экономические форумы и научные конференции, где китайские ценности могут быть интегрированы в содержание мероприятий. Это позволит эффективно продемонстрировать мягкую силу Китая, а также оказывать тонкое влияние на восприятие Китая местным населением, академическими кругами, правительством и бизнес-сообществом. **Во-вторых**, дипломатические миссии могут использовать публичную дипломатию, распространяя через местные медиа и социальные платформы информацию о политике, культуре и ценностях Китая, чтобы обеспечить широкое освещение. Кроме того, можно создать механизм оценки эффективности культурных мероприятий, проводимых за границей, с регулярными количественными оценками их воздействия. Таким образом, дипломатические миссии становятся важными рупорами и посредниками в распространении современных китайских ценностей на международной арене.

Во-вторых, необходимо усилить возможности зарубежных учреждений китайских СМИ в сфере международной коммуникации. Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного мнения и определении повестки дня, поэтому их значение в борьбе за международное влияние трудно переоценить. Китаю следует активнее развивать и расширять зарубежные отделения своих СМИ, чтобы обеспечить прямое донесение китайской позиции на международных медиаплатформах. Зарубежные журналисты должны не только освещать внутреннюю и внешнюю политику Китая, его экономическое развитие и социальный прогресс, но и через аналитические материалы и специализированные программы представлять международной аудитории ключевые ценности Китая, такие как мирное развитие, взаимовыгодное сотрудничество и социальная справедливость. Такая гибкость и разнообразие в подаче информации помогут сломать западную монополию на международное медиапространство и усилить позицию Китая в глобальной информационной среде.

В-третьих, Китай может расширить своё влияние через международное коммунистическое движение. Исторические корни этого движения тесно связаны с развитием социализма в Китае, что делает его важным каналом для распространения современных китайских ценностей. В этом контексте возможны следующие шаги:

1) способствовать объединению левых партий пролетарского характера по всему миру, создавая более широкую сеть для распространения марксистских ценностей;

2) содействовать объединению профсоюзов пролетарского характера на международном уровне, используя рабочее движение для продвижения социалистических ценностей;

3) укреплять сотрудничество между марксистскими и левыми академическими группами для расширения теоретических исследований и повышения глубины их распространения;

4) объединять усилия марксистских и левых СМИ для создания международной сети, с которой можно будет эффективно распространять социалистические идеи;

5) организовывать международные марксистские и левые форумы для обсуждения стратегий и идей, направленных на координацию действий левых сил в мире;

6) поддерживать взаимную поддержку между различными левыми движениями, чтобы через коллективные действия расширять влияние социалистических и коммунистических идей на международном уровне. Важно также укреплять теоретические и стратегические обмены, избегая ненужных споров и расколов, подобных тем, что привели к разрыву международного коммунистического движения в результате советско-китайских дискуссий, которые предоставили западным капиталистическим силам возможность усилить свою борьбу с марксизмом. Китай должен учитывать эти исторические уроки и стремиться к объединению всех левых сил для создания более широкой социалистической международной коалиции.

В-четвёртых, через миротворческие операции и другие международные задачи Китай может продемонстрировать свои ценности. Миротворческая деятельность Китая на международной арене является важным способом продемонстрировать его образ ответственной мировой державы. Хотя китайское военное присутствие за рубежом относительно скромно, участие Китая в миссиях ООН по поддержанию мира позволяет продвигать китайские ценности. Проявляя приверженность миру, развитию и международному сотрудничеству, Китай

укрепляет признание своих ценностей международным сообществом.

Заключение

В целом, международное распространение современных китайских ценностей представляет собой многомерное социальное явление, отражающее диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений, а также экономического базиса и надстройки на конкретном историческом этапе. Исторический материализм служит теоретической основой для понимания этого процесса, раскрывая внутреннюю логику социалистической идеологии с китайской спецификой и объективные потребности межкультурной коммуникации в условиях глобализации.

Исследования показывают, что в настоящее время международная коммуникация китайских ценностей сталкивается с рядом вызовов: недостаточность внутреннего коммуникационного потенциала, необходимость усиления международного влияния в области гуманитарных и социальных наук, доминирование западных капиталистических стран в дискурсе международного общественного мнения, что создает идеологические барьеры, а также сохранение глобальных идеологических различий, влияющих на восприятие китайских ценностей. Эти проблемы свидетельствуют о наличии структурных противоречий в международной коммуникации, которые требуют систематического подхода для их преодоления.

В данном контексте предлагается ряд мер противодействия как на микро-, так и на макроуровне. На микроуровне меры включают укрепление коммуникационного потенциала СМИ, интернационализацию культурных продуктов и использование «живых носителей» для межкультурного межличностного общения. На макроуровне акцент делается на более активном использовании потенциала зарубежных институтов, усилении международного влияния новостных СМИ, использовании международного коммунистического движения для расширения влияния, а также демонстрации ценностей Китая через участие в международных миротворческих операциях. Формулирование данных стратегий основано на глубоком анализе законов общественного развития с учётом определяющей роли экономического базиса в отношении надстройки, а также признания обратного воздействия надстройки на экономический базис.

Ожидается, что благодаря диверсифицированным и систематическим каналам коммуникации китайские ценности будут получать более широкое понимание и признание на глобальной арене. Тем не менее, международное распространение ценностей является долгосрочным социальным процессом, который требует постоянной корректировки и оптимизации стратегий на практике. Будущие исследования могут быть направлены на изучение того, как обеспечить эффективный диалог между китайскими ценностями и другими культурами в условиях глобализации, а также на создание научной системы оценки эффективности коммуникационных усилий для укрепления теоретической и практической базы международной коммуникации китайских ценностей.

Литература

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 41. – М.: Издательство политической литературы, 1981.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 23. – М.: Издательство политической литературы, 1973.
3. Вэй Цайцзян. Народная демократия во всем процессе: построение дискурса и международное распространение. – URL: https://www.cssn.cn/skgz/202304/t20230411_5619070.shtml
4. Государственное управление по делам миграции. В январе-июне число прибывших иностранцев увеличилось на 152,7% по сравнению с прошлым годом. – URL: <https://www.nia.gov.cn/n741440/n741567/c1660229/content.html>.
5. ВЦИОМ. Россия и Китай: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-kitai-monitoring?ysclid=m18rczchs810679800>
6. Левادا-центр. Массовые представления о дружественных и недружественных странах, отношении к некоторым странам. – URL: <https://www.levada.ru/2024/06/14/massovye-predstavleniya-o-druzhestvennyh-i-nedruzhestvennyh-stranah-otnoshenie-k-nekotorym-stranam/>

IDEOLOGICAL CHALLENGES AND STRATEGIES FOR GLOBAL COMMUNICATION OF CHINESE VALUES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL CONFRONTATION

Li Zhuoru, Wu Zeren

Lomonosov Moscow State University (Russia)

The article examines the ideological challenges faced by modern China in the global communication of its values amid intensified international confrontation. Utilizing the methodology of historical and dialectical materialism, the authors analyze the dialectical contradictions between capitalist and socialist axiological systems, which complicate the dissemination of Chinese values on the global stage. The study focuses on both internal and external challenges, such as the underdevelopment of humanities in China, the dominance of Western media, and the low potential for international communication. The article proposes micro and macro strategies to overcome these challenges, including strengthening media platforms, internationalizing Chinese culture, and using «live carriers» for intercultural communication. This research makes a contribution to the theoretical foundation of international communication of Chinese values, filling gaps in interdisciplinary studies of cultural diplomacy and global political sociology.

Keywords: global communication, Chinese values, dialectical materialism, ideological struggle, cultural diplomacy.

References

1. Lenin V.I. Complete Works. Volume 41. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1981.
2. Lenin V.I. Complete Works. Volume 23. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1973.
3. Wei Caijiang. People's Democracy in the Whole Process: Discourse Construction and International Dissemination. – URL: https://www.cssn.cn/skgz/202304/t20230411_5619070.shtml
4. State Administration for Migration Affairs. In January-June, the Number of Foreign Arrivals Increased by 152.7% Compared with Last Year. – URL: <https://www.nia.gov.cn/n741440/n741567/c1660229/content.html>.
5. VTsIOM. Russia and China: Monitoring. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-kitai-monitoring?ysclid=m18rczchs810679800>
6. Levada Center. Mass ideas about friendly and unfriendly countries, attitudes towards some countries. – URL: <https://www.levada.ru/2024/06/14/massovye-predstavleniya-o-druzhestvennyh-i-nedruzhestvennyh-stranah-otnoshenie-k-nekotorym-stranam/>

Самообразование как неотъемлемая часть профессиональной деятельности современного преподавателя иностранных языков

Тарасова Александра Васильевна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский университет
МВД России
E-mail: alexandrina55@mail.ru

Статья посвящена изучению вопросов самообразования как неотъемлемой части профессиональной деятельности современного преподавателя иностранных языков. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Постулируется о том, что современный преподаватель иностранного языка должен обладать комплексным набором специальных навыков (скилл-кейсом), группирующихся в три модуля (скилл-бокса): профессиональные («жесткие»), гибкие («мягкие») и навыки самоуправления («самонавыки»). Высказывается предположение о том, что в условиях строгой корреляции всех составляющих данных групп, активный процесс их развития и экзистенциальное качество (выраженное в получаемых предметных и метапредметных результатах обучающихся) находится в прямой зависимости от блока самонавыков, ядром которых является навык самообразования. Обосновывается положение навыка самообразования в экосистеме самонавыков преподавателя иностранных языков, описывается его содержание и структура. Предлагается авторское определение понятия «навык самообразования преподавателя иностранных языков». Даются рекомендации по формированию и развитию данного навыка, отдельное внимание уделяется проблеме самоопределения, самонавигации и самоорганизации педагога. По мнению автора, достаточная кристаллизация навыка самообразования преподавателя иностранных языков (переход на уровень «привычки») может оказать положительное влияние на общую модель (стратегию, тактику, подход, инструментарий, технологии и проч.) преподавания, ее качество и эффективность, а именно стать предиктором для формирования и развития данного навыка у самих обучающихся – в будущем конкурентоспособных специалистов.

Ключевые слова: самообразование, преподаватель иностранных языков, экзистенциальные навыки, самонавыки, метапредметный результат.

Геополитическая обстановка на мировой арене все более оказывает влияние на мировоззрение национального общества и, как следствие, модель управления большими институциональными системами. Оптическим примером такой системы является **высшее образование**, механизм трансформация которого, в сущности, и (или) на перспективу уже запущен. Одним из множественных, однако, вместе с тем убедительных доказательств этому является пилотная реформа отказа от Болонской модели, основная идея которой заключается в переходе на новую двухуровневую систему высшего образования – базовое и специализированное, – с более плавающим режимом периода обучения [2]. Для отдельных профессиональных направлений, таких как *медицина, педагогика, инженерия и проч.*, предполагается более длительный срок обучения, что, на наш взгляд, является шагом в верном направлении.

Одновременно с этим, национализация системы высшего образования демонстрирует некоторые противоречия. Так, например, Минобрнауки России, исключило из списка вступительных испытаний для ряда специальностей, среди которых, менеджмент, экономика и управление персоналом, иностранный язык, что, по справедливому замечанию Г.А. Краснощековой, создает потенциал к еще большему разрыву преемственности в обучении иностранным языкам двумя ступенями образования [8, с. 9]. Отмечается, что в настоящее время ВУЗы вправе самостоятельно устанавливать иностранный язык в качестве экзамена для всех специальностей, за исключением «военно-политической работы». Однако, в большинстве случаев данная возможность не используется.

Принимая во внимание тренды трансформации стратегий преподавания иностранных языков последних лет, как в российских школах, так и в ВУЗах, обуславливающих существенное сокращение количества учебных часов на данную дисциплину [9, 12], в ближайшей перспективе может ожидать **снижение удельного веса конкурентоспособных специалистов**, способных к профессиональному отбору, иными словами готовых к «естественному отбору» на международном (внутреннем и внешнем) рынке труда, в конкретной отрасли/сфере профессиональной деятельности. Вышесказанное приводит нас к заключению о том, что ответственность за обучение, воспитание и развитие «специалистов будущего» полностью и всецело ложится на **педагогическое сообщество**.

Согласно основному запросу на перспективу, такой специалист должен обладать комплексным набором навыков, который включает в себя три базисных блока: профессиональные, или так называемые «жесткие» навыки (англ. *hard skills*), покрывающие ключевые компетенции, гибкие, или «мягкие» навыки (англ. *soft skills*), позволяющие специалисту быть «контактным» со всеми участниками процесса производства конкретного блага (коммуникационные, лидерские, креативные, личностные и проч. навыки), а также так называемые самонавыки (саморегулирование, самоорганизации, самообразования и проч.) (англ. *self-skills*) [7]. Мы разделяем позицию экспертов *Global Education Futures* и *World Skill*

Russia о том, что между компонентами каждого блока существует строгая корреляция, однако центральное положение в данной экосистеме занимает **группа самонавыков** [10] (см. рисунок 1). Данный набор навыков, как отмечает Т.М. Ковалева, позволяет индивиду **управлять другими компетенциями** (профессиональными и гибкими) и **контролировать степень их освоения** [5, с. 19].

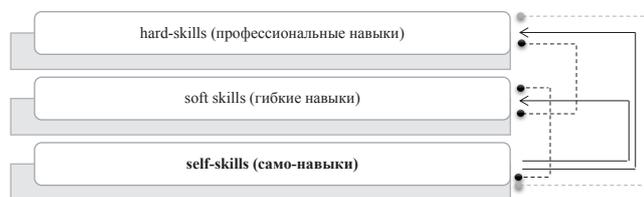

Рис. 1. Укрупненная схема корреляции основных групп навыков преподавателя иностранных языков

Источник: составлено автором

В общем случае, данная группа навыков включает в себя компетенции, связанные с самоопределением, самонавигацией и самоорганизацией индивида (внешний контур) [3, 4, 15], начало которым дают так называемые «**базовые**» и вновь формируемые – **лонгтейл-субнавыки** (англ. long tail – длинный хвост) (внутренний контур). К первым, как правило относятся: «концентрация и управление вниманием», «эмоциональная грамотность», «цифровая грамотность», «творчество/креативность», «экологическое мышление», «кросскультурность» и «способность к обучению/самообучению». Лонгтейл-субнавыки, в свою очередь, будут развиваться настолько быстро и эффективно, насколько более отдаленной от стандартной будет ситуация применения «базового» навыка.

Так, преподаватель иностранного языка может использовать классические подходы/методы обучения, может применить тот или иной подход/метод однократно (например, для проверки его эффективности на практике, имея лишь теоретические знания о нем), однако лишь постоянное получение знания извне о новых подходах/методах и апробация их в рамках аудитории для нахождения наиболее функционального, позволит сформироваться лонгтейл-субнавыку самообучения с целью совершенствования отдельных профессиональных компетенций («жестких» навыков). Таким образом, «базовый» навык самообразования педагога становится **экзистенциальным**, то есть развиваемым в течение жизни.

Если группа само-навыков является «управляющей» во всем скилл-кейсе преподавателя иностранных языков, то **субнавык самообразования** является «управляющим» в своем блоке (группе). Мы исходим из того, **новое знание**, получаемое педагогом извне, расширяет спектр альтернатив не только его конкретно-профессиональной (методов, подходов, техник и технологий преподавания для целей достижения предметных и метапредметных результатов обучающихся), но и индивидуальной [жизне-]деятельности; иными словами, речь идет о видении педагогом траектории своего развития (*навык самонавигации*), понимание (осознание) конечной цели прохождения каждого из этапов своего профессионального пути согласно этой траектории (*навык самоопределения*) и владение знанием об инструментах, использование которых позволит этой цели достичь (*навык самоорганизации*). Также мы склонны согласиться с мнением Б.К. Рата и соавт. о том, что еще одним важным компонентом экосистемы само-навыков педагога является *навык управления временем*, который позволяет, согласно нашей логике, проходить ключевые точки профессионального пути в запланированные (или

близкие в этому) сроки, в том числе с расчетов на время, затрачиваемое на апробацию каждого альтернативного инструмента [17].

Готовность (способность) применить данное новое знание на практике и, соответственно, получение в результате желаемого (ожидаемого) эффекта («успех преподавателя – успех обучающегося») будет запуск процесса формирования навыка высшего порядка – **мета-навыка самоуправления** (англ. self-management skill) [6, 11]. Однако, это лишь внешний контур; ранее мы говорили о том, что внутренний контур экосистемы само-навыков составляют «базовые» и лонгтейл субнавыки. Вместе с тем, учитывая их связь с профессиональными компетенциями, в данный перечень также требует включение **«специальных» субнавыков**, то есть ассоциированных деятельностью преподавателя иностранных языков позициями (см. рисунок 2).

Рис. 2. Экосистема самонавыков преподавателя иностранных языков и положение в ней навыка самообразования

Источник: составлено автором

Как правило, к данным субнавыкам относят [1, 13, 16]: *конкретно-профессиональный* (расширение объема и качества знаний в области своего предмета, включая ретро-, перспективный и проблемный аспект), *методический* (изучение новых методов, подходов, инструментов, техник и проч. для апробации в аудитории), *информационно-коммуникационный (дигитальный)* («умное» материально-технологическое обеспечение образовательного процесса в соответствии с возможностями ВУЗа, самого преподавателя, обучающихся, с опорой на доказательную эффективность той или иной образовательной технологии), *психолого-педагогический* (ориентация на базовые условия взаимодействия с аудиторией, а также выбор оптимальной тактики установок социальной связи с обучающимися), *психологический* (формирование профессионального имиджа, выбор тактики влияния, стратегии установления двустороннего общения посредством импровизации, артистизма и проч.), *навык здоровьесбережения* (интеграция в образовательный процесс здоровьесберегающих технологий, владение навыками управления физическим и психическим здоровьем и проч.) и другие.

Суммируя вышесказанное, мы предлагаем рассматривать **навык самообразования** (англ. self-education skill) как субкомпетенцию, предполагающую умение получать извне новое, актуальное и доказательное знание, которое может быть полезно применено в профессиональной или околопрофессиональной деятельности (например, участие в профессиональном мероприятии – конференция, круглый стол, форум и проч.) в соответствии с приоритетами задач, стоящих на конкретный момент времени перед преподавателем иностранных языков. Решение данных задач позволит педагогу совершенствовать имеющиеся и (или) формировать новые «базовые», «специальные» и лонгтейл-субнавыки,

способствуя тем самым постановке и (или) коррекции направления (направлений, в целом траектории), промежуточных и конечной цели профессионального развития (пути). Механика достижения данного результата, на наш взгляд, должна опираться на классическую **модель SMART**, предполагающей, что определенные педагогом указанные приоритетные задачи будут конкретными, достижимыми, актуальными и ограниченными по времени, для обеспечения их ясности и решаемости [14]. Документирование данных задач в виде чек-листа или дорожной карты с целью обеспечения предиктивного тайм-менеджмента, а также поддержания уровня мотивационной рефлексии и ориентации на результат.

Мы склонны полагать, что достаточная кристаллизация навыка самообразования педагога (переход на уровень «привычки») может оказать положительное влияние на общую модель (стратегию, тактику, подход, инструментарий, технологии и проч.) преподавания, ее качество и эффективность, а именно стать предиктором для формирования и развития данного навыка у самих обучающихся, что может оказать положительное влияние и изменить вектор регресса иноязычного образования в нашей стране. На конкретный момент времени требуется продолжать накапливать и развивать научное, а в последующем и эмпирическое знание, позволяющее объяснить не только сам феномен самонавыков относительно практикующего преподавателя иностранных языков (в том числе в отдельности от «жестких» и «гибких» навыков), но и их ролевые позиции и значение в оптимизации и расширении кейса компетенций педагога, которые позволят обеспечить достойный уровень обучения иностранным языкам современных студентов – в будущем конкурентоспособных специалистов.

Литература

1. Башлуева Н.Н. Составляющие педагогического процесса самообразования преподавателя по дисциплине «иностраный язык» // Современное педагогическое образование. 2019. № 10. С. 44–47.
2. Богданова И.И. Отмена болонской системы: проблемы и перспективы высшего образования в России // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. № 8. С. 11–16.
3. Кабанова Л.А., Шкунова А.А. Проектирование индивидуальных образовательных траекторий в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59–3. С. 339–343.
4. Ковалева Т.М. Группа Self skills как компетентностный язык формирования «онтологической заботы о себе» // Тьюторство в открытом образовательном пространстве: языки описания и работы с «самостью» – развитие личности; становление субъектности; формирование self skills: сб. мат. XI–II Межд. науч.-практ. конф. (XXV Всероссийской научно-практической конференции), 27–28 октября 2020 г. – М.: Ресурс, 2020. – С. 17–23.
5. Ковалева Т.М. «Self skills» и современное педагогическое образование // Тьюторство в открытом образовательном пространстве: педагогическое образование как становящаяся антропопрактика: Сб. материалов XIV Международной научно-практической конференции (XXVI Всероссийской научно-практической конференции), Москва, 26–27 октября 2021 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ДПК Пресс», 2021. – С. 16–22.
6. Кондрашова Р.Ю., Поплавская О.В. Профессиональная культура преподавателя высшей школы //

Волгоградский научно-медицинский журнал. 2022. № 1. С. 51–61.

7. Костюкович Е.Ю. Влияние гуманитарных дисциплин (на примере дисциплины «Иностраный язык») на формирование профессиональной культуры студентов технических ВУЗов // Современное профессиональное образование. 2023. № 5. С. 103–108.
8. Краснощекова Г.А. Теория и практика языкового образования студентов технических вузов: монография. – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – 72 с.
9. Куклина А.И. К вопросу о сохранении качества обучения иностранным языкам в неязыковом вузе в условиях сокращения академических часов // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97–2. С. 42–45.
10. Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И., Смагин И., Судаков Д. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире: доклад. – М.: Ворлдскиллс Россия, 2020. – 93 с.
11. Осипова О.П., Шклярова О.А. Ресурс самоменеджмента в повышении профессиональной жизнеспособности и развитии управленческой культуры педагогических работников // Проблемы современного образования. 2020. № 5. С. 202–213.
12. Пахмутова Е.Д., Лаптева И.В., Прожога А.В. Учебные стратегии для непрерывного языкового обучения (неязыковой вуз) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–1(73). С. 197–203.
13. Романова Е.Н. Формирование дискуссионных умений в процессе обучения иностранному языку // Проектирование. Опыт. Результат. 2023. № 3. С. 38–41.
14. Создание эффективной модели самообразования педагогического коллектива в образовательных учреждениях (из опыта работы МБОУ гимназии № 18 в рамках МИП): коллективная монография / под ред. Ю.Ю. Боцовой. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «SociosféraCZ», 2018. – 88 с.
15. Соловова Н.В., Калмыкова Д.А., Суханкина Н.В. Индивидуальные образовательные траектории: конструирование и образовательные результаты // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2023. № 2 (119). С. 160–169.
16. Тарасова А.В. О роли профессионального самообразования преподавателя (на примере преподавателя иностранных языков) // Живая психология. 2024. Т. 11, № 2(50). С. 92–96.
17. Rață, B.C., Ciolcă, C., Butnariu, M. et al. Building Time Management Skills through the Teaching Practice Activity // Revista Românească pentru Educație Multidimensională. 2022. Vol. 14(3). P. 88–100.

SELF-EDUCATION AS AN INTEGRAL PART OF THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF A MODERN FOREIGN LANGUAGE TEACHER

Tarasova A.V.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the study of self-education issues as an integral part of the professional activity of a modern teacher of foreign languages. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. It is postulated that a modern teacher of a foreign language should have a complete set of special skills (skill case), grouped into three groups (skill box): professional (“hard”), flexible (“soft”) and self-management skills (“self-skills”). It is suggested that in conditions of strict correlation of all components of these groups, the active process of their development and existential quality (expressed in the obtained subject and meta-subject results of students) is directly dependent on the block of self-skills, the core of which is the skill of self-education. The position of the

skill of self-education in the ecosystem of self-skills of a teacher of foreign languages is substantiated, its content and structure are described. The author's definition of the concept of "self-education skill of a teacher of foreign languages" is proposed. Recommendations are given for the formation and development of this skill, special attention is paid to the problem of self-determination, self-navigation and self-organization of the teacher. According to the author, sufficient crystallization of the skill of self-education of a foreign language teacher (transition to the level of "habit") can have a positive effect on the general model (strategy, tactics, approach, tools, technologies, etc.) of teaching, its quality and effectiveness, namely, it can become a predictor for the formation and development of this skill in the students themselves – in the future, competitive specialists.

Keywords: self-education, foreign language teacher, existential skills, self-skills, meta-subject result.

References

1. Bashlueva N.N. Components of the pedagogical process of self-education of a teacher in the discipline "foreign language" // *Modern pedagogical education*. 2019. No. 10. Pp. 44–47.
2. Bogdanova I.I. Abolition of the Bologna system: problems and prospects of higher education in Russia // *Actual problems of pedagogy and psychology*. 2022. No. 8. Pp. 11–16.
3. Kabanova L.A., Shkunova A.A. Designing individual educational trajectories at the university // *Problems of modern pedagogical education*. 2018. No. 59–3. Pp. 339–343.
4. Kovaleva T.M. The Self Skills Group as a Competence-Based Language for Forming "Ontological Self-Care" // *Tutoring in an Open Educational Space: Languages of Description and Work with the "Self" – Personality Development; Formation of Subjectivity; Formation of Self Skills: Collection of Materials of the XIII Int. Res. and Pract. Conf. (XXV All-Russian Scientific and Practical Conference)*, October 27–28, 2020 – Moscow: Resource, 2020. – Pp. 17–23.
5. Kovaleva T. M. "Self Skills" and Modern Pedagogical Education // *Tutoring in an Open Educational Space: Pedagogical Education as an Emerging Anthropopractic: Collection of Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference (XXVI All-Russian Scientific and Practical Conference)*, Moscow, October 26–27, 2021. – Moscow: Limited Liability Company "DPK Press", 2021. – P. 16–22.
6. Kondrashova R.Yu., Poplavskaya O.V. Professional culture of a higher education teacher // *Volgograd Scientific Medical Journal*. 2022. No. 1. P. 51–61.
7. Kostyukovich E. Yu. The influence of humanitarian disciplines (on the example of the discipline "Foreign language" on the formation of professional culture of students of technical universities // *Modern professional education*. 2023. No. 5. P. 103–108.
8. Krasnoshchekova G.A. Theory and practice of language education of students of technical universities: monograph. – Cheboksary: ID "Sreda", 2018. – 72 p.
9. Kuklina A.I. On the issue of maintaining the quality of teaching foreign languages in a non-linguistic university in the context of reducing academic hours // *Trends in the development of science and education*. 2023. No. 97–2. P. 42–45.
10. Loshkareva E., Luksha P., Ninenko I., Smagin I., Sudakov D. Skills of the future. What you need to know and be able to do in the new complex world: report. – M.: WorldSkills Russia, 2020. – 93 p.
11. Osipova O.P., Shklyarova O.A. Self-management resource in improving professional viability and developing the management culture of teaching staff // *Problems of modern education*. 2020. No. 5. P. 202–213.
12. Pakhmotova E.D., Lapteva I.V., Prozhoga A.V. Teaching strategies for continuous language learning (non-linguistic university) // *Philological sciences. Theory and practice issues*. 2017. No. 7–1 (73). P. 197–203.
13. Romanova E.N. Formation of discussion skills in the process of teaching a foreign language // *Design. Experience. Result*. 2023. No. 3. P. 38–41.
14. Creating an effective model of self-education of the teaching staff in educational institutions (from the experience of MBOU Gymnasium No. 18 within the framework of the MIP): collective monograph / edited by Yu.Yu. Boceva. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum "SociosféraCZ", 2018. – 88 p.
15. Solova N.V., Kalmykova D.A., Sukhankina N.V. Individual educational trajectories: design and educational results // *Bulletin of the ChSPU named after I. Ya. Yakovlev*. 2023. No. 2 (119). P. 160–169.
16. Tarasova A.V. On the role of professional self-education of a teacher (on the example of a teacher of foreign languages) // *Living Psychology*. 2024. T. 11, No. 2(50). pp. 92–96.
17. Rață, B.C., Ciolcă, C., Butnariu, M. et al. Building Time Management Skills through the Teaching Practice Activity // *Revista Românească pentru Educație Multi-dimensională*. 2022. Vol. 14(3). P. 88–100.

Ценность любви в современном российском шансоне

Ташлыкова Наталья Юрьевна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
E-mail: tachlikova65@mail.ru

В статье проанализированы тексты песен одного из самых представительных фестивальных концертов 2023 года современной лирической песенной композиции «Ээхх, Разгуляй», организованного «Радио Шансон» в Москве, в котором приняли участие более 50 артистов.

В результате анализа текстов было выделено пять основных тем: 1) апокалиптической борьбы с Дьяволом во имя возлюбленной; 2) сексуального искушения; 3) страданий по прошедшей любви; 4) любви как легкого аромата цветка; 5) спасительной жертвенной любви.

Среди этих пяти тем доминирует третья группа: тематика любовных томлений, страстей, страданий по прошедшей любви. В подавляющем большинстве текстов песен полностью отсутствует мысль о необходимости духовной работы над своим внутренним миром, нет цели раскрытия личностного потенциала возлюбленной или возлюбленного. Причиной многочисленных страданий героинь признается неверно сделанный выбор, но почему он был сделан – героини не пытаются понять. В текстах песен вообще не поднимаются вопросы возможных социально-культурных различий между влюбленными. Создан схематично-упрощенный образ любовных отношений.

Ключевые слова: философия любви, эстетические теории, секс, тело, поэтические тропы, песня, шансон, сценография, костюм.

Чтобы выявить в первом приближении признаваемые в российском обществе нормы сексуальных отношений, трактовки половой любви, можно проанализировать образы популярных артистов, тексты их песен. В Москве в ноябре 2023 года в концертном зале на «Live Арена» в Подмоскovie состоялся концерт фестиваля «Ээхх, Разгуляй», организованный «Радио Шансон». В нем приняли участие более 50 певцов. Телевизионную версию концерта показал Первый канал 30 апреля 2024 года [1].

Если классифицировать песни по тематике, то можно выделить пять тем: 1) апокалиптической борьбы с Дьяволом во имя возлюбленной; 2) любви как сексуального искушения; 3) страданий по прошедшей любви; 4) любви как легкого аромата цветка; 5) спасительной жертвенной любви.

Особняком в начале концерта звучала песня Юрия Антонова «Любимая». Автор сам играл на белом рояле на фоне темного звездного неба. В этой песне улавливается понимание любви как возвышающего над эгоизмом чувства отношения к возлюбленной. Правда в тексте на первый план выходит не мысль о своей виновности и благодарности, а, скорее, жалоба на одиночество со словами: «Спаси меня, спаси от одиночества».

Характерным примером песен о борьбе с Дьяволом за жизнь любимой стала композиция «Мой бой» Ярослава Дронова, выступающего под псевдонимом Shaman. Песня начинается со слов:

Кто сказал, что в мире любовь умерла?
Что нет чести и правда сгорела дотла?

Видно, что герой собирается вступить в бой не с конкретным государством, а с inferнальной силой, которая «каждый день в сердце стреляет больней, но эти раны делают только сильнее». Герой вынужден вступить в бой, чтобы правда и любовь воцарились в мире снова. Есть отсылка к религиозно-мифологическому событию борьбы с inferнальными силами зла. Но тут же строчки:

Я вернусь с победой обратно домой.
Я вернусь, чтобы остаться с тобой.

Из этих строчек, скорее, следует, что герой отправляется не в inferнальный мир Ада, а на конкретную войну. Певец в серебристой куртке байкера с повязкой российского триколора двигается в кроваво-черных лучах софитов, многократно повторяя фразу: «Это мой бой!» (Рис. 1) Слушателям остается самим догадываться: в чем суть «боя» Ярослава Дронова за жизнь любимой? Герой идет на войну или спускается в Ад? Как он собирается возвращать любовь и честь в мир?

К этой же группе относятся песни Дениса Майданова «Ничего не жаль» и Руслана Алехо (стихи М. Гуцриева) «Ждет меня любимая». Рефрен песни таков:

Ждёт меня любимая, ждёт меня домой,
Здесь моя семья, здесь мой дом родной.
Здесь моя любимая, здесь мой дом родной,
Я вернусь живой, я вернусь домой.

В одном из куплетов есть смешение планов реальности:

Напиталась болью ржавая земля.
И упала с неба детская слеза.

Сценография представлена в виде взгляда из окна на зеленое поле и березовый лес, которые превращаются в всполохи на небе. В варианте клипа этой песни на заднем плане видны кадры с хроникой Великой Отечественной войны. В тексте песни чувство любви воссоздается через переживание гибели героя на войне, но нет отсылки к конкретной войне. Есть сомнительные аллегории боли и смерти:

Разоделися сосны
В красный сарафан.
Вечер, болью сожжённый,
Умирал от ран...
Коршуны без крыльев
Били наугад.
Город превратился
В краснощёкий ад.

К другой тематической группе ценностей половой любви принадлежит песня Настасьи Самбурской «Безответная» (музыка Д. Кузнецовой, стихи М. Гучериева), апеллирующая к сексуальному влечению с рефреном: «А его рука уже на моём бедре. Эх, по наклонной всё покатилося». Сценография строится на демонстрации отношений «деревенских парочек». На заднике сцены светятся окна домиков, на авансцене – парочки. Девушки – в ситцевых платьях, парни в – рыжих туфлях, мешковатых брюках, жилетках и кепочках. Героиня песни контрастирует с деревенскими влюбленными. Она в облегающем черном платье с откровенным вырезом на груди, в перчатках по локоть. Музыкальная тема оформлена в стиле плясовой с акцентированными вздохами-возгласами. Текст балансирует на грани между пошлостью и иронией, сводя любовь к сексуальному влечению:

Непочатая рюмка на столе,
И любовь на сердце притаилась,
А его рука уже на моём бедре,
И по наклонной всё покатилося.

В данную группу образов любви как сексуальных влечений, следует включить песни группы «Дюна» «Привет с большого бодуна», Виктора Дорина «Пьяная Наташа», Михаила Бублика «Что мы наделали?»

Но преобладали в концерте песни о прошедшей любви. Так в песне «Путники» Любви Успенской (музыка О. Тибеньковой, слова О. Тибеньковой, Л. Успенской) создан образ расставшейся пары. На заднике сцены «плывут» кадры сияющих звезд в ночном небе, в которых проступают отдаляющиеся друг от друга холодные ледяные ладони влюбленных. Костюм героини выполнен в серебристо-черных тонах, по-видимому, чтобы подчеркнуть «таинственное» происхождение любви. На певице – длинная серебристая юбка с широким поясом и черная блуза с откровенным вырезом на груди. Рефреном звучат слова:

Мы убегаем разными дорогами.
Мы прячемся за ледяными стенами.
Их больше не разбить.

Создан образ прошедшей любви, которая изранила сердце:

Отпусти мои руки, слышишь, отпусти.
Нам любовь с тобою не спасти.
Всё внутри опустело давно,
Не горит, всё изранено, не излечимо.

Близка к образу прошедшей любви песня Евгения Кемеровского «Осень в Москве»; Сосо Павлиашвили «Небо на ладони» (музыка С. Павлиашвили, стихи К. Губина). Сценография воссоздает небо в облаках, на фоне которых выступает Сосо в куртке грязно-синих тонов и в светлых брюках в образе искреннего влюбленного. Лейтмотивом песни выступает метафора любви как неба на ладони, в котором читается трактовка половой любви как мистического явления идеального мира, но музыкальная интонация сексуальной страсти подчеркивает идеализм:

Небо на ладони в платье белоснежном.
Небо на ладони принесла мне нежно.
Разве было мало жить небесным браком?
Ну зачем гадала на любовь по картам?

К этой же группе песен, можно отнести песню Стаса Михайлова «Этот долгий день» (музыка С. Михайлова, стихи М. Гучериева), Таисии Павалий «Твоих рук родные объятья» (музыка В. Кохано, стихи М. Гучериева), Элины Чага «Любовь-сирота» (музыка С. Ревтова, стихи М. Гучериева) с сценографией образа женщины-розы, сгорающей в огне страсти в сочетании с черным облегающим платьем, перчатками по локоть и шляпкой таблеткой с вуалью. Из текстов песен можно выделить, что для характеристики половой любви Михаил Гучериев используются эпитеты влечения: медленная любовь, грустная пленница, в небе птицей парящей любовь, сказка о любви, любви пожар, у любви намек короткий, цветок любви с тебя я сорву, твоя любовь как кислород, любовь – упрямый сердцеед, любовь на сердце притаилась. Половая любовь трактуется исключительно как влечение и привязанность к другому человеку.

Близок к этой позиции Михаил Задорин с песней «Сумасшедшая любовь» (музыка и стихи М. Задорина), выступая в пиджаке героя-любownika с белым платком на голубом фоне экрана со словами:

Что ж за сумасшедшая любовь?!
Режет наши души, режет в кровь.
Разрывает сердца на куски,
Просто отпущу тебя, иди...

В отдельную группу можно отнести образ любви, созданный дуэтом Шуфутинского и Киркорова. Образом любви как легким ароматом цветка веет от песни «Жара Дубая» (музыка L. Catalano, D. Swartenbroekx, стихи А. Лопатин) в исполнении М. Шуфутинского и Ф. Киркорова:

Luna Misteriosa
В небесах луна, как роза
Улетаем и сгораем дотла...

В сценографии проецируется на задник фото Шуфутинского в широкополой шляпе, солнцезащитных очках, в ретро костюме с дорогой тростью в руке, женские силуэты в эксцентрических нарядах из перьев. На фоне фотографий танцовщицы в ярких желтых, синих, розовых туниках стилистики 20-х годов символизируют блеск драгоценных камней. В музыкальном сопровождении солирует саксофона. Интонации и ритм близки к степу.

Проанализировав тексты представителей российского шансона, можно отметить, что преобладают песни о прошедшей любви. Это роднит современных исполнителей шансона с исполнителями советской эстрады. Хитом 60-х годов стала «Восточная песня» Давида Тухманова и Онегина Гаджикасимова в исполнении Валерия Ободзинского. В тексте выражена юношеская влюбленность:

В каждой строчке только точки после буквы «Л»,
Ты поймешь, конечно, все, что я сказать хотел,
Сказать хотел, но не сумел.

Это песня покорила сердца многих молодых людей того времени. За пластинкой летом 1970 года люди стояли в очереди в магазинах. Тираж в несколько миллионов был продан за несколько суток.

В современных текстах совсем исчезло светлое трепетное отношение к любви. Ушло в прошлое воспевание надежды на взаимность. Преобладает образ разрушающей любви, «оставляющей раны». Причиной разрыва отношений признается неверно сделанный выбор, который не осмысливается. В высказываниях героев и героинь песенных текстов нет отношения к любви как к очищающему дару, полностью отсутствует мысль о необходимости духовной работы над своим внутренним миром,

Литература

1. Официальный сайт первого канала «Ээхх, Разгуляй!» Выпуск от 30.04.2024 (1tv.ru) <https://www.1tv.ru/shows/koncerty/koncerty/eehh-razgulyay-vypusk-ot-30-04-2024>
2. Антиномичность понимания любви в контексте западноевропейской и отечественной культуры: автореферат дис. кандидата философских наук: 24.00.01/Отраднава О.А., Астрахань. 2010.
3. Августин Блаженный (Аврелий). О Троице. Ч. 1. – М.: Образ, 2005.
4. Бонецкая Н.К. Андрогин против сверхчеловека. «Вопросы философии», 2011, № 7.
5. Бутовская М.Л., Смирнов О.В. Гендерные исследования. Выбор постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества: эволюционный анализ. // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 2.

6. Портал «Stihi.ru». Баскин Лев Имя на поэтической поверке. Онегин Гаджикасимов (Лев Баскин) / Стихи.py
7. Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. – М.: Современник, 1991.

THE VALUE OF LOVE IN MODERN RUSSIAN CHANSON

Tashlykova N.Y.

Russian State University named after A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow

The article analyzes the lyrics of one of the most representative festival concerts of 2023 of the modern lyrical song composition “Eehh, Razgulyay”, organized by “Radio Shanson” in Moscow, in which more than 50 artists took part.

As a result of the analysis of the lyrics, five main themes were identified: 1) an apocalyptic struggle with the Devil in the name of the beloved; 2) sexual temptation; 3) suffering over past love; 4) love as a light scent of a flower; 5) saving sacrificial love.

Among these five themes, the third group dominates: the theme of love's languor, passions, and suffering over past love. The overwhelming majority of song lyrics completely lack the idea of the need for spiritual work on one's inner world; there is no goal of revealing the personal potential of the beloved. The reason for the heroines' numerous sufferings is recognized as an incorrect choice, but the heroines do not try to understand why it was made. The song lyrics do not raise any questions about possible socio-cultural differences between lovers. A schematic, simplified image of love relationships is created.

Keywords: philosophy of love, aesthetic theories, sex, body, poetic tropes, song, chanson, scenography, costume.

References

1. Official website of the first channel “Eehh, Razgulyay!” Issue from 04/30/2024 (1tv.ru) <https://www.1tv.ru/shows/koncerty/koncerty/eehh-razgulyay-vypusk-ot-30-04-2024>
2. Antinomy of understanding of love in the context of Western European and domestic culture: abstract of dis. candidate of philosophical sciences: 24.00.01 / Otradnova O.A., Astrakhan. 2010.
3. Augustine the Blessed (Aurelius). About the Trinity. Part 1. – М.: Образ, 2005.
4. Bonetskaya N.K. Androgyne versus superman. “Problems of Philosophy”, 2011, No. 7.
5. Butovskaya M.L., Smirnov O.V. Gender studies. The choice of a permanent sexual partner among modern Moscow students: an evolutionary analysis. // Ethnographic review. – 2003. – No. 2.
6. Portal “Stihi.ru”. Baskin Lev Name at the poetic verification. Onegin Gadzhikasimov (Lev Baskin) / Stihi.ru
7. Soloviev V.S. The meaning of love: Selected works. – М.: Sovremennik, 1991.

Новые тенденции в теории и практике перевода китайской пейзажной лирики

Тонг Лин,

магистр, Северо-Восточный университет лесного хозяйства
E-mail: zhaoxiuling8@aliyun.com

Чжао Сю Линь,

профессор, магистр, Северо-Восточный университет лесного хозяйства
E-mail: zhaoxiuling8@aliyun.com

Исследование направлено на рассмотрение существующих проблем в сфере перевода китайской пейзажной лирики (поэзия и горы и воды). Предметом данной статьи являются теория и практика перевода китайской пейзажной лирики, более уникальной по форме и недоступной по внутреннему содержанию для русских. В статье рассматриваются стратегии и методы перевода китайской пейзажной лирики, идеальные для достижения эффекта «поэзия, наполненная пейзажами» и показа китайской традиционной эстетики. Исследование проводится на основе общенаучных методов наблюдения и описания, анализа и синтеза с использованием специальных переводческих, лингвистических, культурологических методов, а также функционального и психолингвистического подходов. Научная новизна заключается в установлении того, что теория китайской пейзажной живописи не только направляет создание пейзажной лирики в эффективную сторону, но и открывает новую перспективу для перевода пейзажной лирики. В статье выдвигается то, что законы «оставить пустым» и «рассеянные перспективы», вытекающие из теории китайской пейзажной живописи, позволяют переводчику воистине воспроизвести внутреннее содержание оригинальной пейзажной лирики и с помощью методов «размывания» и «свободного расположения» согласно стратегиям перевода «оставить пустым» и «рассеянной перспективы» сделать перевод пейзажной лирики более точным в представлении красоты представленной в поэзии картины и художественной концепции.

Ключевые слова: теория китайской пейзажной живописи, перевод пейзажной лирики, художественная концепция, китайская традиционная эстетика, стратегия перевода, метод перевода, оставить пустым, рассеянная перспектива.

Введение

Представление о горах и воде сложилось под большим влиянием мифологической космографии Древнего Китая, и созерцание гор и воды стало своего рода бестелесным видением. Следовательно, объекты природы превратились в проводников философских идей, эмоций и внутреннего духа китайцев, и с древних времён китайцы начали уделять особое внимание созданию пейзажной живописи и пейзажной лирики (поэзия гор и вод), являющимися взаимосвязанными и взаимодополненными.[1] Следовательно, пейзажная лирика стала разновидностью лирики, в которой пейзаж используется для создания определённой атмосферы, передачи внутреннего состояния персонажа и символизации его переживаний. Таким образом, по сравнению с русской пейзажной лирикой, классическая китайская пейзажная лирика более уникальна по форме и недоступна по внутреннему содержанию, и то, как в варианте перевода на русском языке показать красоту картины в лирике и представить художественную концепцию в оригинале, стало ключом к переводу китайской пейзажной лирики на русский язык.

К проблемам исследования перевода пейзажной лирики

Учёный Го Си из династии Северная Сун в своей монографии о пейзажной живописи «Линьцюань гаочжи» («Сборник записок о высокой сути лесов и потоков») выдвинул идею о том, что пейзажная лирика и пейзажная живопись дополняют друг друга,[2] так что теория пейзажной живописи может направлять переводческую деятельность пейзажной лирики в эффективную сторону.

В традиционной китайской культуре поэзия, уходящая корнями в глубокую древность, обладает более яркими лингвистическими и культурными особенностями, чем другие жанры литературы, и ее переводческие стандарты, стратегии и методы всегда были интересной темой исследований в области теории культурного перевода. Учёный Сюй Цзюнь выдвинул идею о том, что «хотя перевод – это производное произведение, то есть произведение созданное на основании оригинала, но они не могут быть эквивалентны друг другу на всех уровнях», что подчеркнуло важную роль человека в переводческой деятельности.[3] Сюй Юаньчун отметил, что переводчик должен точно передать художественную концепцию в поэтическом переводе и вместе с тем, как можно лучше сохранить строфу, метр и количество строк оригинала в переводе.[4] Стоит напомнить, что Тонг Дань и Ван Лижун обратили внимание на важность преобразования образа в поэзии и утвердили, что «суть поэтического перевода заключается в динамическом преобразовании образа, и суть преобразования образа заключается в том, что переводчик пытается восстановить психологическую деятельность поэта».[5] И так, китайские ученые уделяют большее внимание изучению теории и практики перевода поэзии.

С развитием китайской пейзажной живописи сформировалась своя уникальная теория, которая включает в свой эмпирический базис два закона – оставить пу-

стым и рассеянная перспектива, важные для воплощения художественной концепции в картине

«Оставить пустым» – это один из законов китайской живописи, предназначенный для оставления пространства для воображения зрителю, который, наслаждаясь картиной, вкладывает в неё свои чувства и понимание. В Китае художники обычно используют сплошной «черный» цвет туши и пустой «белый», чтобы выстроить целостную картину мира. Пустые пространства разного размера и формы являются продолжением образа в живописи. Эта философская концепция восходит к даосской мысли о «комбинации состояний Полноты и Пустоты». Согласно мировоззренческим позициям даосизма в пейзажной живописи используется «оставить пустым» для художественного воплощения отношения «взаимопорождения пустоты и полноты», в котором отражается стремление китайских художников к преодолению природы и вечной духовности.[6]

«Рассеянная перспектива» означает разрушение границ времени, пространства и фокусной перспективы при написании картин[7] и создание объединенного панорамного пейзажа с горами и рекой в одной картине с целью, чтобы увеличить визуальный порог для творческого преобразования пространств идей и создания художественной концепции. Находясь под влиянием традиционной китайской психологии, художники-пейзажисты воспринимают природу как красоту образов, чувств и ощущений, не видимых глазу. Поэтому пейзажисты преодолевают ограничение одного визуального фокуса и, следуя своему сердцу, свободно смотрит вверх и вниз, и в то же время с помощью таких приемов, как оставление черного и белого, покрытие деревьев и скал, затемнение тумана, достигает царства «забвения вещей и себя» и «единства небесного и человеческого».

Стратегии и методы перевода китайской пейзажной лирики

Учёный Ху Чжэй из династии Юань выдвинул «слияние поэзии и живописи», заявляя, что обе они являются художественными произведениями, и нацелены на пробуждение чувства покоя и безмятежности путём представления горы и реки.[8] И так, мы можем проводить переводческое исследование пейзажной лирики с помощью теории пейзажной живописи.

Пейзажная лирика, основоположником является Се Линь Юнь во времена Северной и Южной династий, представляет собой языковое выражение художественной концепции пейзажа, так что при переводе китайских пейзажных лирик следует уделять большее внимание передаче пейзажной художественной концепции. И так, при переводе китайской пейзажной лирики переводчики не только должны соблюдать общие принципы перевода поэзии, но и должны учитывать её собственные стратегии и методы.

Стратегия «оставить пустым» в китайской пейзажной живописи было признана и развита во многих областях классической китайской эстетики, и также стала важным законом для представления художественной концепции в китайской пейзажной лирики, что проявляется в том, что поэт может открыть читателю бесконечный мир воображений путём изображения нескольких образов и вызывать эстетические чувства невысказанными словами. Таким образом, закон «оставить пустым» стал важной стратегией перевода пейзажной лирики.

Ключом к переводу китайской пейзажной лирики является регулирование эстетического расстояния между исходным языком и языком перевода. Идеальный вари-

ант перевода лирики – это текст, в котором переводчик делает одинаковое эстетическое расстояние от произведения для читателя языка перевода и читателя исходного языка[9] и сохраняет двусмысленность образов. Таким образом, при переводе пейзажной лирики нельзя стремиться к чёткому изложению художественной концепции, а полезно использовать метод «размытие» для сохранения художественно-эстетических ценностей.

Закон «рассеянная перспектива» в теории китайской пейзажной живописи также оказал значительное влияние на создание пейзажной лирики, в которой многоплановый пейзаж с небольшой претензией на панораму поэт изобразил немногочисленными словами. И для создания визуальной красоты живописи и представления целостной художественной концепции в пейзажной лирике, поэт составляет предложения с творческим замыслом, нарушая порядок слов и создавая образы согласно закону «рассеянная перспектива».

Таким образом, при переводе пейзажной лирики надо обратить большое внимание на закон «рассеянная перспектива» – одну из важнейших черт создания пейзажной лирики, и использовать метод «свободное расположение» для показа панорамного пейзажа и представления целостной художественной концепции. И переводчик может нарушать синтаксические и структурные ограничения текста оригинальной поэзии и свободно расположить образы и строчки поэзии, что даёт зрителям лучше почувствовать очарование китайской пейзажной лирики.

Анализ русских переводов китайской пейзажной лирики

Теория живописи китайского пейзажа может быть использована в качестве совершенно новой стратегии для перевода пейзажной лирики. То есть, частично опускаемая и свободно расставляя поэтические тексты, переводчик сохраняет художественную концепцию поэтов и синтаксические особенности оригинала, и оставляет пространство для воображения читателям-носителям языка перевода.

С точки зрения переводчика, надо сделать образ расплывчатым, а не составлять их произвольно, когда образ оригинальной поэзии противоречит переводу. А с точки зрения эстетического восприятия читателями, переводчик должен сделать вариант перевода адаптивным для носителей русского языка, но не теряя художественную концепцию поэта. Для разрешения сложившейся ситуации при переводе пейзажной лирики рекомендуется использование метода «размытие», вытекающего из стратегии «оставить пустым» для тематики, лексики и культуры. Например:

浮云游子意，落日故人情。

С.А. Торопцев переводит :

Летучей тучкой растворится друг,
Заката грусть разлил в душе моей.
(«Прощание с другом» Ли Бо)

Тема ухода, прощания продолжается в стихотворении Ли Бо «Прощание с другом». В этом варианте перевода переводчик заменил два слова «游子» и «故人» словом «друг», чтобы проиллюстрировать тот факт, что друзей легко рассеять, как летящие облака. Методом «размытие» для тематики переводчик не увеличил эстетическое расстояние русского читателя от поэзии в разном культурном контексте и в то же время переводчик добавляет слово «грусть», подразумевающее разлуку, что задает печальный тон прощанию стихотворению и лучше резонирует с читателем.

朝辞白帝彩云间，千里江陵一日还。
两岸猿声啼不住，轻舟已过万重山。

С.А. Торопцев переводит :

Покинул поутру заоблачный Боди,
К Цзянлину сотни **ли челн мигом пролетит**,
Макаки с берегов галдят на всем пути,
Но **тяжесть тысяч гор** осталась позади.

В данном варианте перевода переводчик размыл образ «轻舟» в четвертом предложении, а вместо этого использует «челн мигом пролетит» во втором предложении, чтобы выразить оба понятия – «轻舟» и «一日还». Здесь глагол «пролетит» точно передает, как быстро, словно летя, двигалась лодка. Благодаря использованию метода «размывание» для лексики переводчик создает картину с изображением лёгкой лодки, быстро плывущей по течению, и в то же время передает художественную концепцию облегчения и свободы, что значительно усиливает эмоцию при виде картины у читателя. Кроме того, переводчик ловко использует слово «тяжесть» для размывания образа «тысячи гор», что призвано противопоставить слово «山» словом «舟», подчеркивая легкость лодки и придавая поэзии мораль свободы.

飞流直下三千尺，疑是银河落九天。

С.А. Торопцев переводит :

Словно пал он с бесконечной высоты

Серебристою Небесною рекой.

В данной поэзии браз «银河» связан с китайской любовной легендой о «Пастухе и Ткачихе». Легенда гласит, что Богиня прочертила в небе широкую реку, чтобы навсегда разлучить двух влюблённых, образовав, таким образом Млечный Путь между Альтаиром и Вегой. Переводчик размыл легенду и перевел «银河» как выражение «Серебристая небесная река», более доступное для русских читателей, сохраняя величественную художественную концепцию в соответствии со стратегией «оставить пустым» для культуры.

«Рассеянная перспектива» – это закон китайской пейзажной живописи, отличающийся случайностью и свободой для создания картины. Естественно этот живописный язык используется и в создании пейзажной лирики. И так, при переводе пейзажной лирики часто используется метод «свободное расположение», куда входят такие приёмы, как тональная гармония, аккуратный контрапункт и объединение образов, следуя стратегии «рассеянной перспективы». Например:

白日依山尽，黄河入海流。

欲穷千里目，更上一层楼。

А.Е. Адалис переводит :

Солнце ушло за хребты, на запад,

Течёт Хуанхэ на восток – к морю...

Тысячи ли охватить бы взором!

Выше! Вот башни последний ярус.

В данном варианте перевода переводчик ставит ударение на первый слог и регулярно расставляет слова так, что глухие и звонкие звуки чередуются, образуя ритм «тяжелого и слабого» с использованием метода тональной гармонии^[10], что вызывает эмоцию у читателя. Кроме того, переводчик использовал обратный порядок слов, ставя «入» (течёт) и «千里» (тысячи ли) в начале предложений для создания «рассеянную перспективу».

漠漠水田飞白鹭，阴阴夏木啭黄鹂。

Перевод:

Поливные поля необъятные и безмолвные

На них летают цапли белые.

Летние ивы дремучие и прелестные

В них поют иволги жёлтые.

Данный вариант перевода целостно адекватно отражает особенности поэзии. Все четыре строфы аккуратно выровнены одинаковыми лексическими и граммати-

ческими формами в конце каждой строфы. С помощью приёма «аккуратный контрапункт» переводчик сохранил эту языковую особенность лирики в своем варианте перевода, расположив образы таким же образом. В переводческом процессе переводчик дает волю своему творчеству, используя слова «необъятные» и «безмолвные» для описания «поливных полей», слова «дремучие» и «прелестные» для модификации «летние ивы», расширяя ассоциативное пространство оригинального стихотворения. В то же время «летают цапли белые» (飞白鹭) перекликается с «поют иволги жёлтые» (啭黄鹂).

飒飒秋雨中，浅浅石榴泻。

跳波自相溅，白鹭惊复下。

Перевод:

Свещет-хлещет

Дождь осенний.

Плещет-плещет

Вода меж камней.

Брызжет-Брызжет

Волна каплями.

Вновь слетает

Спугнутая цапля.

В данном варианте перевода для сохранения наложенных символов в оригинальном стихотворении переводчик воспользовался приёмом «объединение образов», используя дефисы между глаголами «свещет-хлещет» и «плещет-плещет». Кроме того, группа образов – «Дождь осенний», «Вода меж камней», «Волна каплями» и «Спугнутая цапля» объединилась в результате сознательного отбора языковых средств в процессе перевода. И так, перевод полностью отражает феномен «рассеянной перспективы» в пейзажной живописи.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать выводы, что теория китайской пейзажной живописи открывает новые перспективы для перевода пейзажной лирики, и живописные законы «оставить пустым» и «рассеянные перспективы» позволяют переводчику воистине воспроизвести красоту художественной концепции оригинальной пейзажной лирики методами размывания и свободного расположения. Это может рассматриваться как перспективное направление исследования перевода особых разновидностей поэзий, и также текстов отдельных стилей.

Литература

1. Сяоли, С. От концепции ландшафта к ландшафтному стилю. – Шанхай (Китай): Фуданьский университет, 2006. – 27 с.
2. Ли, Л. Эстетика пейзажа Го Си в «Линьцюань гачжи» и ее искусствоведческое значение. – Чанша (Китай): Хунаньский нормальный университет, 2018. – 15 с.
3. Цзюнь, С. Проверка взаимосвязи между переводами и оригинальными произведениями // Преподавание иностранных языков и научные исследования. – 2002. – Вып. 1. – № 3 – С. 15–21.
4. Юаньчун, С. Искусство перевода. – Пекин: Китайская компания иностранных переводов и публикаций, 1984. – 50 с.
5. Дань, Т, Личжун, В. Русские переводческие взгляды на классическую китайскую поэзию – трансформация образов // Журнал Харбинского технологического института (издание по общественным наукам). – 2011. – Вып. 3. – № 23 – С. 117–120.

6. Пэк, Ч. Ритм бездействия: исследование «неги» в китайской пейзажной живописи. – Сиань (Китай): Шэньсийский нормальный университет, 2015. – 8 с.
7. Кеган, В. Исследование «языкового сдвига» китайской живописи от традиционной туши и смывки литераторов к современной туши и смывке. – Чанчунь (Китай): Северо-восточный нормальный университет, 2019. – 35 с.
8. Хуан, В. О взаимосвязи пейзажной поэзии и пейзажной живописи. – Чанша (Китай): Хунаньский нормальный университет, 2007. – 12 с.
9. ФонгЧу, Ч. Перевод китайской поэзии в свете теории пейзажной живописи // Преподавание иностранных языков и научные исследования. – 2012. – Вып. 4. – № 16 – С. 75–77+81.
10. Чуньцай, М, Бин, Л. Метрические особенности древнекитайской поэзии в русском переводе // Молодые литераторы. – 2013. – Вып. 22. – № 137 – С. 75–77+81.

NEW TRENDS IN THE THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION OF CHINESE LANDSCAPE LYRICS

Tong Lin, Zhao Xiuling
Northeast Forestry University

This study aims to examine the existing problems in the field of translating Chinese landscape lyrics. The subject of this paper is the theory and practice of translating Chinese landscape lyrics (poetry of mountains and waters), which is more unique in form and inaccessible in inner content. The article discusses the strategies and methods of translating Chinese landscape lyrics, ideal for achieving the effect of “landscape-filled poetry” and showing Chinese traditional aesthetics. The research is conducted on the basis of general scientific methods of observation and description, analysis and synthesis with the use of special translation, linguistic, cultural methods, as well as functional and psycholinguistic approaches. The scientific novelty is to establish that the theory of Chinese landscape painting not only guides the creation of landscape lyrics, but also opens up a new perspective for the translation of landscape lyrics. The paper

puts forward that the laws of “leave blank” and “scattered perspective” of Chinese landscape painting theory allow the translator to truly reproduce the intrinsic content of the original landscape lyrics, and by using the methods of “blurring” and “free arrangement” derived from Chinese landscape painting theory, the translation version of landscape lyrics can be made more accurate in representing the beauty of the poetic picture and artistic concept.

Keywords: chinese landscape-painting theory, landscape lyrics translation, artistic conception, traditional aesthetics, stragitia of translation, translation method, leave blank, scattered perspective.

References

1. Xiaoli, S. From Landscape Concept to Landscape Style. Shanghai (China): Fudan University, 2006. 27 p.
2. Lii, L. The Aesthetics of Landscape in “Linquan Gaozhi” by Guo Xi and its Art Historical Significance. Changsha (China): Hunan Normal University, 2018. 15 p.
3. Jun, S. Examining the Relationship between Translations and Original Works // Teaching Foreign Languages and Research, 2002, Issue 1, No. 3, pp. 15–21.
4. Yuanchun, S. The Art of Translation. Beijing: Chinese Company of Foreign Translations and Publications, 1984. 50 p.
5. Dan, T., Lichzhun, V. Russian Translational Views on Classical Chinese Poetry: Image Transformation // Journal of Harbin Institute of Technology (Social Science Edition), 2011, Issue 3, No. 23, pp. 117–120.
6. Pak, C. The Rhythm of Inaction: A Study of “Negi” in Chinese Landscape Painting. Xi’an (China): Shaanxi Normal University, 2015. 8 p.
7. Kegan, V. A Study of the “Linguistic Shift” in Chinese Painting: From Traditional Literati Ink Wash to Modern Ink Wash. Changchun (China): Northeast Normal University, 2019. 35 p.
8. Huang, W. On the Relationship between Landscape Poetry and Landscape Painting. Changsha (China): Hunan Normal University, 2007. 12 p.
9. Fongchu, Ch. Translating Chinese Poetry in the Light of Landscape Painting Theory // Teaching Foreign Languages and Research, 2012, Issue 4, No. 16, pp. 75–77+81.
10. Chuntsai, M., Bin, L. Metrical Features of Ancient Chinese Poetry in Russian Translation // Young Writers, 2013, Issue 22, No. 137, pp. 75–77+81.

Исторические формы становления журналистики в России XVIII–XX вв.: к исследованию самоопределения отечественной журналистики

Фалько Евгений Александрович,

аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, корреспондент интернет-издания «Газета.Ru»
E-mail: efalko@mail.ru

В статье рассмотрены исторические формы становления журналистики в России XVIII–XX вв. Определены основные вехи ее развития, а также роль, которую отечественная журналистика сыграла в истории и может сыграть в будущем. Автор отмечает, что экофилософская парадигма российских СМИ может быть преобладающей в системе развития отечественных медиа XXI века.

Ключевые слова: журналистика, СМИ, история, экофилософия, медиация, диалог, общество, человек.

Российская журналистика в рамках своего становления в качестве оформленной профессиональной дисциплины прошла несколько этапов в течение XVIII–XX вв. *Первый этап* (XVIII – начало XIX века) характеризуется тесной связью информационных сообщений с высшими государственными лицами (русские цари, впоследствии императоры и императрицы, бояре), а также «сухой информативностью» сообщений, когда информация подавалась в виде тезисов или сводок, что было связано с многочисленным количеством вооруженных конфликтов, в которые была втянута страна. Во внутренней политике такая подача материала обуславливалась первыми шагами журналистики, ее начальным развитием, а также с отсутствием выработанной и окончательно оформившейся общественной мысли относительно самоопределения России и ее самоидентификации. *Второй этап* (XIX век) в развитии журналистики как отдельной дисциплины общественно-политического бытия России как раз представлял собой углубление смыслов, поиск ответов на важнейшие социально-политические вопросы, связанные с упомянутым выше самоопределением государства и русского народа в развивающемся мире на фоне становления в Европе и за океаном объединенных и независимых стран. *Третий этап* (XX век) развития отечественной журналистики оказался подчинен марксистско-ленинской социально-философской парадигме и окончательно «выродился», как полагали философы конца XX века эпохи постмодернизма, в конце столетия в сплошной поток информации без глубинного осмысления событий как неповторимых моментов, происходящих «здесь и сейчас». Таким образом, процесс самоопределения русской журналистики занял по меньшей мере три столетия. Отдельным вопросом представляется нам *современное состояние* журналистики, вызовы, с которыми она сталкивается, а также те культурно-парадигмальные и ценностные ориентиры, которые эта дисциплина может привнести не только России, но и миру.

Развитие отечественной журналистики как отдельной дисциплины началось в России в конце XVII – начале XVIII вв. Повышение интереса к событиям в России и окружавших ее государствах было обусловлено внутренне- и внешнеполитическим укреплением русского государства после Смуты начала XVII века, в ходе которой были потеряны ряд принадлежавших ранее земель. Русско-польские войны в XVII веке были прямым следствием ослабления державы в начале века и ее стремления вернуть утраченное. Кроме того, XVII век характеризовался дальнейшим развитием контактов России с иностранными государствами – с Англией, Голландией, Германией, Францией.

Еще в XVI веке дипломат Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн составил на момент первой половины столетия исчерпывающее описание русского государства, нравов в нем, обычаев, традиций. Герберштейн дважды посещал Россию: в 1517 году и в 1526 году. Дипломат выступал в роли посредника в переговорах между русским царством и Литвой; его целью было склонить государя Василия III к миру с Литвой для совместной борьбы с турками. Во ходе его второй поездки в рус-

ское государство он должен был способствовать превращению перемирия между Россией и Литвой в «вечный мир», однако не преуспел в своем начинании. Дарования Герберштейна владеть пером и словом, а также его любознательность привели к публикации в 1549 году на латинском языке книги «*Rerum Moscoviticarum Commentarii*» («Записки о московских делах»), которые познакомили иностранцев, владевших грамотой, с таинственной для них страной – русским царством. В частности, немецкий дипломат познакомил западную образованную публику с историей Руси, ее географией и культурой, передал летописное предание из Повести временных лет и других летописей о крещении Руси апостолом Андреем. «Русские в своих летописях открыто славятся тем, что, прежде Владимира и Ольги, земля русская была крещена и благословлена Христовым апостолом Андреем. Они говорят, что Андрей пришел из Греции... и поплыл вверх по реке (Днепру – *Е.Ф.*) к тем горам, где ныне Киев, и там благословил и крестил всю землю» [1, с. 44].

Несомненно, труд известного в Священной Римской империи человека не мог не остаться незамеченным в немецких землях, став важной вехой в «знакомстве» Запада с русским государством. В XVII веке взаимные контакты Руси с иностранными государствами продолжились, что привело к появлению в России первой газеты – «Вести-Куранты». Газета была рукописной и готовилась служащими Посольского приказа (аналог современного министерства иностранных дел) в нескольких экземплярах специально для царя и его приближенных с целью повышения осведомленности государя и бояр относительно важных для Руси событий в других странах на фоне возрождения России из пепла Смуты. Московская дипломатия выходит, как сказали бы сейчас, на международную арену, в связи с чем более или менее регулярные сообщения – «вести» из других государств – приобретают для нее особую цену. «Вести» играли крайне важную роль в государственной политике: судя по случаю с боярином Афанасием Ординым-Нащокиным, взявшим на дом и потерявшим такую рукопись «вестей», вследствие чего «произошел большой переполох», можно с уверенностью утверждать, что на подобные записи рассматривали как значимый источник для проведения государственной политики [2, с. 3]. Повышенный интерес на Руси к иностранной прессе, в частности, со стороны первых Романовых, был связан с активизацией внешней политики России. Российскому государству в век после Смуты было необходимо вести тяжелые войны с Польшей (1654–1667) и Швецией (1656–1658). В условиях отсутствия у России постоянных дипломатических представительств за рубежом (Посольский приказ только развивался, вследствие чего диппредставительства только зарождались), газеты оказывались наиболее оперативным источником информации о положении дел в Европе [3, с. 10].

В первой половине XVII в. зарубежные газеты попадали в Россию крайне редко. В документах Посольского приказа их не выделяли в качестве отдельного источника сведений о событиях в государствах Европы. В 1660-х гг. картина кардинальным образом меняется. Русское правительство начинает активно использовать сведения иностранных печатных изданий и газет для формирования собственного представления о стратегии внешней политики государства. К примеру, Августин Мейерберг, посланник императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I к Алексею Михайловичу, в начале 1660-х гг., писал: «...при переговорах они (русские – *Е.Ф.*) оказываются самыми непостоянными. Особливо потому, что *наибольшая важность доказательств зависит у них только от известий, напечатанных в «еже-*

недельных Меркуриях» прусаков и голландцев (выделено – Е.Ф.), занесенных в Москву, да еще в превратном виде, иноземными купцами; они слушают их точно ответы с треножника Дельфийского оракула» [3, с. 9].

Кроме того, рождение отечественной журналистики на почве развития контактов с европейскими странами играло роль не только с точки зрения внешней политики России, но и с позиций внутреннего регулирования самых разных сфер общественной жизни. Так, пресса оказалась весьма полезной при решении проблем, абсолютно не связанных с вооруженными конфликтами, их дипломатическим урегулированием и мониторингом событий за рубежом. Вести из европейских газет могли стать причиной для объявления карантина на границах русского государства. В 1660–1680-х гг. введенные на основании сообщений иностранной прессы и перевода в «Вестях-Курантах» карантинные ограничения и рестрикции не раз спасали Россию от распространения эпидемий, свирепствовавших у российских рубежей.

Новостные сообщения в газете «Вести-Куранты» представляли собой компиляцию событий, случаев, решений зарубежных властителей, которые могли бы важны для русского государя. Таким образом, на этапе зарождения отечественная журналистика представляла собой переводы и сводки-сообщения значимых событий за рубежом. В переводе заграничных сведений для государя летом 1633 года содержится сообщения о нахождении шведских войск на территории Швеции. В Европе в это время бушевала Тридцатилетняя война, где Польша входила в коалицию католических государств во главе с Габсбургами. В этом контексте естественным союзником русского государства стала противница Габсбургов – протестантская Швеция. В этой связи за период начала 1630-х гг. в газете «Вести-Куранты» часто встречаются записи, связанные с действиями Швеции в Европе. «По сему даю господину своему ведати, что войско стоит свейской (то есть шведское – *Е.В.*) стороны круг Свидницы (городе в Польше – *Е.Ф.*)», – писали в июле 1633 года в переводе вестовых печатных тетрадей для государя [2, с. 164].

В этом конкретном сообщении также содержится информация о численности шведской армии в упомянутом месте, о ее командующих. Важно отметить, что подобного рода подача сведений далека от аналитики в современном понимании этого термина, однако такие известия могли служить почвой для царя в принятии решений. Наряду с газетой «Вести-Куранты» царь получал донесения русских посланников из иностранных государств, однако первое отечественное издание играло важную роль в информировании государя.

Развитие журналистики в России продолжилось при Петре I. В начале XVIII в. будущий русский император создал газету «Ведомости», ставшую первым публичным печатным изданием в России, в отличие от «Вестей-Курантов», которая предназначалась для государя и бояр. На страницах издания регулярно сообщались военные сводки с фронтов Северной войны, что отразилось в названии газеты «Ведомости о военных и иных делах, достойных знаний и памяти». Впрочем, особенностью этого отечественного издания был нерегулярный выход номеров, а также непостоянство в его названии: «Ведомости», «Ведомости Московского государства», «Петровские ведомости» или «Реляции».

Петровские «Ведомости» стали качественно новой вехой в истории развития отечественной журналистики. «Вести-Куранты» представляли собой донесения, характерные для сводок, сухую подачу сведений о тех или иных событиях для царя и приближенных. Напротив, петровская газета оказалась ориентирована на об-

щественность. Создание газеты Петром датируется 1702 годом – именно тогда Россия напрягала все свои силы на фронтах Северной войны в борьбе против армии Карла XII, слывшей лучшей в Европе на момент начала XVIII века. В этой связи, как пишет историк Д. Рохленко, «необходимо было убедить народ в необходимости продолжать войну со шведами, объяснить значение некоторых мер правительства, например конфискации колоколов у церкви для переливки их на пушки» [4]. Вместе с тем, Петру было важно сообщить населению будущей империи, что промышленность наращивает свое производство, что у русского царя помимо войск имеется поддержка со стороны народов необъятной страны и так далее.

Таким образом, качественно новая веха развития отечественной журналистики с появлением петровских «Ведомостей» состоит в появлении феномена *диалога* между властью, желающей сообщить весть населению, и людьми, широкой публикой, которая воспринимает переданное послание власти, в результате чего в обществе рождается понимание происходящих событий. Издание «Ведомости» становится *посредником* между властью и обществом, в связи с чем можно говорить о феномене *медиации*, который понимался А.С. Ахиезером как «поиск меры между полюсами дуальной оппозиции» [5, с. 5]. В контексте медиации Ахиезер оперирует понятиями «полярность» и «взаимопроникновение». Именно последнее появилось в начале XVIII века между властью и обществом в России. «Вести-Куранты» не подразумевали собой медиацию, взаимопроникновение властей русского царства и его общества, будучи переводными и ориентированными для информирования царя. «Ведомости» своим появлением предполагали собой диалог власти с обществом посредством печатного слова на страницах газеты. Конечно, когда речь заходит о более раннем времени, мы можем говорить о взаимодействии власти и общества посредством печатных книг, главным образом православных, а также с помощью оглашения царских решений на Лобном месте в Москве, однако «Ведомости» придали массовость медиации власти и социума в России начала XVIII века (тираж в несколько тысяч экземпляров считался большим).

В этом контексте интересно посмотреть на характер информирования населения России того времени о событиях Северной войны и о решениях государя. Номер от 2 января 1703 года сообщал: «На Москве вновь ныне пушек медных, гаубиц и мортиров вылиты 400... А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, 40 000 пудов». Немногим ниже говорилось о разработке природных богатств, «от чего чают немалую прибыль Московскому государству» [4].

Живой текст «Ведомостей» вел *диалог* с населением городов, рассказывая о социально-экономических процессах в государстве, связанных с событиями Северной войны.

Ярким доказательством появления диалога, медиации власти и общества посредством «Ведомостей» стал тот факт, что Петр I называл созданное им издание «любезнейшим органом», лично отбирая для страниц газеты поступающий материал, помечая карандашом места для перевода из иностранных источников и нередко собственноручно исправляя окончательный текст. К тому же глава Монастырского приказа (в его ведении находились «Ведомости») граф Н.А. Мусин-Пушкин писал в 1709 году директору Московской типографии Федору Поликарпову, «печатай и передавай в народ». Думается, что эта фраза весьма ярко отражает развитие медиации «власть – народ» [4]. Кроме того, изначально газета печаталась церковным шрифтом, и только с 1710 года

в издание царь ввел гражданский шрифт. Отныне печатные номера «Ведомостей» издавали и гражданским, и церковным шрифтом. Небезызвестно, что большинство русских людей читали на церковнославянском, поэтому в первые годы существования газеты им не составляло труда прочесть и усвоить переданные сведения. После смерти Петра I его «Ведомости» существовали менее двух лет. Постепенно сужалась тематика публикуемых материалов, она все более ограничивалась описанием официальных торжеств императоров и императриц, которые в эпоху Дворцовых переворотов часто сменяли друг друга. Петровская газета выходила редко: в 1727 году появилось всего четыре номера. Тогда же издание перевели в ведение Академии наук, и с 1728 по 1914 год она уже выходила под названием «Санкт-Петербургские ведомости».

Важной вехой в становлении отечественной журналистики стала деятельность М.В. Ломоносова, который в статье «Рассуждение об обязанности журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» сформулировал основные принципы работы отечественного журналиста [6]. Русский ученый критиковал рецензии на его статьи. Критика научных изысканий Ломоносова за авторством некоего неназванного журналиста вышла в лейпцигском журнале «Записки об успехах естественных наук и медицины» (*Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis*) в 1755 году.

Ученый назвал отзывы непонимающего журналиста «бешеной страстью», которая на самом деле оказалась пустой. В этой статье Ломоносов, обрушив свой гнев на упомянутого критика и приведя все необходимые контраргументы, волею-неволею переходит к рассуждению о принципах, которых должен придерживаться журналист. В этой связи «Рассуждения...» Ломоносова необходимо рассматривать в контексте продолжающегося процесса становления российской журналистики в XVIII веке. Именно Ломоносов наметил «надлежащие грани», в пределах которых его современникам-журналистам «подобает держаться, и ни в коем случае не переходить их».

Так, Ломоносов отметил, что журналистам следует «схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми». В контексте статьи русского ученого речь идет о критике лейпцигским журналистом научных трудов, однако утверждение Ломоносова о «схватывании нового и существенного людьми» экстраполируется на журналистскую деятельность в принципе. Ключевым словом в этом пассаже Михаила Васильевича является «существенное». Журналист, по Ломоносову, не должен передавать пустые сообщения, которые никак не отразятся на бытии человека и общества; информация должна содержать в себе некое «существенное», что стало бы важным для культурно-экологического развития индивида.

Журналисту при этом нужно стремиться к тому, чтобы избежать «неточных и безвкусных суждений», поскольку таким образом он может «уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы», пишет Ломоносов. Дезинформация, пост-правда, фейки современного мира стали бичом не только отечественной, но и общемировой журналистики. «Неточные», по выражению великого русского ученого, суждения преследуют нас на каждом шагу. Между тем, Ломоносов еще в XVIII веке призывал журналистов избегать дезинформации человека.

Настоящий журналист, говорится в «Рассуждении...» должен «изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость», иначе передаваемое сообщение

обществу или человеку не будет истинным. Кроме того, Ломоносов заметил, что «осторожность следует удвоить, когда дело идет о сочинениях, уже отмеченных печатью одобрения». Объективность подачи материала, журналистского текста ставится под сомнение, если автор бездумно использует источник, имеющий всеобщий авторитет и одобрение. Между тем, факт авторитета того или иного источника не исключает наличие потенциально содержащихся в нем ошибок. В этой связи одним из важнейших принципов, выделяемых Ломоносовым в отечественной журналистике, выступает проверка источника.

«Журналист не должен спешить с осуждением гипотез», – провозглашает русский ученый. Контекст «Рассуждения...» предполагает анализ журналистом научных трудов, однако в более широкой экстраполяции тезиса Ломоносова на журналистику как таковую можно утверждать о том, что репортеру/автору *не следует спешить с осуждением событий*. Таким образом, в отечественную журналистику Ломоносов вводит принцип *объективной отстраненности* от объекта, передаваемого читателю, слушателю. Репортер, автор текста не должен на первый план выставлять свою оценку происходящих в моменте неповторимых событий, в первую очередь он должен передать информацию, впоследствии сопроводив ее своей аналитикой, основанной на понимании им самим контекста, в рамках которого произошло/происходит событие.

Последующая практика журналистики в XIX – начале XXI вв. покажет, что принцип объективной отстраненности репортера от объекта крайне сложно соблюдать, поскольку журналистика как дисциплина (мы этом видим и сегодня) подчиняется определенной парадигме. Эта парадигма может быть положительной или отрицательной. К примеру, положительной парадигмой информационного пространства может (и должно) оказаться обеспечение посредством журналистики роста ответственности человека за судьбу Родины и культуры. Продвижение принципов сохранения и развития жизни Природы и Земли как общего Дома является неотъемлемой частью информационной экологии, где важную роль играет медиация власти и общества посредством передачи сообщения о событии [7]. Иными словами, жизнезащитная концепция – необходимая парадигма для журналистики.

С другой стороны, продвижение псевдо-ценностей (запрещенное в России движение ЛГБТ, «чайлдфри», реабилитация нацизма, фальсификация истории) оказываются на стороне *жизнеубивающей* концепции развития в противовес экофилософской жизнезащитной.

Выполняя роль *медиации* между обществом и властью, журналистика находится в подчинении определенной детерминанты, которая может нести как созидание, так и разрушение человеку и обществу.

Тем не менее, принцип объективной отстраненности журналиста не может быть проигнорирован, поскольку главной задачей репортера или автора текста является передача информации, события в ее/его первоизданном, неповторимом виде. Журналист, передавая сообщение, погружен в событие, описываемое им.

Объективная отстраненность журналиста, как показывает Ломоносов, должна стать некой «защитой» сообщающего от «простых сомнений или произвольно поставленных вопросов». Журналисту в этой связи, по мысли русского ученого, следует объективно, отринув сомнения, искать ответы на вопросы, которые могут быть поставлены только с условием понимания контекста события.

«Наконец, он (журналист – Е.Ф.) никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценности своих суждений», – подытоживает Ломоносов. Это перекликается с тезисом ученого об осторожности для репортера или автора текста при работе с авторитетным источником. Журналист сам должен отринуть представление о своем превосходстве, чтобы его потенциальная ошибка не послужила основой для заблуждения других авторов.

М.В. Ломоносов выступил, таким образом, первым теоретиком отечественной журналистики, сформулировав принципы работы журналиста, некий идеал, реализация которого на практике является необходимым условием успешного освещения автором событий.

Становление журналистики в России XIX века происходило на фоне вышедшей на первый план историко-философской проблемы самоидентификации страны как единого целого, что вылилось в такие явления, как пессимистическая концепция П.Я. Чаадаева, а также в спор западников и славянофилов относительно того, что такое Россия, куда она должна идти и где ее место в мире. И то, и другое (взаимно связанное) касалось самоопределения России в мире. В XIX отечество вступило в качестве единой империи, содержащей в себе множество народностей. Этой империи уже покорились земли Польши и Прибалтики, она претендовала на расширение своего влияния на Среднюю Азию, однако в культурно-идеологическом плане оставался вакуум, который пока что нечем было заполнить. В первой половине XIX века этот вакуум попытались заполнить уваровской триадой «православие – самодержавие – народность», которая стала отражением консервативного правления Николая I, однако прочного укоренения этой формулы как превалирующего культурно-идеологического феномена не произошло. Тем не менее, триада стала основой консервативного направления русской общественно-политической жизни, выступив в противовес западническо-либеральной мысли России. Она оказала весомое влияние на отечественную журналистику в XIX веке, поскольку идея о крепкой власти и православию как основы развития России отразилась в статьях и текстах М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского. Это одно из двух (наряду с западнической концепцией) фундаментальных направлений русской мысли XIX столетия, без которых нельзя рассматривать становления отечественной журналистики как дисциплины.

Научной основой «теории официальной народности» (уваровской триады) стали выводы историка М.П. Погодина, который утверждал, что слепое копирование западных системных принципов и их перенос на русскую почву невозможен [8, с. 198–202]. При этом полное взаимное обособление Запада и России историк считал неверным путем, оставляя пространство для их взаимодействия, параллельно подчеркивая «свой» путь России, отличный от западного.

Религиозной основой теории С.С. Уварова стало православное христианское учение о любви к Богу, к семье, к народу, откуда и выливается третья часть формулы – «народность». Таким образом, триада и консервативно-идеологическое течение общественно-политической жизни стали одной из парадигм, в рамках которых развивалась отечественная журналистика. Иными словами, становление журналистики в России XIX века имело конфликтно-полюмизирующий характер, поскольку на первый план дискуссии вышла проблема самоопределения и два пути ее решения – западнический и славянофильский.

Важно понимать, что сведение взглядов славянофилов и западников к упрощению, а именно тому, что одни считали западный путь развития верным, а другие полностью его отвергали, неверен. Наоборот, консерваторы-славянофилы отнюдь не отвергали принципов западной организации общества, они с большим уважением относились к достижениям мысли в Европе и не боялись опираться на них в своих размышлениях о бытии России [9, с. 17]. Тем не менее, в XIX остро стояла проблема зависимости русской культуры от западной, и связанная с этим мысль о необходимости самобытного ее развития.

В этом контексте парадигмой, внутри которой происходило становление журналистики в России, стала западническая концепция (П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, утверждавшая, что модернизация России возможна и нужна по образцу буржуазных стран Западной Европы).

Две парадигмы – западническая и консервативная – определили вектор развития отечественной журналистики. Первая, по выражению Ю.М. Лотмана, «эксцентрическая» концепция, сооружала себе религиозно-политическую и культурную модель за пределами России, вторая – наоборот утверждала, что «Москва расположена в центре религиозной и культурной ойкумены» и понимала Россию как «центр всемирной святости» [10].

Пребывание отечественной журналистики в контексте этого конфликта двух фундаментальных идей, этой полемики продемонстрировало отсутствие объективной отстраненности (по Ломонову, «журналист не должен спешить с осуждением» события/гипотезы) и практическую невозможность для этой дисциплины «возвыситься» над спором и сделать попытку объективного анализа культурно-исторической самоидентификации России. Журналисты, публицисты полемизировали между собой отстаивая свои точки зрения касательного глобального пути движения России, не имея возможности «воспарить» над поднятой, безусловно, важной проблемой. Журналистика оказалась в подчинении парадигм, не пытаясь соединить одну с другой, показав тем самым всю сложность и противоречивость не только культурно-исторической динамики, но и бытия в целом. Эту сложность и противоречивость мира ярко сумел отразить Эдгар Морен, утверждавший, что истина заключается в объединении антагонистических, но вместе с тем и дополняющих друг друга понятий (порядок – беспорядок; индивид – общество) [11, с. 14]. В этой связи спор западников и славянофилов не полностью правомерен, поскольку развитие России, в рамках диалогики Морена, неотделимо от Запада, а развитие Запада неотделимо от России. Два полюса взаимодействуют, обеспечивая взаимопроникновение и медиацию идей, методов, решений политических и экономических проблем. Они взаимообуславливают друг друга, являясь при этом антагонистами (Россия – не Запад, Запад – не Россия).

При этом конфликтно-полемизирующий характер развития общественно-политической жизни России значительно повлиял на становление отечественной журналистики, поскольку журналисты отныне стремились углубить свое понимание и интерпретацию явлений и событий, подчиняясь той или иной парадигме. Теперь журналист не просто сообщал обществу некую информацию, вступая в диалог с ним, но и стремился передать ее культурно-глубинный подтекст в соответствии со своей западнической или славянофильской интерпретацией.

XIX век, таким образом, подарил углубление мысли журналиста, развитие полемики и вместе с тем показал неспособность журналистики «воспарить» над важнейшей проблемой, путем привнесения в ее осмысле-

ние философских начал. Между тем, это представляется важным: задача журналиста – путем абстрагирования от объекта объяснить суть явления/процесса, при этом полностью не абстрагируясь от него.

Углубление мысли происходило на страницах издаваемых газет, журналов, статей, писем, где развернулась настоящая война полюсов общественно-политической мысли.

Первое «Философическое письмо» Чаадаева яркий пример убеждений во вторичном характере русской культуры по отношению к другим культурам. Оно было опубликовано в 1836 году, когда русская культура продолжала на волне патриотического подъема после войны с Наполеоном возвращаться «к себе». XVI-II век стал засильем иностранцев в России: французский язык стал языком общения светского общества, салоны не могли обойтись без французской моды, многие книги издавались на французском, в связи с чем дворяне-аристократы писали друг другу письма на французском (вспомним хотя бы пушкинскую Татьяну, которая писала письмо Евгению Онегину на французском или салон Анны Павловны Шерер у Толстого).

Война с Наполеоном стала катализатором возвращения русской культуры к «себе». Л.Н. Толстой наглядно показал, что русские не желали жить «под французом» на волне культурно-патриотического подъема, обеспеченного войной 1812 года. Эта черта, обнаружившееся желание «быть собой», помогла одержать победу над французом [12, с. 132].

Именно в таких культурно-исторических условиях было опубликовано письмо Чаадаева, когда Россия проделала весомый путь «к себе». Думается верным утверждать, что это самое возвращение «к себе» русской культуры (при этом французские манеры, мода, язык нигде не делись, их влияние скорее снизилось) вызвало всеобщий общественный резонанс, реакцию в виде ярко выраженной общественно-политической мысли, обосновывающей самобытность России. Утверждения Чаадаева о «мрачном и тусклом существовании» отечества не могло не вызвать взрыв.

Тут мы видим упомянутое выше углубление мысли о самоидентификации русской культуры: поиск ответа на вопрос «что есть Россия?», а также создание парадигм западничества и славянофильства, их теоретическую разработку. Логикой развития этих полярных начал стало появление ярких идеологов, которые в окончательной форме стремились выразить суть обозначившихся полярных течений в общественно-политической жизни России XIX века. В споре славянофилов и западников такими главными идеологами стали А. Хомяков и А. Герцен.

Решение вопроса о развитии культуры России были высказаны Герценом в 30-е гг. XIX столетия и близко связаны с концепцией «всемирности». В этот период он подчеркивал родство русского народа с другими народами Европы и видел в этом основание для того, чтобы Россия заняла свое достойное место в мире. Цель России, по Герцену, состоит в поиске пути западного развития. «Принадлежат ли славяне к Европе? Нам кажется, что принадлежат, ибо они на нее имеют равное право со всеми племенами, приходившими окончить насильственной смертью дряхлый Рим и терзать в агонии находившуюся Византию», – писал он [13, с. 30–31].

Впоследствии, уже в эмиграции, Герцен разочаровывается в западном обществе, констатируя победу материального в европейском социуме, что писатель называл «мещанством». «Пора прийти к покойному и смиренному сознанию, что мещанство окончательная форма

западной цивилизации», – отмечал Герцен [14, с. 129–198.].

В этом смысле он уже видит преимущество русского народа: он не так сильно подвержен «мещанству», как Запад, а, следовательно, имеет для себе позитивные исторические перспективы. Таким образом, мы еще раз видим подтверждение тезису о неправомерности упрощения взглядов западников и славянофилов [12, с. 136].

Идею «всемирности» в «поиске» России в мире, ее самоидентификации находим и у славянофилов. «Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т.п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какую-нибудь силой истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет?», – вопрошал Киреевский в своем ответе на статью Хомякова «О старом и новом», где последний, в частности, назвал «благодетельной грозой» для России преобразование Петра I [15]. Концепция «всемирности» ярко выражена у Ф.М. Достоевского, который в своей речи о Пушкине говорил: «укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт» [16]. Русский народ, по Достоевскому, это народ «всемирной отзывчивости», мысль о которой присутствует как у западников, так и славянофилов, что еще раз показывает переплетенность концепций тех и других между собой.

Основным отличием взглядов западников и славянофилов стало то, что первые в большей степени в своих сочинениях обращались к западной модели как эталонной, параллельно критикуя в том числе и ее саму, а вторые – в большей степени педалировали идею самобытной России. И те и другие были преисполнены любви к России, и те и другие обращали свое внимание на Запад, и те и другие не отрицали интегрированность («отзывчивость») русского народа. В этом контексте между западниками и славянофилами было много общего, но проблема самоидентификации определялась ими по-разному.

Западники и славянофилы не были профессиональными журналистами в современном понимании, скорее выступая общественно-политическими публицистами своей эпохи, однако этот факт не отрицает того, что спор о самоидентификации русской культуры стал крайне важной вехой в истории отечественной журналистики, ведь речь зашла не о простой медиации сообщаемого и внимающего, речь зашла об углублении смыслов, сюжетов, выбираемых авторами текстов. Последний фактор не мог не оставить своего следа в журналистике, поскольку и сегодня в нашей стране некоторые журналисты продолжают идентифицировать Россию либо как часть Запада, либо как самобытную культурно-историческую общность, которая, безусловно, неотделима от Запада, но при этом остается «сама в себе». Иными словами проблема самоидентификации в отечественном инфополе никуда не делась.

XX век стал следующей вехой в становлении отечественной журналистики. С приходом власти Советов в России произошла трансформация журналистики, произошло ее подчинение марксистско-ленинской парадигме. Вместе с тем проблема самоидентификации России осталась, также претерпев трансформацию. Если в текстах славянофилов русская религия и культура позиционировались как «внутренний» феномен развития России, а западноевропейское христианство и менталитет отличались таким образом при помощи слова «внеш-

ний», то с приходом советской власти этот антагонизм сохранился [17, с. 123]. Теперь «внутренним» считались завоевания революции, а «внешним» – капиталистический мир. Антитеза «мы – они» сохранилась на качественно другом уровне. Ю.М. Лотман писал о конструировании «антимодели – центра греховности, культурного разложения или опасного, агрессивного центра, являющегося исконным, по своему месту во Вселенной, врагом России. В годы революции буржуазный мир представлялся в образе крепости, расположенной в центре некоего пространства, а революционный мир – силой, которой исторически суждено взять крепость Зла» [10]. Таким образом, буржуазный мир в рамках марксистско-ленинской парадигмы, мир капитала, – это мир Зла и Смерти, а мир социализма воспринимался в качестве прогрессивного культурно-исторического пути к коммунизму, по которому пошла Россия. Отсюда идет противопоставление Советская Россия – Запад. СССР выступил прогрессивной антитезой миру капитализма, что стало парадигмой, в рамках которой выступила отечественная журналистика.

Советская парадигма становления журналистики привнесла с собой идеи интернационализма, необходимости отказа от конфликтов, идеи гармоничного развития личности, а также призывы ко всемирной революции, которая подразумевала шаг человечества в будущее. Идеи гармонии личности на практике реализации марксистско-ленинской догмы вылились в небывалое развитие образования в Советской России, что стало основой формирования позитивной экофилософии Человека: пропагандировались идеи мира, братства, физического и духовного развития личности. Однако такая парадигма, одновременно со всем упомянутым подразумевающая всемирную революцию, вступила в противоречие с западной концепцией капиталистического развития, что стало почвой для Холодной войны. В таких условиях, а также в контексте демонизации социальных достижений Советской России, идеи гармонизации личности оказались «размазаны» в глазах западной публики и в нашей исторической памяти.

Именно эту парадигму развития личности, педалировавшуюся в Советской России вспоминал Александр Зиновьев, когда писал о резком снижении образования для широких слоев населения уже в новой России – Российской Федерации и моральной деградации человека. «Моральный уровень населения... не повышается, а оглушение усиливается. Сектантство. Мракобесие, исходящее с высот науки. Худшие явления западной идеологии, мощный поток устремившиеся в Россию. Неудержимая фальсификация истории и настоящего. Крах системы ценностей прошлых поколений. Одним словом – идеологическая помойка, клоака, мусорная свалка. И никаких возможностей для просвещения масс» [18, с. 503].

Пессимизм Зиновьева по отношению к «новой России», Российской Федерации, к счастью, не оправдался, поскольку сейчас наши современники имеют дело с не столь ужасающей картиной социальной реальности, какая была представлена российским социологом и философом. Однако думается верным утверждать, что пессимистическое восприятие реалий России 90-х годов Зиновьевым и его алармизм по этому поводу могут и должны стать основой для развития экофилософской парадигмы гармоничного развития личности в государстве. Средством для достижения целей по воспитанию в индивидууме таких общечеловеческих ценностей, как любовь к ближнему, семье, друзьям, Родине, своему Дому, Природе должна стать журналистика. Именно это и является той парадигмой, которой она должна подчи-

няться в России XXI века и в будущем. Именно здесь должна пережить свой расцвет медиация человека и медиа, их общее взаимодействие на благо Природы и общего Дома. Так Россия может стать ярким примером для Запада, где человеку навязывается перевернутые представления об истории, о ценностях, где подростки в 15 лет считают абсолютно нормальным смену пола, «подкрепляя» свои рассуждения и выводы «свободой». Само понятие «свобода» на Западе беспощадно эксплуатируется (впрочем, как и понятие «демократия»), что приводит к обесцениванию этого термина и его смысла. Отсылаясь к рассуждениям Жана Бодрийяра, можно говорить, что оно переходит в разряд гиперреальности, оказываясь лишь симулякром [19]. Таким же образом симулякрами становятся общечеловеческие ценности на Западе, которые подменены искусственными: фальсификация истории, запрещенное в России ЛГБТ, реабилитация нацизма. Все это прикрывается «свободой».

К слову, Бодрийяр, как философ эпохи постмодернизма, писал об «имплозии смысла» во всем в нашей реальности. По его замечанию, эта имплозия характерна в том числе и для журналистики. «СМИ недостает целей, заинтересованности, историй, слов. Именно это и является фундаментальной проблемой. Поэтому цель заключается в том, чтобы создать то, чего не хватает, любой ценой, и эта передача предназначалась для этого: уловить искусственное тепло от мертвого события, чтобы разогреть мертвое тело социального», – писал Бодрийяр [19, с. 73]. Сегодня отечественная журналистика имеет шанс «разогреть мертвое тело», это «то, чего не хватает»; медиа нужно взять на вооружение концепцию экофилософии и развивать в общественных кругах идеи Заботы, Любви, уважению к планете как к единому для всех Дому. Может, именно так у человечества будет шанс избежать новой мировой войны? Впрочем, мир денег и симуляций сильно противостоит той позитивной экофилософской парадигме, о которой идет речь.

«Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации, и все меньше и меньше смысла», – провозглашал французский философ [19, с. 109]. Стремительное накопление информации с пропорциональным уменьшением смысла – это главный вызов, с которым сталкивается журналистика не только в России, но и за рубежом сегодня. Неповторимых авторов, высказывающих свое мнение и предлагающих человеку аналитику политики, экономики, социальных отношений, в наши дни становится все меньше, а газеты и агентства предоставляют информацию зрителю/читателю в таких объемах, что после пролистывания ленты новостей мало что помнишь.

В этом смысле концепция создания культурно-природного ландшафта, развитие которой предлагается Э.В. Барковой, является необходимой парадигмой отечественной и мировой журналистики. Она подчеркивает, что «философия информационного общества как методология изучения перспектив бытия современного мира оказывалась направленной лишь на продуцирование, хранение, трансляцию и воспроизводство информации, коммуникативных сетей, где нет места для пространства роста ответственности человека за судьбу Родины, культуры, Природы и Земли как общего Дома» [7, с. 118]. В этой связи именно информационная экология должна стать тем флагом, который должен быть в руках отечественной журналистики XXI века.

Литература

1. Герберштейн С. Записки о Московии. – СПб., 1866.

2. Вести-Куранты. 1600–1639 / Под ред. С.И. Коткова. Академия наук СССР. Издательство «Наука», М. 1972. – 350 с.
3. Вести-Куранты. 1656 г. 1660–1662 гг. 1664–1670 гг. Часть 1. Русские тексты / Под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер. М., 2009. – 858 с.
4. Рохленко Д. Первая русская печатная газета. Наука и жизнь. № 3, 2007 // URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/9324/> (дата обращения: 03.10.2024).
5. Ахизер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики. Мир России. 1995. № 1.
6. М.В. Ломоносов. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии // URL: https://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (дата обращения: 04.10.2024).
7. Баркова Э.В. Информационная экология в целевых стратегиях экофилософии. Право и практика. Научный журнал НИИ истории, экономики и права и кубанской коллегии адвокатов адвокатской палаты Краснодарского края – М.: НИИ ИЭП, 2024. – № 3. – 131 с. – С. 117.
8. Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М., 1874. С. 198–202.
9. Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. М.: Изд-во МГУ, 1995.
10. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и западом // Знамя. – М., 1997. – Вып. 9. // URL: <http://www.philology.ru/literature2/lotman-97.htm> (дата обращения: 07.10.2024).
11. Морен Э. Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
12. И.И. Евлампиев, Е.В. Громова. Славянофильство и западничество как формы русского национально-самосознания: анатомия конфликта и его результаты. Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Том 20. Выпуск 3. С. 130.
13. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. / Ред. кол. В.П. Волгин. М., 1954.
14. Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954–1965. – Т. 16.
15. Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову // Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – С. 143–153.
16. Ф.М. Достоевский. Речь о Пушкине. Произнесено 8 июня 1980 г. в заседании Общества любителей российской словесности // URL: <https://russian.cornell.edu/russian.web/courses/309/Dostoyevsky-o-Pushkin-speech.html> (дата обращения: 08.10.2024).
17. Мьер К.Й. Образ России в учении славянофилов. История философии 2019. Т. 24. № 1. С. 122–134.
18. Зиновьев А.А. Русская трагедия. – М.: Родина, 2023. – 544 с.
19. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

HISTORICAL FORMS OF JOURNALISM FORMATION IN RUSSIA OF THE XVIII–XX CENTURIES: TOWARDS THE STUDY OF THE SELF-DETERMINATION OF DOMESTIC JOURNALISM

Falco E.A.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the historical forms of journalism formation in Russia of the XVIII–XX centuries. The main milestones of its devel-

opment are identified, as well as the role that domestic journalism has played in history and may play in the future. The author notes that the philosophical paradigm of the Russian media may be prevalent in the system of development of domestic media of the XXI century.

Keywords: journalism, mass media, history, ecophilosophy, mediation, dialogue, society, man.

References

1. Herberstein S. Notes on Muscovy. – St. Petersburg, 1866.
2. Vesti-Kuranty. 1600–1639 / Ed. S.I. Kotkov. USSR Academy of Sciences. Nauka Publishing House, Moscow, 1972. – 350 p.
3. Vesti-Kuranty. 1656. 1660–1662. 1664–1670. Part 1. Russian texts / Ed. A.M. Moldovan and Ingrid Mayer. Moscow, 2009. – 858 p.
4. Rokhlenko D. The First Russian Printed Newspaper. *Science and Life*. № 3, 2007 // URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/9324/> (date of access: 03.10.2024).
5. Akhiezer A.S. Russia: Some Problems of Sociocultural Dynamics. *Mir Rossii*. 1995. № 1.
6. M.V. Lomonosov. Reasoning about the Duties of Journalists in the Presentation of Their Works, Intended to Maintain Freedom of Philosophy // URL: https://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (date of access: 04.10.2024).
7. Barkova E.V. Information Ecology in the Target Strategies of Ecophilosophy. *Law and Practice*. Scientific journal of the Research Institute of History, Economics and Law and the Kuban Bar Association of the Bar Association of Krasnodar Krai – M.: Research Institute of Economics and Law, 2024. – No. 3. – 131 p. – P. 117.
8. Pogodin M.P. Historical and political letters and notes during the Crimean War. M., 1874. Pp. 198–202.
9. Blagova T.I. Founders of Slavophilism. A.S. Khomyakov and I.V. Kireevsky. M.: Moscow State University Publishing House, 1995.
10. Lotman Yu.M. Modernity between East and West // *Znaniya*. – M., 1997. – Issue. 9. // URL: <http://www.philology.ru/literature2/lotman-97.htm> (date accessed: 07.10.2024).
11. Moren E. *Method. Nature of Nature*. M.: Progress-Tradition, 2005. – 464 p.
12. I.I. Evlampiev, E.V. Gromova. Slavophilism and Westernism as Forms of Russian National Self-Consciousness: Anatomy of the Conflict and Its Results. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2019. Volume 20. Issue 3. P. 130.
13. Herzen A.I. *Collected Works: in 30 volumes* / Ed. team V.P. Volgin. M., 1954.
14. Herzen A.I. *Ends and Beginnings* // Herzen A.I. *Coll. comp.: In 30 volumes*. – Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954–1965. – Vol. 16.
15. Kireevsky I.V. In response to A.S. Khomyakov // Kireevsky I.V. *Criticism and aesthetics*. – Moscow: Art, 1979. – Pp. 143–153.
16. F. M. Dostoevsky. Speech about Pushkin. Delivered on June 8, 1980 at a meeting of the Society of Lovers of Russian Literature // URL: <https://russian.cornell.edu/russian.web/courses/309/Dostoyevsky-o-Pushkine-speech.html> (date of access: 08.10.2024).
17. Myer K.I. The image of Russia in the teachings of the Slavophiles. *History of Philosophy* 2019. Vol. 24. No. 1. Pp. 122–134.
18. Zinoviev A.A. *Russian tragedy*. – M.: Rodina, 2023. – 544 p.
19. Baudrillard, J. *Simulacra and simulation* / J. Baudrillard; [translated from French by A. Kachalova]. – M.: Publishing house "POSTUM", 2015. – 240 p.

Социальная адаптация молодых специалистов: социологический анализ

Ананичева Софья Робертовна,

доцент, канд. соц. наук, Высшая школа социальных и политических наук, Институт социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: sofyakhv@yandex.ru

В статье рассмотрено и концептуализировано понятие «социальная адаптация молодых специалистов», определены составляющие и особенности данного процесса. Автором анализируется понятие «социальная адаптация» применительно к социальной группе молодые специалисты, определяется ее структура, выявляются внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на адаптацию молодых специалистов. В статье рассматриваются процессы социальной адаптации молодых специалистов: как теоретико-методологические основы исследования социальной адаптации молодых специалистов, так и современные особенности ее реализации с позиции социологической науки. Описываются правовой, социально-экономический, социокультурный и социально-психологический аспекты адаптации, устанавливаются условия успешной адаптации молодых специалистов в профессиональной сфере.

Ключевые слова: молодой специалист, социальная адаптация, дезадаптация, адаптация молодого специалиста, профессиональная адаптация, социально-психологическая адаптация.

В современной России, где глобализация и конкуренция играют важную роль, способность к быстрой и успешной социально-профессиональной социализации и адаптации молодежи является неотъемлемой частью профессиональной компетентности молодого специалиста. Это означает, что молодым специалистам необходимо быть готовыми к интеграции в новую рабочую среду, адаптироваться к изменяющимся условиям и технологиям, а также развивать навыки, необходимые для эффективной работы в команде и постоянной самообразовании. Поэтому, среди социально-экономических проблем, затрагивающих интересы молодежи, была и остается проблема их трудоустройства, профессиональной ориентации, социально-профессиональной социализации. Одной из значимых актуальных проблем, с которой сталкиваются выпускники, впервые трудоустраивающиеся после учебных заведений, является вопрос социальной адаптации и дальнейшего самоопределения. Проблематика ускорения процесса социальной адаптации новичков в профессиональной сфере и использование их потенциала является существенной, как и для руководителей различных уровней, так и для профессорско-преподавательского состава учебных заведений.

До сих пор научной средой не выработано универсального понятия и четких критериев для определения категории «молодые специалисты». Размытыми остаются возрастные рамки, качество образования и опыт работы, определяющие молодого человека как «молодого специалиста». Тем не менее, отчетливо видно, что категория «молодых специалистов» частично совпадает по возрастным критериям с категорией «молодежь». В соответствии с установленной доктриной, концепцией и стратегией государственной молодежной политики, молодежью считаются граждане в возрасте от 14 до 30 лет [6]. Вследствие того, что специфическая социальная группа, относящаяся к молодежи по возрасту, представляет собой дифференцированное объединение, включающее людей с различным уровнем образования, образом жизни, потребностями и ценностями. В следствие этого целесообразно рассматривать молодых работников как особую категорию рабочей силы, из-за ряда уникальных особенностей. С точки зрения поиска работы молодые специалисты чаще оказываются более уязвимыми. Управление процессом адаптации новичков на рабочем месте является более сложным и трудоемким, так как многие молодые специалисты не обладают опытом трудовой деятельности, не привыкли к определенному режиму работы и интенсивности, имеют затруднения с принятием самостоятельных решений, а также испытывают сложности с принятием ответственности за свои действия. Для молодых специалистов характерно различие между профессиональными планами и реальными условиями труда. Также высокий уровень профессиональных ожиданий, сформированных в процессе обучения в учебных заведениях, не может быть реализован в исполнительных работах, предлагаемых работодателями работникам без опыта работы. Существенная разница в уровне заработной платы между профессионалом и новичком, который хоть и обладает

необходимой квалификацией, но еще не имеет практического опыта в производственной сфере.

Молодой специалист, это впервые трудоустроившийся по своей профессии, в период первого года, после окончания обучения в образовательном учреждении. У выпускников учебных заведений часто формируются определенные ожидания об их будущей трудовой деятельности. В тех ситуациях, когда эти ожидания не совпадают с реальностью, молодые специалисты будут разочарованы своей работой. После завершения обучения в соответствующем учебном заведении наступает переход от теоретических знаний к практической реализации своего трудового потенциала. Очень часто данный переход тяжело дается молодому специалисту, он утрачивает уверенность в своих знаниях и силах, начинает задумываться о смене работы, где как ему кажется, он сможет более профессионально выполнять свои должностные обязанности. Как показывает практика, большая часть трудоустроившихся выпускников увольняются с работы в течение первого года работы. Проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются бывшие выпускники, в начале своей трудовой деятельности, могут быть следующими: нехватка практических навыков и способностей; переоценка своих возможностей; не соответствие реальности ожидаемому успеху; трудности при выстраивании коммуникации с коллегами и руководителями и др.

Таким образом, процесс дезадаптации молодых специалистов можно описать: низким социальным статусом; социальной пассивностью, низким уровнем интеграции и эмоциональной активности в трудовом коллективе. Чтобы не допустить вышеперечисленные ситуации, необходимо помочь молодым кадрам успешно и желательно в краткие сроки адаптироваться, как к профессиональной деятельности, так и к трудовому коллективу. Несомненно, в полной мере эти задачи можно решить только при условии организованного процесса профессиональной адаптации молодых специалистов.

Особенности процесса профессионально-трудовой адаптации молодежи к общественной жизни активно изучались исследователями, как в России, так и за рубежом. Представители структурно-функционального подхода, такие как Эмиль Дюркгейм и Толкотт Парсонс, анализируют социализацию с помощью выявления причин и функций, которые влияют на поведение индивида независимо от его желаний. Изучение социализации в рамках стратификационной концепции, представленной Максом Вебером и Питиримом Сорокиным, подчеркивает её роль в регулировании работы социальных институтов. Социологический подход Макса Вебера к институту образования выделяет его как источник социального расслоения общества. Российские ученые (Э.З. Галимова, Т.И. Заславская, Н.Е. Покровский и др.) в своих исследованиях обращают внимание на влияние уровня образования, статуса, доходов и других факторов на адаптивные возможности молодых специалистов. Социологические исследования, проведенные в последние годы, показывают, что существует необходимость поиска новых подходов к пониманию человеческого капитала на производстве. Представители компетентностного подхода (Беккер, Бурдые, Зеер, Колман, Равен) исследуют взаимосвязь между профессиональными навыками и содержанием профессионального образования [3].

Социальная адаптация молодых специалистов – это процесс интеграции бывших выпускников и производственной среды, в которой в рамках адаптации приобретают определенное положение в социально-профессиональной иерархии. Адаптация в новой профессиональной среде – это сложный процесс, требующий значительных изменений во внутреннем мире мо-

лодого специалиста. Он должен, желательно в короткие сроки, перестроить свои привычки, которые могут препятствовать полному раскрытию его возможностей перед коллегами и руководителями, а также контролировать неуместные эмоциональные реакции.

Ключевые компоненты процесса профессионально-трудовой социализации включают в себя:

- 1) Личностные качества: такие как образование, эмоциональный интеллект, ответственность, коммуникабельность, толерантность, умение работать в коллективе и другие.
- 2) Ценности: собственные ценности и ценностные ориентации молодого специалиста могут влиять на выбор профессии и путь профессионального развития.
- 3) Знания: общие и специальные знания, полученные в процессе обучения, играют важную роль в формировании профессиональной компетенции.
- 4) Умения и навыки: практические навыки и умения, такие как аналитическое мышление, организационные способности, умение принимать решения, также необходимы для успешной профессиональной деятельности.

Современные исследования, проблемы социальной адаптации молодых специалистов, выявляют следующие цели процесса адаптации: сокращение расходов (чем быстрее новичок адаптируется к производственной среде, тем быстрее он начнет работать эффективно); снижение текучести кадров (успешное интегрирование новичка в корпоративную среду, поможет снизить риски поиска новой работы по причине повышенного дискомфорта на рабочем месте); снижение уровня психоэмоционального напряжения у начинающего сотрудника.

К основным факторам, влияющим на процесс социальной адаптации и мотивации молодых кадров является:

- готовность предприятия и корпоративной среды принять бывших выпускников;
- адаптация новых сотрудников в небольших компаниях проходит менее формализовано, чем в больших (это обусловлено небольшим размером организации);
- уровень корпоративной культуры: открытость, наличие адаптационных механизмов и процедур;
- социально-психологический климат на предприятии (в дружелюбной обстановке процесс интеграции молодых специалистов протекает быстрее);
- цели молодых специалистов (нацеленность на долгосрочное сотрудничество);
- занимаемая должность (ответственность и объем профессиональных задач могут потребовать длительного периода адаптации новичка).
- личностные качества молодого специалиста: его эмоциональный интеллект, коммуникативные навыки, образование, квалификация.
- соответствие умений, знаний и квалификации, полученных в системе образования той должности, которую человек занимает.

Согласно исследованиям Роберта Мертона, процесс социализации включает в себя взаимодействие индивида с обществом, в результате которого формируются социальные навыки, ценности, нормы и установки. Успешная адаптация предполагает способность индивида соответствовать требованиям и ожиданиям общества, а также быть способным взаимодействовать с другими людьми в социальных ситуациях. Таким образом, социализация играет ключевую роль в формировании личности и определении ее места в обществе [5]. Для того чтобы успешно интегрироваться в профессиональное сообщество, молодому специалисту необходимо учиты-

вать особенности и ценности социальной группы, к которой он присоединяется. Он должен проявлять уважение к старшим коллегам, быть открытым к общению и сотрудничеству, стремиться к совершенствованию своих профессиональных навыков и знаний.

Важно также уметь адаптироваться к изменяющимся условиям работы и быть готовым к развитию профессиональной карьеры. Молодому специалисту стоит быть гибким и открытым к новым идеям, уметь быстро адаптироваться к новым технологиям и требованиям рынка труда. Таким образом, социальная группа играет важную роль в процессе социально-профессиональной социализации молодого специалиста, и важно уметь адаптироваться к особенностям и ценностям данного сообщества для успешной реализации профессиональной карьеры.

В процессе социальной адаптации и мотивации молодых специалистов можно выделить два ключевых этапа. На первом этапе, происходит обучение в высшем учебном заведении, на котором формируются теоретические и профессиональные знания, умения и навыки молодого специалиста. Второй этап включает в себя вхождение в профессиональную среду, где происходит развитие профессиональных компетенций молодого специалиста.

Процесс профессиональной социализации начинается на стадии выбора специальности и продолжается на протяжении всей жизни, включая обучение, практику, работу. Важно, чтобы молодые специалисты осознавали свои цели и мотивы, развивали свои способности и навыки, чтобы эффективно реализовать себя в выбранной профессии. В начале карьеры бывший выпускник формирует новую личность, приобретает новые знания и навыки, и его поведение изменяется, чтобы лучше соответствовать новому статусу молодого специалиста. Только через это адаптация может быть успешной и привести к полному раскрытию нашего потенциала. Адаптация молодежи, это процесс привыкания не только к изменяющимся условиям жизни, но и также процесс ускоренного усвоения норм и ценностей коллективного профессионального взаимодействия, профессиональных знаний, трудового кодекса и этикета. Эффективность трудовой реализации молодых кадров обусловлена не только степенью приспособления на профессиональном уровне, но и социально-психологическим климатом в коллективе. Поэтому социально-психологическая адаптация для молодых специалистов является значимым фактором, влияющим на успешное выполнение взятых ими на себя профессиональных ролей. Под социально-психологической адаптацией понимается приспособление к новому социальному окружению, его традициям, ценностям, а также к новой форме руководства [1]. Необходимо отметить, что социальная адаптация является двусторонним процессом. Во-первых, молодой специалист осознанно выбрал предприятие для трудоустройства, обладает внутренней мотивацией и несет определенные обязательства за принятое решение. Во-вторых, само предприятие берет на себя ответственность, принимая на работу молодого специалиста. Получение двусторонней выгоды, сотрудник должен выполнять задачи, которые выдвигает организация, в обмен на значимые для него блага [2].

Социально-профессиональная адаптация молодых сотрудников включает в себя успешную интеграцию в профессионально-трудовую среду предприятия, обретение ими значимого положения в профессиональной стратификации, а также формирование необходимого уровня профессиональной идентификации. Этап адаптации означает принятие каждым новым работником всех необходимых элементов профессиональной дея-

тельности: ее предмета, методов, результатов, условий в пределах конкретной специализации. Такая профессиональная адаптация связана с приспособлением нового сотрудника к особенностям планирования работы, системе управления, социальным взаимосвязям, методам руководства в профессионально-трудовой среде. Профессиональная адаптация означает плавное приспособление сотрудника к своей профессии, активное усвоение конкретных задач, входящих в рабочий процесс, совершенствование профессиональных навыков за счёт приобретения новых знаний и умений. В результате этого профессиональные навыки достигают уровня, позволяющего эффективно выполнять свои обязанности. Профессиональная адаптация и мотивация молодых специалистов характеризуется интересом к самосовершенствованию и повышению квалификации, что в свою очередь обеспечивает высококвалифицированную рабочую силу. Также особую роль оказывает психологическое состояние молодого сотрудника, которое положительно влияет не только на коллектив в целом. В целом успешная социальная адаптация молодых кадров характеризуется высоким социальным статусом, интегрированностью в деятельность трудового коллектива, высокой работоспособностью, профессиональным ростом, самостоятельностью в принятии решений и т.д. [4].

Для того чтобы оценить эффективность профессионально-трудовую социализацию молодых специалистов, необходимо определить уровень их усвоения и воспроизводства профессиональных навыков. Основной целью системы образования является подготовка высококлассных кадров, которые смогут быстро адаптироваться к условиям профессионально-трудовой среды. Образование служит ключевой составляющей как социальных, так и профессиональных процессов социализации. В этом контексте система образования нацелена на выполнение следующих основных задач:

1. социализация будущих профессионалов среди молодежи, включая усвоение норм, систем ценностей и принципов жизни, необходимых для выполнения профессиональных задач;

2. пропагандирование культурного наследия в обществе посредством передачи знаний, нравственных ценностей и норм поведения, характерных для различных специальностей.

3. процесс социально-профессионального подбора, посредством которого специалисты отличаются на основе приобретенных опытов, навыков и поведений, в конечном счете формируя их карьерные траектории.

При анализе процесса профессионально-трудовой адаптации молодежи в профессиональную среду стоит подчеркнуть важность образовательных учреждений, которые играют ключевую роль в формировании профессиональной идентичности, ценностей и поведенческих стандартов молодых специалистов. На данный момент система высшего профессионального образования, являющаяся одним из основных институтов социализации молодежи, находится в процессе активной трансформации. В результате чего особую актуальность получает проблема исследования продукта системы образования – высококвалифицированных кадров, а также особенностей их социально-профессиональной адаптации.

Важными аспектами социально-профессиональной социализации являются укрепление социальных связей в профессиональной среде, усвоение профессиональной этики и норм, адаптация к коллективу и корпоративной культуре организации, а также развитие профессионального самосознания и самоопределения. Этот процесс требует от молодого специалиста умения адаптиро-

ваться к новым условиям работы, принимать и уважать профессиональные стандарты и правила, развивать навыки коммуникации и сотрудничества с коллегами. Он также предполагает поиск оптимального баланса между профессиональной деятельностью и личной жизнью, а также стремление к профессиональному росту и развитию. Следовательно, социально-профессиональная социализация играет важную роль в успешной адаптации молодых специалистов на рынке труда и формировании их профессиональной идентичности. Она помогает им интегрироваться в профессиональное сообщество, изучать и применять новые профессиональные знания и навыки, а также строить успешную карьеру в выбранной сфере деятельности.

На данный момент выработан широкий спектр способов социальной адаптации и мотивации для молодых профессионалов, таких как менторство, учебные семинары, разнообразные тренинги и мероприятия. Так, метод обучения молодых специалистов на предприятии, такой как наставничество, является одним из самых популярных и востребованных. При таком способе адаптации, за новичком закрепляется профессиональный сотрудник, который в течение всего рабочего времени сопровождает его и помогает ему узнать как можно больше об особенностях занимаемой должности. Основными особенностями данной стратегии являются доступность реализации этого метода для самого предприятия, а также в персональном подходе к новичку и передаче опыта без отрыва самого наставника от своей работы. Этот подход позволяет значительно снизить уровень стресса у молодого специалиста и способствовать его успешной интеграции в трудовой процесс. Также, одним из эффективных методов адаптации молодого персонала, является метод, переключаясь с «наставничества», только вместо квалифицированного и опытного сотрудника за новичком закрепляется молодой специалист с опытом работы от нескольких месяцев до 1–2 лет трудового стажа. Высокими адаптационными показателями характеризуется и метод использования специальных программ, позволяющих новичку самостоятельно получать комплексную информацию о производственном процессе, отрабатывать профессиональные задачи, проходить тестирования, что в свою очередь позволяет руководству отслеживать работу новичка. Этот метод не требует закрепления за молодым специалистом профессионала. При использовании данного метода, необходимо отметить, что он в большей части направлен на развитие профессиональных навыков, следовательно, необходимо параллельно проводить интеграционные мероприятия, нацеленные на социальную часть адаптации. Все вышеперечисленные методы социально-профессиональной адаптации молодых специалистов можно применять как отдельно, так и в комплексе, что позволит трудовым организациям значительно снизить расходы на проведение интеграционных мероприятий, а также повысить уровень квалификации персонала.

Для молодых специалистов, которые попали в новую жизненную среду и трудовую среду, очень важно получить поддержку и помощь в процессе социальной адаптации. Этот период может быть очень сложным и стрессовым, поэтому необходимо, чтобы работодатель предоставил не только профессиональную помощь, но и обеспечил комфортные условия для адаптации. Для успешной социальной адаптации молодого персонала можно проводить различные мероприятия, такие как интеграционные программы, обучающие семинары, коучинг и менторинг. Это поможет им быстрее войти в коллектив, познакомиться с новыми людьми и разобраться во всех нюансах работы. Кроме того, важно уделить

внимание не только профессиональной деятельности, но и развитию личности молодых специалистов. Поддержка в процессе саморазвития, поддержка в развитии навыков коммуникации и самоуправления могут значительно улучшить адаптацию и повысить мотивацию к работе.

В целом, процесс социальной адаптации молодых кадров должен быть корректно организован и направлен не только на успешную профессиональную деятельность, но и на развитие личности и самореализацию сотрудников. Только в таком случае молодые специалисты смогут вырасти в профессионалов и стать ценными членами коллектива. Для успешной адаптации молодых специалистов необходимо учитывать несколько ключевых факторов. В первую очередь, важно, чтобы выпускники были готовы к профессиональной деятельности, имели определенные знания и навыки, интерес к выбранной работе, а также уверенность в себе. Для того чтобы улучшить процесс адаптации, необходимо создать оптимальный психологический климат и поддерживать добрые отношения в трудовом коллективе. Это поможет молодым специалистам чувствовать себя комфортно и уверенно на новом месте работы. Однако, необходимо осознать, что проблема адаптации молодых специалистов остается актуальной и ее решение требует комплексного подхода. Для этого предлагается разработать методы, которые обеспечат процесс социальной адаптации, сотрудничество между работодателями и образовательными учреждениями, а также повышение профессиональной мотивации как студентов, так и выпускников. Таким образом, успешная адаптация молодых специалистов зависит от их готовности к работе, профессиональных навыков и знаний, а также от создания благоприятной атмосферы в коллективе и эффективного взаимодействия между различными сторонами.

Литература

1. Белякова А.В. Критерии социально-психологической адаптации молодых специалистов-менеджеров / Белякова А.В. // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 10. – С. 18.
2. Володина Н.А. Участники адаптационного процесса: их роли и задачи / Н.А. Володина // Справочник кадровика. – 2021. – № 8. – С. 115–117.
3. Галимова Э.З. Концептуальные основы понимания сущности социализации выпускников высших учебных заведений // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 14. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 33. С. 41
4. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002. 252 с.
5. Мертон Р.К. Социальная структура и anomia // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 65–73.
6. Жукова А.В. Молодые специалисты – особая категория? // «Кадровик. Кадровый менеджмент». – 2011. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://hrportal.ru/article/molodye-specialisty-osobaya-kategoriya>.

SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG PROFESSIONALS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Ananicheva S.R.
Pacific National University

The article examines and conceptualizes the concept of “social adaptation of young professionals”, defines the components and features of this process. The author analyzes the concept of “social adaptation” in relation to the social group of young professionals, determines its structure, identifies internal and external factors that influence the adaptation of young professionals. The article examines

the processes of social adaptation of young professionals: both the theoretical and methodological foundations of the study of the social adaptation of young professionals, and the modern features of its implementation from the perspective of sociological science. The legal, socio-economic, socio-cultural and socio-psychological aspects of adaptation are described, and the conditions for successful adaptation of young specialists in the professional field are established.

Keywords: young specialist, social adaptation, disadaptation, adaptation of a young specialist, professional adaptation, socio-psychological adaptation.

References

1. Belyakova A.V. Criteria of socio-psychological adaptation of young specialists-managers / Belyakova A.V. // Successes of modern natural science. – 2013. – No. 10. – p. 18.
2. Volodina N.A. Participants in the adaptation process: their roles and tasks / N.A. Volodina // Handbook of personnel management. – 2021. – No.8. – pp. 115–117.
3. Galimova E.Z. Conceptual foundations of understanding the essence of socialization of graduates of higher educational institutions // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Issue. 14. Philosophy. Sociology. Cultural studies. 2009. No. 33. p. 41
4. Gritsenko V.V. Socio-psychological adaptation of immigrants in Russia. M., 2002. 252 p
5. Merton R.K. Social structure and anomie // Sociological research. 1992. No. 3. pp. 65–73.
6. Zhukova A.V. Young specialists – a special category? // “HR officer. Personnel management”. – 2011. – No. 6. [Electronic resource]. URL: <http://hrportal.ru/article/molodye-specialisty-osobaya-kategoriya>.

Ценностно-мотивационная детерминация профессионального становления государственных гражданских служащих органов власти

Бакунова Анна Сергеевна,

аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы Института экономики и управления НИУ «БелГУ»
E-mail: qsqzsqsz@bk.ru

В статье изучены основные подходы к определению понятий «ценность» и «мотивация», представлены некоторые из известных подходов к данным категориям, предлагаемые учеными из различных областей знаний. На основании анализа и обобщения которых определены авторские предложения их трактования. Обоснован выбор рассматриваемой автором профессиональной сферы и определена роль ценностно-мотивационных факторов при оценке кадрового потенциала отдельного государственного гражданского служащего для формирования качественного кадрового состава государственного органа в целом. Основные теоретические заключения базируются на том, что именно ценности определяют мотивацию человека к определенному действию или бездействию, выступают неким регулятивным механизмом поведения, том числе и трудового. Выводы теоретического исследования, представленные в данной статье, могут служить практическими рекомендациями для внесения изменений в методики проведения конкурсного отбора кандидатов на должности государственной гражданской службы органов власти, утверждаемые на уровне субъектов.

Ключевые слова: ценность, мотивация, государственная гражданская служба, кадровый потенциал, орган власти.

Введение

Формирование качественного кадрового состава государственной гражданской службы с конструктивными и жизненными ценностями и мотивационными установками является одной из первостепенных задач высших должностных лиц органов власти всех уровней, поскольку кадровый потенциал органа власти выступает ведущим фактором достижения плановых социально-экономических показателей территории и, соответственно, успешной деятельности структуры в целом.

Традиционно, основными качествами государственных гражданских служащих ученые выделяют: компетентность, работоспособность, активность, беспристрастность, честность и пр. Однако становление данных свойств личности предопределяется набором ценностных диспозиций и индивидуальных мотивационных факторов в конечном счете определяющих действие или бездействие государственных гражданских служащих в той или иной ситуации.

Методика

Многие вопросы связанные с анализом ценностно-мотивационных факторов в деятельности государственных гражданских служащих носят дискуссионный характер. Дискуссионность проявляется, прежде всего, в рассогласованности мнений относительно структуры ценностно-мотивационного профиля государственных служащих.

Методологической основой научной статьи является комплекс социологических концепций, способствующих полноценному пониманию особенностей ценностно-мотивационной сферы государственных гражданских служащих. Наиболее существенным эвристическим потенциалом в контексте исследуемой темы обладают:

- концепция социального действия М. Вебера, в рамках которой среди прочих выделен ценностно-рациональный тип поведения индивидов, основанный на ориентации личности при выборе поведения, на собственные, глубинные, нормы и установки;
- теория мотивации общественного служения (Public-service motivation, PSM) Дж. Перри и Л. Вайс, в рамках которой авторами определен набор факторов мотивирующих к работе на государственной службе.

Эмпирической основой статьи выступили результаты исследования «Чиновник нового поколения» проведенного в 2019 году, в котором приняли участие 4286 государственных служащих. Цель исследования выявление и анализ основных ценностных ориентаций государственных гражданских служащих.

Результаты

Важным для исследования ценностно-мотивационной сферы государственных служащих является анализ таких категорий как «ценности» и «мотивация», остановимся на них подробнее.

Понятие ценностей одним из первых в социологии употребил Т. Парсонс. Под ценностями он понимал «нормативный стандарт, который определяет желаемое по-

ведение системы относительно ее окружения без дифференциации функций единиц» [1].

М. Вебер в рамках теории социального поведения, так же останавливал свое внимание на важности ценностей и смыслов для индивида, ученый выделил ценностно-рациональный тип поведения, который «основан на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового» [2].

П.А. Сорокин определил понятие «ценность» в качестве одного из компонентов социального действия. По его мнению, «каждый процесс значимого человеческого взаимодействия состоит из трех компонентов... Эти компоненты включают в себя:

- 1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия;
- 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими;
- 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [3].

В целом, в философской и социологической науке ценности зачастую определяются как атрибутивные свойства личности проявляющиеся в виде норм, эталонов, принципов и представлений о себе и окружающей среде и отражающихся в поведении и поступках индивида.

В социологическом отношении «мотивация» определяется как «побудительная причина, повод к какому-либо действию, имеющий доводы в пользу чего-либо или осознанное побуждение к деятельности субъекта, личности, социальной группы, общности» [4].

Исследователи в области менеджмента определяют мотивацию трудовой деятельности как «стремление работника удовлетворить свои потребности в определенных благах посредством труда, направленного на достижение целей организации» [5].

Подводя итог теоретического анализа определений двух вышеупомянутых категорий в социологической науке, в нашем понимании, ценности – это значимые для человека стандарты, явления и идеалы, определяющие его приоритеты, поступки и действия на протяжении жизни. Ценности в классическом понимании носят минимально трансформационный характер, поскольку закладываются в человеке на стадии формирования личностного «я» и могут преобразовываться лишь под влиянием ключевых жизненных событий.

Мотивация, в свою очередь, выступает побуждением к действию, оказывающее влияние на принятие решения индивида. Мотивация, в отличие от ценностей, рассматривается по отношению к конкретному действию, а не как некий жизненный устоя.

Из данного суждения вытекает, что именно ценности определяют мотивацию человека к определенному действию или бездействию, выступают неким регулятивным механизмом его поведения, том числе и трудового.

Определив соотношение вышеупомянутых категорий, обратимся к рассмотрению ценностно-мотивационных детерминант в разрезе профессиональной деятельности государственных гражданских служащих органов власти. Важно отметить, что традиционно государственная гражданская служба в целом определяется бюрократизацией многих процессов. Специфика строгой иерархичности, жесткой подконтрольности, ложный традиционализм, избегание новаций и другие подобные факторы действительно оказывают серьезное влияние на трансформацию сознания госслужащих в сторону проявления

пассивности, безынициативности, негативных установок и оторочки выполнения поставленных задач.

При этом стоит отдать должное и отметить, что реформирование общей административной системы в Российской Федерации оказало определенное влияние на повышение эффективности деятельности органов власти. Проводя сравнительный анализ института государственной гражданской службы прошлых десятилетий, его устоев и общепринятых позиций, с нынешними течениями, направленными на избавление от консерватизма, формализма, на оптимизацию деятельности и открытость органов власти, следует отметить, что современный государственный гражданский служащий имеет возможность на самореализацию в данной профессии и проявление инициатив.

По результатам исследований за последние несколько десятилетий привлекательность работы в органах власти значительно возросла. После кризисов 2008 и 2014 гг., повлекших массовые увольнения в коммерческих сферах, статус профессий в госсекторе укрепился.

Необходимость акцента на трансформацию данного института и усиление престижа профессии обусловлено потребностью отказа от негативных устойчивых суждений о государственной гражданской службе в обществе. Главной отличительной чертой современного института государственной гражданской службы является то, что даже служащим низших должностных ступеней присуща возможность внесения предложений, инициирования новаций и реализация перспективных идей.

Наряду с общей трансформацией вышеупомянутого института меняются и возможности профессионального самоопределения государственных гражданских служащих. При этом базисом развития личности в профессиональной служебной деятельности остаются его ценностно-мотивационные характеристики как индивида.

Обратимся к исследованию «Чиновник нового поколения» проведенному в 2019 году, исследователями Центра оценки и развития управленческих компетенций, в котором приняли участие 4286 государственных служащих. Исследование было сосредоточено на выявлении ценностей наиболее важных для государственных гражданских служащих.

Исследование было проведено в 3 этапа. На первом этапе при используя психодиагностический метод М. Рокча были определены терминальные и инструментальные ценности присущие государственным гражданским служащим в зависимости от должностей (руководители, помощники, советники, специалисты, обеспечивающие специалисты). На втором этапе по методике чиновникам необходимо было выделить 30 ценностей из списка – от наиболее важных к наименее важным. На третьем этапе были исследованы основные элементы организационной культуры государственных гражданских служащих. В рамках нашего исследования обратимся к результатам второго этапа исследования (рис. 1).

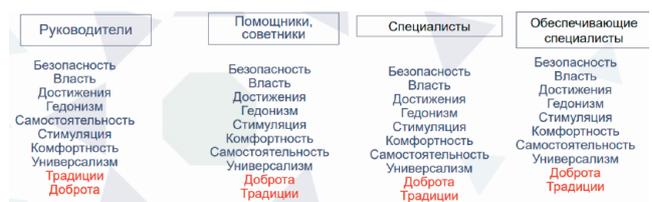

Рис. 1. Распределение ценностей пол мнению государственных гражданских служащих (от наиболее важных к наименее важным)

Результаты исследования показали, что «идет характерное доминирование следующих 8 потребностей: без-

опасность, власть, достижения, гедонизм, стимуляция, комфортность, самостоятельность, универсализм. Они распределены абсолютно одинаково во всех возрастных группах и должностях, различие только в ценностях доброта и традиции. В категории Руководителей традиции стоят выше по рангу, нежели в группах: Помощники/Советники, Специалисты, Обеспечивающие специалисты. Это может быть объяснимо ежегодной сменой поколений – со временем традиции могут утрачиваться» [6].

Классическими примерами профессиональной мотивации в государственной гражданской службе могут выступать: карьерный рост и материальное стимулирование. Обе мотивационные составляющие несут в себе определенную базисную ценность. Карьерный рост не выступает человеческой ценностью как таковой, скорее берет свою основу в желании общественного признания, что в свою очередь может выступать ценностью личности. Так и материальное стимулирование базируется на качестве жизни. Ценностью в данном примере выступает не богатство человека, а возможность реализовывать свои потребности или иметь дополнительные блага.

Обсуждение и заключение

Таким образом, ценностно-мотивационные детерминанты выступают базисной составляющей личностной характеристики государственного гражданского служащего. Такие навыки как работоспособность, эффективность, активность и коммуникабельность являются приобретенными умениями, зависящими скорее не от ценностных ориентиров, заложенных в человеке, а от характера предыдущей работы, жизненного распорядка, привычек, окружения и т.п. Следовательно, для качественной оценки кадрового потенциала отдельного государственного гражданского служащего или кандидата на должность, следует рассматривать не только его профессиональные и личностные характеристики, но и ценностные установки, что позволит предопределить скрытые мотивы и распознать предпосылки возможного негативного поведения государственного гражданского служащего.

В качестве качественных методов оценки могут выступать тестирование, разработанное психологами, и экспертное диагностическое интервью, по результатам которого будет разработано заключение, определяющее информацию, важную для принятия решения представителем нанимателя о заключении или не заключении контракта с соискателем.

Литература

1. Парсонс Т. О структуре социального действия / Под общей ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – Изд. 2-е. – Академический проект, 2002. – 880 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. – Перевод с немецкого и общая редакция: Ю.Н. Давыдов. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–633.
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5–24, А.Ю. Согомонова]. – Москва: Политиздат, 1992. – 542 с.

4. Социологический энциклопедический словарь / Ред.- координатор Г.В. Осипов – Москва: Норма: НОРМА-ИНФРА. М, 2000. – 480 с.
5. Корзенко Н.И. Стимулирование и мотивация труда в организации / Н.И. Корзенко, А.С. Хорева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 1(356). – С. 127–128.
6. «Чиновник нового поколения» проведенному в 2019 году, исследователями Центра оценки и развития управленческих компетенций. – URL: https://demo3.nso.ru/sites/profi.nso.ru/wodby_files/files/page_1788/3._issledovanie_cennostey_gosudarstvennyh_grazhdanskih_sluzhashchih.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

VALUE-MOTIVATIONAL DETERMINATION OF PROFESSIONAL FORMATION OF STATE CIVIL EMPLOYEES OF AUTHORITIES

Bakunova A.S.

Belgorod State University

The article examines the main approaches to defining the concepts of “value” and “motivation” and presents some of the well-known approaches to these categories proposed by scientists from various fields of knowledge. Based on the analysis and generalization of which the author’s proposals for their interpretation are determined. The choice of the professional sphere considered by the author is justified and the role of value-motivational factors in assessing the personnel potential of an individual civil servant for the formation of high-quality personnel of the state body as a whole is determined. The main theoretical conclusions are based on the fact that it is values that determine a person’s motivation for a certain action or inaction, and act as a kind of regulatory mechanism of behavior, including labor behavior. The conclusions of the theoretical research presented in this article can serve as practical recommendations for making changes to the methods of conducting competitive selection of candidates for positions in the state civil service of government bodies, approved at the level of constituent entities.

Keywords: value, motivation, state civil service, personnel potential, government agency.

References

1. Parsons T. On the Structure of Social Action / Under the general editorship of V.F. Chesnokova and S.A. Belanovsky. – Ed. 2nd. – Academic Project, 2002. – 880 p.
2. Weber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. Selected works. – Translated from German and edited by Y.N. Davydov. – Moscow: Progress Publ., 1990. – Pp. 602–633.
3. Sorokin P. Chelovek. Civilization. Society / Pitirim Sorokin; [General Editor, compilation and preface, pp. 5–24, A.Y. Sogomonoval]. – Moscow: Politizdat, 1992. – 542 p.
4. Sociological Encyclopedic Dictionary / Editor-coordinator G.V. Osipov – Moscow: Norma: NORMA-INFRA. Moscow, 2000. – 480 p. (In Russian)
5. Korzenko N.I., Khoreva A.S. Stimulation and Motivation of Labor in the Organization // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2015. – № 1(356). – P. 127–128.
6. “Official of the new generation” conducted in 2019 by researchers of the Center for Assessment and Development of Management Competencies. – URL: https://demo3.nso.ru/sites/profi.nso.ru/wodby_files/files/page_1788/3._issledovanie_cennostey_gosudarstvennyh_grazhdanskih_sluzhashchih.pdf (accessed: 12.09.2024).

Интеграционные процессы в системе высшего образования государств-членов ЕАЭС

Говорченко Марина Олеговна,

аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы Института экономики и управления НИУ «БелГУ»
E-mail: govorchenko@bsu.edu.ru

В работе предпринята попытка изучения перспектив интеграции государств – членов Евразийского экономического союза в области науки и высшего образования. В статье отмечено, что интеграционный процесс систем высшего образования стран ЕАЭС требует больших усилий, вызывает много противоречий и проблемных аспектов. Однако реализация шагов по нивелированию обозначенных сложностей является одной из фундаментальных задач. Исследование показало, процесс интеграционной деятельности высших учебных заведений должен происходить поэтапно, исходя из следующих задач: обеспечить реальную, эффективную взаимосвязь высшего образования, науки и производства в ЕАЭС; проводить мониторинг ожидаемой численности и профессионального состава кадрового спроса на рабочую силу отдельных стран ЕАЭС; разработать систему методов и форм стимулирования взаимного межгосударственного процесса привлечения студентов в высшие учебные заведения стран ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, высшее образование, единое образовательное пространство.

Введение

В современных условиях нестабильности и риска, планомерная интеграция государств, входящих в состав Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), является важным фактором успешной и эффективной реализации целей в области устойчивого развития.

Возможности и приоритеты партнерства государств – членов ЕАЭС рассматриваются в рамках широкого спектра вопросов, в системе которых особенно важными является: определение совместного вектора совершенствования ЕАЭС, укрепление экономико-социальной интеграции, формирование общего культурного и научного пространства стран. Так же, в рамках разработки шагов евразийской интеграции следует учесть факт роста внимания к подготовке высококвалифицированного кадрового состава для дальнейшего эффективного евразийского партнерства.

Международная интеграция высшего образования является объективным, динамично развивающимся процессом сближения национальных систем образования стран ЕАЭС, и обеспечивает повышение их комплементарности, благодаря которой высшее образование приобретает всемирный и системный характер, усиливаясь чертой глобальности.

В правовом аспекте термин «интеграция высшего образования» может быть определен как совокупность политических, правовых, экономических, социальных и культурных процессов, которые ведут к усилению координации деятельности и сотрудничества и на возможное объединение отдельных учебных заведений.

В этой связи, сложной задачей является выработка общего, если не универсального, подхода к содержанию высшего образования с точки зрения его адекватности конкретным количественным и качественным требованиям национальных рынков труда, которые, в свою очередь, отражают специфическую структуру национальных экономик, которые также подлежат постепенному конвертированию в условиях геополитических изменений.

Данное обстоятельство определяется двумя равнозначными процессами – интеграции экономик (рынков труда) и интеграции систем высшего образования в странах ЕАЭС. Задача состоит в том, чтобы выработать единую стратегию развития данных процессов, без которой интеграция систем высшего образования будет невозможна [1].

Еще одной сложной задачей является унификация методики оценки качества высшего образования, так как критерии, по которым можно оценить понятие качества высшего образования, до сих пор не имеет единого определения как на международном уровне, так и в рамках национальных систем. Так же следует отметить и сложности, связанные с языковыми и культурными аспектами интеграции высшего образования. Все разрабатываемые и используемые информационные базы в образовательной, методической, организационной и других сферах высшего образования стран ЕАЭС нуждаются в едином языке изложения.

В системе евразийской интеграции сегодня почти нет правовой базы для регуляции аспектов взаимодействия

в области образования, так как вектор социального взаимодействия не был рассмотрен в начале разработки интеграционной повестки. В Договоре о создании ЕАЭС от 29 мая 2014 г. отмечается, что ЕАЭС – т это «международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью» [2].

Перечисленные выше трудности в значительной степени основаны на том, что система высшего образования разных стран ЕАЭС имеет разные масштабы развития; различные уровни гибкости и вариативности высшего образования; разные уровни интеграции с рынком труда и т.д.

В настоящее время существует необходимость теоретического осмысления перспектив интеграции в системе высшего образования государств-членов ЕАЭС, а так же выработка практических технологий реализации данного процесса.

Методика

Методологической основой проекта является комплекс социологических концепций и теорий, способствующих полноценному пониманию интеграционных процессов в системе высшего образования государств-членов ЕАЭС:

- концепция информационного общества (М. Кастельс, Д. Белл, О. Тоффлер), позволяющая рассматривать цифровизацию образования как часть общего процесса развития сетевого информационного поля и сетевой коммуникации между вузами ЕАЭС;
- концепции нестабильности и риска (Э. Гидденс, Ю.А. Зубок, В.И. Зубков, Н.Л. Смакотина, О.Н. Яницкий), положения которых дают возможность учесть влияние факторов неопределенности на процесс интеграции;
- синергетический подход к исследованию диссипативных процессов (И. Пригожин, И. Стангерс, Г. Хакен) позволяющий рассматривать интеграционные процессы в системе высшего образования государств-членов ЕАЭС как нелинейный, вариативный, бифуркационный процесс, осуществляющийся под воздействием комплекса разноуровневых факторов.

Результаты

Традиционно под системой высшего образования рассматривается подготовка будущих специалистов высшей квалификации для различных сфер экономики, науки, техники и культуры различного типа [3].

В таблице 1 представлена статистика по образовательным организациям высшего профессионального образования стран участниц ЕАЭС.

Таблица 1. Число образовательных организаций высшего профессионального образования [4]

	2016	2017	2018	2019	2020
Армения	62	60	63	61	60
Беларусь	55	53	52	52	51
Казахстан	126	127	125	122	124
Кыргызстан	53	52	50	51	51
Россия	950	896	818	766	741
ЕАЭС	1246	1188	1108	1052	1027

Доля государственных вузов превалирует над коммерческими учебными заведениями высшего образования. Из всех стран ЕАЭС только в Казахстане частный сектор высшего образования выше на 4,2% чем государственный. Наименьшая доля (6,6%) коммерческих организаций высшего образования зарегистрированы в Беларуси (рис. 1).

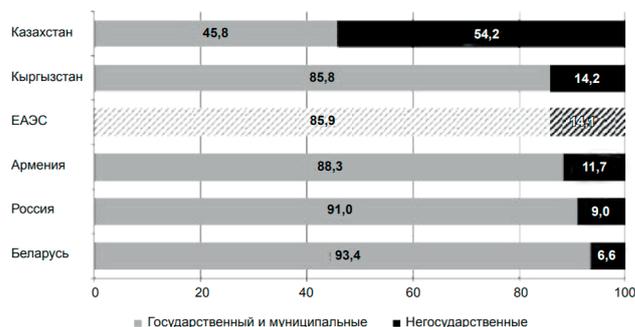

Рис. 1. Распределение численности обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования по формам собственности в 2019/2020 году (%) [4]

В марте 2023 года в МГУ им. Ломоносова открылся Форум Евразийского Сетевого университета. В Форуме приняли участие представители десятков крупнейших европейских и азиатских университетов. «В его рамках был подписан Меморандум о принципах создания Евразийского сетевого университета как научно-образовательного консорциума, направленного на развитие человеческого и интеллектуального капитала ЕАЭС. Содержательно сетевые университеты являются плодом двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, развитие сетевых форм стало реакцией университетов и национальных систем высшего образования на процессы глобализации и интеграции» [5].

Так же был поднят вопрос о формировании Фонда для дополнительной поддержки студентов ЕАЭС. В настоящее время Государственный университет управления участвует в программе обучения по квотам. Для Беларуси в этом году выделено 140 мест, в том числе 20 для очного обучения, а остальные – для программ дополнительного образования. Для «квотников» предусмотрены стипендия 2 тысячи российских рублей (75 белорусских), а также место в общежитии. Проживание стоит 3,2 тысячи российских рублей (120 белорусских) в месяц, и это из самых низких тарифов в Москве.

Сегодня поступить в российский вуз по квотам для белорусов гораздо проще, чем в общем порядке. В этом году Россотрудничество принимает заявки на эту программу до 20 марта включительно. На первом этапе будет требоваться небольшой пакет документов: онлайн-анкета, снимок паспорта и документы с отметками за 10-й класс (если поступить хочет нынешний одиннадцатиклассник). Есть варианты обучения в аспирантуре и по дополнительным программам. Причем возрастного ограничения не существует. Для Беларуси на все виды обучения в этом году выделили 1,3 тысячи мест [6].

В рамках продвижения и развития общей системы высшего образования в евразийском пространстве, следует помнить о том, что исходной целью образовательной интеграции является планомерное повышение уровня высшего образования в России и странах ЕАЭС в целом.

Процесс интеграционной деятельности высших учебных заведений должен происходить поэтапно, исходя из следующих задач:

- обеспечить реальную, эффективную взаимосвязь высшего образования, науки и производства в ЕАЭС;
- проводить мониторинг ожидаемой численности и профессионального состава кадрового спроса на рабочую силу отдельных стран ЕАЭС;
- разработать систему методов и форм стимулирования взаимного межгосударственного процесса привлечения студентов в высшие учебные заведения стран ЕАЭС;
- разработать систему оценки и установить критерии эффективности содержания высшего образования к запросам экономики, политики, социальной и культурной сферы стран-участниц ЕАЭС;
- разработать мероприятия по повышению заинтересованности и вовлеченности коммерческих вузов в процессы интеграции;
- совместно использовать инновационные (информационные) технологии с целью создания современных кампусов и исследовательских платформ стран ЕАЭС;
- разработать правовые основы формирования и функционирования интеграции высшего образования ЕАЭС.

Следует отметить, что позиции по разработке концептуальных шагов взаимодействия в рамках интеграции высшей системы образования должны включать участников евразийского союза, быть подкреплено правовыми актами, иметь четкую организационную структуру. Тем не менее, имеющиеся разногласия в формах реализации высшего образования стран ЕАЭС не в полной мере содействуют развитию процесса в рамках академического взаимодействия. Решению обозначенной проблемы будет способствовать формирование портала научно-образовательного пространства, в котором будут интегрированы все высшие учебные заведения ЕАЭС.

Обсуждение и заключение

Таким образом, процесс интеграции систем высшего образования стран ЕАЭС требует больших усилий, вызывает много противоречий и проблемных аспектов. Однако реализация шагов по нивелированию обозначенных сложностей является одной из фундаментальных задач, которая позволит укрепить интеграцию, обеспечить синергетический эффект, что может способствовать формированию конкурентоспособного на международной арене интеграционного блока.

По нашему мнению является актуальным организация Маркетингового офиса ЕАЭС, в задачи который будет входить аккумулирование данных о рынках образовательных услуг в странах союза, разработкой актуальных курсов и программ подготовки и переподготовки специалистов, а так же предложением новых путей развития высшего образования в ЕАЭС.

Литература

1. Кулакова А.А. Высшее образование как драйвер интеграции в ЕАЭС / А.А. Кулакова, И.О. Кирова //

Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2020. – № 4. – С. 102–106.

2. Договор об Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. Официальный интернет- портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201501160013> (дата обращения: 02.08.2024).
3. Высшее образование // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
4. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09–10–2019–2.aspx> (дата обращения: 04.09.2024).
5. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09–10–2019–2.aspx> (дата обращения: 04.09.2024).

INTEGRATION PROCESSES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE EAEU MEMBER STATES

Govorchenko M.O.

National Research University "BelSU"

The paper attempts to study the prospects for the integration of the member states of the Eurasian Economic Union in the field of science and higher education. The article notes that the integration process of the higher education systems of the EAEU countries requires great efforts, causes many contradictions and problematic aspects. However, the implementation of steps to mitigate the identified difficulties is one of the fundamental tasks. The study showed that the process of integration activities of higher education institutions should occur in stages, based on the following tasks: ensure a real, effective relationship between higher education, science and production in the EAEU; monitor the expected number and professional composition of the labor demand for individual EAEU countries; develop a system of methods and forms of stimulation of mutual interstate process of attracting students to higher education institutions of the EAEU countries.

Keywords: EAEU, integration, higher education, single educational space.

References

1. Kulakova A.A. Higher education as a driver of integration in the EAEU / A.A. Kulakova, I.O. Kirova // Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education. – 2020. – No. 4. – P. 102–106.
2. Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014. Official Internet portal of legal information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201501160013> (date of access: 08/02/2024).
3. Higher education // Great Soviet Encyclopedia: [in 30 volumes] / ed. -in-chief A.M. Prokhorov. – 3rd ed. – M.: Soviet Encyclopedia, 1969–1978.
4. Official website of the Eurasian Economic Commission. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09–10–2019–2.aspx> (accessed: 09/04/2024).
5. Official website of the Eurasian Economic Commission. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09–10–2019–2.aspx> (accessed: 09/04/2024).

Взаимосвязь мотивационного типа и удовлетворенности трудом молодых специалистов

Камнева Елена Владимировна,

к.п.н., доцент Кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EKamneva@fa.ru

Симонова Маргарита Михайловна,

к.с.н., доцент Кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MMSimonova@fa.ru

Статья посвящена вопросам мотивации, мотивационным типам и компонентам удовлетворенности работой молодых сотрудников. Авторы анализируют результаты опроса 104 студентов магистратуры, совмещающих обучение и работу.

Ключевые слова: трудовая мотивация, мотивационный тип личности, удовлетворенность трудом, производительность труда, молодые специалисты.

Производительность труда сотрудников является одной из важных тем управления, которая получила значительное исследовательское внимание со стороны ученых и практиков и рассматривается как основной механизм повышения организационного успеха. Знание ключевых факторов, влияющих на производительность, имеет жизненно важное значение для обеспечения долгосрочной производительности. Эффективность работы сотрудников в значительной степени зависят от мотивации; чтобы работать более продуктивно и успешно, у сотрудников должна быть причина, будь то финансовая или в форме вознаграждений и признания. Развитие мотивации сотрудников стало решающим требованием для повышения эффективности бизнеса.

Мотивация сотрудников – это одна из областей, которая широко исследуется из-за вида воздействия, которое она создает на поведение сотрудников. Мотивация является ключевым фактором при попытке понять поведение сотрудника в организации, поскольку она дает наиболее обоснованное объяснение того, почему сотрудники ведут себя определенным образом в организации [6]. Мотивация труда – это одна из областей, в которой любой организация постоянно работает, поскольку она создает влияние на производительность труда и позволяет любой организации удерживать своих сотрудников. Мотивация сотрудников повышает приверженность, производительность и прибыльность компании.

Мотивация – это термин, который имеет различные определения [11]. Разные исследователи определяют мотивацию по-разному. По мнению В. Врума, мотивация – это движущая сила человеческого поведения, которая направляет его в правильном направлении для достижения цели [14].

Понятие мотивации можно определить как когнитивный и поведенческий процесс, который стимулирует склонность сотрудника к достижению как личных, так и общих организационных целей [8].

Мотивацию сотрудников можно определить как уровень энтузиазма и преданности, с которыми сотрудник стремится достичь организационных целей, одновременно удовлетворяя личные потребности.

Таким образом, мотивация сотрудников определяется как внутреннее стремление и желание вносить необходимые действия и усилия в организационные задачи.

Сотрудники мотивированы, когда их вдохновляют и убеждают работать с энтузиазмом и желанием для достижения своих целей и получения вознаграждений. Двумя основными компонентами, которые повышают мотивацию сотрудников, являются расширение прав и возможностей и признание [10]. Когда сотрудники получают справедливую компенсацию за свою работу, это поощряет благодарность и мотивирует их работать усерднее для организации. Согласно результатам исследования, когда сотрудники участвуют в принятии решений, их производительность повышается, и они мотивированы работать еще лучше. Производительность сотрудников и удовлетворенность работой растут, а доверие и лояльность к компании укрепляются. Мотивированные сотрудники более эффективны, продуктивны и их работа более качественна. Они часто более сосредоточены, умеют хо-

рошо управлять своим временем и меньше откладывать на потом. В результате их продуктивность выше, а индивидуальная и командная эффективность выше. Это, конечно, влияет на прибыль организации [3].

Мотивация сотрудников подразделяется на две части: внешняя мотивация и внутренняя мотивация, оба типа мотивации оказывают различное влияние на мотивацию сотрудников. На внешнюю мотивацию влияют внешние переменные, такие как оплата, признание, безопасность работы и похвала за хорошо выполненную работу, тогда как внутренняя мотивация связана с элементами, которые побуждают сотрудников работать, чтобы удовлетворять свои собственные потребности. Внешняя мотивация связана с потребностями в социальной защищенности и безопасности, тогда как внутренняя мотивация связана с потребностями в самоприобретении и уважении [4; 9]. В исследованиях была обнаружена положительная значимая связь между вовлеченностью сотрудников и внутренней и внешней мотивацией.

Поскольку мотивация является ключевым компонентом продуктивной и прогрессивной рабочей среды, она побуждает сотрудника достигать определенных организационных целей и задач. Влияние мотивации к работе выходит далеко за рамки индивидуальной производительности сотрудника, оно проникает в саму ткань, культуру и климат организации. Человеческий капитал, пропитанный мотивацией к работе, заразителен и находит отклик во всей организации. Но отсутствие мотивации к работе тоже, к сожалению, зарачительно. Плохая мотивация оказывает токсическое и вредное воздействие. Это приводит к разобщенности, горечи, прогулам, быстрому выгоранию сотрудников, высокой текучести кадров, многократным отсутствиям и, в итоге, ухудшает способность организации достигать своих стратегических целей.

Сотрудники с высокой мотивацией выполняют свою работу лучше по сравнению с теми, у кого низкая мотивация; выводы исследований показывают, что мотивация смягчает связь между оценкой эффективности и производительностью сотрудников.

В контексте двухфакторной теории Г. Герцберга [7] существуют две основные категории переменных, которые влияют на мотивацию и удовлетворенность сотрудников: факторы гигиены и мотиваторы. Факторы гигиены, также известные как внешние факторы, связаны с рабочей средой и включают такие аспекты, как политика компании, надзор, заработная плата, условия труда и гарантии занятости. Идея Герцберга вращается вокруг несоответствия между двумя факторами: мотивацией и гигиеной [12].

В теории мотивации В.И. Герчикова объединяется опыт традиционных, процессуальных и содержательных концепций, дополняя и объединяя их в одну теорию. Теория В.В. Герчикова позволяет описать мотивационный характер не только каждого работника, но и всей компании в целом. Согласно данной теории определены направления повышения эффективности стимулирования, выявлены наиболее и наименее эффективные, желательные неприменимые методы стимулирования для каждого работника в отдельности. В модели мотивации В.В. Герчикова также раскрываются способы самомотивации сотрудников. Таким образом, концепция предоставляет возможность понимания, что именно привлекает сотрудника в текущей работе, какие преимущества она дает работнику сейчас и что он может получить в будущем [5].

Согласно концепции Герчикова выделяется пять типов мотивации труда: инструментальная, профессиональная, хозяйская, патриотическая и избегающая (лю-

мпенизированная) [1] и пять соответствующих мотивационных типов.

Мотивация сотрудников возникает как на индивидуальном уровне, так и в результате межличностных взаимодействий: она проистекает из отношений между сотрудником и его рабочей средой, а также соответствия этих взаимодействий более широкому социальному контексту.

Удовлетворенность работой неразрывно связана с мотивацией, и оба влекут за собой когнитивные, аффективные и поведенческие процессы, при этом мотивация работника обычно определяется как обоснование действий сотрудников в достижении личных и организационных целей. Удовлетворенность работой является очень важным элементом в любой организации, поскольку она позволяет организации удерживать своих сотрудников в долгосрочной перспективе и обеспечивает преданность и искренность сотрудников по отношению к своей работе и организации.

Как известно, удовлетворенность работой является одним из основных столпов организационного управления в отношении формирования поведения. Удовлетворенность работой имеет тесную связь с повышением производительности труда сотрудников.

Сотрудники – это уникальные личности, которые происходят из разных слоев общества и на их мотивацию влияют различные внутренние и внешние факторы. В многочисленных исследованиях выявлена связь между мотивацией сотрудника и его удовлетворенностью работой.

Удовлетворенность работой – это позитивное эмоциональное состояние, которое отражает оценку опыта работы сотрудников. Удовлетворенность работой – это чувство комфорта у сотрудников при выполнении своих обязанностей в компании. Наиболее часто изучаемыми измерениями удовлетворенности работой являются компания и руководство, коллеги, руководство, рабочая ситуация, льготы, признание, продвижение по службе и классификация работ

Взаимосвязь между мотивацией сотрудников и удовлетворенностью работой во многом зависит от возраста сотрудника. Если сотрудник недавно окончил вуз или является молодым сотрудником, то он или она, скорее всего, будет менее мотивирован и неудовлетворен своей работой.

Целью исследования стало выявление взаимосвязи между мотивационным типом и компонентами удовлетворенности работой молодых сотрудников. Для эмпирического исследования применялись следующие методики: – тест оценки мотивации Герчикова [2]; – опросник для определения уровня удовлетворенности работой [13].

Исследование проводилось с применением Google form. Участие респондентов было добровольным. Исследование гарантировало анонимность и конфиденциальность ответов.

В исследовании приняли участие 104 респондента (студенты магистратуры, совмещающие обучение и работу). Возраст участников находился в диапазоне от 22 лет до 25 лет, стаж работы – от 1 месяца до 5 лет.

На рисунке 1 представлено распределение респондентов по доминирующему мотивационному типу.

Как видно из рисунка 1, выборка представлена преобладанием доминирующих инструментального (37,5% респондентов) и профессионального (37,5% респондентов) мотивационных типов. Для инструментального типа сама работа не имеет особой ценности, это скорее источник заработка. Для профессионального мотивационного типа значимо содержание работы.

Рис. 1. Распределение респондентов по доминирующему мотивационному типу

Источник: составлено авторами.

Следует отметить, что чистых типов мотивации не существует. Каждый сотрудник представляет собой комбинацию всех или некоторых мотивационных типов в определенной пропорции. Таким образом, каждый человек описывается мотивационным профилем, показывающим, в какой степени каждый мотивационный тип принимает участие в характере мотивации каждого сотрудника. Каждый тип соответствует наиболее и наименее эффективным формам мотивации труда.

На рисунке 2 представлено распределение респондентов по уровню удовлетворенности работой.

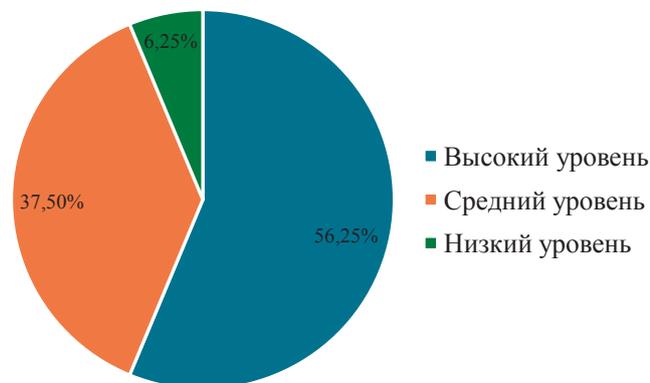

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню удовлетворенности работой

Источник: составлено авторами.

Как видно из рисунка 2, более половины принявших участие в исследовании (56,2% респондентов) в целом имеют высокий уровень удовлетворенности работой. Анализ полученных результатов показывает, что респонденты наиболее удовлетворены такими компонентами удовлетворенности работой как коллеги, руководство и информирование, наименее – зарплатой.

Статистический анализ полученных результатов осуществлен с использованием корреляционного анализа. В исследовании выявлены статистически значимые взаимосвязи:

- хозяйственный тип мотивации труда имеет обратную взаимосвязь с удовлетворенностью зарплатой ($r = -0,4623$, $p \leq 0,001$), (это наиболее высокая теснота полученной в результате корреляционного анализа), зависимым вознаграждением ($r = -0,4079$, p

$\leq 0,01$) и продвижением ($r = -0,3121$, $p \leq 0,05$). Таким образом, чем более выражен хозяйственный тип мотивации труда, тем менее значима для него зарплата. Специалист с таким типом мотивации выполняет свою работу с максимальной эффективностью, не требуя высокой оплаты, вознаграждения за результат работы и продвижения по службе;

- инструментальный тип мотивации имеет положительную взаимосвязь с такими показателями удовлетворенности трудом как зависимое вознаграждение ($r = 0,4004$, $p \leq 0,01$) и зарплата ($r = 0,2506$, $p \leq 0,05$). То есть для инструментального типа собственно работа не имеет особой ценности, удовлетворен трудом такого специалиста зависит в основном от материального стимулирования;
- профессиональный тип мотивации труда имеет обратную взаимосвязь с зависимым вознаграждением ($r = -0,3167$, $p \leq 0,01$) и взаимосвязан с дополнительными льготами ($r = 0,334$, $p \leq 0,01$). При таком типе мотивации специалист ценит содержание работы и возможность проявить свои знания и решить сложные задачи, для него важнее процесс и результат выполнения работы и возможности повышения квалификации;
- у патриотического и люмпенизированного типа не выявлена достоверно значимая связь с удовлетворенностью работой.

Таким образом, выявлена взаимосвязь следующих типов мотивации труда: инструментальной, профессиональной, хозяйской с составляющими удовлетворенности работой, что позволяет при управлении стимулированием специалистов с учетом их мотивационного типа поддерживать высокий уровень их удовлетворенности работой, тем самым не только повышая производительность труда, но обеспечивая вовлеченность и сотрудников.

Литература

1. Герчиков В.И. Управление персоналом: работник – самый эффективный ресурс компании: учеб. пособие. – М.: ИНФРА, 2011. – 282 с.
2. Трудовая мотивация: содержание, диагностика, управление // Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В.В. Щербины. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2004. – С. 212–230.
3. Motivation Statistics 2024: By the Numbers Team-Stage. – URL: <https://teamstage.io/motivation-statistics> (accessed: 04.10.2024).
4. Bhaker S.K., Sharma T. (2024) Effects of Employee Participation on Employee Motivation International Journal of Engineering Research & Management Technology Volume 11, Issue-2 p. 37–50.
5. Cherednik M.Y. A comparative study of corporate motivation between companies in china and belarus on the basis of gerchikov's motivation model / M.Y. Cherednik, Wen Yu Liu // International Research Journal. – 2016. – № 4 (46). – URL: <https://research-journal.org/archive/4-46-2016-april/a-comparative-study-of-corporate-motivation-between-companies-in-china-and-belarus-on-the-basis-of-gerchikovs-motivation-model> (accessed: 04.10.2024).
6. George J. M., & Dane, E. (2014). Taking a deeper look at hard times and worker well-being. *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*, 7, 573–576.
7. Herzberg, Frederick (January–February 1968). "One More Time: How Do You Motivate Employees?". *Harvard Business Review*. 46 (1): 53–62.

8. Islam A., Islam F., Yasmin S. (2024). Contextual determinants of employee motivation. *Problems and Perspectives in Management*, 22(3), 96–105.
9. Kuranchie-Mensah E.B., Amponsah-Tawiah K. (2016). Employee Motivation and Work Performance: A Comparative Study of Mining Companies in Ghana. *Journal of Industrial Engineering and Management*, 9, 255–309.
10. Nizam & Shah (2015). Impact of Employee Motivation on Organizational Performance in Oil and Gas Sector of Pakistan. *International Journal of Managerial Studies and Research*. Vol. 3, Iss 12, p. 7–15.
11. Noor S. (2024) UI ain impact of employee motivation on job satisfaction. *International Journal of Linguistics Applied Psychology and Technology*. – URL: <https://ijlapt.strjournals.com/index.php/ijlapt> vol. 01 issue 04 (2024).
12. Saeed M.M., Asghar M.A. Examining the relationship between training, employee attitude and employee performance with the moderating role of motivation. – URL: https://www.researchgate.net/publication/313561275_Examining_the_Relationship_between_Training_Motivation_and_Employees_Job_Performance_The_Moderating_Role_of_Person_Job_Fit
13. Spector P. E. (1997). *Job satisfaction: Application, assessment, causes, and consequences*. – Thousand Oaks, CA.: Sage. – 96 p.
14. Victor H. Vroom. (2011). *Work and Motivation*. Jossey-Bass, 404 p.
2. Labor motivation: content, diagnostics, management // *Human resource management: management and consulting* / Ed. V.V. Shcherbina. – M.: Independent Institute of Civil Society, 2004. – P. 212–230.
3. Motivation Statistics 2024: By the Numbers TeamStage. – URL: <https://teamstage.io/motivation-statistics> (accessed: 04.10.2024).
4. Bhaker S.K., Sharma T. (2024) Effects of Employee Participation on Employee Motivation *International Journal of Engineering Research & Management Technology* Volume 11, Issue-2 p. 37–50.
5. Cherednik M.Y. A study of comparative of corporate motivation between companies in China and Belarus on the basis of Gerchikov's motivation model / M.Y. Cherednik, Wen Yu Liu // *International Research Journal*. – 2016. – No. 4 (46). – URL: <https://research-journal.org/archive/4-46-2016-april/a-comparative-study-of-corporate-motivation-between-companies-in-china-and-belarus-on-the-basis-of-gerchikovs-motivation-model> (accessed: 10/04/2024).
6. George J. M., & Dane, E. (2014). Taking a deeper look at hard times and worker well-being. *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*, 7, 573–576.
7. Herzberg, Frederick (January–February 1968). "One More Time: How Do You Motivate Employees?" *Harvard Business Review*. 46(1):53–62.
8. Islam A., Islam F., Yasmin S. (2024). Contextual determinants of employee motivation. *Problems and Perspectives in Management*, 22(3), 96–105.
9. Kuranchie-Mensah E. B., Amponsah-Tawiah K. (2016). Employee Motivation and Work Performance: A Comparative Study of Mining Companies in Ghana. *Journal of Industrial Engineering and Management*, 9, 255–309.
10. Nizam & Shah (2015). Impact of Employee Motivation on Organizational Performance in Oil and Gas Sector of Pakistan. *International Journal of Managerial Studies and Research*. Vol. 3, Iss 12, p. 7–15.
11. Noor S. (2024) UI ain impact of employee motivation on job satisfaction. *International Journal of Linguistics Applied Psychology and Technology*. – URL: <https://ijlapt.strjournals.com/index.php/ijlapt> vol. 01 issue 04 (2024).
12. Saeed M.M., Asghar M.A. Examining the relationship between training, employee attitude and employee performance with the moderating role of motivation. – URL: https://www.researchgate.net/publication/313561275_Examining_the_Relationship_between_Training_Motivation_and_Employees_Job_Performance_The_Moderating_Role_of_Person_Job_Fit.
13. Spector P. E. (1997). *Job satisfaction: Application, assessment, causes, and consequences*. – Thousand Oaks, CA: Sage. – 96 p.
14. Victor H. Vroom. (2011). *Work and Motivation*. Jossey-Bass, 404 p.

THE RELATIONSHIP BETWEEN MOTIVATIONAL TYPE AND JOB SATISFACTION OF YOUNG PROFESSIONALS

Kamneva E.V., Simonova M.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the issues of motivation, motivational types and components of job satisfaction of young employees. The authors analyze the results of a survey of 104 master's students combining study and work.

Keywords: work motivation, motivational personality type, job satisfaction, labor productivity, young specialists.

References

1. Gerchikov V.I. *Personnel management: the employee is the most effective resource of the company: a textbook*. – M.: INFRA, 2011. – 282 p.
2. Labor motivation: content, diagnostics, management // *Human resource management: management and consulting* / Ed. V.V. Shcherbina. – M.: Independent Institute of Civil Society, 2004. – P. 212–230.
3. Motivation Statistics 2024: By the Numbers TeamStage. – URL: <https://teamstage.io/motivation-statistics> (accessed: 04.10.2024).
4. Bhaker S.K., Sharma T. (2024) Effects of Employee Participation on Employee Motivation *International Journal of Engineering Research & Management Technology* Volume 11, Issue-2 p. 37–50.
5. Cherednik M.Y. A study of comparative of corporate motivation between companies in China and Belarus on the basis of Gerchikov's motivation model / M.Y. Cherednik, Wen Yu Liu // *International Research Journal*. – 2016. – No. 4 (46). – URL: <https://research-journal.org/archive/4-46-2016-april/a-comparative-study-of-corporate-motivation-between-companies-in-china-and-belarus-on-the-basis-of-gerchikovs-motivation-model> (accessed: 10/04/2024).
6. George J. M., & Dane, E. (2014). Taking a deeper look at hard times and worker well-being. *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*, 7, 573–576.
7. Herzberg, Frederick (January–February 1968). "One More Time: How Do You Motivate Employees?" *Harvard Business Review*. 46(1):53–62.
8. Islam A., Islam F., Yasmin S. (2024). Contextual determinants of employee motivation. *Problems and Perspectives in Management*, 22(3), 96–105.
9. Kuranchie-Mensah E. B., Amponsah-Tawiah K. (2016). Employee Motivation and Work Performance: A Comparative Study of Mining Companies in Ghana. *Journal of Industrial Engineering and Management*, 9, 255–309.
10. Nizam & Shah (2015). Impact of Employee Motivation on Organizational Performance in Oil and Gas Sector of Pakistan. *International Journal of Managerial Studies and Research*. Vol. 3, Iss 12, p. 7–15.
11. Noor S. (2024) UI ain impact of employee motivation on job satisfaction. *International Journal of Linguistics Applied Psychology and Technology*. – URL: <https://ijlapt.strjournals.com/index.php/ijlapt> vol. 01 issue 04 (2024).
12. Saeed M.M., Asghar M.A. Examining the relationship between training, employee attitude and employee performance with the moderating role of motivation. – URL: https://www.researchgate.net/publication/313561275_Examining_the_Relationship_between_Training_Motivation_and_Employees_Job_Performance_The_Moderating_Role_of_Person_Job_Fit.
13. Spector P. E. (1997). *Job satisfaction: Application, assessment, causes, and consequences*. – Thousand Oaks, CA: Sage. – 96 p.
14. Victor H. Vroom. (2011). *Work and Motivation*. Jossey-Bass, 404 p.

Понятие и значение категории «конфликт» в социологии

Коркодинов Вячеслав Алексеевич,

преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования Пермского института ФСИН России
E-mail: korkodinov32@yandex.ru

Исследование посвящено выявлению содержания понятия и значения конфликта как категории социологического знания, осуществленному на основе систематизации материалов опубликованных научных исследований социального конфликта как форма общественного взаимодействия. Актуальность изучения категории «конфликт» обусловлена его ведущим значением для понимания сложной природы социальных процессов, а также развитием социологических представлений о сущности конфликта, которое нуждается в своевременном осмыслении. Современные общественные отношения существенным образом усложняются со значительной скоростью, что оказывает влияние и на видоизменение форм социальных конфликтов. Вместе с тем, понимание природы конфликта как социологической категории требует обращения к истории научного рассмотрения этого явления, которая была первоначально дана в рамках традиции философского изучения социальных явлений, а привела к формированию обособленной сферы социологического знания – конфликтологии. В рамках современной социологии существуют различные подходы к пониманию конфликта, которые во многом различаются онтологическими и эпистемологическими позициями отдельных исследователей. В результате анализа этих подходов автор делается общий вывод о понятии конфликта как наивысшей стадии развития противоречий в отношениях между людьми, социальными группами, общества в целом, которая характеризуется столкновением противоположно направленных интересов, целей, позиций субъектов взаимодействия.

Ключевые слова: конфликт, общественные отношения, антагонизм, противоречие, социология.

Конфликт традиционно принято рассматривать в качестве одной из основных форм социального взаимодействия, что автоматически делает его предметом для научного исследования в целом ряде общественных наук. Социологическое понимание природы конфликта как общественного явления следует признать первичным, поскольку от него отталкиваются в своих научных изысканиях представители всех иных дисциплин социогуманитарного знания, исследуя такие феномены как политический конфликт, юридический конфликт и проч.

Актуальность рассмотрения проблематики конфликта как категории социологического знания не теряется с течением времени, так как трансформация общественных отношений в современном мире лишь усложняет и без того непростую природу конфликта в социальной жизни человека. Следовательно, обращение к вопросу о понятии и значении категории «конфликт» в социологии достаточно актуально и отвечает возрастающему запросу на переосмысление наиболее общих понятий социологического знания, способных точно описывать реальность повседневной жизни общества.

Для анализа понятия и значения категории конфликта автор обратился к результатам основных научных публикаций по теме исследования, в которых раскрывалась природа и социальные функции конфликта. Центральное место среди публикаций по теме исследования занимают работы, посвященные понятийному анализу конфликта (С.А. Абдыжалиева [1]), междисциплинарному анализу конфликта (З.А. Насурова [5]), и анализу признаков социального конфликта (И.А. Нудьга [6]).

С этимологической точки зрения слово «конфликт» происходит от латинского слова «conflictus» которое в свою очередь является производным от глагола «confligere», что в классической филологии принято переводить как «столкновение», «борьба» или «схватка». Латинский глагол «confligere» состоит из двух частей: приставки «con-» (что значит «вместе») и корня «fligere» (что значит «ударять», «наносить удар»).

В этом смысле первоначально слово «конфликт» использовалось в античном мире для описания физической или военной схватки, предполагающей совместное участие нескольких сторон в активной борьбе, хотя со временем это значение расширилось и стало охватывать все формы противостояния в обществе. Такое понимание позволило проследить дуальную природу конфликта, так как для его возникновения необходимы как минимум две стороны, каждая из которых имеет свои интересы, противоположные интересам противника. Социальный конфликт – это наивысшая стадия развития противоречий в отношениях между людьми, социальными группами, общества в целом, которая характеризуется столкновением противоположно направленных интересов, целей, позиций субъектов взаимодействия.

Конфликт как предмет теоретического осмысления в философии и общественных науках выступает фактором изучения межличностных отношений и социальных структур в современном обществе. На протяжении веков философы и ученые стремились понять природу конфликтов, которые сопровождают человечество в течение всей истории и неизбежно возникают на всех уровнях общественной жизни – от микроуровня (личных отношений) до макроуровня (общество в целом, государ-

ство, межгосударственные связи). Понимание механизмов разрешения и социальных последствий конфликтов позволяет разрабатывать инструменты для их управления и разрешения, что является основной задачей конфликтологии как самостоятельной социальной науки [8].

Исторически непосредственно социологическому пониманию категории «конфликт» предшествует первичные попытки философского осмысления этого явления. Заслуга философии в развитии понимания природы социального конфликта заключается, прежде всего, в самой постановке вопроса о необходимости теоретизации интеллектуальных представлений о понятии и значении конфликта. Также в рамках философского знания конфликт впервые был помещен в более общем контексте рассмотрения вопросов человеческого бытия, социальной жизни и социальной онтологии.

Философской основой современного социологического понимания конфликта являются разнообразные теоретические концепции, разработанные в античной и новоевропейской философии. Они посвящены анализу онтологии конфликта и его социально-исторической роли. Так, например философия Гераклита представляет собой одну из первых попыток осмысления природы конфликта как «двигателя» мировой истории. Согласно Гераклиту, вечное становление и борьба противоположностей являются основой всего сущего, война выступает «отцом всего». Противоречия не только неизбежны, но и необходимы для жизни, поскольку они способствуют изменению и развитию, как общества, так и мироздания.

Философия конфликта Гераклита предполагает, что из борьбы противоположностей возникает гармония, и что конфликт сам по себе является способом достижения баланса в мире. Древнейшие представления о природе конфликта получают свое развитие в новоевропейской философии. Согласно философскому учению Т. Гоббса, естественное состояние человечества – это «война всех против всех». От этого состояния зависят «необузданные конфликты частных интересов и порождаемая ими смута социальной анархии» [10, с. 17]. Люди, движимые инстинктом самосохранения и достижения собственного блага, неизбежно становятся врагами друг для друга, поскольку ресурсы ограничены, а желания неуёмны.

Философия Нового времени способствовала возникновению конфликтологии как обособленной отрасли социологии, которая охватывает широкий спектр вопросов, связанных с конфликтами различной природы: от личностных и межличностных конфликтов до крупномасштабных социальных, политических и международных конфликтов. Эта социологическая наука изучает причины возникновения конфликтов, механизмы их развития и эскалации, а также системы и средства для их предотвращения и разрешения.

Теория конфликта представляет собой широкий спектр концепций, описывающих различные аспекты и динамику столкновений интересов в общественной жизни. Различные концепции конфликта посвящены анализу условий возникновения, развития и урегулирования конфликтных ситуаций, а также факторов, эскалирующих конфликт или способствующих снижению напряженности. Конфликт является видом социального взаимодействия, но которое отличается наличием ситуации соперничества, «прямым и осознанным столкновением его участников» [2, с. 143].

Конфликтология, как самостоятельная наука, возникла благодаря социологическому осмыслению конфликта как формы социального противоборства, поскольку когда в XIX – начале XX столетия социологи начали уделять

внимание роли конфликта в обществе, они рассматривали его не только как разрушительное явление, но и как возможный источник социальных изменений и развития. Обращение к проблеме конфликтов было вызвано стремлением понять механизмы, которые управляют социальной структурой и динамикой, а также выявить условия, способствующие предотвращению конфликтных ситуаций.

Наука конфликтологии формировалась на стыке социологии, психологии и политологии, обобщая их методы и подходы для более глубокого анализа конфликтных процессов, а основные конфликтологические подходы, разработанные такими мыслителями, как Карл Маркс, Макс Вебер и Георг Зиммель, заложили основы для анализа системных и структурных аспектов конфликтов. Например, если К. Маркс рассматривал конфликты через призму классово-борьбы, то М. Вебер и Г. Зиммель акцентировали внимание на многообразии конфликтных форм и их роли в социальной жизни, что способствовало дальнейшему развитию конфликтологии как дисциплины [7].

Исторические события и конфликты двадцатого столетия также сыграли решающую роль в становлении конфликтологии как научной дисциплины, поскольку две мировых войны, революции и экономические кризисы показали, насколько крупномасштабные конфликты могут повлиять на общественные и международные отношения. События Второй мировой войны и последовавшей за ней Холодной войны характеризовались высоким уровнем международной напряженности и локальных конфликтов, которые подтолкнули исследователей к более глубокому анализу факторов, приводящих к конфликтам.

Реагируя на изменения в социальной среде, научное сообщество стало активно изучать природу и динамику конфликта с целью разработки методов предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций. Конфликтология стала междисциплинарным подходом, включающим методы социологического, политического и психологического анализа для изучения природы и динамики конфликтов.

Одни из родоначальников конфликтологического знания, Г. Зиммель делал сильный акцент на неизбежности конфликта. По его мнению, без конфликтов невозможно развитие и изменение социальных структур, так как конфликт стимулирует социальные и индивидуальные взаимодействия, часто укрепляя социальную ткань. В отличие от конфликтов, приносящих исключительно деструктивные последствия, такие как войны или семейные разногласия, Г. Зиммель подчеркивает конструктивную роль конфликта в улучшении взаимопонимания и изменении общественного порядка, проводя разграничение между конструктивными и деструктивными конфликтами, где первые способствуют гармонизации интересов и интеграции различных социальных элементов. Через конфликт происходит переоценка ценностей, усиление групповой солидарности и установление новых норм и правил, которые могут способствовать большей солидаризации.

Истоки одной из конфликтологических парадигм уходят корнями в теорию структурного функционализма Т. Парсонса, в которой конфликт рассматривается как неотъемлемая часть социальной структуры, хотя центральное внимание в этой теории уделяется общему социальному порядку. Т. Парсонс полагал, что конфликты возникают в социальных системах из-за различных функций и ролей, которые выполняют отдельные элементы общества, поскольку эти элементы, как правило, работают в гармонии для поддержания целого, но ино-

гда могут возникать разногласия и противоречия, что приводит к временной дисгармонии. В результате структурный функционализм признал, что такие конфликты необходимы для адаптации и эволюции социальной системы. В модели Т. Парсонса конфликт выполняет роль механизма, способствующего социальной интеграции и стабилизации в долгосрочной перспективе, так как через конфликты выявляются слабые места социальной структуры, и система получает возможность адаптироваться к новым условиям [11].

В теории К. Маркса конфликт рассматривается как неизбежное следствие классового общества и противоречий, присущих капиталистической системе, поскольку капитализм создает неравенство в распределении богатства и ресурсов, что приводит к эксплуатации рабочего класса. Буржуазия, контролирующая средства производства, стремится максимизировать свою прибыль за счет рабочей силы пролетариата. Возникающий в результате этих событий конфликт интересов между классами является движущей силой социальных изменений и революционных преобразований в обществе.

Этот антагонизм приводит к нарастанию социальных напряженностей, которые могут вылиться в классовую борьбу и революцию. Конфликт здесь рассматривается как двигатель перехода от одного общественно-экономического строя к другому, более прогрессивному, так как социальные конфликты приводят к трансформации общества, разрушению старых порядков и установлению новых, более справедливых и равноправных социальных отношений [3].

Немецкий и американский социолог Льюис Козер, интерпретируя природу конфликта, основной акцент делал на понимании конфликта как неизбежного аспекта общественной жизни, поскольку конфликт у него является не только негативным феноменом, но и как механизмом, который может способствовать социальной интеграции и изменениям. Конфликт, по мнению Л. Козера, возникает из неизбежных противоречий в обществах, представляющих различные группы интересов, ценностей и норм, в результате разрешения которых конфликт может стимулировать обновление социальных структур и укрепление групповой солидарности.

В ситуациях, где конфликт управляется и регулируется, он может способствовать выявлению скрытых проблем и противоречий, которые в ином случае могли бы оставаться неразрешенными и приводить к более глубоким кризисам, что позволяет рассматривать конфликт как «вентиль» для снятия напряженности. Конфликт помогает устанавливать новые нормы и правила поведения, что и позволяет Л. Козеру видеть в нем естественный и потенциально продуктивный процесс внутри социальной организации [4].

Англо-германский социолог Ральф Дарендорф видел в конфликте своеобразное преломление проблемы части и целого. Для Дарендорфа изменение всего общества могло происходить в результате конфликтного взаимодействия только отдельных его частей, что позволяет сделать вывод о том, что отсутствие конфликта в обществе можно рассматривать как социальную аномалию. Многообразие социальных групп, руководимых разнообразными коллективными и индивидуальными интересами, в конечном итоге, провоцирует в обществе неравномерное обращение социальных благ, то есть приводит к неравенству. Эта ситуация и является предтечей любого социального конфликта, так как различные виды неравенства и провоцируют социальную напряженность как стадию, предшествующую конфликту. Каждое общество неизбежно сталкивается с внутренними конфликтами, поскольку социальный порядок часто

поддерживается с помощью институционализованного насилия, которое одной группе позволяет доминировать над другой.

Насилия является органическим элементом любой системы социального управления, но для Р. Дарендорфа оно проявляется не только в виде непосредственно физического воздействия одних членов общества на других. Социальное насилие как атрибут конфликта проявляется в институционализованных формах, которые реализуют в себе неравное распределение социальных благ. Насилие может быть ментальным или, например, юридическим. Институты, использующие насилие, обеспечивают устойчивость власти определенных социальных групп, а конфликтные ситуации возникают, когда подчиненные группы начинают осознавать свое угнетенное положение.

Например, властные группы стремятся к сохранению своего доминирующего положения, в то время как подчиненные группы борются за перераспределение власти и ресурсов, что указывает на постоянный процесс борьбы и соглашения между различными группами приводит к изменениям в социальной структуре. Таким образом, конфликт способствует разрушению старых структур и созданию новых, что приводит к появлению новых правил и норм социального поведения индивида [9].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что конфликт является фундаментальным понятием в современной социологии, которое выполняет дескриптивную функцию, объясняя множество социальных явлений. Социологическое исследование конфликтов позволяет установить причины их формирования, а также последствия, которые они имеют для различных социальных групп и общественных институтов. Значение конфликта в социологии также заключается в его способности служить катализатором для изменений, поскольку конфликт генерирует новые идеи и нормы. Это указывает также на эвристическую функцию социального конфликта.

Действительно, многие социальные движения прошлого столетия, способствовали возникновению новых доктрин и социально-политических учений. Причем эти движения, как правило, возникали в результате определенного конфликта. Социальный конфликт, являясь неизбежной частью общественного развития, может иметь ряд негативных последствий, например, конфликт разрушает единство общества и провоцирует социальный антагонизм. Когда разногласия между социальными группами становятся непримиримыми, может возникнуть феномен аномии, который проявляется в распадае социальных норм и утрате моральных ориентиров. Значение конфликта в этом случае трудно переоценить, так как его научное исследование позволяет отслеживать динамику социальных изменений.

Литература

1. Абдыжалиева А.С. Конфликт: понятие, классификация и причины возникновения // Вестник Бишкекского государственного университета. 2022. № 1 (59). С. 80–83.
2. Боженко В.А. Определение понятия «конфликт» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2000. № 2. С. 143–147.
3. Власкина А.С. Безопасность и конфликт: соотношение понятий // Конфликтология. 2022. Т. 17. № 1. С. 82–90.
4. Михайлова Е.В. Виды примирительных процедур по российскому законодательству // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1 (37). С. 62–70.

5. Насурова З.А. Понятие конфликта в психологии // Вестник Медицинского института. 2023. № 1 (23). С. 99–104.
6. Нудьга И.А. Понятие и признаки конфликта // Национальный вестник Республики Крым. 2022. № 3. С. 225–230.
7. Оsnachev A.A. Понятие «конфликта» в современной научно-педагогической литературе // Специфика педагогического образования в регионах России. 2019. № 1 (12). С. 12–13.
8. Степаненкова В.М. Понятие социального конфликта в теории Р. Дарендорфа // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 141–142.
9. Степин А.Б. Правовой конфликт в механизмах защиты гражданских прав // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4. С. 8–12.
10. Шадрина Е.Н. «Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7. С. 13–20.
11. Шакирова Д.М. Понятие и сущность конфликта как социального феномена // Социология и право. 2019. № 4 (46). С. 26–33.

THE CONCEPT AND MEANING OF THE «CONFLICT» CATEGORY IN SOCIOLOGY

Korkodinov V.A.

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The research is devoted to identifying the content of the concept and meaning of conflict as a category of sociological knowledge, carried out on the basis of systematization of materials from published scientific studies of social conflict as a form of social interaction. The relevance of studying the category of «conflict» is due to its leading importance for understanding the complex nature of social processes, as well as the development of sociological ideas about the essence of conflict, which needs timely reflection. Modern social relations are becoming significantly more complicated at a significant rate, which also affects the modification of forms of social conflicts. At the same time, understanding the nature of conflict as a sociological category requires referring to the history of scien-

tific consideration of this phenomenon, which was originally given within the framework of the tradition of philosophical study of social phenomena, and led to the formation of a separate sphere of sociological knowledge – conflictology. Within the framework of modern sociology, there are various approaches to understanding conflict, which differ in many ways from the ontological and epistemological positions of individual researchers. As a result of the analysis of these approaches, the author draws a general conclusion about the concept of conflict as the highest stage of the development of contradictions in relations between people, social groups, and society as a whole, which is characterized by a clash of oppositely directed interests, goals, and positions of the subjects of interaction.

Keywords: conflict, social relations, antagonism, contradiction, sociology.

References

1. Abdyzhaliyeva A.S. Conflict: concept, classification and causes of occurrence // Bulletin of Bishkek State University. 2022. № 1 (59). P. 80–83.
2. Bozhenko V.A. Definition of the concept of “conflict” // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2000. № 2. P. 143–147.
3. Vlaskina A.S. Security and conflict: correlation of concepts // Conflictology. 2022. Vol. 17. № 1. P. 82–90.
4. Mikhailova E.V. Types of conciliation procedures under Russian law // Prologue: Journal of Law. 2023. № 1 (37). P. 62–70.
5. Nasurova Z.A. The concept of conflict in psychology // Bulletin of the Medical Institute. 2023. № 1 (23). P. 99–104.
6. Nudga I.A. The concept and signs of conflict // National Bulletin of the Republic of Crimea. 2022. № 3. P. 225–230.
7. Osnachev A.A. The concept of “conflict” in modern scientific and pedagogical literature // Specificity of pedagogical education in the regions of Russia. 2019. № 1 (12). P. 12–13.
8. Stepanenkova V.M. The concept of social conflict in the theory of R. Darendorff // Sociological research. 1994. № 5. P. 141–142.
9. Stepin A.B. Legal conflict in the mechanisms of protection of civil rights // Arbitration and civil procedure. 2021. № 4. P. 8–12.
10. Shadrina E.N. “Social Contract” by Thomas Hobbes: historical and philosophical reconstruction of the concept // Bulletin of Vyatka State University. 2017. № 7. P. 13–20.
11. Shakirova D.M. The concept and essence of conflict as a social phenomenon // Sociology and Law. 2019. № 4 (46). P. 26–33.

Социальное прогнозирование в управлении подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции

Костерин Артём Андреевич,

адъюнкт кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации
E-mail: Kosterin.a1917@gmail.com

В статье рассматриваются особенности социального прогнозирования в системе управления подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации (далее ВС РФ) при выполнении ими боевых (специальных) задач. Отличительной чертой содержательной части являются рассматриваемые условия обстановки, которые обуславливаются современными вооруженными конфликтами. Обращается пристальное внимание на повсеместную гибридизацию поражающих факторов, пространственную многомерность боевых возможностей и влияние данного комплекса на функционирование социальной среды подразделений ВС РФ. Автором уточняются некоторые особенности формирования социального института военной службы и оценивается их потенциальная управляемость. В том числе, актуальность статьи обуславливается особыми параметрами социального института военной службы в настоящее время в приращении к состоянию, с которым ВС РФ вступили в специальную военную операцию (далее СВО).

Ключевые слова: прогнозирование, динамика, социальная среда, управление.

Многомерность применяемых сил, средств, способов и направлений воздействия в современных вооруженных конфликтах влечет за собой соответствующие последствия. Специальная военная операция (далее СВО) наглядно демонстрирует нам условия, которые нельзя полноценно и равновесно сопоставить с каким-либо известным вооруженным противостоянием. Обобщая существующие театры военных действий и активное ведение ментальных войн, мы можем сказать, что СВО, с позиции оценки социальной действительности, является новым социальным феноменом [1]. Отталкиваясь от значений мирного и военного времени, мы можем утверждать, что условия СВО нельзя полноценно назвать военным временем. Утверждая это, мы пытаемся разграничить факторное влияние перехода страны с мирного на военное время, что является потенциальной причиной для повышения социальной напряженности. Тем не менее, *не произошедшая* реализации алгоритма перехода экономики страны на «военные рельсы» позволила рассматривать социально-экономическое и политическое состояние нашей страны, как нечто иное. С учетом остальных явлений (частичная мобилизация, Указ Президента РФ «о иноагентах», применение «ЧВК», добровольческих формирований и т.п.), можно судить, что проведение СВО в той форме, в которой мы можем ее наблюдать, является особым (специальным) периодом. Хотелось бы отметить, что данное понятие является уточняющим исключительно с позиции совокупности всех существующих событий и явлений, происходящих при проведении СВО.

Одним из основных направлений в руководстве подразделениями ВС РФ в особый (специальный) период можно полноценно считать военно-институциональное управление [2]. Таким образом, осуществление операций военно-институционального управления в период СВО может нами рассматриваться с наиболее актуальных направлений. Такими направлениями можно достоверно считать этапы и процедуры процесса социального прогнозирования в особый (специальный) период. В качестве основных процедур можно выделить:

- оценка готовности подразделения на этапе получения и уяснения задачи;
- выявление характера предстоящей задачи в соотношении со структурно-функциональным состоянием подразделения;
- оценка возможного влияния вероятных действий противника в отношении предстоящей задачи;
- оценка возможного влияния неопределенности внешней среды на социальную среду подразделения;
- анализ динамики текущей обстановки в процессе выполнения задачи;
- анализ полученной информации и выявление возможных (вероятных) вариантов развития событий.

Исходя из имеющихся операциональных компонентов социального прогнозирования, алгоритм аналитического сопровождения военно-институционального управления будет представлять собой последовательность определительной, оценочной и сравнительной работ в системе военного управления [3]. Выделяя аналитиче-

ское сопровождение военно-институционального управления, стоит рассмотреть последовательность действий субъекта управления на основе предписывающих нормативных элементов в особых (специальных) условиях. В таком случае, на этапе получения задачи и ее уяснения субъект управления осуществляет расчет сил и средств с учетом характера и особенностей применения подразделения. В отношении объекта управления осуществляется регламентирующая деятельность в распределении реализации полномочий, организации деятельности, контроля за исполнением поставленной задачи и регулировании процесса выполнения. В контексте социального прогнозирования в военно-институциональном управлении данный этап (получения задачи) можно выделить, как *нормальное* состояние объекта управления (социальной среды подразделения) без учета влияния неопределенности.

На очередном этапе – ориентировании заместителей и помощников (далее акторов) субъекта управления происходит первичная аналитическая переработка информации о характере предстоящей задачи. В переработанном виде информация транслируется акторам с целью реализации одного из вероятностных направлений возможного развития событий социального прогноза. Исходя из выбранных направлений и определения вероятностных предположений для конкретной задачи, субъект управления тем самым формирует у акторов предметную область сосредоточения внимания [4]. Данная особенность будет способствовать повышению качественных и количественных компонентов последующего этапа деятельности субъекта управления – оценки обстановки.

При проведении оценки обстановки субъект управления осуществляет сбор, обработку и верификацию полученной информации, выявляет наиболее неинформативные компоненты, сравнивает сведения с имеющимся положением сил и средств в подразделении и, в случае необходимости, осуществляет регулирование процессов внутри объекта управления. На этапе оценки обстановки с позиции военно-институционального управления будет осуществляться основная работа по выявлению, фиксации, выбору и оценке предикторов социального прогноза в управлении.

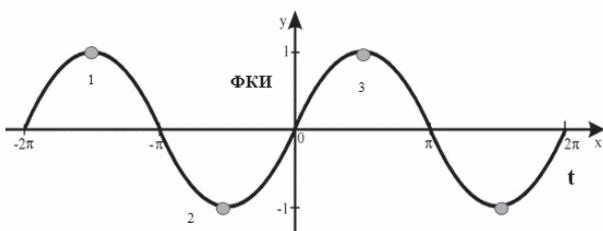

Рис. 1. Графическое отображение цикла управления

После осуществления процедуры создания социального прогноза в управлении на период вероятного времени выполнения поставленной задачи оценка обстановки будет претерпевать результирующее «падение» в процессе получения и верификации информации. То есть, последующий этап – принятие решения субъектом управления на выполнения предстоящей задачи, подразумевает под собой реализацию полученных сведений в условиях выполнения боевой (специальной) задачи. В таком случае, рассматривая процесс работы командира подразделения с получением боевого (предварительного) распоряжения и при переходе от ближайшей задачи к дальнейшей мы можем выразить данный процесс графически. С учетом регламентированного од-

нобразия функциональных действий в системе работы командира график может быть выражен как

$$f = \sin(x)$$

в соответствии с рисунком 1.

В таком случае, считая, что по вертикальной оси будет оцениваться (от -1 до 1) результирующая получения сведений в процессе оценки обстановки функционально-качественная информация – ФКИ, то горизонтальная ось будет считаться нами шкалой показателя времени (t). Тем не менее, данный график будет отображать «идеальный» вид управленческого процесса, характерный к среде с низкой степенью неопределенности (мирного времени). Утверждая, что в условиях СВО снижение возможности верификации информации, динамики и изменчивости происходящих событий являются высокоинтенсивными, то график цикла управления будет выглядеть иначе, в соответствии с рисунком 2.

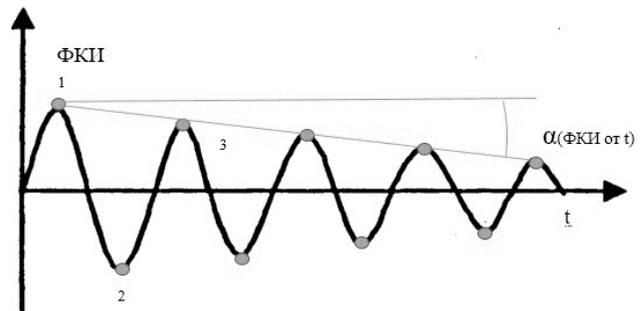

Рис. 2. Графическое отображение цикла управления при переходе к выполнению последующих задач

В период выполнения боевых (специальных) задач процесс работы командира с переходом от ближайшей задачи к дальнейшей будет претерпевать уменьшение возможности верификации информации. На рисунке 2 эта разница изображена графически в виде затухающей синусоиды и будет выражена разницей α (ФКИ от t),

где точка 1 будет обозначать реализацию принятого решения;

точка 2 будет обозначать начало этапа оценки обстановки при переходе от ближайшей задачи к дальнейшей;

точка 3 будет обозначать процесс реализации принятого решения дальнейшей задачи.

В данном графике наглядно демонстрируется разница в возможностях получения ФКИ при переходе от ближайшей задачи к дальнейшей и повторных функциональных операциях при выполнении боевых (специальных) задач.

Таким образом, система военно-институционального управления на этапе социального прогнозирования будет осуществлять воздействие на социальную среду с целью удержания устойчивости того уровня функционирования процессов внутри объекта управления, который необходим в объеме выполнения боевых (специальных) задач. Говоря о военно-институциональном управлении в системе военного управления, стоит отметить особые направления воздействия, на которые стоит сосредоточить внимание. Такими направлениями будут являться особые формы взаимоотношений социального института военной службы, которые являются причинами существования ВС РФ в настоящее время [5]. Данные направления можно достоверно считать основополагающими и непреложными в отношении целей военной службы, ее задач и способов их достижения. К ним можно отнести:

- служение, как идеологический компонент реализации воинского труда;

- осознанное подчинение, как интеллектуальная форма признания руководителя в концепции единоначалия;
- легитимное применение оружия в достижении целей (задач) военной службы в особый (специальный) период;
- ритуальная форма сопровождения определенных действий или событий на правовой основе;
- воинский долг, как одна из высших форм реализации социальной роли населения России.

Таким образом, указанные институциональные составляющие военной службы при выполнении задач в особый (специальный) период могут быть рассмотрены как основные *предикторы* социального прогноза. В таком случае мы имеем понимание, что при выполнении боевых (специальных) задач, ориентирование социального прогнозирования военно-институционального управления должно быть направлено:

1) на выявление значимости каждого из них отдельно в мирное время и определение (в соотношении) роли и места каждого из них в системе ценностей военной службы в конкретном подразделении;

2) выявление и интерпретацию возможной эмерджентности совокупной целостности состояний социальной среды подразделения с целью определения необходимых направлений для достижения ее устойчивого функционирования в мирное время;

3) выявление значимости каждого из них и определение (в соотношении) роли и места каждого из них в системе ценностей военной службы в период выполнения боевых (специальных) задач в конкретном подразделении;

4) выявление и интерпретацию возможной эмерджентности совокупной целостности в период выполнения боевых (специальных) и приращение значений мирного времени и периода выполнения боевых (специальных) задач;

5) определение наиболее неустойчивых из них в период выполнения боевых (специальных) задач и осуществление управленческого воздействия с целью получения оптимального (достаточного) для выполнения боевых (специальных) задач) уровня устойчивости.

Данный алгоритм можно считать одним из релевантных процедурных компонентов социального прогнозирования в военно-институциональном управлении. В отношении применения подразделений в СВО стоит отметить актуальность данного направления социального управления в системе военного управления [6]. Актуальность, в данном случае, обусловлена потребностью в формировании готовности и способности личного состава подразделений к выполнению боевых (специальных) задач, а также в регулировании процессов ресоциализации.

Заключение. Военно-институциональное управление по своему функциональному назначению подразумевает воздействие на процессы, объединяющие социальную среду ВС РФ на институциональном уровне. С учетом того, что развитие средств поражения осуществляется не только на военизированном уровне, формируются принципиально новые «плоскости» применения этих средств. Указывая на новый театр военных действий – информационное пространство, стоит отметить высокий уровень деструктивного воздействия – «боевой» части транслируемого контента. В том числе содержание контента и его особая тактика достижения цели представляют для нас в настоящее время прямую угрозу. Воздействие, осуществляемое с целью дестабилизировать функционирование социальных процессов в ВС РФ, для нас определяется как посыл к созданию комплекса противодействия. В том числе, особенности факторов влияния СВО на личный состав ВС РФ требуют от нас пер-

манентного социального прогнозирования и выявления возможной трансформации угроз с целью превентивных действий.

Литература

1. Устинов И.Ю. Ментальная война: дефиниционный эскиз в интеграции философии, психологии и военной науки / И.Ю. Устинов, А.Н. Кирюшин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2023. – № 2(48). – С. 80–84.
2. Костерин А.А. Социальное прогнозирование как элемент военно-институционального управления / А.А. Костерин, М.В. Барановский // Социология. – 2024. – № 3. – С. 136–140.
3. Цапок А.В. Методологические основы оценки эффективности управления // Инновационная наука. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 232–237.
4. Луговский В.А. Социология и психология управления: Учеб. пособие / В.А. Луговский, Л.В. Сурженко, Д.А. Чурянина. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – 144 с.
5. Марусенко О.Н. Социальный институт армии и его влияние на ценности военной службы // Право и образование. – Москва, 2007. – № 1. – С. 175–180.
6. Белозёров В. Вооруженные Силы как инструмент превентивной политики // Военно-философский вестник. – 2008. – № 1. – С. 55–57.

SOCIAL FORECASTING IN THE MANAGEMENT OF UNITS OF THE RUSSIAN ARMED FORCES IN THE CONDITIONS OF SPECIAL MILITARY OPERATION

Kosterin A.A.

Military University named Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The article discusses the features of social forecasting in the management system of units of the Russian Armed Forces (hereinafter referred to as the RAF) when they perform combat (special) tasks. A distinctive feature of the content part is the considered conditions of the situation, which are caused by modern armed conflicts. Close attention is paid to the widespread hybridization of damaging factors, the spatial multidimensionality of combat capabilities and the influence of this complex on the functioning of the social environment of the units of the RAF. The author clarifies some features of the formation of the social institution of military service and evaluates their potential manageability. In particular, the relevance of the article is determined by the special parameters of the social institution of military service at the present time in addition to the condition with which the RAF entered into a special military operation (hereinafter referred to as SMO).

Keywords: forecasting, dynamics, social environment, management.

References

1. Ustinov I. Yu. Mental war: definitional sketch in the integration of philosophy, psychology and military science / I. Yu. Ustinov, A.N. Kiryushin // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy. – 2023. – No. 2 (48). – P. 80–84.
2. Kosterin A.A. Social forecasting as an element of military-institutional management / A.A. Kosterin, M.V. Baranovsky // Sociology. – 2024. – No. 3. – P. 136–140.
3. Tsapkov A.V. Methodological foundations for assessing management effectiveness // Innovative science. – 2017. – Vol. 1, No. 3. – P. 232–237.
4. Lugovskiy V.A. Sociology and psychology of management: textbook / V.A. Lugovskiy, L.V. Surzhenko, D.A. Churyanina. – Krasnodar: KubSAU, 2016. – 144 p.
5. Marusenko O.N. Social institution of the army and its influence on the values of military service // Law and education. – Moscow, 2007. – № 1. – P. 175–180.
6. Belozerov V. Armed Forces as an instrument of preventive policy // Military-philosophical bulletin. – 2008. – № 1. – P. 55–57.

Факторы привлекательности зарубежных стран в межпоколенческом ракурсе

Полякова Екатерина Андреевна,

старший лаборант, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: ms.katerin2002@mail.ru

Печкуров Илья Васильевич,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: i.pechkurov@gmail.com

Месхи Бебури Бесикович,

кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: bebur9696@mail.ru

Целью исследования является определение основных факторов привлекательности стран для зарубежного туризма, различий в восприятии и оценке других стран для посещения и возможной миграции в представлении X, Y, Z-поколенческих групп современных россиян. Методологической базой исследования стали результаты социологического опроса, проведенного коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в 2023 году. Выборочную совокупность исследования составили жители г. Таганрога. Фундаментом для описания поколений стала классификация возрастных групп, описанная В.В. Радаевым. Выявленные предпочтения и основные мотивации поездок в разные страны показывают, что для туризма людей Z-поколения важна развитая система досуга, туристических и развлекательных услуг, а также шопинга, Y-поколения – реализация трудовых возможностей и карьерных перспектив помимо досуга, а для X-поколения – изучение культуры и интересное проведение времени. Полученные в ходе исследования данные предоставляют ценную информацию о восприятии зарубежных стран представителями разных поколений. Такие данные могут продемонстрировать существующие в обществе стереотипы и предубеждения. Также выявляются тенденции, которые расширяют понимание современной межпоколенческой динамики, меняющиеся ценностные ориентации. Говоря о практической значимости такого материала, полученные выводы могут помочь в развитии межкультурного диалога, создании эффективных мер государственного управления и реформ, направленных на увеличение привлекательности жизни в родной стране.

Ключевые слова: возрастные когорты, X, Y, Z-поколения, международная жизнь, факторы привлекательности.

Введение

В настоящее время в рамках современного научного дискурса можно проследить тенденцию актуализации вопросов отношения россиян к геополитическим, а также межнациональным и мировым событиям, влияющим на взгляды населения на те или иные страны мира. В рамках этого направления рассматриваются темы, связанные с миграционной политикой, обострением проблем национальной розни, повышения конфликтности межэтнических отношений, социально-экономических аспектов жизни населения и многое другое. Достаточно интересным в этом ключе является выявление разницы в восприятии жизни зарубежом, представлений о возможностях поездки или переселения в разные государства и мнения об их достоинствах и недостатках.

Можно также отметить, что на данный момент российское государство находится в условиях дезинтеграции с мировым сообществом, что во многом обусловлено конфронтацией со странами Запада, а также развернувшимися событиями Специальной военной операции, начало которой запустило череду санкций и антироссийских настроений по всему миру. В этих условиях можно проследить настоящий раскол мнений общественности и населения по поводу союзников и противников России на мировой арене. Кроме того, наша страна ведет политику, основанную на создании уникальной национальной идентичности, связанной с сохранением и укреплением традиционных ценностей и поддержанием новых путей развития русского общества. И после долгих лет тотальной глобализации, повлиявшей на несколько поколений современных людей, интересно было бы проследить динамику изменения представлений о зарубежной жизни, которые трансформировались именно под влиянием этих многочисленных факторов.

Внимание к рассмотрению данной проблемы с точки зрения межпоколенческого подхода привлек и тот факт, что современная Россия переживает глубокие демографические изменения. Сдвиг возрастных границ, удлинение трудового периода, раннее вхождение молодежи во взрослую жизнь и повышение продолжительности жизни в целом формируют сложные возрастные структуры, особенно в условиях «цифрового общества». [2] Эти изменения, в свою очередь, могут оказывать влияние на представления о жизни за рубежом, порождая различия и даже конфликты между поколениями.

Обобщая данные факты, можно сказать, что выбранный нами метод межпоколенческого анализа зарубежной жизни, а также факторов выбора тех или иных стран, в качестве более предпочтительных для посещения и туризма, может помочь выявить актуальные для разных возрастных групп населения социально-экономические проблемы и наиболее важные направления развития государственной политики разных стран.

Методология и методы

Изучение межпоколенной динамики – это ключ к пониманию трансформаций социальной структуры. Чтобы разобраться в трансформации факторов привлекательности

зарубежных стран для разных категорий населения, было проведено исследование, опирающееся на методологию проекта «Информированность населения о международной жизни и отношение к различным странам». Этот проект, в свою очередь, вдохновлен масштабным социологическим исследованием Б.А. Грушина «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения», который проводился среди жителей г. Таганрога. В исследовании анализировались данные, полученные коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН. Особое внимание уделялось выявлению различий и сходств в восприятии зарубежных стран представителями разных поколений. И в качестве критериев оценки учитывалось не только отношение к конкретным странам, но и образы «дружественных» и «отталкивающих» государств и мест для поездок. [3]

Также нельзя не сказать об основаниях описания поколенческих различий. В данном аспекте мы ссылаемся на подход В.В. Радаева, который подразумевал под «поколением» социально-историческую категорию, сочетающую в себе и исторически сложившиеся общие характеристики, временную линию жизни, так и общность социальных факторов, влияющих на социализацию людей. Согласно его концепции, поколения, несмотря на существование в едином социальном пространстве, отличаются друг от друга не только по возрасту, но и характерными чертами, сформированными влиянием исторических периодов, которые они пережили.

В.В. Радаев выделяет шесть поколений [7], определяющих современную российскую социально-возрастную структуру. Каждое из них несет в себе отпечаток уникального исторического опыта, формирующего его ценности и мировоззрение. Самое старшее поколение (до 1938 г.) застало Великую Отечественную войну в детстве и прошло через послевоенное восстановление. Следующее поколение (1939–1946 гг.) родилось в годы войны и созревало в эпоху хрущевской оттепели, вождной для них стала эпоха реформ 80–90-х годов.

Поколение «беби-бумеров» (1947–1967 гг.) родилось в послевоенные годы и стало свидетелем восстановления страны после разрухи. Следующее – «Поколение X» (1968–1981 гг.) – застало перестройку и горбачевские реформы, формируя свое взросление в период глубоких социальных и политических изменений.

«Миллениалы» (1982–2000 гг.) – поколение «лихих 90-х», пережившее экономический и социальный перелом. Наконец, «центиниалы» или «поколение Z» (после 2000 г.) – это дети XXI века, мировоззрение которых формировалось в совсем ином мире, насыщенном инновационными технологиями и глобальными проблемами современности.

Такая классификация позволяет понять, как разные поколения влияют на современную российскую жизнь, какие ценности они несут в себе, и какие проблемы и возможности представляют перед обществом.

Понимание миграционных предпочтений можно проследить через исследование представлений о других странах и тех образцов и стереотипов, которые остаются у населения. На данный момент существует ряд работ, связанных с данной темой. К примеру, А.А. Сорокина, А.М. Катрич и А.Н. Шилина обращали внимание на молодое поколение, говоря о взаимных представлениях о друг друге студентов из Южной Кореи и России. Но в нашем случае внимание будет уделено не только перечислению мнения о тех или иных странах. Важно понять, какие элементы образа зарубежных стран делают их привлекательными для людей разных поколений и какие факторы их мотивируют к переезду или продолжению жизни на Родине.

Основная часть

Метод исследования Б.А. Грушина, посвященный исследованию механизмов формирования массового сознания, предложил нестандартный подход к изучению отношения россиян к своей стране и зарубежным государствам. Вместо традиционного предложения списка стран для оценки, участники опроса сами изначально выбирали несколько стран, которые хотели бы посетить. Такой метод позволил заглянуть в глубину их восприятия, раскрывая не только предпочтения, но и логические основания выбора. Опрашиваемые анализировали как положительные, так и отрицательные стороны выбранных стран, аргументируя свой выбор и демонстрируя уровень знаний о разных сферах жизни в них. «Таганрогский проект» позволил увидеть не только то, какие страны привлекают россиян, но и как формируется их отношение к зарубежным государствам, какие критерии они применяют при выборе места для путешествия. И именно такой подход может помочь нам выявить истинные мотивации участников.

Данные использованного нами исследования были получены в ходе опроса жителей г. Таганрога в возрасте 18–60 лет. Были представлены три поколения: Z, Y и X, каждое из которых обладает своими уникальными особенностями, сформированными под влиянием исторического контекста и особенностей своего времени. Z-поколение (18–29 лет) – это «цифровые люди», наиболее погруженные в среду виртуальной реальности и постоянного потока информации. Их восприятие мира формируется под влиянием цифровых технологий и социальных сетей, что отражается на их взглядах на жизнь и ценности. Y-поколение (30–49 лет) – это «поколение карьеристов», находящееся на пике своей профессиональной активности и строительство карьеры является для них одним из ключевых приоритетов на данный момент. X-поколение (50 лет и старше) – это самое старшее из представленных возрастных групп, которое обладает богатым жизненным опытом, но сталкивается с главной проблемой современности – низким качеством владения современными устройствами и низкими цифровыми компетенциями. Мировоззрение таких людей формировалось под влиянием событий прошлого, ценностей СССР и коллективизма. Описанное нами выше разделение возрастных общностей позволяет нам выявить нюансы в отношении к определенным вопросам в зависимости от конкретного возрастного диапазона внутри каждого поколения. [5]

Выборка исследования составила 1701 человек. Среди всех опрошенных к группе 18–24 относились 125 человек, 25–29–113 человек, 30–39–339 человек, 40–49–299 человек, 50–59–275 человек, а также к группе 60 лет и более – 550 человек из числа всех респондентов. Получается, что среди опрошенных к представителям X-поколения относились 825 человек, Y-поколение представляли 638 человек, а Z – 238 респондентов.

В первую очередь мы обратимся к вопросу основных туристических предпочтений разных поколений. Наиболее популярными в иерархии стали страны с высоким уровнем жизни населения, доступными для жителей благами и свободами. Многие опрошенные выбирали такие страны, как Швейцария (6,6%), Китай (6,1%) Германия (4,8%) и Белоруссия (4,2%). Такие результаты были получены из обобщенных данных по всем возрастам при множественных вариантах выбора. Но также мы можем более детально рассмотреть каждую возрастную когорту.

Представления об идеале государства варьируются в зависимости от возраста. Так, современные центиниалы предпочли бы для посещения и возможной миграции Францию (8,6%), Италию (7,7%), а также азиатские

страны – Китай (6,6%) и Япония (5,9%). Среди респондентов в группе Z-поколения, отмечался выбор в пользу Норвегии (13,3%) и США (8,7%). Норвегия за последние 10–15 лет стала излюбленным местом для посещения и возможной миграции, привлекая высоким уровнем жизни, развитой системой защиты прав и свобод граждан, а также политической и экономической стабильностью [1].

А вот мотивационная подоплека таких предпочтений в большей степени основывается на личном интересе, а не прагматических основаниях. Наиболее популярной причиной среди молодых людей стало желание познакомиться с другой страной, а именно «познакомиться с иной культурой, историей, традициями и обычаями» (76,2%), а также оставить позитивные воспоминания и впечатления, «хорошо и интересно провести время» (70,3%). И ещё 25,1% опрошенных выбирают страны с целью «шопинга», что достаточно актуально в ситуации, когда Россия оказалась в состоянии ограничений и санкций со стороны других стран. И также отметим, что 20% представителей Z-поколения хотели бы поехать за рубеж с целью реализации своих профессиональных интересов.

При этом вопрос, связанный с выбором приоритетных сфер, интересующих человека при выборе страны, демонстрирует нам, что молодые люди в первую очередь интересуются историко-культурным наследием (60,1%), природой (61,3%), местами отдыха и развлечений (60,5%), а также бытовой жизнью принимающей стороны (52,1%). Такой интерес соответствует их мотивации выбора страны для посещения и соотносится с главными целями поездок в выбранные государства. Т. е. молодые люди стремятся не только познакомиться с культурой и историей других стран, но и интересно провести время.

А вот сфера науки и технологий, развитая экономическая отрасль и прогресс в основном интересуют студентов, желающих поехать в страны Азии, в частности, в Китай (48,2%) и Японию (30,2%). Очевидно, что устоявшееся мнение о том, что эти страны – мировые лидеры по развитию технологий и инноваций, четко прослеживается в мировоззрении российской молодёжи. [4] Также отметим, что в последние 5 лет можно наблюдать устойчивый тренд проникновения восточной культуры в современную жизнь россиян: популяризация музыки, традиций, еды, образа жизни, аниме и других исконно восточных символов, которые быстро переняли и распространили по всему миру. [6]

Таким образом, исследование демонстрирует, что мотивы путешествий молодёжи многогранны и отражают как интерес к изучению мира, так и желание получить новые впечатления и опыт. Такие причины выбора зарубежных стран демонстрируют, что современное молодое поколение ставит ценность досуга и интересного времяпрепровождения выше многих прагматических причин, изучение культуры, погружения в новую среду, знакомства с иностранцами и др. В этом случае основные факторы привлекательности: развитая туристическая сфера, доступ к интересным местам для современной молодёжи, развлекательные программы, достопримечательности старого и нового мира, а также многочисленные варианты шопинга, в особенности актуальны бренды, которые недоступны для покупки в РФ.

Следующее Y-поколение намного чаще в качестве возможной страны для посещения отдавало предпочтение следующим странам: ОАЭ (Объединённые Арабские Эмираты) (4,5%) и Германия (12,9%). Германия и ОАЭ, как отмечается экспертным сообществом, это страны, известные своим успехом в промышленности и добыва-

ющей сфере, высоким уровнем жизни и развитыми технологиями. Можно отметить, что тот же Дубай на данный момент притягивает специалистов со всего мира возможностями развития бизнеса и построения карьеры. Тренд на отдых в ОАЭ достаточно актуален, поэтому не удивительно, что люди среднего возраста делают такой выбор.

Опрос показал, что респонденты этой возрастной группы отмечают в качестве ключевых факторов привлекательности данных государств: «состояние промышленности» в Германии (50%) и ОАЭ (132,2%) и «сферу обслуживания и сервиса» в Германии (82,7%) и ОАЭ (110,9%). Это свидетельствует о том, что для людей старше 30 лет важны трудовые перспективы, качество инфраструктуры и сервисного обслуживания, а также уровень заботы о гражданах. Эти факторы делают Германию и ОАЭ привлекательными не только для туристов, но и для людей, ищущих новые возможности для реализации своего потенциала.

И эта же ситуация прослеживается при оценках основных мотиваций для посещения зарубежья у данной категории граждан. Первоочередными становятся профессиональные интересы (82,3%), в то время как развлекательные намерения и получение ярких впечатлений уходит на второй план (76%). Высоко оценивается культурная составляющая (78,3%), что указывает на то, что люди среднего возраста стремятся за границу как раз для развития двух направлений своей жизни: туризма, но направленный больше на знакомство с новой страной, посещение мест культурной значимости и памятников истории, а также расширение своих карьерных возможностей.

Современные россияне X-поколения мы можем увидеть явный перекосяк в выборе как стран для посещения, так и мотиваций. К числу государств, которые стали фаворитами по выбору среди людей старшего возраста мы можем заметить те страны, которые относятся к блоку постсоветских: Белоруссия (10,8%), Казахстан (15,4%), Абхазия (11,3%), а также европейские страны Великобритании (3,7%) и Япония (7,2%). Выбор таких стран может обуславливаться периодом социализации во времена существования СССР, когда дружественные Советскому Союзу страны были достаточно привлекательны как в туристическом плане, так и в социально-экономическом. В остальном же выбранные государства на данный момент можно назвать достаточно стабильными в экономическом плане, а выбранные страны ближнего зарубежья – дружественными с Россией, что повышает их привлекательность для X-поколения.

Мотивационная картина при анализе ответов складывается таким образом, что пожилые люди в большей степени стремятся «получше узнать страну» (129,2% при множественном выборе вариантов), «возможность интересно провести время» (112,5%), а также, что интересно, «посетить знакомые места» (76%), возможно те, где люди были в юности и во времена молодости, когда ещё существовал Советский Союз и такие поездки были проще, чем сейчас, особенно, если говорить про ближнее зарубежье. Можно предположить, что к числу важных факторов для привлечения данной группы населения могут служить маркетинговые стратегии, построенные на воспоминаниях о советском прошлом, на ностальгии по былым временам, размеренные и спокойные виды досуга, упор на культурных особенностях и традициях.

Заключение

Подводя итог представленного анализа, можно сделать несколько выводов, касающихся предпочтений и устано-

вок разных поколений современных россиян. Мы можем понять, что есть значительные различия в выборе возможных стран для посещения, а также мотивациях, которые могли бы обуславливать цели поездки в те или иные зарубежные места. И в то время, как обозначенное нами Z-поколение демонстрирует «Я-ориентацию», беспокоясь в заграничных поездках о хорошем досуге и приятном времяпрепровождении, а также возможностях шоппинга за границей, то более взрослые люди- Y- поколение или же миллениалы, хоть и высказывают интерес к проведению досуга и отдыха, но уже очевидно более важную роль определяют сфере труда и построению карьерных траекторий в новых государствах. В это же время мотивации людей X-поколения достаточно интересны, поскольку и предпочтения данной группы были представлены странами ближнего зарубежья, так и к числу основных мотиваций относилось посещение памятных мест, что говорит о желании ностальгического отдыха в других странах. Именно эти сферы становятся основными выделенными нами факторами привлекательности, которые становятся разными для разных возрастных групп населения. И именно на эти факторы можно сделать упор при трансформировании и развитии регионов нашей страны, чтобы укреплять позицию любви и интереса к своей Родине в межпоколенческом ракурсе.

Литература

1. Аршба О. Иммиграция и мультикультурализм в странах Скандинавии / О. Аршба, С. Татунц // Государственная служба. – 2015. 2 (94). С. 100–106.
2. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; [пер. с англ. С.А. Комаров]. – Москва [и др.] Питер, 2008. 238 с. – ISBN 978-5-469-00034-1. – EDN QOABEJ.
3. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я) / Б.А. Грушин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2006. С. 782–838.
4. Добрынина М.И. Китайская миграция в условиях модернизации: Российский вектор / М.И. Добрынина // Вестник ЗабГ У. – 2023. 1. С. 149–157
5. Ковин Е. А., Лысенко О.В. Практическая ценность современных теорий поколений в социологии // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. 1. 33–38.
6. Костина В. С., Мозолёва Т.Е., Муравьева М.Е. Анализ современных медиатрендов России, Китая и Японии // Вестник науки. – 2024. 3. 5 (74): 1011–1022.
7. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество / В.В. Радаев. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.

FACTORS OF ATTRACTIVENESS OF FOREIGN COUNTRIES IN AN INTERGENERATIONAL PERSPECTIVE

Polyakova E.A., Pechkurov I.V., Meskhi B.B.

South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The purpose of the study is to determine the main factors of attractiveness of countries for foreign tourism, differences in the perception and assessment of other countries for visiting and possible migration in the opinion of X, Y, Z-generational groups of modern Russians. The methodological basis of the study was the results of a sociological survey conducted by the team of the South-Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences in 2023. The sample population of the study consisted of residents of Taganrog. The classification of age groups described by V.V. Radaev became the foundation for describing generations. The revealed preferences and main motivations for traveling to different countries show that for the tourism of people of the Z-generation, a developed system of leisure, tourist and entertainment services, as well as shopping are important, for the Y-generation – the realization of labor opportunities and career prospects in addition to leisure, and for the X-generation – studying culture and interesting pastime. The data obtained during the study provide valuable information about the perception of foreign countries by representatives of different generations. Such data can demonstrate existing stereotypes and prejudices in society. Trends are also identified that expand the understanding of modern intergenerational dynamics, changing value orientations. Speaking about the practical significance of such material, the findings can help in the development of intercultural dialogue, the creation of effective public administration measures and reforms aimed at increasing the attractiveness of life in the home country.

Keywords: age cohorts, X, Y, Z-generations, international life, attractiveness factors.

References

1. Arshba O. Immigration and multiculturalism in the Scandinavian countries / O. Arshba, S. Tatunts // Public service. – 2015. 2 (94). – pp. 100–106.
2. Bauman Z. Liquid modernity / Z. Bauman; [translated from English by S.A. Komarov]. – Moscow [and others] Piter, 2008. 238 p.
3. Grushin B.A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the Mass Consciousness of Russians during the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev, and Yeltsin in 4 Books. Life 2. The Brezhnev Era (Part 2) / B.A. Grushin. – Moscow: Progress-Tradition, 2006. pp. 782–838.
4. Dobrynina M.I. Chinese Migration in the Context of Modernization: Russian Vector / M.I. Dobrynina // Bulletin of ZabS U. 2023. 1. pp. 149–157
5. Kovin E. A., Lysenko O.V. Practical Value of Modern Theories of Generations in Sociology // Bulletin of PSU. Series No. 3. Humanities and Social Sciences. 2020. 1. 33–38.
6. Radaev V.V. Millennials: how Russian society is changing / V.V. Radaev. – Moscow: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 2019.
7. Kostina V. S., Mozolyova T.E., Muravyova M.E. Analysis of modern media trends in Russia, China and Japan // Science Bulletin. 2024. 3. 5 (74): 1011–1022.

Социально-экономические вызовы и проблемы рынка труда молодых специалистов: опыт российских регионов

Ретинская Вера Николаевна,

к.с.н., доцент кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: bvnp@mail.ru

Мурзина Ирина Александровна,

к.с.н., доцент кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: mirial11@mail.ru

Полежаева Диана Алексеевна,

магистрант кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: dianapoluskina0764@gmail.com

В современных условиях рынок труда России представляет собой динамичную и быстро изменяющуюся среду. Авторами подчеркивается, что российский рынок труда развивается в особых условиях под совокупностью как внешних глобальных трендов, так и внутренних факторов. В статье рассмотрены особенности проявления и обобщены сложности, связанные с проблемой сокращения численности молодых сотрудников на рынке труда. На основе обобщенного анализа регионального опыта стимулирования и поддержки на рынке труда молодых специалистов в возрасте до 35 лет, предложены меры, которые могут быть актуальны для субъектов РФ, в которых данная проблема сохраняется. В заключении подчеркивается, что совместная деятельность регионов, вузов и предпринимательского сообщества способно положительно повлиять в решении данной проблемы и придать новый импульс развития рынка труда молодых специалистов.

Ключевые слова: рынок труда, молодые специалисты, «вымывание» молодых специалистов, региональный опыт, трудоустройство молодых специалистов.

В доктринальных документах Российской Федерации закреплено, что реализация потенциала каждого человека, включая развитие его талантов выступает в качестве приоритетной цели развития страны на перспективу до 2036 года [1]. Между тем, российский рынок труда характеризуется ускоренной динамикой трансформационных изменений, связанных с происходящими процессами адаптации экономики к глобальным вызовам национального и мирового масштаба [3]. С одной стороны, уровень безработицы, как один из основных показателей, выступающих критерием для определения эффективности государственной политики в сфере занятости населения, в последние годы находится на минимальном уровне: в 2021 году показатель составил 4,8%, в 2022 году снижается до 4%, по итогам 2023 года еще снизился до 3,2%, а по состоянию на конец августа 2024 г. достигает своего исторического минимума за последние годы и за последние 3 текущих месяца находится на уровне 2,4% [7]. Снижение безработицы в РФ, по мнению экспертов, обусловлено уходом зарубежных компаний с российского рынка в 2022 году, началом СВО и, в связи с этим, запуска многих предприятий военно-промышленного комплекса и промышленных предприятий, которые выпускают необходимую для страны продукцию [8]. Однако такая ситуация отнюдь не означает отсутствия сложностей, одной которых выступает структурная перестройка экономики и сопутствующий кадровый «голод», признаки которого в самых разных сферах занятости стали отмечаться аналитиками и руководителями предприятий еще в 2021 году.

К началу 2024 года такая проблема стала более чем актуальной, причем, это касается не только отдельных сфер, а государственной экономики в целом. Страна испытывает потребность как в рабочих кадрах, так и в сотрудниках высокого уровня профессиональной квалификации, связанной с наличием цифровой грамотности, знаний и умений, востребованных при производстве высокотехнологичной продукции. Нуждаются в сотрудниках учреждения здравоохранения и образования, в числе последних – как общеобразовательные школы, так и учреждения среднего и высшего профессионального образования.

При этом очевидно, что одной из наиболее перспективных и привлекательных для рынка труда групп являются молодые сотрудники, которые обладают личностными и профессиональными качествами, обеспечивающими профессиональное развитие и успех в условиях современной экономики, требующей оперативности, быстрой скорости мышления, гибкости, творческого потенциала, самостоятельности мышления, современного образования, понимания рыночной ситуации, готовности учиться, быстро усваивать новые знания и так далее. Однако, и в этом случае складывается непростая ситуация: на рынке труда наблюдается как раз сокращение численности и доли работников в возрасте до 35 лет. В ближайшие пять лет на рынок начнет выходить все меньше новых кадров, молодых будет все больше не хватать и спрос на них будет расти. Уже сегодня эксперты отмечают, что в России среди молодых специалистов (18–24 года) сохраняется крайне высокий уровень

конкуренции: согласно данным hh.ru, на одну вакансию в этой возрастной категории претендуют 10 человек, что в 2,5 раза выше среди взрослых сотрудников. Соответствующие процессы названы «вымыванием» молодых сотрудников с рынка труда. В наибольшей степени они затронули возрастную группу в возрасте от 25 до 29 лет. Максимальный уровень конкуренции в разрезе федеральных округов был зафиксирован в Северо-Кавказском ФО, Москве, Санкт-Петербурге и Дальневосточном ФО, а минимальный – в Центральном ФО, Уральском ФО и Северо-Западном ФО [4; 6].

Наиболее сильно соответствующие процессы, согласно данным Росстата, проявили себя в 2022 году: численность рабочей силы в возрасте до 35 лет сократилась с 22,83 млн в 2021 году до 21,5 млн чел. по итогам 2022 года. Несмотря на то, что ситуацию удалось относительно стабилизировать и снижение по результатам 2023 года оказалось не таким заметным, оно все-таки имело место быть: численность занятых граждан по итогам 2023 года составила 21,03 млн чел. [7].

В числе основных причин сложившейся ситуации стоит назвать совокупность факторов, в числе которых преобладает влияние демографических причин, то есть общее старение населения, которое имеет место быть в течение последних лет, равно как и массовая эмиграция из России, наблюдавшаяся после начала мобилизации осенью 2022 года, когда из страны уезжали преимущественно молодые люди. Также нельзя забывать о том, что благодаря цифровым технологиям происходит стремительное размытие стандартной модели занятости: в последние годы появились новые формы занятости, которые не только востребованы, но и продолжают стремительно развиваться. Речь идет о самозанятых (лицах, уплачивающих налог на профессиональный доход) и о так называемой платформенной занятости, которая подразумевает активное взаимодействие специалистов из самых разных сфер с интернет-платформами (например, курьеры и таксисты, работающие на платформе Яндекс, репетиторы на платформах типа Профи.ру и т.д.) [5].

Результатом становится не просто кадровый «голод», но недостаток на рынке представителей одной из наиболее активных и востребованных возрастных групп. Доля трудоспособного населения в возрасте до 35 лет по итогам 2023 года составила 29,5% населения – и это минимальный показатель с 2006 года, что подтверждает реальность соответствующей проблемы и ее остроту.

В российских регионах соответствующая проблема проявилась по-разному. Некоторым субъектам, в том числе, благодаря реализуемым мерам поддержки молодых специалистов, удалось ее благополучно разрешить или минимизировать последствия. Таких регионов по результатам развития рынка труда в 2023 году оказалось всего 11: например, Архангельская область, где удалось добиться повышения численности молодых работников на 8,1%, Чукотский автономный округ, где прирост составил 12,4%, Республика Алтай (+5,15%). В регионах других ситуация оказалась более сложными. В состав субъектов Российской Федерации, в которых «вымывание» рабочей силы в возрасте до 35 лет оказалось максимальным, в 2023 году вошли Пензенская область, Новгородская область и Москва [7].

В частности, в Пензенской области количество работников в возрасте до 35 лет за период 2021–2023 гг. сокращается на 19,5% [7]. Подобная ситуация свидетельствует о необходимости дальнейшей трансформации государственной политики в сфере содействия занятости и регулирования рынка труда именно в сторону стимулирования и удержания на рынке представителей

молодого поколения. В этой связи рационально обращение к опыту некоторых российских регионов и оценка перспектив применения его в других субъектах.

Так, в рамках региональной политики в сфере занятости Алтайского края проводится превентивная работа, направленная на изучение профессиональных намерений выпускников учреждений среднего и высшего профессионального образования. Это обеспечивает возможность изучения намерений и общественного мнения молодых специалистов и оказания на них влияния посредством предложения наилучших условий трудоустройства. Активно привлекаются студенты для участия в общероссийской программе «Карьера в России». Особое внимание уделяется привлечению студентов в участие в проекте «Предпринимательская деревня», с учетом особенностей и потребностей аграрного сектора региона, что позволяет обеспечить приток молодых сотрудников в сельскую местность.

В Архангельской области также делается акцент на профессиональном самоопределении молодежи с учетом развития регионального рынка труда. Акция «Профессию выбираю, нужную Поморскому краю», которая проводится ежегодно, представляет собой своего рода обзор рынка труда с учетом существующих потребностей и перспектив, что позволяет выпускникам и студентам определиться с наиболее привлекательными направлениями трудоустройства в области. Количество участников акции ежегодно увеличивается: по итогам 2023 года в ней приняли участие около 14 тыс. молодых жителей области [2].

Волгоградская область также реализует проекты, направленные на создание уникальных и привлекательных условий для молодых волгоградцев для снижения миграционного оттока молодых специалистов за пределы регионального рынка труда. С 2021 года в области реализуется программа «После ВУЗа – домой» и проект «Профстарт – стажировка для выпускников», которые предполагают активное взаимодействие представителей ведущих предприятий региона и образовательных учреждений, привлечение студентов для прохождения практики, обеспечивают поддержку молодых специалистов, в том числе, посредством оказания помощи в компенсации и субсидировании транспортных расходов, расходов по аренде и покупке жилья. Особенно привлекательными данные условия являются для молодых специалистов в сфере аграрного комплекса, образования, здравоохранения. На основании постановления регионального правительства компенсируется также часть расходов работодателей, связанных с временным трудоустройством выпускников учреждений среднего и высшего профессионального образования по направлению службы занятости, организации наставничества для успешной адаптации в профессии.

Выделение различного рода субсидий для найма молодых специалистов, организации наставничества, реализации оплачиваемых проектов по стажировке выпускников вузов и техникумов, а также активная информационная поддержка выступают основой реализации региональной программы «Содействие занятости молодежи на период до 2030 года» Красноярского края [2].

Значительное внимание в рамках региональной политики содействия занятости Оренбургской области уделяется повышению качества работы по профессиональной ориентации. Для своевременного и обоснованного выбора молодыми людьми сферы деятельности, которая будет интересна им, будет соответствовать способностям, потребностям, творческому и интеллектуальному потенциалу значительное внимание уделяется проведению масштабных акций по профориентации:

ежегодно в регионе проводятся проекты «Выбор», «Единый День профориентации», «Формула успеха», «День юного предпринимателя», «Полезные каникулы». Также распространены экскурсии на различные предприятия, опросы и анкетирования, тестирования для определения склонностей, способностей, профессиональных предпочтений. Для родителей в целях информирования проводятся специализированные родительские собрания по данному вопросу, профориентационные вебинары «Профконтур». Со студентами выпускных курсов учреждений среднего и высшего профессионального образования проводятся практикумы «Профессиональный стартап», в рамках которых обсуждаются практические особенности и психологические аспекты поиска работы, проводится обучение навыкам проведения собеседования и составления резюме, оказывается юридическая помощь будущим молодым специалистам.

Таким образом, в целях стимулирования занятости молодых сотрудников и удержания молодых специалистов на региональном уровне согласно потребностям экономики субъектов РФ необходимо изучать и внедрять наиболее удачный опыт отдельных регионов. Одновременно в рамках регулирования занятости на региональном уровне необходимо принять во всех регионах программы содействия занятости молодежи, усилить работу по профессиональной ориентации подростков, информированию молодежи и работодателей о состоянии рынка труда, трудовых правах молодежи. Особое внимание в контексте обеспечения занятости и удержания молодых работников на рынке труда необходимо уделить поддержке молодежного предпринимательства, повышению уровня юридической и финансовой грамотности молодых предпринимателей.

Перечисленные меры будут способствовать привлечению и удержанию молодых сотрудников на рынках труда, обеспечат их профессиональную активность и создадут предпосылки для экономического роста.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2024).
2. Аналитический доклад «Практика работы региональных государственных органов по реализации программ занятости молодежи». – URL: <https://fnpr.ru/upload/2-4%20-%20прил.%202022.%20Аналит.%20доклад.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).
3. Володина Н.А., Мурзина И.А., Ретинская В.Н. Трансформация социально-трудовых отношений в условиях цифровизации // Вестник Биомедицина и социология. 2020. Т. 5. № 4. С. 15–19.
4. Петрова А. Молодежи устраивают профориентацию. hh.ru проанализировал рынок труда молодежи. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6663119> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Ретинская В.Н., Мурзина И.А. Цифровые технологии в регулировании российского рынка труда. // В сборнике: Цифровая трансформация социальных и экономических систем. Материалы международ-

ной научно-практической конференции. Отв. редактор И.А. Королькова. – Москва, 2023. – С. 629–636.

6. Рынок труда и демография: «размлаживание» рабочей силы. – URL: <https://penza.hh.ru/article/28803> (дата обращения: 15.10.2024).
7. Трудовые ресурсы, занятость и безработица: Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force# (дата обращения: 15.10.2024).
8. Шпилькина Т.А., Филимонова Н.Н. Государственная политика в области занятости и безработицы // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 8. – С. 207–212.

SOCIO-ECONOMIC CHALLENGES AND PROBLEMS OF THE LABOR MARKET FOR YOUNG SPECIALISTS: THE EXPERIENCE OF RUSSIAN REGIONS

Retinskaya V.N., Murzina I.A., Polezhaeva D.A.
Penza State University

In modern conditions, the Russian labor market is a dynamic and rapidly changing environment. The authors emphasize that the Russian labor market is developing in special conditions under a combination of both external global trends and internal factors. The article examines the features of manifestation and summarizes the difficulties associated with the problem of reducing the number of young employees in the labor market. Based on a generalized analysis of regional experience in stimulating and supporting young specialists under 35 years of age in the labor market, measures are proposed that may be relevant for the constituent entities of the Russian Federation where this problem persists. In conclusion, it is emphasized that the joint activities of regions, universities and the business community can positively influence the resolution of this problem and give a new impetus to the development of the labor market for young specialists.

Keywords: labor market, young professionals, «washing out» of young professionals, regional experience, employment of young professionals.

References

1. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036 [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 10/17/2024).
2. Analytical report "Practice of regional government bodies in implementing youth employment programs". – URL: <https://fnpr.ru/upload/2-4%20-%20прил.%202022.%20Аналит.%20doclode.pdf> (date of access: 10/17/2024).
3. Volodina N.A., Murzina I.A., Retinskaya V.N. Transformation of social and labor relations in the context of digitalization // Bulletin of Biomedicine and Sociology. 2020. Vol. 5. No. 4. Pp. 15–19.
4. Petrova A. Young people are provided with career guidance. hh.ru analyzed the youth labor market. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6663119> (accessed: 10/15/2024).
5. Retinskaya V.N., Murzina I.A. Digital technologies in regulating the Russian labor market. // In the collection: Digital transformation of social and economic systems. Proceedings of the international scientific and practical conference. Responsible. editor I.A. Korolkova. – Moscow, 2023. – Pp. 629–636.
6. Labor market and demography: "rejuvenation" of the workforce. – URL: <https://penza.hh.ru/article/28803> (accessed: 10/15/2024).
7. Labor resources, employment and unemployment: Federal State Statistics Service. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force# (date of access: 15.10.2024).
8. Shpilikina T.A., Filimonova N.N. State policy in the field of employment and unemployment // Economy and business: theory and practice. – 2023. – No. 8. – P. 207–212.

Исторические аспекты проблемы устойчивости занятости

Садовая Виктория Вадимовна,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный научно-исследовательский социологический центр» Российской академии наук
E-mail: sadovaya-brk@yandex.ru

Статья посвящена проблеме устойчивости занятости и ее основным характеристикам. Актуальность темы определяется тем, что в эпоху глобализации и технологических изменений мир сталкивается с беспрецедентными вызовами в области трудоустройства и занятости. Повсеместная цифровизация, автоматизация изменила традиционные рабочие места, стали появляться новые формы занятости, среди которых можно отметить фриланс, прекарную занятость. Ситуация с массовым переводом трудовой деятельности в дистанционный режим работы во время пандемии COVID-19 усилила трансформационные и дестабилизационные тренды на рынке труда. Актуальность изучения устойчивости занятости также обусловлена изменениями в структуре рабочей силы и возрастающим давлением на социальные системы, включая пенсионные и страховые программы. В условиях увеличения доли нестандартных форм занятости и фриланса, государства и бизнес сталкиваются с проблемой обеспечения равных условий и социальных гарантий для всех категорий работников. В этом контексте исследование направлено на анализ основных характеристик устойчивости занятости, а также на выявление мер, которые могут способствовать ее распространению и укреплению.

Ключевые слова: занятость, устойчивость, рынок труда, неопределенность, концепция, подход.

Устойчивость занятости представляет собой один из ключевых факторов экономической стабильности и социального благополучия населения. Это понятие охватывает не только долгосрочность трудовых отношений, но и качество рабочих мест, условий труда, наличие социальных гарантий и возможностей для развития и роста каждого работника.

С ростом неопределенности на рынке труда, увеличением числа временных и проектных вакансий, вопросы устойчивости занятости становятся особенно актуальными. Стабильная работа перестает быть доступной для большинства, а формирование устойчивости занятости – задачей национального масштаба. Введение принципов устойчивости занятости позволяет не только обеспечить экономическое благополучие рабочих и их семей, но и способствует общественному развитию и процветанию.

В условиях современной глобальной экономики вопросы устойчивости занятости приобретают особую актуальность. Экономические кризисы, технологические изменения и глобализация приводят к значительным преобразованиям на рынке труда. Этот феномен становится одной из центральных проблем как для работников, так и для работодателей.

Несмотря на широкое распространение этого явления, в научной литературе до сих пор нет единого подхода к его определению и измерению. Это усложняет разработку эффективных мер по повышению устойчивости занятости и требует комплексного анализа факторов, способствующих ее неустойчивости. В связи с этим, исследование проблем устойчивости занятости и оценка ее масштабов в различных секторах экономики становится важной задачей.

Одним из подходов осмысления изменения занятости предложил Ж.Т. Тощенко в монографии «Прекариат: Становление нового класса» [11] занятость анализируется, как ключевой элемент определяющий социально-классовую структуру современного общества. Так же рассматриваются различные аспекты занятости, её эволюция, разнообразие концепций, и трансформация современных видов занятости.

Эволюция представлений о занятости описывает переход от традиционных форм трудовых отношений к современным, более гибким и нестабильным формам занятости. В этом контексте занятость понимается не только как экономическая категория, но и как социальный феномен, влияющий на социально-классовую структуру общества. Рассматриваются исторические изменения в подходах к занятости, начиная от индустриальной эпохи до современного постиндустриального общества. Особое внимание уделяется изменениям в характере трудовых отношений и их влиянию на социальную стратификацию.

Ж.Т. Тощенко выделяет многообразие концепций занятости и охватывает различные аспекты трудовой деятельности и ее социально-экономические последствия. Ключевыми концепциями являются:

1. Формальная и неформальная занятость: Формальная занятость характеризуется официальным трудоустройством, наличием трудового договора и социальных гарантий. Неформальная занятость, напротив, включает трудовые отношения без официально-

го оформления, что лишает работников социальной защиты и стабильности.

2. Полная и неполная занятость: Полная занятость предполагает работу на полную ставку с гарантированным уровнем дохода и социальной защиты. Неполная занятость включает частичную занятость, временную или сезонную работу, что часто приводит к снижению уровня дохода и социальной защищенности.
3. Временная и постоянная занятость: Временная занятость включает срочные трудовые контракты, сезонные работы и проектные задания. Постоянная занятость предполагает долгосрочные трудовые отношения с работодателем, что обеспечивает большую стабильность и уверенность в будущем.
4. Самозанятость и фриланс: Самозанятость и фриланс становятся все более распространенными формами занятости в современном мире. Они позволяют работникам самостоятельно определять график работы и выбирать проекты, но часто сопряжены с рисками нестабильного дохода и отсутствия социальных гарантий.

Так же, Тощенко проводит глубокий анализ ключевых тенденций, которые изменяют характер занятости в современном обществе. Эти изменения обусловлены рядом факторов, включая глобализацию, развитие цифровых технологий, изменения в экономической структуре и социокультурные сдвиги.

Автор отмечает, что одним из главных признаков современной занятости является рост нестабильных форм труда. В отличие от традиционной постоянной занятости, такие формы как фриланс, временная, сезонная и неполная занятость становятся все более распространенными. Эти виды занятости часто характеризуются отсутствием долгосрочных контрактов, социальных гарантий и стабильного дохода. Работники в таких условиях находятся в постоянной неопределенности, что негативно сказывается на их социально-экономическом статусе и психологическом состоянии.

Развитие цифровых технологий и интернет-платформ существенно изменило рынок труда. Появление онлайн-рынков труда, платформ для фрилансеров и гибких рабочих мест способствует увеличению числа работников, занятых на временной и проектной основе. Тощенко указывает, что цифровая экономика создает новые возможности для самозанятости и удаленной работы, однако она также усиливает прекаризацию труда, поскольку часто сопровождается недостатком правовой защиты и социальных гарантий для работников.

Глобализация экономики приводит к усилению конкуренции на рынке труда и увеличению мобильности рабочей силы. Компании, стремясь снизить издержки, часто используют аутсорсинг и привлечение временных работников из других стран. Это приводит к тому, что все большее число работников оказываются вовлечены в неформальные и низкооплачиваемые виды занятости без адекватной социальной защиты. Тощенко подчеркивает, что такие процессы способствуют росту социального неравенства и формированию новых классовых границ.

Экономические изменения, такие как переход к постиндустриальному обществу и рост сектора услуг, также влияют на занятость. Традиционные индустриальные рабочие места сокращаются, уступая место рабочим местам в сфере услуг, которые часто менее стабильны и хуже оплачиваются. Автор отмечает, что такая трансформация усиливает тренды прекаризации, особенно среди молодежи и малообразованных слоев населения.

Наконец, Тощенко рассматривает социокультурные изменения, такие как изменение ценностей и ожиданий работников. Современные работники все больше ценят гибкость и автономию, что приводит к увеличению доли самозанятых и фрилансеров. Однако, несмотря на положительные стороны такой гибкости, многие из этих работников сталкиваются с рисками нестабильного дохода и отсутствием социальных гарантий.

В российской социологии значительное внимание теме устойчивости занятости уделено в работах Татьяны Ивановны Заславской и Владимира Александровича Ядова. Т.И. Заславская в своих исследованиях сфокусировалась на социальной адаптации и устойчивости занятости в условиях переходной экономики России. В своей монографии «Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри» [12] она анализирует влияние экономических реформ 1990-х годов на занятость и социальную защиту работников. Т.И. Заславская рассматривает устойчивость занятости через призму адаптации различных социальных групп к новым экономическим условиям. Ее работа включает анализ изменения структуры занятости, роли социальных институтов и адаптационных стратегий, используемых работниками.

Т.И. Заславская отмечает, что экономические реформы привели к значительным изменениям в структуре занятости, перераспределив рабочую силу между различными секторами и отраслями. Это, в свою очередь, оказало значительное влияние на устойчивость занятости, так как многие работники были вынуждены искать новые возможности в условиях нестабильного рынка труда. Важное внимание уделяется роли государства и общественных институтов в поддержании устойчивости занятости. Заславская подчеркивает необходимость эффективной государственной политики, направленной на защиту работников и создание новых рабочих мест. Она также рассматривает различные стратегии адаптации, которые используют работники для приспособления к новым условиям. Это включает переподготовку, смену профессии и миграцию, что позволяет работникам сохранять свою занятость и социальную защищенность в условиях экономической нестабильности.

Владимир Александрович Ядов в своих трудах также уделяет значительное внимание вопросам устойчивости занятости, особенно в контексте стратегий жизненного пути. В монографии «Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России» [13] (2013) В.А. Ядов анализирует, как социальные и экономические изменения влияют на жизненные стратегии людей, включая их занятость. В.А. Ядов разрабатывает теоретическую концепцию стратегий жизненного пути, которая включает устойчивость занятости как один из ключевых элементов. Он рассматривает, как люди планируют и реализуют свои карьерные стратегии в условиях нестабильной экономики, и как это влияет на их социальное и профессиональное положение.

Одним из ключевых аспектов исследований Владимира Ядова является анализ социальной мобильности и ее влияния на устойчивость занятости. Он исследует, как социальные лифты и барьеры влияют на возможности работников для карьерного роста и стабильности занятости. В.А. Ядов подчеркивает важность социальной защищенности работников, включая доступ к социальным гарантиям и поддержке. Он акцентирует внимание на необходимости развития социальных программ, которые могут способствовать устойчивости занятости в условиях экономической нестабильности.

Татьяна Ивановна Заславская и Владимир Александрович Ядов в своих исследованиях уделяют значительное внимание влиянию экономических изме-

нений на устойчивость занятости. Оба исследователя признают, что экономические реформы существенно влияют на рынок труда, приводя к изменению структуры занятости и необходимости адаптационных стратегий для работников. Важным элементом их трактовки является роль социальных институтов. Т.И. Заславская и В.А. Ядов подчеркивают необходимость эффективной государственной политики, направленной на защиту работников и создание новых рабочих мест. Они отмечают, что социальные институты играют ключевую роль в поддержании устойчивости занятости, обеспечивая социальную защиту и поддержку работников. Оба социолога рассматривают различные стратегии адаптации, используемые работниками для приспособления к новым экономическим условиям, такие как переподготовка, смена профессии и миграция. Эти стратегии рассматриваются ими как важные механизмы для сохранения занятости в условиях экономической нестабильности.

Большой вклад в изучении устойчивости занятости внесли зарубежные ученые. Так, Питер Капелли, профессор менеджмента в Уортонской школе бизнеса Университета Пенсильвании, является одним из ведущих специалистов в области исследования рынка труда и занятости. Его работы, посвященные анализу изменений в трудовых отношениях и устойчивости занятости, оказали значительное влияние на понимание современного состояния занятости в условиях рыночной экономики. В своей монографии «The New Deal at Work: Managing the Market-Driven Workforce», Капелли подробно рассматривает трансформации в трудовой сфере, вызванные переходом к рыночным моделям управления и их последствия для работников.

Капелли акцентирует внимание на изменениях в традиционных трудовых отношениях, обусловленных внедрением рыночных механизмов управления. Он выделяет несколько ключевых факторов, влияющих на устойчивость занятости. Во-первых, усиление глобальной конкуренции приводит к тому, что компании вынуждены снижать издержки, оптимизировать процессы и внедрять инновации. Это, в свою очередь, вызывает нестабильность занятости, так как работодатели стремятся к большей гибкости в управлении персоналом. Во-вторых, в целях снижения затрат компании часто прибегают к аутсорсингу и субконтрактации, что приводит к сокращению постоянного штата работников и увеличению числа временных и контрактных сотрудников. В-третьих, быстрые технологические изменения требуют от работников постоянного обновления навыков и переквалификации, что может служить источником нестабильности занятости для тех, кто не успевает адаптироваться к новым условиям.

Капелли подчеркивает, что в условиях рыночной экономики работодатели вынуждены менять подходы к управлению рабочей силой. Он выделяет несколько стратегий, направленных на повышение гибкости и адаптивности компаний. Введение гибких графиков работы, удаленной занятости и временных контрактов позволяет компаниям быстрее адаптироваться к изменениям на рынке и снижать издержки на персонал. Инвестирование в обучение и развитие сотрудников становится важным инструментом для поддержания конкурентоспособности, помогая работникам адаптироваться к новым требованиям и повышая их устойчивость на рынке труда. Введение систем вознаграждения, основанных на результатах работы, позволяет стимулировать работников к повышению продуктивности и обеспечивает более тесную связь между индивидуальными достижениями и вознаграждением.

Исследования Капелли также затрагивают социальные и психологические аспекты устойчивости занятости. Он отмечает, что изменения в трудовых отношениях могут вызывать чувство нестабильности и неопределенности у работников, что, в свою очередь, влияет на их мотивацию и производительность. В связи с этим он подчеркивает важность создания благоприятных условий труда и обеспечения социальной защиты для поддержания устойчивости занятости.

В начале XXI века тема устойчивости занятости получила новое развитие в контексте устойчивого развития [8]. Под устойчивостью занятости стали понимать не только долгосрочную и социально защищенную работу, но и труд, который способствует устойчивому развитию экономики и минимальному воздействию на окружающую среду. Важным аспектом стала интеграция социальной, экономической и экологической составляющих в политику занятости.

Концепция устойчивого развития впервые была сформулирована в докладе «Наше общее будущее» [9], который был опубликован в 1987 году Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию, известной как Комиссия Брунтланд. Этот доклад стал ключевым в истории экологического движения, поскольку в нем было предложено новое видение развития, которое учитывает необходимость сохранения природных ресурсов для будущих поколений.

Эти аспекты тесно переплетаются, так как успешное устойчивое развитие требует сбалансированного учета экологических, экономических и социальных факторов. Принципы устойчивого развития в настоящее время воплощаются в многочисленных международных инициативах, включая цели устойчивого развития [10], утвержденные ООН в 2015 году, которые направлены на борьбу с бедностью, неравенством, изменением климата, ухудшением состояния окружающей среды и другими глобальными проблемами.

Концепция устойчивого развития Брунтланд оказала значительное влияние на формирование подходов к устойчивости занятости, подчеркнув важность интеграции экономических, социальных и экологических аспектов в управление трудовыми ресурсами. Влияние этой концепции можно рассмотреть через несколько ключевых аспектов:

1. Экономическое развитие и создание рабочих мест: В рамках устойчивого развития подчеркивается необходимость создания рабочих мест, которые не только обеспечивают доход, но и способствуют устойчивому экономическому росту. Это включает развитие новых отраслей, таких как зеленая экономика, возобновляемая энергия и устойчивое сельское хозяйство, что приводит к созданию «зеленых» рабочих мест.
2. Социальная справедливость и инклюзивность: Устойчивость занятости подразумевает обеспечение равного доступа к рабочим местам для всех слоев населения, включая уязвимые группы, такие как молодежь, женщины, люди с ограниченными возможностями и этнические меньшинства. Это требует разработки политики, направленной на устранение дискриминации и обеспечение равных возможностей в трудовой сфере.
3. Образование и профессиональное обучение: В рамках концепции устойчивого развития признается важность образования и непрерывного обучения для обеспечения занятости. Это включает программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации, которые позволяют работникам

адаптироваться к изменениям на рынке труда и новым требованиям к навыкам.

4. Условия труда и охрана труда: Устойчивость занятости также связана с улучшением условий труда и обеспечением безопасности и здоровья работников. Это требует принятия мер по сокращению профессиональных рисков, улучшению условий труда и соблюдению трудовых прав.
5. Стабильность и долгосрочная занятость: Концепция устойчивого развития подчеркивает важность стабильности занятости и долгосрочных трудовых отношений. Это включает меры по поддержке малого и среднего бизнеса, социального предпринимательства и кооперативов, которые способствуют созданию устойчивых рабочих мест.
6. Инновации и технологии: Устойчивость занятости требует адаптации к технологическим изменениям и инновациям, которые могут влиять на рынок труда. Это включает стимулирование развития цифровых навыков и интеграцию новых технологий, таких как автоматизация и искусственный интеллект, с учетом их потенциального воздействия на занятость.
7. Глобальное сотрудничество и партнерства: Важную роль играет международное сотрудничество и партнерства для обмена лучшими практиками и поддержки стран в достижении целей устойчивого развития в сфере занятости. Это включает программы международной помощи и сотрудничества, направленные на улучшение занятости и условий труда в развивающихся странах.

Таким образом, концепция устойчивого развития Брундтланд заложила основу для более комплексного и интегрированного подхода к устойчивости занятости, который учитывает не только экономические, но и социальные и экологические аспекты, направленные на достижение долгосрочного благополучия и справедливости для всех работников.

В XXI веке концепция устойчивости занятости продолжала эволюционировать в ответ на новые экономические, технологические и социальные вызовы. Основным драйвером изменений стала цифровизация, которая привела к появлению новых форм занятости, таких как гиг-экономика и удаленная работа. Эти изменения потребовали пересмотра подходов к трудовому законодательству и социальной защите.

С одной стороны, гибкость и возможности для самореализации, предоставляемые новыми формами занятости, способствовали повышению уровня удовлетворенности и мотивации работников. С другой стороны, нестабильность и неопределенность таких видов занятости вызвали опасения по поводу их устойчивости. В ответ на это многие правительства начали разрабатывать меры, направленные на расширение социальных гарантий для работников независимо от формы трудовых отношений.

Значительное внимание в этот период также уделялось устойчивому развитию и экологической ответственности. Компании стали активнее внедрять стандарты корпоративной социальной ответственности, включая обеспечение справедливых условий труда и уменьшение воздействия на окружающую среду. Это способствовало повышению привлекательности рабочих мест и стимулированию долгосрочной занятости.

Власти разных стран начали признавать, что поддержка устойчивости занятости требует комплексного подхода, включая инвестиции в образование и профессиональное обучение, адаптацию к изменениям на рынке труда, и защиту прав работников в изменяющейся экономической среде. Важной стала политика поддерж-

ки инноваций и предпринимательства, которая помогала создавать новые рабочие места и способствовала экономическому росту.

Таким образом, в XXI веке устойчивость занятости стала рассматриваться не только как защита от безработицы и социальная защищенность, но и как важный фактор экономического развития и социальной стабильности, требующий активной государственной поддержки и адаптации к новым вызовам. Устойчивость занятости играет критически важную роль в обеспечении экономической стабильности и социального благополучия общества. В эпоху быстрых технологических изменений и глобализации, вопросы стабильной работы и качественных рабочих мест становятся всё более актуальными. Наши исследования показали, что ключевые аспекты устойчивости занятости, такие как долгосрочность трудоустройства, стабильность доходов, социальные гарантии и возможности для профессионального роста, являются фундаментальными для достижения этих целей.

Для повышения уровня устойчивости занятости необходимо активное участие всех сторон: государства, работодателей и самих работников. Государственная политика должна сосредоточиться на создании благоприятных условий для развития качественных и стабильных рабочих мест, включая законодательные и налоговые стимулы для поддержки трудоустройства. Корпоративная социальная ответственность также играет ключевую роль, включая обеспечение справедливых условий труда и возможностей для развития сотрудников. Также важно учитывать новые вызовы, которые требуют адаптации существующих подходов к социальной защите и трудовым правам. Разработка и реализация интегрированных программ обучения и переподготовки сотрудников помогут укрепить их позиции на рынке труда и повысить их конкурентоспособность. Стимулирование устойчивости занятости является комплексной задачей, требующей координированных усилий на всех уровнях общества.

Современный рынок труда требует гибкости и адаптации к быстро меняющимся технологическим и экономическим условиям. В этом контексте особенно важны программы переподготовки и повышения квалификации, которые помогают работникам не только сохранять свою конкурентоспособность, но и адаптироваться к новым профессиональным ролям, что в свою очередь способствует устойчивости занятости. Реализация этих стратегий не только способствует стабильности и росту экономики, но и поддерживает социальное равенство и улучшает качество жизни граждан. Это позволяет строить более справедливое и устойчивое общество, где каждый человек имеет возможность достичь профессионального и личного благополучия.

Литература

1. Анализ рынков в современной экономической социологии / Под ред. В.В. Радаева, М.С. Добряковой. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 422 с.
2. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века [пер. с англ. Н. Макаровой]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 163 с.
3. Сен А. Идея справедливости [пер. с англ. Д. Кралечкина] М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 520 с.
4. Тоценко Ж.Т. Социология труда: учебник. М.: ЮНИТИ, 2008. 423 с.
5. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82–91.

6. Щербина В. В., Попова Е.П. Организационное развитие. М.: Шк. изд. и медиа бизнеса, 2011. 297 с.
7. Adams J.S.. Inequality in social exchange // *Advanced Experimental Psychology*, 1965. 62: 335–343.
8. О Целях устойчивого развития [электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg> (дата обращения: 27.04.2024).
9. Организация Объединенных Наций [электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 27.04.2024).
10. 17 целей для преобразования нашего мира [электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/17-goals-to-transform-our-world> (дата обращения: 27.04.2024).
11. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) [электронный ресурс] <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=8298>
12. Национальная электронная библиотека [электронный ресурс] https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_101050
13. Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России [электронный ресурс] <https://publications.hse.ru/books/94435088>

HISTORICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF EMPLOYMENT SUSTAINABILITY

Sadovaya V.V.

Federal research sociological center of the Russian academy of sciences

The article is devoted to the problem of employment sustainability and its main characteristics. The relevance of the topic is determined by the fact that in the era of globalization and technological change, the world is facing unprecedented challenges in the field of employment. Widespread digitalization and automation have changed traditional jobs, new forms of employment have begun to appear, including freelancing and precarious employment. The situation with the mass transfer of labor activity to remote work during the COVID-19 pandemic has intensified the transformational and destabilizing trends in the labor market. The relevance of studying the sustainability of employment is also due to changes in the structure of the labor force and increasing pressure on social systems, including

pension and insurance programs. In the context of an increase in the share of non-standard forms of employment and freelancing, states and businesses are faced with the problem of ensuring equal conditions and social guarantees for all categories of workers. In this context, the study aims to analyze the main characteristics of employment sustainability, as well as to identify measures that can contribute to its dissemination and strengthening.

Keywords: employment, sustainability, labor market, uncertainty, concept, approach.

References

1. Analysis of markets in modern economic sociology / Ed. by V.V. Radaev, M.S. Dobryakova. Moscow: Publishing house of the State University Higher School of Economics, 2008. 422 p.
2. Drucker P. Management. Challenges of the 21st century [translated from English by N. Makarova]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2012. 163 p.
3. Sen A. The idea of justice [translated from English by D. Kralechkin] Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute; Liberal Mission Foundation, 2016. 520 p.
4. Toshchenko Zh.T. Sociology of labor: textbook. Moscow: UNITY, 2008. 423 p.
5. Homans J. Social behavior as exchange // *Modern foreign social psychology*. M.: Moscow University Publishing House, 1984. P. 82–91.
6. Shcherbina V. V., Popova E.P. Organizational Development. M.: School of Economics and Media of Business, 2011. 297 p.
7. Adams J. S.. Inequality in social exchange // *Advanced Experimental Psychology*, 1965. 62: 335–343.
8. About Sustainable Development Goals [electronic resource] URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg> (date of access: 04/27/2024).
9. United Nations [electronic resource] URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (date of access: 04/27/2024).
10. 17 goals to transform our world [electronic resource] URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/17-goals-to-transform-our-world> (date of access: 27.04.2024).
11. Precariat: formation of a new class: (collective monograph) [electronic resource] <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=8298>
12. National Electronic Library [electronic resource] https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_101050
13. Labor relations: state and development trends in Russia [electronic resource] <https://publications.hse.ru/books/94435088>

Социальное сотрудничество как средство развития компетенций информационного взаимодействия в обществе

Серегина Полина Дмитриевна,

аспирант кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: p_seregina@mail.ru

В условиях быстро меняющегося мира и широкого использования информационных технологий социальное взаимодействие и сотрудничество становятся ключевыми компонентами общественной жизни. В современном обществе важно развивать компетенции информационного взаимодействия, обучать людей эффективному взаимодействию и совместной работе, а также содействовать формированию культуры социального взаимодействия. Это особенно актуально в контексте разных уровней развития общества, от международных отношений до международного сотрудничества. Вполне очевидно, что существуют препятствия, которые могут возникать на пути к эффективному сотрудничеству, для решения которых требуется внимание и администрации образовательных учреждений, и органов власти, для создания благоприятной среды, способствующей развитию сотрудничества. Проведенное исследование позволило глубже проникнуть в суть процессов формирования навыков взаимодействия, коммуникации и сотрудничества, которые играют важную роль в современном информационном обществе. Значимость компетенций информационного взаимодействия в условиях цифровизации общества играют ключевую роль в развитии общества, тем самым помогая лучше понять, каким образом человек может эффективно работать с информацией, общаться и сотрудничать в современном информационном пространстве.

Ключевые слова: Сотрудничество, социальное сотрудничество, технологический прогресс, технологии, общество, компетенции, информационное взаимодействие.

Введение

В современном и бурно развивающемся мире технологии безвозвратно меняют общество и структуру реальности. Именно технологии сейчас влияют на образование, карьерные парадигмы, социальную динамику и организационные стратегии, меняя образ жизни людей – пересмотр традиционного представления жизни в многочисленных сферах деятельности. Выдающийся автор, известный своими глубокими взглядами на технологии и общество, Нил Стивенсон один из первых предложил убедительные идеи о цифровизации общества. В своем романе «Бриллиантовый век, или иллюстрированный букварь для юных леди», опубликованный в 1995 году, представил будущее бесшовной, мгновенной цифровой коммуникации, где доминируют корпорации, новости и реклама таргетированы, экраны вездесущи. А в романе «Лавина», опубликованный тремя годами ранее, сюжет разворачивается в антиутопичном близком будущем (XXI век) и затрагивается «рождение» всемирного виртуального пространства, в котором люди взаимодействуют друг с другом через специальные цифровые программы, создавая себе идеальную картинку мира и покидая реальность. Тем самым происходит масштабный захват сознания масс людей. Данное предвидение проявляется в нашей реальности и подчеркивает дальновидность Нила Стивенсона на влияние цифровизации на динамику общества.

Соответственно, тонкое и многогранное воздействие цифровизации на общество отражает потребность в развитии способностей личности и формировании индивидуальности, которая обеспечивает эффективность и актуализирует исследование сотрудничества с точки зрения социологии. Фактически, сотрудничество относится к многогранной концепции, которая предполагает совместную работу отдельных лиц или организаций, сотрудничающих и координирующих свои усилия для решения общих задач, достижения взаимной выгоды или общей цели. Этот фундаментальный аспект взаимодействия людей и функционирования общества охватывает различные масштабы и контексты. Вместе с тем, учитывая социологический аспект, сотрудничество строится на основе взаимоподдержки, взаимопомощи, признательности, уважения, стремления учитывать интересы партнёра и составлять социальный обмен услугами – образовательные, управленческие, интеллектуальные, материальные и другие.

Результаты научно-теоретического анализа и их обсуждение

Методологическая база исследования

Слово «сотрудничество» происходит от двух латинских слов: «со», что в переводе означает «вместе», и «operari» – «работать». Следовательно, «сотрудничество» относится к совместной деятельности по достижению общих целей или разделению вознаграждений. Тем не менее, это понятие самое простое и общее для понимания и использования. Само определение сотрудничества гораздо сложнее, чем просто работа с другими людьми. В литературе появился переход от простого определения работы

в группах (или командной работы) к определению сотрудничества как действия, при котором работа одного или нескольких людей, обладающих различными навыками и знаниями, осуществляется для выполнения поставленных целей и задач. К тому же, в каждой сфере сотрудничество понимается по-разному в зависимости от того, что является конечным результатом деятельности.

В контексте социального поведения человека, включая теорию инклюзивной приспособленности или связанная с ней теория родственного отбора, взаимоотношение и сотрудничество определяется как репродуктивная стратегия. Это очень важно для социального поведения людей, отношений и сотрудничества. Кроме того, кооперативная система была определена в организационных исследованиях как комплекс физических, биологических, личностных и социальных компонентов, которые находятся в определенной систематической взаимосвязи по причине сотрудничества двух или более человек по крайней мере для достижения одной определенной цели [1]. С психологической точки зрения сотрудничество открывается с иной стороны. В данном контексте оно рассматривается как стратегия поведе-

ния в конфликте или как процесс разрешения существующих проблем, отличающиеся склонностью каждой из сторон найти и учесть потребности и интересы для взаимного удовлетворения поставленных задач. С позиции предпринимательской деятельности сотрудничество – это совместная деятельность нескольких компаний в целях получения общей выгоды, исключая участие в коллективных действиях, для достижения общего благополучия в бизнес-процессах. В свою очередь, наука тоже приводит свое объяснение понятия «сотрудничества». Оно представляет собой сотрудничество учёных, принадлежащих к разным лабораториям или исследовательским группам, с целью совместного выполнения определённого проекта. Необходимость сотрудничества объясняется узкой специализацией отдельных групп учёных, их ограниченностью в инструментарии, необходимом для проведения тех или иных исследований. Объединяя свои трудовые и производственные ресурсы, учёные получают возможность выполнять исследования в областях, ранее для них недоступных [2]. Соответственно можно найти определение в известных русских словарях (табл. 1).

Таблица 1. Определение «сотрудничества» в известных русских словарях

Словарь	Определение
Большой универсальный словарь русского языка	Совместная деятельность, участие в общем деле. Например, культурное, научное, деловое, техническое, экономическое, торговое сотрудничество
Толковый словарь Ефремовой	Участие в каком-либо общем деле, совместные с кем-либо действия, работа в каком-либо учреждении, участие в качестве автора в работе какого-либо печатного органа
Толковый словарь Ушакова	Действие по глаголу «сотрудничать» и совместная деятельность, труд
Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога)	Тип взаимоотношений людей между собой в процессе деятельности, характеризующийся согласованностью, слаженностью мнений и действий

Для расширения кругозора и понимания, насколько различные источники предоставляют свое толкование слова «сотрудничество», изучим иностранные глоссарии. В словаре «Merriam-Webster» в разделе «Dictionary» сотрудничество определяется как действия кого-то, кто помогает, делая то, чего хотят или о чем просят, или как совместные усилия или объединение людей для общей выгоды [3]. А в разделе «Thesaurus» – сотрудничество описывается как состояние наличия общих интересов или усилий, а также как работа и активность ряда

людей, которые по отдельности вносят вклад в эффективность всего общества [4]. Кембриджский словарь английского языка определяет сотрудничество как совместную работу с кем-либо или выполнение того, о чем просят [5]. Университет Северной Айовы в Соединенных Штатах имеет другое представление: в ситуациях сотрудничества люди стремятся к результатам, выгодным для них самих и для всех других членов группы [6]. В других словарях «сотрудничество» трактуется на другой лад (табл. 2).

Таблица 2. Определение «сотрудничества» в иностранных словарях

Словарь	Определение
Vocabulary.com	Совместная работа над заданием или проектом, часто включающая концепцию совместной работы для достижения общей цели
Dictionary.com	Термин используется в контексте повышения уровня сотрудничества со стороны бирж, которые сталкиваются с давлением правительства и хотят большей легитимности. Также упоминается, что эволюционные модели показали, что конкуренция способствует способности думать о других разумах сильнее, чем сотрудничество [7]
Thesaurus.com	Концепция сотрудничества обсуждается в контексте партнерства, координации и общих интересов или усилий в социальных или деловых вопросах [8]
Encyclopedia.com	В источнике обсуждается сотрудничество как культурно-историческая сила, подчеркивается его значение в различных кооперативных предприятиях, которыми отмечено существование человечества. В нем также упоминается роль сотрудничества при капитализме и социализме [9]
Collins English Dictionary	Совместная работа над каким-либо производением, особенно книгой или исследованием. Она может включать тесное партнерство и взаимовыгодное сотрудничество отдельных лиц или групп [10]

Эти разнообразные определения и контексты иллюстрируют многогранный характер сотрудничества в различных областях, охватывающих социальное поведение, организационные исследования, образование, бизнес и конкурентную среду. Кроме того, каждое из вышеописанных определений обусловлено потребностью что-либо сделать с точки зрения материального блага (например, макет новой больницы или района) или целеполагания, создать определенные условия или решение каких-либо задач.

Сотрудничество также принимает различные формы, в том числе международное, деловое, командное, его можно рассматривать как этическую норму, как социальный процесс или как институциональную структуру. В этике и религии сотрудничество было одной из самых почитаемых ценностей на протяжении всей истории человечества, поскольку некоторые философы и религиозные учителя сделали сотрудничество синонимом всей структуры морали. Поэтому в последние годы сотрудничество чаще всего детерминируется как социальное, принимая тем самым на себя большую роль в развитии и функционировании общества.

В настоящее время вся социальная жизнь основана на типе социального взаимодействия – социальное сотрудничество. Создавая различные способы вербального и невербального общения и взаимодействия, люди работают вместе для адаптации в окружающей среде, удовлетворения индивидуальных потребностей и обеспечения взаимной защиты от внешних угроз. Все общество в значительной степени зависит от существования сотрудничества, поскольку совместная работа внутри группы людей способствует получению большего вознаграждения для отдельных людей, чем конкуренция.

Истоки социального сотрудничества

Концепция социального сотрудничества имеет древние корни, и является для человеческого общества фундаментальным аспектом. Идея общественного блага и обязанности обеспечивать благосостояние других людей была неизменной в дебатах о правовых, экономических и политических формах социального сотрудничества с древних времен. Истоки понятия социального сотрудничества можно найти в различных взглядах мыслителей, которые рассматривали вопросы социальных конфликтов и путей их устранения.

Рис. 1. Зарубежная история развития социального сотрудничества

Зарубежная история развития социального сотрудничества (рис. 1) начинает свой путь с идеи греческого философа Сократа (469–399 годы до н.э.). Он одним из первых выдвинул тезис о необходимости договорных отношений между государством и свободными гражданами. Законы, отражающие интересы Родины, он ставил выше родителей, именно эти законы являлись для граждан приоритетными [11]. Затем Платон (427–347 годы до н.э.) и Аристотель (384–322 годы до н.э.) открыли свои социально-политические учения, в рамках которых

оформилось два направления определивших историю развития социальной мысли. Платон в диалоге «Государство» подробно обосновывал положение о том, что в любом государстве необходимо разделение труда, поэтому каждый человек должен заниматься своим делом или ремеслом и не лезть в чужие дела [12]. Аристотель в своем трактате «Политика», критикуя идеальное государство Платона, отстаивая необходимость сохранения частной собственности и семьи в государстве, предпринял попытку всесторонней разработки науки о политике, изложив свои социально-политические взгляды. Тем самым, учитель и ученик обосновали оправданность неравенства, описали разные акценты в формировании идеального государства и идеальной социальной системы, оставляя своим последователям «пищу для размышлений». Таким образом, в трудах этих древнегреческих философов содержались первые элементы социально-партнерства (сотрудничества).

Следующие, кто рассматривал социальное сотрудничество, были уже в новом времени и эпохе, спустя многие столетия. Одним из первых был Томас Гоббс (1588–1679) – английский философ, один из основателей современной политической философии, теории общественного договора и теории государственного суверенитета. В своей основополагающей работе «Левиафан» представил убедительное видение общественного договора и природы государства. Его взгляд на социальное сотрудничество можно понять в контексте его акцента на необходимости суверенной власти для предотвращения состояния постоянного конфликта. Он утверждает, что без руководящего органа для поддержания порядка и предотвращения общественного коллапса, люди были бы вовлечены в постоянную борьбу за самосохранение, что привело бы к состоянию всеобщей незащищенности, когда плодотворное сотрудничество людей практически невозможно. Таким образом, точка зрения Гоббса подчеркивает важную роль сильной центральной власти в смягчении присущих природе конфликтов и незащищенности, создавая тем самым условия, необходимые для социального сотрудничества и коллективной безопасности. В труде «Два трактата о государственном правлении» Джон Локк (1632–1704) изложил ключевые концепции и идеи, касающиеся социального сотрудничества, которые подчеркивают добровольный характер гражданского общества, защиту естественных прав, ограничение государственной власти, важность частной собственности и труда, а также поощрение терпимости и свободы вероисповедания. Философ-просветитель Жан Жак Руссо (1712–1778) в своих трудах обосновал необходимость соглашения по пути достижения взаимного сотрудничества в жизни общества в рамках концепции «социальный договор», где договор составляется не только между народом и правительством, но и среди всех членов нации. Немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) был активным сторонником договорностей и содействия в социально-экономических отношениях, в которых, по его мнению, важное место занимают содействие и примирение в интересах друг друга. Он выстраивал позицию, что сближение позволяет покончить с мировыми и глобальными проблемами (например, войнами) и объединить все народы в мирный союз, и рассматривал сотрудничество в контексте идеи о правовом государстве и взаимной ответственности личности и властвующего субъекта. По мнению философа, личность и властвующий субъект должны быть представлены в форме равноправных партнёров, которые заключили между собой договор о сотрудничестве и ответственности. Фердинад Тённис (1855–1936) в своей работе «Общность и общество» отмечает важ-

ность социального сотрудничества внутри различных типов социальных групп, подчеркивая роль традиционной солидарности и общественных связей в *Gemeinschaft* (естественная основа общины), а также влияние рационального личного интереса и договорных отношений в *Gesellschaft* (рациональная основа общества). Его вклад в социологию включает фундаментальные дихотомии между обществом и социумом, проливающие свет на структурные формы, создаваемые в результате социального взаимодействия и перехода от традиционных социальных организаций к более рациональным.

В России идеи социального сотрудничества находили отражение в аспектах историко-юридической школы. Учёные историко-юридической школы А.Д. Градовский, Ф.И. Леонтович и В.И. Сергеевич создали классические труды, в которых обозначенные проблемы получили интерпретацию, не потерявшую своего значения для современной науки. Главная идея представителей «молодого» поколения историко-юридической школы состояла в том, что народоправство, община и сословная организация являются тремя элементами, выстраивающими социальное сотрудничество внутри общества и между обществом и государством [13].

Экономист и социолог В. Берви-Флеровский (1829–1918) в труде «Состояние рабочих в России» выдвинул идею социального согласия, которая охватывает идею мира и сплоченности внутри структурированного общества. Берви-Флеровский критиковал образ жизни рабочих, состояние бедности в семье, отношение хозяина к рабочему, вместо идеи «борьба за жизнь» – «солидарность за жизнь». Его главная мысль заключалась в том, что гражданское общество должно быть связано с концепцией социального согласия, где гражданское общество рассматривается как политическое сообщество, охватывающее государство, неотделимое от общества. Иными словами, стремление к социальному согласию включает в себя устранение социального неравенства, воспитание чувства общности и содействие взаимопониманию и сотрудничеству между различными группами.

Русский экономист и председатель Кабинета Министров того периода Николай Бунге (1823–1895) выстраивал социальное сотрудничество исключительно через взаимодействие рабочих и предпринимателей. Совместный подход к модернизации экономики с акцентом на поддержку крестьянства, содействие промышленному развитию и реализацию реформ, направленных на снижение экономической нагрузки на население спровоцировал процесс «рука об руку» на пути к достижению общей цели.

Вышеперечисленные определения, концепции, идеи дают возможность сделать заключение о том, что в настоящее время социальное сотрудничество охватывает различные измерения и контексты, о чем свидетельствуют дискуссии не только в различных областях, но и в разные исторические периоды. Отдельные люди могут вносить свой вклад в социальное сотрудничество с помощью различных стратегий и моделей поведения, способствующих сотрудничеству, доверию и взаимной выгоде. Поэтому общее определение социального сотрудничества в современный постиндустриальный этап развития общества, связанный с бурным развитием цифровых технологий, будет звучать так – процессы, которые помогают нескольким людям или группам взаимодействовать и обмениваться информацией для достижения общих целей. Такие процессы находят свою «естественную» среду в Интернете, где сотрудничество и социальное распространение информации упрощаются благодаря текущим инновациям и распространению в сети.

Социальное сотрудничество как средство развития компетенций информационного взаимодействия в обществе

Социальное сотрудничество в современном обществе – динамичное и многогранное явление, на которое влияют различные факторы, включая технологический прогресс, социальные нормы и меняющийся культурный контекст. Технологии оказывают глубокое влияние на общение, предоставив более быстрые и эффективные способы связи с другими людьми и возможность становиться более социально ориентированными. Разработка и внедрение технологий помогли повысить производительность, инклюзивность услуг и улучшить общее благосостояние. Несмотря на существование обратной стороны монеты: социальные сети разжигают ненависть, обвиняют в дезинформации, распространяют информационный продукт с неочевидной ценностью (например, мошенничество), ослабляют взаимодействие людей лицом к лицу и многое другое, – технологии и общество взаимосвязаны и взаимозависимы, оказывая как положительное, так и отрицательное влияние на различные аспекты современной жизни.

Целесообразно отметить, что новоиспеченный феномен как социальное сотрудничество способствует благосостоянию людей и обществ в целом, помогая адаптироваться к новым вызовам и возможностям. Но для этого необходимы социальные и эмоциональные навыки, также известные как SEL (*Social and Emotional Learning*), способные понимать и управлять эмоциями, сопереживать другим и общаться, принимать ответственные решения и помогать справляться со стрессом и проблемами.

Социальное и эмоциональное обучение (SEL) является основополагающим в развитии компетенций, необходимых для эффективного информационного взаимодействия. SEL фокусируется на пяти ключевых компетенциях: самосознании, самоуправлении, принятии ответственных решений, социальной осведомленности и навыках взаимоотношений. Рассмотрим их подробнее (рис. 2).

Рис. 2. Ключевые компетенции SEL

Самосознание предполагает понимание своих эмоций, мыслей и ценностей и осознание того, как они влияют на поведение, а самоуправление относится к способности регулировать эмоции, мысли и поведение в различных ситуациях для достижения целей. Эти компетенции имеют решающее значение для личного

развития и эффективного взаимодействия с другими людьми. Социальная осведомленность представляет способность сопереживать другим, в том числе из разных слоев общества, и понимать разные точки зрения. Навыки взаимоотношений предполагают установление позитивных связей с другими людьми, учет их эмоций и эффективную навигацию в социальных взаимодействиях, и необходимы для построения и поддержания здоровых отношений и создания благоприятной среды в сообществе. Компетенция «ответственное принятие решений» в приоритете для конструктивного выбора личного и социального поведения, основанного на этических стандартах, соображениях безопасности и социальных нормах. Иными словами, ответственное принятие решение способствует ориентации людей в сложных социальных ландшафтах и интеграции благоприятного вклада в общество [14].

В общем плане, эти компетенции предназначены для того, чтобы помочь людям понимать свои эмоции и управлять ими, ставить и достигать позитивных целей, чувствовать и проявлять сочувствие к другим, устанавливать и поддерживать позитивные отношения и принимать ответственные решения.

Социальное сотрудничество и SEL совместно формируют, так называемую, новую и актуальную коммуникацию в современном обществе. В связи с тем, что информационное взаимодействие между людьми и обществом в целом значительно изменилось за последние 20 лет, коммуникативные и социальные навыки совершенствовались и подстраивались под новые реалии, тем самым упрощая процесс передачи-приема информации, мыслей и чувств в любом виде. Поэтому развивая компетенции SEL, совершенствуя социальные навыки и способствуя эффективному общению, социальное сотрудничество может поспособствовать как индивидуальному, так и общественному благополучию. Многочисленные структуры, в которых люди выстраивают свою постоянную деятельность (от школы до работы), играют

решающую роль в поддержке процессов развития и получения навыков, знаний и опыта, могут гарантировать готовность каждого члена общества ориентироваться в сложностях социального сотрудничества и вносить позитивный вклад в общество. И одним из ярких представителей социального сотрудничества является книжный фестиваль «Красная площадь».

Книжный фестиваль «Красная площадь» – главное литературное событие в стране. Это ежегодное мероприятие можно считать социальным сотрудничеством благодаря участию различных заинтересованных сторон, объединению книголюбов, авторов, издателей и широкую общественность, созданию платформы для социального взаимодействия и культурного обмена. Москвичи наводняют Красную площадь во время книжной ярмарки, что свидетельствует о большом участии общества и интересе к мероприятию. Помимо москвичей фестиваль посещают и туристы, поскольку лето знаменуется началом всех отпусков после трудового года и Москва становится одним из знаковых мест, которое многие планируют себе в маршрут для культурного отдыха: «Очевидно надо делать отдельную полку для гостей столицы, с книгами и сувенирами о Москве», – экспертным мнением поделился PR-менеджер сети «Читай-город» Полина Маннанова в своем телеграмм-канале по завершению фестиваля.

Кроме того, ярмарка дает людям возможность встретиться со своими любимыми писателями, послушать музыку и принять участие в различных мероприятиях, способствуя ощущению социального сотрудничества и обмену культурным опытом. Вовлеченность общества еще больше подчеркивается тем фактом, что ярмарку посещают сотни тысяч людей, несмотря на проблемы, связанные с пандемией COVID-19 в 2020 и 2021 годах. Наглядно в этом разобраться поможет статистика за 10 лет существования мероприятия, представленная в таблице 3 и на рисунке 3.

Таблица 3. Статистика книжного фестиваля «Красная площадь»

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Дата проведения	25–28.06 (4 дня)	03–06.06 (4 дня)	03–06.06 (4 дня)	31.05–03.06 (4 дня)	01–06.06 (6 дней)
Посетители (тыс.)	Более 200	Около 200	Около 200	Более 220	300
Продано книг (тыс.)	Более 500	Около 100	Около 350	Около 100	150
Представлено издательств	300 из 50 регионов России	Около 400 из 80 регионов	400 со всей России	450 из 45 регионов России	400 из 52 регионов России
Мероприятия/события	400	400	539	553	750
Дополнительная информация		Впервые приехали издатели из Белоруссии Проданы почти все привезенные книги в первый день		6 июня – книжный фестиваль продолжился на Пушкинской площади (Пушкинский день)	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Дата проведения	06–08.06 (3 дня)	17–20.06 (4 дня)	03–06.06 (4 дня)	02–06.06 (5 дней)	06–09.06 (4 дня)
Посетители (тыс.)	Более 15	50	Почти 200	Более 200	Более 300

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Продано книг (тыс.)	Информация отсутствует	Более 50	Более 200	Более 100	320
Представлено издательств	Более 200	Более 300 со всей России	Более 400 из 60 регионов России	Более 400 из 56 регионов России и Республики Беларусь	Более 400 из 58 регионов России и Республики Беларусь
Мероприятия/события	250	Более 500	Более 500	Более 500	400
Дополнительная информация	Первый гибридный книжный марафон в онлайн и офлайн-форматах	Онлайн-формат собрал более 5 млн зрителей (партнер социальная сеть «ВКонтакте»)	Онлайн-аудитория – более 9 млн	Заинтересованность в других странах (Республика Беларусь, Казахстан, США, Германия, Узбекистан, Кыргызстан, Франция и т.д.)	Впервые работал мобильный пункт «Курьер Сервис Экспресс» – обработано 100 тонн книг, уехало 15 грузовиков с книгами в разные уголки страны

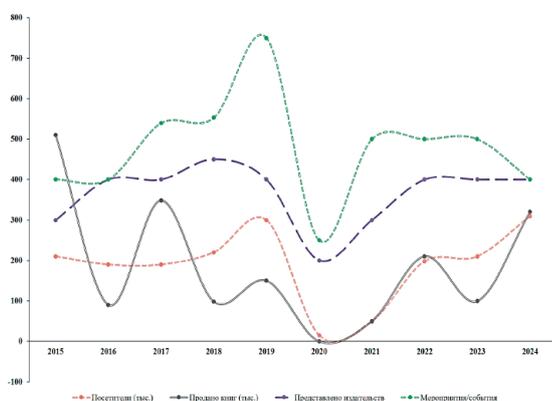

Рис. 3. Статистика книжного фестиваля «Красная площадь»

Исходя из данных видно, что фестиваль из года в год привлекает большое количество граждан, чтобы окунуться в этот праздник – узнать что-то новое, приобрести в свою коллекцию новые издания, найти новые знакомства, поучаствовать в дебатах и конкурсах, оформить читательский билет во все библиотеки Москвы, послушать экспертов и отрывки известных произведений русских писателей, и многое другое. Перед закрытием фестиваля на сцене были произнесены слова, что книга «заставляет нас по-прежнему волноваться, бежать в книжные магазины и получать необыкновенное наслаждение и счастье от её прочтения. Кто-то однажды сказал, что книга – это спасательный круг, брошенный в одиночество. Но на самом деле, когда ты читаешь хорошую книгу, ты соединяешься со всем миром». И это действительно правильные слова. Книга всегда объединяла всю Россию в единое целое, а такое мероприятие еще больше демонстрирует коллективную признательность за литературу и культурное наследие.

Узнаваемость такого масштабного мероприятия тоже важна. Именно она позволяет узнать насколько пользователи книготорговой отрасли, и не только, знакомы или осведомлены, и имеют непосредственное отношение к фестивалю. Для этого существует множество способов, которые лучше всего использовать в совокупности для лучшей и полной картины. Самым простым инструментом является сервис Google Trends, позволяющий оценить динамику интереса пользователей к конкретному товару или услуге, бренду или компании. График

динамики запросов интереса пользователей представлен на рисунке 4.

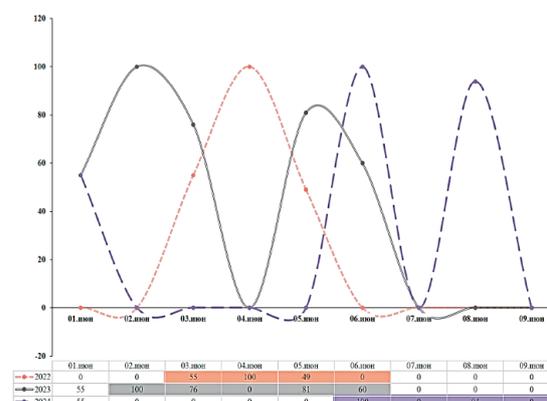

Рис. 4. Динамика запросов по книжному фестивалю «Красная площадь»

Период динамики был взят за последние 3 года, поскольку в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией в стране в 2020 и 2021 году информация была для проверки данных. По результатам можно заметить, что узнаваемость и заинтересованность находится на высоком уровне в период проведения мероприятия, с учетом разреза в пару дней до и после. Несмотря на то, что книжный фестиваль «Красная площадь» довольно популярное мероприятие для ведающих людей, поисковой запрос так или иначе имеет мест быть. График показывает, уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю в таблице для определенного периода времени. 100 баллов означают наивысший уровень популярности запроса, 50 – уровень популярности запроса, вдвое меньший по сравнению с первым случаем. 0 баллов означает местоположение, по которому недостаточно данных о рассматриваемом запросе. Только на фестивале 2024 года в СМИ было опубликовано более 1600 информационных материалов, теле- и радиосюжетов, а в 2023 году – более 2800. Таким образом, все организаторы и партнеры, участники и волонтеры занимаются наращиванием узнаваемости. Именно они делают все возможное, чтобы все гости окунулись в мир книг.

Период динамики был взят за последние 3 года, поскольку в связи со сложившейся эпидемиологической

ситуацией в стране в 2020 и 2021 году информация мала для проверки данных. По результатам можно заметить, что узнаваемость и заинтересованность находится на высоком уровне в период проведения мероприятия, с учетом разреза в пару дней до и после. Несмотря на то, что книжный фестиваль «Красная площадь» довольно популярное мероприятие для ведающих людей, поисковой запрос так или иначе имеет мест быть. График показывает, уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю в таблице для определенного периода времени. 100 баллов означают наивысший уровень популярности запроса, 50 – уровень популярности запроса, вдвое меньший по сравнению с первым случаем. 0 баллов означает местоположение, по которому недостаточно данных о рассматриваемом запросе. Только на фестивале 2024 года в СМИ было опубликовано более 1600 информационных материалов, теле- и радиосюжетов, а в 2023 году – более 2800. Таким образом, все организаторы и партнеры, участники и волонтеры занимаются наращиванием узнаваемости. Именно они делают все возможное, чтобы все гости окунулись в мир книг.

Заключение

В процессе социального сотрудничества развитие компетенций информационного взаимодействия имеет решающее значение для эффективной коммуникации и сотрудничества внутри общества. Оно позволяет людям общаться, учиться, заводить друзей, развивать отношения и защищать себя. Ведь в век информационных технологий прогрессирует общение в метавселенной, объединяющей людей для взаимодействия друг с другом с помощью виртуальных IT-технологий. В итоге, у людей появляется возможность не только черпать всю необходимую информацию из социальных сетей, но и жить в этом виртуальном мире. И с каждым разом становится сложнее разбираться, где правда, а где ложь, поскольку человек начинает воспринимать информацию – фрагментарно, короткими кусками и яркими образами, не может сосредоточиться и постоянно перескакивает с одного на другое. И в обществе действительно есть люди, которым сложно читать или работать над большими текстами. Разнообразные социальные сети уже приучили общество к восприятию информации на уровне коротких постов и видео, в которых подается более-менее вся необходимая информация.

И если найти верное средство, то каждый способен принести свой вклад в развитие социального сотрудничества и восстановить взаимодействие в обществе. Позитивные отношения, построенные на доверии и взаимном уважении, способствуют созданию благоприятной среды для социального сотрудничества, где участие в конструктивном общении с помощью социальных и эмоциональных навыков, направленном на информационное взаимодействие, способствует выходить из виртуальной реальности, преодолевать барьеры и находить точки соприкосновения с различными социальными группами. В целом, одним из эффективных средств развития компетенций информационного взаимодействия в обществе является книжная ярмарка на Красной площади, которая служит социальным сотрудничеством и объединяет отдельных людей, авторов, издателей и общество для прославления литературы и культурного наследия.

Литература

1. Cooperation. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Cooperation> (дата обращения: 30.06.2024).

2. Сотрудничество. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сотрудничество> (дата обращения: 24.06.2024).
3. Cooperation Definition & Meaning – Merriam Webster. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cooperation> (дата обращения: 03.07.2024).
4. Cooperation Synonyms. – URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/cooperation> (дата обращения: 03.07.2024).
5. Cooperation | definition in the Cambridge English Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/cooperation> (дата обращения: 03.07.2024).
6. Definition of Cooperation | InTime. – URL: <https://intime.uni.edu/definition-cooperation> (дата обращения: 03.07.2024).
7. Cooperation Definition & Meaning | Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com/browse/cooperation> (дата обращения: 03.07.2024).
8. 60 Synonyms & Antonyms for Cooperation. – URL: <https://www.thesaurus.com/browse/cooperation> (дата обращения: 03.07.2024).
9. Cooperation | Encyclopedia.com. – URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/sociology-and-social-reform/sociology-general-terms-and-concepts/cooperation> (дата обращения: 24.06.2024).
10. Cooperation Definition and Meaning | Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/cooperation> (дата обращения: 03.07.2024).
11. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. I. – М.: Мысль, 1990. – С. 107.
12. Государство (Платон). – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Государство> (дата обращения: 30.06.2024).
13. Иллерицкая Наталия Владимировна Социальное сотрудничество в истории России: версии российской историографии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 1 (7).
14. Социальное и эмоциональное обучение как социальное и эмоциональное обучение стимулирует инновации в бизнесе. – URL: <https://fastercapital.com/ru/content/Социальное-и-эмоциональное-обучение-как-социальное-и-эмоциональное-обучение-стимулирует-инновации-в-бизнесе.html> (дата обращения: 01.07.2024).

LABOR POTENTIAL AND COMPETITIVE ADVANTAGES OF THE MODERN GENERATION OF UNIVERSITY GRADUATES

Seregina P.D.

Moscow Pedagogical State University

In the context of a rapidly changing world and the widespread use of information technology, social interaction and cooperation are becoming key components of public life. In modern society, it is important to develop information interaction competencies, teach people effective interaction and teamwork, and promote the formation of a culture of social interaction. This is especially relevant in the context of different levels of societal development, from interpersonal relationships to international cooperation. It is quite obvious that there are obstacles that may arise on the path to effective cooperation, the solution of which requires the attention of both the administration of educational institutions and government bodies to create a favorable environment conducive to the development of cooperation. The conducted study allowed us to delve deeper into the essence of the processes of forming interaction, communication and cooperation skills, which play an important role in the modern information society. The importance of information interaction competencies in the context of digitalization of society play a key role in the development of society, thereby helping to better understand how a person can

effectively work with information, communicate and cooperate in the modern information space.

Keywords: cooperation, social cooperation, technological progress, technologies, society, competencies, information interaction.

References

1. Cooperation. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Cooperation> (date of access: 30.06.2024).
2. Cooperation. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сотрудчества> (date of access: 24.06.2024).
3. Cooperation Definition & Meaning – Merriam Webster. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cooperation> (date of access: 03.07.2024).
4. Cooperation Synonyms. – URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/cooperation> (date of access: 03.07.2024).
5. Cooperation | definition in the Cambridge English Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/cooperation> (accessed: 03/07/2024).
6. Definition of Cooperation | InTime. – URL: <https://intime.uni.edu/definition-cooperation> (accessed: 03/07/2024).
7. Cooperation Definition & Meaning | Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com/browse/cooperation> (accessed: 03/07/2024).
8. 60 Synonyms & Antonyms for Cooperation. – URL: <https://www.thesaurus.com/browse/cooperation> (accessed: 03/07/2024).
9. Cooperation | Encyclopedia.com. – URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/sociology-and-social-reform/sociology-general-terms-and-concepts/cooperation> (accessed: 24.06.2024).
10. Cooperation Definition and Meaning | Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/cooperation> (accessed: 03.07.2024).
11. Plato. Collected Works. In 4 volumes. T. I. – M.: Mysl, 1990. – P. 107.
12. State (Plato). – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/State> (accessed: 30.06.2024).
13. Illeritskaya Natalia Vladimirovna Social cooperation in the history of Russia: versions of Russian historiography // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. 2017. No. 1 (7).
14. Social and Emotional Learning How Social and Emotional Learning Drives Innovation in Business. – URL: <https://fastercapital.com/ru/content/Социальное-и-эмоциональное-обучение-как-социальное-и-эмоциональное-обучение-стимулирует-инновации-в-бизнесе.html> (дата обращения: 01.07.2024).

Приоритеты семейных ценностей студенческой молодежи в вузе

Уманец Ирина Фаритовна,

доцент, кандидат социологических наук, Высшая школа лингводидактики, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 000089@pnu.edu.ru

В работе автор статьи анализирует определенные этапы становления семейных ценностей в вузе. Статья ссылается на времена, когда ценности приоритетов семейных отношений оставались неизменными, а здоровая и крепкая семья имела и имеет, прежде всего, государственное значение. Современная жизнь общества и семьи характеризуется материальными и духовными процессами, встроенными в общественный прогресс. Тем не менее, в стране сохраняется проблема разводов, которая редко случалась в дореволюционной и советской России, а данная тенденция стала привычной на сегодняшний день. На фоне социально-экономических изменений в глобальном масштабе меняются приоритеты ценностей российской молодежи. Проведенный анализ показывает, что, в некоторых случаях, молодежь отвергает приоритеты семейных ценностей и неспособна принимать ответственность за целостность своих отношений. На взгляд автора поиск и анализ методов и стратегий обучения и воспитания позволяет студентам приобщаться к традициям семьи, а также подключать к работе социальные институты, институт брака и семьи, средства массовой информации и др.

Ключевые слова: семья, образование, ценности, отношения, социальные институты, общество, перепись, значимость семейных ценностей.

Оставаясь ячейкой социума, семья является объектом внимания таких отраслей науки как философия, социология, психология, культурология, истории и т.д.

На сегодняшний день современное российское общество, на фоне существенного снижения важности семейных ценностей, переживает не лучшие времена. Для реализации вопроса формирования семейных ценностей студенческой молодежи избран научно-исследовательский подход основа для теоретической и эмпирической деятельности.

Тенденция современных молодых семей к отсутствию детей (т.н. child-free families) или иметь одного ребенка приводит к ухудшению демографической ситуации в целом.

Количество браков уменьшается, количество внебрачных союзов увеличивается, что можно объяснить боязнью ответственности за супруга и будущих детей. Растущее количество разводов может быть объяснено несовместимостью характеров, ссорами между партнерами, ухудшением финансового положения, чрезмерной занятостью одного или обоих супругов на работе, безработицей одного из супругов, отсутствием собственного жилья, алкоголизм одного из супругов [1]. По результатам всероссийской переписи населения 2020 г., почти каждый третий несовершеннолетний ребенок в стране воспитывается в неполной семье [2, с. 149].

В других случаях были выделены попытки выяснения вопроса значимости семейных ценностей у студентов I курса института экономики и управления Тихоокеанского государственного университета. В опросе приняли участие 15 девушек и 15 юношей (см. табл.).

Таблица. Результаты ранжирования семейных ценностей студентами

Ценности	Девушки	Юноши
	% содержание	% содержание
Материальные ценности	2 чел. (13,3%)	7 чел. (46,6%)
Образование	11 чел. (73,3%)	8 чел. (53,3%)
Семья	2 чел. (13,3%)	5 чел. (33,3%)
Карьера	5 чел. (33,3%)	10 чел. (66,6%)
Рождение детей	10 чел. (66,6%)	7 чел. (46,6%)
Счастье в семье	15 чел. (100%)	13 чел. (86,6%)
Общение с друзьями	11 чел. (73,3%)	5 чел. (33,3%)

Из полученных результатов выяснялось, что студенты в приоритете выделяют отнюдь не семейные ценности, а образование, материальное благополучие, общение с друзьями (у юношей), в то время как создание семьи юношами откладывается на последние места, девушки планируют создать семью. Возникает определенное противоречие в приоритете семейных ценностей у юношей и девушек [3].

Чтобы управлять данным социокультурным процессом среди молодежи необходимо понимание семейных ценностей, их трансформации, обусловленной семейными процессами.

Семья как «социальный институт, имеющий определенные нормы, образцы поведения, права и обязанности, регулирующие отношения между супругами, родителями, детьми» [4, с. 12] формирует фундамент созидательной деятельности в тесной взаимосвязи с билингвальной, этносоциальной и социокультурной сред. Профессиональные лектории, проводимые учеными разных направлений, рассматривают темы семейных ценностей как основ воспитания, среды развития и подготовки молодежи к семейной жизни. Кроме этого научные, общественные мероприятия также содержат психолого-социальные компоненты, которые воздействуют на формирование и развитие семейных ценностей у студентов.

Тесное сотрудничество студентов ТОГУ с Хабаровским центром социальной помощи семье и детям, программой «ветер перемен», клубом «внучата» и др., расширяет информационное пространство вуза и повышает уровень семейных ценностей. К основным направлениям молодежной политики можно отнести: студенческое самоуправление, студобщества, проекты студенчества, а также оказание материальной помощи студенческим семьям со стороны руководства и профсоюза ТОГУ.

Одним из способов обратной связи приводимых мероприятий на личностном уровне могут выступать: беседы, анкетирование, составление портфолио, горячая линия, встречи с кураторами и наставниками, а также создание условий для раскрытия личностного роста студента при формировании и развитии семейных ценностей.

Для организации целостной картины сформированных семейных студенческих ценностей важно эффективное сотрудничество университета и института семьи, студентов и преподавателей. Создание для студента привлекательного образа современной семьи, вырабатывается при правильной организации всех компонентов учебно-воспитательного процесса, начиная с составления и реализации учебных планов, рабочих программ по воспитанию студентов в вузе.

В рамках ежегодной студенческой научно технической конференции была проведена секция «Семейные ценности сегодня». Студенты I курса экономических специальностей выступили с докладами по заданной тематике. Выяснилось, что студентам I курса далеко не безразличны вопросы семейного кодекса, будущего молодых семей и перспективы собственных семейных отношений.

Проблемы, возникающие при анализе социальной деятельности по формированию семейных ценностей у студенческой молодежи далеко не однозначны. Во-первых, студенты очной формы обучения, находящиеся в воспитательном пространстве вуза, и во-вторых сами студенческие семьи. Обе проблемы требуют не только решения на принципах студенческого самоуправления, но и административного координирования [5].

Документ «Рабочая программа ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» рассматривает воспитание как целостный процесс, основанный на создании социокультурной, развивающей среды, связывающей насущные потребности молодежи и особенности профессиональной деятельности будущих специалистов [6].

В современном Российском социуме ориентиры государственной политики в сфере воспитания неразрывно связаны с обучением, как важнейшим маркером социальной стратификации и социально-значимых ценностей, одним из которых является семья.

Ценностный образ семьи, реализация вузовских целевых программ поддержки семейных студентов способствует эффективной организации воспитательной дея-

тельности по формированию семейных ценностей у студенческой молодежи.

Метод проектов, дискуссии, ролевые игры, групповая работа, работа в сотрудничестве используются на занятиях с позиции ряда научных дисциплин.

Семейные ценности на занятиях могут быть, по мнению И.Ф. Деметьевой [7], рассмотрены как формирование компетенций в следующих категориях:

1. ценности, относящиеся к самому себе как личности и субъекту жизнедеятельности;
2. ценности, формируемые в ходе взаимодействия индивида с другими людьми;
3. ценности, относящиеся к деятельности индивида и проявляющиеся во всех типах и формах [7, с. 152].

С позиции учебно-познавательной деятельности вышеупомянутые ценности формируются в процессе общения и выработки ценностной ориентации в направлении деятельности студента.

В качестве дидактических единиц, согласно стандарту, используются учебные ситуации общения, учебные тексты, презентации, портфолио и т.д., где заложены позитивные ценностные ориентации и моральные принципы.

Эффективным решением поставленных воспитательных задач могут стать сочинения-рассуждения, презентации тематической направленности.

Однако сколько бы преподаватели не учили, выбор остается за студентом, оставляя акцент на самообразовании. Задача преподавателя – помочь расставить эти акценты правильно, помогая найти и отработать методы, которые будут полезны в будущем; усиливать мотивацию при достижении поставленных целей, практиковать те задачи, которые нужны для этого «особенного студента».

Кроме этого индивидуальная образовательная траектория также способствует созданию положительной эмоциональной атмосферы, мотивируя студента к активной работе в процессе внутренней мотивированной деятельности [8].

Таким образом, происходит приобщение студента к осмыслению и рефлексии культурно-исторического наследия России. Ценностные векторы развития, обсуждаемые на занятиях в виде сочинений, дискуссий или презентаций формируют систему традиционных ориентиров [9]. Они объединяются в учебном материале, подобранном преподавателем и включают в себя следующие задачи:

- целеполагающие;
- мотивирующие;
- экспериментально-познавательные;
- оценочные [10].

Реализация каждой из поставленных задач способствует достижению личностных результатов и формирует ответственное отношение к культурным и семейным традициям россиян.

Ценности и традиции семьи в России указаны в многочисленных программах обучения в Тихоокеанском государственном университете [11].

Многие проекты в вузе включают организацию дискуссий, ролевых игр, сотрудничество, с преподавателями высших школ, имеющих опыт и творческий потенциал развития взглядов студентов на создание семейных союзов.

Основные ценности российского общества на современном этапе развития следует укреплять через использование таких форм учебной и вне учебной деятельности, как презентации, фильмы и клипы, отвечающие возрастным особенностям студентов. В последующем студентам дают задание на критическое осмысление и об-

суждение проблем и сути современной российской семьи, обсуждаются интересные семейные истории и т.д.

Таким образом, формирование семейных ценностей в учебной и вне учебной среды является одним из важнейших моментов в образовательном процессе в вузе. Развитие коммуникативных навыков, толерантности, сотрудничества, помогает студентам сформировать идеал их семейной жизни.

Литература

1. Муртазаева М. М., Эльдарова Н.М. Приобщение к семейным ценностям на уроках предметов языкового цикла // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». Махачкала, 2022. № 1–2. Т. 16. С. 66–73.
2. Селиванова О. В., Коробкова Н.Ю. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые исследования. М., 2024. № 1(54). С. 147–156.
3. Лодыгина И. А., Быстрова Е.В., Митичева Т.И. Особенности формирования семейных ценностей у современной молодежи // Современная педагогика. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2016/02/5435> (дата обращения: 14.05.2024).
4. Макаров А. Н., Давлитова Л.М. Укрепление института семьи на уровне муниципальных образований: монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 90 с.
5. Пономарев А. В., Попова Е.В. Концептуальные основы формирования семейных ценностей у студентов вузов // Педагогический журнал Башкортостана. Уфа, 2014. № 6(55). С. 14–23.
6. Рабочая программа воспитания ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/0a/4f/0a4fc3d4-7a52-4fe8-b225-fc70626fc1c2/program_pv_2021.pdf (дата обращения 20.09.2024)
7. Дементьева И.Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Вестник РУДН. Серия «Социология». М., 2004. № 6–7. С. 150–160.
8. Баганова П.А. Формирование ответственного отношения подростков к семье на уроках английского языка // Актуальные проблемы современного педагогического образования: сборник научно-методических статей победителей городского конкурса «Образование без границ», посвященного 65-летию высшего образования в г. Тольятти 13–14 апреля 2016 г. Тольятти, 2016. С. 12–22.
9. Гукаленко О. В., Сериков В.В. Обоснование концептуальных и методических основ организации и проведения курса внеурочной деятельности «Разговоры о важном» на основе традиционных российских ценностей: психолого-педагогические рекомендации по организации и проведению курса внеурочной деятельности «Разговоры о важном». М., 2022.
10. Климинская С.Л. Индивидуальная образовательная траектория как способ повышения эффективности обучения иностранным языкам // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Вып. 4(23).
11. Электронная образовательная среда Тихоокеанского государственного университета. URL: <https://eos.pnu.edu.ru/> (дата обращения 20.09.2024)

THE PRIORITIES OF FAMILY VALUES AMONG STUDENT YOUTH IN THE UNIVERSITY

Umanets I.F.

Pacific National University

In the paper the author analyzes some stages in the family values development in the university. The article deals with the times when the main values of family relationships have remained immutable, and a healthy and strong family was and is, first of all, the state significance. The modern life of society and family is characterized by material and spiritual processes integrated into the social progress. However, the country still faces a problem of divorce, which rarely occurred in pre-revolutionary and Soviet Russia and this trend has become commonplace today. Against the global socio-economic changes backdrop, the priorities of values among Russian youth are shifting. The research conducted shows that, in some cases, young people reject the priorities of family values and unable to assume responsibility for the integrity of their relationships. In the author's view, the search for and analysis of teaching and upbringing methods and strategies enable students to adhere to family traditions and get engaged in such social institutions as marriage and family institutions, media, and others.

Keywords: family, education, values, relations, social institutions, society, census, importance of family values.

References

1. Murtazaeva M. M., Eldarova N.M. Introducing family values in language lessons // News of the Dagestan State Pedagogical University. "Psychological and Pedagogical Sciences" series. Mahachkala, 2022. № 1–2. Т. 16. P. 66–73.
2. Selivanova O. V., Korobkova N. Yu. Single-parent families in the regions of Russia: scale and socio-economic characteristics // Social and labor research. Moscow, 2024. № 1(54). P. 147–156.
3. Lodygina I. A., Bystrova E.V., Miticheva T.I. Features of the formation of family values among modern youth // Modern pedagogy. 2016. № 2 [Electronic resource]. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2016/02/5435> (date of access: 14.05.2024).
4. Makarov A. N., Davlitova L.M. Strengthening the institution of the family at the level of municipalities: monograph. Kazan: Publishing house of Kazan. University, 2019. – 90 p.
5. Ponomarev A. V., Popova E.V. Conceptual foundations for the formation of family values among university students // Pedagogical journal of Bashkortostan. Ufa, 2014. No. 6 (55). P. 14–23.
6. Working program of education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University" [Electronic resource]. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/0a/4f/0a4fc3d4-7a52-4fe8-b225-fc70626fc1c2/program_pv_2021.pdf (accessed 09/20/2024)
7. Dementeva I.F. Transformation of value orientations in the modern Russian family // RUDN Bulletin. "Sociology" series. Moscow, 2004. № 6–7. P. 150–160.
8. Baganova P.A. Formation of responsible attitude of teenagers to family in English lessons // Current issues of modern pedagogical education: a collection of scientific and methodological articles by the winners of the city competition "Education without borders", dedicated to the 65th anniversary of higher education in Tolyatti, April 13–14, 2016. Tolyatti, 2016. P. 12–22.
9. Gukalenko O. V., Serikov V.V. Justification of the conceptual and methodological foundations for organizing and conducting the course of extracurricular activities "Conversations about the Important" based on traditional Russian values: psychological and pedagogical recommendations for organizing and conducting the course of extracurricular activities "Conversations about the Important". Moscow, 2022.
10. Kliminskaya S.L. Individual educational trajectory as a way to increase the effectiveness of foreign language learning // Internet journal «Naukovedenie». 2014. Issue 4(23).
11. Electronic educational environment of the Pacific National University. URL: <https://eos.pnu.edu.ru/> (accessed 09/20/2024)

Социальная ответственность бизнеса: роль направляющего контекста в формировании ответственного поведения фирмы

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Статья посвящена понятию социальной ответственности бизнеса (или корпоративной социальной ответственности, КСО), которое стало неотъемлемой частью дискурса в отношении оснований бизнеса, регуляции деятельности современных компаний, отношений бизнеса и общества. В статье рассматриваются некоторые значения данного термина. Отмечается недостаточная определенность данного понятия, которая не является недостатком, а создает пространство для известной гибкости и свободы выбора компаниями своих стратегий КСО. Принятие и реализация концепций социальной ответственности понимаются как выбор и развитие экономическим субъектом собственной индивидуальной траектории. Ключевую роль в этом выборе играет направляющий контекст, охватывающий деятельность фирмы. Дальнейшее практическое осуществление концепции КСО будет зависеть от развития формирующих контекстов для фирм на разных уровнях, для чего требуются согласованные усилия бизнеса, государства и общества.

Ключевые слова: регуляция бизнеса, этика бизнеса, публичная политика, устойчивое развитие, корпоративное гражданство, отношения государства и бизнеса

Идея социальной ответственности бизнеса (или корпоративной социальной ответственности, КСО), которая сегодня широко обсуждается, а также существенно продвинулась в сторону институционализации, представляет собой сложный (и в значительной степени все еще недостаточно определенный и четкий) концепт. В данной идее концентрируются ожидания общества и властей, растущее осознание уровня негативных последствий различных направлений современной деятельности, разнообразные поиски новых форм ведения бизнеса, а также выстраивание новых отношений бизнеса и общества.

Идея социальной ответственности бизнеса, как это традиционно сложилось, относится прежде всего к деятельности крупных корпораций (что и отражено в термине КСО), однако сегодня все настойчивее утверждается о необходимости вовлечения всего бизнеса в орбиту ответственного поведения, в том числе имеются соответствующие работы и в отношении малого бизнеса [1], [2].

Предложено значительное количество определенных корпоративной социальной ответственности. При этом широко признано, что, несмотря на многолетние исследования, КСО остается расплывчатым понятием, и по поводу его определения по-прежнему нет согласия [3, p.30].

Можно привести следующие известные примеры определений КСО. Так, Комиссия европейских сообществ (2001) определила корпоративную социальную ответственность как концепцию, согласно которой компании на добровольной основе учитывают социальные и экологические аспекты в своей деятельности и при взаимодействии со своими заинтересованными сторонами [4]. Всемирный деловой совет по устойчивому развитию (WBCSD) понимает КСО как обязательство бизнеса вносить вклад в устойчивое экономическое развитие, работая с сотрудниками, их семьями, местным сообществом и обществом в целом над улучшением качества их жизни (1999) [5].

Мы выделим следующие три основных значения понятия «социальная ответственность бизнеса» (которые, разумеется, не исчерпывают всего многообразия возможных смыслов).

Это современное концептуальное пространство, которое претендует на целое мировоззрение и которое отражает (должно отражать) комплекс современных представлений о сущности бизнеса (с особым вниманием к бизнесу транснациональных корпораций), роли государства в регулировании деятельности частного сектора, отношениях бизнеса и общества, драматических проблемах современного общества, перспективах развития цивилизации, роли ценностей (прежде всего моральных) в различных направлениях деятельности общества и др.

Данное пространство не представляет собой единой концепции, а, скорее, является развивающимся полем идей, теорий, рассуждений и т.п.

Это деятельность, проводимая определенными акторами (корпорациями, фирмами), а также индивидуальными субъектами (менеджерами, руководителями и т.п.). Социально ответственная деятельность обладает (должна обладать) желаемыми характеристиками, ко-

торые сами по себе являются предметом обсуждений. В частности, она должна стремиться к определенным целям, основываясь на тех или иных ценностях, подчиняться конкретным требованиям и т.п.

Разумеется, «полностью» ответственная деятельность (в данном случае ответственный бизнес) является неким идеалом. Поэтому, скорее, речь идет о деятельности, сознательно стремящейся в сторону данного идеала (ориентированной на его конкретные нормативные аспекты) и проявляющей определенные, положительно оцениваемые характеристики.

С наиболее общей точки зрения корпоративную социальную ответственность можно понимать как широкое общественное устремление. В некоторых работах КСО рассматривается как одно из социальных движений, в орбиту которого вовлечено обширное множество участников [6, р.78–92]. Однако в связи с недостаточной оформленностью этого начинания и большим разнообразием внутреннего содержания, его все же лучше охарактеризовать термином «устремление». Данное начинание проявляется во многих аспектах – в общественном сознании, в академических разработках и публикациях, широких дискуссиях, в сознательном принятии требования КСО частными акторами, а также на уровне правительственных решений, разработки политики стимуляции и продвижения ориентиров КСО, в формировании стандартов и введении законодательных актов и т.п.

Другими словами, КСО можно понимать также как широкомасштабный общественный проект, привлекающий к себе пристальное внимание и находящийся в постоянном развитии.

По поводу КСО как концептуального пространства следует добавить, что сторонники базисной идеи социальной ответственности стараются разработать ее до объединяющего мировоззрения (в каких бы конкретных формах оно не выражалось).

С теоретической стороны, данное пространство вбирает в себя множество различных концепций: теории (и критику) глобализации, критику неолиберализма (проводимую с разных сторон), экологические теории, этические направления (этика заботы, деонтологическая этика и др.), философско-социологические идеи коммунитаризма, теории гражданства, теории справедливости, экономические концепции, отражающие изменения в основах бизнеса и предпринимательства, концепции стратегического менеджмента, теории инноваций и др. Но в целом, несмотря на проделанную теоретическую и практическую работу, данное концептуальное поле еще не интегрировалось в некоторый единый подход (или более-менее целостное мировоззрение).

На современном этапе корпоративная социальная ответственность рассматривается не столько как самостоятельное начинание (или в более мягком смысле как призыв, воззвание к субъектам частного сектора), а как проект, самым тесным образом связанный с повесткой устойчивого развития (и более того, как ее важнейшая, критически значимая составляющая) [7, р. 25–30].

Действительно, с учетом того огромного общественного влияния, которым обладает частный сектор (и особенно крупные корпорации), очевидно, что стратегия устойчивого развития не может быть успешной без активного и сознательного участия бизнеса. На эту тему сегодня имеется огромное количество публикаций. Кроме того, в связи с этим курсы по социальной ответственности введены во многих образовательных учреждениях (например, во многих программах MBA) [8, р. xiv].

Участие бизнеса в повестке устойчивого развития предполагает, прежде всего, осознание фирмами той роли, которую они играют и могут играть в отношении

данной повестки. Далее, это означает также потребность в согласованной деятельности правительств, выполняющих и продвигающих политику устойчивого развития, и частных экономических субъектов (и их приверженности этой политике). Кроме того, необходимы скоординированные действия внутри самого коммерческого сектора; так, это может выражаться в образовании союзов предпринимателей, корпораций и т.п., принятии ими различных этических кодексов, совместных соглашений, создании партнерских объединений, преследующих цели устойчивого развития (например, перехода к экологически чистым материалам, технологиям и т.д.)

Одним из наиболее дискуссионных моментов данного начинания стала потребность разъяснения самого понятия «социальная ответственность», в том числе в связи с тем, что смысл данного термина может восприниматься как некая «дополнительная» ответственность по сравнению с уже имеющимися ее видами. Здесь следует подчеркнуть прежде всего терминологическое отличие данного понятия (*responsibility*) от подотчетности (*accountability*). В отличие от формальной подотчетности (*accountability*) посредством соответствующих процедур и т.п., здесь на первый план выходит прежде всего некое глубокое внутреннее осознание субъекта. Ответственность, что многократно подчеркивалось в обсуждениях данной темы, основана на ценностях, то есть имеет существенно *моральную* природу.

В развитие данного тезиса следует добавить, что во многих определениях социальной ответственности акцентируется также *добровольный* характер ее принятия. Это тоже стало одним из трудных пунктов обсуждения данной темы [9, р. 3]. Имеются соображения как в пользу, так и против добровольной (или, наоборот, обязательной) сущности социальной ответственности, что отмечается в ряде публикаций [10, р. 18–19].

Однако добровольная основа неустраима в отношении идеи КСО и, более того, является одним из конститутивных моментов социальной ответственности. И это не случайно, так как начала любого бизнеса – это свободная предпринимательская деятельность. Сюда включается свобода выбора основной и дополнительных направлений деятельности, выбор рынка (рынков), способ и организация производства и управления, в том числе внедрение инноваций и т.п. Очевидно, что обязать к ведению конкретного бизнеса невозможно, так как это противоречит самой идее частной инициативы. Поэтому совершенно ясно также, что само осознание, принятие и осуществление социальной ответственности как приращение бизнесу определенного смысла и содержания (что будет далее проявляться в целеустремленной деятельности) – тоже действия в своих основаниях свободные и добровольные.

Возможно, сам термин «ответственность» оказался не очень удачным ввиду его известной неоднозначности и, как отмечалось в литературе, слишком явно отсылал к смыслам подотчетности и обязательности. Поэтому были предложены использовать, например, термин *social responsiveness* (чувствительность, отзывчивость) как отражающий в большей степени динамичную, ориентированную на действия инициативу; предлагался также термин «социальная эффективность» (*social performance*) и др. [11, р. 20]. В конце 70-х гг. А. Кэрролл объединил понятия социальной ответственности, чувствительности и эффективности в рамках одной модели (в качестве ее отдельных «измерений») [12].

Кроме того, определенные затруднения связаны с термином «социальная». Так, высказывались мнения, что данное слово является лишним, не добавляющим

смысла, поскольку и так все обязательства компании являются социальными по своей природе [7, р. 62].

С нашей точки зрения, термин *социальная* ответственность высвечивает и подчеркивает широкое *общественное* значение деятельности фирмы. Термин «социальная ответственность» означает ответственность выполняемых действий (принимаемых решений, осуществляемых выборов и т.п.) за те аспекты их ближайших, а также более широких результатов и последствий, которые в той или иной мере *общезначимы*. В различных контекстах и ситуациях эта ответственность конкретизируется. Например, где-то на первый план выходят экологические параметры (так как сохранность окружающей среды касается всех). В других случаях это могут быть такие общезначимые вопросы, как интересы и благополучие будущих поколений, общественное здоровье, общественная нравственность и т.д.

С этой точки зрения социальная ответственность бизнеса представляет собой фундаментальную ориентацию деятельности на ценностные установки и параметры – на устойчивость (социальных, культурных систем, окружающей среды), жизнеспособность (обществ, сообществ), равенство, справедливость, общественную безопасность и др.

Иными словами, социально ответственное поведение – это стремление частного экономического субъекта (в тех или иных ситуациях конкретизируемое до определенных и четких целей) учитывать в своей деятельности общезначимые аспекты и параметры.

Вероятно, ближайшими синонимами понятия социальной ответственности, которые раскрывают его природу, могут служить понятия социальной *сознательности* и социальной *активности*. Эти термины можно понимать по аналогии со смыслом гражданственности (гражданская сознательность, гражданская активность и т.п.). В самом деле, статус гражданина в полноценном политическом и моральном смысле предполагает активное участие в жизни общества; при этом индивида невозможно обязать и принудить к общественному участию и активной гражданской позиции (это целиком свободно принимаемая обязанность, или даже определенная «добродетель»). (Хотя, конечно, гражданское участие по-разному проявляется разными индивидами).

Эти плодотворные параллели привели к тому, что с 90-х гг. XX века с развитием тематики КСО стала активно обсуждаться концепция корпоративной гражданственности, или корпоративного гражданства [13].

В целом для идеи социальной ответственности бизнеса характерна (и, по всей видимости, это неустранимо) концептуальная и ценностно-нормативная неопределенность (или, в лучшем случае, недостаточная определенность). Так, данная идея может интерпретироваться от сильных значений (широкий объем ответственности, необходимость подотчетности и выполнения обязательств и т.п.) до слабых (например, как лишь филантропическая ответственность в смысле А. Кэрролла) [14]. Примером сильного призыва к ответственности может служить работа Д. Чандлера, в которой заявляется, что «только бизнес может спасти планету» [15].

По нашему мнению, эту неопределенность концепта КСО не следует считать недостатком. Напротив, это дает известную гибкость и свободу выбора для развертывания социально ответственной деятельности с учетом индивидуальных особенностей той или иной компании. Иными словами, экономические акторы имеют возможность широкого выбора как с концептуальной стороны (содержание ответственной деятельности фирмы), так и с точки зрения выбора нормативно-ценностных установок, ориентиров и т.п.

В этой связи критически важную роль в реализации идеи социальной ответственности играет направляющий и формирующий контекст (охватывающий деятельность фирм), который позволяет развивать и специфицировать эту идею до уровня конкретных стратегий и тактик экономических субъектов.

Сам этот контекст включает множество составляющих: это государственная политика в области продвижения социальной ответственности бизнеса, состояние общественного мнения, специфика отрасли (сложившиеся практики и формы социальной ответственности), ситуация на той или иной территории (например, опыт взаимодействия с местными сообществами), деятельность активистов и многое другое.

Поэтому социально ответственная активность фирмы является результирующей воздействия многих факторов.

Можно сказать, что ответственная деятельность фирмы (начиная с разработки проекта такой деятельности) представляет собой некую многоуровневую конструкцию, как с точки зрения концептуальной (идеи, которые фирма воплощает в жизнь), так и ценностно-нормативной – в какой мере организация воспринимает ценности активного гражданства, участия в политической жизни (что отражается в концепции «политической КСО» [16], [17]), ценности справедливости, защиты прав человека и другие. Такая конструкция включает совокупность более общих принципов, принимаемых компанией, и более конкретных установок, средств, практик для осуществления этих начал.

В этой связи реализацию идеи социальной ответственности на уровне частного экономического субъекта можно представить как некий процесс выбора индивидуальной траектории деятельности фирмы (деятельности основной и сопутствующей), ценностно обоснованной (в состав обосновывающих норм обязательно входят этические положения), и при этом имеющей существенно полинормативный характер, т.к. поведение фирмы, как правило, включающее много составляющих, подчиняется (должно подчиняться) широкой совокупности различных норм (правовые нормы, производственные стандарты, экологические требования, рамочные социальные и культурные нормы и др.).

Важнейшей характеристикой социально ответственной деятельности является ее *устойчивость*, поскольку, как правило, поведение экономического субъекта находится под давлением множества факторов (экономических, социальных и др.), которые могут вынуждать фирму к более «прямолинейным» способам ведения бизнеса, фокусируя ее только на конъюнктурных (часто краткосрочных) целях и снижая степень вовлеченности в более широкий социальный контекст.

Следует подчеркнуть, что продвижение по выбираемой траектории имеет развивающийся характер, так как, с одной стороны, постепенно обогащаются сами представления экономического субъекта о социально ответственной деятельности (в том числе с нарастанием опыта фирмы), а с другой – способы осуществления такой деятельности улучшаются и в техническом плане. В частности, здесь играют роль развивающиеся знания и технологии – например, в области зеленых технологий, материалов, энергосберегающих способов производства, информационных технологий и др.

Таким образом, выбираемая (и корректируемая) траектория должна быть устойчива в своих глубоких ценностных основаниях, однако должна развиваться с точки зрения своего конкретного содержания.

Ценностная основа деятельности фирмы может быть сформирована в виде сознательных, эксплицитно по-

ставленных целей и задач по увеличению общественной полезности ее результатов; при этом конкретный выбор зависит от индивидуального контекста: в одних обстоятельствах это может выглядеть как совокупность дополнительных усилий или действий фирмы, в других – как принципы, глубоко встроенные в саму миссию и стратегию бизнес-субъекта.

На тактическом уровне компания, как правило, может использовать достаточный диапазон выборов и возможностей.

К тактическому уровню относятся, например: формы взаимодействия со стейкхолдерами (в том числе с сетевыми объединениями стейкхолдеров), поддержание контактов с общественностью (например, с членами локальных сообществ – с целью помощи в вопросах благоустройства, развития культуры и др.); направления взаимодействия с властями (организация ГЧП, участие в муниципальных программах социально-экономического развития, проектах социальной политики и т.п.); участие в научных исследованиях – например, финансирование (софинансирование) разработок новых зеленых технологий и т.п.

Для фирмы, заинтересованной в социально ответственной деятельности и партнерствах, обычно имеется обширный спектр опций для осуществления собственных выборов и определения своей индивидуальной траектории, в том числе отличающей ее уникальным образом от других экономических субъектов.

Разумеется, конечный (и корректируемый далее) выбор делают фирмы. Однако данный выбор должен происходить в тесном соответствии с контекстом общественных ожиданий, конкретных директивных требований (нормы права, технические стандарты и т.д.), реальных потребностей местных, региональных и др. сообществ, конкретной проблематики на данной территории (в том числе локальных проявлений глобальных проблем – потепления климата, деградации окружающей среды, глобальной несправедливости и неравенства и др.).

Таким образом, разработка и реализация собственной траектории социальной ответственной деятельности фирмы осуществляется в процессах взаимодействия с акционерами, более широким кругом стейкхолдеров, властями, общественными движениями и активистами и др. Для этого фирма должна быть открытой, готовой взаимодействовать, обсуждать, работать в партнерствах и т.п. Действительно, задачи увеличения или даже максимизации общественной полезности требуют постоянного взаимодействия с окружающим контекстом.

Более того, саму идею КСО можно считать бессодержательной или слишком общей до тех пор, пока не сформирован плотный направляющий контекст, обеспечивающий взаимодействие фирмы с окружающей средой (с более широкой, чем непосредственная бизнес-среда). Именно этот воздействующий контекст играет критически важную роль для выработки собственных представлений экономического субъекта об общественной пользе в той или иной ситуации и дальнейшей конкретизации этих представлений до уровня стратегии и тактики социальной ответственной деятельности.

Поэтому дальнейшее практическое осуществление концепции социальной ответственности бизнеса (и ее различных направлений) зависит от степени успешности развития конкретных формирующих контекстов национального, регионального, местного уровня, для чего требуются последовательная государственная политика, а также сознательность и активность бизнеса и самого общества. Немалую роль здесь могут и должны сыграть также научные разработки данной проблемы (в том чис-

ле исследования мотивации бизнеса к принятию стратегий ответственной деятельности).

Несмотря на интенсивное развитие идеи социальной ответственности бизнеса за последние десятилетия, впереди еще обширное поле работы, общая цель которой состоит в создании и продвижении новой парадигмы взаимодействия властей, бизнеса и общества, включающей в качестве ценностной основы принятие общей, разделяемой всеми ответственности за благополучие общества и решение наиболее острых современных проблем.

Литература

1. Lindeque J., Samuel O. The Societal Case for Small Business Social Responsibility: A Review of the Evidence of Societal Impact Types and Their Relevance to Stakeholders // *The Impact of Corporate Social Responsibility: Corporate Activities, the Environment and Society* / Edited By Kudlak R., Barkemeyer R., Preuss L., Heikkinen A. (Eds.). Routledge, 2023. Pp. 44–69
2. Soundararajan V., Jamali D., Spence L.J. Small business social responsibility: A critical multilevel review, synthesis and research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 2018, 20(4), 934–956.
3. Brejning J. *Corporate Social Responsibility and the Welfare State: The Historical and Contemporary Role of CSR in the Mixed Economy of Welfare*. Surrey: Ashgate Publishing Limited, 2012
4. Commission of the European Communities. *Promoting a European Framework for Corporate Social Responsibilities*, COM (2001) 366 final, Brussels, 2001.
5. World Business Council for Sustainable Development. *Corporate Social Responsibility: Meeting Changing Expectations*. World Business Council for Sustainable Development: Geneva, 1999
6. Roome N., Doove R.-P., Postema M. An Anatomy of Corporate Social Responsibility: Causal Factors in CSR as a Social Movement and Business Practice // *The Challenge of Organising and Implementing Corporate Social Responsibility*. Jonker J., Witte M. de (Eds.). Palgrave Macmillan, 2006
7. *The ICCA Handbook on Corporate Social Responsibility*. Hennigfeld J., Pohl M., Tolhurst N. (Eds.). John Wiley & Sons, 2006
8. *Contemporary Issues in Corporate Social Responsibility*. Turker D., Toker H., Altuntas C. (Eds.). Lexington Books, 2013.
9. Lozano J. M., Albareda L., Ysa T., Roscher H., Marcucio M. *Governments and Corporate Social Responsibility: Public Policies beyond Regulation and Voluntary Compliance*. Palgrave Macmillan, 2008
10. Hopkins M. *CSR and Sustainability: From the Margins to the Mainstream: A Textbook*. Routledge, 2016
11. *The Routledge Companion to Corporate Social Responsibility*. Maak T., Pless N., Orlitzky M., Sandhu S. (Eds.). Routledge, 2022
12. Carroll A. B. A three-dimensional conceptual model of corporate social performance // *Academy of Management Review*, 1979, 4(4): 497–505
13. McIntosh M., Thomas R., Leipziger D., Coleman G. *Living Corporate Citizenship: Strategic Routes to Socially Responsible Business*. Pearson Education, 2002
14. Carroll A.B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders // *Business Horizons*, 1991, 3(4): 39–48
15. Chandler D. *Sustainable Value Creation*. 2nd Edition. Routledge, 2021

16. Maak T., Pless N.M., Voegtlin C. Business statesman or shareholder advocate? CEO responsible leadership styles and the micro-foundations of political CSR // *Journal of Management Studies*, 2016, 53(3): 463–493
17. Scherer A., Rasche A., Palazzo G., Spicer A. Managing for political corporate social responsibility: New challenges and directions for PCSR 2.0 // *Journal of Management Studies*, 2016, 53(3): 273–298

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: THE ROLE OF THE GUIDING CONTEXT IN SHAPING THE RESPONSIBLE BEHAVIOR OF THE COMPANY

Ushakov E.V.,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA St. Petersburg)

The article is devoted to the concept of social responsibility of business (or corporate social responsibility, CSR), which has become an integral part of the discourse on the foundations of business, regulation of the activities of modern companies, business and society relations. The article discusses some of the meanings of this term. The vague definiteness of this concept is noted, which is not a disadvantage, but creates space for a certain flexibility and freedom for companies to choose their CSR strategies. The adoption and implementation of social responsibility concepts are understood as the choice and development of an economic entity's own individual trajectory. The guiding context covering the company's activities plays a crucial role in this choice. Further practical implementation of the CSR concept will depend on the development of formative contexts for firms at different levels, which requires concerted efforts by business, government and society.

Keywords: business regulation, business ethics, public policy, sustainable development, corporate citizenship, government-business relations

References

1. Lindeque J., Samuel O. The Societal Case for Small Business Social Responsibility: A Review of the Evidence of Societal Impact Types and Their Relevance to Stakeholders // *The Impact of Corporate Social Responsibility: Corporate Activities, the Environment and Society* / Edited By Kudlak R., Barkemeyer R., Preuss L., Heikkinen A. (Eds.). Routledge, 2023. Pp. 44–69
2. Soundararajan V., Jamali D., Spence L.J. Small business social responsibility: A critical multilevel review, synthesis and research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 2018, 20(4), 934–956.

3. Brejning J. Corporate Social Responsibility and the Welfare State: The Historical and Contemporary Role of CSR in the Mixed Economy of Welfare. Surrey: Ashgate Publishing Limited, 2012
4. Commission of the European Communities. Promoting a European Framework for Corporate Social Responsibilities, COM (2001) 366 final, Brussels, 2001.
5. World Business Council for Sustainable Development. Corporate Social Responsibility: Meeting Changing Expectations. World Business Council for Sustainable Development: Geneva, 1999
6. Roome N., Doove R.-P., Postema M. An Anatomy of Corporate Social Responsibility: Causal Factors in CSR as a Social Movement and Business Practice // *The Challenge of Organising and Implementing Corporate Social Responsibility*. Jonker J., Witte M. de (Eds.). Palgrave Macmillan, 2006
7. The ICCA Handbook on Corporate Social Responsibility. Henigfeld J., Pohl M., Tolhurst N. (Eds.). John Wiley & Sons, 2006
8. Contemporary Issues in Corporate Social Responsibility. Toker D., Toker H., Altuntas C. (Eds.). Lexington Books, 2013.
9. Lozano J. M., Albareda L., Ysa T., Roscher H., Marcuccio M. Governments and Corporate Social Responsibility: Public Policies beyond Regulation and Voluntary Compliance. Palgrave Macmillan, 2008
10. Hopkins M. CSR and Sustainability: From the Margins to the Mainstream: A Textbook. Routledge, 2016
11. The Routledge Companion to Corporate Social Responsibility. Maak T., Pless N., Orlitzky M., Sandhu S. (Eds.). Routledge, 2022
12. Carroll A. B. A three-dimensional conceptual model of corporate social performance // *Academy of Management Review*, 1979, 4(4): 497–505
13. McIntosh M., Thomas R., Leipziger D., Coleman G. Living Corporate Citizenship: Strategic Routes to Socially Responsible Business. Pearson Education, 2002
14. Carroll A.B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders // *Business Horizons*, 1991, 3(4): 39–48
15. Chandler D. Sustainable Value Creation. 2nd Edition. Routledge, 2021
16. Maak T., Pless N.M., Voegtlin C. Business statesman or shareholder advocate? CEO responsible leadership styles and the micro-foundations of political CSR // *Journal of Management Studies*, 2016, 53(3): 463–493
17. Scherer A., Rasche A., Palazzo G., Spicer A. Managing for political corporate social responsibility: New challenges and directions for PCSR 2.0 // *Journal of Management Studies*, 2016, 53(3): 273–298

Китайский иероглиф в контексте философии культуры

Васильев Вячеслав Александрович,

д.ф.н., профессор кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета
E-mail: prof.Vasiliev@ro.ru

Тарасова Екатерина Игоревна,

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Московского государственного лингвистического университета
E-mail: tanchang93@mail.ru

Осуществляется культур-философский анализ слова (имени), иероглифа, как знаковой системы, несущей определенное значение в коммуникативных отношениях. На примере воззрений китайских философов (в рамках которых ставились лингвистические проблемы) выделяется генезис языковой концепции «наименований». Представители школы «моистов» считали иероглиф знаковой системой, в которой имя является наименованием предметов. Для софистов иероглифы выполняли функцию своеобразной словесной игры. Данное утверждение основывалось на сложности восприятия иероглифов. Если в русском языке слово несет только значение, то иероглиф может быть носителем иных смыслов. Поэтому обращение к парадигме языка в китайской культур-философской литературе связано с историческими традициями, оказывающими влияние на современное понимание и перевод пиктографических изображений, что является важным фактором понимания китайской культуры.

Ключевые слова: культура, иероглиф, слово (имя), именование, значение, смысл, софист, понятие, китайский язык.

Вербальные сложности языковой коммуникации подмечали еще древние китайские мыслители. Они обратили внимание, на сложность оформления мысли в нужную словесно-знаковую форму, что может привести к парадоксальным выводам. Парадоксальные предложения одновременно содержат в себе правду и ложь, что приводит к заблуждению. Как можно прокомментировать следующее утверждение софиста Хуэй Ши: «В яйце есть перья», «У курицы три ноги», «Собака может стать бараном», «Лошадь несет яйца», «Черепашка длиннее змеи», «Что длиннее дерево или ночь?» и т.п.

Хуэй Ши находил удовольствие в игре словами, и ежедневно спорил с людьми. Вместе с другими софистами он нарочно создавал внутренне противоречивые изречения, и считал языковые игры единственно настоящим для себя занятием. Важные для лингвистики грамматические проблемы софистами стали подменялись чисто прагматическими соображениями: любыми аргументами обосновать правоту своего высказывания, добиться превосходства над своим противником. Хуэй Ши желал сыскать славу знаменитого спорщика, что, в конце концов, приобрел образ неповторимого словесного обманщика [1, с. 29]. Софисты обратили внимание на культурную индивидуальность людей, их отличительные познавательные способности, что, в конечном итоге, приводило к субъективности познания. Как каждый нечто чувствует, так оно и есть на самом деле. Об одном и том же можно сказать что-то одно, и одновременно – нечто иное, противоречащее первому утверждению. Софисты своими афоризмами воздействовали не столько на рационально-логическое мышление людей, сколько на их художественно-образное воображение, не воспринимали связь имен, иероглифов с вещами.

Некорректность софистических изречений стала подвергаться критике сторонниками философско-лингвистической школы моистов, которая получила название в честь ее основателя – мыслителя Мо-цзы (V–IV до н.э.). Причины словесных заблуждений ими стали обнаруживаться не только в сознательном использовании двусмысленных форм выражений, но и в самой стихии естественного языка, в лингвистических нарушениях, в игнорировании правил пользования именами. Так, то, что называют тигром, нельзя называть собакой, так как название не может отойти от общего названия вещей. Имена должны соответствовать существу. Все выражения, в которых произвольно употребляются имена, преследуют определенную цель – запутать понимание реальных вещей. Поэтому следует соблюдать границы имен, чтобы предотвратить возможность спора по поводу их употребления. Если исследовать свойства одной вещи и определить ее, то на другие вещи, имеющие тождественные свойства, это имя распространяется по сходству. Поэтому, думающий человек не говорит пустых слов. Когда появляются вещи, он точно их называет. То, что выражается в именах, то, что проявляется в телесных формах, может быть объяснено [2, с. 38]. Значение слова должно быть по содержанию одинаковым для всех людей. Однако в языковой культуре слово может иметь несколько значений, что во многом вызвано

несоответствием между вещами и их именами. Это несоответствие состоит в том, что количество вещей множество, а число имен-иероглифов в человеческом арсенале ограничено. Поэтому одно и то же название может иметь разное значение.

Философы-моисты впервые в истории китайской философии культуры выдвинули вопрос о чувственном и рациональном познании. С их точки зрения, знание есть результат соприкосновения с вешними вещами. Познающий способен представить их образ, как будто он сейчас видит эту вещь. Мышление использует органы чувств как книгу записей для воспринимаемых вещей. Когда органы чувств пусты, тогда мышление ничего не может сообщить. Познание они разделили по источнику знания и виду его на следующие группы: на «непосредственное знание», или чувственное знание, «слышанное знание», или опосредованное знание и разумное знание, связанное с употреблением понятий, терминов, иероглифов. Человеческая деятельность служит источником знаний и делает эти знания постоянными. Если за высказываниями не следует их претворения в поступках человека, то это становится пустой болтовней. Поэтому человек, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять. Учитель Мо говорил: «Все слова, все действия, которые полезны небу, духам и простому народу, – это то, что нужно делать. Все слова, все дела, которые приносят вред небу, духам и простому народу, – это то, что нужно отбросить» [1, с. 199].

Исследуя особенности китайской культуры необходимо иметь в виду, что китайский язык относится к изолирующим языкам, то есть к таким, где слова в предложениях не связываются приставками и окончаниями. Значение же и смысл незнакомых слов можно понять по их расположению в предложении, поскольку грамматическая форма зависит от порядка слов и интонации. Для раскрытия понятия слова в китайском языке необходимо обратиться к понятию иероглифа, как носителя терминов, поскольку именно здесь содержится специфика китайской культуры. Иероглиф – это фигурный знак в идеографическом письме (в древнеегипетском, китайском и некоторых других). Это пиктографические изображения, также называемые «словом», по форме и звуку взаимодополняющие друг друга. По мнению российских и зарубежных синологов, иероглиф и слово в китайском языке, являющиеся часто многозначными структурами, способными выражать разные смысловые значения. Поэтому особенностью многих китайских терминов является разный уровень их значений, ибо один и тот же термин может обозначать и определенный класс явлений в целом, и отдельный элемент этого класса. Специфика терминов традиционной китайской философии культуры в том, что они позволяют конструировать тексты, допускающие как образно-метафорические, так и рационально-понятийные интерпретации [3, с. 49].

В китайской культуре речи слова могут произноситься кратко, может быть использована только часть слова, но значение при этом не изменяется. Например, слова, обозначающие родственников: 妈妈 māma и 妈 mā будут иметь одинаковое значение – «мама». То же самое со словами «дедушка», «бабушка», «младший брат», «старший брат» и т.д. Существуют также слова, где от перемены мест иероглифов значение не изменяется, например, 适合 shìhé и 合适 héshì имеют одинаковое значение «подходящий». В длинных (и не очень) словосочетаниях иногда опускается часть иероглифов (так называемая аббревиация), что не влияет на значение слов, например, 中国银行 zhōngguó yínháng «китай-

ский банк», где словосочетание сокращается до первого и последнего иероглифов 中 行 zhōngháng.

При переводе следует иметь в виду, что китайскую культуру языка отличает разветвленная система междометий. Порой, употребляя определенные междометия с определенной интонацией, носители китайского языка способны отчетливо выразить своё мнение и эмоции, например, такие междометия как 啊 a, 啊 呀 aú выражают восторг и испуг (в зависимости от интонации), междометие 哦 ó выражает удивление. Также существует особое междометие 嗯 en, которое повсеместно используется китайцами для выражения согласия, понимания, подтверждения, удивления и даже негодования. В китайском языке очень распространено явление омонимии, многие слова звучат одинаково, но имеют разное значение. На этом построено большое количество шуток, идиом и традиций. Например, на новый год принято ставить на стол рыбу, поскольку звучание слова 鱼 yú «рыба» созвучно слову 余 yú «богатство, излишек», следовательно, для пожелания процветания и богатства в новом году на столе должны присутствовать рыбные блюда.

Следует обратить внимание на внешний вид иероглифа. В течение нескольких тысячелетий существования и развития китайской цивилизации иероглифы видоизменялись внешне, большинство из них сохраняли при этом своё внутреннее значение. Важную особенность китайской иероглифики, которая связана с ее вневременным характером, отмечают К.В. Волков и Т.Л. Гурулеева. С их точки зрения, древний текст можно прочитать, воспользовавшись словарем, поскольку иероглифические знаки в большинстве своем не изменились, чтение иероглифа часто также не имеет определяющего значения для определения смысла слова. Для китайского иероглифического письма неважна даже и звуковая оболочка. Для понимания иероглифа совершенно не имеет никакого значения то, как он читался во время создания. Ведь даже сегодня в границах КНР имеется семь диалектов, которым свойственно различное произношение одних и тех же слов, но написание этих слов остается единым. Это доказывает, что теоретически иероглиф не зависит от своего чтения, что подтверждает вневременной характер иероглифической письменности [4, 2018].

Таким образом, исследуя внутреннее значения определенного иероглифа у нас есть возможность проинтерпретировать глубинный смысл того или иного культурного и философского понятия. Однако на данный момент подобный иероглифический анализ нельзя назвать популярным, ибо ранее он широко не применялся в отечественной китаистике. Интересен с точки зрения культурных традиций приводимый нами пример анализа концепта гармония (和谐 héxié). В китайском словаре «Синьхуа» иероглиф 和谐 переводится с разными значениями: «гармоничный», «теплый», «добродушный». Иероглиф 和 состоит из ключей «зерно» 禾 и «рот» 口, обозначает «мир», «гармонию». Иероглиф 谐 обозначает «гармонию», состояние «когда всё созвучно», «согласованно», «отсутствует конфликт»; в равной степени состоит из ключей «речь» и «весь». Иероглиф 和 hé имеет еще одно традиционное написание: 龠 hé, где левый элемент может быть разбит на такие ключи как: бамбуковая флейта 竹 yuè, которую «Большой китайско-русский словарь» описывает, как «свирель, бамбуковая флейта (с тремя, шестью или семью отверстиями) и правый элемент 禾 hé, как «хлеб на корню». Смысл концепта гармония (和谐 héxié) заключается в сочетании разных элементов всех сфер жизни. Данный концепт используется в современной китайской дипломатии, культурной политике, рыночных механизмах и др. Гармония пред-

ставляет собой единство многообразия и органическое и диалектическое единство противоположных факторов при сохранении противоречий. Исследователи культурных ценностей Китая отмечают, что гармоничное развитие и процветание общества является важной гарантией того, что государство будет богатым и могучим, нация возродится, а народ будет счастливым [5, с. 273].

Литература

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 363 с.
2. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1973. – 384 с.
3. Кобзев А.И. О категориях традиционной китайской философии. НАА, 1982, № 1. С. 49.
4. Волков К.В., Гурулева Т.Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков // Известия ВГПУ. 2018. № 8(131).
5. Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей. – М.: Весь мир, 2020. – 464 с.

CHINESE CHARACTER IN THE CONTEXT OF CULTURAL PHILOSOPHY

Vasiliev V.A., Tarasova E.I.

Moscow State Linguistic University

A cultural and philosophical analysis of a word (name), a hieroglyph, as a sign system that carries a certain meaning in communicative relations is carried out. On the example of the views of Chinese philosophers (within the framework of which linguistic problems were posed), the genesis of the linguistic concept of “names” is distinguished. Representatives of the school of “moists” considered the hieroglyph a sign system in which the name is the name of objects. For sophists, hieroglyphs served as a kind of verbal game. This statement was based on the complexity of the perception of hieroglyphs. If in Russian the word carries only a meaning, then the hieroglyph can be a carrier of other meanings. Therefore, the appeal to the paradigm of language in Chinese culture-philosophical literature is associated with historical traditions that influence the modern understanding and translation of pictographic images, which is an important factor in understanding Chinese culture.

Keywords: Culture, hieroglyph, word (name), naming, meaning, sophist, concept, chinese language.

References

1. Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in two volumes. V. 1. – M.: Mysl, 1972. – 363 p.
2. Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in two volumes. V. 2. – M.: Mysl, 1973. – 384 p.
3. Kobzev A.I. On the categories of traditional Chinese philosophy. NAA, 1982, No. 1. P. 49.
4. Volkov K.V., Guruleva T.L. Comparative analysis of typological characteristics of the Chinese and Russian languages // Bulletin of VSPU. 2018. No. 8 (131).
5. Xan` Chzhe`n`, Chzhan Ve`jve`n`. (2020). Sistema kitajskih cennostej = The system of Chinese values. – Moscow: Ves` mir. (In Russ.)

Профессионализация государственных служащих в условиях рискогенности современной действительности

Забнева Эльвира Ивановна,

доктор философских наук, кандидат социологических наук,
доцент, ректор ГОУ ДПО «Институт развития образования
Кузбасса»

E-mail: Zabnevailvira@mail.ru

Алексеева Виктория Геннадьевна,

соискатель

E-mail: AlekseevaVG@rambler.ru

В свете возрастания рискогенности социально-политических процессов, протекающих в современной России, поднимается вопрос о компетенциях, которые необходимы государственным служащим для эффективного осуществления своей профессиональной деятельности. Представлены рассуждения о характере социальной среды и выделены риски, производство которых происходит в сферах её составляющих. Поскольку профессионализм государственных служащих в таких условиях имеет интегральное значение, тема необходимого набора его компетенций, безусловно, приобретает особое звучание. Доказано, что исторически сформировавшиеся в отечественной науке представления о профессионализме в современных условиях социальной реальности перестают соответствовать запросам практики в адекватных управленцах. В статье дана попытка определить ключевые компетенции, которыми должен обладать государственный служащий в эпоху возрастания инновационной сложности мира. Особо обращается внимание на те компетенции, которые связаны с умением согласовывать план действий с вновь появляющимися обстоятельствами, условия которых предполагают креативный выход за рамки установленных схем и привычных парадигм.

Ключевые слова: общество, рискогенность, риск, государственное управление, государственный служащий, профессионализм, компетенции.

Реалии времени, в котором мы живем, таковы, что риск стал отнюдь не прерогативой авантюристов, а неотъемлемым атрибутом повседневности. Действительно, сегодня риск касается каждого, поэтому современное общество все чаще называют «обществом риска», в котором неопределенность и связанные с ней потенциальные угрозы бесконечно возрастают [3].

Рискогенность процессов, протекающих на территории нашей страны, нельзя связать только с одним фактором, она представлена целой плеядой проблем разного характера: политических, экономических, социальных, культурных, технологических, информационных и др.

В настоящее время в России политический риск эволюционирует ввиду изменения условий функционирования государства и специфики новых опасностей. Глобальные вызовы провоцируют политические действия, которые порождают новые политические риски. Речь идет как о напряженности на мировой политической арене и попытках демонизировать образ нашей страны в глазах мирового сообщества, так и об информационном хаосе, манипулирующем общественным сознанием. Политические риски получают новую площадку своего развития в пространстве социальных сетей, где виртуальность предполагает анонимность, что ведет к увеличению числа лиц и групп, способных их генерировать. Отсюда они характеризуются обширной географией и быстрой скоростью распространения, а также отсутствием четких временных рамок: они ближе «не к событию, а к процессу, размытому во времени и часто носящему латентный характер» [2, с. 70].

Говоря об экономической составляющей, невозможно не коснуться проблемы роста инфляции, ослабления рубля и роста курса валют в разрезе удорожания импорта. Серьезный экономический риск представляет собой отток трудоспособного населения. Рынок труда и без того не был профицитным после так называемой «демографической ямы», но после выведения из экономики большого количества занятых в ней трудовых единиц вплотную подошел к состоянию, называемому «кадровый голод». Данное состояние проявляется не только в проблеме уменьшения количества занятых, но и в том, что некоторые отрасли нуждаются в высококвалифицированных кадрах и кадрах «редких» специальностей (промышленность, медицина, информационные технологии, высший менеджмент), которых не успевают готовить наши образовательные организации.

Следует отметить тот факт, что и сами «финансово-экономические институты современного общества (финансовые рынки, инвестиционная деятельность) по своей природе рискогенны» [6, с. 133].

Еще более масштабны социальные риски. Прежде всего, демографический кризис, который напрямую связан с так называемым «кризисом семьи». Статистические данные последних лет, к сожалению, подтверждают снижение рождаемости и количества зарегистрированных браков и, напротив, демонстрируют увеличение числа разводов¹. Традиционная модель семьи, где все

¹ <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/127539>

ее члены настроены на совместный быт и труд, сегодня трансформируется.

Присутствует и явный поколенческий кризис. Разность восприятия картин мира, ярко высвечивает сложность сосуществования нескольких поколенческих архетипов, сменяющих друг друга. Поколения Z (зумеры) и альфа особо рискоориентированы в связи с глубоким погружением в цифровой мир. Их способ получения и обработки информации является принципиально иным в сравнении с другими, более старшими, поколениями. Они часто не находят поддержку в семье и социуме, в связи с чем стремительно растут показатели детской наркомании и даже детского суицида¹. Интернет для представителей данных групп является не только возможностью для реализации когнитивного потенциала, но и источником угроз для психики, здоровья и даже жизни: от доступного порнографического контента, до вербовки в опасные движения.

Неоднородность населения проявляется не только по возрастному признаку, еще одно проблемное поле его проявления – это разделение по уровню дохода, уровню жизни – соответственно. В настоящее время пропасть между «богатыми» и «бедными» огромна: резкий контраст возможностей и открытость их демонстрации (в пространстве социальных сетей в том числе) только усиливают расслоение. И хотя сейчас по понятным причинам эта демонстрация снижается, социально-экономическое неравенство различных групп населения всё-таки провоцирует напряжение в обществе.

Культурная составляющая рискогенности помимо своей «природной» проблематики, выраженной в штампованной «массовой» культуре, приводящей к деградации современного общества, сегодня отличается еще и тем, что во всем мире отмечается рост поведения и социальных практик, связанных с добровольным испытанием риска. «В массовой культуре появились целые направления, сопряженные с преднамеренным негативным воздействием на аудиторию, направленным на пробуждение чувств неуверенности, страха, уязвимости, отвращения к окружающему миру» [5, с. 15]. Такое сознательное принятие риска может уже интерпретироваться как социокультурный феномен.

Говоря о технологической составляющей, следует отметить, что парадоксально выглядит факт, который демонстрирует, как технологические усовершенствования, призванные уменьшить такие опасности как голод, природные катастрофы, эпидемии, снижая одни виды рисков, в геометрической прогрессии увеличивают другие.

Действительно – любое открытие или завоевание новых рынков всегда сопряжено с риском. В этом ключе особое место занимает искусственный интеллект, который, безусловно, является серьезным достижением и катализатором развития во многих отраслях, но все же в некоторой перспективе может стать одной из тех самых мегаугроз.

Уже сегодня технологии искусственного интеллекта позволяют практически полностью заменить человека на рабочем месте, и уже сегодня с помощью искусственного интеллекта проворачиваются тысячи мощенческих схем. Новые технологии являются источниками ранее не известных форм рисков – они формируют виртуальное пространство, в котором появляются виртуальные, но, при этом, вполне реальные и агрессивные риски.

В таких условиях разрушаются социальные связи, которые выполняли функции формирования социального порядка – давали индивиду стабильность и одно-

¹ <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/07/07/930255-chislo-detskih-suitsidov-v-rossii-v-2021-godu>

временно подчиняли личность правилам жизни группы. Разрушение этих связей, с одной стороны, лишает индивида чувства надежности и уверенности, превращая возможность выбирать в фактор повышенной тревожности и страха, с другой стороны, – освобождает индивида от привычных ограничений, давая свободу, которую многие используют в корыстных целях.

Таким образом, как индивиды, так и социальные институты столкнулись с исторически беспрецедентной сложностью в принятии определенных решений. Конечно, и государство сегодня оказывается в непростой ситуации, абсолютно понятно, что традиционные технологии государственного управления недостаточно эффективны. Отсюда именно тема профессионализма государственных служащих сегодня приобретает особое звучание, так как является интегральным элементом и обязательным условием эффективного государственного управления.

Эффективное управление сегодняшнего и, что более важно – завтрашнего дня, требует проактивной деятельности управленческого аппарата, которая достигается путем инновационной модернизации профессионализма государственных служащих. Исторически сформировавшиеся в зарубежной и отечественной науке представления о профессионализме в современных условиях социальной реальности перестают соответствовать запросам практики в адекватных управленцах.

Сегодня деятельность профессионала должна быть рациональна. «Профессионализм в указанном аспекте выражается не только в умении выбирать правильный способ её осуществления деятельности (соответствие нормам, правилам, принципам и знаниям), но и умение работать с кейсами в рамках определенной парадигмы, задающей примеры, принципы и образцы решения проблемных вопросов» [1, с. 33]. К этой самой парадигме совершенно отсутствует «руководство пользователя», понимание её реалий приходит интуитивно, приобретение знаний и навыков работы с ней происходит эмпирическим путем. И именно опыт – то есть количество решенных задач, влияет на качество и скорость их решения в последующем. Реалии сегодняшнего дня не просто ждут от профессионального управленца высокой скорости и качества решения задач, они этого буквально требуют.

Следует особо подчеркнуть и тот факт, что в условиях быстро изменяющегося мира профессионализм также выражается в виртуозном умении согласовывать план действий с вновь появляющимися ранее не виданными обстоятельствами, в условиях которых вышеупомянутые стандарты профессионализма увы недостаточны. Эти ситуации предполагают креативный выход за рамки установленных схем и привычных парадигм. В этом отношении границы такого необходимого простора для творчества также должны быть согласованы с рациональным базисом – опытом.

И, наконец, следование определенным ценностям есть еще один из аспектов профессионализма. Действительно: деятельность профессионала должна быть не только целерациональной, но и ценностнорациональной. Ценностные ориентации настоящего профессионала позволяют сохранить смысл осуществляемой им деятельности в условиях быстроизменяющегося мира в особенности. Важнейшая черта профессионализма: умение видеть этот смысл, просматривать сквозь его призму конкретные ситуации, искать и находить различные способы его сохранения. Ценности (во всех смыслах) прививаются, и это тоже требует времени, то есть опыта.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что государственному служащему для эффективной работы в условиях рискогенности сегодняшнего дня обязательно иметь не только квалификацию, но и практический опыт работы. Какой опыт является достаточным – вопрос дискуссионный. Но тот факт, что управленец должен быть в достаточной степени зрелый – очевиден.

Исходя из того, что значимой функцией государственных служащих является организация взаимодействия между гражданами и государством (именно служащие уполномочены от имени государства транслировать гражданам принятые решения и в то же самое время консолидировать общественное мнение и представлять его политическим акторам), профессионализм работника обнаруживается и раскрывается в рамках отношения со средой, точнее средами: отношение с профессиональным сообществом и с непрофессиональной средой. Можно предположить, что условием, характеризующим в данном случае профессионализм, выступает принятие достигнутых им результатов этими сообществами. В связи с чем можно утверждать, что существенной гранью профессионализма выступает умение представлять результаты собственной деятельности.

Сегодня умение самопрезентации, рекламы, «подачи» результатов своей деятельности является важнейшим навыком профессионала. Так как пространство социальных сетей – в частности, и просторы Интернета – в целом, в настоящее время являются одной из ключевых арен информационного взаимодействия, государственный служащий должен уметь настраивать ту самую самопрезентацию в соответствии с параметрами этой арены (выбирать тон коммуникации и форму подачи, особенно имея дело с разными поколенческими архетипами), должен быть хорошо осведомлен об алгоритмах её работы. Он должен четко понимать, что сегодня одна неосторожно брошенная фраза может через пять минут быть растиражирована буквально по всему миру и принести серьезные последствия. Однако в этом есть и плюсы: знание и умелое использование возможностей информационного пространства позволяет тонко и правильно настроить взаимодействие со средами (особенно это касается внешней среды) и представить результаты своей деятельности более подробно и, главное – понятно, а, значит и эффективно.

Еще одним фактором профессионализма и результативной работы на государственной службе является устойчивая самооценка. Она способствует более эффективному общению и формированию положительного образа управленца в общественном мнении. Складывающаяся на устойчивой самооценке уверенность в себе является наиважнейшим условием для успешного ведения деятельности в ситуации неоднозначной оценки получаемых результатов, субъективизма, предвзятости, которую порождает глобализация и виртуальная среда. Независимость самооценки от интенсивных колебаний общественного мнения сегодняшнего дня является обязательным критерием истинного профессионала.

Интересен и подход ученых, которые настаивают на том, что необходимо развивать компетенции в таких направлениях как повышение стрессоустойчивости, снятие тревожности, умение регулировать конфликтные ситуации, знание способов повышения самооценки, владение навыками повышения трудовой мотивации [4]. Действительно, для эффективной работы с упомянутым выше социокультурным феноменом (направления в массовой культуре, пробуждающие у аудитории чувства неуверенности, страха, уязвимости, отвращения к окружающему миру) необходимо развивать именно такие компетенции.

На наш взгляд, к этому следует добавить глубокое понимание культурных различий и их принятие, что является базисом для толерантности и уважения к людям других культур и языков, способствует эффективной коммуникации и управлению. Сегодня даже компетенции в области коммуникации в том числе и на разных языках уже не являются чем-то избыточным, это своего рода норма для мирного разрешения конфликтов в том числе.

И, наконец, способность учиться на протяжении всей жизни как в профессиональной сфере, так и в социальной и личной жизни – важнейшая компетенция в условиях быстро изменяющегося мира. В таких обстоятельствах стремление к повышению собственного уровня знаний и навыков является естественным, иначе как проявлять творческий подход к решению кейсов в условиях рискогенной парадигмы современности? Как открыть в себе ту самую прозорливость – умение из всех возможных альтернатив развития событий выбирать наиболее вероятные?

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что профессионализация государственных служащих в условиях нарастающей сложности общественных отношений и ускорения социальных изменений требует внесения принципиальных корректировок в организацию действующей системы подготовки и переподготовки кадров.

Литература

1. Александров, В.Б. Профессионализм государственного служащего: основные измерения / В.Б. Александров. Текст: электронный // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2, вып. 3. С. 31–40. URL: <https://studylib.ru/doc/2170341/tom-2-vypusk-3---severo-zapadnyj-institut-upravleniya-ranhihg?ysclid=lxwnm53ays151544365> (дата обращения: 27.06.2024).
2. Бордовских А. Н. / Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления / Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-riski-v-usloviyah-globalnyh-vyzovov-traditsionnym-sistemam-gosupravleniya> (дата обращения: 26.09.2024).
3. Диев, В.С. Философская парадигма риска. В.С. Диев // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. 2008. № 12. С. 27–38.
4. Забнева Э.И., Профессионализм муниципальных служащих: социально-философский анализ // Кемерово: КузГТУ, 2021. 217 С.
5. Красиков, С.А. Исследование рисков в западной социологии / С.А. Красиков // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 12–19.
6. Матвеева К.А. Особенности социологического изучения рисков. Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2009. № 1. С. 136.

PROFESSIONALIZATION OF CIVIL SERVANTS IN THE CONDITIONS OF RISKINESS OF MODERN REALITY

Zabneva E.I., Alekseeva V.G.

Institute for Development of Education of Kuzbass

In light of the increasing riskiness of socio-political processes taking place in modern Russia, the issue of competencies that are necessary for civil servants to effectively carry out their professional activities is raised. The article presents discussions on the nature of the social environment and identifies risks that occur in the spheres of its components. Since the professionalism of civil servants in such

conditions has an integral meaning, the topic of the necessary set of its competencies, of course, acquires a special sound. It is proven that the historically formed ideas about professionalism in domestic science in modern conditions of social reality cease to correspond to the demands of practice in adequate managers. The article attempts to define the key competencies that a civil servant should possess in the era of increasing innovative complexity of the world. Particular attention is paid to those competencies that are associated with the ability to coordinate an action plan with newly emerging circumstances, the conditions of which imply a creative way out of the established patterns and familiar paradigms.

Keywords: society, riskogenicity, risk, public administration, civil servant, professionalism, competencies.

References

1. Aleksandrov, V.B. Professionalism of a civil servant: main dimensions / V.B. Aleksandrov. Text: electronic // Scientific works of the North-West Academy of Public Administration. 2011.

Vol. 2, issue. 3. Pp. 31–40. URL: <https://studylib.ru/doc/2170341/tom-2-vypusk-3—severo-zapadnyj-institut-upravleniya-ranhigs?ysclid=lxwnm53ays151544365> (date of access: 06/27/2024).

2. Bordovskikh A. N. / Political risks in the context of global challenges to traditional public administration systems / Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS. 2020. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-riski-v-usloviyah-globalnyh-vyzovov-traditsionnym-sistemam-gosupravleniya> (date of access: 09/26/2024).
3. Diev, V.S. Philosophical paradigm of risk. V.S. Diev // ECO. Economy and organization of industrial production. 2008. No. 12. Pp. 27–38.
4. Zabneva E.I., Professionalism of municipal employees: socio-philosophical analysis // Kemerovo: KuzGTU, 2021. 217 P.
5. Krasikov, S.A. Risk research in Western sociology / S.A. Krasikov // Sociological research. 2008. No. 9. Pp. 12–19.
6. Matveeva K.A. Features of the sociological study of risks. Bulletin of the Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy". 2009. No. 1. P. 136.

Византийская духовная традиция и этноконфессиональная идентичность российских финно-угров: социально-философские аспекты

Елдин Михаил Александрович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: eldin1974@yandex.ru

Ширшов Александр Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: shirshov.av@mail.ru

Изергина Вера Павловна,

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: vera.ivp@yandex.ru

Кузьменкова Дарья Игоревна,

студент курса магистратуры направления подготовки «Психология» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: kuzmenkovadar@yandex.ru

Цель статьи – рассмотреть специфику этнической идентификации в российском обществе, где с эпохи инкорпораций территории регионов и территорий Византии и Российской империи, где существовало много общин православных финно-угров, наравне с другими религиозными инаковерующими. В характеристике философских и историко-политических творений мыслителей Восточной Европы рассматривается *системное* отношение к духовным и культурным ценностям финно-угорских народов византийских элитариев. В указанном плане весьма показательно неоднозначное отношение многих современников к проблеме многоконфессиональности и многочисленности традиций византизма в среде финно-угров в России и в Мордовии. Православные общины финно-угров в Поволжье в связи с распространением духовных традиций византизма в России пережили новый этап своего развития. Благополучие населения и прогрессивное развитие общества в регионах поствизантийской ойкумены Евразии может обеспечить взаимосвязь традиционного и инновационного в общественном развитии.

Ключевые слова: византийское наследие, народы Поволжья, самоопределение морали, российские этносы, духовная традиция, социальность, диалог.

Духовные традиции общества – утверждаются в процессе эволюционного развития и диалога [1] смежных религиозно-культурных процессов в ситуации идентификации этносов к определенной этнической целостности, государству, языку, культуре и религии.

По М. Веберу, для каждой культурно-исторической эпохи развития человечества характерно преобладание определенного вида социального действия: аффективное, традиционное, целерациональное и ценностно-рациональное. В качестве наглядного примера всегда были образцы по предметам изучения византийской и российской культур как наиболее яркие зачатки инерции и архаизма в традициях.

На фактор византийского наследия в этноидентификации указывали ряд мыслителей цивилизационного подхода: Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, М. Вебер, И. Крейнцлер и др. [16, 17, 18]. И этот подход является наиболее правомерным и был близким позиции славянофилов и евразийцев о собственном пути развития России и ее исторических соседей [16].

Нам кажется, что ссылаясь на источники, которые уже внесли в научный оборот выдающиеся русские ученые конца XIX – начала XXI века, способна оказывать огромное влияние на процесс перехода современной науки на новый этап развития.

Традиция диалогичности византизма включена с помощью духовных ценностей в сложную саморазвивающуюся систему культуры, достижений многих обществ Евразии. По данным современных исследователей византийское христианское конфессиональное влияние продолжало в какой-то мере существовать и далее в регионе Паннонии и Подунавья. В среде жителей Аварского каганата христианская традиция VI в. оказалась утвердившейся благодаря византийским миссионерам [19, с. 10].

Благодаря раскопкам у озера Балатон в Паннонии были найдены энколпионы и крестики с характерной греческой надписью «свет жизни-Христос». В районе Завода в Венгрии был обнаружен артефакт с неясной греческой надписью, относящейся к VII столетию.

Проблема византийского конфессионального влияния в среде финно-угорских народов довольно редко обсуждалась в кругу византологов и религиоведов. Особенно важным и дискуссионным оказался вопрос о воздействии византийской конфессиональной терминологии на венгерский язык: такие термины как гёрё и кёрест – типично православные- грек и крест соответственно [19, с. 10].

Специфика моральных традиций финно-угорских этносов Восточной Европы и вопросы морального самоопределения всегда возникали в развитии этнического самосознания. Важным аспектом является мораль. Очень верно замечено, что именно моральные доминанты позволяют выстоять народам в противостоянии с испытаниями времен. Согласно справедливой коннотации современного исследователя: «Восток – это Греция, оказывающая влияние на своего завоевателя во время вхождения ее в Римскую империю и сохранившая суверенитет в средневекowie во времена Византийской империи» [3, с. 86].

Ценности духовной традиции выступают смысловыми ориентирами действий и поступков человека, через них выражается оценочное отношение людей к предметам и явлениям окружающего мира и собственной жизни. В период поздней Византии рационализм и духовная жизнь, психология, философия и богословие постепенно начнут отдаляться друг от друга, и тогда византизм как имперскость традиций социума выступит в роли связующего звена.

Многое в дифференциации этнических общностей Евразии проясняет конфессиональная идентичность, связанная с византизмом. В указанном плане Византия передала смежным цивилизациям опыт мирного сосуществования многих народов и этнических общностей в кругу своих культурных орбит влияния. Оказывая достаточно веское воздействие на социально-историческое и цивилизационное развитие Руси и России.

Существует и сегодня ряд автономий финно-угорских народов РФ, где бережно сохраняются традиции предков. Мордовия отличается существенным влиянием русского культурного и языкового элемента, раньше всех угорских территорий войдя в состав Руси. Карелия долгое время испытывала не только русское, но и шведское влияние. Значительный ареал расселения финно-угорских этносов приходится на территорию восточной России. По мысли М.С. Кагана, «духовная жизнь общества не раз становилась предметом специального исследования... данное понятие является более широким по объему, чем общественное сознание, идеология, общественная психология, т.е. наиболее широким определением всех над- материальных форм культурной активности людей ... или духовного труда» [7, с. 131–132].

Взаимообусловленность того и другого подхода имеет свою историю. Финно-угорская идентичность как полиморфная по своей структуре, например, сохранили существенные элементы тюркского и языческого элементов ментальности. Указанное составляет богатство этнических традиций народов Евразии. Темы, намеченные ранее в работах византийских философов в русской религиозно-философской мысли получают довольно интересную трактовку.

Антропологическое измерение социальной традиции византизма в концепции «духовного благополучия» даёт возможность исследовать взаимосвязь социальной традиции большого региона Евразии, имеющего отношение к наследию византийской традиции. Вопросы морального самоопределения всегда возникали в развитии этнического самосознания. Важным аспектом является мораль. Очень верно замечено, что именно моральные доминанты позволяют выстоять народам в противостоянии с испытаниями времен. Характерные особенности психики и целостная система социальных отношений определенного типа, образующая общественную форму социального воспроизводства в византийской интерпретации: система отношений социума $\tau\acute{o}$ $\sigma\acute{\upsilon}\sigma\tau\eta\mu\alpha$ - уклад жизни \acute{o} $\tau\rho\acute{o}\tau\omicron\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\zeta\omega\eta\varsigma$ - общественно-экономический уклад $\tau\acute{o}$ $\kappa\omicron\iota\omega\nu\iota\kappa\acute{o}$ $\omicron\iota\kappa\omicron\nu\omicron\mu\iota\kappa\acute{o}$ [v] $\sigma\acute{\upsilon}\sigma\tau\eta\mu\alpha$ (греч.) означает установившийся порядок, сложившееся устройство (общественной жизни, быта) – тахис.

К середине одиннадцатого века на русской земле уже хорошо осознавали, что после духовных проповедей из Рима произошло интенсивное политическое и культурное порабощение славянских земель Далмации, Среднего Подунавья и поморья Балтики. В регионе Подунавья и особенно в Болгарии утверждению традиций византизма способствовало творчество Климента Охридского и его учеников: болгарский правитель «премьерник Бориса Симеон... принял решение назначить Климента епископом Древеницы» [13, с. 23], что способство-

вало дальнейшей реализации кириллической практики конфессиональной традиции славян, владов, венгров и других этнических общностей.

Одновременно каждый инославный на восточноевропейских православных землях воспринимался как чужеродный, в том числе и представитель христианских западных государств. По словам Р. Пиккио: «Язычество не оказало сильного сопротивления новой религии, но некоторые его особенности сохранились в христианской практике, а другие увековечились в народных традициях» [12, с. 26]. Важно понять тот факт, что россияне, славяне и византийские греки слишком долго взаимодействовали, что сделало их традиции взаимно комплементарными.

Важной составляющей византийского наследия в среде славян и финно-угров был аспект общественной морали и семантики языка, что было немаловажным при распространении общеправославной имперской парадигмы религиозно-нравственного сознания, экономический, хозяйственный контексты. По верному наблюдению акад. С.П. Карпова: «Византийский универсализм достигает воистину космических масштабов. Только одна империя – империя ромеев – единственная законная и экуменическая власть» [8, с. 49].

Важна реализация социальными общностями систем ценностей, отражающих особенности коллективов и их деятельности, в гармоничном единстве с общероссийской системой ценностей. Ценности выступают смысловыми ориентирами действий и поступков человека, через них выражается оценочное отношение людей к предметам и явлениям окружающего мира и собственной жизни. Поэтому их реализация и восприятие – необходимое условие общественного развития при взаимосвязи традиционного и инновационного [3].

Роль России в решении глобальных проблем современности выражается учеными в рамках концепции диалога и развития духовной традиции этносов Евразии была осознана при конструировании идей «русского византизма», что был воспринято при диалоге славян с Византией. Достаточно показательными выглядят доводы современного исследователя: «Финны молчуны... ценили одиночество и любили спокойную жизнь... В результате славяне были и дисциплинированнее, управляемее; они легче объединялись в военные отряды, крупные племена, в государства» [2, с. 26–27].

Территория Поволжья, которая издревле принимала лучшие достижения соседних культур скифов, сарматов, племен Причерноморья и Прикаспийского регионов и восточных славян, являясь дальнейшей периферией православной ойкумены, однако не оказалась без внимания византийских авторов. Достижения гуманитарных и естественных наук в империи ромеев оказались достаточно результативными. Этнонимы «Перипла» Плифона поддаются достаточно точной идентификации. Речь идет об угорских народах пермяках (коми), мордве и мещере. Данные о Руси и России, которые мы видели у Георгия (Гемистоса) Плифона были широко известны в кругу образованной греческой элиты поздней Византии [10, с. 383].

Примерно с XIV века в среду этносообществ поволжских финно-угров стали системно проникать элементы православных культурных ценностей, связанных с прародительницей-Византией. Человек в атмосфере духовных ценностей обретает душевное спокойствие благодаря организации своей жизни согласно ее смыслу. Если рассмотреть творческую деятельность любого человека во взаимосвязи с обществом, то ценности, осознанные творческими людьми, воплощаются в виде продуктов их деятельности – общественных достижений.

В русской агиографической литературе, составленной под канонический образец византийской агиографии, отмечается деятельность в среде финно-угров Стефана Пермского (ум. в 1396 г.). Уже будучи «русином из Устюга» Стефан Пермский, родившийся в Двинской земле, рос в полиэтничной славяно-финской среде [6, с. 185].

Инкорпорация удмуртских, марийских и мордовских территорий в Приволжье обратило многие финно-угорские этносы Руси в круг: «мировой христианской цивилизации... у удмуртов появилось духовенство, письменность, грамотность, образование, литература... В Удмуртии вызрела и была создана государственность. Удмуртия стала с конца XVIII века областью с мощным промышленным и культурным потенциалом» [15, с. 86].

По данным мордовских исследователей-гуманитариев: «Специфика межэтнических отношений заключается прежде всего в их комплексном многоаспектном характере, а этнические элементы в разной степени подвижны и изменчивы. Наиболее устойчивы язык, этническая психология, традиции обычаи, привычки и т.д.» [11, с. 3].

Финно-угорские этносы обладают и сегодня целым рядом ментальных особенностей при сравнительно-историческом контексте анализа традиций духовности этносов Евразии. Важной из которых является устойчивость традиций [19]. Следует отметить, тот факт, что нельзя утверждать об это культурном и это политическом единстве финно-угорских народов. Невозможно сегодня утверждать тезис о конфессиональной монолитности угро-финнов в западноевропейском современном постмодернистском понимании. Подвергая сомнению «фундаментальные, непреложные» основы человеческой жизни и «универсальные нормы морали», современная европейская мысль интерпретирует их в духе постмодерна [14, с. 375]. Справедливости ради также можно утверждать и о славянах. Существует и сегодня в ареале расселения российских финно-угров мирное сосуществование традиций духовного наследия прошлого.

Мордовия отличается существенным влиянием русского культурного и языкового элемента, раньше всех угорских территорий войдя в состав Руси. По данным современных исследователей религиозности: «В процессе взаимодействия представителей различных деноминаций между ними возникают межконфессиональные отношения, под которыми мы понимаем особый вид социальных отношений, осуществляющихся между представителями разных конфессий» [13, с. 8]. Ценности, имеющие отношение к государству, при осуществлении взаимосвязи традиций и инноваций представляют собой взаимосвязанную систему. Ценности этого уровня реализуются с помощью деятельности людей, коллективов, предприятий различных уровней структуры российского общества.

В государстве сферы духовной жизни политических регионов, как это было в Византии и наличествует в России, общества функционируют во взаимосвязи факторов этноидентификации и конфессиональности. Для благополучного развития российского общества осуществляется государственное, региональное и местное управление во всех структурных подразделениях сфер общества. Для оптимального функционирования всех сфер общественной жизни необходимо обеспечить реализацию системы ценностей в процессе осуществления деятельности, а также взаимосвязь традиционного и инновационного в общественном развитии. Реализация системы ценностей диалогичности россиян должна опираться на распределение функций и задач между

участниками и подразделениями общественной духовной деятельности на всех уровнях структуры общества. При выполнении этих условий произойдет оптимальная реализация ценностей государства, обеспечение благополучия населения и прогрессивное развитие общества в регионах поствизантийской ойкумены Евразии.

Литература

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит, 1986. – 543 с.
2. Буровский А.М. Крах империи: Курс неизвестной истории. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 462 с.
3. Гвоздев А.В. Геополитические аспекты философии культуры славянофилов. Монография. – М.: «Прометей», 2012. – 126 с.
4. См.: Гудаков В.В. Северное Причерноморье и Поволжье XIII–XVI вв. (по материалам некоторых исторических журналов издающихся на Западе) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1989. – С. 5–9.
5. Елдин М.А. Философские проблемы взаимодействия духовных традиций российских народов в Средневолжье // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России: мат-лы X Сафаргалиевских науч. чтений/ МГУ им. Н.П. Огарева; [отв.ред. Н.М. Арсентьев]. – Саранск: Тип. «Красн.Окт.», 2006. – С. 293.
6. Изборник: повести Древней Руси. – М.: Худ. литература, 1987. – 447 с.
7. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 384 с.
8. Карпов С.П. Доктрина императорской власти в Византии и ее судьба после 1204 г./ Римская империя: поиски выхода из кризиса// Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и ранее Новое время/ (Отв. Ред. и сост. Н.А. Хачатурян); Ин-т всеобщей истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Наука, 2011. – С. 46–65.
9. Козин В.В. Религиозная ситуация в Республике Мордовия: монография / В.В. Козин, И.М. Фадеева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. – 124 с.
10. Культура Византии: XIII – первая половина XV в. сб. науч. статей/ Отв. ред. Г.Г. Литаврин. – М.: Наука, 1991. – 640 с.
11. Мордва Урала и Зауралья / Л.И. Никонова, Т.В. Аксенова, т.н. Охотина, В.П. Савка, М.М. Фадеева; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук Л.И. Никоновой; НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 464 с.
12. Пиккио Р. История древнерусской литературы. – М.: Кругъ, 2002. – 352 с.
13. Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Б.Н. Флоря. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
14. Шапошников Л.Е. Философско-педагогические концепции в отечественной мысли XVIII–XXI веков. – СПб.: Изд-во РХГА, 2022–406 с.
15. Шкляев В.В. Судьба народов России: исторический опыт Удмуртии // Православное Приволжье. – № 1, 2008. – С. 84–87.
16. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – М.: ДАРЪ, 2005. – 496 с.

17. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Вильнюс.: Тип. «Вильтис», 1991. – 602 с.
18. Kreindler Isabelle T. The Mordvinians: A doomed Soviet nationality?. In: Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 26, n°1, Janvier-Mars 1985. pp. 43–62.
19. Moravcsik Gy. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn / Sitzungs der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. – Klasse für Philosophie, Jahrgang. – 1955, n 4. – s.10.

THE BYZANTINE SPIRITUAL TRADITION AND THE ETHNO-CONFESSIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN FINNO-UGRIANS: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS

Eldin M.A., Shirshov A.V., Izergina V.P., Kuzmenkova D.I.

National Research Ogarev Mordovia State University

The purpose of the article is to consider the specifics of ethnic identification in Russian society, where, since the era of incorporation, the territories of the regions and territories of Byzantium and the Russian Empire, where there were many communities of Orthodox Finno-Ugrians, along with other religious non-believers.

The characteristic of the philosophical and historical-political creations of the thinkers of Eastern Europe examines the systemic attitude of the Byzantine elitists to the spiritual and cultural values of the Finno-Ugric peoples. In this regard, the ambiguous attitude of many contemporaries to the problem of multi-confessional and numerous traditions of Byzantinism among the Finno-Ugrians in Russia and Mordovia is very indicative. The Orthodox communities of the Finno-Ugrians in the Volga region, in connection with the spread of the spiritual traditions of Byzantinism in Russia, have experienced a new stage of their development.

The well-being of the population and the progressive development of society in the regions of the post-Byzantine ecumene of Eurasia can ensure the interconnection of traditional and innovative in social development.

Keywords: Byzantine heritage, peoples of the Volga region, moral self-determination, Russian ethnic groups, spiritual tradition, social-ity, dialogue

References

1. Bakhtin M.M. Literary and critical articles. – M.: Artist. lit, 1986. – 543 p.
2. Burovsky A.M. The collapse of the empire: A course of unknown history. – M.: LLC “AST Publishing House”, 2004. – 462 p.
3. Gvozdev A.V. Geopolitical aspects of the philosophy of culture of the Slavophiles. Monograph. – M.: “Prometheus”, 2012. – 126 p.
4. See: Gudakov V.V. The Northern Black Sea region and the Volga region of the XIII–XVI Centuries. (based on the materials of some historical journals published in the West” // The Northern Black Sea region and the Volga region in the relations of East and West in the XII–XVI centuries – Rostov n/A: Rostov University Press, 1989. – pp. 5–9.
5. Eldin M.A. Philosophical problems of interaction of spiritual traditions of Russian peoples in the Middle Volga region // Historical and cultural aspects of the development of multiethnic regions of Russia: mat-ly X Safargalievskikh scientific readings/ Ogarev Moscow State University; [ed. by N.M. Arsentiev]. – Saransk: Type. “Red October”, 2006. – p. 293.
6. Izbornik: stories of Ancient Russia. – M.: Hood. literature, 1987. – 447 p.
7. Kagan M.S. System approach and humanitarian knowledge: Selected articles. – L.: Publishing House of Leningrad University, 1991. – 384 p.
8. Karpov S.P. The doctrine of imperial power in Byzantium and its fate after 1204/ The Roman Empire: the search for a way out of the crisis// Empires and ethnonational states in Western Europe in the Middle Ages and earlier Modern Times/ (Ed. and comp. N.A. Khachaturian); Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University. – M.: Nauka, 2011. – pp. 46–65.
9. Kozin V.V. The religious situation in the Republic of Mordovia: a monograph / V.V. Kozin, I.M. Fadeeva. – Saransk: Publishing House of Mordovia. unita, 2022. – 124 p.
10. Culture of Byzantium: XIII – the first half of the XV century. Collection of scientific works. articles/ Ed. by G.G. Litavrin. – M.: Nauka, 1991. – 640 p.
11. Mordvins of the Urals and Trans-Urals / L.I. Nikonova, T.V. Ak-senova, T.N. Okhotina, V.P. Savka, M.M. Fadeeva; edited by Dr. of Historical Sciences, prof. V.A. Yurchenkov, Dr. of Historical Sciences L.I. Nikonova; Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. – Saransk, 2012. – 464 p.
12. Picchio R. The history of ancient Russian literature. – M.: Krgu, 2002. – 352 p.
13. The social thought of the Slavic peoples in the Early Middle Ages / Ed. by B.N. Florya. – M.: Handwritten monuments of Ancient Russia, 2009. – 320 p.
14. Shaposhnikov L.E. Philosophical and pedagogical concepts in Russian thought of the XVIII–XXI centuries. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2022–406 p.
15. Shklyayev V.V. The fate of the peoples of Russia: the historical experience of Udmurtia // Orthodox Volga region. – No.1, 2008. – pp.84–87.
16. Fedotov G.P. Fate and sins of Russia. – M.: DAR, 2005. – 496 p.
17. Florovsky G.V. The ways of Russian theology. – Vilnius.: Type. “Viltis”, 1991. – 602 p.
18. Kreindler Isabelle T. The Mordvinians: A doomed Soviet nationality?. In: Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 26, n°1, Janvier-Mars 1985. pp. 43–62.
19. Moravcsik Gy. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn / Sitzungs der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. – Klasse für Philosophie, Jahrgang. – 1955, n 4. – s. 10.

Влияние социальных и природных детерминант на телесные практики: историко-культурологический контекст

Карпенко Александр Михайлович

аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления – НИИХ», ФГБОУ ВО «НГУЭУ»
г. Новосибирск
E-mail: lust_82@mail.ru

В статье автор рассматривает влияние социокультурных факторов на формирование и развитие телесных практик в различных обществах. Особое внимание уделяется историческому контексту физической активности, а также тому, как природные и социальные детерминанты воздействуют на телесные способности человека.

Автор считает, что физическая активность является не только средством поддержания здоровья, но и важным инструментом формирования ценностей и убеждений.

Отдельно рассматривается взаимная интеграция различных культур через телесные практики, что способствует культурному обмену и обогащению. Примеры традиционных видов спорта и боевых искусств из разных регионов мира иллюстрируют, как физическая активность помогает укреплять национальную гордость и идентичность, а также способствует сближению обществ с разными культурными и социальными устройствами. В заключение, автор подчеркивает важность физической активности как средства не только для поддержания физического здоровья, но и для социальной и культурной трансформации. Статья представляет собой анализ взаимосвязей между телесными практиками и социокультурным контекстом, предлагая читателю новые перспективы в понимании роли физической активности в жизни человека и общества.

Ключевые слова: культура, социум, ценности, традиции, физическая активность, идентичность, телесные практики.

Физическая активность помогает нам находить баланс между телом и разумом. Она отражает особенности каждой эпохи и зависит от социокультурного контекста. Исследования показывают, что разные модели общества влияют на развитие физической активности. Понимание разнообразия культур помогает нам не только искать гармонию, но и лучше понимать других людей и их культурные особенности через самопознание и осознание своей собственной культурной сущности.

“Значения жестов, на первых взгляд природоу заданных, в реалиях обуславливают социальные и культурные детерминанты. Это позволяет говорить о конвенциональности человеческого тела, выступающего итогом взаимодействия биологического и социокультурного в его функционировании.” [1, с. 92]

В данной статье исследуется влияние культуры и социума на формирование телесных практик и обратное влияние. Естественные формы двигательной активности изначально формировались под действием внешних природных факторов, связанных климатическими особенностями ареала человека, ландшафта среды обитания. Человек учился выживать и существовать в конкретных условиях, вырабатывал технологию адаптации. Одной из первых технологий, которую придумал человек, – это подражание животным и заимствование поведения. Для того, чтобы охотиться на зайца надо знать как заяц двигается, как себя ведет. Или другой способ – перенимать поведение хищника, который хорошо охотится. “Везде мы сталкиваемся с социопсихологическим конструированием серий актов” [2, с. 258], посредством совершенствования телесных способностей и их хабиитуализацией. Такое же сильное воздействие имеет и способ сельскохозяйственной деятельности, а также виды сельскохозяйственных культур, произрастающих в данном ареале. Наличие тех или иных видов животных, растительности, ландшафта, рек, озер и морей определило какие телесные способности и практики необходимы для успешной адаптации в данных условиях. Не поддается сомнению тот факт, что охотиться в лесу это не одно и то же, что охотиться в условиях пустыни или крайнего севера. А выращивать рис требует других физических навыков и знаний, чем пшеницу. Выращивание риса связано с необходимостью длительное время удерживать статическое положение, а также связано с работой в воде. Для выращивания пшеницы необходимо прикладывать большие физические усилия для обработки почвы. Такие разные начальные требования к необходимым телесным навыкам привели к появлению отличающихся телесных практик. Например характер ушу и тай-цзи, в которых очень много плавных и статических упражнений, упражнений на дыхание, связан с природными условиям, необходимости находить гармонию, так как климат восточной Азии связан с множеством чередующихся природных катаклизмов, тайфунов, ливней, приливов и отливов. Поэтому у жителей на востоке Азии формируется взрывной характер, который необходимо научиться контролировать и находить гармонию в себе и с окружающим миром. В противоположность этому единоборства, появившиеся в Древней Греции имеют более силовой характер. Упражнения, практикуемые ат-

летами античности зачастую основывались на принципе преодоления внешнего сопротивления, работы с отягощением. Возможность круглый год практиковаться под открытым небом в условиях благоприятного климата способствовало установлению традиции заниматься и соревноваться без одежды, а также к более требовательному отношению к внешним телесным формам. Поэтому греческая гимнастика это воздействие на человека через тело, а китайская – это воздействие на тело через внутреннее состояние. Человек, в дальнейшем наращивает эти способности и передает последующему поколению. Соответственно, приобретение данных практик происходит путем социальных коммуникаций между членами общества в процессе первичной и последующих социализаций.

В процессе возникновения и развития определенных обычаев, практик или способов занятий физической активностью в рамках культуры или общества происходит процесс классификации или структурирования действий и ролей в рамках этих физкультурных традиций. Это может включать в себя установление основных типов поведения или ролей, которые становятся характерными для определенного контекста. Это в свою очередь указывает на то, что эти установленные типы действий и ролей могут служить основой для институционализации (формализации) этих физкультурных традиций в обществе. То есть, они могут стать частью устоявшихся институтов или системы норм и ценностей. Происходит выделение отдельных социальных групп с определенными знаниями и умениями, например охотников и земледельцев, легкоатлетов и борцов, крестьян и аристократии, монахов и самураев. В этих группах в результате постоянного совершенствования своих навыков и орудий труда появляются различные специальные знания и формируется своя реальность, которая передается из поколения в поколение обрстая новыми.

Разные телесные практики дают разные возможности, строят различные способы жизни, картины мира, структуры субъективной и объективной реальности, разные общества. Эти практики (йога, ушу, искусство самураев, борьба,) конструируют субъективную реальность каждого индивида, которые складываются в объективную данную общности.

Анализируя популярность телесных практик и видов спорта на определенной территории можно сделать определенные выводы о культурном базисе данного общества, о том, на каких специфических знаниях формировалось это общество.

Мы знаем, например, что Махатма Ганди сказал, что «в поисках мудрости физическое воспитание должно иметь статус равно обучению» [3, с. 20]. И с этим нельзя не согласиться, ведь развитие человека начинается с обучения его жизненно необходимым навыкам, таким как брать, хватать, тянуть, садиться, вставать, идти, бегать и наклоняться. Все эти способности приобретаются посредством повторения за родителями, как писали Бергман и Лукман, «значимыми другими в процессе первичной социализации».[4, с.99] Способы приобретения навыков определяются существующей традицией телесной культуры. Главные видимые отличия существующего разнообразия телесных практик заключается в использовании определенных, присущих данной общности техник выполнения двигательных актов, а, проще говоря, техник тела, приобретаемых в становления человека под воздействием особого социокультурного порядка. Поэтому можно с уверенностью сказать, что первичное воздействие на человека оказывает существующая традиция национальной физической культуры. Телесные способности позволяют социализировать-

ся посредством освоения телесных практик и привычек. Освоив телесные практики, присущие определенному типу социокультурного пространства мы идентифицируем себя с этим обществом. Это касается как способа завязывать шнурки и держать столовые приборы, так и походки и телесных жестов.

В процессе вторичной и последующей социализации, взаимодействуя с социальным и природным окружением, в рамках данной культурной общности происходит коррекция приобретенных техник тела в зависимости от пола, возраста, социального положения, профессии, религии. «Культура в таком толковании выступает как своего рода навигационная система, которая, независимо от того, имеет ли она очевидный, декларируемый характер или же упрятана и отличается латентностью, выступает как механизм, определяющий смыслы, направленность, приоритеты в той или иной области деятельности – в политике, образовании, спорте, искусстве и т.д.» [5, с. 99] Имея изначально практическую направленность телесные техники под воздействием культурных ограничений (норм и ценностей) приобретают свою окончательную форму. Это можно проследить на примерах Античной Греции, Японии, Древней Индии и Китая, где примерно в одно и тоже время появляются зачатки таких разных по своему содержанию единоборств.

Сумо, традиционный японский вид борьбы, представляет собой уникальное сочетание физической силы, технического мастерства и глубокой культурной традиции. В этом виде спорта каждый аспект жизни сумоистов регулируется строгими нормами и ценностями. Вежливость (или учтивость) является ключевой добродетелью в японской культуре, подразумевающей должное уважение к социальным позициям и внимание к настроению окружающих. Это проявляется в сдержанности эмоциональных выражений сумоистов, которые, независимо от результата поединка, редко демонстрируют свои чувства на ринге. Такое поведение отражает их стремление выразить превосходство духа над телом и воплощает культуру японского сумо.

Высшее звание – ёкодзуна – считается не только спортивным, но и культурным достижением, требующим не только выдающихся результатов, но и достоинства – безупречного поведения и облика. Путь к вершинам в сумо является одновременно вызовом и возможностью для личностного роста.

Стремление к продвижению в рангах, усиленное жесткими условиями жизни в хэя (школах сумо), мотивирует сумоистов. Однако им также необходимо соответствовать высоким моральным и этическим стандартам, что делает этот путь сложным, но значимым для их развития. Социальная структура этого вида спорта строгую иерархическую систему и напоминает традиционные японские институты, где учебные заведения организованы по типу домашних хозяйств и кланов. Борцы сумо следуют строгому режиму тренировок, придерживаются определенной диеты и живут сообща, что пропагандирует терпение, трудолюбие, признание иерархии и социальной структуры японского общества. Жизнь сумотори связана с соблюдением кодекса поведения – Хинкаку, который включает множество требований и ограничений на нормы поведения борцов. «Одно из проявлений хинкаку спокойствие и выдержка, умение не выражать своих эмоций, чтобы не потерять лицо. Соответствовать этим требованиям очень сложно, поэтому «великих чемпионов» никогда не было много.» [6, с. 26]

Тело сумоиста становится символом Японии во время международных выступлений, представляя японскую культуру, традиции и статус страны на мировой арене. «Действия фанатов, стремящихся прикоснуться к сумо-

исту, отражают сложное переплетение стремления к героям и традиционных мифов о святости борцов». [7, с. 22]

Таким образом, мир сумо глубоко укоренен в японской культуре, где физическая сила, техническое мастерство и строгая дисциплина сочетаются с соблюдением традиций, ценностей и этических норм. Это делает сумо не просто видом спорта, но и средством сохранения и трансляции культурного наследия Японии, а борцов сумо – популяризаторами и проводниками традиций и ценностей в массы.

«Китайские традиционные виды спорта ориентированы на соблюдение законов природы, которые в полной мере закаляют тело и разум: тренировки ума и тела объединены в одну практику, где посредством первого совершенствуется второе разум обретает полный контроль над телом, а тело становится инструментом совершенствования разума» [8, с. 41]

Монастыри Шаолинь стали основными местами где зарождались традиционные телесные практики ушу, тай-цзи, ВуЦиньСи. Жизнь в монастырях имела строгие порядки. Монахи следуют установленному распорядку дня, который включает медитацию, физические упражнения и изучение буддийских текстов. В процессе изнурительных тренировок у монахов формировались такие качества как стойкость к воздействию внешних факторов, целеустремленность и выносливость. «Физические упражнения практиковались в целях постижения мира природы или освоения ролей и обязанностей в рамках социальных групп». [9, с. 401] Эти упражнения становятся языком общения между монахами и народом, средством передачи опыта физического и духовного. Суровые внутренние нравы, железная дисциплина и жесткие бытовые условия, аскетизм вырабатывали неприхотливость и умеренность. Монахи Шаолиня участвуют в благотворительных мероприятиях, помогают нуждающимся и делятся своими знаниями и навыками с окружающими Монастыри Шаолинь были не просто духовными центрами, но и местами, где сочетались образование, искусство, медицина и военное искусство, что делало их важной частью общественной жизни Древнего Китая и позволяло ценности и традиции распространять на местное население.

Борцы Кушти в Индии так же своим примером и образом жизни способствуют формированию определенных норм поведения, традиций и ценностей. Их образ жизни это прежде всего дисциплина самоконтроля. Помимо ежедневных, тренировок, медитаций, чтения молитв, обрядов на плечи борцов возлагается обязанности по поддержанию ахары в чистоте и порядке и по уходу за гуру. Это воспитывает такие нравственные качества как чистоплотность, покорность, уважение, долг. Гуру играет наиважнейшую роль в жизни борцов. Он проводник к более высокому состоянию сознания. «Будучи саныаси, гуру использует свою духовную силу, чтобы привести ученика к идеалам религиозного и физического совершенства.» [3, с. 58]. Это даже не беспрекословное подчинение, это больше похоже на поклонение. Одним из важнейших аспектов в жизни борца Кушти является практика воздержания. Борец не может быть сильным, если не следует указаниям гуру. Он не может быть сильным и предаваться чувственным удовольствиям. Таким образом формируется особое понятие о силе борца, и не только борца, в Индии. Где сила это не физическое качество, а общее состояние духовного, нравственного и физического равновесия. Борец, помимо тренировок, живет повседневной жизнью, работает и исполняет семейные обязанности. Многие борцы это бизнесмены, работники социальной сферы, служащие государственных учреждений. Он не только включен в социальную жизнь,

но и несет ответственность за установление этических стандартов. Он должен быть честным, скромным, обязанным выполнять свой долг, трудолюбивым, принципиальным и справедливым. Моральные принципы борьбы распространяются на большую семейную ячейку в рамках социального порядка(структуры).

Эти телесные практики служат живыми музеями культурного наследия, позволяя молодежи и новым поколениям прикоснуться к истории своих предков. Они являются символами национальной идентичности и гордости, и включены в образовательные программы многих государств.

Исходя из вышеизложенной логики можно сделать вывод, что определенные слои общества приобретая необходимые навыки посредством телесных практик, устоявшихся в данном социокультурном пространстве, формировали свои нравы, традиции и мировоззрения. Опыт прожитый и выраженный в повседневной жизни является фундаментом культурного текста общества. Взаимодействуя с другими, люди создают свои собственные биографии. В свою очередь, эти биографии становятся основой для дальнейшего взаимодействия. Одним из аспектов культуры является коллективная память о биографиях, возникающих из общей истории и создающих ее. Однако следует помнить, что опыт одного человека в отношении мира через интерсубъективную интерпретацию неизбежно является частичным и неполным. Самость фрагментарна и люди могут действовать с точки зрения определенной матрицы этих фрагментов – как они могут исполнять роль – но характерной чертой самости является то, что она реализуется лишь частично.

Поэтому для формирования национальной идентичности необходимо иметь какое-то количество идеалов, личностей, которые могли бы быть частью коллективной биографии. Одной из ролей в общей истории практически во всех культурах является национальный герой-атлет.

Таким образом самураи, монахи, атлеты, борцы играют большую роль в конструировании типовых ролей в определенных ситуациях, в которых героические черты, аскетизм, самопожертвование и другие качества становятся частью традиции.

Возможно именно поэтому “физические упражнения и культура тела систематически пропагандировали (а иногда и до сих пор пропагандируются) как лекарство от современных болезней, особенно национального упадка и декаданса, будь то морального, духовный или физический. Когда национальная и расовая идентичность казалась изменчивой или под угрозой, спорт и физические упражнения можно было использовать для того, чтобы вернуть народные традиции и физическое выражение национального характера. Они также могли сохранить или воссоздать традиционное национальное тело и его социальные отношения.” [10, с. 173]. Таким образом Физическая культура становится инструментом культурного возрождения, что подтверждается исторически. Шведская гимнастика Линга появилась после потери северных территорий (Финляндии) в 1809 году и стала ответом на страх общества перед деградацией и тревогой вырождения. Немецкая атлетическая подготовка, основателем, которой был Фредерик Людвиг Ян, была создана после падения Берлина в войне против Наполеона, а стала наиболее популярной после революции 1848 года. САМБО и комплекс ГТО в Советском союзе также создавались в эпоху катаклизмов в стране и имели основной задачей сформировать новую идентичность и поднять национальную гордость.

Появление различных телесных практик приводит к формированию вокруг них определенного социокуль-

турного пространства со своими ценностями, законами и правилами поведения. Дальнейшее “упорядочивание состязаний и принятие единых правил привели к институционализации” [11, с. 57] видов физической активности и традиционных состязаний. Появляются ассоциации игры в гольф, футбольные ассоциации, ассоциации боулинга и крикета. С распространением традиционных восточных боевых искусств в Европе появились такие спортивные социальные институты как ассоциации и федерации боевых искусств, а в восточных странах появились такие же сообщества европейских видов спорта. “Взаимная интеграция в культуру и общество приводит к сближению разных по своему устройству и мироощущению обществ. Например, традиционные восточные боевые искусства, такие как карате и дзюдо, получили широкое распространение в западных странах, в то время как европейские виды спорта, такие как футбол и баскетбол, стали популярны в Азии” [12, с. 137].

Таким образом, физическая активность как мощный инструмент культурной и социальной политики, является мощным фактором социальной интеграции и культурного развития. Она помогает нам лучше понимать себя и других, находить гармонию и создавать новые культурные смыслы, которые определяют наше место в мире.

Она не только помогает человеку находить баланс между телом и разумом, но и формирует его ценности и убеждения, отражая тем самым особенности каждой эпохи и социокультурного контекста. Взаимодействие природных условий и социальных факторов создает разнообразие телесных практик, которые, в свою очередь, формируют уникальные культурные нарративы и идентичности.

Телесные практики, сформированные под воздействием природных и социальных факторов, передаются из поколения в поколение, становясь частью культурного наследия. Они создают уникальные способы жизни и мироощущения, отражающие ценности и нормы различных сообществ. Национальные физические традиции играют важную роль в формировании идентичности и социальной структуры.

Литература

1. Ремизов В.А. 1, Ирхен И.И. Тело человека как социокультурный феномен. // Культура и общество 2018 – № 1, С. 89–103
2. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М.: «Восточная литература» Рэн, 1996), С 242–264.
3. Alter, Joseph S. *The Wrestler's Body: Identity and Ideology in North India*. Berkeley: University of California Press, c1992. P 264, <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft6n39p104/> (дата обращения: 25.07.2024)
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: “Медиум”, 1995. – 323 с.
5. Быховская И, Физическая культура как культура тела: антропологический контрапункт природного и социального//, Вестник МГПУ серия «Естественные науки», С. 92–109 DOI 10.25688/2076–9091.2020.40.4.8
6. Изотова Н.Н. Борьба сумо как способ сохранения и трансляции культурных ценностей // Культура и искусство. 2018. № 7,-С. 21–29. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.7.26752 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26752 (дата обращения: 25.07.2024)
7. Japan Journal of Sport Sociology 4 (1996) The Body as Culture The Case of the Sumo Wrestler Soon Hee Whang, pp.23–33

8. Фан Чжэнвэй. Современные исследования о взаимовлиянии традиционной физической культуры Китая и древнекитайской философии. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019, № 2, С. 39–43.
9. Фан Чжэнвэй., Буддийские заимствования в контексте традиционной физической культуры Китая / Фан Чжэнвэй // Вес. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2019. – Т. 64, № 4. С. 400–406. <https://doi.org/10.29235/2524–2369–2019–64–4–400–406>
10. Heggie, V 2016, ‘Bodies, sport and science in the nineteenth century’, *Past & Present*, vol. 231, no. 1, pp. 169–200. <https://doi.org/10.1093/pastj/gtw004>
11. Кыласов А Теория этноспорта: монография //М.: Советский спорт, 2012.-112с.
12. Brownell, S. (1995). *Training the Body for China: Sports in the Moral Order of the People's Republic*. University of Chicago Press. vol. 401

THE INFLUENCE OF SOCIAL AND NATURAL DETERMINANTS ON BODILY PRACTICES: HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

Karpenko A.M.

Novosibirsk State University of Economics and Management – NINH, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “NSUEM”

In the article the author considers the influence of socio-cultural factors on the formation and development of bodily practices in different societies. Special attention is paid to the historical context of physical activity, as well as how natural and social determinants influence human bodily abilities.

The author believes that physical activity is not only a means of maintaining health, but also an important tool for the formation of values and beliefs.

Mutual integration of different cultures through bodily practices, which contributes to cultural exchange and enrichment, is discussed separately. Examples of traditional sports and martial arts from different regions of the world illustrate how physical activity helps to strengthen national pride and identity, and helps to bring societies with different cultural and social arrangements closer together.

Finally, the author emphasizes the importance of physical activity as a means not only to maintain physical health, but also to social and cultural transformation. The article is an analysis of the relationships between bodily practices and sociocultural context, offering the reader new perspectives in understanding the role of physical activity in human and societal life.

Keywords: culture, society, values, traditions, physical activity, identity, bodily practices.

References:

1. Remizov V.A. 1, Irkhen I.I. The human body as a sociocultural phenomenon. // Culture and Society 2018 – № 1, P. 89–103
2. Moss M. Societies. Exchange. Personality. – М. : “Eastern Literature” Ran, 1996) pp.242–264.
3. Alter, Joseph S. *The Wrestler's Body: Identity and Ideology in North India*. Berkeley: University of California Press, c1992. P 264, <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft6n39p104/> (date of application: 25.07.2024)
4. Berger P., Luckmann T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – М. : “Medium”, 1995. – 323 p.
5. Bykhovskaya I., Physical culture as a culture of the body: anthropological counterpoint of the natural and the social//, Bulletin of MGPU series “Natural sciences”, P. 92–109, DOI 10.25688/2076–9091.2020.40.4.8
6. Izotova N.N. Sumo wrestling as a way of preserving and transmitting cultural values // Culture and Art. 2018. No. 7. P. 21–29. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.7.26752 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26752 (date of application:25.07.2024)
7. Japan Journal of Sport Sociology 4 (1996) The Body as Culture The Case of the Sumo Wrestler Soon Hee Whang p23–33
8. Fan Zhengwei. Modern research on the interaction of traditional physical culture of China and ancient Chinese philosophy. Jour-

- nal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology. 2019;№ -2, P. 39–43.
9. Fan Zhengwei. Buddhist borrowings in the context of traditional physical culture of China / Fan Zhengwei // Bulletin of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanitarian Sciences. – 2019. – Т. 64, No. 4. – P. 400–406. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-400-406>
 10. Heggie, V 2016, 'Bodies, sport and science in the nineteenth century', Past & Present, vol. 231, no. 1, pp. 169–200. <https://doi.org/10.1093/pastj/gtw004>
 11. Kylasov A Theory of ethnosport: monograph // M.: Soviet sport, 2012.-112 p.
 12. Brownell, S. (1995). Training the Body for China: Sports in the Moral Order of the People's Republic. University of Chicago Press.vol. 401 14. Bennett, A. (2012). Sumo: A Thinking Fan's Guide to Japan's National Sport. Tuttle Publishing.vol.237.

Правовое сознание человека и его философско-концептуальная роль в развитии гражданского общества

Лустин Юрий Михайлович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философских наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: lustin56@mail.ru

Пефтиев Олег Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: ole.peft@mail.ru

Цель исследования – обосновать значение правосознания человека как элемента правовой культуры, направленного на совершенствование гражданского общества. Анализируются основные черты и функции правосознания человека в парадигме развития гражданского общества в контексте социальных трансформаций. Актуализируются четыре базовых уровня, основополагающие философско-концептуальную роль правосознания: психологический, ценностно-правовой, социально-культурный, интеллектуальный. Особое внимание уделяется правовой содержательности гражданского общества в качестве методологической основы теории демократического развития современного правового государства. Обозначается подход, рассматривающий прямую зависимость инновационной траектории развития концепции правового государства и демократического общества от культуроцентрических моделей совершенствования правосознания личности, ее юридическое мировоззрение и правовых убеждений. Статья репрезентирует когнитивную новизну апробации метода образно-типологического конструирования социальной реальности в практике правового бытия человека, связанного с рефлексией самопревращения понятий в мыслеформы и правопонимающей фиксации их смысловых комбинаций в предметном поле философско-концептуального дискурса. Исследование показывает, что потенциальная когерентность и многосторонность философско-концептуальной роли правосознания предполагает его более углубленный социально-методологический анализ. Предложены направления дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: человек, правовое сознание, гражданское общество, правовое бытие, философско-концептуальная роль.

Введение

Современные вопросы взаимосвязи правового сознания (правосознания) человека и гражданского общества имеют особую актуальность. Их многоплановая содержательность обусловлена: разнообразием подходов к логико-гносеологическому познанию генезиса правовой природы человека; концептуальной системой цивилизационных потребностей правового государства в совершенствовании моделей саморазвития гражданского общества; первоочередной потребностью государства в цивилизационном развитии российской гражданственности, национальной идентичности; расширением методологических средств познания правовой культуры личности на основе дихотомии «правопонимание – правоприменение»; необходимостью формирования у субъекта правовой действительности высоких духовных ценностей и морально-нравственных представлений, способствующих совершенствованию гражданского общества; поиском инновационных способов логико-когнитивного понимания личностью правовой действительности в контексте усложняющегося законодательства; онтогносеологической актуализацией социокультурных тем правового просвещения и воспитания. Одним из направлений, которое связано с решением этих и других проблем является анализ философско-концептуальной роли правосознания в социальной культуре развития гражданского общества. «Процессы формирования гражданского общества и правовой государственности в России, по мнению ряда ученых, невозможны без соответствующего уровня правосознания, высокого статуса правовых ценностей, что и определяет чрезвычайно важную роль правового сознания в трансформации социальной системы общества в целом» [12, с. 160]. С таким методологически важным утверждением трудно не согласиться. Высокий социально-методологический уровень развития правового сознания человека – определяющий фактор реализации его философско-концептуальной роли в реалиях гражданского общества.

Основная часть

Философский подход к познанию сущности правосознания свидетельствует о том, что этот вид человеческого сознания формируется, развивается и самосовершенствуется в целенаправленном процессе правового воспитания человека, в истинности которого им усваивается ценностное содержание теории права, принципов юриспруденции, правовой культуры конкретного общества [8; 10; 13]. Наличное бытие гражданского общества, ответственность юридического мировоззрения, правовой культуры постигается понятийным мышлением сознательного индивида в форме идеи (идей) о правовом существе, что актуализирует онтологию понимания правосознания как социального феномена. По этому поводу методологически важным является утверждение Г.В. Гегеля: «Единство наличного бытия и понятия, ..., есть идея. Она – не только гармония, но полное их взаимопроникновение. ... Идея права есть свобода, и истинное ее понимание достигается лишь тогда, когда она познается в ее понятии и наличном бытии этого понятия» [3, с. 59]. Следовательно,

наличное бытие понятия «право» есть основополагающая идея субъективированной сущности правового сознания социализированного человека.

В контексте социального отражения, сознание человека направлено на объект своего смыслового познания, которым является право, мыслительное постижение содержания которого определяет человеческую деятельность. Право – это нормативно-ценностный фактор регулирования поведением индивида. Требования права имеют общефилософский характер императивных велений. Концептуальный принцип верховенства права является базовым средством реализации целей и задач гражданского общества [9]. Раз это так то, разностороннюю правовую деятельность позитивно мотивированной личности, в общественно признанных акциденциях идеи права и субъективности правосознания, можно рассматривать в качестве способа ее активного взаимодействия с окружающим миром, в соответствии с закономерностями, нормами, историческими традициями правового бытия гражданского общества.

В своей социально-природной предметности правовое сознание представляет собой психологический процесс осознания человеком правового в широком диапазоне его философско-концептуальной всеохватности, типопределенной фактичности в структурах общественного бытия и общественного сознания. Вот почему, правосознание, с одной стороны, отражая динамику взаимоотношения человека с правовой реальностью, органически сопряжено с его сущностью [14]. В этом атрибутивном значении правосознание, как психический феномен индивида, неотделимо от его физического, антропо-исторического, социально-культурного, ментально-когнитивного, интеллектуального существования. «Человеку невозможно не иметь правосознания, – писал русский философ И.А. Ильин, – его имеет каждый, кто сознает, что, кроме него, на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоинством или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством» [5, с. 127].

С другой стороны, философия развития правосознания объективирует проблему своей предметной определенности в смысловом контексте культурно-исторического развития гражданского общества. Концептуальность данного контекста смысловым образом определена в широком диапазоне категориального дискурса научного знания, объективирована инвариантами правоприменения в истории развития правовой терминологии. В этом отношении единство понятий правосознания и гражданского общества имеют философско-типологическую значимость правовых смыслов, к примеру, в таких терминах, как: «правовое государство», «правовая культура», «теория права», «гражданское право», «демократическая культура», «правовой идеал», «правопонимание», «суверенная демократия», «правовая социализация», «правовой менталитет», «мироуправный», «народовластный», «правовой нигилизм», «правовой разум», «социальная норма», «правовая онтология», «социальный регулятив», «юридическое мировоззрение», «конвенциональные нормы», «гражданское доверие», «правообязанность», «конституционный императив», «демократическое правосознание», «правообязанность» и др. Смысловые вариации их нормативно-ценностной конструктивности субстанционально многомерны, а социальная значимость историко-философской преемственности и понятийной содержательности объективны. Данные выводы подтверждают мнение А.Н. Бацунова о том, что «Канту принадлежит

фундаментальная философская разработка основных категорий правосознания, которые в своих субстанциональных характеристиках сохранились до нынешнего времени и не потеряли своей значимости и актуальности» [1, с. 161].

Правосознание человека – сложное психическое образование социализированного индивида, генезис которого причинно обусловлен правовыми особенностями социально-культурной реальности. Как социальный феномен оно содержит особые идеи, нормы, убеждения, морально-этические ценности гражданского общества, оказывающие значительное влияние на процессы жизнедеятельности и жизнеобеспечения субъекта созидания. Правовое сознание детерминировано правовыми идеями и в них оно же воплощено, но уже в форме правового знания.

Данный вид человеческого сознания, в различных атрибутивных формах своей субстанциональной явленности, отражает бытие гражданского общества. Рефлективные акты этого отражения объективируются в диалектическом процессе деятельного отношения индивида к «содержательной фактичности» своего существования, в том числе к реалиям правового бытия в социуме. Такое понимание правосознания, во-первых, устанавливает причинную зависимость этого вида сознательной активности личности от общественного и правового бытия в целом; во-вторых, правоустанавливающая фактичность правосознания закономерно включает его содержание в целостную социальную, культурно-историческую систему различных связей и отношений. В данной системе философско-концептуальное обнаружение правосознания человека определяет его ролевой смысл, в котором отражается предельно высокий уровень методологической всеохватности элементов реальности в правовых терминах. Философско-типологическое значение правовых понятий обнаруживается в диалектике их взаимосвязанных проявлений.

Специфическое своеобразие правосознания имеет самобытный характер, что связано с мировоззрением, неповторимым менталитетом, а также, этнонациональными, культурно-психологическими, правовыми, особенностями гражданского общества. Правовое сознание является многосоставным понятием, философскую фундаментальность, типологическую конкретность и концептуальную содержательность которого отражают его черты:

– *диалектичность*. Онтогносеологическое единство психики, сознания, мышления и культуры правового познания предопределяют проявление интеллектуальных способностей индивида, диалектически обнаруживаемые в противоречиях правового бытия [2]. Концептуальное использование правовых идей в различных типологических контекстах социально-природной самоочевидности выражает их рациональное / нерациональное содержание. Накапливаемый опыт смыслового постижения правовой реальности в деятельности человека и общества фиксируется в знациевых формах юриспруденции, правовой психологии, правовой идеологии, а также в формах лингвокультурной, информационно-цифровой характерности. Данное обстоятельство подчеркивает методологическую значимость сознания человека уважающего право и его имплицитную связь с диалектико-типологическим содержанием правовой действительности;

– *рефлексивность*. В гражданском обществе все большее значение приобретают рефлексивные возможности человека в осознанном понимании связей и отношений правовой реальности в концептуальном поле формата: «восприятие – правосознание чело-

века – правовая психология – правовая идеология – правовое бытие – правовая практика личности – гражданское общество». Концептуальная и логико-гносеологическая статусность данного формата способствует рефлексии правовых понятий и правопонимающей фиксации их смысловых комбинаций как на интуитивном, так на логическом уровнях сознания (мышления) человека. Эту когнитивную существенность отражает метод образно-типологического конструирования социальной реальности в практике правового бытия человека. Одним из существенных свойств метода является констатация образной самопревращенности понятий в мыслеформы, смысловые контексты мысли различной субъективной модальности. Данная закономерность с необходимостью конструктивно «реализуется» в правовом сознании индивида при многофакторном воздействии на него со стороны социума.

Иначе говоря, диалектика трансформационного сочетания образов правовой реальности в мыслительной практике человека всегда противоречива, их образно-типологическая конструктивность имеет методологическую основательность. Философско-концептуальная комбинаторика их конструктивно-типологической экспликации в правосознании способствует не только пониманию, но «созданию» во внутреннем мире человека образов, мыслеобразов правовой реальности, что универсализирует и расширяет когнитивные возможности человеческой рефлексии. В итоге, рефлексивная составляющая образного постижения действительности выступает универсальным методологическим средством правоприменения знаний человека в историко-культурных реалиях его бытия. Говоря другими словами, использование метода образно-типологического конструирования социальной реальности в практике правового бытия человека раскрывает существенные возможности рефлексии его правосознания и долженствующего поведения в гражданском обществе;

- *операциональность*. Конкретные образы сознания (мышления) индивида преимущественно ориентированы на их практическую реализацию исходя из логико-когнитивных возможностей человеческой психики, культуры правового менталитета. Когнитивная конкретность мыслительных алгоритмов правосознания обеспечивает логико-гносеологическую истинность отраженного. Такой организованный порядок смыслодеятельной практики правопонимающей содержательности зависит от уровня развития диалектического мышления личности, креативного содержания ее умственных возможностей инновационной характерности;
- *целостность*. Концептуальная целостность правового содержания различных форм мышления человека зависит от обоснованного способа их применения в практико-ориентированной деятельности. Она, также, предопределена высокоинтеллектуальным стилем правового мышления индивида, степенью его долженствующей компетентности в использовании мировоззренческих идеалов, правовых норм, социально-мотивированных потребностей и интересов, что обуславливает морально-нравственное содержание правового статуса личности, высокий уровень ее правообязательной принципиальности.

Всеобщность правового познания основана на системе правовых идей, идеалов и производных от них смыслообразующих мотивов общественно значимой деятельности индивида. Данное положение благоприятствует «реконструкции» наличного знания субъекта в целостном контексте социального познания челове-

ком правового бытия. В плане концептуального синтеза, конструктивно-гносеологические возможности правового потенциала сознания человека обнаруживают свою существенность по объединению и координации образов в их интегрированное единство на основе архетипов правового бытия, так как «архетип суть феномен психики ценностной (смысловой) природы» [4, с. 22]. Как следствие, онтогносеологическое содержание правосознания имеет свою выраженность в речемыслительной деятельности социализированного человека, что находит свое отражение в лингвокультурной практике межличностного общения в гражданском обществе.

Для социальной парадигмы философско-концептуального взаимодействия между человеком, обладающим достаточным уровнем развития правосознания, и гражданским обществом характерны ряд функций. Специфическая роль этих функций весьма существенна, так как они тесно сопряжены с правовой государственностью общества, неотъемлемы от правовой политики государства и его институций, чем мотивируют креативное развитие юридического мировоззрения личности, ее гражданскую самоидентификацию, национально-правовую самобытность.

С позиций концептуального подхода, к основным функциям правового сознания относятся: социально-психологическая, аксиологическая, коммуникативная, нормативно-регулирующая, координирующая, рациональная, интегративная, когнитивно-ориентирующая, организационная, мотивационная, ресурсная, эмотивная и др. Рассмотрим некоторые из них:

- *психологическая функция* целенаправленно отражает правовые явления (процессы), конкретизирует отношение человека к действующему праву и его требованиям, исходя из имеющихся убеждений, интересов и установок. В гражданском обществе эта функция проявляется в двух аспектах, первый – как правопонимающая (правооосознанная) направленность долженствующего отношения индивида к праву. Второй аспект, исходя из типа и типологии человека, имеет чувственную, эмоционально-волевою выраженность душевных переживаний, глубинных волнений по отношению к юридическим процедурам (актам), что связано с их последующим рациональным / нерациональным правоприменением;
- *нормативно-регулирующая функция* конкретизирована законами, законодательными актами государства. Она оптимизирует многосторонность процесса юридической регуляции поведения и деятельности человека в гражданском обществе, чем специфицирует принцип легального и демократического существования людей в нем. Концептуально-философское осознание правовых норм – направляющая, регламентирующая и координирующая основа правового сознания индивида. Оценочный компонент данной функции свидетельствует о ее особой роли в регуляции социально-правовых отношений в гражданском обществе, чем способствует достижению высокого уровня самосовершенствования демократического правосознания личности в общественной среде;
- *аксиологическая функция* направлена на предметную объективацию правовых идей и идеалов, имеющих богатое морально-нравственное содержание. В этой связи, правовое сознание созидательной личности сопряжено с логикой оценочных суждений о праве и его содержании, что определяет ее существенную роль в системе духовно-нравственных координат социума. Имея конструктивную направленность на цивилизационные ценности, данная функ-

ция способствует формированию в России гражданского общества с учетом приверженности русского человека к соборности, менталитету православного мироустройства, отечестволюбию, этатистическому отношению к государственности, Концептуализация в правовом сознании культурно-исторических традиций гражданского общества актуализирует стремление юридически грамотной личности к национально-идеологическим идеалам самого высокого уровня.

Онтогносеология взаимодействия функций правосознания, концептуальность диалектики их взаимопроникновения и взаимодополнения – непереносимое условие для создания социального пространства осмысленной правовой деятельности человека в гражданском обществе. В чертах и функциях правового сознания наиболее полно проявляется свойство его диалектико-типологической всеохватности абсолютно всех элементов (компонентов) правовой действительности. В этом плане можно выделить четыре базовых уровня, основополагающие философско-концептуальную роль правосознания: психологический, ценностно-правовой, социально-культурный, интеллектуальный. Такая редуцированная форма многокомпонентной универсальности данного вида сознания способствует осмыслению человеком самого себя в качестве наиважнейшего элемента гражданского общества.

Несомненно, имплицитивная роль правосознания конкретизирует философию концептуального дискурса, направленного на социально-методологическое познание его существенности в гражданском обществе. В социетальных закономерностях этого дискурса правосознание человека приобретает смыслополагающую фундаментальность, мыслеобразную устойчивость, нормативно-ценностную выраженность. Философско-теоретическая основательность данной репрезентативности подчеркивает правомерную роль демократического правосознания, что позволяет соотносить результаты познания конкретного человека с правовой культурой гражданского общества, содержанием теории правового образования, политикой безопасности государства, что связано с эффективным функционированием всех ветвей власти в демократическом государстве – законодательной, исполнительной и судебной. Культуроемкие модели совершенствования правосознания личности, ее юридическое мировоззрение и правовые убеждения существенным образом влияют на инновационную траекторию развития концепции правового государства и демократического общества. Как следствие, консолидирующая роль правового сознания способствует социальной правовой ориентации человека в выборе определенной жизненной позиции в гражданском обществе [7].

Социальная доминантность правоосознанной деятельности человека формирует его позитивное отношение к закону, праву, должностному соблюдению обязанностей перед правовым государством и гражданским обществом. Сознательное развитие человеческого потенциала в области права способствует концептуальному развитию философии гражданского общества, для которого характерно уважение к закону и правопорядку в государстве, высокая духовность, гуманизм и справедливость [6; 11].

Заключение

Феномен правового сознания представляет собой образно-содержательный уровень многофункциональной психики человека, предметная направленность которой объективирована категорией «право». Социальное предназначение психической активности право-

сознающего человека основательно обнаруживается в дихотомии «правопонимание – правоприменение». Содержательность правосознания выражена в логико-гносеологических закономерностях рефлексивного оперирования образами, «концепт-образами», «образными концепт-смыслами», мыслеформами отраженного правового бытия, чем определяется достигнутый уровень осмысления правового в осознанной практической деятельности человека.

Модальная целостность данного вида сознания индивида проявляется в психологических способностях его внутреннего мира обнаруживать, фиксировать, корректировать и направлять смыслообразное и мыследеятельное содержание воспринятых (отраженных) моментов правового бытия. Сознание субъекта правовой практики сопряжено с индивидуальным комбинированием субъективных (субъективированных) образов правовой реальности, ментальная характерность которых концептуально определяет философию его осознанной деятельности в социуме. В этом значении человеческое правосознание может рассматриваться как условие и цель саморазвития гражданского общества.

Концепт «гражданское общество» является методологической основой теории демократического развития современного правового государства, в том числе российского. Гражданское общество – это самоуправляемая социальная система человеческой жизнедеятельности, зависящая от экономических, политико-идеологических, правовых, социально-культурных, национально-религиозных и иных факторов. В этом типе общества сознательный индивид полноценно реализует потенциал правосознания, свои демократические свободы, интересы и потребности.

Онтогносеологическая взаимосвязь правового потенциала мыслительной активности созидательной личности и гражданского общества вполне очевидна. Философско-концептуальная роль правового сознания в развитии гражданского общества имеет диалектический характер. Правосознание не только отражает правовую реальность гражданского общества, но воздействует на нее. Диалектика их взаимоусиливающих проявлений способствует развитию высокого уровня правовой культуры в демократическом государстве.

Перспективность дальнейших научных исследований, в контексте заявленной темы, может быть связана с развитием (разработкой): философской методологии по выявлению путей повышения эффективности функционирования правосознания в современном российском обществе; нормативно-правовой базы, отвечающей потребностям гражданского общества; социальной системы государства, направленной на демократическое участие людей в общественно-правовой деятельности; креативных методик, направленных на самостоятельный выбор и рефлексивно-оценочный анализ человеком различной юридической информации; концепции о правосознании человека как сущностной характеристики гражданского общества; диалектических закономерностей повышения роли правового сознания в социальном механизме функционирования гражданского общества; логико-рефлексивных закономерностей активизации правовой социализации субъекта общественной практики; социальной методологии и оптимальных путей повышения эффективности функционирования правосознания в правовом государстве.

Литература

1. Бацунов А.Н. Феномен правосознания в социально-философской перспективе // Вестник Тамбовского

университета. Серия: Гуманитарные науки, 2010. – № 7 (87). – С. 161–167.

2. Богданов В.В., Ковалёв И.А. Диалектическая природа правового сознания // *Фундаментальные исследования*, 2013. – № 11–2. – С. 362–368; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33130> (дата обращения: 26.09.2024).
3. Гегель Г. В.Ф. *Философия права*. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с. (Филос. наследие).
4. Гребеньков Г.В., Попов А.А. Правовое сознание: понятие, структура, феноменология // *Вопросы российского и международного права*, 2017. – Т. 7. – № 3А. – С. 7–32.
5. Ильин И. А. О сущности правосознания. /Подготовка текста и вступительная статья И.Н. Смирнова. – М.: «Рарог», 1993. – 235 с.
6. Кислицын С.А., Лошчилов П.Г. Проблемы формирования гражданского общества в условиях российской демократической трансформации: монография. РГЭУ «РИНХ. Ростов н/Д., 2004. – 274 с.
7. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. *Гражданское общество в современной России: монография*. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 266 с.
8. Марюшко А.В. Правовое сознание: философско-концептуальный анализ в контексте диалектики форм общественного сознания // *Кант*, 2023. – № 2 (47). – С. 185–190. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-47.33
9. Новоженина И.В. Конституционно-правовое закрепление тенденций развития отношений Российского государства и гражданского общества в условиях глобального кризиса // *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки*, 2023. – № 1 (36). – С. 17–23.
10. Осипова Н.Б., Ярушкин Н.Н. Теоретические и методические аспекты исследования правового сознания в психологии // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Психология*, 2016. – № 1 (19). – С. 32–44.
11. Петров А.В., Жичкина С.Е. Понятие гражданского общества в диалектике права, тенденции его развития и трансформации // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*, 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 88–95.
12. Петрулевич И.А., Михайлова О.Ю., Романенко О.А., Целиковский С.Б. Особенности правосознания и проблемы формирования гражданского общества в современной России // *Теория и практика общественного развития*, 2013. – № 4. – С. 159–165.
13. Рубанцова Т. А., Шационок И.И. Концептуальные подходы к определению правосознания в современном обществе: социально-философский аспект // *Идеи и идеалы*, 2011. – Т. 2. – № 4(10). – С. 66–73.
14. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 2015. – № 3 (44). – С. 23–28.

HUMAN LEGAL CONSCIOUSNESS AND ITS PHILOSOPHICAL AND CONCEPTUAL ROLE IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

Lustin Yu.M., Peftiev O.V.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The purpose of the study is to substantiate the importance of human legal consciousness as an element of legal culture aimed at improving civil society. The main features and functions of human legal consciousness in the paradigm of civil society development in

the context of social transformations are analyzed. Four basic levels that underlie the philosophical and conceptual role of legal consciousness are updated: psychological, value-legal, socio-cultural, intellectual. Particular attention is paid to the legal content of civil society as a methodological basis for the theory of democratic development of a modern legal state. An approach is outlined that considers the direct dependence of the innovative trajectory of development of the concept of the legal state and democratic society on culture-intensive models of improving the legal consciousness of an individual, his or her legal worldview and legal convictions. The article represents the cognitive novelty of testing the method of figurative-typological construction of social reality in the practice of human legal existence, associated with the reflection of the self-transformation of concepts into thought forms and the law-understanding fixation of their semantic combinations in the subject field of philosophical and conceptual discourse. The study shows that the potential coherence and versatility of the philosophical and conceptual role of legal consciousness presupposes its more in-depth socio-methodological analysis. Directions for further scientific research are proposed.

Keywords: man, legal consciousness, civil society, legal existence, philosophical and conceptual role.

References

1. Batsunov A.N. The Phenomenon of Legal Consciousness in a Social and Philosophical Perspective // *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2010. – No. 7 (87). – pp. 161–167.
2. Bogdanov V.V., Kovalev I.A. Dialectical Nature of Legal Consciousness // *Fundamental Research*, 2013. – No. 11–2. – pp. 362–368; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33130> (date of access: 09/26/2024).
3. Hegel G.V.F. *Philosophy of Law*. Trans. from Ger.: Ed. and compiled by D.A. Kerimov and V.S. Nersesyan; Auth. introduction. art. and notes. V.S. Nersesyan. – M.: Mysl, 1990. – 524 p. (Philosophical heritage).
4. Grebenkov G. V., Popov A.A. Legal consciousness: concept, structure, phenomenology // *Issues of Russian and International Law*, 2017. – Vol. 7. – No. 3A. – pp. 7–32.
5. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness. /Preparation of the text and introductory article by I.N. Smirnov. – M.: “Rarog”, 1993. – 235 p.
6. Kislytsyn S. A., Loshchilov P.G. Problems of the formation of civil society in the context of Russian democratic transformation: monography. RSEU “RINH. Rostov n / D., 2004. – 274 p.
7. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. *Civil society in modern Russia: monograph*. – M.: International Publishing Center “Ethnosocium”, 2016. – 266 p.
8. Maryushko A.V. Legal consciousness: philosophical and conceptual analysis in the context of the dialectic of forms of social consciousness // *Kant*, 2023. – No. 2 (47). – pp. 185–190. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-47.33
9. Novozhenina I.V. Constitutional and legal consolidation of trends in the development of relations between the Russian state and civil society in the context of the global crisis // *Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2. Legal Sciences*, 2023. – No. 1 (36). – pp. 17–23.
10. Osipova N.B., Yarushkin N.N. Theoretical and methodological aspects of the study of legal consciousness in psychology // *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*, 2016. – No. 1 (19). – pp. 32–44.
11. Petrov A.V., Zhichkina S.E. The concept of civil society in the dialectic of law, trends in its development and transformation // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2018. – Vol. 18. – No. 4. – pp. 88–95.
12. Petrulevich I.A., Mikhailova O.Yu., Romanenko O.A., Tselikovsky S.B. Features of legal consciousness and problems of formation of civil society in modern Russia // *Theory and practice of social development*, 2013. – No. 4. – pp. 159–165.
13. Rubantsova T. A., Shatsionok I.I. Conceptual approaches to definition of legal consciousness in modern society: social and philosophical aspect // *Ideas and ideals*, 2011. – Vol. 2. – No. 4 (10). – pp. 66–73.
14. Rybakov V.A. Legal consciousness: on the issue of the concept // *Bulletin of Omsk University. Series “Law”*, 2015. – No. 3 (44). – pp. 23–28.

Современные когнитивные практики в социальной философии: постмодернистская и феноменологическая методология

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкого
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Рвалов Павел Николаевич,

кандидат философских наук доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: rvalovpn@kuzstu.ru

Филимонова Дарья Олеговна,

соискатель кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета
E-mail: d.o.filimonova@yandex.ru

В статье рассматривается применение постмодернистской и феноменологической методологии к изучению современных когнитивных практик в социально-философском дискурсе. Обозначается перестройка нормативных основания социального бытия. Актуализируется поиск новых исследовательских инструментов для изучения заявленных практик. Приводятся позиции классиков и современников, раскрывающие различные взаимосвязи между когнитивными практиками и их реализацией в современном обществе. Отмечается высокая роль виртуализации и цифровизации в определении векторов трансформации познавательной деятельности. Делается акцент на деструкции социального. Показывается вечное противостояние рационального и архаизирующегося. Демонстрируется высокая роль концепта «жизненный мир» при изучении когнитивных практик в социальной феноменологии. Определяется, что в феноменологической оптике объект исследования связан с совместной деятельностью индивидов. В заключение сформулированы выводы, пополняющие теоретико-методологические основания изучения когнитивных практик в современной социальной философии.

Ключевые слова: когнитивные практики, общество, интерсубъективность, жизненный мир, трансформации, симулякр, смысл.

Проблемное поле заявленной темы состоит в фундаментальной трансформации общественной системы и болезненностью синдрома постмодернизма. Речь идет о факторах, которые определяют бытие общественного как предмета социально-философского анализа, а также его извечного «спутника» – персонального, субъектного бытия. Крайне значимым оказывается так называемый «кризис легитимаций», под которым понимается трансформация и фундаментальная перестройка нормативных оснований бытия человека и общественной системы. В рамках когнитивных практик такое положение дел означает трансформацию оснований принципов миропонимания, получения нового знания, осмысления статуса традиционных методов и приемов получаемого истинного и достоверного знания. Кроме того, в рамках «кризиса легитимации» когнитивных практик затруднительным и проблемным оказывается функционирование самих обозначенных практик, что выражается в утрате традиционных принципов их организации. Необходимым оказывается поиск принципиально новых методов и приемов организации познавательных процессов, что становится основанием для философского переосмысления моделей познавательного поведения и эпистемологических интенций. В этом отношении следует признать, что одним из значимых подходов можно считать позицию В. Дильтея о разделении наук о природе и наук о духе, совмещение которых позволило бы выявить единство всех сторон когнитивных практик в условиях как множественности процессов постижения мира человеческой субъективности (в форме персонального восприятия мира вещей), так и области объективной действительности самого окружающего мира предметов).

Также ценным основанием социальных трансформаций можно считать процесс виртуализации социальных дифференциаций, связанный с техническим перевооружением общества и преобразованием процесса когнитивных практик в рамках цифрового социума. Полагается, что виртуальное пространство и связанное с ним «клиповое мышление» оптимизируют как в позитивном, так и в негативном значении все возможные способы постижения мира, что в свою очередь определяет вектор становления возможных когнитивных практик. В данном ракурсе следует говорить о необходимости, к примеру, переосмысления научно-педагогического процесса, в частности – в стенах высших учебных заведений. Речь идет о формировании и внедрении новых педагогических технологий, каждая из которых будет ориентирована на обучающегося, но никак не на традиционные формы трансляции и усвоения знания [7].

Более того, в рамках представленных идей можно полагать, что принципиальным оказывается соединение научного как сакрального и повседневного как профанного, сведение в единые повседневные основания и способы бытия персонального и коллективного субъекта. Такое положение напрямую может быть связано с использованием новых медиа для трансляции информации от людей как обладающих необходимой квалификацией в ряде вопросов, так и субъектов коллективной интеракции, которые представляют собой лидеров общественного мнения, не обладающих квалификацией. Не менее

важным основанием анализа современных когнитивных практик в социальной философии становится смерть социального в форме системы симулякров, о которых писал Ж. Бодрийяр. Подмена реального вымышленным, деструкция «божественного социального» как фундаментальных оснований, нормативных принципов построения общественного имплицитно включает в себя необходимость поиска и сохранения общих принципов совместного бытия и процессов познания через когнитивные практики [6].

Вместе с тем существует реальная дилемма, связанная с обществом модерна и техническим прогрессом, смысл которой заключается в противостоянии рационального и архаичного. Для человека модерна техническая машина представляет собой образец, домен рациональности, определяющий всю перспективу существования и когнитивных процессов. Однако в условиях современных способов постижения как научных, так и повседневных процессов и феноменов существования принципиальной оказывается «новая архаика», которая по меткому замечанию Б. Вандельфельса, позволяет реализовать такую потребность человеческой души, как «расповседневнивание» и, тем самым, позволяет человеку выжить в современном обществе риска [1].

Ученые демонстрируют, что современные когнитивные практики в условиях постмодернистского дискурса сочетают в себе совокупность научных и архаичных способов познания. Так, первые суть результат эпохи модерна, в которой признавался примат достоверного и обоснованного знания. Вторая часть современных когнитивных практик ориентирована на восстановление принципов познавательной деятельности доиндустриальных (а порой дописьменных) культур, что способно привести к универсализации и легитимации социальных значений порой маргинального слоя общества [5, с. 97].

В результате научное знание перестало восприниматься и, как следствие, существовать как критерий и идеал познаваемости мира, человеческого мышления, а также принципов организации социальной системы. Разум оказывается подчиненным чувственному и практическому в бытии человека, что привело к выделению других форм (помимо теоретической – еще политической, экономической и некоторых других) рациональности, а также инвестированию когнитивных практик в область веберовского целерационального действия как предмета понимающей социологии или в разделение на объяснительную и описательную психологию В. Дильтея. Как итог, принципиальным оказывается попытка и стремление уравнивать подсознательное и рациональное, научное и изотерическое в поведении и мышлении человека. На основании анализа такой динамики Н.М. Смирновой [5, с. 97] делается вывод о стремлении реставрации социально-культурного многообразия, все большего применения и распространения презумпции «когнитивного равноправия» современных и архаичных когнитивных практик, иррационального способа вживания и рационального постижения природы слов и вещей.

Концептуально трансформация когнитивных практик осмысливается в ряде философских концепций и подходов, среди которых имеет смысл выделить феноменологический подход, который, как полагают некоторые исследователи, является одним из наиболее продуманных и проработанных моделей осмысления социальной реальности. Проблемным является, как справедливо показывает Э. Гуссерль, избыточное распространение психологизма в логике и продвижение субъективистской онтологии, которая строилась на принципах непосредственного восприятия предмета с его дополнением персональной точки зрения.

Изучение трансформаций когнитивных практик в рамках феноменологии в целом и социальной феноменологии – в частности отнюдь не сводится к системе значений (бытию смыслов), которые определяют жизненные установки человека и его модели постижения окружающего мира. Речь идет скорее о том, что «социальная феноменология видит в смысловой структуре социального мира всеобщую матрицу непрерывного воспроизводства социальности, которая <...> сегодня исчезает» [5, с. 110]. Речь идет в данном случае о системе знаний и представлений о мире, обществе, свойствам и социальным практикам человека, которые ориентированы не на истину, а скорее на здравый смысл и факт достижимости определенного рода практических действий. Когнитивные практики в такой системе отсчета более не опираются на соответствие знания действительности, важным оказывается достоверность и практическая применимость полученных данных в системе intersubъективных отношений – так называемого жизненного мира, одного из предметов изучения как самого Э. Гуссерля, так и многих других социальных феноменологов.

В рамках данного подхода проблема когнитивных практик решается через введение в использование и концепта «жизненный мир», под которым понимается «мир допредикатного субъективно-релятивного опыта, мир изначальных очевидностей, преданных и постоянно значимых во всяком объективированном опыте в качестве само собой разумеющегося» [3, с. 47]. Полагается, что существование изначальных заданных условий возможности и способностей получения знаний становится основанием для любых когнитивных практик. Более того, классиками феноменологического подхода высказывается точка зрения о том, что повседневность является неперемным условием, средой, в которой получение новых знаний реализуется в полной мере. Высказывается мнение, согласно которому жизненный мир суть то пространство, в котором охватывается как личная, так и общественная форма бытия и жизни человека, поэтому справедливым считается положение о необходимости признания совместных способов познания.

Для нас значимым является тот факт, что введение идеи (иначе говоря – принципа) жизненного мира предполагает возможность учесть два свойства сознания, о которых так активно говорили сторонники феноменологической традиции. Одно из них – это классически воспринимаемая интенциональность сознания, идея которой разрабатывалась в концепции феноменологии Э. Гуссерля. Направленность сознания на предмет изучения дает возможность определить интенции самого познающего субъекта, однако, как нам представляется, данной процедуры не вполне достаточно, поскольку происходит рационализация процесса познания, которая, как мы видели выше, оказывается неэффективной в условиях современной общественной системы. Это так, поскольку происходит насильственное приписывание языковому действию совокупности вопросов и ответов.

Применительно к анализу когнитивных практик в современной общественной системе интенциональность навязывает как отдельному субъекту, так и всему обществу в целом отдельную, определенную схему мышления, познания, способа действия, что в значительной степени снижает, сокращает совокупный уровень когнитивных способностей, не позволяет рассматривать предмет изучения с различных точек зрения. По этой причине логика известного феноменолога Б. Вандельфельса говорит о необходимости другого свойства сознания: ре-спонсивности – организованной способности сознания воспринимать воздействие и отзываться на него оптимальным образом. Речь идет о том, что субъект, реали-

зующий когнитивные практики, предполагает наличие связи множества равноправных субъектов процесса познания, каждый из которых отвечает на вызов любого другого субъекта, входит в систему знаков и значений. Респонсивность, таким образом, трактуется немецким мыслителем как экспликация условий всякого говорения, действий, телесного поведения вообще. Данный термин имплицитно предполагает необходимость признания системы знаков и значений, которая подчиняет себе всех субъектов коммуникационного и когнитивного процесса, а значит, дает возможность не просто подстраиваться под определенную точку зрения, а в том числе давать вразумительный, адекватный ответ на внешнее воздействие со стороны любого другого субъекта социальной интеракции.

Как следствие, когнитивные практики становятся своего рода результатом совместного творчества, коллективным взаимодействием, основанием которого является знаковая система жизненного (социального) мира. Именно по этой причине представленный подход может быть эффективным: как научные (теоретические), так и повседневные (практические) действия с равным уровнем эффективности могут быть поняты и проанализированы как предмет изучения когнитивных практик. Кроме того, центральная идея Э. Гуссерля о жизненном мире предполагает использование концепта интерсубъективных отношений, в которых принципиальным оказывается временный, историчный характер. Кроме того, сама идея жизненного мира предполагает в феноменологической традиции внедрение в систему социальных связей и отношений субъективных элементов.

Так, критики и аналитики идей Э. Гуссерля указывают на то, что в классической феноменологии кризис европейской науки связывается мыслителем с изучением мира, природы и человека как объектов, которые исключены из системы межчеловеческих отношений. Полагается, что наука достигла такого уровня своего развития, что не позволяет включать в предмет своего изучения человекообразность и, тем самым, избавляется от антропологического, духовного и прочего, что так близко человеческой природе [3, с. 48]. Как следствие, использование ресурсов концепта жизненного мира дает возможность восстановить антропный принцип в системе познания и дополнить когнитивные практики человекомерным измерением.

Как следствие, социальная феноменология в лице известных ее представителей А. Щюца, М. Шелера, Э. Левинаса и ряда других исследователей была нацелена не на переделку природы человека, а на достижение устойчивого общественного консенсуса, который мог бы быть основан на всем возможном спектре социальных значений. Когнитивные практики в таком случае реализуются на перекрестке интеллектуального анализа понятий и горизонта из использования. Первый элемент представляет собой не более чем интеллектуальную стенограмму, второй же прикладное применение понятий к повседневным практикам.

Социальный феноменолог, как, к примеру, полагает А. Щюц, исходит из того, что в естественной установке сознания формируется все множество значений, которое объединяет все социально-культурное сообщество [2]. Именно здесь, на этом основании, становится возможным формирование общих когнитивных практик, дающих в перспективе знания об окружающих феноменах бытия, обществе в целом и месте в нем человека. «Фабрика значений», выраженная в респонсивности человеческого сознания, создает, таким образом, рамку соотношения, систему «фоновых знаний», совокупности

культурного опыта, который и определяет когнитивные практики.

Все это в совокупности приводит к способности каждого отдельного субъекта социальных отношений создавать определенную установку ученого, которая должна быть согласована с общим фоновым значением. Так понимаемый ученый как бы одновременно находится в двух «мирах» [4]. С одной стороны, он является элементом жизненного мира, повседневности, выйти за пределы «фабрики значений» которой он не может. С другой стороны, профессионализация когнитивных практик требует от такого ученого сформировать в себе установку незаинтересованного наблюдателя, который, пусть и на время, мысленно покидает пределы повседневных значений и исключает себя из познаваемой ситуации.

Как итог, когнитивные практики в рамках социальной феноменологии сочетают в себе два начала: действительное использование научного аппарата, интенциональности как свойства сознания и активного синтеза, о котором так много говорил Э. Гуссерль, и отказ от научной позиции, респонсивность сознания, пассивный синтез, выраженный в идеях Э. Левинаса, стремление исходить из повседневности, множественности знаков и значений как общих принципов построения жизненного мира.

Литература

1. Вандельфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. 1991. № 1. С. 39–50.
2. Ненашев М.И. Идеи социальной феноменологии Альфреда Щюца // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2–1. С. 6–10.
3. Розенберг Н.В. Феноменология как методологическая основа исследования повседневности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 46–51.
4. Смирнова Н.М. Интерсубъективность как проблема феноменологической критики // Социемы. 2003. № 9. [Электронный ресурс]. URL http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/sociemy/9/smirnova.html (дата обращения: 22.06.2024)
5. Смирнова Н.М. Феноменология социального мира в контексте современных когнитивных практик // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 3. № 1. С. 96–120.
6. Baudrillard J. Selected Writings. NY.: Polity Press, 2001. 304 p.
7. Ravochkin N.N., Porhachev V.N., Shchennikov V.P., Petrov M.A., Shtumpf S.P., Rakhinsky D.V. Intellectual diversity in Postmodern reality // Revista Inclusiones. 2020. Т. 7. № S4–5. С. 338–348.

CONTEMPORARY COGNITIVE PRACTICES IN SOCIAL PHILOSOPHY: POSTMODERN AND PHENOMENOLOGICAL METHODOLOGY

Ravochkin N.N., Rvalov P.N., Filimonova D.O.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov; Siberian federal university

The article discusses the application of postmodern and phenomenological methodology to the study of modern cognitive practices in socio-philosophical discourse. The restructuring of the normative foundations of social existence is outlined. The search for new research tools for studying the declared practices is updated. The positions of classics and contemporaries are given, revealing various relationships between cognitive practices and their implementation

in modern society. The high role of virtualization and digitalization in determining the vectors of transformation of cognitive activity is noted. Emphasis is placed on the destruction of the social. The eternal confrontation between the rational and the archaizing is shown. The high role of the concept of "life world" in the study of cognitive practices in social phenomenology is demonstrated. It is determined that in phenomenological optics, the object of study is associated with the joint activities of individuals. In conclusion, conclusions are formulated that replenish the theoretical and methodological foundations for the study of cognitive practices in modern social philosophy.

Keywords: cognitive practices, society, intersubjectivity, lifeworld, transformations, simulacrum, meaning.

References

1. Vandelfels B. Everyday life as a melting pot of rationality // *Sociologos. Sociology. Anthropology. Metaphysics*. 1991. No. 1. Pp. 39–50.
2. Nenashev M.I. Ideas of social phenomenology of Alfred Schutz // *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*. 2010. No. 2–1. Pp. 6–10.
3. Rosenberg N.V. Phenomenology as a methodological basis for studying everyday life // *News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences*. 2007. No. 1. Pp. 46–51.
4. Smirnova N.M. Intersubjectivity as a problem of phenomenological criticism // *Sociemes*. 2003. No. 9. [Electronic resource]. URL: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/sociemy/9/smirnova.html (date of access: 22.06.2024)
5. Smirnova N.M. Phenomenology of the social world in the context of modern cognitive practices // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2005. Vol.3. No.1. pp. 96–120.
6. Baudrillard J. *Selected Writings*. NY.: Polity Press, 2001. 304 p.
7. Ravochkin N.N., Porhachev V.N., Shchennikov V.P., Petrov M.A., Shtumpf S.P., Rakhinsky D.V. Intellectual diversity in Postmodern reality // *Revista Inclusiones*. 2020. T. 7. № S4–5. C. 338–348.

Тумин Александр Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tumin-msk@mail.ru

Разбирая различные интерпретации патриотизма и служения Отечеству от эпохи Просвещения до современности, авторы статьи анализируют труды таких мыслителей, как К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, и А.С. Хомяков, выделяя связь с идеями славянофильства и православия. Также внимание уделено критическому взгляду Л.Н. Толстого на истинный и ложный патриотизм в его произведении «Война и мир». В работе обсуждаются взгляды Н.А. Бердяева, анализируется влияние войны и национальности на формирование патриотических чувств и идеи патриотизма как духовного феномена. В статье рассматриваются идеи русских философов – П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого и В.Ф. Эрна, и их взгляды на концепцию служения Отечеству сквозь призму социальных и политических изменений с фокусом на морально-этической оценке и психологических принципах патриотизма.

Ключевые слова: русская философия, патриотизм, служение Отечеству, славянофильство, православие, национальная самобытность, духовные ценности.

Теоретические основы патриотизма и служения Отечеству в современной и классической русской философии

Понятия патриотизма и служения Отечеству пронизывают культурно-историческое наследие многих народов и имеют корни в историческом прошлом, ведь данные понятия эволюционировали на протяжении многих веков, и исторически служение Отечеству восходит к временам создания первых государственных образований, когда верность и преданность Родине уже считались фундаментальными добродетелями. С течением времени концепция служения Отечеству начинает содержать не только военную службу, но и обязанности гражданина по защите, поддержке и развитию своей страны на всех уровнях ее жизнедеятельности.

Патриотизм как чувство кровной привязанности к своей стране, её культуре и истории начинает активно формироваться в эпоху Просвещения и особенно в периоды национальных восстаний и революций, он выражается в стремлении поддерживать свою нацию, отстаивать её интересы и культурные ценности перед лицом внешних и внутренних угроз.

В русской культуре и истории понятие патриотизма часто связывают с идеями славянофильства, которые выделяют русскую духовную жизнь и культуру, основываясь на оригинальных принципах православия, соборности и народности, а такие мыслители, как К.С. Аксаков, И.В. Киреевский и А.С. Хомяков, видели в патриотизме не только любовь к Родине, но и уважение к её духовной истории и культуре [5].

Но понятие патриотизма не обходится без своих антагонистов и критических интерпретаций, например, Л.Н. Толстой в своём романе «Война и мир» поднимает вопросы истинного и ложного патриотизма, показывая, как ложный патриотизм превращается в средство для достижения личных целей, часто в ущерб общему благу и национальным интересам – истинный патриотизм для Толстого связан с жертвенностью, самоотверженностью и искренней привязанностью к интересам народа.

Само определение «патриотизм» традиционно ассоциируется с любовью к Родине, преданностью своему народу и ответственностью перед ним, данное чувство демонстрирует готовность к жертвам и подвигам во имя интересов своей страны, патриотизм выражается не просто в эмоциональной привязанности, но и в активных, волевых действиях по защите и укреплению национальных интересов, культуры и традиций.

Современное понимание патриотизма в России отходит от исключительно военного и административного значения, больше фокусируясь на личностном вкладе каждого гражданина в культурное и социально-экономическое развитие страны, то есть выделяется индивидуальное участие и самореализация в рамках общественной жизни как таковой.

Иначе говоря, служение Отечеству описывается как созидательная деятельность, направленная на благо общества и государства, которая касается самых различных сфер: от военной службы до участия в мирных социальных и экономических программах. Данное понятие означает как профессиональную защиту территориаль-

ной целостности страны, так и массовое участие в жизни общества через работу в государственных учреждениях, участие в выборах, поддержание законности и порядка, развитие науки, культуры и образования [4].

Психологические и социально-философские стороны патриотизма образуют поле исследований, которое содержит анализ влияния патриотических чувств на личность и социум. Например, современный исследователь, член-корреспондент РАН А.В. Юревич пишет, что патриотизм как психологическая категория связан с образованием национальной самобытности, обусловлен социальными, историческими и культурными фонами, влияющими на самосознание личности и её связь с обществом [10].

Так, в рамках социально-философских подходов фокус органично переносится к морально-этической оценке патриотизма, когда он рассматривается как феномен, содействующий солидарности и кооперации внутри общества и создающий основу для коллективного самоопределения и социальной стабильности. Здесь патриотизм – принципиальный элемент социальной интеграции, общих ценностей и исторической памяти, словом, фундамент национальной идентичности России.

Концепции патриотизма и служения Отечеству у Н.А. Бердяева

В рамках анализа влияния войны и национальности на образование патриотических чувств взгляды Н.А. Бердяева представляют целостный подход к пониманию данных феноменов. Так, в его работе «Психология войны и смысл войны» автор рассматривает войну не как случайное или изолированное явление, а как отражение более духовных и моральных процессов, происходящих в обществе и культуре.

Война, по Н.А. Бердяеву, это не просто столкновение армий или уничтожение материальных ценностей, это символ духовной борьбы, происходящей в сердцах и умах людей; он утверждает, что все материальное, в том числе война, является лишь внешним проявлением внутренних духовных реалий, то есть война символизирует духовное насилие и моральные испытания, с которыми сталкивается человечество [2].

Н.А. Бердяев критически рассматривает войну как «сыпь» на теле человечества, указывая на внутреннюю болезнь – духовный кризис, который порождает внешние конфликты; война становится способом эмпирического выражения и в то же время реакцией на внутреннее зло, заблуждение, которое необходимо исцелить, а не просто подавить его явные проявления – в этом смысле война рассматривается как призыв к реформаторскому обновлению и переосмыслению основ общественного устройства и личных ценностей.

На фоне войны национальность приобретает особое значение: ведь национальная самобытность становится ключевой основой для объединения людей, тем самым возникает общенациональная солидарность. Но с другой стороны, этот же фактор усиливает разделение между враждующими народами, провоцируя конфликты и даже войны.

Н.А. Бердяев отмечает двойственную природу патриотизма: это любовь к своей стране и готовность защищать ее интересы, равно как и риск превращения этой любви в национализм, который приводит к агрессии и насилию против других, что требует очень тонкого баланса между гордостью за свою страну и уважением к другим народам и культурам.

Закономерной выглядит идея Н.А. Бердяева о том, что война служит искуплением за духовные проступки

человечества, в этом смысле патриотизм выступает как эффективное средство морального и духовного возрождения, он предоставляет уникальную возможность для проявления героизма, самопожертвования и духовного очищения.

В конечном счете Н.А. Бердяев фокусируется на аксиологической основе патриотизма, выделяя его духовное, метафизическое измерение. Так он отходит от традиционных взглядов на патриотизм, ассоциирующих его с государственными или социальными структурами, и размышляет о непосредственной, да и врожденной привязанности к Родине, которая не требует от нас внешних обоснований или условий.

Для философа любовь к Родине является первичным, неделимым чувством, которое не поддается логическому анализу или обоснованию через культурные достижения или политические условия – она сама по себе является высшей ценностью, она «любовь ни за что», нечто абсолютное и просто безусловное. По мнению Бердяева, такое чувство показывает глубинную связь души с национальной судьбой, которая не нуждается в дополнительных оправданиях или внешних стимулах для своего определения [3].

Бердяев критикует патриотизм, который опирается на государственную или политическую целесообразность, утверждая, что такой патриотизм становится условным, договорным и теряет свою глубинную сущность. Он утверждает, что патриотизм, основанный на социальных или политических интересах, превращается в инструмент торга и манипуляции, что умаляет первичное, искреннее чувство любви к Отечеству.

Еще один принцип в концепции Бердяева – это роль исторической правды в патриотизме, то есть автор считает, что истинный патриотизм должен быть связан с пониманием исторической миссии народа и его божественного предназначения. Данное признание не просто эмоциональное или культурное, оно предполагает и духовное осознание России в потоке истории, которое наполняет патриотические чувства совершенно новым содержанием.

Служение Отечеству по Бердяеву – проявление патриотизма, который переходит в активное действие, не просто эмоциональная или идеологическая значимость, но особая личностная позиция, когда мы чувствуем любовь к Родине и готовы служить ей, не ожидая взамен никакой награды или признания. Данное служение принципиально выражается через бескорыстие, самопожертвование и стремление делать жизнь своей страны лучше.

Итак, по Бердяеву, в мире, особенно в периоды кризисов и социальных изменений, истинный патриотизм оказывается исключительно актуален. Ведь в условиях резкой социальной трансформации и политической нестабильности, когда традиционные ценности подвергаются радикальной переоценке, искренняя любовь к Родине и готовность служить ей становятся гарантом сохранения и укрепления национальной идентичности.

Революция 1917 года, которая ознаменовала крушение многовековой монархической системы в России, Николай Бердяев описывает как одно из величайших событий в истории, и не только как политическую катастрофу, но и как выражение духовного и культурного кризиса, когда рушится сама основа традиционного понимания национальной идеи и патриотизма. Русский философ сравнивает это событие с падением Рима и Византии [1].

До революции русское самодержавие воспринималось, прежде всего, как священное царство, имеющее божественное назначение, что было глубоко укоренено в сознании русского народа и составляло костяк наци-

онального самосознания и патриотизма. Патриотизм в царской России был неотделим от самодержавия и народности.

Но с падением царского режима начинается процесс радикального переосмысления традиционных ценностей, теперь требовались новые формы и содержание – согласно ленинскому пониманию «социалистического Отечества». Патриотизм приобретает классовый характер.

Бердяев вновь и вновь выделяет духовный кризис, вызванный падением царизма, он видит в этом не столько изменение политической формы управления, сколько сведение роли религии и церкви в жизни общества до минимального уровня, и торжество сугубо секулярного и «пролетарского» патриотизма.

Философия патриотизма и служения Отечеству у других русских мыслителей

П.Б. Струве, значительная фигура в российской интеллектуальной и политической истории начала XX века, прошел сложный путь идеологической эволюции от марксиста до либерального консерватора – вначале Струве отстаивал идею легального марксизма и усиления роли пролетариата в политической жизни России. В 1898 году он даже принимал участие в создании РСДРП, став одним из авторов ее первого манифеста.

Но вскоре после этого Струве разочаровывается в ортодоксальном марксизме, обращаясь к более умеренным и либеральным взглядам. Особенно это было заметно в период русской революции 1905 года, когда Струве стал активно выдвигать идею конституционной монархии.

Возвращение в Россию после революции стало новым этапом в его творческом развитии. Струве становится одним из лидеров Конституционно-демократической партии (партии кадетов) и прямо участвует в политической жизни, будучи избранным в Государственную Думу. Его политические взгляды в данный период определяются как либеральный консерватизм, особенно в поддержке аграрных реформ Петра Столыпина [6].

Струве также занимается журналистикой, редактируя «Русскую мысль», где, понятно, продвигает идеи либерального консерватизма; в 1909 году он участвует в создании знаменитого сборника «Вехи», который ставит под сомнение ценности революционной интеллигенции и призывает к сотрудничеству с государственными структурами для достижения политической модернизации России.

Философия патриотизма у Струве тесно связана с его представлениями о необходимости этой модернизации и строительстве «Великой России», государства, которое способно на осуществление мирового влияния при сохранении своих национальных интересов. При этом он видел в евреях потенциальных союзников и пионеров в экономическом завоевании Ближнего Востока, что должно было только благоприятствовать укреплению русской государственности.

У другого философа, Е.Н. Трубецкого, представления о патриотизме и служении Отечеству создавались сквозь призму идеи всеединства, которое включало в себя как чисто философское понимание реальности, так и восприятие истории, национализма и патриотизма.

Трубецкой утверждал, что всеединное сознание не просто объединяет исторические события, но и предоставляет возможность переосмыслить их как непрерывное целое, в котором каждый факт находит свое специфическое значение в органичной связи с настоящим и будущим; он писал, что истинное понимание исто-

рии содержит сверхвременной смысл, который подразумевает тотальную совокупность всех моментов в историческом процессе [7].

Для Трубецкого истина представляется не только эмпирически, но и как деятельность сознания, которое в состоянии сохранить и воссоздать прошлое, предугадать будущее и, таким образом, преодолеть временные границы. В результате истина для него имеет как онтологическую, так и гносеологическую значимость, объединяя в себе человеческий опыт.

С точки зрения патриотизма и служения Отечеству Трубецкой размышлял о важной роли исторических личностей и событий, уделял пристальное внимание показательным фактам в их вечной значимости для культурной и национальной идентичности России, в рамках ее всеединого общечеловеческого понимания мира [8].

Что касается патриотической философии В.Ф. Эрн, то она лейтмотивно пронизана мыслью о моральной обязанности индивида перед своей страной и культурой. Эрн, анализируя патриотизм, делает упор на его эмоциональной и психологической составляющих, видя в нём как социальный феномен, так и массовую настроенность, которая часто проистекает из душевных травм, таких, как отрицание, гнев или депрессия в их различных степенях восприятия.

Свою концепцию служения Отечеству Эрн признаёт как часть личной и профессиональной отдачи каждого гражданина, причем в самых различных сферах общественной деятельности: армии, правоохранительных органах, образовании, медицине. Служение Отечеству, по мнению Эрн, – защита границ, поддержание общественного порядка, охрана законности, участие в социальных и гуманитарных программах, – то, что в целом помогает экономическому и культурному развитию страны [9].

Эрн подчеркивает, что патриотизм должен переходить от чисто инстинктивного уровня восприятия к осознанному уровню, где он становится эффективным средством воспитания личности, помогает бороться с негативными личными и семейными тенденциями и создавая стойкую и целенаправленную гражданскую позицию.

Заключение

Общим для всех рассмотренных подходов русских философов рубежа XIX–XX вв. является убеждение в том, что истинный патриотизм выходит за рамки чисто государственного или политического уровня. Затрагивает моральные и духовные измерения, создающие национальную идентичность и социальную стабильность. Совокупно изучение патриотизма и служения Отечеству в русской философии раскрывает духовные и культурные основы этих феноменов и позволяет полно осмыслить исторические, социальные и морально-этические принципы, которые образуют современное понимание национальной идентичности и гражданской ответственности в России.

Выводы

1. В рассмотрении темы патриотизма выделяется его связь с русской духовностью и культурой, где патриотизм переплетается с православием и национальной идентичностью. Данная связь особенно заметна в идеях славянофильства и Н.А. Бердяева.
2. Служение Отечеству – деятельность, которая затрагивает не только военную службу, но и участие в социальной, культурной и политической жизни страны, что становится выражением патриотизма через жертвенность и готовность к подвигам.

3. Л.Н. Толстой поднимает проблему «ложного патриотизма», который может быть использован для манипуляций и достижения сугубо личных целей, противостоящих общему благу.
4. С современной точки зрения патриотизм в России отходит от чисто военной интерпретации, делая упор на личном вкладе каждого гражданина в развитие страны, таким образом выделяя индивидуальное участие и самореализацию в рамках общественной жизни.
5. Русские философы П.Б. Струве и Е.Н. Трубецкой вносят свое понимание в понятие патриотизма, каждый демонстрирует свои личные идеологические эволюции и социокультурный контекст эпохи.

Литература

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / Н.А. Бердяев. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
2. Бердяев Н.А. Психология войны и смысл войны. Судьба России: книга статей / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 187–220.
3. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. – [4], V, [3]. – 240 с.
4. Ефремова О.И. Психологические аспекты проявления чувства патриотизма у современной студенческой молодежи / О.И. Ефремова // Концепт. – 2015. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-proyavleniya-chuvstva-patriotizma-u-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 25.06.2024).
5. Муслимов М.Д., Мухортиков К.И., Нужин Р.Ш., Няйтиев В.В., Хабибулин Р.Г. Развитие идей служения и верности воинскому долгу в отечественной философии // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум», 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017038828> (дата обращения: 25.06.2024).
6. Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм: сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.) / П.Б. Струве. – СПб.: Изд-во Д.Е. Жуковского, 1911. – [16], 625 с.
7. Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России / Е.Н. Трубецкой. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 23 с.
8. Трубецкой Е.Н., Князь. Отечественная война и ее духовный смысл: (публичная лекция) / Е.Н. Трубецкой. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 32 с.
9. Эрн В.Ф. От Канта к Круппу / В.Ф. Эрн // Русская мысль. – СПб., 1914. – № 12. – С. 116–124.
10. Юревич А.В. Психологические аспекты патриотизма // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 1. – С. 5–21.

RUSSIAN PHILOSOPHERS AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES ABOUT PATRIOTISM AND SERVICE TO THE FATHERLAND

Tumin A.Yu.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

Analyzing various interpretations of patriotism and service to the Fatherland from the Enlightenment to the present, the authors of the article analyze the contributions of such thinkers as K.S. Aksakov, I.V. Kireevsky, and A.S. Khomyakov, highlighting the connection with the ideas of Slavophilism and Orthodoxy. Attention is also paid to the critical view of L.N. Tolstoy on true and false patriotism in his work “War and Peace”. The work discusses the views of N.A. Berdyaev, analyzes the influence of war and nationality on the formation of patriotic feelings and the idea of patriotism as a spiritual phenomenon. The article examines the ideas of Russian philosophers – P.B. Struve, E.N. Trubetskoy and V.F. Ern, and their views on serving the Fatherland through the prism of social and political changes with a focus on moral and ethical assessment and psychological principles of patriotism.

Keywords: Russian philosophy, patriotism, service to the Fatherland, Slavophilism, Orthodoxy, national identity, spiritual values.

References

1. Berdyaev N.A. The fall of the sacred Russian kingdom: Journalism 1914–1922 / N.A. Berdyaev. – M.: Astrel, 2007. – 1179 p.
2. Berdyaev N.A. Psychology of war and the meaning of war. The fate of Russia: a book of articles / N.A. Berdyaev. – M.: EKSMO, 2007. – pp. 187–220.
3. Berdyaev N.A. The fate of Russia: experiments on the psychology of war and nationality / N.A. Berdyaev. – M.: Publishing house G.A. Leman and S.I. Sakharov, 1918. – [4], V, [3]. – 240 p.
4. Efremova O.I. Psychological aspects of the manifestation of feelings of patriotism among modern student youth / O.I. Efremova // Concept. – 2015. – No. 4. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-proyavleniya-chuvstva-patriotizma-u-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi> (date of access: 25.06.2024).
5. Muslimov M.D., Mukhortikov K.I., Nuzhin R.Sh., Nyattiev V.V., Khabibulin R.G. Development of ideas of service and loyalty to military duty in Russian philosophy // Materials of the IX International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum”, 2017. [Electronic resource]. – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017038828> (date of access: 25.06.2024).
6. Struve P.B. Patriotica. Politics, culture, religion, socialism: a collection of articles for five years (1905–1910) / P.B. Struve. – St. Petersburg: Publishing house D.E. Zhukovsky, 1911. – [16], 625 p.
7. Trubetskoy E.N. War and the world task of Russia / E.N. Trubetskoy. – M.: Type. T-va I.D. Sytina, 1915. – 23 p.
8. Trubetskoy E.N., Prince. Patriotic War and its spiritual meaning: (public lecture) / E.N. Trubetskoy. – M.: Type. T-va I.D. Sytina, 1915. – 32 p.
9. Ern V.F. From Kant to Krupp / V.F. Ern // Russian thought. – St. Petersburg, 1914. – No. 12. – pp. 116–124.
10. Yurevich A.V. Psychological aspects of patriotism // Applied legal psychology. – 2016. – No. 1. – pp. 5–21.

Социально-философский анализа феномена «цифровой ресурс»: аспекты воздействия на экономику

Чубаров Николай Александрович,

аспирант кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов
E-mail: chubaricusnikalex@gmail.com

В эру формирования информационного общества человечество сталкивается с быстрым развитием виртуальной информационной сферы, которая оказывает влияние не только внешнее пространство, но и на каждого человека в отдельности. Это быстрое развитие, во многом обусловленное прогрессом в сфере электронных коммуникаций и созданием искусственной информационной среды, опережает способность индивида полностью понять и адаптировать эту новую реальность в собственный взгляд на мир. В свете этих изменений, кажется совершенно необходимым заняться философским исследованием и интерпретацией этой новоиспеченной информационной действительности. Целью исследования является произведение социально-философского анализа понятия «цифровой ресурс». В результате исследования было выделено, что цифровые ресурсы являются объединением разнообразных данных, которые могут быть как в документальной, так и в информационной форме хранения. Эти данные ценны, поскольку включают важную информацию, способствующую социально-экономическим процессам. Информационные ресурсы становятся основными компонентами для снижения рисков и неопределенности в экономических операциях, влияя на производство, распределение товаров, обмен и конечное потребление.

Ключевые слова: цифровизация, ресурс, информация, социум, философия, система, данные.

Введение

Сегодня термин «цифровой ресурс» (далее ЦР) находит широкое применение в самых разных сферах, включая академический мир, официальные документы и стандарты. Взаимодействие с интернет-ресурсами, печатными и электронными изданиями делает этот концепт неотъемлемой частью жизни множества людей. Его популярность и актуальность обусловлены всеобъемлющим характером, ведь ЦР затрагивают интересы и потребности различных социальных групп и сообществ. Причины, почему этот термин остается важным, варьируются и включают в себя разнообразие подходов к пониманию и использованию информации.

Революция в мире информационных технологий кардинально изменила процесс того, как мы получаем, обрабатываем и делимся информацией. Это преобразование охватывает всё – начиная от способов, которыми мы взаимодействуем с информационными приложениями, до способов, которыми эта информация создаётся, собирается и распространяется. Эти прогрессивные изменения не оставили без внимания ни одну сферу жизни, оказывая глубокое влияние на экономические процессы, социальное поведение, а также на политические и культурные реалии. Человечество становится очевидцами коренного переосмысления в управлении информацией, где устаревшие ручные практики заменяются на эффективные автоматизированные системы.

В разгар цифровой эволюции, которая кардинально трансформирует общественные устои, мы сталкиваемся с переломным моментом, который коренным образом изменяет укоренившиеся подходы и теоретические основы управления. В эпицентре этих перемен находится зарождение и бурное развитие цифрового предпринимательства, вносящее свежие идеи и инновации в рамки традиционного бизнеса. Эта трансформация ставит перед нами ярко выраженное разграничение между информационными ресурсами и человеческой силой, акцентируя на том, что в эпоху цифровизации и информатизации, обработка, хранение и сбор данных приобретают особенно важное значение.

В эпоху сетевой трансформации значение нематериальных активов и концепции цифрового капитала для организаций неуклонно растёт, поскольку они начинают осознавать их важность в контексте цифровой экономики. Эта растущая осведомленность приводит к тому, что приходится пересматривать традиционные подходы к оценке и определению ценности, учитывая новые типы ресурсов, которые имеют важное значение в достижении успеха в мире, где технологии играют доминирующую роль. Перед лицом так называемой «цифровой революции», предприятиям и академическому сообществу становится необходимо переосмысливать и адаптировать свои методы и подходы для того, чтобы максимально использовать потенциал цифровых активов и выходить на новые возможности, которые открывает перед ними цифровое пространство.

О природе информационного ресурса

Рассмотрим определение ЦР с двух точек зрения: создателей, тех кто стоит за его разработкой, сбором, хранением, и продвижением, а также с точки зрения пользо-

вателей. Термин ЦР находит применение за пределами сферы документации и коммуникаций, охватывая широкий спектр информационных процессов. Он является составной системой для множества частных понятий, включая «документный ресурс». Процесс уточнения общего понятия, или его «раскрытие», не ведет к его исчезновению, даже при условии, что частные определения полностью покрывают область общего понятия. В ситуациях, связанных с группой сходных событий, термин иногда используется в качестве аналога, так как специфические значения не только согласуются с более широким значением, но и являются его частью [3].

Исследовательский подход к анализу феномена ЦР имеет давнюю историю. В диссертации, озаглавленной «Публичная библиотека в контексте информационного поля», был применен процессуальный метод, акцентирующий внимание на технологических аспектах изучаемого явления. В основу анализа легло описание информационного процесса, предложенного В.З. Коганом, которое было дополнено и конкретизировано авторами. Согласно этой схеме, начальный этап информационного процесса связан с первичным взаимодействием человека с окружающим миром, включающим наблюдение и перцепцию, служащие зеркалом для отражения реальности [4].

В процессе создания информации основополагающим моментом является трансформация реальности в сознании, что ведет к появлению образов. Этот процесс включает в себя несколько шагов, таких как визуализация, выработка значений и построение связей между ними, а также придание явлениям символического значения через общепринятые соглашения в обществе. Создание информации завершается либо фиксацией информационного продукта в памяти человека, либо его распространением среди других, что является основой для общения. Этот цикл начинается с интерпретации фрагментов реальности, что задает старт информационному производству, кульминацией которого становится обмен полученными данными, открывая дорогу коммуникативным процессам [6].

В рамках научных исследований приходится определять множество терминов, и среди них выделяется термин ЦР. Уже предложено множество определений; например, А.Б. Антопольский под этим понятием понимает не только отдельные документы, но и целые массивы информации. Однако многие из этих определений страдают от недостатка конкретики, не включая в себя общих и специфических характеристик, что затрудняет понимание самой сущности исследуемого феномена [1].

К примеру, Ю.П. Шумилов описывает ЦР как информацию, которая была создана или найдена, зарегистрирована, проанализирована и подлежит определенным правилам старения и обновления. Это подразумевает, что такие данные соответствуют специфическим критериям качества и объема. Однако О.Л. Солдаткина углубляет понимание, утверждая, что ЦР представляет собой не просто набор документов. Это ключевой элемент в получении знаний, предоставляя больше, чем можно было бы ожидать от простой совокупности записей [2].

Он не ограничивается исключительно словесными описаниями, расширяя горизонты до включения разнообразных форматов, вроде графики, мультимедиа и интерактивных элементов, которые способствуют оптимизации образовательного процесса. Эта стратегия внедрения многообразного контента предназначена для глубокого погружения пользователей в материал, адаптируясь под их уникальные вкусы и методы усвоения информации [9].

Следует подчеркнуть, что понятие ЦР (или «информационный ресурс») получило свое определение в российском правовом поле в 1995 году. Это было зафиксировано в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации», где оно охарактеризовано в качестве индивидуальных документов или их комплексов, включая те, что хранятся в информационных системах, таких как библиотеки, архивы, базы данных и прочие. Тем не менее, подобное определение содержит ряд проблем и не является исчерпывающим [10].

Эти вопросы более детально разработала И.М. Глобина в своей аналитической работе. В ранее предложенном определении внимание сосредоточивалось исключительно на информации в документированной форме, игнорируя обширные ресурсы доступные в Интернете. Подход к ЦР ограничивался их восприятием только как средства сбора и хранения данных, предназначенных для пользователей информационных систем. Кроме того, это определение не принимало во внимание важность информационных ресурсов в контексте социально-экономического развития [5].

Из-за неясностей и противоречий в терминологии, используемой в ГОСТах и некоторых научных работах, возникло стремление к разработке уникальной и четкой дефиниции. В основу этого процесса легли идеи, описанные А.В. Соколовым [8] и Н.А. Слядневой [7], которые предложили следующий подход к формированию определений: для того чтобы описать концепцию, необходимо указать ее общую категорию и характерные особенности, часто определяемые через функции или предназначение, выделяющие данный объект среди близких к нему явлений. Этот процесс позволил глубже понять происхождение информационных ресурсов.

В рамках изучения данного явления было разработано определение, которое концентрируется на его основных признаках, объединяющих специфические и общие черты: «ЦР представляет собой информацию, создаваемую с определенной целью, которая выполняет функциональные задачи в рамках специализированной деятельности. Этот ресурс имеет ценность для пользователя и может быть предложен как продукт на рынке информационных услуг.» Это определение подчеркивает, что такой ресурс, кроме своего основного предназначения, также имеет коммерческую перспективу, делая его значимым элементом в контексте цифровой экономики.

«Информация» служит общим термином, а её разновидности определяются через такие атрибуты, как: использование в качестве инструмента, значимость для деятельности, а также популярность у различных групп населения или отдельных лиц. Суть ЦР заключается в их функциональном предназначении, делая их важными для потребителей. Это позволяет классифицировать информационные объекты на основании их соответствия определенным критериям, выделяя те, что являются информационными ресурсами, благодаря своей ценности и функциональности.

В контексте текущего развития общества и информационной среды можно наблюдать четкое разграничение ЦР на две основные категории. Первую составляют те, что активно применяются в различных профессиональных областях, и служат уникальным инструментом и адаптированы под конкретные отрасли, например, медицину. В то время как вторая категория включает в себя элементы, которые не могут быть признаны ЦР из-за их несоответствия определенным критериям и характеристикам, присущим этому понятию. Другими словами, эти элементы исключены из определения и классификации ЦР, поскольку они не удовлетворяют основным тре-

бованиям, которые определяют принадлежность к данной категории.

ЦР можно условно разделить на две основные категории: первая включает в себя данные, применяемые в бизнес-секторе, часто распределяемые на коммерческой основе и охватывающие различные области, включая сельское хозяйство, образование и управление. В отличие от этого, вторая категория охватывает ресурсы с гуманистическим уклоном, доступные широкой публике и не предназначенные для генерации прибыли. Эти материалы, часто называемые «информационные ресурсы – общественное достояние», предоставляются, как правило, бесплатно и находят применение в сферах досуга, самообразования, саморазвития, а также в защите прав и человеческого достоинства. В то время как коммерческие ЦР активно используются в предпринимательской деятельности, ресурсы общественного достояния служат для удовлетворения нефинансовых потребностей их пользователей [3].

Материалы, принадлежащие к первой и второй категориям, отличаются по своим свойствам и предназначению, происходя от создателей с различными идеологиями и условиями деятельности. Информационные продукты, насыщенные гуманистическим духом, являются плодом усилий личностей, мотивированных стремлением к просвещению, общественному благу. Большая часть этих людей находит применение своим навыкам в структурах, финансируемых из госбюджета, в то время как другие приносят пользу, работая в сфере благотворительности и просвещения.

Заключение

В современном мире, где цифровая экономика играет ключевую роль, особое внимание уделяется изучению ЦР. Этот процесс научного осмысления предполагает глубокое погружение в суть феномена и его влияние на различные аспекты жизнедеятельности общества. Изучение ЦР может принимать различные формы, выделяясь через два основных методологических подхода.

Начать стоит с того, что один из подходов рассматривает ЦР как независимое явление. В рамках этого подхода, концепция ЦР лежит в основе формирования специализированных научных теорий или направлений, обладая главной ролью в системообразовании. Это подчеркивает уникальность и значимость ЦР, выделяя их как объект всестороннего исследования.

Второй подход, в свою очередь, включает ЦР в более широкий контекст, рассматривая их как один из элементов в комплексной системе деятельности или структуры. Это позволяет оценивать их роль и функции в рамках общей системы, определяя взаимосвязи и взаимовлияния с другими элементами.

Применение этих подходов к изучению ЦР в контексте цифровой экономики открывает новые перспективы для исследований. Важность данной темы обусловлена постоянно растущей ролью информации в современном мире, что делает ее актуальной для научного анализа и теоретического осмысления.

Разработка новых концепций и подходов к изучению информационных ресурсов будет способствовать лучшему пониманию их роли в диджитал экономике и жизни социума в целом. Таким образом, глубокое и многостороннее изучение ЦР становится не только актуальной задачей, но и необходимостью для дальнейшего прогресса в этой области.

В конце концов, понимание того, как наилучшим образом адаптироваться и извлекать выгоду из цифровых инноваций, станет решающим фактором успеха в быст-

ро меняющемся мире. Таким образом, глубокое погружение в изучение цифровых технологий и их влияния на общество становится не просто вопросом академического интереса, но и критически важной практикой для любой организации, стремящейся к процветанию в современной глобализированной среде.

Литература

1. Антопольский, А.Б. Проблемы классификации и идентификации информационных ресурсов // Там же. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. – 1997. – № 8. – С. 1–11.
2. Бакут П.А., Шумилов Ю.П. Информационные ресурсы: вопросы теории и практики // Информационные ресурсы России. – 1999. – № 3. – С. 18–20.
3. Берестова Т.Ф. Понятие «информационный ресурс» имеет право на существование. (Размышления, вызванные статьёй Ю.Н. Столярова «Несостоятельность понятия «информационный ресурс»») // Научные и технические библиотеки. – 2017. – № 7. – С. 75–90.
4. Берестова Т.Ф. Общедоступная библиотека как часть информационного пространства (Теоретико-методологические основания): специальность 05.25.03 «Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение»: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук/ – Москва, 2005. – 51 с.
5. Глотина И.М. К вопросу об экономической сущности информационных ресурсов // КЭ. 2020.
6. Коган В.З. Теория информационного воздействия: филос.-социол. очерки / В.З. Коган. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 320 с.
7. Сляднева Н.А. Библиография в системе универсума человеческой деятельности: опыт системно-деятельностного анализа: моногр. Моск. гос. ин-т культуры. – Москва, 1993. – 227 с.
8. Соколов А.В. Библиографическая информация – всеобщая сущность библиографии // Соколов А.В. Ретроспектива-60. – Санкт-Петербург: Независимая гуманитарная академия, 1994. – 446 с.
9. Солдаткина О.Л. Информационные ресурсы российской правовой политики: общетеоретический аспект: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2011. – 26 с.
10. Федеральный закон от 20 февраля 1995 года N 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.08.2024).

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF “DIGITAL RESOURCE”: ASPECTS OF THE IMPACT ON THE ECONOMY

Chubarov N.A.

Peoples' Friendship University of Russia

In the era of the formation of the information society, humanity is faced with the rapid development of the virtual information sphere, which affects not only the external space, but also each person individually. This rapid development, largely due to advances in electronic communications and the creation of an artificial information environment, outstrips the individual's ability to fully understand and adapt this new reality into his own view of the world. In light of these changes, it seems absolutely necessary to engage in philosophical research and interpretation of this newly minted information reality. The purpose of the study is to produce a socio-philosophical anal-

ysis of the concept of «digital resource». As a result of the study, it was highlighted that digital resources are a combination of a variety of data that can be stored both in documentary and informational form. These data are valuable because they include important information that contributes to socio-economic processes. Information resources become the main components for reducing risks and uncertainties in economic transactions, affecting production, distribution of goods, exchange and final consumption.

Keywords: digitalization, resource, information, society, philosophy, system, data

References

1. Antopolsky A.B. Problems of classification and identification of information resources // *Ibid.* Ser. 1. Org. i metodiya inform. works. – 1997. – No. 8. – pp. 1–11.
2. Bakut P.A., Shumilov Yu.P. Information resources: issues of theory and practice // *Information resources of Russia*. – 1999. – No. 3. – C. 18–20.
3. Berestova T.F. The concept of «information resource» has the right to exist. (Reflections caused by the article by Yu.N. Stolyarov «The inconsistency of the concept of «information resource») // *Scientific and technical libraries*. – 2017. – No. 7. – pp. 75–90.
4. Berestova T.F. Public library as part of the information space: theoretical and methodological foundations: abstract. ... Doctor of Pedagogical Sciences: 05.25.03 / T.F. Berestova. – Moscow, 2005. – 51 p.
5. Glotina I.M. On the question of the economic essence of information resources // *KE*. 2020.
6. Kogan V.Z. Theory of information impact: philos.- a sociologist. essays / V.Z. Kogan. Novosibirsk: Novosibirsk Publishing House. Unita, 1991. – 320 p.
7. Slyadneva N.A. Bibliography in the system of the universe of human activity: the experience of system-activity analysis: monograph / N.A. Slyadneva; Moscow State Institute of Culture. – Moscow, 1993. – 227 p.
8. Sokolov A.V. Bibliographic information – the universal essence of bibliography // Sokolov A.V. Retrospective-60. – St. Petersburg: Independent Humanitarian Academy, 1994. – 446 p.
9. Soldatkina O.L. Information resources of Russian legal policy: general theoretical aspects: abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences'. Saratov, 2011.
10. Federal Law No. 24-FZ of February 20, 1995 «On Information, Informatization and Information Protection». [electronic resource]. URL: [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (date of application: 08/27/2024).

Ценностно-целевое пространство официального российского консерватизма на современном этапе в оценке семантико-фреймового подхода (на примере анализа пятой Конституции РФ)

Асонов Николай Васильевич,

д.п.н., профессор кафедры политологии МПГУ, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН
E-mail: nbassonov@yandex.ru

В данной статье автор, используя сравнительный семантико-фреймовый подход при анализе пятой Конституции России, пришел к выводу о том, что ценностно-целевое пространство официального российского консерватизма на современном этапе носит сугубо декларативный характер. Он направлен на сокрытие реальных латентных интересов правящей политической элиты страны, соединенной со времен крушения Советского Союза с политической элитой глобального уровня. Она в свою очередь заинтересована в сохранении сложившегося у нас с 1993 г. режима, генетически связанного с системой ценностно-целевых установок либерализма и препятствующего реставрации Советской власти.

Ключевые слова: официальный российский консерватизм, ценностно-целевое пространство, Конституция РФ, семантико-фреймовый подход.

Пенсионная реформа 2019 г. резко усилила недоверие российского народа к правящей элите. Оно еще больше возросло, когда в 2020 г. прекратилась индексация пенсий работающим пенсионерам. В условиях надвигающихся выборов, которые должны в 2022 и 2024 гг. выявить фракционный расклад в Госдуме и определить президента России, ослабление легитимности тех, кто находился у власти, было крайне нежелательно. Требовалось срочно сгладить негативные эмоции в обществе и восстановить прежнее доверие к руководству страны. Самым надежным выходом из такой ситуации всегда был разворот в сторону патриотизма, отодвигающий личные переживания на второй план и поднимающий тему защиты интересов России. Поскольку идейные установки советского патриотизма работали в пользу главной оппозиционной партии, а либерализм не приветствовал служение человека государству и носил весьма космополитический характер, пришлось обратиться к русскому консерватизму.

Указ президента от 21 июля 2020 г. утвердил национальные цели развития России на период до 2030 г., где было заявлено о выдвигании на первый план собственных приоритетов как необходимой основы нашего дальнейшего развития. На следующий день Госдума приняла законопроект президента об усилении патриотического воспитания в российских школах и вузах. Но еще 15 января 2020 г. в Послании Федеральному Собранию В.В. Путин предложил внести поправки к Конституции 1993 г. Они должны обеспечить ее абсолютное лидерство в правовом поле России, но не ломать сложившихся политических основ и их ценностно-целевого пространства. На 1 июля было назначено голосование, а через три дня отобранные поправки приобрели юридическую силу. Через год на Валдайском форуме В.В. Путин публично заявил, что «Наш консерватизм – это консерватизм оптимистов, это самое главное: мы верим, [что] стабильное, успешное развитие возможно». Сегодня его умеренный вид – самая разумная линия поведения. Президент также дал понять, что в некоторых случаях в России придерживаются отличных от Запада ценностей.

Однако суть ценностно-целевого пространства официального российского консерватизма на современном этапе так и не была раскрыта. Это можно связать с двумя аспектами. Во-первых, официальный российский консерватизм после 1917 г., уже не мог стать монархическим. Поэтому до сих пор нет четких критериев его рабочей модели. Во-вторых, помимо декларативных установок, направленных на борьбу за доверие общества, у правящей элиты существует скрытая (латентная) линия поведения, связанная с осуществлением только ее интересов. Эти интересы в первую очередь сосредоточены на удержании власти любой ценой и зависят не только от внутренних, но и внешних факторов, вынуждающих идти наперекор интересам народа и государства. Тут можно сослаться на «лихие девяностые». Тогда, согласно заявлению В.В. Путина, сделанному им

Статья подготовлена в рамках темы «Ценностное измерение консервативной и либеральной идеологии как фактор трансформации современного политического пространства» при поддержке ЭИСИ в ИНИОН РАН.

23 декабря 2021 г., представители США, засев в департаментах и обзаведясь своими столами, стали плотно опекать руководство России, работая на подавление нашей исторической памяти, как о советском, так и о царском прошлом.

Право осуществлять подобное косвенное руководство зависит от ресурсов, методов и технологий управления. У кого их больше, тот и диктует свою волю слабейшему. Приняв ценностно-целевые установки могущественной элиты глобального уровня, руководство России превратилось в двуликого Януса. В общении с народом оно играло роль защитника национально-культурных традиций, а вне общения скрыто следовало чужим правилам. Эта раздвоенность отразилась в политическом дискурсе и закрепилась в Конституции. Ведь культурно-идеологическая и нормативно-регулятивная сферы тесно связаны между собой политической системой, имея общее информационное поле. Его извлечь и правильно понять помогает семантико-фреймовый подход, дающий материал для осмысления ценностно-целевого пространства правящей элиты, «не задавая вопросов напрямую» и работая «по косвенным данным» [6, с. 22].

Поскольку национально-культурные традиции связаны с консервативной идеологией и относятся к правому социально-политическому полюсу, они противостоят левым взглядам, направленным на строительство такого порядка, которого человечество еще не знало. Сюда может быть отнесена не только идея построения коммунистического, но и гражданского общества с присущим ему правовым социальным государством светского типа. Как выразился по этому поводу в 1915 г. архиепископ Никон, «Чем дальше от Церкви, тем левее. Чем ближе к Церкви, тем правее». Для левых «Царь – такой же человек, как и все “президенты”. <...> Отсюда – мечты о конституции», о прогрессе – «“движении вперед”!». Если у правых мы видим «христианский нравственный принцип. Здесь – языческий юридический смысл. Там прежде долг, потом право; здесь – прежде право, потом долг. Там впереди общее... с забвением личного блага; здесь – впереди личность, потом уже общее благо, притом, не общецерковное, не небесное, а только земное» [4, с. 557, 560, 562–563].

Подобное противопоставление смыслов можно использовать в качестве аналитической матрицы сравнительного семантико-фреймового подхода. Ведь фреймовый анализ как способ когнитивной лингвистики помогает изучать взаимосвязь языковых значений и мыслительного поля, моделируя «принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц» [1, с. 29]. Тут исследователь берет «из данного определения только те свойства фрейма, которые важны с точки зрения его работы, и варьирует структуру данного понятия. <...> Однако все исследования, в которых используется данный подход», объединяет взгляд «на категорию фрейма как на один из элементов метаязыка, позволяющий в новом ракурсе взглянуть на традиционные проблемы... и изучить еще неизученные области» [2, с. 29].

Этот вывод переключается с исследовательской позиции Ч. Филлмора, принятой автором данной статьи в качестве одной из аналитических основ изучения ценностно-целевого пространства официального российского консерватизма на современном этапе. Филлмор видит главную задачу такого подхода в описании мыслительного представления, стоящего за словом, а также в умении выявить в этом представлении ключевые аспекты, несущие в себе определяющие значения и противопоставленные смысловым значениям иных лексических единиц в конкретной семантической зоне.

В такой трактовке фрейм становится когнитивным базисом лексического значения, содержащим информацию о типовой ситуации и стереотипном мышлении авторов текста.

Здесь нам на помощь приходит «И-семантика». Она начинается «с предположения, что ее цель заключается в описании условий, в которых отдельные высказывания... могут быть определены как истинные». Тут важно «обращение к утвердительным предложениям, допускающим суждения об (относительной) истинности или ложности» [5, с. 52–53]. Но, отбирая и именуя нужную информацию, надо не упускать из вида ее категориальное описание. Если эта операция осуществляется успешно, тогда «устанавливаются различия между, например... друзьями и врагами, своими и чужими, нормальными и ненормальными, старым и новым... – всем, что имеет значение в данных конкретных локальных обстоятельствах» [7, с. 96].

Такой антагонизм наблюдается в основном законе страны. Ведь он проводит жесткую грань между «своими и чужими» в том их значении, которое в них вкладывает правящая элита. Здесь есть только «истинные высказывания», не позволяющие по-разному толковать те или иные положения и не пускающие в текст «вражеские», «ненормальные» и «старые» термины. Это явный пример государственной идеологии, навязывающей эталон «правильных» ценностно-целевых установок. Но подобная категоричность основного закона, только облегчает применение сравнительного семантико-фреймового подхода, делая научное заключение максимально объективным. Правда, данный подход по-разному используется в гуманитарных науках. Поэтому та «литература, в которой встречается понятие фрейма, свидетельствует о наличии большого количества нерешенных, противоречивых вопросов относительно фреймов (определение данной категории, методика фреймового анализа)» [3, с. 138].

Поскольку сравнительный анализ автор статьи строит на работе с текстом Конституции, то лингвистическая модель фрейма здесь вполне уместна и может сочетаться с семантическим методом исследования главного документа государства. Тут термины «консерватизм» и «либерализм» используются как *фреймы-маркеры*, помогая выбрать *направляющие фреймы*, указывающие на ценности и цели российского консерватизма и либерализма. На их основе идет подбор *слоганов-топиков* как смысловых конкретизаторов направляющих фреймов.

В проводимом подборе следует учитывать то, что с момента крещения вплоть до 1917 г. в России была теократическая модель политической системы. На протяжении этого времени Бог толковался не только как Любовь, но и как наш Небесный Царь и Пастырь. Душа человека почиталась высшей ценностью. В ее спасении для Рая состояла главная функция правящей элиты. Соборность же считалась как девятый символ веры и лучший вид организации общества. Она противостояла, родившимся в либеральной среде, принципам парламентаризма, многопартийности, разделения властей и гражданского общества, видящим в абстрактном человеке, в его правах и свободах высшую ценность. Не мог принять российский консерватизм и т.н. «культурные ценности», вписанные в Ст. 44 нашей пятой Конституции, ибо они не имели никакой привязки к Богу.

Исходя из ценностно-целевых установок, осуществляется поиск *слов*, характеризующих Бога, душу, соборность, человека и культуру во всем многообразии их значений. Так как только 1, 2 и 9 Главы пятой Конституции целиком приняты правящей элитой России

и не подлежат никаким изменениям, найденные слоты накладываются на эти главы. Частота их упоминаний в процентном соотношении оформляется в виде та-

блицы, позволяющей раскрыть ценностно-целевое пространство официального российского консерватизма на современном этапе (табл. 1).

Таблица 1

консерватизм				либерализм			
ценности		цели		ценности		цели	
Бог, душа, соборность				Человек, его права и свободы, культурные ценности			
Божество	-	Обожение	-	Человек	10/7,4%	Суверенитет (независимость)	1/0,7%
Божественность	-	Рай	-	Человечность	-	Развитие	2/1,48%
Любовь	-	Спасение	-	Человеческий	-	Социализация	-
Вера	-	Блаженство	-	Частное	1/0,7%	Прцветание	-
Духовность	-	Святость	-	Индивид	2/1,48%	Самовыражение	-
Единодушие	-	Преображение	-	Личность(и)	4/2,96%	Равноправие	1/0,7%
Одухотворение	-	Мир как соборное единение	-	Лицо, лица	9/6,6%	Обогащение	-
Душевность	-	Единство	2/1,48%	Гражданин(е)	30/22,2%	Слава	-
Дух	-	Объединение(я)	4/2,96%	Гражданство	7/5,1%	Успех	-
Собор	-	Согласие	-	Искусство	-	Безопасность (охрана, защита)	13/9,6%
Соборность	-	Свобода как непротивоположное действие против греха	-	Творчество	2/1,48%	Гражданский мир	1/0,7%
Церковь	-			Способности	1/0,7%	Счастье	-
Сострадание	-			Образование	8/5,9%	Реализация	1/0,7%
Союз	-			Воспитание	1/0,7%	Свобода(ы) как независимое волеизъявление	33/24%
Мир как общность людей	-			Обучение	1/0,7%	Любовь как светское понятие	-
				Поклонение (культ)	-		

Найденные слоты свидетельствуют о том, что «истинные высказывания» авторов Конституции 1993 г., перешедшие в 2020 г. в ее новую редакцию, противоречат знаковым консервативным положениям России, существовавшим до марта 1917 г. Следовательно. Есть все основания считать ценностно-целевое пространство официального российского консерватизма на современном этапе явлением декларативным, не имеющим отношения даже к «умеренному виду».

Проведенный анализ раскрывает полное доминирование либерального «стереотипного мышления» в присутствии ему терминах (95,6%). Их следует связывать с леворадикальными идеями глобалистов, привнесенными к нам победителями в «холодной войне» и закрепленными в базовых главах пятой Конституции. По этой причине ее текст стал закрыт для «вражеских», «ненормальных» и «старых» терминов чистого консерватизма. Зато в избытке применялась трактовка человека и свободы в их ценностно-целевом измерении не характерном для царской России (63,04%). Такая комбинаторика успешно работает и позволяет законсервировать сложившийся у нас с 1993 г. политический режим, препятствующий возвращению Советской власти.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–31.
2. Гусельникова О.В. Возможности фреймового анализа. Мир науки, культуры и образования. 2009. № 5. С. 29–32.
3. Гусельникова О.В. Терминологический аппарат структуры фрейма. Филология и искусствознание. Вестник ЧГПУ. 2010. № 9. С. 138. С. 138–149.
4. Никон (Рождественский), архиеп. Православие и грядущие судьбы России. – М.: Институт Русской цивилизации, 2013. – 640 с.

5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 52–92.
6. Чимириис Е.С. Использование методики анализа фреймов для изучения доверия: опыт построения исследовательской модели. Вопросы политологии. 2022. № 1. С. 32–46.
7. Яноу Д., Хульст М. ван. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования. Социологическое обозрение. 2011. № 1–2. С. 87–113.

THE VALUE TARGET SPACE OF OFFICIAL RUSSIAN CONSERVATISM AT THE CURRENT STAGE IN OF ASSESSMENT SEMANTIC-FRAME APPROACH (BASED ON THE ANALYSIS OF THE FIFTH CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION)¹

Asonov N.V.
Moscow State Pedagogical University

In this article, the author, using a comparative semantic-frame approach to analyze the fifth Constitution of Russia, concludes that the value-target space of official Russian conservatism at the current stage is purely declarative. It is aimed at concealing the real latent interests of the country's ruling political elite, which has been linked to the global political elite since the collapse of the Soviet Union. This global elite is interested in preserving the regime established in 1993, which prevents the restoration of Soviet power and is genetically closely connected with the system of value-target attitudes of liberalism.

Keywords: official Russian conservatism, value-target space, Constitution of the Russian Federation, semantic-frame approach.

References

1. Boldyrev N.N. 2004. Conceptual space of cognitive linguistics. Issues of Cognitive Linguistics. No. 1. P. 18–31.

¹ The article was prepared within the framework of the topic “The value dimension of conservative and liberal ideology as a factor in the transformation of the modern political space” with the support of the EISI at the INION RAS.

2. Guseynikova O.V. 2009. Possibilities of frame analysis. *World of Science, Culture, and Education*. No. 5. P. 29. P. 29–32.
3. Guseynikova O.V. 2010. Terminological apparatus of frame structure. *Philology and Art Studies. Bulletin of ChSP U*. No. 9. P. 138. P. 138–149.
4. Nikon (Rozhdestvensky), Archbishop. 2013. *Orthodoxy and the future destinies of Russia*. Moscow: Institute of Russian Civilization. 640 p.
5. Fillmore Ch. 1988. Frames and semantics of understanding. *New in Foreign Linguistics*. Moscow: Progress, Issue XXIII. P. 52–92.
6. Chimiris E.S. 2022. Use of frame analysis methodology for studying trust: experience in building a research model. *Issues of Political Science*. No. 1. P. 32–46.
7. Yanow D., van Hulst, M. 2011. Political frames: from frame analysis to framing analysis. *Sociological Review*. Vol. 10. No. 1–2. P. 87–113.

«Вы принадлежите себе»: социальная аксиология либертарианства в контексте дискурса традиционных духовно-нравственных ценностей

Еньшина Анастасия Александровна,

к.и.н., доцент кафедры новейшей отечественной истории

МПГУ

E-mail: aa.karaseva@mpgu.su

В статье на материалах трудов теоретиков либертарианства – Д. Боуза, М. Ротбарда, Д. Бергланда, Л. фон Мизеса – представлена социальная аксиология либертарианства, набирающего популярность со второй половины XX века, в том числе в РФ. Автор приходит к заключению о том, что полноценная интеграция рассмотренных идей в российское идеологическое пространство невозможно, в силу господства в последнем традиционных духовно-нравственных ценностей, составляющих мировоззренческие основы общества.

Ключевые слова: либертарианство, социальная аксиология, традиционные духовно-нравственные ценности.

Государственные границы отступают перед распространением идеологий. Даже в условиях крупнейших мировых конфликтов XX столетия противоборство ведущих держав и их коалиций было в значительной степени было сопряжено с конфронтацией господствующих политических моделей и связанных с ними идеологических систем. На протяжении прошлого века произошли существенные изменения самого идеологического пространства общества, в том числе глубокая трансформация доктринальных установок либерализма и консерватизма – ведущих направлений политической мысли, с которыми связано историческое становление самого феномена «идеологии». При этом неolibеральные теории и стратегии оказались тесно связаны с реализацией политики «государства всеобщего благосостояния», а неоконсерватизм, напротив, «взял на вооружение» идеи максимальной экономической свободы, гражданской эмансипации и состоятельного образа жизни. В конце XX века последовал кратковременный спад общественного значения идеологий, а начало нового столетия ознаменовалось мощной волной консервативных настроений, вернувшей в эпицентр политической жизни проблемы национальной идентичности, патриотизма, исторической солидарности поколений.

Для современного этапа развития идеологического пространства общества показателен дискурс традиционных духовно-нравственных ценностей. В России основы соответствующей государственной политики были закреплены указом Президента РФ в 2022 г. [7]. Показательно, что наряду с перечнем самих ценностных ориентиров и принципов, отражающих цивилизационную специфику российского общества, в этом документе дана характеристика угроз и рисков, порожденных «условиями глобального цивилизационного и ценностного кризиса», в числе которых называется и деструктивное идеологическое воздействие на граждан России. На уровне государственных документов и общественно-политического дискурса в такой роли подразумеваются, прежде всего, экстремистские и радикальные идеологии, проповедующие цели геноцида, насилия, дискриминации и неравенства. Но достаточно остро встает вопрос и отношения к либеральным политическим теориям, которые немалая часть российских граждан прямо ассоциирует с угрозой социального расслоения и ценностной деградации общества, обесценивания идей созидательного труда и взаимопомощи. В особой степени это относится к либертарианству, которое в современных условиях воплощает многие идеологические ориентиры классического либерализма.

Сторонники либертарианской идеологии видят в качестве своих предшественников левеллеров периода Английской революции и «истинных виггов», боровшихся за свободы в XVIII столетии. Большинство трудов теоретиков либертарианцев построено на комментировании взглядов Дж. Локка и Т. Джефферсона, которые своими трудами заложили основы представлений о свободах личности и роли государства по их обеспечению. Но в качестве самостоятельного политического явления либертарианство оформилось лишь в конце 1960-х – 1970-х гг. на фоне смещения неolibерализма

Статья подготовлена в рамках темы «Ценностное измерение консервативной и либеральной идеологии как фактор трансформации современного политического пространства» при поддержке ЭИСИ в ИНИОН РАН.

к технократическим программам «государства всеобщего благосостояния» и неокейнсианским экономическим идеям. В США в 1972 г. был принят программный документ созданной годом ранее Либертарианской партии «Уложение о принципах». В нем отмечалось: «Мы, члены Либертарианской партии, бросаем вызов культу государственного всевластия и выступаем в защиту прав личности. Мы утверждаем, что всякая личность имеет право единолично распоряжаться собственной жизнью и право на образ жизни по своему выбору, пока она не вмешивается насильственно в право других на образ жизни по их выбору... там, где существуют правительства, они не должны подвергать насилию права какой бы то ни было личности, а именно: 1) право на жизнь – соответственно мы поддерживаем запрет на инициирование физической силы по отношению к другим; 2) право на свободу слова и действия, а значит, мы против всяких попыток правительств урезать свободу слова и печати, равно как и против государственной цензуры в любой форме; и 3) право на собственность, а значит, мы против всякого государственного вмешательства в частную собственность, такого как конфискация, национализация и отчуждение, и поддерживаем запрещение кражи, нарушения чужого владения, мошенничества и умышленный обман» [Цит. по: 1].

Если для «политического класса» ключевую роль в продвижении либертарианских идей сыграли труды Ф. фон Хайека и Л. фон Мизеса, то внимание широкой общественности привлек, прежде всего, роман «Атлант расправил плечи» писательницы и философа Айн Рэнд (Алисы Зиновьевны Розенбаум), главные герои которой – успешные бизнесмены – противостоят натиску государства, ограничивающего свободы, препятствующему внедрению инноваций в производство, пытающемуся подчинить себе весь ранее свободный рынок. Писательница получила поздравительное письмо Л. фон Мизеса, в котором отмечалось ее «мужество заявить о том, о чем не готов сказать ни один политик: люди обязаны каждым улучшением в своей жизни тем, кто лучше их» [4]. По данным одного из опросов 1991 года, книга Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» вышла на второе место после Библии в рейтинге читателей по степени влияния на их жизнь [3].

В России идеи либертарианства оказались востребованы на волне кризиса и распада социалистической системы [5]. При всей неоднозначности происходивших в 1990-х гг. перемен в нашей стране появилось немало сторонников данных взглядов, в том числе среди академической общественности. В 2008 г. возникла Либертарианская партия России (расколовшаяся в 2020 г. на две самостоятельные организации). На протяжении первой четверти XXI века влияние либертарианских идей значительно снизилось, а их содержательные ориентиры оказались воплощены в мифологизированном образе «либерализма» как одной из деструктивных идеологий современности, несущей угрозу духовно-нравственным ценностям общества. Насколько этот образ соответствует социальной аксиологии либертарианства, и существует ли основа для интеграции либертарианских ценностей в идеологическое пространство современного общества?

Несмотря на неоднородность взглядов представителей либертарианства, ядро их политического учения составляют императив естественных прав, «свободный рынок» и «минимальное государство».

Примат естественных прав человека незыблем для либертарианцев: свобода человека ограничена только пространством свободы другого человека. Иными словами, либертарианцы полагают для человека возмож-

ным все, что не препятствует реализации свобод другого человека. Так, им представляется возможной легализация торговли легкими наркотиками. Ведь свободная личность в состоянии сама определить, что ей делать с ее телом и здоровьем, подобное решение не будет препятствовать жизни других людей, нарушать их права. По мнению Д. Боуза, наркотические средства следует продавать в винных магазинах, где они будут доступны всем желающим их приобрести. По мнению политика, подобные меры позволят избавить общество от чрезмерного насилия, которое зачастую становится результатом отсутствия доступа к наркотикам. Наркодилеры исчезнут, а вместе с ними и преступная активность на фоне дележа рынков наркотических средств. Зависимые смогут получать наркотики свободно, им не придется нарушать закон для получения новой дозы веществ. Д. Боуз предполагает, что таким образом будет высвобождено значительное число полицейских, которые займутся более значимыми преступлениями, направленными против личности [2, с. 278]. В оправдании легализации наркотиков либертарианцы доходят до того, что пишут об их целебном эффекте, не только как способе преодоления боли для тяжелобольных, но и в целом при лечении других заболеваний. Мыслители рассуждают даже о том, что с легализацией наркотиков улучшится их качество, сократится смертность вследствие употребления продукции, за которой не был установлен надзор. Зависимые люди будут меньше погибать от передозировок, понимая, что необходимые им вещества всегда в зоне доступа. Сходное отношение мы находим и у других теоретиков либертарианства [6, с. 128–129; 1].

Либертарианцы неоднократно публично заявляли о том, что они выступают за половую свободу вне брака, если половой контакт является свободным выбором всех его участников. Соответственно, они лояльно относятся и к производимым абортам, полагая их возможностью женщины избавиться от нежелательного плода, дабы не ухудшать свои жизненные условия. Либертарианцы полагают более опасным рождение ребенка вне брака, так как это серьезно скажется на материальном благополучии матери, лишит ее, возможно, необходимых источников существования, воспрепятствует поиску хорошей работы, обучению, переезду в регион, где условия для нее были бы лучше в плане строительства карьеры, приобретения жилья и пр. Ротбард пишет: «При аборте мать избавляется от того нежеланного, что завелось в ее теле; если плод при этом умирает, это не опровержение того обстоятельства, что никакое существо не имеет права жить – незваным и нежеланным – в теле другого человека» [6, с. 124]. Условия жизни ребенка, на взгляд либертарианцев, – забота исключительно его родителей. Специфика взглядов на проблему разности в доходах и, соответственно, обеспечения детей отражается и в данном умозаключении: либертарианцы полагают справедливым, что одни дети купаются в роскоши, а другие не имеют самого необходимого. Обеспеченная семья путем колоссального труда добилась своего высокого материального положения, и поэтому их дети лучше обеспечены. Положение их детей – признание той работы, которую провели родители. Попытка выровнять обеспеченность детей – это вмешательство государства, влекущее за собой тяжкие последствия формирования социального иждивенчества. Как пишет Д. Боуз, «суровая правда в том, что, пока государство всеобщего благосостояния позволяет молодым женщинам – или девочкам-подросткам – растить детей без мужа и жить, не работая, доля внебрачных детей останется крайне высокой (по последним данным, до 68 процентов среди черных

и 23 процентов среди белых) и в городских гетто будут царить преступность, бедность и отчаяние» [2, с. 274].

Так же терпимо либертарианцы относятся к легализации оружия, которое, находясь в доме у человека, не представляет угрозы даже для его соседей; употреблению спиртных напитков; просмотрам сцен насилия и порнографических видео. Либертарианцы полагают, что государство должно относиться к своим гражданам как к взрослым состоявшимся личностям, которые могут принимать решения самостоятельно. Государственный патернализм как в экономической, так и в социальной сфере видится либертарианцам основной угрозой свободной личности. Д. Боуз полагает, что государство может давать советы, предлагать что-либо, но не требовать исполнения. Однако, и советы, которые могут исходить от государства, скорее излишни, продолжает политик, так как налогоплательщики не хотят, чтобы взимаемые с них налоги шли на раздачу советов [2, с. 97].

Либертарианцы пишут о минимальной заинтересованности личности в государстве, даже в области социального обеспечения на случай бедности, потери работы, временных трудностей. Различные социальные выплаты и льготы, предоставляемые государством, только мешают выбраться из тяжелой жизненной ситуации, формируют социальное иждивенчество. Получающие помощь не имеют стимулов к самостоятельному поиску работы, иных способов разрешения проблем, они выстраивают свои жизненные стратегии с учетом получения постоянной помощи извне. При потере этого канала получения средств люди попадают в еще более безвыходную ситуацию, потому что время, затраченное на оформление помощи и ее получение, уже не вернуть. Между тем вместо того, чтобы претендовать на помощь государства, человек мог бы сам найти выход, используя все возможности, предоставляемые рыночной экономикой. Либертарианцы полагают неразумным вмешательство государства даже в формирование фондов заработной платы: установление минимальных размеров оплаты труда приводит к тому, что человек с низкой квалификацией не может найти себе работу, а, значит, не может начать движение по карьерной лестнице.

Участие государства в решении социальных проблем путем в первую очередь перераспределения доходов видится, таким образом, наихудшим злом во многом благодаря тому, что государство, апеллируя к необходимости увеличения социальной поддержки нуждающимся гражданам, увеличивает свое присутствие, «растет». А либертарианцы – сторонники минимального государства, государства – «ночного сторожа», в обязанности которого входит только обеспечение прав и свобод граждан, их безопасности.

Социальная взаимопомощь, благотворительность рассматриваются только в качестве альтернативы государственной поддержке. Либертарианцы полагают, что по мере исключения государства из решения социальных проблем, американцы будут охотнее тратить деньги на оказание помощи своим согражданам и на свое усмотрение – гражданам других государств. Помощь, оказываемая общественными активистами, видится представителем данных политических взглядов более гибкой, могущей более эффективно работать с нуждающимися, не подсаживая их на крючок государственных дотаций, а предлагая возможности самостоятельного выхода из тяжелой ситуации (помощь в поиске работы, жилья, образовательных курсов и пр.). Общественные организации тратят гораздо меньше средств на оказание помощи, чем государственные, в которых деньги налогоплательщиков идут в том числе на оплату содержания сотрудников социальных государственных служб.

Расовый вопрос американскими либертарианцами также рассматривается как самостоятельный. Являясь, как мы видим, противниками участия государства в решении любых социальных проблем, они отрицают необходимость предоставления льгот латиноамериканцам, афроамериканцам и др. этническим группам. Внедряя насильно квоты для чернокожих граждан государство, на взгляд либертарианцев, способствовало формированию предрассудка о том, что они не смогут в равных условиях конкурировать с белыми кандидатами при устройстве на работу, интеллектуально не потянут поступления на равных в образовательные учреждения.

Касаясь религиозных вопросов, либертарианцы полагают, что человек – морально ответственная личность, которая может самостоятельно определять свои отношения с Богом. Политическое течение придерживается принципов веротерпимости и отделения церкви от государства. Религия должна быть выведена из зоны политики. Это условие гармонизации социальных отношений. Необходимо перевести религию в убеждение, это не снимет разногласия в обществе, но нивелирует политический конфликт. С XIX века либертарианцы придерживаются идеи «свободной торговли в религии», то есть сосуществования нескольких религиозных конфессий, со свободным выбором одной из них каждым гражданином, без диктата «государственной религии».

Институт семьи и брака также помещается сугубо в материальный контекст. Семья дает человеку возможность сообщать себе более высокий уровень жизни. Как пишет Д. Боуз: «...семья – базовый институт гражданского общества. Семья оказывает им двоякую помощь: прежде всего, конечно, просто предоставляя кров и материальное содержание, однако особую важность имеет передача жизненных ценностей и обучение надлежащему поведению. Зная, что социальных пособий не предвидится, матери будут активнее внушать дочерям важность учебы в школе и избежания беременности. Ни один социальный работник не способен обеспечить такого сочетания любви и строгости, как член семьи» [2, с. 275]. Либертарианцы считают вредной поддержку государства исключительно традиционных форм семьи, полагая, что семьи, создаваемые на добровольной основе, не нуждаются в регламентации государства. Члены семьи в состоянии сами решить, что для них будет лучшим выбором в их жизни. Вмешательство извне лишь разрушает семейный институт. Цитируемый выше политик отмечает, что «нам следует установить принцип отделения семьи от государства, аналогичный по прочности стене, отделяющей церковь от государства, и возводимый, кстати, по тем же причинам: в целях защиты совести индивида, предотвращения социальных конфликтов, уменьшения пагубных последствий субсидирования и регулирования семьи» [2, с. 132].

Полагая важным для современного человека получение качественного образования, либертарианцы считают и здесь необходимым устранить государственное влияние. Сеть государственных школ, по их мнению, не отвечает минимальным требованиям – школьники все чаще подвергаются дискриминации, буллингу, результатом чего становится агрессия и насилие с их стороны. Знания, которые получают дети в государственных школах, не позволяют им в дальнейшем поступить в престижное образовательное учреждение. Программа государственных школ подразумевает освоение дисциплин, которые считает значимыми правительство, но не семья школьника. В связи с чем, в США стало все более популярным семейное образование, которое в ряде штатов было признано незаконным. Растет популярность частных школ. Родители, которые уплачивают налоги

(форма обкрадывания населения, по мнению либертарианцев), тем самым оплачивая место своего ребенка в государственной школе, платят дополнительно, чтобы поместить его в частную. Либертарианцы предлагают полностью отказаться от сети государственных школ, заменив их частными. Это предоставит право выбора родителям той образовательной программы, которая им нужна. Опасения консерваторов в отношении того, что тогда родителям не удастся заставить детей учиться, либертарианцы развеивают следующим образом: если школа будет предоставлять комфортные условия для обучения, и дети будут понимать, что от их уровня образовательной подготовки зависит их будущее материальное благополучие, они сами будут более ответственно относиться к посещению занятий.

Для либертарианцев неприемлема и воинская служба молодежи. Они считают ее формой рабства. Полагая, что в современном обществе нет необходимости тратить деньги налогоплательщиков на содержание воинских контингентов внутри страны и за ее пределами, они выступают за полную ее отмену. Акцентируя внимание на целый ряд обязательств, налагаемых на военнослужащих в период срока службы, которые ограничивают их свободы, либертарианцы призывают к тому, чтобы военные нанимались на службу, как и полицейские, на тот срок, который они посчитают для себя приемлемым. Для того, чтобы подобное желание у молодежи возникло, должна быть пересмотрена и доведена до рыночной оплаты их труда, чтобы воинская обязанность не превращалась в форму экономической эксплуатации [6, с. 95–97]. Либертарианцы призывают к отзыву всех военных контингентов США за пределами страны, выход из НАТО. Военнослужащие, пребывающие на родину, смогут найти своим знаниям и умениям мирное применение, производить товары и услуги, необходимые обществу. Это будет более рациональное использование их сил. Отвечая на озвучиваемые опасения отсутствия защиты границ в случае отказа от воинской службы, Д. Боуз замечает, что если государство этого достойно, то его будет защищать добровольно [2, с. 94].

Таким образом, значимые, являющимися незыблемыми для российской цивилизации ценности в либертарианстве имеют совсем иные смыслы или отрицаются вовсе. Так, ценность достоинства помещается в сугубо персоналистский контекст. Достоинство гражданина в представлениях сторонников либертарианства – это независимость, в первую очередь экономическая, от любой помощи извне, свобода распоряжаться собой и своим имуществом по собственному усмотрению (право «самопринадлежности»). Либертарианцы не признают главенства духовного над материальным. Они – сторонники свободного рынка – полагают, что материальное благополучие является маркером успешности человека и общества в целом. Признавая значимость религиозных институтов, они не допускают их оформляющего для человеческого сознания значения. Институт семьи либертарианцами видится зачастую только как экономическая единица, позволяющая ее участникам обеспечивать себя и своих детей наилучшим образом. Либертарианцы как противники вмешательства правительственных институтов («государство, которое почти уже и не государство») в решение социальных проблем, предлагают возвести стену (терминология Д. Боуза) между государством и вопросами религии, брака, образования. Руководствуясь незыблемым правом самопринадлежности, они готовы смириться с тем, что человек будет убивать себя, употребляя наркотики и алкоголь, регулярно просматривать контент со сценами насилия, порнографией, лишь бы его действия не наносили ущерба другим чле-

нам общества. Подобные ориентиры крайне ограничивают и даже делают невозможным конструктивную интеграцию либертарианства в идеологическое пространство общества, воссоздающего свои культурные коды и социальную организацию на основе дискурса традиционных ценностей. Но эта же ситуация заставляет признать важность дифференциации либертарианских и либеральных аксиологических и социально-политических установок, постановки вопроса о потенциале идеологического синтеза современных форм либерализма и консерватизма.

Литература

1. Бергланд Д. Либертарианство за один урок / Пер. В. Жилина [Электронный ресурс]. – URL: <https://libre.life/ideo/libertarianism/ru> (дата обращения: 03.10.2024).
2. Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. / Д. Боуз; пер. с англ. М. Кислова, А. Куряева. 3-е изд. – М.; Челябинск: Социум, 2020. – 441 с.
3. Книги, о которых говорят: «Атлант расправил плечи» [Электронный ресурс]. – URL: <https://readrate.com/rus/news/knigi-o-kotorykh-govoryat-atlant-raspravil-plechi> (дата обращения: 03.10.2024).
4. Письмо Людвиг фон Мизеса Айн Рэнд 23 января 1958 года [Электронный ресурс]. – URL: https://cdn.mises.org/Ludwig%20von%20Mises%20Letter%20to%20Rand%20on%20Atlas%20Shrugged_4.pdf (дата обращения: 03.10.2024).
5. Романовская О.В. Либертарианство и конституционные принципы организации публичной власти в современном мире // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2021. Т. 9, № 1 (33). С. 47 [Электронный ресурс]. – URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 03.10.2024).
6. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2009. – 396 с.
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 02.10.2024).

“YOU BELONG TO YOURSELF”: THE SOCIAL AXIOLOGY OF LIBERTARIANISM IN THE CONTEXT OF THE DISCOURSE OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES¹

Enshina A.A.
Moscow State Pedagogical University

Based on the works of libertarian theorists D. Bose, M. Rothbard, D. Bergland, L. von Mises, the article presents the social axiology of libertarianism, which has been gaining popularity since the second half of the twentieth century, including in the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the full integration of the considered ideas into the Russian ideological space is impossible, due to the dominance of traditional spiritual and moral values in the latter, which constitute the ideological foundations of society.

Keywords: libertarianism, social axiology, traditional spiritual and moral values.

¹ The article was prepared within the framework of the topic “The value dimension of conservative and liberal ideology as a factor in the transformation of the modern political space” with the support of the EISI at the INION RAS.

References

1. Bergland D. Libertarianism in one lesson / Per. V. Zhilina [Electronic resource]. – URL: <https://libre.life/ideo/libertarianism/ru> (date of application: 03.10.2024).
2. Bose D. Libertarianism. History, principles, politics. / D. Bose; translated from English by M. Kislov, A. Kuryaev. 3rd ed. – M.; Chelyabinsk: Socium, 2020. – 441 p.
3. Books about which they say: “Atlas shrugged his shoulders” [Electronic resource]. – URL: <https://readrate.com/rus/news/knigi-o-kotorykh-govoryat-atlant-raspravil-plechi> (date of application: 03.10.2024).
4. Letter from Ludwig von Mises to Ayn Rand on January 23, 1958 [Electronic resource]. – URL: https://cdn.mises.org/Ludwig%20von%20Mises%20Letter%20to%20Rand%20on%20Atlas%20Shrugged_4.pdf (date of application: 03.10.2024).
5. Romanovskaya O.V. Libertarianism and constitutional principles of the organization of public power in the modern world // Electronic scientific journal “Science. Society. The State” 2021. Vol. 9, No. 1 (33). p. 47 [Electronic resource]. – URL: <http://esj.pnzgu.ru> (date of application: 03.10.2024)
6. Rothbard M. Towards a new Freedom: The Libertarian Manifesto / Translated from English. – M.: New Publishing House, 2009. – 396 p.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/19/2022 No. 809 “On approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” [Electronic resource]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of application: 02.10.2024).

Каюмов Айдар Талгатович,

д.ф.н., профессор кафедры социальных наук и технологий
Национального исследовательского технологического
университета «МИСИС»
E-mail: atkayum@gmail.com

Демидова Серафима Александровна,

к.ф.н., доцент кафедры социальных наук и технологий
Национального исследовательского технологического
университета «МИСИС»
E-mail: amifares@mail.ru

В статье проводится философский анализ истории как процесса через призму концепций провиденциализма. С возникновением христианства и философским осмыслением его идей связано появление линейной модели истории, одной из форм которой является провиденциализм. Данное исследование рассматривает этапы развития провиденциализма, его фундаментальные идеи, анализирует позиции основных его представителей. Авторы приходят к мысли о том, что истоки светских концепций, которые использовали бинарный подход к познанию истории, следует искать именно в провиденциализме. Вводится в научный оборот термин «неопровиденциализм», возникший в контексте секуляризации и критического переосмысления религиозных доктрин и поясняющий специфику современного подхода к исследованию динамики исторического процесса в традиции провиденциализма. Неопровиденциализм рассматривается как компромисс между религиозным и секулярным пониманием истории.

Ключевые слова: провиденциализм, неопровиденциализм, историческое, линейная модель истории, христианство.

История – динамический, поливариантный и многослойный процесс и сложный феномен, который включает в себя как закономерные, так и случайные элементы. История влияет на жизнь людей и формирует будущее. Научная оценка этого процесса выразилась в нахождении в ней определенных устойчивых форм. Российский историк и философ П.К. Гречко назвал их метапаттернами, понимая под этим термином устойчивые, повторяющиеся структуры и схемы, которые можно обнаружить в историческом развитии человеческих обществ. Они «выступают в роли архетипических укорененных прообразов идеи истории» [5]. Это линейная модель развития истории, одними из форм которой выступает провиденциализм.

Провиденциализм – это философское и теологическое учение, согласно которому историческое развитие человечества управляется или направляется божественным провидением. В этом контексте история рассматривается как результат исполнения божественного плана, в котором каждое событие имеет predetermined значение и цель, которая человеку неизвестна, она известна только Богу. Согласно этому мировоззрению, промысел Бога распространяется на весь окружающий мир и придает природным и общественным процессам осмысленный характер. По определению британского историка Джона Тоша, согласно такой позиции «изучение прошлого позволяет до некоторой степени понять промысел Божий и сосредоточиться на грядущей расплате за грехи» [8].

Фундаментальные идеи и положения, раскрывающие суть провиденциализма – это, во-первых, божественное провидение. Провиденциализм утверждает, что Бог имеет конкретный план для мира и каждого человека, и этот план реализуется через исторический процесс. Исторические события, как позитивные, так и негативные, рассматриваются как часть этого божественного плана. Во-вторых, целостность истории. В провиденциализме история рассматривается как единый, непрерывный процесс, в котором каждое событие связано с другими и направлено к определенной цели. Этот взгляд противопоставляется идее случайности и хаоса в историческом процессе. В-третьих, эсхатология. Провиденциализм включает в себя эсхатологические ожидания, то есть убеждение в том, что история движется к определенному финальному событию или состоянию, которое будет исполнением божественного плана (например, второе пришествие Христа в христианстве). В-четвертых, моральное оправдание истории. В провиденциалистском учении события истории рассматриваются через призму морали и этики. Поражения, страдания и успехи воспринимаются как средства достижения высшей цели или как наказания и награды за поступки людей.

Основными историческими формами провиденциализма выступают христианский, иудейский и исламский, а также просвещенский провиденциализм. Христианский – наиболее распространенная форма провиденциализма. Христианское мировоззрение по своей сути провиденциально. В христианстве считается, что Бог ведет человечество к спасению через историю. Это учение находит свое отражение прежде всего в трудах Августина Блаженного, особенно в его работе «О граде Божьем», где он анализирует историю как борьбу между Градом

Божьим и Градом земным, И. Флорского, Ж.-Б. Боссюэ, Н.А. Бердяева и многих других. В основе провиденциализма положение о predeterminedности действий человека Богом. Известный английский философ, культуролог и историк К.Г. Доусон уточняет, что провиденциализм «не просто вера в predeterminedность истории божественным провидением», а «вера во вмешательство Бога в жизнь человечества через прямое воздействие в определенные моменты времени и пространства» [6].

Провиденциалистский подход к истории возникает вместе с христианством. Во-первых, в античном мире, справедливо отмечал Н. Бердяев, господствовала идея круговорота прошлого, постоянного возвращения одного и того же. Во-вторых, мыслители античного мира считали, что действия людей подчинены не только богам, но и судьбе. Древнегреческий историк Геродот видел правителя «игрушкой в руках судьбы» [3]. Христианство порывает с античными представлениями. История начинается с сотворения мира и далее поступательно развивается через ряд этапов. Бог в христианской теологии становится единым, он находится выше судьбы. Тем самым создаются предпосылки для преодолевающего циклизма линейного понимания истории.

Провиденциализм подвергался критике за то, что он обесценивает человеческую свободу и ответственность, сводя все исторические события к исполнению божественного плана. Также критики указывали на то, что, прежде всего, он заложил основы рассмотрения истории как прогрессивного движения к каким-то идеальным состояниям общества. По мнению российского философа А.С. Панарина, провиденциализм тем самым повел историческое познание ложной дорогой. Он отмечал, что «если в области естествознания наша мысль шла от Птолемея к Копернику, то в сфере исторического знания мы шли скорее обратным путем: от коперников античной исторической классики к птолемеев провинциально-самоуверенного прогрессизма. Поражает несправимость последнего: наблюдая крушение очередного авангарда, прогрессисты тут же идут в услужение к следующему, объявляя, что на этот раз мы имеем дело с безошибочным историческим выбором и окончательной победой» [11].

На наш взгляд говорить о том, что провиденциализм ложен, ибо открывает дорогу прогрессистскому пониманию истории, использованному в XX в. тоталитарными режимами, неверно. Каждый подход к истории необходимо рассматривать всесторонне, и те, кто забывает о подобном требовании научного познания, совершают ошибку.

Кроме того, далеко не все провиденциалистские концепции истории выступали прогрессистскими. Как отмечал российский философ Ю.И. Семенов, «вряд ли можно согласиться с теми, кто считает Августина основоположником концепции общественного прогресса. Разумеется, он рассматривал всемирную историю как движение по единой прямой линии... Но идеи прогресса в точном смысле слова у него не было» [7]. У Августина отсутствовала «идея прогресса», поскольку движущие силы истории носили сверхъестественный характер. Отождествлять «линейность» и «прогрессивность» в трактовке истории нельзя.

Начиная с XIX в. с развитием секулярных и научных подходов к истории провиденциализм часто критиковали и критикуют за антинаучность (Х. Раппопорт, Э. Трельч, И. Гобзов и др.). Действительно, провиденциализм не имел отношения к науке, определялся религиозными представлениями. Отсюда делали вывод о полной непригодности указанного мировоззрения для познания динамики прошлого. Например, И.А. Гобзов

утверждал, что «в таком аспекте проблема смысла истории выступает как псевдопроблема и ее исследование не имеет никакого смысла и не представляет никакой научной ценности» [4]. Подобное обобщение касалось и иных, трактуемых провиденциализмом историософских вопросов: о движущих силах истории, поиске ее законов, типологии прошлого и т.д.

Однако полностью согласиться с таким мнением нельзя. Провиденциалистская трактовка истории, несмотря на иррационализм, содержала ряд интересных идей, способствовавших становлению линейной модели истории. Прежде всего, здесь еще в Средние века поставлен вопрос о соотношении таких философских категорий, как необходимость и случайность в истории. Провиденциалисты считали, что Бог может отклонять неизбежные в настоящем (негативные с точки зрения будущего) события и способствовать реализации случайных, маловероятных сейчас, но позитивных с позиции дальнейшего исторического развития ситуаций. Таков был предложенный в Средние века вариант решения проблемы соотношения необходимости и случайности, допускавший существование последней в истории. Это был шаг вперед по сравнению с концепцией фатальности, распространенной в античности.

Мыслители, отстаивавшие провиденциалистскую позицию, создали универсальную периодизацию истории, которая базировалась на Библии. Этого не было до христианства. Первым такую периодизацию прошлого предложил в V в. Аврелий Августин. В XII в. это сделал И. Флорский. Последняя крупная теологическая типологизация истории проведена в XVII в. Ж. Боссюэ. Указанные мыслители выделили в историческом процессе от трех (Флорский) до шести (Августин) и двенадцати (Боссюэ) периодов. Если игнорировать отличия позиций, главным выступало признание единства, всемирности истории, ее линейного развития, проходящего через определенные этапы. Таков важнейший вклад провиденциализма в становление линейной модели истории.

Несмотря на разнообразие выявленных Августином, И. Флорским, Ж.-Б. Боссюэ фаз всемирной истории, их можно свести к нескольким периодам. Например, эпоха благословенности, земной греховности и царства небесного или период до рождения Христа и период, связанный с откровением Христовым и т.д. Но с подобной позицией нельзя полностью согласиться. Действительно, любую провиденциалистскую типологию истории можно при желании редуцировать к нескольким периодам, охватывающим, например, сотворение мира, жизнь человека в раю, его греховное бытие в земном Граде, Страшный Суд и его последствия. Однако христианские мыслители специально расширяют рамки исторического процесса, включая сюда «светские» события, которые прямо не связаны с рождением Христа или иными теологическими сюжетами. Причина проста: история с позиции Августина, Е. Кесарийского, И. Флорского, Ж.-Б. Боссюэ должна включать не только божественные деяния, но и действия людей, социальных коллективов (армий, государств, народов). Поэтому христианская периодизация истории делает важными (эпохальными), достойными выделения в отдельный период, некоторые светские события. Например, для Боссюэ таковым являлось возложение в 800 г. папой Львом императорской короны на Карла Великого, т.е. образование нового государства.

Создание в рамках провиденциализма типологии исторического процесса позволило представить его в виде отрезка, имеющего начало (сотворение мира) и конец (Страшный Суд). Тем самым провиденциализм объективно способствовал становлению линейной модели исторического процесса.

Античные философы видели, что мир динамичен. Известны высказывания Гераклита из Эфеса: «все течет, все меняется», «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». В противоположность этому, исторический процесс в Древней Греции и Риме представлялся большинству мыслителей циклическим. А в провиденциализме утверждалась борьба двух начал как универсальная, движущая сила исторического процесса. У Августина и других теологов речь шла о противостоянии добра и зла, Града Земного и Града Божьего, Бога и дьявола. Августин разделил человеческие существа на «два разряда: тех людей, которые живут по человеку», и «тех, которые живут по Богу. Эти разряды мы назвали двумя градами, т.е. двумя обществами людей, из которых одному предназначено вечно царствовать с Богом, а другому подвергнуться вечному наказанию с Дьяволом» [10]. Затем бинарный метод анализа общества воспроизводится в светских концепциях истории. Здесь место сверхъестественных сил заняли реальные факторы: социальные группы (классы – в марксизме, народы с различной ментальностью в цивилизационном подходе С. Хантингтона). Несмотря на критику провиденциализма, бинарный подход к познанию истории, ее движущих сил, пользуется популярностью. Истоки подобных (светских) концепций, рассматривающих историю как борьбу двух начал, следует искать в провиденциализме.

В рамках провиденциализма не только провозглашалось «завершение земной истории», но ставился вопрос о жизни человека в конечной стадии исторического развития. Путем рассмотрения ситуации «что было бы, если бы Адам и Ева не согрешили?» Августином «моделировались» условия жизни людей в будущем Граде Божьем. По представлениям Августина, при отсутствии греха Адама и Евы, человечество сразу переходило на качественно новую стадию становления: превращалось в «общество» бессмертных ангелов. Подобно Богу, такие существа находились бы вне времени, в вечном настоящем. В этом состоянии фактически находятся и обитатели Града Земного.

Под влиянием Августина более поздние религиозные мыслители начали находить целью деятельности человека в истории соединение с Богом, приближение к нему, как к идеалу. В результате в рамках провиденциализма не только констатировалось, что человечество достигнет конечной стадии (реализации на земле Града Божьего), но и давались конкретные характеристики подобному состоянию общества. В дальнейшем описание будущего («идеального») типа социальной организации станет важной чертой различных светских теорий, рассматривающих динамику исторического процесса.

На базе провиденциализма мыслителями XX в. выделены специфические этапы отношения к историческому. Обратимся к варианту решения этой задачи, предложенному Н.А. Бердяевым. Первый этап – это период целостного органического пребывания в каком-либо стабильном историческом строе. Здесь пока отсутствует историческое познание, ибо мысль статична, а динамичность субъекта еще не воспринимается умом людей.

Второй этап характеризуется различными историческими катаклизмами и катастрофами, целостная жизнь нарушается, начинается рефлексия исторического процесса, возникает историческое познание. Объект и субъект противостоят друг другу. Как отмечает Бердяев, в этот период происходит противопоставление «исторического» «познающему», которое «отдаляет от него внутреннюю сущность «исторического»» [1]. Время проявления такого отношения к историческому – эпоха Просвещения XVIII в. Наибольшее выражение дух Просвещения, десакрализирующий историю, лишаящий ее

сверхъестественных тайн, нашел в марксизме. Бердяев, ранее примыкавший к этому учению, видит главный порок подобного понимания истории в преувеличении роли материального производства, игнорировании иных факторов исторического процесса. Это ведет к бездуховности.

Третий этап – возвращение к историческому, т.е. проникновение в тайны бытия истории. Происходит осмысление судьбы истории, связанной с человеком, его надеждами; история антропологична. Тем самым христианство вносит в понимание исторического новизну: 1) ставит на доминирующее место человека вместо общества (что свойственно социологическим доктринам); 2) преодолевает господствующую с античности цикличность; 3) указывает цель исторического процесса.

Итак, провиденциализм – направление, возникшее в рамках линейной модели истории. Он представлен рядом мыслителей (от Августина до Бердяева) считавших, что Бог активно вмешивается в ход исторического процесса. Здесь сформировались специфическая трактовка смысла истории (устремленность от Сотворения мира к Страшному Суду), его движущих сил, сущности исторического, первая линейная периодизация исторического процесса, базировавшаяся на библейских и иных священных текстах. Такой подход создал предпосылки формирования в будущем на светских основаниях идеи общественно-исторического прогресса.

Провиденциалистская трактовка исторического процесса устраивала преимущественно средневековых мыслителей. В Новое время философы уже не могли согласиться с господством сверхъестественных сил при объяснении динамики исторического процесса. Их место заняли климат, наука, разум, экономика и другие факторы. Становление идеального общества тоже перестали связывать с божественной волей, а выводили из степени просвещенности людей или, как в марксизме, законов истории.

Однако труды Августина, И. Флорского, Ж.-Б. Боссюэ, посвященные познанию истории, в новых условиях не пропали даром. Главная заслуга провиденциализма – не в сакрализации прошлого. Здесь сформировался ряд положений, составивший фундамент линейной модели исторического процесса: 1) разделение исторического процесса на идущие друг за другом стадии; 2) наличие движущей силы истории; 3) ее стремление к определенной цели (финализм).

Иудейский и исламский провиденциализм фундаментально не отличается от христианского. В иудаизме и исламе также существуют аналогичные концепции, где история понимается как реализация божественного плана. Например, в иудаизме важную роль играет идея Завета между Богом и народом Израиля, которая направляет ход истории.

В XVIII в., в эпоху Просвещения провиденциализм стал сочетаться с идеями прогресса. Философы того времени, такие как Вольтер, хотя и критиковали традиционный религиозный провиденциализм, все еще признавали существование некоторого высшего порядка в истории.

С целью описания философской концепции теории, связанной с особым пониманием судьбы и случайностей в истории нами вводится в научный оборот новое понятие – «неопровиденциализм». В отличие от традиционного провиденциализма, который утверждает, что все в жизни predetermined божественным провидением, неопровиденциализм предполагает, что историческое развитие помимо божественного промысла определяется активными решениями отдельных людей, случайностями и непредсказуемыми факторами.

Неопровиденциалистская концепция исторического процесса возникает как своеобразное возрождение идей традиционного провиденциализма, но с учетом современных философских, научных и культурных контекстов. Она утверждает, что в историческом процессе присутствует некий высший замысел или предопределение, которое определяет ход событий, и исторические законы, безусловно, провиденциальны. Но исходный пункт философии истории в понимании неопровиденциалистов – в свободе людей, создавших и создающих собственную историю.

Истоки неопровиденциализма уходят в XVIII и XIX вв., когда философы начали переосмысливать роль Бога и провидения в человеческой истории. Если традиционный провиденциализм настаивал на том, что Бог напрямую управляет всем, что происходит в мире, то неопровиденциалисты пытались найти баланс между идеей божественного провидения и свободой человеческой воли.

Отнесем к положениям современного неопровиденциализма:

- *Исторический процесс есть проявление закона и порядка.* Неопровиденциалисты признают наличие определенного порядка в историческом развитии, но не сводят его полностью к божественному замыслу. Они видят в истории проявление закономерностей, которые могут быть поняты и изучены.
- *Синтез традиций и современности.* В отличие от классического провиденциализма, неопровиденциализм стремится интегрировать современное научное знание и философские концепции, такие как телеология, в объяснение исторических процессов, сохраняя при этом идею высшего замысла.
- *Свобода воли и моральная ответственность.* История рассматривается как поле, на котором проявляется человеческая свобода и моральная ответственность. Люди могут выбирать свой путь, и эти выборы формируют ход истории.
- *Смысл истории.* История имеет определённый смысл и цель, которые находятся за пределами чисто человеческого понимания. Неопровиденциализм отвергает идеи хаотичности и бессмысленности истории, утверждая, что каждый исторический момент играет свою роль в исполнении общего плана.
- *Интерпретация кризисов и катастроф.* Неопровиденциалисты рассматривают кризисы, войны и катастрофы как необходимые этапы в исполнении высшего плана, как испытания или уроки для человечества, которые в конечном итоге ведут к высшему благу.

Эти положения неопровиденциализма или близкие к нему концепции были сформулированы и развиты в трудах философов – таких, например, как Джамбаттиста Вико, итальянского философа, историка и филолога XVIII в., основоположника философии истории. Философия истории Вико – убежденность в свободе людей, которые создают собственный гражданский мир. Компромисс между христианским учением и историческим знанием Вико видит в том, что Бог, управляя миром в ответствии со своими замыслами и волей, проявляется в истории только через созданную им самим человеческую природу. Как писал Вико в сочинении «Основания новой науки об общей природе наций, благодаря которым обнаруживаются такие новые основания естественного права народов», Он «поставил их ограниченные цели на службу своим более высоким целям для сохранения рода человеческого на этой Земле» [2].

Мы полагаем, что в парадигме неопровиденциализма мыслил и французский философ, историк, теоретик искусства и литературы Ипполит Адольф Тэн. Он

считается сторонником позитивизма. Тэн обосновывал мысль о присутствии некоей господствующей идеи, выражающей гений народа и заключающей в себе всю его историю. Тэн утверждал, что реальному порядку причин и следствий в вещах соответствует адекватный логический порядок идей в мысли, поэтому воссоздать объективную реальность способна наука. Тэн считал, что человеку, в народе существует изначальная и высшая предопределенность, управляющая всеми их действиями и идеями и обусловленная основополагающими силами – расой, средой и моментом. Его консервативные представления об обществе вполне согласуются с основными положениями неопровиденциализма [9].

Неопровиденциализм оказал влияние на философию истории, богословие и политическую философию. Некоторые критики считают, что он оставляет слишком много неопределенности в вопросах о роли божественного в истории. Другие, напротив, видят в нем полезный компромисс между религиозным и секулярным пониманием истории.

Неопровиденциалистская трактовка истории представляет собой попытку осмыслить исторический процесс как целенаправленный, где даже хаотические и разрушительные события имеют свое место в большом плане, который ведет человечество к какой-то окончательной цели или состоянию.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 6.
2. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций, благодаря которым обнаруживаются такие новые основания естественного права народов (*Principi di una nuova d'intorno alla comune natura delle nazione*) / Пер. и комментарии А.А. Губера. – Ленинград: Гослитиздат, 1940.
3. Геродот. История // Историки античности / Сост., вступ. ст. и примеч. М. Томашевской. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 44.
4. Гобозов И.А. Смысл и направленность исторического процесса. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 13.
5. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995. – С. 23–24.
6. Досон К.Г. Христианский взгляд на историю // Философия истории. Антология / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – С. 250.
7. Семенов Ю.И. Философия истории: от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. – М.: Старый Сад, 1999. – С. 61.
8. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть ремеслом историка / Пер. с англ. Коробочкин М.Л. – М.: Весь мир, 2000. – С. 34.
9. Тэн И. Происхождение современной Франции (*Les origines de la France contemporaine*) / Пер. с фр. под ред. А.В. Швырова. ТТ. 1–5. – Санкт-Петербург: тип. П.Ф. Пантелеева, 1907.
10. Августин. О Граде Божьем. Философия истории. Антология. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – С. 21.
11. Философия истории / А.С. Панарин, И.А. Василенко, Е.А. Карцев и др.; под ред. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 2001. – С. 116–117.

HISTORY AS A PROCESS: OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF PROVIDENTIALISM CONCEPTS

Kayumov A.T., Demidova S.A.

National University of Science and Technology MISIS

The article provides philosophical analysis of history as the process through the prism of providentialism concepts. The emergence of

Christianity and philosophical awareness of its ideas is connected with appearance of linear model of history, one form of which is providentialism. The given research considers the stages of providentialism development, its fundamental ideas and analysis of its main representatives. The authors come to the thought that it is providentialism where the sources of secular concepts which used binary approach to comprehension of history should be sought in. The term neo-providentialism which has appeared in the context of secularization and critical rethinking of religious doctrines and which is explaining specific attitude of current approach to research dynamics of historical process in the tradition of providentialism is introduced into scientific usage. Neo-providentialism is considered as a compromise between religious and secular understanding of history.

Keywords: providentialism, neo-providentialism, historical, linear model of history, Christianity.

References

1. Berdyaev N.A. The Meaning of History. – Moscow: Mysl, 1990. – P. 6.
2. Vico G. Foundations of a New Science about the General Nature of Nations, Thanks to Which Such New Foundations of the Natural Law of Peoples Are Discovered (Principi di una nuova d'intorno alla comune natura delle nazione) / Translated and Commented by A.A. Guber. – Leningrad: Goslitizdat, 1940.
3. Herodotus. History // Historians of Antiquity / Comp., Introduction and Notes by M. Tomashevskaya. Vol. 1. – Moscow: Pravda, 1989. – P. 44.
4. Gobozov I.A. The Meaning and Direction of the Historical Process. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 1987. – P. 13.
5. Grechko P.K. Conceptual Models of History. M.: Logos, 1995. – P. 23–24.
6. Dawson K.G. The Christian View of History // Philosophy of History. Anthology / Comp., ed. and introduction by Yu.A. Kimeleva. – M.: Aspect-Press, 1995. – P. 250.
7. Semenov Yu.I. Philosophy of History: from its Origins to the Present Day: Basic Problems and Concepts. – M.: Stary Sad, 1999. – P. 61.
8. Tosh D. Striving for Truth. How to Master the Craft of a Historian / Translated from English by Korobochkin M.L. – M.: Ves' Mir, 2000. – P. 34.
9. Ten I. The Origins of Modern France (Les origines de la France contemporaine) / Translated from French, ed. A.V. Shvyrova. TT. 1–5. – St. Petersburg: type. P.F. Panteleev, 1907.
10. Augustine. About the City of God. Philosophy of History. Anthology. – Moscow: Aspect-Press, 1995. – P. 21.
11. Philosophy of History / A.S. Panarin, I.A. Vasilenko, E.A. Kartsev, et al.; edited by A.S. Panarin. – Moscow: Gardariki, 2001. – P. 116–117.

Принцип делимитации как методологическое основание разграничения предметных областей философии и феноменологии религии

Фархитдинова Ольга Михайловна,

канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета
E-mail: ofarhetdin@mail.ru

Принцип делимитации рассматривается как методологическое основание для разграничения предметных областей философии религии и феноменологии религии. Анализируются методологические основы данных дисциплин, их исторические предпосылки и современные тенденции. Особое внимание уделяется динамике разграничения и сопряжения исследовательских проблем, а также роли делимитации в обеспечении методологической четкости. Рассматриваются примеры применения принципа делимитации в гуманитарных науках, связанных с понятием «священного», для обоснования значимости и универсальности данного подхода.

Новизна исследования и высказанной автором позиции заключается в том, что принцип делимитации впервые рассматривается как основание для сопряжения и отчуждения проблемных полей философии религии и феноменологии религии. В этом отношении представления о религии, функционирующие в обществе и знания о религии, определяющие проблемное поле наук, нацеленных на осмысление развития такого явления как религия.

Анализ достижений, споров и перспектив по разграничению областей научного поиска целесообразен в условиях пересмотра этоса науки, стандартов для взаимодействия, принципов организации научных школ, появления новых научных направлений.

Ключевые слова: принцип делимитации, формализация, философия религии, феноменология религии, отчуждение, сопряжение.

Введение

Философия религии и феноменология религии занимают важное место в исследовательских областях, связанных с пониманием религиозного опыта, его социальной и культурной значимости. Однако методологическая определенность этих аспектов знания о религии остается предметом дискуссий из-за пересечения исследовательских полей. В контексте поиска решений для определения границ каждой из них ключевым является применение принципа делимитации, который позволяет установить методологические рамки и предложить новые направления научного поиска, избежав идеологизации выводов.

В гуманитарном знании XXI столетия происходят парадигмальные изменения. Об этом могут свидетельствовать такие процессы как: становление новой научной терминологии, возникновение содержательно новых форм научного знания, изменение принципов отраслевого деления науки. Один из показательных примеров подобных изменений представляет экстраполяция принципа делимитации из привычных областей научного поиска в сферу гуманитарного знания.

Принцип делимитации в гуманитарных науках

Принцип делимитации, который традиционно применяется в таких областях, как право и география, означает установление границ или соглашений, определяющих территориальные или юрисдикционные области. В гуманитарных науках, и, в частности, в философии религии и феноменологии религии, этот принцип приобретает характеристики и значение методологического инструмента для установления границ между различными областями и направлениями исследований. Применение принципа делимитации позволяет не только избегать упрощения исследовательских границ, но и развивать междисциплинарный диалог, выявляя новые возможности для анализа феноменов, таких как священное и религиозный опыт. [1]

Основанием возникновения этой дискуссии послужило обсуждение проблем методологической определенности философии религии и феноменологии религии, возникновение вопросов о полях идентичности каждой из них, о тех критериях, которые маркируют смежные друг другу области религиоведческого и философского знания. Показательно, что в обсуждение оказались вовлечены представители гораздо большего по охвату дискурса: философского и религиоведческого, правового и богословского. Появление новых способов объяснения может рассматриваться как промежуточный итог самой дискуссии, а формирование корпуса идей относительно дилемм проблемных полей философии религии и феноменологии религии, как результат. Понятие «делимитация» (от лат. установление разметки), в отличие от «демаркация» (от лат. разграничение), заимствуется из правового и географического контекстов, где его применение обусловлено требованием нахождения общего, договоренностей, намечающейся разметки проводимых границ. Делимитация, в этом смысле, может рассматриваться как методологический принцип, который позволяет обнаружить новые основания и направления научного

поиска. Определение значения принципа делимитации в науке, позволит избежать идеологизации исследовательских выводов, которые возникают на основе изучения и анализа материалов с разной степенью присутствия и отображения религиозного содержания.

Рассмотрим три группы идей, составляющих корпус идейного разнообразия вокруг дискуссии о разграничении / межевании проблемных областей философии религии и феноменологии религии.

Идеи, возникающие в результате изменения (разграничения / сопряжения) способов формулировки проблем

Изменение способов формулировки проблем в отношении одного из главных феноменов современности – религии, могут быть обозначены как сложноорганизованные индикаторы степени и необходимости присутствия знаний о религии в обществе. Установление (делимитация) новых обстоятельств и принципов будущего разграничения предметных полей исследования связано с уровнем развития научного знания о религии в данный конкретный исторический период и его представленности в повседневном дискурсе. В этом отношении представления о религии, функционирующие в обществе и знания о религии, определяющие проблемное поле наук, нацеленных на осмысление развития этого явления, могут находиться в относительном диссонансе. Поэтому, фиксирование динамики этих изменений, стремление внести ясность в то, как представления о религии в повседневном дискурсе связаны с ее осмыслением в социально-культурном и мировоззренческом контекстах – одна из практических задач.

Среди авторов, вовлеченных в диалог о предметном самоопределении феноменологии религии с одной стороны, а также интегрированности последней в философию религии, с другой, интерес представляют размышления исследователей о способах понимания религии в контекстах культуры и традиции, о связанных с этим методологических проблемах изучения и интерпретации повседневного религиозного опыта. В качестве результата возникла совокупность идей о сущности религии. Дилемма такова, что спектр ответов на этот вопрос распределяется от понимания религии как веры, знания и опыта до понимания религии как фактора. В обозначенном спектре подходы и размышления таких отечественных исследователей как: Антонов К.М., Аригин Е.И., Забияко А.П., Горохов А.А., Красников А.Н., Молчанов В.И., Мухутдинов О.М., Пивоваров Д.В., Пылаев М.А., Самарина Т.С., Шахнович М.М., Шохин В.К. и др. В этом смысле философия религии определяет содержание научного поиска в феноменологии религии. Установление договоренностей происходит на основе поиска общего исследовательского поля для взаимодействия, и может быть выражено в виде таких разделов знания о религии как философская феноменология и религиозная философия.

Становление проблемного поля феноменологии религии было заявлено в работах таких авторов, как Пьер Даниэль Шантепи де ла Соссе (особого внимания заслуживают его размышления по феноменологии религии), Корнелис Петер Тиле (интерес представляют его суждения о наметившемся новом способе видения религиозных феноменов), по сути, это фамилии тех, кто повлиял на зарождение интеллектуальных условий для формирования этого направления. [2] Даже в современных версиях, существующие подходы к изучению религии во многом обусловлены национальными моделями научного поиска. Во-первых, для феноменологии религии, это модель, определенная рамками голландской традиции,

целью которой являлось изучение и систематизация религиозных феноменов, с обособлением вопроса о сущности религии. Во-вторых, номенологическая традиция немецкой школы, в которой исследование религии строилось по принципу рассмотрения феномена в его отношении к сущности, главным вопросом было выделение и познание ядра религиозной жизни. [3, с. 134–135; 4] Признанный классическим для развития феноменологии религии период деятельности Рудольфа Отто и его работа «Священное: о рациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным» [5], примечательны попыткой применения сравнительного метода к идейному разнообразию в представлениях о священном. Ряд, традиционных для понимания концептуального развития феноменологии религии авторов, высказываются о необходимости рассматривать религиозный опыт в сравнительной перспективе. Так, в работах Герардуса ван дер Леу, Й. Ваха, Н. Зедерблома, М. Элиаде, Ж. Ваарденбурга, Дж. Китагавы, предложены варианты сравнения феноменов различной степени переживаемости. Для исследователя это важные делимитационные (в данном случае, разметка) линии в трех проекциях: норм, действующих в культуре; научных школ; моделей научного поиска. [6, 7, 8, 9, 10]

Совокупность идей о будущем религии, возникающие в результате рассмотрения прогностических сценариев

Дилемма о том, как будет развиваться общество, в котором религиозное мировоззрение обладает правовым статусом и социокультурным значением для самоопределения народа, а понимание религии рассматривается в контексте вероисповедной политики государства и государственно-конфессиональных отношений. Это в свою очередь требует формализации способов осмысления роли религии в обществе. Вследствие этого проявилась иерархия подходов, рамками которых определена оптика видения предмета исследования. Так, в современном отечественном религиоведении «в наибольшей степени заслуживает внимания проблема объекта исследований» как отмечает Смирнов М.Ю., уточняя, что «речь идет об установлении параметров того, что в современных условиях существует под привычным названием религии». [11, с. 291] В феноменологии религии, начиная с классического этапа ее развития, активно ставился вопрос об особенностях религии, связанных с уникальным опытом концептуализации священного, позволяющих разграничивать одну религию от другой. Опыт восприятия священного отсылает нас к нормам и регуляторам национального поведения, своего рода способом формализации. Диалог о священном в культуре, способах его проявления в повседневной жизни становится продуктивным только тогда, когда в его поле попадают представления о ценностях и идеалах, определяющих императивы этой культуры. Делимитация в значении установления разметки в динамике диалога происходит в трех направлениях: внутри культуры, во вне и во времени.

Современная феноменология религии объединяя, по выражению М. Пылаева, концептуальные поля философии, теологии и религиоведения, способствовала формализации исследовательских инициатив в других областях знания, тем самым выходя за пределы одной национальной традиции и культуры. Это связано не только с созданием нового (иного по отношению к классическому) способа понятийного регулирования в науках в условиях перенасыщения субъективными значениями в отношении религиозных данных, но и с такими особенностями как стремление современного человека научиться говорить о том, что принципиально не укладывается в контекст строго выверенных понятий, то есть

о том, что приобретает статус религиозного в опыте личного участия и отношения человека к нерелигиозному факту. По мнению М. Пылаева, методология редукционизма, принимаемая в каждом из названных полей не позволяет достичь тех результатов, которые бы могли способствовать получению адекватного знания о религии. Поэтому, полагает исследователь, исчерпывающим может быть такой вариант знания о религии, суть которого – исследовательское намерение выйти за пределы предлагаемых проектов в рамках обозначенных областей знания, то есть философии, теологии и религиозоведения. [12]

Третья группа идей: идеи о роли условий для проявления религиозного дискурса

Разграничения философии религии и феноменологии религии представляют интерес по двум причинам: 1) разграничение (в значении делимитация) областей проблемного знания напрямую связано с экономией мышления (утилитаризацией), как характерной чертой в условиях его массовизации; 2) появление в способах рассмотрения вопросов о религии направленности, определяющей вектор исследовательского интереса, свидетельствует об изменении этоса науки (феномен производный от совокупности ценностных императивов, регулирующих множество этических ценностей) и легитимации таких вариантов рассмотрения тем, которые в той или иной степени ангажированы господствующими умонастроениями, а также политизацией религиозного дискурса.

Методологическая определенность философии религии и феноменологии религии

Методологическая определенность философии религии и феноменологии религии, несмотря на схожесть исследовательских объектов, имеет важные различия. Философия религии сосредотачивается на метафизических вопросах, таких как доказательство бытия Бога, связь религии и морали, а также роль религии в формировании культурных и социальных норм. Феноменология религии, напротив, стремится изучить религиозный опыт, основываясь на непосредственном восприятии священного в субъективных переживаниях.

Один из первых примеров применения принципа делимитации для разграничения этих дисциплин является работа Отто Р. «Священное: о рациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным». Отто Р. формирует модель первичной методологической определенности феноменологии религии, опираясь на субъективное восприятие священного как ключевой элемент исследования. Это позволяет отделить феноменологию религии (в ее классической форме) от философии религии, которая стремится к более обобщенным и рационализированным формам исследования религиозного опыта. Примером может служить различие в подходах к вопросу иррационального: философия религии часто рассматривает иррациональное как объект рационального анализа, тогда как феноменология религии воспринимает его как сущностную характеристику священного.

К числу вопросов, которые определяют круг задач философии религии, относятся: связь морали и религии, как регуляторов и идеалообразующих норм (стандартов) поведения и деятельности людей, а следовательно, того, как эти нормы встроены в систему общественных отношений, на что они оказывают влияние и каким образом это сказывается на мировоззренческих установках. По этому поводу, в ряде своих размышлений высказался Шохин В.К. Исследователь приходит к выводу о том, что

дифференциация наполнений понятий, составляет основу современных теорий познания, с действующим в них принципом верификации. [13]

Методологическая определенность также выражена через использование понятийного аппарата. В философии религии применяются категории, такие как «бытие», «мораль», «свобода воли», тогда как феноменология религии акцентирует внимание на категориях «переживание», «опыт», «священное». Принцип делимитации в данном контексте служит средством для определения методологических различий и обоснования научного подхода каждой дисциплины.

Динамика разграничения и сопряжения исследовательских проблем

Важным аспектом динамики разграничения и сопряжения исследовательских проблем в философии религии и феноменологии религии является развитие понятийного аппарата, связанного с осмыслением религиозного опыта и определения его социальной значимости. Разграничение исследовательских полей осуществляется через разделение методов и подходов: философия религии стремится к обоснованию религиозных концепций с помощью рационального анализа, тогда как феноменология религии основывается на изучении субъективного религиозного опыта.

Примером такой динамики является сравнительный анализ феноменальности священного, предложенный Элиаде Э. [14] Элиаде показал, что феномен священного может быть рассмотрен как объект анализа с разных точек зрения – как религиозный опыт (феноменология религии) и как культурное явление (философия религии). Это создает основу для сопряжения данных дисциплин: философия религии может анализировать культурные и метафизические аспекты священного, тогда как феноменология религии сосредотачивается на личностных и субъективных аспектах его переживания.

Разграничение и сопряжение исследовательских полей можно наблюдать в том, как исследуются религиозные практики в разных культурных контекстах. В частности, в исследованиях религий Востока феноменология религии позволяет выявить уникальные переживания священного, связанные с медитативными и мистическими практиками, тогда как философия религии стремится к их систематизации в рамках метафизических категорий. Примером такой динамики является исследование медитативных практик в буддизме, где феноменология религии акцентирует внимание на личном переживании священного, а философия религии – на интерпретации этого опыта в рамках общей системы религиозных учений.

Примеры применения принципа делимитации в гуманитарных науках

Принцип делимитации нашел свое применение и в других гуманитарных науках, таких как право, история и культурология, где необходимо четкое разграничение предметных областей для обеспечения методологической целостности. Например, в праве делимитация применяется для установления границ юрисдикций, определения правовых зон и территориальных споров. В гуманитарных науках этот принцип служит аналогичной цели – установлению четких границ между различными дисциплинами и подходами.

В области философии религии и феноменологии религии применение делимитации можно проследить

на примере подхода Герардуса ван дер Леу, где он проводит делимитацию между религиозным и нерелигиозным опытом. Ван дер Леу рассматривает религиозный опыт как особую форму человеческой деятельности, которая требует самостоятельного исследования, отделенного от обычных культурных и социальных феноменов. Это разграничение помогает установить уникальный исследовательский подход, фокусирующийся на специфике религиозного опыта.

Также важно упомянуть подход Жака Ваарденбурга, который выделяет линии сопряжения феноменологии религии и философии религии в контексте сравнительного анализа религиозных феноменов. [8] Применение принципа делимитации в его работе заключается в установлении различий между философским осмыслением священного и его феноменологическим восприятием. Например, в феноменологической традиции священное воспринимается как нечто трансцендентное и не подлежащее полному рациональному объяснению, тогда как философия религии стремится выработать категории, которые могут охватить это понятие в логических и рациональных рамках.

Принцип делимитации также важен для понимания разницы между личным религиозным опытом и его интерпретацией в культурных и философских системах. Один из ярких примеров – это работы Мирчи Элиаде, который рассматривал священное как основу религиозного опыта и одновременно как элемент культуры, подлежащий интерпретации через философские категории. Элиаде подчеркивал, что священное переживается человеком как нечто совершенно иное, трансцендентное, но одновременно оно формирует культурные и социальные нормы, что требует его осмысления в рамках философии религии. [14]

Применение принципа делимитации позволяет установить методологические границы между субъективным религиозным опытом и его социально-культурными интерпретациями. Например, в исследовании традиционных религиозных обрядов и ритуалов феноменология религии позволяет выявить личностные переживания участников, тогда как философия религии анализирует эти обряды в контексте их влияния на социальные структуры и моральные нормы. Примером может служить исследование ритуалов причастия в христианстве, где феноменология религии акцентирует внимание на мистическом переживании единения с божественным, тогда как философия религии рассматривает причастие как культурный и нравственный институт.

Заключение

Принцип делимитации в философии религии и феноменологии религии играет ключевую роль в разграничении исследовательских полей и методологических подходов. Он позволяет четко определить границы дисциплин, избежав их идеологизации и обеспечив объективность анализа. Примеры применения делимитации в гуманитарных науках, связанных с понятием священного и религиозного опыта, подчеркивают универсальность этого подхода и его значимость для дальнейших исследований. Принцип делимитации служит не только средством разграничения, но и инструментом для сопряжения дисциплин, что позволяет разрабатывать новые исследовательские подходы и углублять понимание сложных религиозных феноменов.

Литература

1. Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет евро-

пейское общество. М.: ИЕ РАН; Нестор-История, 2020.

2. Основные принципы науки о религии / Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1 / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1996. С. 144–196.
3. Самарина Т.С. Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии. М.: ИФ РАН, 2019.
4. Самарина Т.С. Об историографии феноменологии религии: критический эскиз // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2019. № 82. С. 131–141.
5. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. яз. А.М. Руткевича. – СПб.: АНО «Изд-во С.-Петерб. ун-та», 2008.
6. Антология феноменологической философии в России, т. I / Сост., общая редакция, предисл. и комм. Чубарова И.М. – М.: «Русское феноменологическое общество», издательство «Логос», 1997.
7. Аринин Е.И. Феноменология религии: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1 / Е.И. Аринин; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015.
8. Ваарденбург Ж. Религия и религии: систематическое введение в религиоведение / Пер. с нем. А.Г. Алексаняна, под ред. А.Ю. Рахманина. – СПб.: Издательство РХГА, 2016.
9. Китагава Дж.М. Религия в истории Японии / Пер. с англ. Н.М. Селиверстова. СПб.: Наука, 2005.
10. Горохов А.А. Феноменология религии Мирчи Элиаде. СПб.: Алетейя, 2011.
11. Смирнов М.Ю. Российское религиоведение в лиминальном пространстве // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2024. № 1. С. 284–297.
12. Пылаев М.А. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. М.: РГГУ, 2011.
13. Шохин В.К. Эпистемологический и религиозный фундаментализм в перспективе интеркультурности // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2020. Т. 4. № 1. С. 5–26.
14. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

THE PRINCIPLE OF DELIMITATION AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR DELIMITING SUBJECT AREAS OF PHILOSOPHY AND PHENOMENOLOGY OF RELIGION

Farkhitdinova O.M.
Ural Federal University

The principle of delimitation is considered as a methodological basis for distinguishing the subject areas of philosophy of religion and phenomenology of religion. The methodological foundations of these disciplines, their historical background and current trends are analyzed. Special attention is paid to the dynamics of differentiation and coupling of research problems, as well as the role of delimitation in ensuring methodological clarity. Examples of the application of the principle of delimitation in the humanities related to the concept of “sacred” are considered to substantiate the significance and universality of this approach.

The novelty of the research and the position expressed by the author lies in the fact that the principle of delimitation is for the first time considered as the basis for the conjugation and alienation of the problematic fields of philosophy of religion and phenomenology of religion. In this regard, the ideas about religion functioning in society and knowledge about religion define the problematic field of scienc-

es aimed at understanding the development of such a phenomenon as religion.

The analysis of achievements, disputes and prospects for delineating the fields of scientific research is advisable in the context of a revision of the ethos of science, standards for interaction, principles of organization of scientific schools, and the emergence of new scientific directions.

Keywords: principle of delimitation, formalization, philosophy of religion, phenomenology of religion, alienation, conjugation.

References

1. Lunkin R.N. Churches in Politics and Politics in Churches. How Modern Christianity Changes European Society. Moscow: Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Nestor-History, 2020.
2. Basic Principles of the Science of Religion / Classics of World Religious Studies. Anthology. Vol. 1 / Comp. and general editor A.N. Krasnikov. Moscow: Canon+, 1996. Pp. 144–196.
3. Samarino T.S. Phenomenology, Noumenology, Postphenomenology of Religion. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2019.
4. Samarino T.S. On the Historiography of the Phenomenology of Religion: A Critical Sketch // Bulletin of PSTGU. Series 1: Theology. Philosophy. 2019. No. 82. Pp. 131–141.
5. Otto R. The Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and Its Relationship with the Rational / Translated from German by A.M. Rutkevich. – SPb.: ANO “Publishing House of St. Petersburg University”, 2008.
6. Anthology of Phenomenological Philosophy in Russia, Vol. 1 / Comp., general editor, foreword and commentary by I.M. Chubarova. – Moscow: “Russian Phenomenological Society”, Logos Publishing House, 1997.
7. Arinin E.I. Phenomenology of Religion: a textbook. In 2 parts. Part 1 / E.I. Arinin; Vladimir State University named after A. G. and N.G. Stoletov. – Vladimir: VISU Publishing House, 2015.
8. Waardenburg J. Religion and Religions: A Systematic Introduction to Religious Studies / Translated from German by A.G. Aleksanyan, edited by A. Yu. Rakhmanin. – SPb.: RCHA Publishing House, 2016.
9. Kitagawa J.M. Religion in the History of Japan / Translated from English by N.M. Seliverstov. SPb.: Nauka, 2005.
10. Gorokhov A.A. Phenomenology of Religion by Mircea Eliade. SPb.: Aleteia, 2011.
11. Smirnov M. Yu. Russian Religious Studies in the Liminal Space // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2024. No. 1. P. 284–297.
12. Pylaev M.A. The category of “sacred” in the phenomenology of religion, theology and philosophy of the twentieth century. Moscow: RSUH, 2011.
13. Shokhin V.K. Epistemological and religious fundamentalism in the perspective of interculturality // Philosophy of Religion: Analytical Researches. 2020. Vol. 4. No. 1. P. 5–26.
14. Eliade M. Sacred and profane / Trans. from French, preface and commentary by N.K. Garbovsky. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 1994. – 144 p.

Трансформация института политических партий в России в условиях цифровизации и виртуализации

Ежов Дмитрий Александрович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии, старший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: president@lenta.ru

В статье анализируются особенности и тенденции трансформации политических партий современной России как института представительства в условиях трансформации и виртуализации. По результатам выявления и обобщения направлений интеграции партий в цифровую среду, а также особенностей использования ими соответствующих практик в своей деятельности, автор приходит к выводу о многовекторном характере трансформации института на фоне адаптации к требованиям и вызовам современности. Отдельный акцент производится на значении пандемии COVID-19 как фактора, стимулировавшего увеличение доли применения цифровых технологий в партийной деятельности вследствие ограничения очной коммуникации. Проанализированные партийные проекты свидетельствуют о закреплении курса на развитие цифровых практик в деятельности российских политических партий в предвыборной борьбе и работе с активистами.

Ключевые слова: цифровизация, виртуализация, политические партии, политическое представительство, цифровые технологии.

Процессы цифровизации и виртуализации, ставшие неотъемлемой характеристикой современной эпохи, имеют инклюзивный характер, что обуславливает их проникновение, в том числе, и в политическую сферу. Институт представительства интересов в лице политических партий в Российской Федерации является характерным примером, в функционировании и деятельности которого нашли отражение проявления цифровизации и виртуализации, а также их непосредственные последствия. Развитию соответствующих трендов способствовала совокупность факторов, обозначившая вектор интеграции институтов в контекст цифровой среды в условиях оказания влияния на трансформацию политического представительства и являющаяся объектно-предметной областью настоящего исследования.

Значительный стимул внедрению в российскую практику организации институтов политического представительства цифровых технологий был обеспечен социальными последствиями пандемии COVID-19, обусловивших вынужденный характер перевода традиционных механизмов взаимодействия между участниками политического процесса в онлайн-формат в силу предполагаемого ограничения очной коммуникации. В свою очередь, указанные обстоятельства могут рассматриваться в качестве фактора, активизировавшего виртуализацию партийно-политической жизни, что, впрочем, не означает исключения случаев проявления подобных тенденций ранее. Так, в современной России уже отмечались случаи «интернетизации» политических партий, что, в целом, можно рассматривать в виде соответствия общемировым трендам. Переход партий в онлайн-пространство способствует их организационной трансформации в сетевые структуры и проведению ими политики при учете особенностей информационной сети [8]. Отдельные исследователи видят причину этого не только в виде развития технологий, но и связывают закреплению тренда с кризисом традиционного представительства [6]. В 2012 году в России была предпринята попытка создания «Интернет-партии Российской Федерации», фактически позиционировавшейся в качестве первой киберпартии в национальной практике партийного строительства. Несмотря на ее скорый самороспуск в силу кадровых и организационных проблем, нельзя не отметить последующих фактов интеграции отдельных элементов цифровизации в непосредственную деятельность традиционных политических партий в России. Цифровые технологии активно используются, как при освещении деятельности партий в сети Интернет, так и при выполнении ими основной своей функции в виде борьбы за получение представительства посредством участия в выборах.

Целевая установка исследования сводится к выявлению тенденций трансформации политических партий современной России под влиянием процессов цифровизации и виртуализации. В качестве методологической основы выступает комбинирование системного и институционального подходов. В рамках рассмотрения трансформации партии как института в динамике, ход которой обусловлен объективными внешними условиями в виде цифровизации и виртуализации, а также

конкретными пространственно-временными параметрами, ограниченными состоянием соответствующего института в пределах Российской Федерации, в качестве непосредственного метода приоритет отдается вертикальному типу фрагментарного анализа политической ситуации, направленного на изучение отдельных компонентов политической системы в определенных промежуточные времени и пространственных условиях, представляющего вполне обоснованным в случае исследования политических партий как института политического представительства.

В первую очередь, в качестве направления, демонстрирующего интеграцию в деятельность партий цифровых практик, оказывающих существенное влияние на содержательную трансформацию института, следует определить проведение электронных праймериз преимущественно с помощью онлайн-голосования при использовании технологии блокчейн. Говоря о конкретных примерах использования технологии в России, упомянем случай организации блокчейн-голосования на дебатах кандидатов в мэры Москвы политической партией «Яблоко» в 2018 году. Правда, завершился он провалом – победивший на них занимавший на тот момент должность Главы муниципального округа Тверской г. Москвы Я. Якубович отказался от участия в выборах сразу же после завершения праймериз, рекомендовав руководству партии и московскому отделению выдвинуть в мэры С. Митрохина, у которого (согласно публично озвученной версии) были наибольшие шансы преодолеть муниципальный фильтр. Провал праймериз «Яблока» стал не только дополнительным показателем внутривнутрипартийного кризиса, но и сильно ударил по репутации самого института предварительного голосования, поставив вопрос о готовности российских партий к адаптации в новых условиях, центральными характеристиками которых являются открытость и прозрачность, становящимися неотъемлемыми атрибутами процесса цифровизации.

В 2021 году полноценное использование технологии блокчейн в рамках организации праймериз по определению кандидатов на выборы в Государственную Думу Российской Федерации было организовано политической партией «Единая Россия». Отличительной особенностью предварительного голосования стало обеспечение возможности подтверждения личности пользователя через портал «Госуслуги». Годом ранее в условиях пандемии COVID-19 партия объявила о запуске проекта, направленного на объединение всех уровней партии на единой платформе, что позволило бы видеть активность каждого партийца на территории страны и способствовало бы эффективному управлению партией, а также апробировала проведение предварительного голосования в режиме онлайн при отборе кандидатов на выборы разного уровня в единый день голосования 13 сентября 2020 года. Несмотря на то, что они прошли с рекордно низкой явкой, составившей всего 4,65% (960 тысяч) от общего числа имеющих право голосовать избирателей, партийными функционерами соответствующий опыт был признан успешным, а в экспертном сообществе отмечено, что, если партии удалось собрать такое количество голосов в Интернете, это свидетельствует о серьезном сдвиге в развитии партийной системы в целом. В действительности, при проведении онлайн-праймериз уровень явки не коррелирует со степенью их репрезентативности с учетом относительной новизны формата, его недостаточного уровня популяризации на этапе проведения апробации, да и в целом следует принимать во внимание, что далеко не все голосующие на выборах участвуют в процессе определения кандидатов на праймериз

в силу различной степени политической активности, в том числе, и сетевой, свойственной личности как субъекту политики. В то же время, в 2021 году, согласно данным, озвученным депутатом Государственной Думы Российской Федерации Е. Ревенко и главой федерального комитета праймериз А. Карелиным, в первый день процедуры был отмечен кратный рост числа и избирателей, и тех, кто изъявил желание побороться за их симпатии: число зарегистрировавшихся для голосования «выборщиков» достигло почти 6 миллионов человек, а число кандидатов выросло с 3 до 5,5 тысяч [7]. Партия «Единая Россия» продолжает развивать опыт онлайн-праймериз на выборах, традиционно они проходят ежегодно в последнюю неделю весны.

В контексте трансформации политических партий в условиях цифровизации заслуживает внимания инициативный в 2024 году партией «Справедливая Россия – За Правду» проект «Справедливый кандидат». По своей сути проект является реализацией процедуры праймериз на выборы в Московскую Городскую Думу, предполагающей возможность для регистрации на сайте всех желающих принять в нем участие и переход на следующем этапе в специально созданный Telegram-канал с ежедневными партийными заданиями в виде встреч с избирателями, помощи в сборе подписей, участии в дискуссиях о партийных законопроектах. Согласно оценкам экспертов, отличительной особенностью проекта является сочетание в нем элементов праймериз и партийной школы [3], что является характерным проявлением применения технологического партийного строительства в цифровом пространстве. В то же время, несмотря на технологическое своеобразие проекта, его эффективность может быть реализована не только в результате достижения поставленных целей на выборах в Московскую Городскую Думу в виде сохранения трех мандатов, полученных на предыдущих выборах, но и в расширении числа партийных активистов. Если опустить значение технологической основы проекта «Справедливый кандидат», продиктованное влиянием цифровизации, можно провести некоторые параллели между ним и кадровыми партийными проектами «Единой России» (ПолитСтарт) и ЛДПР (ЛДПР. Старт), что позволяет рассматривать его на уровне полноценного политического стартапа.

Помимо процедуры выдвижения кандидатов и формирования их списков в рамках организации предварительного голосования, в Российской Федерации отмечается интеграция цифровых инструментов в процесс сбора подписей избирателей. В 2020 году на фоне ограничений в связи с распространением пандемии COVID-19 на базе портала «Госуслуги» была реализована возможность сбора подписей в электронном виде. Однако на практике ее функционал ограничен и имеет распространение только на региональном уровне при выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации при условии, что подобная процедура предусмотрена законодательством региона. В то же время, нельзя не акцентировать внимания на значимости распространения цифровых инструментов в процессе сбора подписей, поскольку подобные новеллы непосредственным образом трансформируют, в том числе, характер партийной работы.

Новой тенденцией, ставшей следствием влияния процессов цифровизации и виртуализации на трансформацию института политических партий стало появление цифровых аватаров, политических голограмм [9], политических нейросетей. Первым подобным примером в российской политической практике на данный момент является появление в 2023 году политической нейросети «Жириновский», созданной на основе публичных выска-

званий и интервью основателя ЛДПР В. Жириновского, скончавшегося в апреле 2022 года. В августе 2023 года партия ЛДПР запустила официальный Telegram-бот первого в мире цифрового политического алгоритма «Жириновский», что свидетельствует об интеграции цифровых технологий в российскую партийно-политическую практику. Сам цифровой алгоритм позиционирует себя в качестве цифрового ученика В. Жириновского, всегда готового к новым вызовам и возможностям для распространения его идей. В технологическом отношении алгоритм выполняет функцию поддержки среди сторонников ее сложившегося имиджа как партии как партии лидерского типа посредством технологий искусственного интеллекта.

Цифровизация и виртуализация обуславливают активизацию использования в деятельности российских политических партий ресурсов социальных сетей. В целом, можно отметить факт широкого распространения соответствующего инструментария, в связи с чем важными показателями эффективности политических партий в цифровом пространстве являются количество охватов аудитории в социальных сетях, «лайки» и комментарии, репосты информации сообщества подписчиками, привлечение аудитории посредством таргетированной рекламы [5]. Все перечисленное в совокупности свидетельствует о фактическом переносе межпартийной конкуренции в цифровое пространство [5], что задает тональность трансформации партийной системы современной России. В концентрированном виде указанные тенденции проявили себя в ходе кампании по выборам депутатов Государственной Думы Российской Федерации в 2021 году, в рамках которой на федеральном уровне был презентован проект сетевой по своей природе политической партии «Новые люди», которой удалось преодолеть 5% барьер, в том числе, и благодаря активной кампании в сети Интернет. Следует заметить, что партия «Новые люди» прибегает в своем позиционировании к использованию и иных цифровых инструментов. Так, в рамках кампании по выборам депутатов муниципальных образований г. Москвы в сентябре 2022 года партия презентовала интерактивную предвыборную программу под названием «Город – это люди», состоящую из десяти разделов, по каждому из которых предполагалось создание Telegram-чата с возможностью комментирования каждого пункта и внесения своих предложений, совокупность которых в результате отбора рассматривалась в качестве наказа для избранных муниципальных депутатов.

Вынуждена адаптироваться к условиям актуальной среды и партия КПРФ. Так, в результате исследований, направленных на изучение цифрового менеджмента Московского отделения КПРФ в электоральном цикле 2023 года, установлено, что на региональном уровне партия испытывает трудности в создании весомых и регулярных инфоповодов, а исход высоко репрезентированных в социальных медиа политиков из партии лишь усугубляет проблемы цифрового менеджмента [1]. Между тем, в условиях кампании по выборам мэра Москвы 2023 года на фоне позиционирования в качестве кандидата Л. Зюганова, являющегося внуком лидера партии, в целях ускорения и упрощения взаимодействия между членами и активистами партии было объявлено о запуске цифровой экосистемы к сентябрю 2023 года, согласно задумке функционал которой предполагал бы оперативное распространение информации о мероприятиях и запросах инициативных групп. В результате цифровая экосистема «КПРФ ID» была презентована 5 сентября 2023 года. Она представляет собой доступное для скачивания мобильное приложение, посредством использо-

вания которого можно ознакомиться с партийными новостями, обратиться к представителям партии, предложить идею для реализации в рамках партийных проектов, задать вопрос депутату.

С правовой точки зрения выбор направления цифровизации института политических партий в России вызывает дискуссии. Так, Ф.И. Долгих в рамках анализа внедрения цифровых инструментов в практическую деятельность партий полагает оправданным законодательное закрепление возможности участия в партийном съезде в дистанционном формате [2]; Я.А. Коновальчиков – создание цифровой платформы, посредством которой будет осуществляться электронное взаимодействие политических партий и органов публичной власти, а также устранение юридических причин для организации дистанционных партийных заседаний [4]. Таким образом, в результате настоящего исследования установлено наличие не только политико-технологического, но и правового измерения цифровизации политических партий в России. При этом последнее предполагает наличие законодательной регламентации, внесение изменений в действующие нормативные правовые акты.

Проведенное исследование трансформации института политических партий с точки зрения цифровизации и виртуализации политики демонстрирует ее многовекторный характер, и подтверждает выдвинутый ранее тезис о заметном влиянии на соответствующий процесс совокупности факторов, определяющее значение среди которых отводится необходимости адаптации к актуальным условиям цифровой эпохи и ограничениями в области очной коммуникации, ставшими непосредственным социальным последствием пандемии COVID-19. Несмотря на снятие имевших место быть ограничений, представляется сложным неверно оценить их определяющую роль в цифровой трансформации политических партий.

Литература

1. Бродовская Е.В., Кравчук И.Д., Полюшко Е.Д., Гайваль А.И. Оценка цифрового менеджмента партии КПРФ в Москве в электоральном цикле 2023 года // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 9–18. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-4-9-18. EDN: JPBHPQ
2. Долгих Ф.И. Политические партии России в условиях пандемии коронавируса: последствия и поиск новых форматов деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 26–30. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-9-26-30. EDN: SKMMCP
3. Кандидатов наберут по объявлению // Коммерсантъ: последние новости России и мира. 18 мая 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6455265>
4. Коновальчиков Я.А. Цифровые технологии в партогенезе // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах. Том 1. Под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Казань, 2022. С. 161–170. EDN: PZTWUY
5. Меренков А.В., Спиридонова А.Д. Использование социальных сетей партиями «Новые люди» и «Единая Россия» в предвыборной кампании 2021 г. // Кооп. 2021. Т. 2. № 3. С. 182–193. DOI: 10.15826/koop.2021.02.3.035. EDN: JWURVW
6. Парфенова Ю.В. Сетевые партии как новые акторы публичной политики в условиях кризиса парламентаризма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 2. С. 124–130. EDN: VZLJIP

7. Сегодня открывается электронное предварительное голосование «Единой России» // Московский комсомолец. 24 мая 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/05/24/segodnya-otkryvaetsya-elektronnoe-predvaritelnoe-golosovanie-edinoy-rossii.html>
8. Сморгунув Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: теория и методы анализа. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 320 с. EDN: VDPEVZ
9. Федорченко С.Н. Политическая голограмма: анализ технологий и сценарии развития цифрового феномена // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 212–228. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11. EDN: ZTQZMF

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF POLITICAL PARTIES IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND VIRTUALIZATION¹

Ezhov D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the features and trends of transformation of political parties in modern Russia as an institution of representation in the context of transformation and virtualization. Based on the results of identifying and generalizing the directions of integration of parties into the digital environment, as well as the specifics of their use of relevant practices in their activities, the author comes to the conclusion about the multi-vector nature of the institute's transformation against the background of adaptation to the requirements and challenges of modernity. A separate emphasis is placed on the importance of the COVID-19 pandemic as a factor that stimulated an increase in the share of digital technologies in party activities due to restrictions on face-to-face communication. The analyzed party projects indicate the consolidation of the course towards the development of digital practices in the activities of Russian political parties in the election campaign and work with activists.

Keywords: digitalization, virtualization, political parties, political representation, digital technologies.

References

1. Brodovskaya E.V., Kravchuk I.D., Polyusko E.D., Gaival A.I. Assessment of digital management of the communist party in Moscow in the 2023 electoral cycle. Bulletin of Tula State University. Film Humanities. 2023. No. 4. pp. 9–18. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-4-9-18. EDN: JPBHPQ
2. Dolgikh F.I. Russian political parties in conditions of the coronavirus pandemic: consequences and the search for new activity formats. Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 9. pp. 26–30. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-9-26-30. EDN: SKMMCP
3. Candidates will be recruited on the announcement. Kommersant. May 18, 2024. [Electronic resource]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6455265>
4. Konovalchikov Ya. Digital technologies in pathogenesis. Digital Technologies and Law: Collection of scientific papers of the I International Scientific and Practical Conference. In 6 vol. Vol. 1. Ed. by I.R. Begishev [et al.]. Kazan, 2022. pp. 161–170. EDN: PZTWUY
5. Merenkov A.V., Spiridonova A.D. The use of social media by the new people and United Russia in the 2021 election campaign. Koinon. 2021. Vol. 2. No. 3. pp. 182–193. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.035. EDN: JWURVW
6. Parfenova Yu.V. Cyberparties as new actors of public policy under conditions of crisis of parliamentarism. Political Expertise: POLITEX. 2015. Vol. 11. No. 2. pp. 124–130. EDN: VZLJIP
7. Today the electronic preliminary vote of «United Russia» opens. Moskovsky Komsomolets. May 24, 2021. [Electronic resource]. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/05/24/segodnya-otkryvaetsya-elektronnoe-predvaritelnoe-golosovanie-edinoy-rossii.html>
8. Smorgunov V.L., Sherstobitov A.S. Political networks: theory and methods of analysis. – Moscow: Aspect Press, 2014. – 320 p. EDN: VDPEVZ
9. Fedorchenko S.N. Political hologram: technology analysis and scenarios for the development of the digital phenomenon. 2020. Vol. 13. No. 2. pp. 212–228. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11. EDN: ZTQZMF

¹ The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

Политические инструменты взаимодействия некоммерческих организаций и государства: аспекты формирования гражданского общества

Ильин Павел Александрович,

аспирант политических наук, кафедра политических процессов, технологий и пропаганды, Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского
E-mail: pavel_mosc@mail.ru

В статье рассматривается ключевая роль гражданского общества в обеспечении устойчивого развития государства. Автор подчеркивает важность взаимодействия государства, некоммерческих организаций и граждан в контексте развития общества, и, как следствие, всей страны. Автор анализирует концепцию гражданского общества как основы для решения современных социальных, экономических и политических вызовов, отмечая его значимость для построения справедливого общества. Особое внимание уделяется роли государства в поддержке механизмов, с помощью которых граждане имеют возможность активно участвовать в процессах принятия решений и инициировании социальных изменений.

В заключении приводится пример успешного сотрудничества всех рассматриваемых заинтересованных сторон внутри государства. В качестве вывода обсуждаются перспективы дальнейшего развития гражданского общества в целях достижения устойчивого развития.

Ключевые слова: гражданское общество, устойчивое развитие, государство, НКО, социальные инициативы, взаимодействие.

Гражданское общество является одним из наиболее важных факторов в контексте обеспечения устойчивого развития государства. Устойчивое развитие, в свою очередь, мы определяем как систему, которая удовлетворяет потребности граждан внутри страны, в том числе учитывая интересы будущих поколений. Такое развитие требует не только взаимодействия между всеми слоями населения, но и соблюдения баланса между экономическим, политическим развитием и социальной справедливостью.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о гражданском обществе как связующем звене, которое способствует взаимодействию различных сегментов общества. Мы не считаем, что гражданское общество может функционировать отдельно от государственного аппарата, а значит не является полностью независимым, автономным и гибким. Учитывая, что гражданское общество должно сосредотачиваться интересах общества, необходимо искать пути взаимодействия среди всех участников процесса построения справедливого общества.

Существующие институты и механизмы гражданского участия в процессах принятия решений значительно повышают свою эффективность при активном вовлечении различных некоммерческих организаций, профессиональных ассоциаций и гражданских инициатив. Участие граждан в общественных слушаниях и инициативах местных сообществ позволяет оказывать влияние на внутреннюю политику государства, что в свою очередь способствует усилению социальной инклюзивности, поскольку гражданское общество активно продвигает интересы и защищает права уязвимых групп населения, таких как женщины, дети, национальные меньшинства и люди с ограниченными возможностями.

Общественный контроль не менее важен в качестве еще одного инструмента формирования гражданского общества. В этом случае важную роль играют независимые организации, занимающиеся оценкой и мониторингом деятельности государственных органов власти.

Эти организации, к которым относятся некоммерческие организации (НКО), правозащитные группы, журналистские объединения, а также антикоррупционные агентства, выступают в качестве независимого наблюдателя за действиями власти и предоставляют гражданам возможность участвовать в общественном контроле. Это важный элемент демократического устройства, который способствует обеспечению прозрачности и подотчетности властей.

Общественные организации осуществляют следующие формы контроля:

– Контроль за антикоррупционной деятельностью.

Является одним из наиболее приоритетных направлений работы независимых организаций. В ходе такого контроля происходит выявление случаев коррупции и борьба с ней.

– Наблюдение за выборами.

Важно уточнить, что влияние НКО на выборы зависит от состояния политических институтов внутри страны. [1] Независимые наблюдатели от НКО часто играют решающую роль в предотвращении фальсификаций на выборах, отслеживая голосование, сбор бюллетеней и подсчет голосов.

– Правозащитная деятельность.

Правозащитные организации оказывают значительное влияние на соблюдение государственными органами прав человека и существуют в каждой стране. Они следят за тем, как выполняются законы, касающиеся прав и свобод граждан. Кроме того, исходя из политической ситуации они могут предоставлять помощь людям, чьи права были нарушены.

– Журналистские расследования.

Средства массовой информации и журналисты играют ключевую роль в выявлении случаев неправомерной деятельности государственных органов. Опубликованные расследования от именитых журналистов, подкрепленные фактами и свидетельствами (а иногда и не имеющие фактов), помогают выявить нарушение законодательства со стороны правящего класса, коррупционные схемы и нарушения прав простых граждан. Кроме того, итогом таких расследований могут стать реальные изменения в политике.

Возможность контроля со стороны общества способствует повышению уровня доверия граждан к власти и улучшению качества государственного управления. Независимый контроль также способствует снижению уровня коррупции и созданию (укреплению) принципов правового государства. Это касается и базового чувства защищенности, который формируется при наличии механизмов контроля за деятельностью государственного аппарата.

Описанные выше возможности для гражданского общества участвовать в жизни страны в той или иной степени присутствуют в каждой стране, однако уровень реализации напрямую зависит от уровня демократии в стране.

Что касается условий, при которых может сформироваться устойчивое взаимодействие между НКО и государством, то здесь необходимо обозначить следующие аспекты:

Основным аспектом, безусловно, является создание правовых условий для взаимодействия государства и гражданского общества (в том числе НКО). Государство должно обеспечить защиту прав граждан и некоммерческих организаций (НКО), предоставив им возможность беспрепятственно действовать на территории страны. Этот момент полностью зависит от законодательных органов в стране, которые должны создавать условия для активного участия граждан в политических и социальных процессах, а также снижать барьеры для создания и деятельности НКО. Рассмотрим другие важные аспекты взаимодействия.

Финансовая поддержка является имманентной правовому государству [2], поскольку она позволяет обеспечить устойчивое развитие гражданских инициатив и усилить их влияние на социальные процессы. Государственные гранты и субсидии играют важную роль в финансировании некоммерческих организаций (НКО) и социальных проектов, особенно в тех сферах, которые связаны с решением общественно значимых проблем – таких как экология, социальная защита, поддержка уязвимых групп населения.

Обеспечение инклюзивного участия. Обеспечение инклюзивного участия граждан и НКО в процессе принятия решений на местном и национальном уровне касается ключевых аспектов демократии и гражданского общества. Это особенно актуально в современном мире, где активно развивается взаимодействие между государственными структурами, гражданами и некоммерческими организациями (НКО).

Говоря в построении гражданского общества, нельзя не упомянуть вопрос международного сотрудничества.

Важно сказать, что речь в этом пункте пойдет именно о сотрудничестве, а не о вмешательстве во внутренние дела государства со стороны враждебно настроенных государств. В условиях глобализации, которая на данный момент снизила темпы, существует возможность взаимовыгодного сотрудничества между государствами. Нельзя отвергать тот факт, что проблема защиты прав человека на международном уровне является актуальной.[3] Ниже представлены основные причины, по которым международное сотрудничество становится важным фактором в этом процессе:

Обмен опытом и лучшими практиками

Каждая страна имеет свой уникальный опыт построения взаимодействия между государством и гражданским обществом. Международное сотрудничество позволяет государствам и НКО обмениваться лучшими практиками, что способствует улучшению механизмов взаимодействия внутри страны. Например, успешные модели участия граждан в принятии решений в одной стране могут быть адаптированы и применены в другой. Примером международных инициатив могут быть совместные проекты, проводимые международными организациями (например, ООН, ОБСЕ).

Укрепление демократических институтов

В странах с развивающейся демократией международное сотрудничество помогает укрепить демократические институты, поддерживая процессы демократизации и уважения прав человека. Международные организации часто оказывают поддержку в разработке правовых норм и механизмов, которые способствуют инклюзивному участию граждан в политических процессах и улучшению взаимодействия между государством и НКО.

Факторы поддержки:

- финансовая и консультативная помощь для НКО;
- мониторинг за выполнением международных стандартов прав человека и демократического участия;
- проведение тренингов и семинаров для представителей гражданского общества.

Поддержка правозащитных организаций

В условиях политических или экономических кризисов международное сотрудничество играет важную роль в защите правозащитных организаций, которые часто оказываются под давлением. Международные организации и партнеры могут выступать гарантами защиты прав и свобод гражданских активистов, помогая поддерживать открытую гражданскую среду в странах с жестким государственным контролем.

Примером успешного сотрудничества между государством, гражданами и некоммерческими организациями (НКО) внутри государства демонстрируют, как совместные усилия могут привести к значительным положительным изменениям в социальной, экономической и политической сферах.

Проект «Активный гражданин» в Москве является хорошим примером такого сотрудничества [4]

Это платформа для голосования, запущенная в 2014 году правительством Москвы, которая позволяет жителям города принимать участие в решении различных вопросов городской жизни. Граждане могут голосовать за проекты

благоустройства парков, выбор маршрутов общественного транспорта, строительство социально значимых объектов и многое другое.

Гражданское общество играет центральную роль в устойчивом развитии через активное участие в политических, социальных и других инициативах. Взаимодействие между государством, НКО и гражданами создает условия для эффективного решения современных вызовов. Перспективы развития гражданского общества в будущем зависят от продолжения сотрудничества всех сторон, а также создания новых форм взаимодействия, в том числе через цифровые платформы и международное сотрудничество.

Литература

1. Скокова Ю.А. Движение наблюдателей на выборах в России: роль НКО как «школы демократии» // Социологический журнал. Т. 22 № 2. – 2016. – С. 55–72.
2. Никитина Е.Е. Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: состояние и перспективы развития // Образование и право. № 9. – 2022. – С. 88–93.
3. Москвина С.В. Актуальные проблемы международного сотрудничества в области защиты прав граждан // Исторические науки. Юридические науки. Т. 2 № 2 (6). – 2016. – С. 85–88.
4. Проект «Активный гражданин»: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://ag.mos.ru> (дата обращения: 10.10.2024).

POLITICAL INSTRUMENTS OF INTERACTION BETWEEN NON-PROFIT ORGANIZATIONS AND THE STATE: ASPECTS OF THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY

Ilin P.A.

University of World Civilizations. V.V. Zhirinovskiy

The article examines the key role of civil society in ensuring the sustainable development of the state. The author emphasizes the importance of interaction between the state, non-profit organizations and citizens in the context of the development of society, and, as a result, the whole country. The author analyzes the concept of civil society as a basis for solving modern social, economic and political challenges, noting its importance for building a just society. Special attention is paid to the role of the State in supporting mechanisms through which citizens have the opportunity to actively participate in decision-making processes and initiate social change.

In conclusion, example of successful cooperation of all the considered stakeholders within the state are given. As a conclusion, the prospects for further development of civil society in order to achieve sustainable development are discussed.

Keywords: civil society, sustainable development, state, NPOs, social initiatives, interaction.

References

1. Skokova Y.A. The movement of observers at elections in Russia: the role of NGOs as a “school of democracy” // Sociological journal. Vol.22 No.2. – 2016. – P. 55–72.
2. Nikitina E.E. Legislative regulation of state support for civil society institutions: status and development prospects // Education and Law. No.9. – 2022. – P. 88–93.
3. Moskvina S.V. Actual problems of international cooperation in the field of protecting citizens’ rights // Historical sciences. Legal sciences. Vol.2 No.2 (6). – 2016. – P. 85–88.
4. The Active Citizen project: official website. – Moscow. – Updated within 24 hours. – URL: <https://ag.mos.ru> (accessed: 10.10.2024).

Сетевые онлайн-коммуникации и социокультурные тренды в современной России: динамика в контексте СВО

DOI 10.34823/SGZ.2024.10.52059

Михайленок Олег Михайлович,

д.п.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Мальшева Галина Анатольевна,

научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: lamaga2007@yandex.ru

В статье рассматривается современное состояние российского общества на стыке двух областей – цифросетевой коммуникационной и социокультурной, а также выделяется ряд тенденций, характеризующих динамику их развития в период специальной военной операции (СВО) на Украине. Подчеркивается, что и в том, и в другом случае находят своё проявление факторы, которые свидетельствуют о цивилизационном и культурно-ценностном противостоянии России и западного мира. Показано, как контекст СВО влияет на изменение настроений российских граждан и какую роль в этом играют онлайн-сетевые коммуникации. Авторы делают вывод, что новая общественно-политическая реальность, сформировавшаяся за годы военного конфликта, создаёт предпосылки не только для консолидации большинства россиян на базе патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей, но и для укрепления информационного и культурного суверенитета российского государства в эпоху глобальной геополитической конфронтации.

Ключевые слова: сетевые коммуникации, социокультурная динамика, специальная военная операция (СВО), цифровая трансформация, социальные медиа, информационные войны, информационный суверенитет, культурный суверенитет.

Сегодня не будет преувеличением сказать, что российское государство и общество переживают этап судьбоносных перемен. Мировая система находится под действием мощных трансформационных трендов, которые меняют облик человеческого сообщества на всех уровнях – глобальном, региональном и национально-государственном. При этом универсальные тенденции, будучи перенесёнными на локальную почву, приобретают специфические формы, обусловленные особенностями исторического развития тех или иных стран и регионов. В данной статье предпринята попытка показать, как эти трансформации проявляются в жизни российского социума на пересечении двух плоскостей – социокультурной и онлайн-коммуникационной – и каким образом это вписано в контекст современной военно-политической ситуации.

Главным фактором коренных изменений в наши дни, без сомнения, является резкое ужесточение геополитических противоречий, вызванное процессами деглобализации и сломом однополярной модели мира, которая базировалась на безусловной гегемонии западного блока стран во главе с США. Глобальная конфронтация и рост конкурентной борьбы за мировые ресурсы происходят в виде экономического, политического, технологического, гибридного информационно-ментального противостояния, вплоть до открытых форм локальных вооружённых конфликтов. Одним из них является специальная военная операция (СВО) на Украине, которую с полным основанием можно трактовать как прокси-войну между Россией и коллективным Западом.

Переход к многополярному устройству означает не просто экономический и геополитический передел мира, но имеет и ярко выраженное культурно-цивилизационное измерение. Новые центры силы заявляют о себе не только как об экономических и политических конкурентах Запада, но и как о носителях культурно-ценностных систем, альтернативных западноцентричной модели и основанных на богатстве и своеобразии их собственного национально-исторического развития. Незападные страны всё активнее выступают против универсализации и стандартизации национальных культур в соответствии с образцами, которые составляют ценностно-идеологический базис глобального доминирования Запада.

Тема противодействия идейной и ценностной экспансии западного мира в последние годы является одной из центральных в общественно-политическом дискурсе России и во многом определяет социокультурные характеристики российского общества и развитие его политической культуры. Проблематике цивилизационного конфликта с Западом отводится первостепенная роль во властно-государственном нарративе и нормотворческой деятельности российских элит. Исходя из того, что структурный слом сложившегося миропорядка обнаруживает принципиальные различия в глобальных подходах к основополагающим нормам и принципам человеческого сосуществования, государственно-политическое руководство России считает необходимым выстраивать приоритеты национальной политики с опорой на «проверенную временем традицию» и собственные духовные ценности [6].

Подобного рода политика направлена в том числе и на то, чтобы придать официальный статус мировоззренческим установкам, которые соответствуют национально-государственной идентичности большинства наших сограждан. Так, в президентском Указе № 809 от 9 ноября 2022 года подчёркивается, что духовно-нравственные основы российской традиции играют принципиально важную роль в условиях глобального цивилизационного кризиса и «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества» идейно-ценностной агрессии со стороны западных сил [19].

В рамках этого нормативно-дискурсного тренда получила развитие и тема культурного суверенитета России в нынешнем глобальном контексте. Политика культурного суверенитета выступает в качестве ответной меры и инструмента борьбы против культурного неокolonизма Запада как неотъемлемой части его мировой гегемонии [25, с. 7–8]. По мере консолидации альтернативных центров влияния глобальная конфронтация всё заметнее проявляется в сфере культурно-цивилизационных различий. В свою очередь, национально-культурная самобытность государства служит одной из основ его геополитической самостоятельности. В российском законодательстве в числе главных признаков культурного суверенитета указываются, в частности, сохранение национальной исторической памяти, обеспечение социально-психологической и культурной независимости общества и его защита от внешнего «деструктивного идеологического и информационного воздействия» [20].

Социокультурную динамику российского общества невозможно рассматривать в отрыве от ещё одной ключевой тенденции глобального развития, а именно всеобъемлющей социотехнологической трансформации, в ходе которой происходит цифровая перестройка всех сфер жизни современного человека. Многообразие и масштабность культурно-гуманитарных эффектов цифровизации возводят её в ранг важнейшего социального феномена наших дней. Едва ли не самым значимым из них является гибридизация общественно-политической реальности, при которой процессы и явления физического мира дублируются на пространстве виртуальных сетевых коммуникаций. Цифровая трансформация преобразует традиционные структуры и институты общественного устройства, ставя под сомнение их ценностное наполнение и социальную эффективность.

В цифровом социуме образуются собственные общественно-технологические институты – глобальные и национальные цифровые платформы, с помощью которых регулируются механизмы производства и потребления цифровых продуктов и услуг, оцифровывается государственно-административная сфера и организуется онлайн-сетевая инфраструктура социальной коммуникации. Виртуальные информационно-коммуникационные сети носят трансграничный характер и служат основным формообразующим элементом цифровой медийной среды.

Глобальная сетевая природа новейших технологий на фоне разрастающегося мирового конфликта создаёт специфические условия для политического управления, ставя перед руководством национальных государств принципиально новые задачи по защите цифрового информационного пространства. Цифровая медиасфера на протяжении десятилетий развивалась под знаком неоспоримого доминирования западных, прежде всего американских, IT-корпораций и коммуникационных платформ, которые теснейшим образом связаны с властными элитами своих стран и служат проводником их гео-

политических интересов. Благодаря технологиям корпоративной цифровой цензуры и политической компьютерной пропаганды [4; 10] социальные медиасети способны осуществлять идеологическое влияние, транслировать идейно-ценностные установки и форматировать общественные настроения повсюду, где к ним имеют доступ пользователи. В силу этого глобальные цифровые игроки становятся полноправными участниками политических отношений на национально-государственном уровне и стремятся удержать завоёванные позиции.

Тем не менее, международный опыт последнего времени свидетельствует о том, что процессы деглобализации распространяются и на информационно-цифровую сферу. Россия, наряду с другими альтернативными мировыми центрами, всё активнее продвигается по пути обеспечения национального информационного суверенитета. Важнейшим стимулом в этом смысле является общественно-политический контекст СВО как пространство идейно-ценностного противоборства с глобальным Западом.

Информационный суверенитет увязывается со способностью национального государства проводить независимую политику как в собственном медийном сегменте, физическом и виртуальном, так и за его пределами. Для достижения этой цели ему необходим целый ряд средств и инструментов материально-технического характера, в том числе цифровая коммуникационная инфраструктура, собственные программные продукты, сети социальных медиа, поисковые и электронные платежные системы, национальная система защиты данных, а также развитая правовая и институциональная база, регулирующая цифровую сферу.

В то же время заслуживает пристального внимания мысль о том, что полноценный информационный суверенитет подразумевает наличие не только технологической, но и идеологической составляющей. По словам М.М. Кучерявого, в цифровой коммуникационной среде следует вести речь об обеспечении идеологического или даже «ментального» суверенитета [8, с. 12–14], что подразумевает проведение информационной политики с опорой на государственную идеологию или сильную национальную идею, способную объединить большинство граждан. От этого зависит возможность для государства реализовывать пропагандистскую и контрпропагандистскую деятельность в виртуально-цифровой сфере и продвигать в сетях интернета собственную общественно-политическую медиаповестку, которая отвечает национальным интересам и национальным культурным ценностям.

Таким образом, информационный суверенитет в определённом своём аспекте состыковывается с суверенитетом культурным. Посредством культурной суверенизации имплицитно идеологические аспекты цифрового и информационного суверенитета национального государства. С этой точки зрения следует признать, что значение ментальной защищённости социума, т.е. его способности оказывать сопротивление попыткам культурного форматирования извне, не менее велико, чем роль технологических инструментов суверенности.

Между тем, очевидно, что к началу СВО российское общество подошло расколотым в идеологическом, политическом и культурно-ценностном плане. Российский внутригражданский культурный разлом имеет давнишнюю историю и проходит по линии разделения между условными «западниками» и «почвенниками», то есть сторонниками западно-ориентированного пути развития и приверженцами цивилизационной самостоятельности России. Нельзя не вспомнить в этой связи известную работу С. Хантингтона, в которой он причисляет Россию

к цивилизационно «разорванным» странам, поскольку она на протяжении столетий не могла решить вопрос о своей принадлежности или не-принадлежности к Западу [21, с. 210–211]. Наличие в обществе разных наборов ценностей, свойственных как западной, так и незападной цивилизационным идентичностям, служит постоянным источником внутреннего конфликта.

Представители «прозападного» меньшинства, отдающие предпочтение либеральным ценностям, выражают несогласие с политикой властей и считают их нынешний конфронтационный курс ошибочным, идеализируя модель демократии западного образца. Сторонники российской самобытности составляют лояльное большинство граждан. Они являются опорой властей в разворачиваемом на наших глазах геополитическом противостоянии и выступают с патриотических позиций, отстаивая идею независимости России от западного мира и заявляя о приверженности «традиционным ценностям национальной политической культуры» [23, с. 153].

Подобный раскол, как подчёркивает Н.Е. Тихонова, свидетельствует о сосуществовании в России «двух принципиально разных типов менталитета», которые базируются на различном понимании соотношения интересов личности и государства. Причём традиционным для России является именно представление о приоритете интересов общности (государства) над интересами индивидуума, сопряжённое с готовностью идти на жертвы ради суверенитета и безопасности своей страны. Основу наиболее вестернизированной, индивидуалистически и прозападно настроенной части российского общества составляют жители крупных городов, хорошо образованные и социально благополучные люди [18, с. 7–8, 18, 22, 31]. По оценкам социологов, доля последовательных «индивидуалистов» среди населения России сегодня достигает примерно четверти от его общего количества [14, с. 334].

Стоит заметить, что ценностный разрыв в российском обществе имеет и ярко выраженный межпоколенческий аспект. Настроения и взгляды российской молодёжи заметно отличаются от позиции старших поколений, а по ряду вопросов представителями старших и младших возрастов порой высказываются едва ли не противоположные мнения. Причём вопросы эти касаются таких ключевых для отечественной социально-политической сферы тем, как, например, видение оптимального пути, по которому должна развиваться страна, отношение к базовым общественным ценностям, оценка западного мира и его влияния на российскую культуру и общество и т.д. [15, с. 129, 344–345; 16]. В молодых возрастных группах неизмеримо больше, чем среди россиян старших возрастов, распространены взгляды, установки и жизненные предпочтения, соответствующие культурной и ценностной матрице постмодерна.

Исследования, проведённые в последние годы, фиксируют наличие в поведенческих моделях молодых россиян таких явлений, как индивидуализм, консюмеризм, гедонистическое отношение к жизни, социальный и политический конформизм, стремление любой ценой сохранить комфортную зону существования, ориентация на собственные, а не на общественные интересы. Им зачастую присуще представление о том, что патриотизм — это не обязанность, а дело личного выбора гражданина, и что патриотом может считаться человек, который избегает службы в армии, не участвует в выборах и вправе свободно выбирать страну проживания [22]. Как правило, это сочетается с неприятием государственного нарратива и с недоверием к его официальным источникам. По своим взглядам и жизненным позициям молодёжь составляет социальную группу, наиболее интегрирован-

ную в международный культурный контекст, и в силу этого ей труднее всего адаптироваться к изменениям, которые вызваны конфронтацией с Западом, введением санкционного режима и началом специальной военной операции на Украине. Социологи отмечают, что чем моложе респонденты, тем чаще они выступают против СВО [9, с. 18].

Прослеживается тесная взаимосвязь между различиями в ценностных ориентациях молодых и старших поколений и особенностями их медиапотребления. Если для старших возрастов основным источником информации по-прежнему остаётся телевидение [13], то в молодёжной среде растёт зависимость от социальных медиа и современных цифровых информационных технологий. Хотя к онлайнсетям сегодня в той или иной мере приобщены россияне всех возрастов, молодёжь вовлечена в них больше всего. По данным мониторинга Mediascore, в младших возрастных группах аудитория интернета в РФ в последнее время достигла практически стопроцентного охвата. В целом же по стране интернетом пользуются порядка 85% населения [2]. Значительный удельный вес онлайнресурсов на отечественном медиапространстве говорит о том, что они играют существенную роль в конструировании информационного поля России, успешно конкурируя в этом отношении с традиционными СМИ.

Личностное становление молодых россиян проходит в качественно новой техносоциальной среде, определяющей место в которой занимает виртуально-цифровая коммуникационная и медийная реальность. Особенности онлайнного информационного потока, чрезвычайно плотного, интенсивного и тематически разнообразного, формируют у пользователей поверхностность и мозаичность восприятия, неспособность критически осмыслить получаемую информацию и уловить в ней внутренние логические связи. На фоне коммуникационной усталости они оказываются полностью дезориентированными в мировоззренческом отношении и в результате легко поддаются компьютерной пропаганде и манипулированию.

В современном мире, где многие процессы, включая глобальное политическое противостояние, приобретают гибридный характер, цифровые онлайнсети становятся главным полем информационных войн. И именно молодёжь как основная аудитория социальных медиа оказывается наиболее подверженной манипулятивному онлайн-воздействию, которое не только следует конкретному политическому целеполаганию, но в первую очередь включает в себя внедрение в массовое сознание определённых мировоззренческих установок. Посредством распространения ценностей постмодерна происходит «культурно-идеологическая экспансия, направленная на трансформацию российской идентичности» [15, с. 359], целью которой является коррозия и переформатирование культурного пространства нашей страны.

Неоднократно отмечалось, что медиасфера, в первую очередь цифровая, существенно влияет на динамику международных вооружённых конфликтов. Посредством медиа политическая власть транслирует идеи, смыслы и ценности, которые отвечают, как её стратегическим интересам, так и конкретным задачам, преследуемым в ходе конфликтных действий. Онлайнная информационная среда активно привлекается к формированию общественного мнения по обе стороны конфликта. В условиях глобального противоборства платформы социальных медиа сами становятся участниками геополитической конфронтации, в качестве её субъектов и институционального пространства [3, с. 6–7].

Не следует забывать, что ценностная повестка трансграничных онлайнсетей находится в прямой зави-

симости от интересов наиболее влиятельных цифровых акторов. В их число, как было сказано выше, входят в первую очередь крупнейшие технологические корпорации, аффилированные с властно-политическими кругами западных стран. Деятельность коммуникационных платформ, принадлежащих этим глобальным цифровым игрокам, нацелена не только на получение коммерческой выгоды, но и на борьбу за умонастроения людей. По словам И.С. Ашманова, существует целый ряд технологических и административных механизмов, с помощью которых цифровые платформы отработывают политический заказ властных элит Запада. К примеру, популярный мировой видеохостинг YouTube, помимо коммерческого менеджмента, курируется представителями американских спецслужб, которые ведают стратегическими направлениями и идейно-политическим наполнением видеоматериалов, с тем чтобы они следовали в русле западной информационной повестки. На медиаресурсе идеологический контент продвигается не только автоматически, с помощью рекомендательных алгоритмов на основе искусственного интеллекта, но и посредством дополнительного «ручного» модерирования под конкретную политическую задачу [7].

Западная система идёт по пути жёсткого контроля над цифросетевым информационным пространством и его использования в собственных геополитических интересах. Одной из главных задач информационной войны, о чём прямо говорится в докладе 2019 года американской проправительственной организации RAND, является подрыв международного имиджа противника, а также критика ключевых аспектов его внутренней политики, с тем чтобы поставить под сомнение легитимность политического режима [24, с. 1, 139, 170–171]. Как подчёркивает И.В. Задорин, сегодня, чтобы завоевать какое-либо государство, достаточно «захватить головы» людей, его населяющих. Концепция межгосударственной конкуренции в наши дни во многом опирается не на овладение территорией, а на «интеллектуальное, культурное доминирование, доводимое порой до перехвата управления страной» [5, с. 202–203]. В подобных условиях российскому руководству как никогда важно реализовывать меры по суверенизации национального информационного пространства и его ограждению от культурной, идеологической и политической экспансии Запада.

Тем не менее, как показывают современные общественно-политические реалии нашей страны, россияне, несмотря на действие внешних и внутренних десоциализирующих факторов, в период специальной военной операции демонстрируют высокий уровень сплочённости и патриотической мобилизации. Это качество присуще нашим согражданам традиционно и всегда проявляется перед лицом исходящих извне критических угроз независимости и территориальной целостности страны. Война заставляет многих переоценить свои взгляды и увеличивает число стойких лоялистов. Согласно данным ВЦИОМ, уровень патриотизма в России сегодня высок как никогда. Патриотами себя считают 94% граждан, в том числе безусловными патриотами – 62%, что составляет абсолютный максимум за весь период наблюдений [11].

Представители общественных наук сходятся на том, что в условиях геополитического кризиса в России произошли кардинальные сдвиги, связанные с эволюцией национального самосознания и общегражданской идентичности. Они констатируют появление в нашем государстве новой общественно-политической реальности, предпосылкой и фоном для которой стала специальная военная операция на Украине. После начала СВО увели-

чилась доля россиян, уверенных в особой цивилизационной роли своей страны и в том, что она не должна зависеть от правил, навязываемых извне. Соотношение между «западниками» и «почвенниками» изменилось с 1:2 в 2021 году до 1:3,5 (21,6% против 78,0% населения) по данным на 2023 год [1, с. 113–114]. На социально-политическом и социокультурном пространстве России образовалось «значимое ядро консолидации гражданского общества», на основе духовно-нравственного единения и мировоззренческой убеждённости в преодолении геополитических вызовов со стороны Запада [15, с. 158].

Социологи фиксируют рост ценности традиций в российском обществе, причём лагерь сторонников традиционализма сегодня пополняется за счёт тех групп, которые ранее были к нему наименее привержены, – людей с высоким уровнем доходов и молодёжи. К примеру, если в 2021 году среди 18–24-летних к традициям тяготели лишь 20,5%, то в 2023 году этот показатель составил уже 45,3% [14, с. 183]. Это позволяет говорить о том, что российская молодёжь, несмотря на особенности её социокультурного портрета, под воздействием объективных реалий всё активнее вписывается в общий тренд патриотического подъёма и ценностной девестернизации.

Как признаёт большинство наблюдателей, события, связанные со специальной военной операцией, и роль в них стран западного блока способствуют развенчанию того идеализированного образа Запада, который всё ещё сохраняется в представлениях части россиян, оппозиционно настроенных к власти. Более того, происходит дискредитация продвигаемых западным миром идеологических установок и культурных ценностей и, как следствие, рост убеждённости наших сограждан в их деструктивной роли. Становятся очевидными признаки вырождения демократии либерального образца, с её набором прав и свобод, которые приобретают всё более иллюзорный характер.

Немаловажную роль в росте консолидационных социокультурных тенденций играет и изменение российского медиаландшафта. Идейно-политическое наполнение информационного пространства России в условиях СВО претерпевает существенную трансформацию. Доминирование официального дискурса охватывает не только традиционные СМИ, но и во всё большей степени сетевые онлайн-медиа. Государство активно осваивает интернет, продвигая в нём собственный идеологический нарратив, и одновременно блокирует те сегменты национального цифросетевого информационного поля, через которые осуществляется внешнее влияние. Деятельность целого ряда крупнейших западных сетевых платформ, в том числе Twitter (X), Facebook¹ и Instagram², в нашей стране либо ограничена, либо запрещена по причине нарушения ими российского законодательства. Анализируя происходящее в отечественной медиасфере, эксперты предрекают сценарий, при котором российский интернет по своему содержанию будет постепенно приближаться к телевидению, где практически безраздельно господствует провластная точка зрения [13].

Вместе с тем, в настоящий момент в онлайн-медиа цифровых медиа, на которые ориентируются молодые россияне, ситуация пока далека от прогнозируемой. В социальных сетях остаётся широко распространённым контент антипатриотической направленности. Несмотря на явный рост социального запроса

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

на патриотическую цифровую повестку, ей, как подчёркивает Р.В. Парма, всё ещё недостаёт сформированной сетевой инфраструктуры, эффективных площадок трансляции и влиятельных лидеров и центров общественного мнения [12].

Оценки процессов закрепления государства в цифросетевых медиа, а также того, как это может повлиять на социокультурную динамику российского общества, неоднозначны. Так, например, А.И. Соловьёв предупреждает, что информационно-пропагандистское давление со стороны государства способно вызвать обратную реакцию у молодых потребителей интернет-контента и, помимо усиления в их рядах конформистских настроений, спровоцировать ещё большую тягу к либеральным ценностям. В результате цифровая информационная политика российских властей не только не позволит преодолеть мировоззренческие разломы в социуме, но и приведёт к сокращению «гуманитарного и консенсусального потенциала культурного обновления» [17, с. 224, 226–227].

Оценивая общий вектор развития культурно-ценностного ландшафта и цифросетевой коммуникационной среды современного российского общества, можно прийти к некоторым выводам. Очевидно, что в последние годы в них произошёл ряд качественных сдвигов, которые свидетельствуют о существенном прогрессе в деле суверенизации онлайн-коммуникационной и социокультурной сферы. В период СВО заметно изменились приоритеты информационной политики российского руководства. Активно осуществляется защита внутреннего информационного пространства, включая продвижение в виртуальных коммуникационных сетях государственной идеологической повестки, а также переориентацию пользователей с транснациональных на отечественные социальные медиа. Тем самым стимулируется производство и распространение цифрового контента, который в наибольшей степени отвечает интересам и идентичности российского социума.

В этом плане может быть использован существующий международный опыт по обеспечению информационного суверенитета, такой, как, например, целый комплекс мер, принятых руководством Китая, которые позволили этой стране проводить независимую политику в области информационных и цифровых технологий. Впрочем, механический перенос подобного рода наработок на российскую почву невозможен, хотя бы потому, что Россия, в отличие от КНР, не обладает достаточно ёмким внутренним рынком, чтобы полностью замкнуть глобальные коммуникационные платформы их аутентичными аналогами. Необходим поиск новых подходов к выработке цифровых информационных стратегий, которые позволили бы не только адаптировать уже имеющиеся решения, но и реализовывать собственные, максимально отражающие специфику российского социально-информационного пространства и национальной цифровой экосистемы РФ. Кроме того, культурный и информационный суверенитет государства не означает его изоляции и закрытости от внешнего мира, и в ходе идейно-технологического противоборства на онлайн-сетевом поле было бы оптимальным скоординированное применение как оборонительных, так и наступательных практик и инструментов.

Корректировка информационной политики и суверенизация цифросетевой коммуникационной среды коррелируют с изменениями в социокультурных характеристиках российского общества, которые фиксируются на фоне новой социально-политической реальности, сформировавшейся за годы специальной военной операции на Украине. Несмотря на сохраняющийся мировоззрен-

ческий раскол, значительное большинство россиян консолидируется на базе традиционных культурных и духовных ценностей, лейтмотивом которых являются патриотические настроения, неприятие культурно-ценностной модели западного неолиберализма и убеждённость в цивилизационной состоятельности и исторической правоте российского государства и общества, что служит гарантией успешного развития нашей страны в современном турбулентном мире.

Литература

1. Андреев А.Л. Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО / А.Л. Андреев, И.А. Андреев, Е.Д. Слободенюк // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 1. – С. 104–119. – DOI: 10.17976/jpps/2024.01.08. – EDN VUHIXY.
2. Аудитория интернета в 2022 году. – URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrlhud7t7dxyzw1rhtzx-g3rwk8deg7uk/2022_ИНТЕРНЕТ.pdf (дата обращения: 28.08.2024).
3. Вартанова Е.Л. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе / Е.Л. Вартанова, Д.В. Дунас, А.А. Гладкова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 4. – С. 3–32. – DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. – EDN PLANZI.
4. Жешко-Браун И. Американский самиздат в сетях Интернета // Интернет-журнал «Гефтер»: [сайт]. 14.02.2018. – URL: <http://gefeter.ru/archive/24038> (дата обращения: 08.10.2024).
5. Задорин И.В. Новые мировые расколы и войны за идентичность / И.В. Задорин // Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы: опыт социологического измерения. – Москва: Весь Мир, 2022. – С. 194–207. – EDN LLZVOI.
6. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: [сайт]. 21.10.2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 25.08.2024).
7. Кураторы от разведки и ручная накрутка: как работают теневые алгоритмы YouTube // Парламентская газета: [сайт]. 03.08.2024. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/kuratoriy-ot-razvedki-i-ruchnaya-nakrutka-kak-rabotayut-tenevye-algoritmy-youtube.html> (дата обращения: 28.08.2024).
8. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира / М.М. Кучерявый // Управленческое консультирование. – 2015. – № 2(74). – С. 8–15. – EDN TLQRUL.
9. Макушева М.О. «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян / М.О. Макушева // Социодиггер. – 2022. – Т. 3. № 7(19). – С. 11–20. – EDN YYIGCN.
10. Михайленок О.М. Роботизация социальных сетей и её политические последствия / О.М. Михайленок, Г.А. Малышева // Власть. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 85–92. – DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7046. – EDN IWSFWX.
11. О современном российском патриотизме // ВЦИОМ: [сайт]. 29.03.2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 29.08.2024).
12. Парма Р.В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодёжи / Р.В. Парма // Высшее образование

- в России. – 2024. – Т. 33. № 1. – С. 44–67. – DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67. – EDN LLCBSO.
13. «Партия телевизора» не сдаёт позиции // Левада Центр: [сайт]. 25.07.2024. – URL: <https://www.levada.ru/2024/07/25/partiya-televizora-ne-sdaet-pozitsii/> (дата обращения: 28.08.2024).
 14. Российское общество и вызовы времени / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Л. Андреев [и др.]. – Москва: Весь Мир, 2024. – 352 с. – ISBN 978-5-7777-0927-1. – EDN OYVDFP.
 15. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н.В. Березина, И.Я. Богданов, Н.М. Великая [и др.]. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023. – 549 с. – ISBN 978-5-89697-409-3. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023. – EDN ORTSAQ.
 16. Седова Н.Н. Перспективы солидаризации и коллективных действий в контексте развития ценностных установок российской молодёжи / Н.Н. Седова // Цифровой учёный: лаборатория философа. – 2023. – Т. 6. № 4. – С. 186–196. – DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-186-196. – EDN MKYQPA.
 17. Соловьёв А.И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры / А.И. Соловьёв // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 67. – С. 216–230. – DOI: 10.17223/1998863X/67/19. – EDN DSYQWA.
 18. Тихонова Н.Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения / Н.Е. Тихонова // Мир России. Социология. Этнология. – 2023. – Т. 32. № 4. – С. 6–35. – DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35. – EDN NQSIPT.
 19. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. 09.11.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.08.2024).
 20. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808» // Президент России: [сайт]. 25.01.2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855/page/1> (дата обращения: 13.09.2024).
 21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603, [5] с.
 22. Ценностные ориентации современной молодёжи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований // ЦИРКОН, 2021. – URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (дата обращения: 27.08.2024).
 23. Шестопад Е.Б. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ / Е.Б. Шестопад, Н.Н. Рогач // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19. № 2. – С. 150–165. – DOI: 10.21638/spbu23.2023.201. – EDN VRWLDD.
 24. Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N. [et al.] (2019) Overextending and unbalancing Russia. Assessing the impact of cost-imposing options. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 325 p. – URL: https://ia802200.us.archive.org/14/items/rand-rr-3063/RAND_RR3063.pdf (access date: 08/29/2024).
 25. Wang Huning (1994). Cultural Expansion and Cultural Sovereignty: the Challenge to the Concept of Sovereignty // Journal of Fudan University. Vol. 3. Pp. 1–21. – URL: <https://archive.org/details/wang-huning-cultural-expansion-and-cultural-sovereignty> (access date: 08/29/2024).

ONLINE NETWORK COMMUNICATIONS AND SOCIO-CULTURAL TRENDS IN CONTEMPORARY RUSSIA: DYNAMICS IN THE CONTEXT OF THE SMO

Mikhaylenok O.M., Malysheva G.A.
Institute of Sociology FNIS RAS

The article examines the current state of the Russian society at the intersection of two areas – digital network communication and socio-cultural ones, and highlights a number of trends that characterise the dynamics of their development during the special military operation (SMO) in Ukraine. It is stressed that in both cases the factors that testify to the civilisational and cultural-value confrontation between Russia and the Western world are manifested. It is shown how the context of the SMO affects the changing moods of Russian citizens, and what role online-network communications play in this. The authors conclude that the new socio-political reality formed during the years of the military conflict creates prerequisites not only for the consolidation of the majority of Russians on the basis of patriotism and traditional spiritual and moral values, but also for strengthening the information and cultural sovereignty of the Russian state in the era of global geopolitical confrontation.

Keywords: network communications, socio-cultural dynamics, special military operation (SMO), digital transformation, social media, information wars, information sovereignty, cultural sovereignty.

References

1. Andreev A.L. Demarcation and consolidation in Russian society in the context of the SVO / A.L. Andreev, I.A. Andreev, E.D. Slobodenyuk // Polis. Political studies. – 2024. – No. 1. – P. 104–119. – DOI: 10.17976/jpps/2024.01.08. – EDN VUHIXY.
2. Internet audience in 2022. – URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrhhd7t7dxyzw1rhtzgx3rwx8deg7uk/2022_INTERNET.pdf (date of access: 08/28/2024).
3. Vartanova E.L. Media and Conflicts: A Study of Mutual Influence in Current Academic Discourse / E.L. Vartanova, D.V. Dunas, A.A. Gladkova // Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. – 2021. – No. 4. – P. 3–32. – DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. – EDN PLANZI.
4. Rzeszko-Brown I. American Samizdat on the Internet // Internet Journal “Geffer”: [website]. 02/14/2018. – URL: <http://geffer.ru/archive/24038> (accessed: 10/08/2024).
5. Zadorin I.V. New World Schisms and Wars for Identity / I.V. Zadorin // Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols: An Experience of Sociological Measurement. – Moscow: Ves Mir, 2022. – Pp. 194–207. – EDN LLZVOI.
6. Meeting of the Valdai Discussion Club // President of Russia: [website]. 10.21.2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (date accessed: 08.25.2024).
7. Intelligence curators and manual cheating: how YouTube’s shadow algorithms work // Parliamentary newspaper: [website]. 08.03.2024. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/kuratory-otrazvedki-i-ruchnaya-nakrutka-kak-rabotayut-tenevye-algoritmy-youtube.html> (date accessed: 28.08.2024).
8. Kucheryavy M.M. State policy of information sovereignty of Russia in the context of the modern global world / M.M. Kucheryavy // Management consulting. – 2015. – No. 2 (74). – P. 8–15. – EDN TLQRUL.
9. Makusheva M.O. “Conflict and solidarity”. How the conflict between Russia and Ukraine is projected onto the public opinion of Russians / M.O. Makusheva // Sociodigger. – 2022. – Vol. 3. No. 7 (19). – P. 11–20. – EDN YYIGCN.
10. Mikhaylenok O.M. Robotization of social networks and its political consequences / O.M. Mikhaylenok, G.A. Malysheva //

- Vlast. – 2020. – Vol. 28, No. 1. – Pp. 85–92. – DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7046. – EDN IWSFWX.
11. On modern Russian patriotism // VTsIOM: [website]. 03/29/2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (date of access: 08/29/2024).
 12. Parma R.V. Promotion of the patriotic agenda in social media among Russian student youth / R.V. Parma // Higher education in Russia. – 2024. – V. 33, No. 1. – P. 44–67. – DOI: 10.311992/0869-3617-2024-33-1-44-67. – EDN LLCBSO.
 13. The “TV Party” Is Not Giving Up Its Positions // Levada Center: [website]. 25.07.2024. – URL: <https://www.levada.ru/2024/07/25/partiya-televizora-ne-sdaet-pozitsii/> (date of access: 28.08.2024).
 14. Russian Society and the Challenges of the Time / M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova, A.L. Andreev [et al.]. – Moscow: Ves' Mir, 2024. – 352 p. – ISBN 978-5-7777-0927-1. – EDN OYVDFP.
 15. Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022 / N.V. Berezina, I. Ya. Bogdanov, N.M. Velikaya [et al.]. – Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2023. – 549 p. – ISBN 978-5-89697-409-3. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023. – EDN ORTSAQ.
 16. Sedova N.N. Prospects for solidarity and collective action in the context of the development of value attitudes of Russian youth / N.N. Sedova // Digital scientist: philosopher's laboratory. – 2023. – V. 6, No. 4. – P. 186–196. – DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-186-196. – EDN MKYQPA.
 17. Soloviev A.I. Citizen in the Streams of Digitalization: Collisions of Politics and Culture / A.I. Soloviev // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2022. – No. 67. – P. 216–230. – DOI: 10.17223/1998863X/67/19. – EDN DSYQWA.
 18. Tikhonova N.E. Specifics of the Worldview of Supporters of the Western Path of Development for Russia in the Masses of the Population / N.E. Tikhonova // The World of Russia. Sociology. Ethnology. – 2023. – Vol. 32, No. 4. – Pp. 6–35. – DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35. – EDN NQSIBT.
 19. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // President of Russia: [website]. 09.11.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of access: 25.08.2024).
 20. Decree of the President of the Russian Federation of 25.01.2023 No. 35 “On Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808” // President of Russia: [website]. 25.01.2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855/page/1> (date of access: 13.09.2024).
 21. Huntington S. Clash of Civilizations / S. Huntington / Transl. from English by T. Velimeeva, Yu. Novikova. – M.: AST, 2003. – 603, [5] p.
 22. Value orientations of modern youth. Analytical review of the results of international and Russian studies // CIRCON, 2021. – URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (date of access: 08/27/2024).
 23. Shestopal E.B. Stages of transformation of the psychological state of Russian society: political and psychological analysis / E.B. Shestopal, N.N. Rogach // Political examination: POLITEX. – 2023. – Vol. 19, No. 2. – P. 150–165. – DOI: 10.21638/spbu23.2023.201. – EDN VRWLDD.
 24. Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N. [et al.] (2019) Overextending and unbalancing Russia. Assessing the impact of cost-imposing options. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 325 p. – URL: https://ia802200.us.archive.org/14/items/rand-rr-3063/RAND_RR3063.pdf (access date: 08/29/2024).
 25. Wang Huning (1994). Cultural Expansion and Cultural Sovereignty: the Challenge to the Concept of Sovereignty // Journal of Fudan University. Vol. 3. Pp. 1–21. – URL: <https://archive.org/details/wang-huning-cultural-expansion-and-cultural-sovereignty> (access date: 08/29/2024).

Патриотизм в структуре гражданско-политической идентичности студенческой молодежи

Сафонова Анна Сергеевна,

кандидат политических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: merry.pr@yandex.ru.

Тараканова Тамара Сергеевна,

кандидат политических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: tarakanovatamara@gmail.com.

Цель исследования сфокусирована на вопросе выявления представлений студенческой молодежи о феномене патриотизма и его места в ценностной архитектуре гражданско-политической идентичности. Основу исследования составили методы научного обобщения, теоретического анализа российской и зарубежной литературы по вопросам изучения понятия патриотизма, гражданственности и социально-политической активности молодежи, а также опросный метод. Полученные результаты позволили обнаружить не только высокий уровень патриотических настроений студенческой молодежи, но и общий рост уровня ее гражданско-политической активности. Полученные данные указывают на то, что семья как агент первичной политической социализации уступает место цифровым медиа и интернету в целом. Вместе с тем, большая часть респондентов высказывает отрицательное мнение относительно уроков или занятий, связанных с патриотизмом, что актуализирует проблему патриотического воспитания в высшей школе и обуславливает необходимость усиления работы университетов по формированию сетевой инфраструктуры патриотического контента в социальных медиа, активизации деятельности студенческих проектов и сообществ, поддерживающих патриотические ценности, однако исключая патерналистские механики формирования патриотических установок.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, гражданственность, политическая активность, молодежь.

Введение

Исследование патриотизма представляет собой одно из важных направлений современного отечественного дискурса и требует как теоретического обоснования, так и эмпирического анализа изменений патриотических ценностей в гражданско-политическом сознании российской молодежи. Будучи ключевым компонентом общественного сознания, патриотизм влияет на формирование гражданской идентичности личности, сплочение общества и динамику политических процессов в целом, служит основой для конструирования ценностных ориентиров, которые определяют поведение граждан в различных сферах жизни – от социального взаимодействия до участия в государственном управлении.

Патриотическая повестка транслируется первыми лицами государства и отражается в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию, а также в публичных выступлениях ключевых политических акторов. За последние годы принят ряд программ и проектов (Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», реализуемый в рамках национального проекта «Образование», «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года», «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» и другие), направленных на становление гармонично развитой и социально-ответственной личности, воспитанной на основе духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций народов Российской Федерации.

На изменениях патриотических настроений в российском обществе фокусируются масштабные, в том числе лонгитюдные исследования ФОМ («Патриотизм и патриоты», выпуск от 09.06.2023 г.) и ВЦИОМ («О современном российском патриотизме», выпуск от 29.04.2024).

Проблема исследования теоретических и качественных характеристик патриотизма, всегда существовавшая в предметном поле общественно-научной традиции, становится особенно актуальной для российской действительности в период политических, социальных и экономических трансформаций. Современный политический процесс во многом сфокусирован в области вопросов формирования патриотических ценностей, когда само понятие патриотизма рассматривается как детерминирующая ценностная ориентация в политическом сознании молодежи, представления которой о общественно-политической реальности напрямую влияют на формирование их гражданской позиции и характер процессов модернизации, уровень и степень вовлеченности молодых людей в данные процессы, на их текущие паттерны поведения и значимые средства реализации своих социально-политических интересов и требований. Расширение цифрового пространства политического дискурса обуславливает стремительно разворачивающийся кризис и повышение уровня рисков политической модернизации в политическом и социальном пространстве страны, когда вопросы формирования ключевых образов и ценностей российского студенчества становятся объектом дискурса социальных групп в социальных се-

тях, телеграмм-каналах и в процессе межличностной коммуникации.

Современный университет как часть образовательной системы активно участвует в процессе социализации студенчества как социальной группы, в связи с чем воспитательный процесс приобретает особую значимость в рамках проводимой вузом образовательной политики, а в условиях увеличения учебной нагрузки и в связи с внедрением электронного и дистанционного форматов обучения необходимо понимать, как студенты организуют свое внеучебное время. Как научный, так и практический интерес представляет оценка степени участия молодежи в политических и в неполитических движениях, изучение уровня доверия к существующим государственным институтам, а также анализ возможностей политической и социальной мобильности молодого поколения. Поправки в Конституцию РФ и новая редакция Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» поставили новую перед университетами России фундаментальную задачу по внедрению лучших практик и систем поддержки воспитательной деятельности.

Обзор литературы

Происходящие сегодня изменения во всех сферах жизни обуславливают широкий исследовательский интерес к изучению феномена патриотизма. Знаковые события во внутри- и внешнеполитической жизни, произошедшие за последние два десятилетия, обуславливают глубокие изменения в векторе воспитания патриотического сознания молодежи на общегосударственном уровне. Патриотизм все чаще оказывается в центре внимания различных дискуссий, некоторые из которых носят спекулятивный характер. Тем не менее, появилось множество научных работ, которые отличаются творческим и исследовательским подходом к пониманию патриотизма и как к явлению, и как к идее.

Несмотря на то, что первые попытки осмысления феномена патриотизма встречаются еще у античных философов, данная категория становится предметом научных исследований только XX веке.

Российские и зарубежные авторы сходятся во мнении относительно отсутствия единого определения патриотизма, а также методов и подходов к его изучению, однако, как в российской, так и в зарубежной интерпретации феномен патриотизма рассматривается как сложносоставное понятие, в основе которого лежат когнитивные, аффективные, аксиологические и поведенческие элементы [1]. Так, С.Г. Ивченков и Е.В. Сайганова отмечают, что содержательная интерпретация понятия ассоциируется с социально-значимой деятельностью, активизмом, социальной ответственностью. Основные проявления патриотизма люди видят в службе в армии, воспитании детей, законопослушности и добросовестном труде на благо общества [2, с. 106]. Профессор П. Гуд исследовал взаимосвязь патриотических настроений россиян, государственной пропаганды и формирования националистических ценностей [3].

Патриотизм является междисциплинарной категорией, что обуславливает широкое многообразие подходов к его изучению в русле социогуманитарных наук. Наиболее распространены подходы, рассматривающие его как элемент индивидуального или общественного сознания [4], как социокультурный или политический феномен (элемент идеологии, элемент политического сознания) [5]. Изучение понятия также сопряжено с много-

численными исследованиями уровня гражданственности и социально-политической активности современной молодежи [6], в том числе в русле изучения протестного потенциала и экстремистских настроений [7,8]. Значительное внимание исследователей уделяется типологизации патриотизма [9], стратегиям его формирования, а также нормативно-правовой и институциональной базе [10].

Высокая динамика социально-политических изменений побуждает более внимательно подходить к исследованию структуры ценностей с целью прогнозирования новых поворотов в настроениях, решениях и действиях молодежи. В фокусе исследования находятся студенты, как наиболее активная часть молодого поколения, способная реактивно реагировать на любые социально-политические преобразования и трансформации.

Авторы коллективной монографии «Университет 2030: в поисках образа будущего» выявили ряд ключевых факторов, влияющих на изменение социально-психологических механизмов адаптации молодежи, среди которых: виртуализация и интерес к цифровым технологиям, постоянная включенность в текущую повестку, выражающаяся в необходимости и желании пользователей находиться онлайн, высокая вариативность и нестабильность в работе социальных институтов, а также фактор тревожного фона, который выражается в мрачном образе настоящего и негативном образе будущего [11, с. 118–152].

В связи с этим особенно важным сегодня становится изучение патриотических настроений молодежи, понимание степени участия молодого человека в жизни государства и общества, когда социальные связи становятся нестабильными, а определение достоверности информации – сложным. Современная молодежь свободно меняет группы интересов, места работы и род занятий, легко присоединяется и покидает общественные организации и движения.

Виртуальная среда способна оказывать деструктивное влияние на формирование жизненных стратегий молодежи сегодня. Часто природа такого влияния кроется в распространении в социальных медиа некачественных образцов массовой культуры, культура насилия и гедонизма, в результате чего молодые люди развивают потребительское отношение к жизни, а среди жизненных планов преобладает желание достичь материального благосостояния.

Таким образом, в связи с меняющимися геополитическими, и геоэкономическими условиями, цифровизацией мировой экономики, формированием новой экосистемы образовательной среды, проведение регулярных исследований в области воспитания патриотизма и формирования гражданской идентичности современных студентов является требованием настоящего времени.

Материалы и методы

С целью анализа сформировавшихся представлений о патриотизме был проведен социологический опрос, в котором приняли участие обучающиеся бакалавриата различных направлений подготовки Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ). Опрос проводился методом онлайн-анкетирования при помощи сервиса Google Forms и распространялся с применением QR-кода, а также через корпоративные электронные почты студентов, студенческие учебные сообщества в социальной сети Вконтакте и мессенджере Телеграм. Выборка составила 202 чел. Вид исследования – разведывательное, тип выборки – случайная, релевантная для разведывательного исследования.

Цель исследования – определить отношение студентов СПбПУ к феномену патриотизма в контексте гражданско-политических установок.

Объект исследования – студенты бакалавриата СПбПУ очной формы обучения. Предмет исследования – представления студентов о понятии «патриотизм» и «гражданственность».

В ходе исследования авторы предпринимают попытку сравнительного анализа полученных результатов с результатами, полученными в ходе аналогичного опроса студентов СПбПУ, проведенного в 2010 году [12].

Результаты исследования

С точки зрения деятельностного подхода, ключевым проявлением патриотизма является участие граждан в социальной и политической жизни страны. Голосование на выборах, выражение мнений о законопроектах, участие в общественных дискуссиях и акциях, институциональная общественная или политическая деятельность через различные организации и объединения, предоставляют широкие возможности для защиты интересов своей страны и ее граждан.

На вопрос «Считаете ли вы себя социально и политически активным человеком?» ответы респондентов распределились следующим образом: 36% – «да», 44% – «нет» и 20% затруднились с ответом. Сравнивая показатели с данными 2010-го года отмечается *рост уровня социально-политической активности студенческой молодежи на 15%*. При этом, значительное число респондентов (75%), как и в 2010-м году, участвуют в общественно-политической жизни пассивно, отслеживая информацию о событиях в стране и за рубежом с помощью СМИ. Наряду с этим, более половины респондентов имеют опыт непосредственного участия, а именно: 32% голосовали на выборах, 10% участвовали в митингах и демонстрациях, 4,5% являются членами политических партий (рис. 1).

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы себя социально и политически активным человеком?»

Анализ ответов на вопрос «Хотели бы Вы стать членом какой-либо политической партии?» показал следующие результаты: 25% опрошенных студентов выразили желание стать членом партии, 26% затруднились с ответом и 49% высказались отрицательно. Положительно относятся к деятельности политических партий и движений патриотической направленности 40% респондентов, 31% – отрицательно, остальные 29% – затруднились с ответом. Полученные данные могут указывать на *рост интереса и доверия к политическим партиям*, т.к. в 2010 году только 8% (что в 3 раза меньше) респондентов ответили положительно на вопрос о желании стать членом партии.

Важным аспектом формирования чувств патриотизма и гражданственности является вопрос гражданской самоидентификации, который раскрывается не только через культурный контекст, но и через политический, когда человек соотносит себя с теми или иными полити-

ческими категориями. Отвечая на вопрос «Кем Вы себя ощущаете в большей степени? Как бы вы себя охарактеризовали?» 33% студентов выбрали вариант «гражданин России», 27% – «гражданин мира», 15% – «представитель национальности», 12% – «житель своего региона/города/села», остальные 8,5% – указали на свою профессиональную принадлежность (рис. 2).

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в большей степени? Как бы вы себя охарактеризовали?»

И так, если в 2010 году 63% респондентов идентифицировали себя с принадлежностью к стране («гражданин России»), то сегодня эта цифра оказывается в 2 раза ниже, что может говорить о влиянии многолетнего процесса глобализации с обеспечением беспрепятственного и широкого доступа к информации, внедрением унифицированных стандартов, созданием единых рынков и т.д. Весьма высокие показатели ответов респондентов, которые идентифицируют себя как «гражданин мира» ставят под сомнение предшествующие многолетние интеграционные процессы.

Вместе с тем, ответы на следующий вопрос, на который отвечали респонденты: «Считаете ли Вы себя патриотом?», распределились следующим образом: 26% – «определенно да» и 48% – «скорее да», 8,5% – «скорее нет», 8,5 – «определенно нет», остальные 10% респондентов затруднились с ответом. Полученные данные с незначительными изменениями соответствуют показателям опроса 2010 года. Стабильно *высокий уровень патриотичности* может быть связан с личностными качествами обучающихся и раскрывать характеристику ценностной структуры их личности, свойственную студенческой аудитории, которая отличается социальной активностью, ответственностью, стремлением к лидерству и высоким уровнем самосознания (рис. 3).

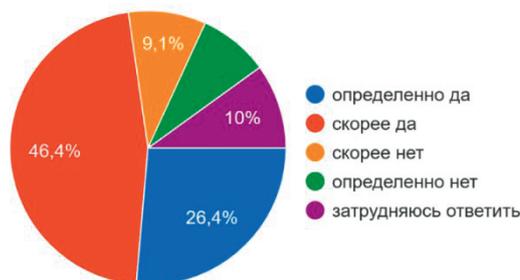

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «Считаете ли вы себя патриотом?»

В то же время стоит отметить, что современное молодое поколение понимает патриотизм по-разному в зависимости от личного опыта, уровня образования и социокультурного контекста. Патриотизм как феномен объединяет в себе несколько «слоёв» восприятия и рассматривается, прежде всего, как глубокая привязанность к своей Родине и национальному достоянию. По данным исследования чувство гордости за страну у студен-

тов формируют: российская культура (68%) и история (62%), природные богатства (50%), спортивные достижения (44%), современные научные достижения (30%), размер страны (25%), сограждане (24%) вооруженные силы (22%), и в меньшей степени – положение страны на международной арене (16%).

Патриотизм и образование тесно связаны, поскольку именно образовательные институты играют важную роль в формировании патриотических ценностей, позволяя лучше знать и понимать историю своей страны, ее культуру, традиции и достижения. В то же время патриотичные граждане чаще высоко оценивают значимость знаний и образования для процветания своей страны, понимая, что быть хорошо образованным – значит внести вклад в развитие своей страны и сохранение ее ценностей.

В данном контексте любопытными представляются ответы на вопрос «Считаете ли Вы необходимыми уроки/занятия патриотического воспитания для молодежи?», на который большинство респондентов, а именно 49% ответили отрицательно, 40% – утвердительно, 11% – затруднились с ответом. Полученные результаты могут являться индикатором отрицательного опыта, полученного в школьные годы и связанного с патерналистскими методами, не оставляющими пространства для органичного формирования глубинных патриотических настроений.

Основными каналами и источниками информации на патриотическую тематику являются интернет (64%), социальные сети (55%), документальное кино (49%), художественная литература (36%), художественные фильмы (28%), телевидение (27%) и семья – 42%. Таким образом, институт семьи уступил цифровым медиа и интернету в целом, которые также стали не только пространством ежедневного взаимодействия и средой обитания современной молодежи, но и агентом первичной политической социализации. В условиях наступления цифровых технологий поколенческая идентичность формируется и выстраивается в большей степени через практики восприятия контента и взаимодействия с людьми, опосредованное технологиями [13].

Обсуждение результатов

Рост уровня социально-политической активности студенческой молодежи связан с рядом факторов: ростом качества и количества каналов информации, развитием медиасреды и появлением новых форм политической коммуникации, что способствует более быстрой организации и мобилизации; общим недовольством и неудовлетворенностью социальной, экономической и политической сферами жизни, что подталкивает молодежь к различным формам активности; сменой ценностных ориентиров и убеждений в сторону гражданского активизма.

Тенденция повышения уровня социально-политической активности отражает и изменение мировоззренческих и поведенческих паттернов учащейся молодежи и должна быть использована вузами не только в образовательных, но и в воспитательных целях. Важно широко информировать обучающихся о возможностях участия в патриотических, добровольческих и других проектах университета или создавать проекты, направленные на повышения политической и гражданско-правовой компетентности, вовлекающие студентов в общественную деятельность и программы самоуправления. При этом данные проекты должны быть реализованы с применением цифровых платформенных решений и технологий, способных конкурировать с миром внешних медиа. Также важно проводить обучающие мероприятия

для студенческой молодежи по критическому мышлению и цифровой гигиене.

Молодежь все чаще видит патриотизм в служении своей стране и внесении положительного вклада в общественное развитие, что подтверждается неуклонным ростом участия в волонтерских активностях, социальных проектах и благотворительных акциях [14, с. 35]. В то же время, в ходе ряда исследований обнаруживается проблемное поле роста неконвенциональных форм политического участия, растущие показатели протестной социально-политической активности, указывая на то, что нарастание социальной напряженности обусловлено влиянием социальных институтов и современных средств массовой информации [15, с. 215].

Анализ ответов, полученных на вопросы о гражданской самоидентификации и о том, считают ли респонденты себя патриотами, позволяет констатировать дихотомию сознания молодого поколения, которая выражается в отсутствии у большей части респондентов идентификации себя как «гражданин России» вместе с высоким уровнем патриотизма. Данный аспект требует проведения дальнейших исследований, которые помогут выявить глубинные основы и факторы формирования гражданской самоидентификации и самосознания молодежи в современных условиях. Так, например, А.В. Селезнева, А.Ф. Яковлева, Э.С. Ибрагимов указывают на то, что молодежи свойственно примитивное восприятие политического, т.е. в их сознании существует очень поверхностная система когнитивно бедных и стереотипных представлений о политике и политическом устройстве страны, неспособность выявить политические проблемы, а само формирование гражданского самосознания молодежи под влиянием медиaprостранства носит «сломаный» и фрагментированный характер [16, с. 131].

Динамику роста интереса и доверия политическим партиям с одной стороны можно объяснить ростом уровня политической грамотности и пониманием важности института многопартийности в современном обществе, с другой – нереализованным общественным запросом на артикуляцию их мнений и требований. Так, например, анализ коммуникационной деятельности молодежных крыльев парламентских политических партий таких как «Молодая гвардия Единой России» «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации», Всероссийская Молодежная Организация ЛДПР», «Молодежь Справедливой России» указывает на серьезные коммуникационные барьеры и разрывы между ценностями и потребностями современной молодежи и тем, что транслируют молодежные политические организации. Исследование повесток дня молодежных групп политических партий в социальных сетях, проведенное М.В. Ильичевой, А.В. Лапиным, М.С. Рулевым указывает на то, что в молодежных организациях основных политических партий полностью отсутствует установка на проявление творчества и креатива, направленного на разработку проектов, связанных с продвижением новых подходов при реализации партийной политической повестки, в общем числе постов преобладающую долю (более 50%) имеют посты, которые несут откровенно отчетный характер [17, с. 200].

В целом, интернет по-прежнему занимает лидирующее место в числе основных источников информации для современной молодежи. Однако популярные интернет-платформы позволяют не только экспертам и политикам, но и артистам, активистам и журналистам завоевывать общенациональное признание у миллионной молодежной аудитории, что служит тревожным предиктором формирования ценностных оснований патриотизма, в основе которого – не глубинное восприя-

тие данного феномена вследствие всестороннего, в т.ч. культурно-исторического воспитания, а «мода», «тренд», желание следовать за реальными и цифровыми инфлюенсерами.

В тоже время, обнаружилась тенденция повышения уровня доверия к локальному окружению: семье, коллегам, друзьям, соседям, работодателям, вследствие случившейся информационной истерии в период пандемии, провокаторами которой выступили как органы государственной власти и официальные СМИ, так и эксперты и блогеры, распространяющие фактоиды и фэйк-ньюз (от англ. fake news – поддельные новости).

Заключение

Проблема важности обучения гражданско-патриотическим ценностям в современных общественно-экономических условиях как фактор развития целостной личности, которая обладает гражданскими принципами и соответствует интересам государства, сейчас стоит особенно остро. Суть исследуемых понятий широко рассматривается с точки зрения философского, системного и исторического подходов, активно изучаются различные теории и методы формирования гражданственности и патриотизма как основы гражданско-патриотического воспитания и образования.

В ходе исследования акцентируем внимание на значимости органичного обучения гражданско-патриотическим ценностям как сложенного педагогического процесса взаимодействия субъектов образовательного пространства, которое предполагает развитие личности с участием в статусных, гражданско-правовых и патриотических качествах, в рамках социальных отношений в контексте социокультурной среды, где происходит социализация индивида. Согласно методологии формирования гражданственности и патриотизма, гражданско-патриотическое образование достигается через социализирующую деятельность в институциональном учреждении, направленную на содействие процессу самоопределения личности, формирование гражданско-патриотических качеств в социокультурном контексте общественной среды, государства [18].

Университетам следует уделить больше внимания интеграции цифровых технологий и систему патриотического воспитания и в образовательную программу, чтобы организовать эффективную работу по формированию патриотических установок среди студентов. Для эффективного противодействия антипатриотическим нарративам необходимо усилить работу по формированию сетевой инфраструктуры патриотического контента в социальных медиа, активизировать деятельность студенческих проектов и сообществ, поддерживающих патриотические ценности, что, в свою очередь, будет способствовать формированию и упрочению индивидуальной гражданской позиции и ответственности молодого человека как человека-деятели и человека-созидателя, что соответствует новым задачам воспитательной деятельности в системе высшего образования.

Литература

1. Coleman M. J. et al. A cultural approach to patriotism // *Journal of International and Intercultural Communication*. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 173–191. DOI: 10.1080/17513057.2018.1454974
2. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // *Вестник института социологии*. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 104–119.
3. Goode J.P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia // *Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017*. – 2018. – С. 258–281. DOI: 10.3366/edinburgh/9781474433853.003.0012
4. Ильченко Д. А. Патриотизм, национализм-влияние на развитие формирования общественного сознания в современной России // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. – 2018. – № 2. – С. 77–84. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-77-84.
5. Gibbs B. Patriotism, pressure, and place: Civic agency in base country // *Peabody Journal of Education*. – 2019. – Т. 94. – № 1. – С. 97–113. DOI: 10.1080/0161956X.2019.1553584
6. Saydaliyevich U. S. et al. Teaching patriotism through the methods of realizing «community and personal interest» in higher education // *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal*. – 2022. – Т. 10. – № 12. – С. 2034–2037.
7. Годунов О. И. Толерантность, патриотизм и экстремизм: теоретико-правовой анализ // *Актуальные вопросы права, экономики и управления*. – 2019. – С. 200–206. DOI: 10.31483/r-32771
8. Fomchenkova G. et al. Youth extremism in the context of ideology issues // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. – 2020. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.229
9. Ипполитова Н. В., Качалова Л. П., Перерва О. Ю. Профессиональный патриотизм в структуре общей его классификации // *Мир науки, культуры, образования*. – 2022. – № 2 (93). – С. 209–212.
10. Лаврентьев А. П. Патриотизм в современной России: нормативное закрепление // *Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле*. – 2020. – С. 246–253.
11. Боровков А. И. и др. Университет 2030: в поисках образа будущего: коллективная монография. – 2022. 276 с.
12. Сафонова А. С. Формирование патриотизма в молодежной среде // *Terra Linguistica*. – 2011. – Т. 3. – № 131. – С. 20–23.
13. Aroldi P. et al. Generational belonging between media audiences and ICT users // *Broadband society and generational changes*. – 2011. – Т. 5.
14. Молчанов С. В., Пряжников Н. С. Мотивационно-смысловые аспекты цифрового волонтерства современной молодежи // *Национальный психологический журнал*. – 2020. – № 2 (38). – С. 31–38.
15. Демшина Е. В., Назаров В. Л. Рост протестной активности среди российской студенческой молодежи в 2021 году и меры по ее профилактике // *Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью*. – Екатеринбург. – 2021. – С. 210–216.
16. Селезнева А. В., Яковлева А. Ф., Ибрагимов Э. С. Гражданское самосознание российской молодежи и медиапространство: «Нескладывающийся пазл» // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2021. – № 4. – С. 109–138. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.206>
17. Ильичева М. В., Лапин А. В., Рулев М. С. Анализ повесток дня СМИ и молодежных групп политических партий в социальных сетях // *Власть*. – 2022. – Т. 30. – № 2. – С. 180–204. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8951>
18. Александрова С. М. и др. Понятие и сущность гражданско-патриотического воспитания // *Современное педагогическое образование*. – 2023. – № 10. – С. 229–232.

PATRIOTISM IN THE STRUCTURE OF CIVIL-POLITICAL IDENTITY OF STUDENTS

Safonova A.S., Tarakanova T.S.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The purpose of this study is focused on the issue of identifying the ideas of students about the phenomenon of patriotism and its place in the value architecture of civil and political identity. The research is based on the methods of scientific generalization, theoretical analysis of Russian and foreign literature on the study of the concept of patriotism, citizenship and socio-political activity of young people, as well as a survey method. The results obtained allowed us to detect not only a high level of patriotic sentiments of the student youth, but also an overall increase in the level of their civic and political activity. The family as an agent of primary political socialization is giving way to digital media and the Internet in general, at the same time. Most of the respondents express a negative opinion about lessons or classes related to patriotism. These facts actualizes the problem of patriotic education in higher education, which necessitates the strengthening of the work of universities to form a network the infrastructure of patriotic content in social media, the activation of student projects and communities that support patriotic values, however, the exclusive paternalistic mechanics of the formation of patriotic attitudes.

Keywords: patriotism, patriotic education, citizenship, political activity, youth.

References

1. Coleman M. J. et al. A cultural approach to patriotism // *Journal of International and Intercultural Communication*. – 2018. – Vol. 11. – No. 3. – pp. 173–191. DOI: 10.1080/17513057.2018.1454974
2. Ivchenkov S. G., Saiganova E.V. Patriotism as a component of public consciousness: a generational perspective of measurement // *Bulletin of the Institute of Sociology*. – 2019. – Vol. 10. – No. 1. – pp. 104–119.
3. Goode J.P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia // *Russia before and after Crime: Nationalism and Identity, 2010–2017*. – 2018. – pp. 258–281. DOI: 10.3366/edinburgh/9781474433853.003.0012
4. Ilchenko D.A. Patriotism, nationalism-influence on the development of the formation of public consciousness in modern Russia // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. – 2018. – No. 2. – pp. 77–84. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-77-84.
5. Gibbs B. Patriotism, pressure, and place: Civic agency in base country // *Peabody Journal of Education*. – 2019. – Vol. 94. – No. 1. – pp. 97–113. DOI: 10.1080/0161956X.2019.1553584
6. Saydaliyevich U. S. et al. Teaching patriotism through the methods of realizing “community and personal interest” in higher education // *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal*. – 2022. – Vol. 10. – no. 12. – pp. 2034–2037.
7. Godunov O.I. Tolerance, patriotism and extremism: theoretical and legal analysis // *Topical issues of law, economics and management*. – 2019. – pp. 200–206. DOI: 10.31483/r-32771
8. Fomchenkova G. et al. Youth extremism in the context of ideology issues // *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. – 2020. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.229
9. Ippolitova N. V., Kachalova L.P., Pererva O.Y. Professional patriotism in the structure of its general classification // *The world of science, culture, and education*. – 2022. – No. 2 (93). – Pp. 209–212.
10. Lavrentiev A.R. Patriotism in modern Russia: normative consolidation // *The phenomenon of patriotism in the transstructural communication field*. – 2020. – pp. 246–253.
11. Borovkov A. I. et al. *University 2030: in search of an image of the future: a collective monograph*. – 2022. 276 p
12. Safonova A.S. Formation of patriotism in the youth environment // *Terra Linguistica*. – 2011. – Vol. 3. – No. 131. – pp. 20–23.
13. Aroldi P. et al. Generational belonging between media audiences and ICT users // *Broadband society and generational changes*. – 2011. – Vol. 5.
14. Molchanov S. V., Pryazhnikov N.S. Motivational and semantic aspects of digital volunteering of modern youth // *National Psychological Journal*. – 2020. – No. 2 (38). – S. 31–38.
15. Demshina E. V., Nazarov V.L. The growth of protest activity among Russian student youth in 2021 and measures for its prevention // *State youth policy: challenges and modern technologies of work with youth*. – Yekaterinburg. – 2021. – pp. 210–216.
16. Selezneva A.V., Yakovleva A.F., Ibragimov E.S. Civic consciousness of Russian youth and media space: “The Incoherent Puzzle” // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2021. – No. 4. – Pp. 109–138. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.206>
17. Ilyicheva M. V., Lapin A.V., Rulev M.S. Analysis of the agendas of the media and youth groups of political parties in social networks // *Power*. – 2022. – Vol. 30. – No. 2. – pp. 180–204. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8951>
18. Alexandrova S. M. et al. The concept and essence of civic and patriotic education // *Modern pedagogical education*. – 2023. – No. 10. – pp. 229–232.

Современные молодежные организации РФ как актор развития общества в условиях геополитических изменений

Яковенко Антон Константинович,

аспирант кафедры управления социально-экономическими системами, ассистент преподавателя кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: Tonatos86@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная проблема касательно места молодежных организаций в развитии российского общества (в контексте современных геополитических трансформаций). Актуальность темы обусловлена возрастающим значением молодежи как стратегического ресурса государства и необходимостью адаптации соответствующей политики к новым глобальным вызовам. Цель исследования заключается в анализе механизмов функционирования и адаптации молодежных объединений РФ в изменяющихся геополитических условиях, а также в оценке их влияния на формирование гражданского общества, укрепление национальной идентичности. В ходе исследования выявлены противоречия между традиционными формами организации молодежных объединений и новыми требованиями цифровой эпохи; между государственным регулированием и стремлением молодых людей к автономности в реализации социальных инициатив.

Сформулирован вывод о необходимости разработки новых моделей взаимодействия молодежных организаций с государственными структурами и обществом, акцентировано внимание на их потенциале как медиаторов социальных изменений. Особое внимание уделяется роли молодежных объединений в развитии цифровой дипломатии, укреплении международных связей в условиях геополитической напряженности.

В статье рассмотрены нюансы деятельности конкретных организаций, что демонстрирует многогранность подходов к развитию молодежного потенциала. Каждая из них, действуя в своей специфической нише, вносит вклад в формирование устойчивого, адаптивного общества. Также сформулированы рекомендации касательно дальнейших направлений развития их функционирования.

Ключевые слова: геополитические изменения, гражданское общество, молодежная политика, молодежные организации, национальная идентичность, социальная адаптация, цифровая дипломатия.

Введение

В период интенсивных геополитических трансформаций роль молодежных организаций в развитии российского общества приобретает особую значимость. С учётом этого многие учёные фокусируются на анализе деятельности современных объединений молодёжи в Российской Федерации как ключевых акторов социальных изменений (в контексте глобальных геополитических сдвигов).

На фоне стремительно меняющейся геополитической обстановки возникает острая необходимость в переосмыслении роли и потенциала молодежных организаций. Проблема исследования заключается в выявлении и анализе механизмов адаптации и функционирования таких объединений РФ в контексте глобальных вызовов, а также в определении их влияния на формирование гражданского общества, социальную консолидацию, укрепление национальной идентичности. Особую значимость приобретает вопрос на предмет того, насколько результативно рассматриваемые организации способны реагировать на геополитические изменения, выступая одновременно как субъект и объект трансформаций, и какие стратегии они развивают для максимизации своего позитивного воздействия на общество в новых условиях.

Методы и материалы

В статье использован сравнительный анализ, метод кейсов (рассмотрение примеров), классификация, обобщение. Проанализированы современные публикации, что позволило выделить ряд ключевых направлений научной мысли.

Так, О.Н. Каратаева и Д.А. Мусукова в своих работах рассматривают молодежные объединения в качестве связующего звена между обществом и властью, подчеркивая их роль в формировании активной гражданской позиции [3, 4]. П.А. Трескин развивает эту мысль, акцентируя внимание на вкладе таких организаций в формирование гражданственности, патриотизма, морально-нравственных ценностей [5, 6]. Автор применяет системный подход, рассматривая деятельность объединений как в контексте социальной консолидации, так и через призму воспитания личностных качеств молодых граждан.

Ряд исследователей фокусируется на региональных аспектах молодежной политики и деятельности характеризуемых организаций. М.В. Шатохин, С.О. Новосельский и Л.С. Пастухова предлагают концепцию «общественной экосистемы» [8]. Их подход отличается комплексным видением проблемы, а также учетом специфики различных территорий России.

Особый интерес представляют публикации, в которых рассматриваются молодежные организации в контексте геополитических изменений. А.В. Фетюков задействует соответствующий подход к анализу реализации государственной политики, что позволяет выявить новые аспекты взаимодействия объединений и государственных структур в условиях глобальных вызовов [7]. В работе В.М. Юрченко и О.А. Завьяловой поднимается

вопрос о повышении эффективности политических мер в современных условиях. Авторы опираются на критический подход, выявляя проблемные аспекты, предлагая пути их решения [10].

Интересный ракурс исследования представлен в работе Н.Н. Капанян, где автор применяет концепцию «значимого другого» к характеристике молодежного сегмента российского общества. Это позволяет глубже понять механизмы формирования ценностных ориентаций, поведенческих паттернов (в контексте деятельности общественных организаций) [2].

Д.И. Шишков рассматривает участие в молодежных объединениях через призму созидательной активности, что даёт возможность оценить их вклад в развитие человеческого капитала страны [9].

Особо стоит отметить эмпирическое исследование, проведенное Аналитическим центром «НАФИ», в рамках которого представлены актуальные данные о самооценке молодежи в крупных городах РФ [1]. Этот материал служит важным дополнением к теоретическим разработкам, предоставляя фактический базис для анализа результативности инициатив.

Итак, исследователи делают упор как на теоретические разработки (от теории гражданского общества до геополитических подходов), так и на эмпирические методы, что помогает создать комплексную картину изучаемого явления. Однако следует подчеркнуть, что в условиях стремительно меняющейся геополитической ситуации не утрачивает актуальности потребность в последующих изысканиях, особенно в области адаптации молодежных организаций к новым вызовам.

Результаты и обсуждение

В соответствии с оценочными данными демографов, доля молодежи в РФ к 2030 году возрастёт и абсолютное значение превысит 25,4 млн человек [1]. Молодёжные организации в России характеризуются многообразием форм и идеологических направлений. В настоящее время представляется возможным выделить следующие базовые типы таких объединений (рис. 1).

Рис. 1. Типы молодежных объединений

(составлено автором на основе [3,6,7])

Важно подчеркнуть, что каждый тип организации обладает уникальной структурой, целями, а также методами работы, что создает разнообразную «экосистему» молодежных инициатив.

Текущая геополитическая ситуация характеризуется воздействием рядом ключевых факторов:

- усиление многополярности мирового порядка;
- обострение отношений между Россией и западными странами;
- экономические санкции, их последствия;
- информационное противостояние;

- обострение проблем кибербезопасности;
 - региональные конфликты, их глобальные эффекты.
- Обозначенные выше факторы оказывают многогранное влияние на российское общество, затрагивая экономическую, социальную, культурную сферы (рис. 2).

Рис. 2. Влияние геополитических факторов на российское общество

(составлено автором на основе [7, 8, 10])

В условиях геополитической турбулентности молодежные организации становятся своего рода «катализаторами» социальных изменений и развития гражданского общества. Их участие и роль проявляются в следующих аспектах:

- формирование активной гражданской позиции у молодежи;
- развитие навыков критического мышления, корректного и взвешенного анализа информации;
- создание платформ для диалога между различными социальными группами;
- инициирование и реализация социально значимых проектов;
- участие в формировании государственной политики.

Молодежные объединения выступают в качестве «социальных лифтов», содействуя вертикальной мобильности, а также интеграции молодых людей в политические и управленческие структуры.

Далее целесообразно рассмотреть конкретные примеры деятельности молодежных организаций.

1. «Цифровые волонтеры» сфокусированы на преодолении цифрового неравенства в российском обществе. В условиях санкций и ухода ряда западных IT-компаний с российского рынка был инициирован проект, в рамках которого проводятся:

- мастер-классы по использованию отечественного программного обеспечения;
- хакатоны по разработке альтернативных решений для бизнеса, государственных структур;
- консультации для пожилых людей по вопросам кибербезопасности.

2. В контексте глобальных экологических вызовов и необходимости развития устойчивой экономики организация «Молодежный экологический патруль» реализует следующие инициативы:

- мониторинг экологической ситуации в регионах, создание интерактивных карт загрязнений;
- организация акций по очистке водоемов, лесных массивов;
- разработка и продвижение законодательных инициатив в сфере экологии;
- проведение образовательных программ по экологической грамотности в школах и вузах.

3. «Российский союз молодежи» – одна из крупнейших организаций страны, имеющая разветвленную сеть региональных отделений. В контексте геополитических

вызовов были активизированы следующие направления деятельности:

- программа «Мы – граждане России», которая ориентирована, в первую очередь, на формирование гражданской идентичности у подростков;
- проект «Пространство развития», способствующий созданию молодежных сообществ в малых городах, поселениях;
- международный фестиваль «Студенческая весна стран БРИКС и ШОС», укрепляющий культурные связи между молодыми людьми из разных стран.

4. «Ассоциация молодежных правительств» – организация, которая сосредоточена на вовлечении в процессы государственного управления. В условиях необходимости поиска новых управленческих решений реализуются:

- программы стажировок специалистов в органах государственной власти;
- конкурс «Молодой управленец», позволяющий выявить талантливых лидеров для работы в госсекторе;
- форум по вопросам самоуправления, в рамках которого обсуждаются аспекты и нюансы локальной демократии, развития территорий.

5. «Кибердружина»: в эпоху информационного противостояния эта организация играет важнейшую роль в обеспечении безопасности. Ключевые инициативы представлены следующими шагами:

- мониторинг социальных сетей, интернет-ресурсов на предмет противоправного контента;
- образовательные программы по цифровой гигиене для школьников и студентов;
- разработка методик противодействия фейковым новостям, разного рода информационным манипуляциям.

6. «Российское движение школьников», созданное по инициативе государства, активно адаптируется к новым геополитическим реалиям через:

- проект «Классные встречи» с участием экспертов в области международных отношений, геополитики;
- всероссийский конкурс «Добро не уходит на каникулы», поддерживающий волонтерские инициативы учащихся;
- программу «Экотренд», направленную на развитие экологического сознания, а также практик устойчивого развития среди молодежи.

7. «Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь»» – организация, которая фокусируется на патриотическом воспитании в высших учебных заведениях. В контексте текущих геополитических вызовов реализуются:

- проект «Диалог культур», ориентированный на укрепление межнационального согласия среди студенческой молодежи;
- реконструкции ключевых событий российской истории;
- программа «Наследники Победы», дающая возможность сохранить память о Великой Отечественной войне и противодействующая попыткам фальсификации истории.

Невзирая на активную деятельность, молодежные организации сталкиваются с рядом серьезных проблем, выделяемых по результатам анализа литературы [2. 5]:

- финансовая нестабильность, зависимость от грантов;
- бюрократические барьеры при реализации проектов;
- недостаточная координация между различными объединениями;
- риск политизации, идеологического давления;

- сложности в привлечении, удержании активистов;
- информационные угрозы, манипуляции в соцсетях.

Преодоление обозначенных выше вызовов требует продуманного подхода (как представляется, системного) и сотрудничества между молодежными организациями, государственными структурами, бизнес-сообществом.

Анализ текущих тенденций позволяет рекомендовать следующие перспективные направления развития молодежных организаций в РФ (рис. 3).

Рис. 3. Рекомендуемые направления развития молодежных организаций в РФ (составлено автором)

Выводы

Современные молодежные организации РФ играют фундаментальную роль в адаптации российского общества к новым геополитическим реалиям. Их деятельность способствует формированию активного, ответственного гражданского общества, расширению инновационного потенциала страны, укреплению социальной стабильности.

Как представляется, в дальнейшем развитие таких организаций как акторов общественных трансформаций требует подхода, опирающегося на совершенствование законодательной базы, модернизацию механизмов государственно-частного партнерства, формирование благоприятной среды для реализации инициатив, исходящих от молодежи.

В условиях глобальной неопределенности, геополитических перемен именно молодежные организации становятся тем связующим звеном, которое обеспечит преемственность поколений, вкпе с устойчивым развитием российского общества в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Аналитический центр «НАФИ». Молодежь городов-миллионников высоко оценивает возможности для самореализации и развития // URL: <https://nafi.ru/analytics/molodezh-gorodov-millionnikov-vysoko-otsenivaet-vozmozhnosti-dlya-samorealizatsii-i-razvitiya/> (дата обращения: 02.10.2024).
2. Капанян Н.Н. Конструкт «значимого другого» в молодежном сегменте современного российского общества / Н.Н. Капанян // Вестник Южно-Российского

государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 58–65.

3. Каратаева О.Н. Молодежные общественные организации как структурный элемент формирования гражданского общества и связующее звено между обществом и властью / О.Н. Каратаева // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Материалы XXX научно-практической конференции. – Иркутск: 2024. – С. 202–206.
4. Мусукова Д.А. Роль молодежных общественных организаций в развитии гражданского общества / Д.А. Мусукова // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 128–132.
5. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданского общества / П.А. Трескин // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Иркутск: 2024. – С. 177–180.
6. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей / П.А. Трескин // Социология. – 2024. – № 3. – С. 52–59.
7. Фетюков А.В. Реализация государственной молодежной политики в ракурсе геополитических изменений / А.В. Фетюков // Молодые ученые – экономике региона. Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции. – Вологда: 2024. – С. 233–243.
8. Шатохин М.В. Региональные аспекты молодежной политики в системе развития общественной экосистемы / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, Л.С. Пастухова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2. – С. 43–52.
9. Шишков Д.И. Деятельность в молодежных организациях как проявление созидательной активности современной молодежи / Д.И. Шишков // Созидательная активность молодежи как стратегический ресурс государства. Материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: 2023. – С. 599–602.
10. Юрченко В.М. Проблемы современной молодежной политики России: к вопросу о повышении эффективности / В.М. Юрченко, О.А. Завьялова // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 30–35.

MODERN YOUTH ORGANIZATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN ACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHANGES

Yakovenko A.K.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article deals with an urgent problem regarding the place of youth organizations in the development of Russian society (in the context of modern geopolitical transformations). The relevance of the topic is due to the increasing importance of youth as a strategic resource of the state and the need to adapt appropriate policies to

new global challenges. The purpose of the study is to analyze the mechanisms of functioning and adaptation of youth associations of the Russian Federation in changing geopolitical conditions, as well as to assess their impact on the formation of civil society and the strengthening of national identity.

The study revealed contradictions between traditional forms of organizing youth associations and the new requirements of the digital age; between government regulation and the desire of young people for autonomy in the implementation of social initiatives.

The conclusion is formulated about the need to develop new models of interaction between youth organizations with government agencies and society, and attention is focused on their potential as mediators of social change. Special attention is paid to the role of youth associations in the development of digital diplomacy, strengthening international relations in the context of geopolitical tensions.

The article examines the nuances of the activities of specific organizations, which demonstrates the versatility of approaches to the development of youth potential. Each of them, acting in its own specific niche, contributes to the formation of a sustainable, adaptive society. Recommendations on further directions for the development of their functioning are also formulated.

Keywords: geopolitical changes, civil society, youth policy, youth organizations, national identity, social adaptation, digital diplomacy

References

1. NAFI Analytical Center. The youth of million-plus cities highly appreciates the opportunities for self-realization and development // URL: <https://nafi.ru/analytics/molodezhgorodov-millionnikov-vysoko-otsenivaet-vozmozhnosti-dlyasamorealizatsii-i-razvitiya/> (date of application: 02.10.2024).
2. Kapanyan N.N. The construct of the “significant other” in the youth segment of modern Russian society / N.N. Kapanyan // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences. – 2023. – vol. 16. – No. 5. – pp. 58–65.
3. Karataeva O.N. Youth public organizations as a structural element of the formation of civil society and a link between society and government / O.N. Karataeva // Russian civilization: history, problems, prospects. Materials of the XXX scientific and practical conference. – Irkutsk: 2024. – pp. 202–206.
4. Musukova D.A. The role of youth public organizations in the development of civil society / D.A. Musukova // Young Scientist. – 2022. – № 21 (416). – Pp. 128–132.
5. Treskin P.A. The role of youth public organizations in the formation of civil society / P.A. Treskin // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk: 2024. – pp. 177–180.
6. Treskin P.A. The role of youth public organizations in the formation of citizenship, patriotism and moral values / P.A. Treskin // Sociology. – 2024. – No. 3. – pp. 52–59.
7. Fetyukov A.V. Implementation of the state youth policy in the perspective of geopolitical changes / A.V. Fetyukov // Young scientists – economics of the region. Materials of the XXIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Vologda: 2024. pp. 233–243.
8. Shatokhin M.V. Regional aspects of youth policy in the system of development of the social ecosystem / M.V. Shatokhin, S.O. Novoselsky, L.S. Pastukhova // Proceedings of Tula State University. Humanities. – 2022. – No. 2. – pp. 43–52.
9. Shishkov D.I. Activity in youth organizations as a manifestation of the creative activity of modern youth / D.I. Shishkov // Creative activity of youth as a strategic resource of the state. Materials of the international scientific and practical conference. – St. Petersburg: 2023. – pp. 599–602.
10. Yurchenko V.M. Problems of modern youth policy in Russia: on the issue of improving efficiency / V.M. Yurchenko, O.A. Zavyalova // Socio-political sciences. – 2023. – vol. 13. – No. 2. – pp. 30–35.

Международные отношения России и Китая: проблемы и перспективы

Ци Илинъ,

магистрант, Международные отношения, Томский
государственный университет
E-mail: 2720818493@qq.com

Чжу Юйтянь,

Магистрант, Международные отношения, Томский
государственный университет
E-mail: xiangzhudatiantian@163.com

Ван Жуйсинь,

бакалавр, Томский государственный университет
E-mail: 2570767175@qq.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием международных отношений России и Китая, а также существующими проблемами и перспективами развития. Цель исследования – изучить теоретические и методические подходы к оценке уровня международного сотрудничества, рассмотреть проблемы и перспективы развития. Объектом исследования является – торговое сотрудничество России и Китая. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие. В данной статье автором подчеркивается важность развития форм международного сотрудничества между Россией и Китаем в сфере торговли. Изучена динамика товарооборота между Россией и Китаем. Рассмотрено влияние цифровизации на товарную структуру экспорта Китая. Изучена динамика экспорта нефти из России в Китай. Рассмотрены основные проблемы международного сотрудничества между Россией и Китаем. Намечены перспективы дальнейшего развития между странами. Автор статьи указывает на важность использования комплексного подхода в решении вопросов международного сотрудничества. Практическая значимость работы заключается в том, что содержащиеся в данной работе направления, могут быть использованы для разработки политики международного сотрудничества между Россией и Китаем.

Цель: Цель исследования – изучить теоретические и методические подходы к оценке уровня международного сотрудничества, рассмотреть проблемы и перспективы развития.

Методы: Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Результаты: Изучены теоретические и методические подходы к оценке уровня международного сотрудничества. Рассмотрены проблемы и перспективы развития России и Китая в сфере международного сотрудничества.

Выводы: Проанализировав международные отношения России и Китая удалось выяснить, что существует достаточно большой потенциал в области реализации различных программ развития, а также форм сотрудничества во множественных областях и сферах деятельности. Это позволит повысить экономическую, производственную, финансовую безопасность, снизить риски и угрозы деятельности многих компаний на рынке, а также получить максимальную прибыль и снизить затраты. Решение проблем в области международного сотрудничества между Россией и Китаем будет зависеть от применения комплексного подхода, включающего в себя политику государства, разработки программ развития на перспективу, средств и инструментов управления деятельностью.

Ключевые слова: международное сотрудничество; Россия; Китай; проблемы; перспективы; цифровизация.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что в настоящее время развитие экономики невозможно без осуществления международного сотрудничества между странами, которое определяет основные ориентиры будущего развития страны в целом, показатели экономического роста, положение на мировом рынке и т.д. Сегодня международное сотрудничество России и Китая определяет стратегический и всеобъемлющий характер в различных сферах и областях деятельности: политической, культурной, торговой и других.

Важно отметить, что Россия и Китай являются великими крупными державами с собственными национальными интересами и приоритетами. В этой связи представляется возможным развитие международного сотрудничества, объединив общие силы для достижения совместных целей и задач.

Считаем, что формирование системы международных отношений между Россией и Китаем должно быть построено на использовании комплексного подхода, включающего в себя разработку различных программ развития на перспективу, применение инновационных инструментов, использование опыта других стран в решении экономических вопросов.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся международных отношений между Россией и Китаем рассматривали многие ученые такие, как В.Е. Петровский, В.Я. Портяков, Е.В. Охотский, Д.С. Черняев и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

В данной статье предпринята попытка изучения вопросов развития международных отношений между Россией и Китаем, а также рассмотрение основных проблем и перспектив развития.

Результаты

Современные условия развития подталкивают Россию и Китай к более тесному международному сотрудничеству, которое направлено на реализацию взаимовыгодных интересов и достижения поставленных целей обеими странами. Следует отметить, что страны уже добились высоких показателей развития в различных областях и сферах деятельности, прежде всего, в торговле.

Так, товарооборот между странами в 2022 г. в сравнении с предыдущим 2021 г. увеличился на 29,3% и составил рекордные 190,3 млрд долл. США. При этом,

экспорт российских товаров на китайский рынок вырос до 114,2 млрд долл. США, тогда как импорт составил 76,1 млрд долл. США. Чистый экспорт России во внешней торговле с Китаем составляет 38,1 млрд долл., что является абсолютным рекордом, в особенности, учитывая то, что в периоде 2020–2021 гг. был отрицательным профицит [3, с. 195].

На Рисунке 1 наглядным образом представлена информация о товарообороте между Россией и Китаем в 2019–2022 году.

Определенное влияние на развитие торговых отношений России и Китая оказала цифровизация, которая позволила ускорить процессы развития и трансформации в обществе и выйти на новый уровень развития экономических отношений.

Рассмотрим влияние цифровизации на товарную структуру Китая, представленную в таблице 1.

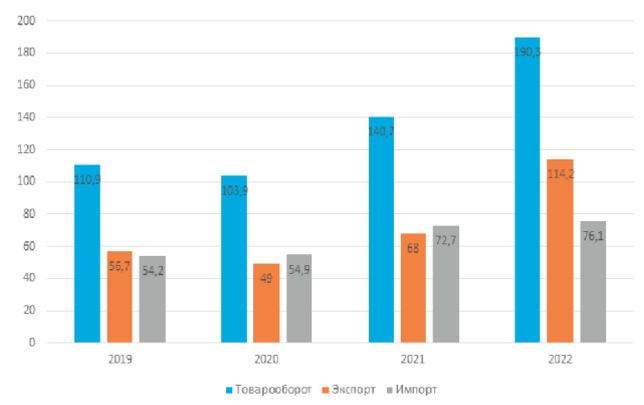

Рис. 1. Товарооборот между Россией и Китаем в 2019–2021 гг., в млрд долл.

Таблица 1. Влияние цифровизации на товарную структуру экспорта Китая в 1995–2019 гг.

Год	Объем экспорта, трлн долл. США	Товарные группы							
		продовольственные товары	сельскохозяйственное сырье	топливо	руды, металлы, драгоценные камни и немонетарное золото	готовая продукция	в том числе:		
							химические товары	машины и оборудование	прочие промышленные товары
Доля, в %									
1995	0,149	8,3	1,8	3,6	2,4	83,6	6,1	21,1	56,4
2005	0,762	3,2	0,5	2,3	2,0	91,7	4,7	46,2	40,8
2013	2,049	2,7	0,5	1,5	1,4	93,8	5,5	47,1	41,1
2019	2,49	1,8	0,5	0,3	1,1	96,6	6,1	48,1	42,4

Таким образом, экспорт Китая вырос в 20 раз, при этом рост произошел за счет таких товарных групп, как «машины и оборудование», «готовая продукция». Следовательно, в последнее десятилетия товарная структура экспорта Китая претерпела существенные изменения, что связано с изменениями структуры экономики страны под воздействием цифровизации. Экспорт нефти из РФ в Китай в последние годы рос высокими темпами (Рисунок 2).

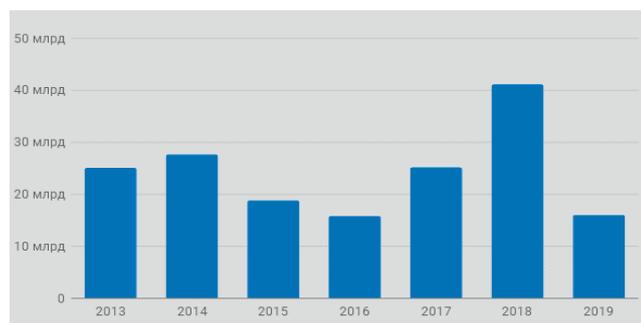

Рис. 2. Динамика экспорта нефти из России в Китай в денежном выражении, млрд долл.

В 2018 г. при ценах за баррель нефти в 2 раза ниже, чем в 2014 г. поставки в КНР превысили 40 млрд долл. Динамика в товарном объеме по экспорту нефти в Китай оказывается более показательной. К 2018 г. поставки нефти в КНР из России превысили 100 млн. тонн, что в 2 раза больше, чем в 2013 г. В 2019 г. произошла корректировка в пользу арабской нефти. Однако, в 2020 г. поставки нефти в Китай из России снова начали расти. Экспорт российской нефти марки Urals в Китай в первом квартале 2020 г. составил рекордные 4 млн тонн,

а в апреле к этому показателю прибавились еще 2,1 млн тонн.

Основной статьей импорта китайских товаров в Россию являются машины (транспортные средства), а также продукция химического производства [2, с. 37].

Прежде чем перейти к рассмотрению перспектив торгово-экономического сотрудничества России с Китаем в условиях цифровизации, считаем необходимым, изучить основные проблемы, возникающие на пути перехода к цифровой экономике. Сюда относятся также риски и угрозы экономической безопасности, которые являются барьерами для развития международного сотрудничества между странами. К основным видам таких рисков и угроз можно отнести следующие:

- 1) особенности культурного различия и ценностей между партнерами, предпринимателями, что приводит в возможным разногласиям и недопониманию в решении многих вопросов;
- 2) экономическая, политическая нестабильность в обществе и в мире;
- 3) конфронтация интересов при развитии проекта «Один пояс – Один путь», где есть пересечение интересов в достижении экономического и политического эффекта;
- 4) возможные разногласия в решении экономических вопросов на региональном уровне;
- 5) существуют напряженные отношения между Китаем и Индией, что отрицательно влияет на развитие сотрудничества, поскольку Индия также является взаимовыгодным партнером для России.

К другим важным проблемам России и Китая можно отнести социально-экономические проблемы.

Социально-экономические проблемы действительно представляют большую сложность в нашем мире. Се-

годня в обществе существует множество социально-экономических проблем. Среди глобальных можно выделить: безработицу, бедность, социальное расслоение, проблему ненаблюдаемой экономики и т.д. Глобальные проблемы требуют своевременных решений. Вовремя решенная проблема, прежде всего, не влечет за собой негативных последствий как для общества, так и для экономики страны.

Для современного российского общества характерно социальное расслоение по различным признакам – национальному, социальному, демографическому, классовому, гендерному, религиозному и материальному, что приводит к социальному неравенству, вражде между различными слоями и социальному расколу. Однако именно единство целей в обществе ведет к социальному процветанию и могуществу в собственном мире. Параметры социального расслоения следующие:

- 1) разделение общества на верхние и нижние слои;
- 2) верхние слои общества имеют экономические и другие преимущества перед нижними слоями;
- 3) количество верхних слоев невелико, и их число меньше, чем число индивидов, принадлежащих к нижним слоям.

Важно отметить, что социальное неравенство растет. Верхний слой общества характеризуется ростом богатства, в то время как нижний слой характеризуется падением уровня жизни. Это происходит потому, что люди с высоким уровнем дохода имеют возможность инвестировать, в то время как у людей с низким уровнем дохода денег для инвестиций мало, потому что им не хватает средств для обеспечения нормальной жизни. Более того, отсутствие финансовых средств делает необходимым получение кредитов и займов, что увеличивает долговое бремя граждан, иногда до катастрофических размеров.

Социальные неравенства существуют во всех обществах и зависят от объективных причин. Они являются результатом различий в индивидуальных способностях и навыках, неравного доступа к ресурсам, разделения общества на гендерные группы и доминирования той или иной гендерной группы, существования экономических привилегий и социальных льгот, а также ценностей конкретного общества.

Одна из более актуальных экономических проблем – теневая экономика. Причины её возникновения различны, одна из таких слишком высокие налоги, нежелание платить их. Нелегальные экономические отношения имеют свою классификацию:

1. Беловоротничковая – базируется непосредственно в легальной экономической системе.
2. Серая – представлена официально нетрудоустроенными, связана с законом.
3. Черная – полностью автономный сектор, зачастую участвует в распределении запрещённых благ.

Из-за неуплаты налогов страдает социальный сектор, потому что он получает меньше финансовых вложений. Теневая экономическая деятельность в РФ составляет чуть менее 20%, с каждым годом мы можем проследить тенденцию к уменьшению этой цифры, так как принимается ряд мер государственного принуждения для решения этой проблемы. Государство внедряет налоговые льготы, вводит жесточайшие меры по борьбе с коррупцией, проводит различные проверки, чтобы не допустить утечки денежных масс. Эти и другие меры помогают поддерживать тенденцию к снижению показателей незаконной экономической деятельности.

В целом социально-экономические проблемы современного общества вызваны объективными причинами: неэффективной государственной политикой экономического развития, неграмотным распределением рабочей

силы и национального дохода, враждебностью между слоями общества

Однако, несмотря на существующие проблемы и риски в области международного сотрудничества имеется благоприятная тенденция для развития отношений между Россией и Китаем.

Следует отметить, что большие перспективы для развития и укрепления международных отношений между Россией и Китаем может сыграть цифровизация и внедрение цифровых технологий. Именно цифровизация способствует повышению эффективности деятельности, оптимизации цепей поставок продукции, быстрому обмену информацией и совершению сделок на рынке.

Следующим перспективным направлением в развитии международных отношений между Россией и Китаем является освоение зона Арктики, что в свою очередь позволит наладить цепочку поставок продукции по морским путям. В целом данное направление развития позволит достичь следующих результатов:

- 1) способствует созданию единой транспортной сети в зоне Арктики;
- 2) способствует образованию глобальных коридоров коммерческих поставок;
- 3) достижение экономического роста и развития торговли;
- 4) снижение барьеров и рисков в торговле;
- 5) сокращение времени на поставку продукции;
- 6) рост и развитие государства в целом и т.д.

Еще одним, не менее важным направлением развития международных отношений между Россией и Китаем является активное формирование инвестиционной политики, вложение инвестиций в крупные национальные проекты, приносящие прибыль, а также развитие форм государственно-частного партнерства.

Особую роль в развитии и укреплении международного сотрудничества между Россией и Китаем является создание валютного пространства «рубль – юань», что позволит странам укрепиться на международной арене и быть независимыми от внешней политики США. Кроме того, создание валютного пространства позволит снизить риски экономической и финансовой безопасности, развить международное бизнес-партнерство между различными российскими и китайскими компаниями.

Рис. 3. Прирост спроса на газ и нефть с 2015 по 2040 г. по разным вариантам прогноза

Ожидается, что рост спроса на энергоносители в будущем будет отмечаться, прежде всего, в странах Юго-Восточной Азии, т.е. АТР. Причем в Китае по всем сценариям он будет максимальным (200–250 млрд куб. м) Так, по прогнозам, потребление нефти в ЕС и Северной Америке будет сокращаться, в то время, как в Юго-Восточной Азии расти. По прогнозам, уже в 2025 г. Восточная Азия опередит Северную Америку по потреблению нефти (ЕС уже определила в 2010 г.). Таким образом, Китай и АТР является самым перспективным сегментом мирового энергетического рынка для экспортеров. Кроме это-

го, продолжает расти доля в энергопотреблении других стран региона – Республика Корея, Япония, Малайзия, Таиланд и т.д. [4, с. 22].

На Рисунке 3 представлен прирост спроса на газ с 2015 по 2040 год по различным вариантам прогноза.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существуют широкие перспективы торгово-экономического сотрудничества с Россией в условиях цифровизации [5, с. 36]. Это позволит в свою очередь не только расширить границы сотрудничества, но и масштабы мирового рынка.

Важно отметить, что существует также большой потенциал в области развития культуры. Со стороны россиян в последнее время увеличился интерес к изучению китайского языка. Китай является страной с наличием большого количества интересных мест, имеющих историческую ценность. Поэтому развитие туризма создает основы для культурного взаимодействия между странами. В глазах китайского народа сформировался положительный имидж к образу России, как крупного центра с развитой сетью инфраструктуры, промышленности. В последние годы активно проводятся онлайн выставки, показы, конференции, что вызывает огромный интерес к познанию у людей и общества. Культурное взаимодействие позволяет расширить границы сотрудничества, повысить интерес к знаниям и ценностям народов, проживающих на данных территориях.

Обсуждение

Международное сотрудничество между Россией и Китаем строится на принципах взаимовыгодного учета интересов стран-партнеров. В настоящее время российско-китайское сотрудничество находится в новой эре, данные экономического и торгового развития демонстрируют взрывной рост, что создает возможности для развития дальнейших форм взаимодействия в различных областях и сферах деятельности. Важно отметить, что в первую очередь приоритетными сферами реализации совместных интересов стран-партнеров является торговля, производство, культура.

Заключение

В целом можно сделать вывод, что несмотря на существование различных проблем в области международного сотрудничества между Россией и Китаем существуют огромные перспективы развития. Следует отметить, что в настоящее время между странами укрепилась международные связи и отношения в сфере политики, экономики, культуры, что создает крепкую основу для стратегического развития партнерских отношений и развития бизнеса. По нашему мнению, требуется комплексный подход к дальнейшей разработке и реализации политики международного сотрудничества, направленной на повышение эффективности деятельности, получение максимальной прибыли, снижение затрат труда и времени, достижение экономического роста.

Литература

1. Мочалова Я.В. Влияние образования на формирование личности // Актуальные проблемы развития науки и современного образования. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». 2017. С. 246–247.
2. Петровский В.Е. Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений. Перспективы цифровой экономики. М.: Спецкнига, 2019. 40 с.
3. Портяков В.Я. Российско-китайские торгово-экономические связи в контексте интеграционных

процессов в Северо-Восточной Азии. М.: Инфра, 2016. – С. 195–219.

4. Прогноз развития энергетики мира и России. М.: ИНЭИ РАН, 2019. 89 с.
5. Цифровое сотрудничество России и Китая // Нефть и капитал. № 12. 2019. С. 36–44.

INTERNATIONAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Qi Yilin, Zhu Yutian, Wang Ruixin

Tomsk State University

The article discusses issues related to the development of international relations between Russia and China, as well as existing problems and development prospects. The purpose of the study is to study theoretical and methodological approaches to assessing the level of international cooperation, to consider problems and prospects for development. The object of the study is the trade cooperation between Russia and China. In conducting this study, the following methods were used: analysis, comparison, decision-making, logical reasoning and many others. In this article, the author emphasizes the importance of developing forms of international cooperation between Russia and China in the field of trade. The dynamics of trade turnover between Russia and China has been studied. The influence of digitalization on the commodity structure of China's exports is considered. The dynamics of oil exports from Russia to China has been studied. The main problems of international cooperation between Russia and China are considered. Prospects for further development between the countries are outlined. The author of the article points out the importance of using an integrated approach in solving issues of international cooperation. The practical significance of the work lies in the fact that the directions contained in this work can be used to develop a policy of international cooperation between Russia and China.

Purpose: The purpose of the study is to study theoretical and methodological approaches to assessing the level of international cooperation, to consider problems and prospects for development.

Methods: Basic research methods: the method of analysis, comparison, decision-making, logical reasoning and many others.

Results: Theoretical and methodological approaches to assessing the level of international cooperation have been studied. The problems and prospects of development of Russia and China in the field of international cooperation are considered.

Conclusions: After analyzing the international relations between Russia and China, it was found out that there is quite a lot of potential in the implementation of various development programs, as well as forms of cooperation in multiple fields and fields of activity. This will increase economic, industrial, and financial security, reduce the risks and threats of many campaigns in the market, as well as maximize profits and reduce costs. The solution of problems in the field of international cooperation between Russia and China will depend on the application of an integrated approach that includes state policy, the development of long-term development programs, and means and tools for managing activities.

Keywords: international cooperation; Russia; China; problems; prospects; digitalization.

References

1. Mochalova Ya.V. The influence of education on the formation of personality // Actual problems of the development of science and modern education. Belgorod: ID "Belgorod" National Research University "BelSU". 2017. P. 246–247.
2. Petrovsky V.E. Problems of the development of Russian-Chinese trade, economic, financial and cross-border relations. Prospects for the digital economy. Moscow: Spetskniga, 2019. 40 p.
3. Portyakov V. Ya. Russian-Chinese trade and economic relations in the context of integration processes in North-East Asia. Moscow: Infra, 2016. – P. 195–219.
4. Forecast for the development of energy in the world and Russia. Moscow: INEI RAS, 2019. 89 p.
5. Digital cooperation between Russia and China // Oil and capital. No. 12. 2019. P. 36–44.

Трансформация политической позиции Сербской Православной Церкви в период с 1990 по 2020 гг.

Околота Даниил Павлович,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Сербская Православная церковь (СПЦ) традиционно играла ключевую роль в формировании сербской духовной и национальной идентичности. Она является важным социальным институтом, оказывающим значительное влияние на общественно-политическую жизнь Сербии. В работе рассматривается трансформация отношений между государством и церковью в Сербии на основе анализа политических посланий, которые направляла СПЦ после краха социализма, в период правления Патриархов Павла (1990–2009) и Ириней (2010–2020). Исследование выявляет, что после противостояния режиму Милошевича и активного сближения с новыми демократическими властями с 5 октября 2000 г. сотрудничество стало наиболее тесным после победы на выборах в 2012 г. Сербской прогрессивной партии (СПП). СПЦ продолжает играть значимую роль в политических процессах внутри страны, что подчеркивает важность учета её позиции при анализе текущих политических и социальных изменений в Сербии. Особое внимание уделяется влиянию исторического контекста и эволюции политического управления на взаимодействие церкви и государства с учетом значимости этих факторов для формирования современного сербского общества.

Ключевые слова: Сербская Православная Церковь, политический режим, патриаршество, церковно-государственные отношения.

Введение

Сербская Православная Церковь является наиболее значимым негосударственным институтом Сербии. Со времен средневековых княжеств православная церковь влияла на формирование сербской идентичности, оставаясь хранительницей национального бытия во времена турецкого владычества. Православное вероисповедание и ныне составляет существенную часть сербского национального самосознания. Восстановив свое влияние после ограничений социалистического периода, Сербская Православная Церковь и ныне, в XXI в. играет значительную роль в формировании политической жизни Сербии. По данным статистического управления Сербии за 2022 г. 81,1% населения страны исповедуют православную веру [17]. Влияние, оказываемое позицией СПЦ по некоторым проблемам на народ Сербии, действует как политический фактор. Его следует учитывать каждому правительству при решении ключевых вопросов политического характера.

Материалы и методы

Литературный обзор. С момента введения многопартийной системы во главе СПЦ сменились три предстоятеля – Сербские Патриархи Павел, Ириней и Порфирий. Они признаются ключевыми фигурами церкви и политическими лидерами, поскольку возглавляют важнейший религиозный институт страны. Каждый из них формулировал свое отношение к политической обстановке в стране, излагая в патриарших посланиях. Цель работы – определить роль патриархов Павла и Ириней в политической жизни Сербии, осмыслить их отношения с властями, и их послания во время их патриаршеств. Патриарх Порфирий не рассматривается, так как с момента его назначения прошло недостаточно времени.

Термин «взаимная толерантность», введенный Альфредом Степаном, американским политологом и специалистом в сравнительной политологии, указывает на «минимальные ограничения для действий политических институтов по отношению к религиозным властям, для верующих, а также групп в отношении руководства страны» [13]. В статье представлен анализ позиций Сербской Православной Церкви по различным политическим проблемам для ответа на вопрос, когда Церковь оказывала наибольшую поддержку и была лояльна к сербским властям с 1990 по 2020 год.

В основе работы лежит хронологический принцип, позволяющий исследовать постепенную трансформацию политической позиции СПЦ. Выделяются три взаимоотношений церкви с властью: правление Слободана Милошевича; власть, установившаяся впоследствии перемен 5 октября и руководство Сербской прогрессивной партии. В каждой части обсуждаются позиции СПЦ по некоторым ключевым политическим вопросам и указывается, как менялось ее отношение к властям Сербии в зависимости от взглядов отдельных деятелей на различные социальные проблемы. Основной тезис настоящего исследования гласит, что во время патриаршества владыки Ириней, вступившего на престол немногим поз-

же победы на выборах Сербской прогрессивной партии в 2012 году СПЦ стала взаимодействовать с представителями администрации теснее, чем когда-либо прежде в рассматриваемый период.

Результаты

Гойко Стойчевич, более известный под церковным именем Павел, был 44-м патриархом Сербской Православной Церкви с момента возведения в сан в 1990 году до своей смерти в 2009 году. Патриаршество Павла пришлось на один из самых нестабильных политических периодов в сербской истории. Распад Социалистической Федеративной Республики Югославии (1945–1992 гг.), войны и санкции, нищета, переходный этап, бомбардировки Союзной Республики Югославии (1992–2003 гг.), а также одностороннее провозглашение независимости Косово и Метохии – вот лишь некоторые из основных проблем, с которыми столкнулись как сербское государство, так и СПЦ.

Во время пребывания Павла на Патриаршем Престоле в Сербии возобновилась многопартийная жизнь. Данный нюанс важен для анализа позиции Сербской Православной Церкви относительно политической сцены и ее основных игроков.

Первое десятилетие многопартийности в Сербии было отмечено доминированием Слободана Милошевича во всех сферах внутренней политики. Специфике его режима посвящено немало исследований [15], поэтому вместо их систематизации стоит решить следующую задачу: изучить характер коммуникации церкви и светской власти в Сербии в последнее десятилетие XX века, выяснив, как СПЦ позиционировала себя на разных стадиях правления Милошевича.

Церковно-правительственные отношения в Сербии с начала 1990-х гг. по рубеж XX и XXI вв. можно разделить на два этапа: первый (1990–1992 гг.) и второй (1992–2000 гг.). На первом этапе, хотя высшее духовенство рассматривало Социалистическую Партию Сербии (СПС) как продолжателя коммунистической политики, не наблюдалось серьезных конфронтаций между церковью и государством. Причина состоит в уверенности СПЦ и самого Патриарха Сербского Павла в возможности найти общий язык с руководством страны по ключевым общественно-политическим вопросам. Церковь стремилась решить две проблемы: ввести религиозное образование в систему обучения и возместить церковное имущество, которое было конфисковано после Второй Мировой войны. Однако официальная позиция властей осталась неизменной: политики не отреагировали на требования, вследствие чего началось противостояние СПС и СПЦ.

1992 год и «Меморандум Священного Синода Архиепископов Сербской Православной Церкви» ознаменовали рубеж, когда СПЦ впервые радикально дистанцировалась от правящего режима. Это стало переходом ко второму этапу, поскольку церковь публично осудила власти Сербии, обвинив их в некомпетентности, препятствовании демократическому диалогу и игнорировании национальных интересов [11]. Марко Векович, политолог и религиовед Белградского университета, считает данный акт СПЦ уникальным в контексте демократизации православных церквей. С тех пор критика правительства стала неотъемлемой частью каждого последующего заявления Священного Архиепископского Синода, а церковь активно поддерживала протесты оппозиции в 1996–97 году. СПЦ возглавила сопротивление режиму. Подобный прецедент трудно отыскать в других православных странах, проходящих демократизацию [14].

Тем не менее, конфликт между правительством и церковью в 1990–1995 гг. не был очевидным в силу сложившихся политических и социальных обстоятельств. Угроза сербскому народу на постюгославском пространстве из-за гражданской войны и санкций заставила как политические, так и церковные власти сосредоточить усилия на вопросах его существования. СПЦ предприняла многочисленные действия дипломатического характера, которые часто приносили политическую выгоду и политическому режиму Сербии. Церковь пыталась использовать имеющиеся в ее распоряжении механизмы (посещения церковных делегаций, рассылку телеграмм, а также косвенное лоббирование через церковных чиновников других стран, с которыми у СПЦ были благоприятные отношения) для создания положительного образа страны на международной арене [7]. Однако даже это скрытое сотрудничество с правительством длилось недолго. К концу Боснийской войны конфликт обострился после того, как отношение Милошевича к беженцам и введение санкций против сербов за Дриной стали объектом постоянной критики со стороны Сербской Православной Церкви [1].

Конфликт между властью и церковью проявился наиболее ярко в митингах 1996–1997 гг. Патриарх Павел выступил перед собравшимися демонстрантами с речью, в которой полностью поддержал их и возглавил знаменитое Светосавское шествие в 1997 году. Накануне последнего на улице Коларчева в Белграде вывели кордон полиции для перекрытия прохода протестующим. Это единственный пример, когда глава православной церкви принимал активное участие в сопротивлении правящему режиму [8].

После этих событий СПЦ больше не посылала режиму примирительных посланий, в том числе, в критические моменты первой половины десятилетия. Во время бомбардировок Союзной Республики Югославии (1992–2003 гг.) в 1999 г. церковь неоднократно призывала Слободана Милошевича и членов парламента уйти в отставку и объявить выборы с целью формирования правительства национального единства. Именно оно должно было помочь Сербии выйти из международной изоляции и войны. Более того, 23 сентября 2000 года, незадолго до утраты Милошевичем властных полномочий Патриарх Павел назвал бывшего президента и его режим единственными виновниками катастрофы сербского народа в конце XX в. [12]

Падение Слободана Милошевича 5 октября 2000 года представляет наиболее значимый поворотный момент в политике Сербии за последние 30 лет. Это событие радикально изменило связи церкви и государства. С тех пор основные политические акторы начали воспринимать церковь как равноправного соперника и источник влияния на обстановку внутри страны и старались поддерживать с ней благоприятные отношения как никогда прежде [15]. В свою очередь, СПЦ заручилась поддержкой новых властей, учитывающих ее политическое влияние и совместное сопротивление режиму Милошевича. Отчетливо проявилось взаимное сближение церкви и государства.

Смещение Милошевича стало поводом к внеочередной сессии Священного Архиепископского Собора Сербской Православной Церкви. На ней прозвучало, что Церковь приветствует демократические перемены, и все должны быть благодарны Богу за Собор на свободной родине впервые за 60 лет [16]. Это стало новой страницей в отношениях церкви и государства, отныне отличавшихся терпимостью и взаимопомощью. В последующие несколько лет СПЦ удалось добиться от новых властей решения ряда важных задач: возвращение религиозно-

го образования в систему обучения, частичное возмещение церковного имущества, конфискованного после Второй Мировой войны. Церковь просила решить упомянутые вопросы с 1990 года, но ее требования были удовлетворены лишь с наступлением демократических перемен в Сербии в 2000 году.

Уже в 2001 году правительство Зорана Джинджича приняло решение вновь ввести преподавание религии в систему образования Сербии. Данный шаг стал практическим воплощением давней просьбы церкви о знакомстве с религией в начальных и средних школах, по крайней мере, в рамках факультативных занятий. Помимо этого, в 2004 году было законодательно урегулировано возвращение факультета православного богословия в систему Белградского университета, из которой он был исключен в 1952 году.

Анализируя эпоху с перемен 5 октября до прихода к власти Сербской прогрессивной партии в 2012 году, мы можем определить премьерство Воислава Коштуницы с 2004 по 2008 год как четырехлетний консенсус между партией и религиозными представителями. Тогда возникла настоящая синтония правительства и церкви, и первое показало себя с самой выгодной стороны в отношениях с СПЦ со Второй Мировой войны [9]. Ключевой фактор заключался в схожести консервативных взглядов СПЦ и Воислава Коштуницы на общество, что позволило церкви позиционировать себя как важного политического игрока.

За время премьерства Коштуницы были приняты Закон о церквях и религиозных общинах (апрель 2006 г.) и Закон о возврате (реституции) имущества церквям и религиозным общинам (май 2006 г.), которые юридически регулировали статус всех религиозных общин на территории Сербии и высокое положение СПЦ в общественной и политической жизни страны. Затем церковь получает места в переговорной команде по статусу Косово и Метохии и в совете по телерадиовещанию, что представляет собой своего рода пик отношений обеих сторон в 2000–2012 гг. [4].

Вероятно, самым важным геополитическим событием первого десятилетия XX века для Сербии было провозглашение независимости Косово в 2008 году по решению других государств. В данной работе уже говорилось о важности Косово и Метохии как для Сербского государства, так и для СПЦ. Однако в связи с тем, что в центре статьи – церковно-государственные отношения, исследовать этот нюанс было бы излишне. Церковная и светская власти были едины в вопросе вышеупомянутых территориях, и поступок косовских властей расценивался как незаконный, нелегитимный и антиконституционный. Путь к поиску решения находился исключительно в рамках резолюции 1244 под знаменем территориальной целостности Сербии, сербского культурного наследия и сербского народа в Косово и Метохии.

Эпоха Патриарха Сербского Иринея (2010–2020 гг.)

После кончины Патриарха Павла СПЦ возглавил Патриарх Иринея, ставший 45-м церковным первоиерархом и занимавший этот пост до смерти в 2020 году. За время его патриаршества произошло несколько важных политических событий, которые имеют существенное значение для понимания политики церкви. В первую очередь, стоит выделить победу Сербской прогрессивной партии на выборах 2012 года и подписание Брюссельского соглашения в 2013 году. В 2019 году во время патриаршества Иринея СПЦ отметила 800-летие своей автокефалии. Да-

лее будет проанализирована роль сербской политической элиты на этом юбилее.

Патриаршество Иринея охватывало последние два года пребывания у власти Демократической партии (2010–2012 гг.). В данный временной промежуток случилось не так много событий, относящихся к исследованию взаимоотношений церкви и государства за исключением введения религиозной службы в сербской армии в 2011 году, и его не стоит выделять отдельно.

Если опустить события, последовавшие из подписания Брюссельского соглашения, то можно констатировать, что церковно-правительственные отношения во время правления Сербской прогрессивной партии улучшились. По степени близости их даже можно сравнить с премьерством Воислава Коштуницы. Патриарх Иринея сыграл в этом процессе решающую роль, поскольку снискал большее одобрение действующей власти, чем другие иерархи СПЦ.

Одним из основных направлений деятельности новой власти внесло вклад в решение косовской проблемы, поэтому труднорассуждать о сотрудничестве церкви и государства на прежнем уровне. Пока политические власти активизировали свою деятельность на этом фронте, в адрес чиновников поступало много критики от представителей СПЦ. Ситуация обострилась в 2018 и 2019 годах. Именно тогда заговорили о демаркации как одном из потенциальных вариантов решения косовской проблемы. Примечательно, что Патриарх Иринея не осуждал президента Александра Вучича и не раз публично заступался за него, защищая от обвинений. Особенно много их выдвигало духовенство Сербской Православной Церкви, тогда как Патриарх утверждал, что президент делает все возможное для защиты интересов сербского народа [5]. Анализируя доводы Патриарха Иринея в пользу руководства страны, можно считать их наиболее благоприятными провластными высказываниями церковного лидера за последние 30 лет.

Первым серьезное испытание для Сербской прогрессивной партии нового созыва стало подписание Брюссельского соглашения в 2013 году. Данный документ ознаменовал следующий серьезный конфликт правительства и церкви после 5 октября 2000 года. Поскольку решения по Косово и Метохии были связаны с историей сербской государственности, их негативные последствия распространялись на и церковь. Ее взгляды на косовскую проблему соответствуют позиции по Косово и Метохии как неотъемлемой части страны, неизменность и четкость которой прослеживается в большинстве публичных выступлений представителей СПЦ.

Сразу после соглашения 2013 года Священный Синод Архиерейский выступил с заявлением, в котором оценил договор как «утрату многовековой и важнейшей территории» [3]. Митрополит Амфилохий Радович, бывший до своей смерти в 2020 году одним из самых последовательных критиков президента Александра Вучича среди духовенства, по этому случаю произнес панегирик Национальному собранию и правительству Сербии в Белграде. Хотя Александр Вучич и некоторые должностные лица СПЦ (в основном, митрополит Амфилох) с 2012 года вступали в открытые конфликты, их словесные баталии не стоит ассоциировать с официальной позицией церкви.

Судя по многим заявлениям Патриарха Иринея, главы Сербской Православной Церкви, он полностью поддерживал действующего президента Сербии. Это демонстрируют поступки церкви в отношении чиновников. С 2013 по 2020 год СПЦ наградила Александра Вучича орденом Святого Саввы первой степени, вручила Грамоту главному редактору проправительственного табло-

ида «Informer» Драгану Вучичевичу, удостоила Ордена Святого Симеона Мироточивого вице-премьер-министра Сербии Зорану Михайлович, даровала Орден Святого Саввы второй степени директору компании «Электроэнергетика Сербии» Милораду Грчичу и Ивану Тодорову, заместителю директора Агентства безопасности и информирования. Все они были награждены за почтение к вере и лояльность к церкви [5].

Стоит учитывать и тезисы Патриарха Ириней из выступления 2018 года. По словам Патриарха, православные верующие должны быть благодарны Богу «за то, что Он дал нам человека, который как лев сражается за сербский народ и за замученных и страдающих Косово и Метохии» [9], нельзя сомневаться в том, как усердно Вучич борется за сохранение Косово и Метохии, и что он «надеется и молится Богу, чтобы Он дал президенту Сербии силу и власть для успеха». Александр Вучич стал первым президентом в истории Сербии, которого пригласили выступить перед Святым Архиерейским Собором Сербской Православной Церкви в 2019 году. Вскоре после этого в январе 2019 года Патриарх Ириней дал интервью газете «Политика» с комментарием о гражданских протестах, начавшихся в Белграде и в Баня-Луке: «Люди не получат никакой выгоды от разжигания таких протестов, <...> будут довольны только те, кто не хочет добра для Республики Сербской и сербского народа» [10].

Накануне восьмисотлетия СПЦ в 2019 году встал вопрос об участии властей в юбилее. Тесные взаимоотношения Патриарха Ириней и Президента Александра Вучича достигли апогея на праздновании 800-летия автокефалии СПЦ. Тогда Патриарх от имени церкви вручил высшую награду – Орден Святого Саввы первой степени – президенту Сербии, что сделало А. Вучича первым главой государства, удостоенным ею. Как заявил на церемонии Патриарх, СПЦ вручила Вучичу Орден за «активную любовь к церкви и неустанную борьбу за целостность Сербии и, особенно, за сохранение Косово и Метохии как ее части» [2]. Он добавил, что «президент открыл дороги Сербии в Европу и мир и благодаря его усилиям о Сербии сегодня говорят и думают по-другому. Сербия разделила с ним свою жизнь, экономика восстановилась, она [страна] сделала большой шаг вперед, и мы все видим масштаб достижений» [2].

Обсуждение

Некоторые теоретики политики, например, Сэмюэл Хантингтон, считают, что православные церкви не могли быть значимыми проponentами демократизации из-за своей автокефалии. Их основной аргумент состоит в том, что последняя влекла за собой зависимость от государства [6]. Однако, анализируя официальные заявления СПЦ, относящиеся к властям Сербии в 1990-е годы, мы убеждаемся в следующем. В течение 8 из 10 лет пребывания у власти Слободана Милошевича СПЦ была его серьезным критиком и актором в какой-то момент открыто вставшим на сторону «патриотической» оппозиции. В этом смысле, СПЦ выступила если не самым важным, то одним из наиболее значимых игроков, которые создали прецедент для прогрессивных перемен в Сербии в конце XX вв.

Более того, после смены режима в 2000 году изменился характер отношений между СПЦ и новой, демократической властью. Поскольку теперь и правительство, и церковь осознали, что их сотрудничество может стать взаимовыгодным, они сблизились и стали активно укреплять взаимосвязи. Трансформация происходила наиболее интенсивно с 2004 по 2008 год, когда пост

премьер-министра Сербии занял консервативный лидер Воислав Коштуница.

Заключение

Таким образом, степень влияния упомянутых изменений на будущее крайне неопределенна. Например, после избрания нового главы СПЦ в 2010 году и с приходом к власти Сербской прогрессивной партии в стране наступили глобальные политические перемены. В результате, отношения между церковью и государством также приняли другой оборот: были налажены наиболее тесные связи правительства и церкви за всю современную историю Сербии.

Стоит отметить, что укреплению этих связей содействовал Патриарх Ириней, часто принимавший непопулярные решения, которые трактовались в СПЦ неоднозначно. Другая причина заключается в том, что нынешняя власть рассматривает предшественников, то есть правителей, существовавшие до 2012 г., как виновников нерешенности национального вопроса. В течение восьми лет правления Слободана Милошевича церковь активно боролась с политическими преследованиями со стороны режима. За десять лет пребывания Ириней на патриаршем престоле СПЦ не выступала против действий сербского правительства.

Литература

1. Порука јавности [Public message]. The Gazette of the Serbian Orthodox Church, 1995, pp. 52–69.
2. Президент Сербии награждён высшим церковным орденом // Балканист. 2019. URL: <https://balkanist.ru/prezident-serbii-nagrazhdyon-vysshim-tserkovnym-ordenom/> (дата обращения: 24.11.2023).
3. Сербский Патриарх и Синод выступили с открытым обращением к политическому руководству Сербии. Белград, 8 апреля 2013 г. // Православие.ru. 8.04.2013. URL: <https://pravoslavie.ru/60688.html> (дата обращения: 25.11.2023).
4. Тодоровић, В., Лунић, Т. Однос Српске православне цркве и државе у Србији од 1990. до 2018. године // Религија и толеранција. 2019. књ. 17, бр. 31. стр. 5–20.
5. Blagoslov i kletva. Vlast i crkva // Vreme. 17.01.2018. URL: <https://www.vreme.com/vreme/blagoslov-i-kletva/> (дата обращения: 25.11.2023).
6. Huntington, S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. 336 p.
7. Jevtic, M. Religion and Power-Essays on Politology of Religion. Prizren: Diocese of Ras-Prizren and Kosovo-Metohija, 2008. 301 p.
8. Odlazak 'dobrog pastira. Smrt patrijarha Pavla // Vreme. 18.11.2009. URL: <https://www.vreme.com/vreme/odlazak-dobrog-pastira/> (дата обращения: 23.11.2023).
9. Patriarch Irinej of Serbia compares president Vucic to a 'lion' // Daily Balkans. 16.10.2018. URL: <https://dailybalkans.com/post/Patriarch%20Irinej%20of%20Serbia%20compares%20president%20Vucic%20to%20a%20'lion'> (дата обращения: 27.11.2023).
10. Patrijarh Irinej. «Ne vidim koristi za narod od podsticanja na proteste!» // Srbija Danas. 2019. URL: <https://www.sd.rs/vesti/info/patrijarh-irinej-ne-vidim-koristi-za-narod-od-podsticanja-na-proteste-potrebno-nam-je-jedinstvo-ne-2019-01-28> (дата обращения: 23.11.2023)
11. Petrusic-Andjelkovic D. Srpska pravoslavna crkva i nosioci politichke mofii u Srbiji 1990–2006 [Serbian Or-

Проблемы и перспективы создания глобального рынка водорода: международно-политический контекст

Сизов Андрей Андреевич,

к.т.н., докторант, кафедра международных отношений,
МГИМО МИД России
E-mail: golovanivskaya@gmail.com

Цель статьи – раскрыть значение создания глобального рынка водорода в международной политике. Исследовательские задачи: охарактеризовать проблемы и перспективы создания глобального рынка водорода, их влияние в международной политике. Методологическая основа исследования – комплексный подход, синтезирующий достижения политологии, теории международных отношений, геополитики, геоэкономики, глобалистики, синергетики. Увеличение производства и расширение области применения водорода способствует декарбонизации мировой экономики. Формирующийся глобальный рынок водорода, играет важную роль в обеспечении энергобезопасности экономических систем ряда стран, включая Россию. Несмотря на санкционное давление Запада, наша страна не стала выходить из глобальных инициатив, связанных с энергетикой и концепцией устойчивого развития. Создание водородной экономики России охватывает применение и совершенствование технологий производства, хранения и транспортировки водорода, а также технологий улавливания CO_2 . Важнейшим свойством водородной энергетики является наукоёмкость, которая оказывает комплексный положительный эффект на российскую социально-политическую систему в целом.

Ключевые слова: глобальный рынок водорода, энергопереход, декарбонизация, энергетическая безопасность, международная политика, Россия, ЕС, Китай.

В последние годы водород привлек значительное внимание как энергоноситель, который целесообразно использовать в декарбонизации различных секторов экономики, включая транспорт, промышленность и энергетику. О возрастающей роли водорода в глобальной энергетике свидетельствует то, что в настоящее время более 40 стран разработали государственные стратегии и дорожные карты по развитию водородной энергетики [1]. Например, в соответствии с разработанной в 2020 году Стратегией развития водородной экономики ЕС прогнозируется, что доля водорода в энергобалансе региона вырастет с менее чем 2% в 2018 году до 13–14% к 2050 году [2]. При этом потенциал глобального рынка водорода оценивается от 10 до 24% в мировом энергобалансе 2050 года [3].

В зависимости от способов производства и степени экологичности водород обозначается следующей цветовой маркировкой [4].

Голубой. Получают из ископаемого топлива. CO_2 при этом улавливается и хранится под землёй (технология *CCUS, Carbon Capture, Utilization and Storage*).

Серый (75% мирового производства). Производится из ископаемого топлива путём парового конверсии метана (*Steam reforming*). В процессе образуется CO_2 , который выбрасывается в атмосферу.

Зелёный. Производится путём электролиза воды с использованием возобновляемой электроэнергии. Зелёным водород называется потому, что в процессе его производства не происходит выбросов CO_2 .

Чёрный или бурый (20% мирового производства). Получают из угля методом газификации. В качестве побочных продуктов образуются CO_2 и угарный газ, которые выбрасываются в атмосферу.

Жёлтый. Вырабатывается путём электролиза воды с использованием электричества от АЭС.

Бирюзовый. Добывается путём пиролиза метана. Этот процесс носит экспериментальный характер и позволяет извлекать углерод в твердой форме вместо газообразного CO_2 .

По оценкам Всемирного банка, в настоящее время около 98% (более 95 млн тонн) водорода производится в мире с использованием природного газа и угля [5]. Основные производители и одновременно потребители водорода – химическая промышленность, металлургия, производство удобрений, нефтепереработка.

В условиях энергоперехода развитых экономик мира ключевые процессы формирования глобального рынка водорода связаны с замещением водорода, при производстве которого возникает углеродный след. По данным МЭА, прежде чем «зелёный» водород станет доминирующим видом топлива в мире будет преобладать «голубой» водород. Чтобы прийти к оптимизации издержек, необходимо формировать масштабный спрос, что связано с снижением стоимости «зелёного» водорода. В настоящее время средняя стоимость колеблется в диапазоне от \$4 до \$7/кг [6]. Специалисты Всемирного банка прогнозируют, что к 2030 году стоимость «зелёного» водорода снизится до \$2–3/кг [5].

Для снижения стоимости производства водорода допускается введение патерналистских мер в виде квоти-

рования доли в промышленности, и директивных мер в виде дополнительных сборов на использование менее «чистого» топлива. Например, в 2023 году на производство водорода в странах ЕС стал распространяться механизм пограничного углеродного регулирования *Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM)* [7]. С помощью механизма *CBAM* ЕС устанавливает барьеры для ограничения импорта водорода в целях поддержки внутреннего производства водорода и возможности влиять на внешний рынок.

Мировым лидером по производству водорода является Китай с долей почти 30%. Это свидетельствует о наличии большого внутреннего спроса нефтеперерабатывающих заводов и химической промышленности в этой стране. В общей сложности более 70% мирового производства водорода обеспечивают пять стран: Китай, США, Ближний Восток, Индия и Россия. При этом, например, в США для поддержки производства помимо налоговых льгот, предусмотрены многочисленные грантовые программы для разработки новых энергетических технологий, в рамках которых осуществляются проекты по производству «чистого» водорода и топлива на его основе, а также для поддержки внедрения технологий конечного использования водорода. Согласно Закону об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места (*Infrastructure Investment and Jobs Act, IIJA*) на развитие технологий и методов производства, переработки, доставки, хранения и использования оборудования для производства чистого водорода, направлено \$500 млн [8].

Перспективы развития водородной энергетики в России целесообразно рассматривать в контексте политики энергобезопасности. Чтобы достичь устойчивых позиций и лидерства в формируемом глобальном рынке водорода, России предстоит выдержать жёсткую конкуренцию с другими производителями. В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года в числе национальных целей и стратегических задач развития указаны развитие производства и потребления водорода, а также вхождение России в число мировых лидеров по его производству и экспорту. Прогнозируется, что водород способен стать новым энергоносителем, замещающим углеводородные энергоносители, и сформировать водородную экономику России [9].

Прогнозируемые объёмы российского экспорта водорода на мировой рынок в зависимости от темпов развития мировой низкоуглеродной экономики и роста спроса на водород на мировом рынке могут составить до 0,2 млн тонн в 2024 году, до 12 млн. тонн в 2035 году и до 50 млн. тонн в 2050 году [10].

В Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации отмечается, что водород может быть использован для накопления, хранения и доставки энергии и рассматривается в качестве перспективного энергоносителя и инструмента для решения задач по развитию низкоуглеродной экономики и снижению антропогенного влияния на климат. Основными преимуществами водорода являются возможность его получения из различных источников и отсутствие выбросов углекислого газа при его использовании в качестве энергоносителя. В Концепции указывается также необходимость развития технологии улавливания CO_2 при производстве водорода из ископаемого топлива [11].

Наиболее экономически оправданной на данный момент технологией получения водорода считается паровая конверсия метана («серый» водород). Однако развитие производства электролизёров в перспективе позволит России выйти на рынок «зелёного» водорода и в дальнейшем использовать даже атомную энергию для этого. Для России как экспортера энергоресурсов

стоит задача сохранить отношения со странами, которые остаются потребителями сырья, а также выстроить новые связи в рамках глобального энергоперехода, строительства водородной энергетики и всеобщей декарбонизации. Примером могут служить страны Центральной Азии, в сотрудничестве с которыми осуществляются долгосрочные проекты в энергетике.

Китай, Индия в настоящее время крупнейшие потребители российских углеводородов. Несмотря на реализацию национальных программ в области энергоперехода, эти страны будут нуждаться в импорте энергоресурсов, так как самостоятельно не смогут покрыть свои потребности ускоренного промышленного роста. В Южной и Восточной Азии существует потенциал для наращивания связей и плавного перехода от углеводородно-го экспорта к торговле новой энергией.

Со странами Ближнего Востока и Северной Африки у России выстроены прочные экономические связи по линии регулирования нефтяного рынка (ОПЕК+). Очевидно, что опыт кооперации в этой сфере послужит надёжной основой для формирования связей в области производства и использования водорода.

При этом в ходе практического следования «зелёной» повестке происходит переосмысление ряда исходных тезисов. Чрезмерные ожидания от внедрения ВИЭ приводят к нерентабельному расходованию средств и рискованным инвестициями. Зачастую не столько экономические, сколько политические факторы понуждают государства и бизнес оценивать перспективы и тренды экологической повестки, в том числе и в части водородных стратегий. Исходить нужно из рыночной ситуации и экономической логики, а не слепо следовать международной политической повестке.

В России в последние годы динамично обсуждаются несколько крупных проектов по использованию потенциала приливных электростанций для производства «зелёного» водорода. Они не были реализованы из-за отсутствия потребителей электроэнергии, но в горизонте нескольких десятков лет могут начать использоваться при переходе мировой экономики на «зелёный» водород. Речь идёт о Мезенской ПЭС мощностью около 14 ГВт и Пенжинской ПЭС мощностью более 100 ГВт.

1. Водородный хаб на базе Мезенской ПЭС с экспортом водорода может представлять экономический интерес. При этом нужен тщательный анализ технологических, логистических, экономических и юридических рисков. Среднесуточное производство с учётом коэффициента использования установленной мощности Мезенской ПЭС оценивается в 1600 тонн сжиженного водорода [12].

2. ПАО «РусГидро» и ООО «H2 Чистая Энергетика» (дочернее предприятие «Полюса») в сентябре 2021 года на полях Восточного экономического форума подписали соглашение о проведении научно-исследовательских работ в области водородной энергетики. Сама компания «Полюс» занимается разработкой перспективного проекта по строительству Пенжинской приливной электростанции в Охотском море. В случае удачной реализации проекта ПЭС на Камчатке станет одним из самых крупных в мире предприятий по производству водорода – к 2031 году 5 млн т водорода в год. По разным оценкам, инвестиции в проект должны составить до \$500 млрд. Сама станция задумывалась еще в 1970-х годах. Использование энергии Пенжинской губы осложняется суровыми климатическими условиями. Низкие температуры до минус 50 С и продолжительность зимы 220 дней способствуют образованию мощного ледяного покрова. Под действием сильного приливного течения и колебаний уровня воды происходит непрерывное разрушение

льда. Высота торосов на плавучем льду достигает 3–4 м [12].

В 2021 году компания *En+ Group* заявила о планах выйти на производство до 18 тысяч тонн водорода в год за счёт использования мощностей ГЭС в Сибири и Карелии. Так, для производства водорода доступно 228 МВт мощности на Иркутской, Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанциях в Иркутской области, а также Индской ГЭС в Карелии. По расчётам компании, стоимость 1 кг водорода составит \$2,2–3. В качестве рынков сбыта назывались Южная Корея, Япония и Финляндия. Поставки планировались в сжиженной форме или в виде аммиака (NH₃). Компания также рассматривала вопрос строительства Мотыгинской ГЭС на Ангаре мощностью 1 ГВт. Капитальные затраты компании в проект (CAPEX) оценивались в \$1,3 млрд. При этом на ГЭС возможно производство 115,6 тысяч тонн водорода в год стоимостью \$2,9 за 1 кг [13].

Однако в 2023 году в Минэнерго констатировали, что санкционное давление на Россию вынуждает корректировать многие водородные проекты. Рынки Европы, Кореи и Японии в настоящий момент для нашей страны закрыты, а значит речь идёт о развитии внутреннего рынка и переориентации потоков в Африку, Китай и Латинскую Америку. Однако дороговизна транспортировки и неясные перспективы сбыта ставят вопрос о рентабельности самого экспорта водорода. От планов продажи за рубеж правительство не отказывается. По заявлению председателя Правительства Российской Федерации М. Мишустина, к 2030 году Россия намерена занять до 20% мирового рынка водорода, увеличив экспорт до 2 млн тонн в год. Это потребует 700 млрд рублей инвестиций [14].

В связи с изложенным водород рассматривается в современных условиях не только как топливо будущего, но и как фактор обеспечения национальной безопасности России. К 2050 году планируется зарабатывать на экспорте водорода до \$100 млрд в год, поставляя на мировой рынок от 8 до 33,5 млн «чистого» топлива [15]. Более того, на международном уровне Россия уже имеет статус одного из главных потенциальных лидеров в области развития проекта «зелёного» водорода на базе ГЭС. «Эта та сфера, где Россия может стать лидером», – утверждал руководитель Международного солнечного альянса (*International Solar Alliance, ISA*) А. Матур [16].

Гидроэнергетика, обеспечивая стоимость электрогенерации значительно дешевле в сравнении с другими ВИЭ, может стать ступенью для перехода к водородной энергетике. Наличие масштабных водных ресурсов позволяет включать инфраструктуру ГЭС в производство водорода, что обеспечивает дополнительные конкурентные преимущества конечной продукции из-за использования дешёвого электричества. Однако ключевая проблема в производстве такого водорода связана с нарастающим дефицитом воды в мире. Электролиз требует от 9 кг воды на кг водорода. Если брать в расчёт процесс деминерализации (для электролиза подходит только дистиллированная вода) – от 18 до 24 кг воды на 1 кг произведенного топлива [17].

В России дефицита водных ресурсов нет, но технологические сложности, дороговизна предполагаемой конечной продукции в сравнении с той, что получается с использованием «серого водорода», пока не позволяют давать прогнозов, насколько гидроэнергетические мощности могут быть задействованы в получении «зелёного водорода».

В странах ЕС ситуация отлична от российской. Основным ограничителем наращивания объемов производства водорода является дефицит воды, усугубляю-

щийся из-за глобального потепления. В связи с этим российский академик Е. Гашо, анализируя европейский подход, настаивает, что принудительное замещение одного вида топлива другим, как проектируется в базовых климатических стратегиях ЕС, – тупиковый и дорогой путь. Отношение материальных затрат к объёму производства в этом случае будет значительно выше строительства новых электростанций аналогичной мощности [18].

Большинство технологий производства энергии из возобновляемых источников сталкиваются с проблемой неравномерности выработки электроэнергии. Гидроэнергетика производит энергию более стабильно, чем другие возобновляемые источники энергии, и добавление производства водорода может повысить гибкость, помогая сбалансировать ветровую и солнечную генерацию. Это особенно важно в часы пикового потребления электроэнергии. Кроме того, водород, произведённый с использованием избыточного электричества от ГЭС, можно легко превратить обратно в электричество, когда это необходимо. Этот вариант будет особенно полезен в часы пиковых нагрузок, когда электроэнергия от гидроэлектростанций может быть недоступна, что поможет удовлетворить спрос на энергию и снизить зависимость от невозобновляемой генерации. Такой подход со временем выравнивает энергоснабжение, снижая потребность в дополнительной выработке электроэнергии за пределами ГЭС.

Хотя создание водородной экономики в целом рассматривается как важный шаг на пути к всеобъемлющей декарбонизации, правительства, предприятия и исследователи до сих пор не уверены в том, станет ли водородная экономика действительно глобальной. Если географические и другие специфические для каждой страны факторы будут определять стоимость производства водорода, его доставка на большие расстояния может иметь смысл при условии сопоставимых стоимостей импорта и внутреннего производства. В этих условиях выбор наиболее подходящего перевозчика водорода будет чрезвычайно важен, поскольку он поможет сделать всю цепочку создания добавленной стоимости более экономичной и эффективной [19].

Важно, что водородная энергетика является наукоёмкой сферой. В России она будет способствовать комплексному развитию социально-политической системы. Это создание новых рабочих мест, научные изыскания, цифровизация, создание новых технологий, логистические решения, появление грузового и общественного транспорта на водороде и водородных топливных элементах, а также укрепление статуса Российской Федерации в качестве ведущей энергетической державы мира.

Литература

1. Global Hydrogen Review 2023. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/cb9d5903-0df2-4c6c-afa1-4012f9ed45d2/GlobalHydrogenReview2023.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).
2. A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TX/?uri=CELEX%3A52020DC0301> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Hydrogen scaling up. URL: https://hydrogencouncil.com/wp-content/uploads/2017/11/Hydrogen-Scaling-up_Hydrogen-Council_2017.compressed.pdf (дата обращения: 20.03.2024).
4. Классификация водорода по цвету. URL: [СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ](https://neftegaz.ru/tech-library/energoresursy-</div><div data-bbox=)

- toplivo/672526-klassifikatsiya-vodoroda-po-tsvetu/ (дата обращения: 20.03.2024).
5. Unleashing the power of hydrogen for the clean energy transition. URL: <https://blogs.worldbank.org/energy/unleashing-power-hydrogen-clean-energy-transition> (дата обращения: 20.03.2024).
 6. The clean hydrogen future has already begun. URL: <https://www.iea.org/commentaries/the-clean-hydrogen-future-has-already-begun> (дата обращения: 20.03.2024).
 7. Carbon Border Adjustment Mechanism. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en (дата обращения: 20.03.2024).
 8. Federal Funding And Financing For Hydrogen Energy Production And Use. URL: <https://www.nga.org/publications/federal-funding-and-financing-for-hydrogen-energy-production-and-use/> (дата обращения: 20.03.2024).
 9. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4lgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).
 10. Александр Новак провёл первое заседание межведомственной рабочей группы по развитию водородной энергетики. URL: <http://government.ru/news/43404/> (дата обращения: 20.03.2024).
 11. Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/5JFNs1CDAKqYKzZ0mnRADAw2Nqcvsexl.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).
 12. Белобородов С.С., Гашо Е.Г., Ненашев А.В. Возобновляемые источники энергии и водород в энергосистеме: проблемы и преимущества: монография. СПб.: Научно-технические технологии, 2021. URL: <https://www.c-o-k.ru/library/document/32150/115026.pdf?ysclid=lrjli22dbh585368404> (дата обращения: 20.03.2024).
 13. Стоит ли водород городить? URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4927078> (дата обращения: 20.03.2024).
 14. Водородная лихорадка: аналитический обзор. URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analic_article/Hydrogen_0.pdf?ysclid=ls2an7pewb905559083 (дата обращения: 20.03.2024).
 15. Россия запланировала зарабатывать на экспорте водорода до \$100 млрд в год. URL: <https://www.rbc.ru/business/15/04/2021/6075ff5b9a79472446f75b01> (дата обращения: 20.03.2024).
 16. ISA: Россия может стать лидером по производству «зеленого» водорода. URL: <https://ria.ru/20210426/vodorod-1729908834.html> (дата обращения: 20.03.2024).
 17. Hydrogen production in 2050: how much water will need? URL: <https://www.iwp.ru/about/news/viktor-danilov-danilyan-gosudarstvo-dolzno-sderzhivat-lyudey-gotovykh-prodavat-absolyutno-vse-radi-/?ysclid=ls3meuwsaf902230142> (дата обращения: 20.03.2024).
 18. Евгений Гашо: Будущее энергетики – в симбиотических решениях. URL: <https://vokrugjeka.ru/%D0%B5%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B3%D0%B0%D1%88%D0%BE-%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5-%D1%8D%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3-%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D0%B2/> (дата обращения: 20.03.2024).

19. Global trade of hydrogen: what is the best way to transfer hydrogen over long distances? URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2022/08/Global-trade-of-hydrogen-what-is-the-best-way-to-transfer-hydrogen-over-long-distances-ET16.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

PROBLEMS AND PROSPECTS OF CREATING A GLOBAL HYDROGEN MARKET: THE INTERNATIONAL POLITICAL CONTEXT

Sizov A.A.
MGIMO

The purpose of the article is to reveal the importance of creating a global hydrogen market in international politics. Research objectives: to characterize the problems and prospects of creating a global hydrogen market, their impact in international politics. The methodological basis of the research is an integrated approach synthesizing the achievements of political science, theory of international relations, geopolitics, geoeconomics, globalism, and synergetics. The increase in production and the expansion of the field of application of hydrogen contributes to the decarbonization of the global economy. The emerging global hydrogen market plays an important role in ensuring the energy security of the economic systems of a number of countries, including Russia. Despite the sanctions pressure from the West, our country has not withdrawn from global initiatives related to energy and the concept of sustainable development. The creation of a hydrogen economy in Russia covers the application and improvement of technologies for the production, storage and transportation of hydrogen, as well as technologies for CO₂ capture. The most important property of hydrogen energy is its knowledge intensity, which has a complex positive effect on the Russian socio-political system as a whole.

Keywords: global hydrogen market, energy transition, decarbonization, energy security, international politics, Russia, EU, China.

References

1. Global Hydrogen Review 2023. Available at: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/cb9d5903-0df2-4c6c-afa1-4012f9ed45d2/GlobalHydrogenReview2023.pdf> (Accessed March 20, 2024).
2. A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-3A52020DC0301> (Accessed March 20, 2024).
3. Hydrogen scaling up. Available at: https://hydrogencouncil.com/wp-content/uploads/2017/11/Hydrogen-Scaling-up_Hydrogen-Council_2017.compressed.pdf (Accessed March 20, 2024).
4. Classification of hydrogen by color. Available at: <https://neftegaz.ru/tech-library/energoresursy-toplivo/672526-klassifikatsiya-vodoroda-po-tsvetu/> (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
5. Unleashing the power of hydrogen for the clean energy transition. Available at: <https://blogs.worldbank.org/energy/unleashing-power-hydrogen-clean-energy-transition> (Accessed March 20, 2024).
6. The clean hydrogen future has already begun. Available at: <https://www.iea.org/commentaries/the-clean-hydrogen-future-has-already-begun> (Accessed March 20, 2024).
7. Carbon Border Adjustment Mechanism. Available at: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en (Accessed March 20, 2024).
8. Federal Funding And Financing For Hydrogen Energy Production And Use. Available at: <https://www.nga.org/publications/federal-funding-and-financing-for-hydrogen-energy-production-and-use/> (Accessed March 20, 2024).
9. Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035. Available at: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4lgsApssm6mZRb7wx.pdf> (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
10. Alexander Novak held the first meeting of the interdepartmental working group on the development of hydrogen energy. Available at: <http://government.ru/news/43404/> (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
11. The concept of hydrogen energy development in the Russian Federation. Available at: <http://static.government.ru/media/>

- files/5JFns1CDAKqYKzZ0mnRADAw2NqcVsexl.pdf (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
12. Beloborodov S.S., Gasho E.G., Nenashev A.V. Renewable energy sources and hydrogen in the energy system: problems and advantages: monograph. St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2021. Available at: <https://www.c-o-k.ru/library/document/32150/115026.pdf?ysclid=lrjli22dbh585368404> (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
 13. Is it worth building hydrogen. Available at: <https://www.kommer-sant.ru/doc/4927078> (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
 14. Hydrogen Fever: analytical review. Available at: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/Hydrogen_0.pdf?ysclid=ls2an7pewb905559083 (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
 15. Russia plans to earn up to \$100 billion a year from hydrogen exports Available at: <https://www.rbc.ru/business/15/04/2021/6075ff5b9a79472446f75b01> (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
 16. ISA: Россия может стать лидером по производству «зеленого» водорода. Available at: <https://ria.ru/20210426/vodorod-1729908834.html> (Accessed March 20, 2024).
 17. Hydrogen production in 2050: how much water will need? Available at: <https://www.iwp.ru/about/news/viktor-danilov-danilyan-gosudarstvo-dolzno-sderzhivat-lyudey-gotovykh-prodavat-absolyutno-vse-radi-/?ysclid=ls3meuwsaf902230142> (Accessed March 20, 2024).
 18. Evgeny Gasho: The future of energy lies in symbiotic solutions Available at: <https://vokrugjeka.ru/%D0%B5%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B3%D0%B0%D1%88%D0%BE-%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5-%D1%8D%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3-%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D0%B2/> (Accessed March 20, 2024) (in Russian).
 19. Global trade of hydrogen: what is the best way to transfer hydrogen over long distances? Available at: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2022/08/Global-trade-of-hydrogen-what-is-the-best-way-to-transfer-hydrogen-over-long-distances-ET16.pdf> (Accessed March 20, 2024).

Идеологические позиции американских партий в оптике концепции Карла Маннгейма

Гаспарян Симон Ашотович,

преподаватель кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России

E-mail: sagasparian@mail.ru

В статье предлагается попытка реконструировать отношение идеологических позиций основных американских партий и их фракций на основе модели диалектической взаимосвязи идеологий К. Маннгейма. Данная модель подразумевает, что идеологические картины мира возникают как пары противопоставляемых и одновременно дополняющих друг друга комплексов политических идей: идеологии и утопии, консерватизм и реформаторские концепции, концепции «разумной политики» и концепции «волевой». В рамках этой модели можно распознать положение основных политических сил в США по отношению друг к другу и, таким образом, указать на их главные движущие мотивы: сохранение существующей иерархии у умеренных республиканцев, усиление среднего класса через рационально обоснованные реформы у умеренных демократов, построение прогрессивной утопии у радикального крыла Демократической партии и «консервативная утопия», подразумевающая возврат в рейгановскую эпоху у «трампистов». Модель Маннгейма также позволяет достаточно точно определить группы, которые служат главной движущей силой данных течений: старые элиты для умеренных консерваторов, средний класс для либералов, интеллектуалы для социалистов, маргинализованные группы для праворадикальных течений.

Ключевые слова: радикализация, либерализм, консерватизм, идеология, утопия, Республиканская партия США, Демократическая партия США.

«Идеология» и «парламентаризм» плохо сочетаются друг с другом. В самом понятии «идеология» заложен смысл, фактически не совместимый с рациональной дискуссией, на которой, собственно, должно основываться парламентское правление. Если идеология – это цельное мировоззрение, охватывающее в том числе и политические процессы, то она заведомо исключает рациональное отношение к альтернативным точкам зрения: признание их обоснованности будет означать несостоятельность идеологии в целом и потребует отказа от нее. В принципе, в этом заключалась одна из главных причин, по которой К. Маркс и Ф. Энгельс, которые заложили основы современной теории идеологии, считали неизбежной насильственную политическую борьбу – разрешить противоречия между двумя классами, руководствующимися разными мировоззрениями, путем парламентских переговоров, невозможно [4].

С точки зрения марксистов, эта несовместимость происходит из фундаментального экономического конфликта: капитал может получить прибыль только из эксплуатации труда, чему сторона труда, естественно, пытается противодействовать. В случаях же обострения эксплуатации складывается ситуация, в которой идеология распознается все большим числом эксплуатируемых как «ложное сознание», которому они противопоставляют иное соперничающее мировоззрение, вызванное к жизни становящейся очевидной подчиненностью господствующей картины мира, которая ранее принималась как объективная, интересам одного класса в ущерб другому. Но, если правящему классу удается избежать обострения, идеология вполне способна сохранять безальтернативность и восприниматься как подлинная картина мира. Важный момент заключается в том, что появление в политическом обороте самого слова «идеология» уже указывает на конфликт – по сути, оно подразумевает обвинение во лжи, в продвижении ложной картины мира ради собственных интересов. И, в принципе, только при условии «неназванности» идеологии, при сохранении ее в качестве «самоочевидной» картины мира и возможна политическая дискуссия и взаимодействие парламентских партий.

Из этого логично следует, что переход к открытой «идеологической» борьбе в политике – симптом кризиса, при котором оппоненты убеждаются в невозможности совместного правления, и целью борьбы становится устранение друг друга из политического поля. С точки зрения марксистского видения, такое состояние складывается тогда, когда общество сталкивается с замедлением или прекращением экономического роста. Пока рост есть, он дает улучшение жизни всех классов общества, пусть и распределенное непропорционально. История же показывает, что источниками такого роста могут быть новые технологии или новые территории, колонии, позволяющие не усиливать эксплуатацию в пределах политической общности, с которой связан капитал. Однако этот эффект возможен только на ограниченном отрезке времени. Быстрое или медленное, но в конечном счете неизбежное сближение технологического уровня между странами-экспортерами и странами-импортерами тех-

нологической продукции или же – уровня благополучия между метрополией и колониями, сокращают прибыль капитала, и единственным способом сохранить его становится усиление эксплуатации труда в пределах собственных государственных границ. Причем существующая внутри капиталистического класса конкуренция быстро доводит эксплуатацию до предела, в результате чего возникает кризисная предреволюционная ситуация.

В период же экономического роста политическая борьба, напротив, смягчается, чему соответствует определенное единомыслие в политической общности: то, что в предреволюционной ситуации может быть осознано как идеология, на этом этапе воспринимается как самоочевидная картина мира. Попытки ставить ее под сомнение встречают глухое непонимание большинства, а настойчивость таких попыток ведет к маргинализации «разоблачителей». И, в принципе, только в такой ситуации и возможен парламент как институт, разрешающий некоторые противоречия. Достижение же пределов роста и усиление эксплуатации создает конфликтную ситуацию, в которой открытое выражение сомнений в обоснованности господствующего мировоззрения находит расширяющуюся общественную поддержку.

Примерно так можно охарактеризовать марксистскую точку зрения на последовательность событий, создающую условия для возникновения идеологического конфликта. Стороны в этом конфликте – эксплуататоры и эксплуатируемые, и, соответственно, в нем противопоставляются идеология и научное – марксистское – учение об обществе. Эта схема упрощает реальность, по крайней мере, по двум важным параметрам. Во-первых, из схемы исключаются другие классы, хотя Маркс, как известно, признавал их существование, в том числе профессиональных классов, интеллигенции, маргиналов и др. [3]. Во-вторых, принимается, что интересам класса, который составляет большинство, соответствует истинная картина мира, и ему нет нужды искажать ее таким образом, чтобы выдавать интересы привилегированного меньшинства за общие интересы. Проблема здесь заключалась в том, что в качестве представителя всего класса эксплуатируемых принимался класс промышленных рабочих – пролетариат, – а, в свою очередь, в качестве представителя пролетариата – выступавшие от его имени интеллектуалы, как сами Маркс и Энгельс. Правомерность такого обобщения, которое использовалось как главное основание объективности марксистского учения, естественно, вызывало сомнение.

Главной фигурой, позволившей осуществить переход классиков марксизма к современному более нюансированному представлению об идеологии, стал венгерский социолог Карл Маннгейм, четко определивший, что критика идеологии сама неизбежно является идеологией, и марксизм не может считаться исключением. Среди других новаций Маннгейма, во многом задавших направление изучению идеологии во второй половине XX в., по которому оно развивается и сегодня, классификация идеологических учений и связанных с ними групп.

Эта классификация выстроена диалектически: каждая следующая категория определяется по отношению к предыдущей путем противопоставления. Первый уровень классификации Маннгейма выделяет идеологии и утопии: идеологии укоренены в прошлом, в том, «как было всегда», утопии отталкиваются от будущего – некоторого идеального устройства, которого еще не было. Слабая сторона идеологий – в том, что они инертны. Им свойственно отставать от времени и сохранять связи с интересами, которые уже отыграны и не способны приводить общество в движение. И они либо препятствуют изменениям, изображая общество статичным и не-

изменным, либо акцентируют какие-то одни интересы и связанные с ними силы, при этом препятствуя выстраиванию связей с другими, более действенными в данный момент интересами.

Противопоставляемые идеологиям утопии, напротив, требуют преобразования общества в тех направлениях и в той степени, которые не могут состояться при существующей конфигурации интересов. Они либо преувеличивают динамику изменений – в них часто сильны эсхатологические мотивы и упор делается на необходимость немедленных преобразований для предотвращения катастрофы, – либо пытаются вывести на первый план интересы, которые не являются центральными для данной эпохи.

Таким образом, разница между идеологией и утопией – это разница между тем, что «уже не нужно», и тем, что «еще невозможно». И, как отмечает Маннгейм: «Утопичность идей всегда выявляют представители господствующего слоя, находящиеся в полном согласии с существующим порядком; идеологичность – представители поднимающегося слоя, отношения которых к существующему порядку полны напряжения, вызванного самим их положением в данном обществе» [1, с. 174].

Далее, в схеме Маннгейма противопоставляются учения традиционалистского и реформаторского толка. С одной стороны здесь расположены последовательные консерваторы, с другой – две группы радикалов: левые и правые. Идеология консерваторов – сохранение порядка, радикалов – немедленные преобразования.

Другая линия противопоставления – рациональность и воля. Консерватизм предполагает прекратить преобразования волевым путем – силой привязанности традиции. Либерализм же пытается снять их рациональным способом, выведя все противоречия в поле дискуссии и там их разрешив. Марксизм же требует рационального преобразования.

Каждый из этих подходов можно связать с определенными интересами. Интерес к прекращению преобразований, даже обоснованных рационально, наиболее силен у старых правящих классов. Стремление к политической легитимизации новых интересов при сохранении основ существующего общественного устройства характерно для буржуазии. Заинтересованность в рациональном преобразовании общества – для интеллектуалов, полагающих, что они должны стать главной движущей силой таких преобразований. А интерес к слову существующих общественных структур проявляется у групп, подвергшихся маргинализации: у обедневших буржуа, безработных, обездоленных ветеранов и пр. И в случае обострения социально-политической ситуации эти разделяющие интересы фактически выступают контурами, по которым начинает раскалываться политическое поле.

Для понимания методологии Маннгейма важно учитывать, что он находился одновременно под влиянием Маркса и его диалектического метода и Макса Вебера, тяготевшего к герменевтической традиции. В принципе, это сочетание уже дает смягчение буквальности диалектики, подразумевающей, что столкновение идей является прямым выражением столкновения общественных сил. Герменевтическая традиция признает за идеями способность играть роль движущей силы, но, конечно, не считает, что между ними и общественными процессами есть жесткая необходимая связь [2]. Один из ведущих современных специалистов по политическим идеологиям П. Брейнер считает, что главное методологическое значение «Идеологии и утопии» в том, что эта работа «оказывается не только обоснованием социологии знания как метода изучения отношений идей к обществу, но и как способа вскрыть отношение идеологии к поли-

тике и таким образом дать начало новому типу политической науки» [10, р. 42]. В современных исследованиях наиболее существенное развитие модели Маннгейма можно найти в «концептуальном» подходе Майкла Фридена, который сосредоточен на связях учений, образующих идеологическое поле, с более широким интеллектуальным полем и рассматривает исследование идеологий преимущественно как часть интеллектуальной истории а сами идеологии как возникающие в результате пересечения интеллектуальных и политических интересов [16].

Используя маннгеймовский подход следует иметь в виду, что он сам также соответствует определенной политической ориентации, а именно либеральной. В его схеме несложно увидеть способ выстроить идеологию либерального режима – с тем, чтобы в нее можно было включить все значимые политические позиции и свести их в некий устойчивый компромисс [19]. Несмотря на то, что в Германии межвоенного периода, на примере которой Маннгейм выстраивал свою теорию, либеральный режим не устоял, после войны его подход был воспринят в западных странах в качестве идеологической рамки парламентской демократии [11] – среди прочих, это было заметно и в США, и в послевоенной Германии. Ослабление внутренней политической борьбы в этих странах на фоне, с одной стороны, роста благополучия, а с другой – антикоммунистической консолидации, создавали благоприятный фон для восприятия маннгеймовского подхода, нацеленного на то, чтобы «снять» политические противоречия путем решения интеллектуального уравнения, а «остаточный» конфликт заключить в рамки двухпартийной системы.

Ясно, что нынешняя ситуация в западных демократиях складывается совершенно иначе: в частности, фактически в реальном времени можно наблюдать острый американский идеологический конфликт. Для политической науки это представляет уникальную возможность апробации теоретических моделей. Более того, интерес к идеологическому расколу в США понятным образом усиливается вследствие того влияния, которое события во внутренней американской политике оказывают на ситуацию в мире.

В то же время следует учитывать, что американская пресса не склонна интерпретировать политический процесс через призму идеологий. Причина заключается в том, что как американские публицисты, так и американские ученые, определенно склоняются в пользу вернувшейся к власти в 2020 г. Демократической партии. Оправдание эксцессам этого режима – попустительству правонарушений в ходе выступлений, организованных движением «Black lives matter» в 2019 г., репрессиям против демонстрантов-республиканцев в Капитолии в 2020 г., показательному преследованию бывших должностных лиц администрации Трампа, наконец, уголовному преследованию самого бывшего президента – американская интеллигенция видит в необходимости воспрепятствовать подъему «право-популистского» движения, которое и привело Трампа к победе на выборах в 2016 г.

Открыто называемая причина, по которой возвращается Трампа в Белый дом воспринимается интеллигенцией как нечто неприемлемое, – в ассоциации правого популизма с национализмом и расизмом. Возможно, эти обвинения нельзя отнести как совсем уж беспочвенные, но в прессе они подаются в явно преувеличенном виде. Явным же поводом же для агрессивных нападок на Трампа и его сторонников служит их явная вражда с медийным сообществом, которое в современной культуре представляет собой организованное ядро интеллигенции как особой социальной группы. Атаки, кото-

рые Трамп предпринимал против «глубинного государства», были восприняты медиа, исходно отличавшимися левым политическим уклоном, как серьезная угроза существующей политической системе, обеспечивающей медийным деятелям место на вершине социально-экономической пирамиды. И нет ничего удивительного, что они защищают эту структуру, отказываясь признавать противостояние с трампистами идеологическим: такое признание означало бы отказ от возможности транслировать свои сообщения с позиций объективности.

Противоположная сторона, напротив, прямо говорит об идеологическом характере конфликта, но при этом приписывает идеологический характер позиции оппонентов, которых характеризует в качестве «марксистских идеологов», как это, в частности, делает популярный комментатор Марк Левин [18]. За собой же оппозиция оставляет право выступать, опираясь на «здоровый смысл» – именно в таком духе была выдержана популярнейшая на американском телевидении передача «Та-кер Карлсон сегодня вечером», закрытая в марте 2023, и в целом такая риторическая стратегия характерна для оппозиционных по отношению к администрации Байдена медиа.

Политический конфликт в США в оптике Маннгейма

Как отмечает Г. Талшир, за вторую половину XX века конец идеологии в США провозглашался трижды [22]. При этом символично, что все эти моменты совпадали с очередными изданиями книги Дэниела Белла «Конец идеологии», впервые вышедшей в 1960 г. Ее центральной темой был уход в прошлое американского классового общества, который сопровождался исчезновением интереса к идеологиям, господствовавшим в интеллектуальном поле в первой половине XX века [6]. Второе издание книги Белла состоялось в период, когда популярными стали заявления о «конце политики», под которым подразумевалось смещение акцентов от массовых политических движений к решению частных, преимущественно технических управленческих вопросов [7]. И, наконец третье издание вышло в 2000 г., когда на слуху все еще был «конец истории», под которым понималось оптимальное общественное устройство – либеральная демократия в политике и рыночная экономика, – достигнутое американским обществом [8]. Все три момента попадали на периоды благоприятной для США экономической ситуации и общего оптимизма среди американцев. Разделяют же эти моменты промежутки времени, на которые пришлись основные кризисные явления американской истории этого периода – в 1960-е это были движение за гражданские права и Вьетнамская война, в 1970-е – стагфляция и профсоюзный протест. И, что характерно, в эти кризисные периоды на первый план выходили осознанно идеологические движения – неомарксисты в 1960-е и неоконсерваторы в конце 1970-х.

Характерно, что к началу XXI в. две главные американские партии позиционировались как наследники движений этих эпох: демократы – движения за гражданские права, республиканцы – рейгановского консерватизма. Но при этом политическая борьба в 1990-х гг., которые у американцев ассоциируются с президентством Билла Клинтона, пусть местами и становилась накаленной, по сути, не была идеологическим конфликтом. С экономической точки зрения программы двух американских партий этого периода, не содержат кардинальных различий [17]. Обе они воспринимают в качестве своей главной опоры средний класс, а конфликты затрагивают ли-

бо частные вопросы, на которых сталкиваются усилия лоббистов и профессиональных политиков, – в частности, аборт, оборот оружия, медицинское страхование и т.п. – либо представляют собой борьбу вокруг конкретных персоналий и должностей, как это было в случае с попыткой вынести импичмент Клинтону в 1998 г.

Собственно, против такого рода политики и была направлена кампания Джорджа Буша мл., в которой сильно выделялся религиозный мотив. И ее уже можно охарактеризовать как идеологическую: под ожидаемые гражданами меры в области образования, медицины, социального обеспечения подводилась ценностная база – в основе реформ должен был лежать «сочувствующий консерватизм» [14].

Идеологическая составляющая политики бушевской администрации резко усилилась после террористического акта 11 сентября 2001 г. Появление у американской цивилизации открытого врага в лице фундаментальных исламистов способствовало осознанию и выдвиганию на первый план ценностных основ американской культуры – индивидуализма и личностных свобод, с одной стороны, христианских добродетелей, с другой. Именно такое сочетание понималось как отличительная особенность американской цивилизации движением неоконсерваторов, приобретшего влияние еще в рейгановскую эпоху, а при Буше младшем фактически захватившем контроль над американской внешней политикой. Это движение, видимо, сознательно занимало консервативную позицию в том смысле, в котором характеризовал ее Маннгейм: по сути, оно защищало проверенную временем социальную структуру американского общества, во главе которого стояла англо-саксонская протестантская элита, и позиционировала традиционные убеждения этой элиты как послужившие главной причиной успеха этого общественного устройства.

В течение первого президентского срока Буша мл. коллективное внимание было сосредоточено на внешней политике – борьба против терроризма и военные кампании в Афганистане и Ираке доминировали в новостной повестке. Однако к концу срока идеологический конфликт снова дал о себе знать. Джон Керри, выступивший конкурентом Буша на выборах 2004 г., выдвинул программу, которая в дальнейшем стала определяющей для Демократической партии. Керри выступал за расширение иммиграции и за предоставление иммигрантам дополнительных прав, за рост социальных программ, в том числе медицины и образования, за права меньшинств, включая не только их защиту, но и «активные» меры и за отказ от односторонней внешней политики в пользу опоры на международные институты [14]. Реализация этой программы подразумевала создание мультикультурного общества, основанного на равенстве и справедливости – утопия, в маннгеймовском смысле, которая подспудно противопоставлялась консервативной идеологии старой американской элиты.

То, что политический конфликт действительно следует маннгеймовской схеме «утопия» против «идеологии», стало особенно очевидно в период второго срока Буша. На этом этапе сложилось целое движение, охватившее культуру, науку, общественные организации и направленное против консерватизма, который олицетворял действующий президент. Фактически это было движение против культуры, воплощавшей ценности все той же доминирующей в обществе англо-саксонской протестантской группы. Смысл движения заключался в том, что настала пора прервать доминирование этой группы, на смену которому должно прийти общество «разнообразия» – расового, религиозного и т.д. [22].

Собственно, это движение и привело Барака Обаму к победе на выборах. И хотя политика Обамы и в ходе избирательной кампании, и в первые годы его администрации характеризуется как центристская, в США поднимается реакционная волна, символом которой становится «Партия чаепития» (названное так в честь «Бостонского чаепития»). Это определенно консервативное по своему содержанию движение было радикальным по характеру: его последователи требовали незамедлительных преобразований, нацеленных на восстановление прежней «настоящей» Америки, ассоциировавшейся с эпохой Рейгана, которая играла для этого движения роль «золотого века». Наиболее известным выразителем идей этого движения стал комментатор телеканала «Fox News» Глен Бек, упиривший в своих эмоциональных выступлениях на пагубность падения нравов и на необходимость срочно вернуться к христианским общественным устоям.

Консервативное движение существенно осложнило работу администрации Обамы, и в ответ на это ее политика также начала смещаться в сторону радикализма. Конфликт достиг апогея после выборов 2010 г., по итогам которых большинство в Конгрессе отошло республиканцам, в том числе тем, кто избрался при прямой поддержке «Партии чаепития». И это новое большинство занялось прямым противодействием политике президента. В свою очередь, его сторонники восприняли эту тактику как исходящую от привилегированного белого большинства, которое, осознав, что теряет власть в демографически меняющейся Америке, чинит препятствия построению нового «многоцветного» и «мультикультурного» общества – именно эту интерпретацию активно поддержало большинство американских медиа [24].

Тем не менее, противостояние ослабило позиции Обамы, скованного в своих действиях враждебно настроенным Конгрессом и теряющего в борьбе с ним рейтинговые очки, и, по многим оценкам, он рисковал проиграть выборы 2012 г. Однако победа над республиканским кандидатом Миттом Ромни ободрила демократов, убедив их в том, что, несмотря на противодействие оппозиции, их политика соответствует «духу времени». И во второй администрации Обамы радикалы приобретают более заметную роль, в том числе активизировав «политику идентичностей», в рамках которой и сам президент, во время первого срока позиционировавший себя как центрист, цвет кожи которого никак не влияет на его взгляды, «вспоминает» о своих корнях и начинает работать в том числе и на свой имидж представителя «черной» Америки, склоняющегося к левым политическим представлениям [12].

Центральное место в этой политике занимает проблема «equity» – термин, используемый, чтобы подчеркнуть недостаточность политики «равенства» («equality») [25]. Здесь утверждается, что «равенства», понимаемого как прекращение явных дискриминационных мер против афроамериканцев и других угнетенных групп, недостаточно для восстановления «справедливости». Несправедливо ожидать от тех, кого отделяет пять-шесть поколений от рабства и одно-два – от сегрегации, готовности конкурировать на равных с теми, чьи предки на протяжении всего этого времени и пользовались плодами этой эксплуатации. Более того, современная ситуация лишь внешне следует принципу равенства, скрывая под этой витриной «системный расизм»: практически все общественные институты, номинально соблюдающие равенство, выстраивают свою политику на основе предубеждений – полиция уделяет гораздо больше внимания районам, где преобладают афроамериканцы, отбор на престижные должности идет по критериям, по ко-

торым они устойчиво уступают белым и т.д. и т.п. [15]. Переломить эту ситуацию можно только активно вмешиваясь во все процессы и существенно увеличив объем средств, выделяемых на преодоление «системного расизма» – в таком расширении государственного участия и государственных расходов проявлялся социалистический аспект проекта мультикультурного общества.

На выборах 2016 г. радикалов представлял открыто называющий себя социалистом Берни Сандерс, однако в борьбе за место кандидата от Демократической партии его обошла Хилари Клинтон, использовавшая против своего конкурента весь арсенал политических приемов, что было воспринято радикалами с раздражением. Характерно, что внутри Республиканской партии также возник конфликт между центристами и радикалами, и, в отличие от демократов, партийный аппарат республиканцев не смог справиться с радикальным крылом. Именно благодаря поддержке таких радикалов, как Стив Бэннон – редактор самого популярного на тот момент «консервативного» новостного сайта «Breitbart», резко критиковавшего республиканцев-центристов, – состоялось выдвижение Дональда Трампа. И главный аргумент, который Трамп со свойственной ему эмоциональностью смог донести до избирателей, заключался в том, что ключ к экономическому благополучию лежит в преодолении искусственных «идеологических» препон, создаваемых истеблишментом, и чтобы запустить рост, нужно просто вернуться к простым и понятным принципам рейгановской эпохи.

Другой характерной чертой выборной кампании Трампа было заметное предубеждение против интеллектуалов. В целом, это типичная черта республиканцев, которая объясняется общей склонностью американской интеллигенции к левым взглядам. Об этой тенденции в 1970-е гг. писал еще Т. Парсонс [21]: масштабные преобразования, на которые всегда нацелены политики социалистического толка, обещают интеллектуалам гораздо более привлекательные перспективы участия в управлении, чем те, которые могут предложить консерваторы, которые, если и выступают за преобразования, то как правило такие, которые должны сократить роль правительства. Маннгейм обозначал эту линию раздела как противопоставление рациональности и воли. Исходная позиция марксистского движения – способность человека рационально разрешить противоречия социально-экономического развития. Рациональность роднит марксизм с либерализмом, но принципиальное различие между ними в том, что либерализм выступает за рациональный подход к проблемам как таковой, сохраняя меру неопределенности в отношении путей развития – выбор между ними должен определяться в ходе рациональной дискуссии, – в то время как марксизм считает дискуссию завершенной, а оптимальный путь развития – известным. Консерватизм же, хотя и может принимать либеральный парламентаризм – американский консерватизм, в частности, выступает против любых реформ конституционного устройства США – исходит из примата иррациональных начал в политике – веры, привязанностей и силы привычки. И поскольку прогрессивное реформирование претит этим началам, оно должно быть остановлено. Как высказывался на этот счет один из главных идейных вдохновителей консервативного движения Уильям Бакли, роль этого движения в том, чтобы «встать поперек истории, восклицая: «Остановись!»» [26, р. 5].

Победа Трампа обострила конфликт до такой степени, что некоторые комментаторы стали характеризовать его как «холодная гражданская война» [13]. И интеллигенция консолидированно выступила на стороне теперь

уже демократической оппозиции. Этому сплочению содействовало образование более ригидной и однозначной идеологии левого политического фланга, причем именно в том ключе, в котором писал об идеологической консолидации Маннгейм: «Мы со все большей ясностью видим, что смысловые значимости... выполняют определенную социально-психологическую функцию, а именно фиксируют определенным образом внимание людей, намеревающихся сообщать что-либо совершить, исходят из «определенной дефиниции ситуации»» [1, с. 24]. В медийном дискурсе образ Трампа занимал все больше места и приобретал все более однозначно отрицательный характер, что определенно указывало на необходимость консолидации «демократических» сил и активной борьбы против него как против буквального «зла».

Соответственно, «рациональное» мировоззрение, направленное против Трампа и его сторонников, делалось все более ригидным. Показательными в этом смысле были призывы «верить науке», беспрестанно повторяемый в медиа во время пандемии ковид-19. Консервативные комментаторы, критиковавшие антипандемийную политику, которая проводилась в штатах под управлением Демократической партии, точно указывали, что «наука» и «вера», строго говоря, не совместимы: наука предполагает скептицизм в отношении всех утверждений и требует их беспрестанного уточнения. Утверждать же, что мы «верим в науку», подразумевает подмену собственно науки идеологией [27].

Это был характерный момент, так как интеллигенция, выступавшая на стороне Демократической партии, всячески подчеркивая свою приверженность научной рациональности, на самом деле продвигала мировоззрение, которое имело утопический характер и которое опиралось на целый ряд догматов, прямо противоречащих современным научным знаниям. В частности, представление о пластичности человеческой природы, на котором основывается вся программа преобразования общества, явно расходилось с тем, что на этот счет известно современной науке [5].

По итогу скандальных выборов 2020 г. президентский пост вновь перешел к Демократической партии, но в результате американский политикум оказался расколот, при этом достаточно точно следуя контурам, которые обозначил в своей модели Маннгейм. «Старожилы» парламентских партий все так же представляют либеральную и консервативную позицию: либерализм демократов проявляется в том, что они считают нужными реформы, которые позволили бы сохранить и, возможно, усовершенствовать конституционное устройство; консерватизм республиканцев – в утверждении существующей системы как оптимальной и, соответственно, неприкосновенной. Между этими двумя позициями вполне возможен диалог, однако за последние годы внутри обеих партий значительно усилились позиции радикалов, причем если демократы в значительной мере интегрировали их в партийные структуры, конфликт республиканцев со своими «крайними», консолидированными вокруг фигуры Трампа, продолжается. Эта проблема со всей отчетливостью проявилась в 2023 г. в ходе череды кризисов вокруг избрания спикера Палаты представителей, вызванной именно внутрипартийными конфликтами.

Обе разновидности радикализма, и демократов, и республиканцев, в целом укладываются в маннгеймовское описание право- и леворадикальных течений. По сути, речь идет о реформаторских традиционалистских движениях волевого толка, с одной стороны, и реформаторских утопических движениях рационалистского толка, с другой. Первые – это, условно говоря, трамписты, которых, с оговорками, но можно обозначить как национа-

листов – собственно сам Трамп, открыто себя таковым называл [28] – или же как популистов, – это название предпочитает Бэннон, который подчеркивает, что так обозначаются те, кто исполняют волю «populi» – народа. Главная идеологема этой группы – возвращение в реигановский «золотой век» – именно это подразумевается под самым известным трамповским лозунгом «Сделаем Америку снова великой».

Однако ориентации на «народ» часто сопутствует предубеждение к интеллигенции, которая в этом случае понимается как от народа оторванная. В американском случае популисты считают ее попавшей под влияние утопии марксистского толка, которая, по их мнению, выступает конечной целью продвигаемых интеллектуалами реформ.

Рационалистским проектам левых правые противопоставляют самоочевидные, на их взгляд, ценности: самодостаточность против патернализма, семья против «гендерного разнообразия», честное вознаграждение против «позитивной дискриминации» и т.д. Помимо апелляции к здравому смыслу в их пользу также работает часто оказывающаяся безосновательной претензия левых на то, что они следуют в своих построениях проверенным научным знаниям – это касается и полигендерности, и климатических изменений, и в том числе противопандемийных мер 2020–2021 гг., оказавшихся далеко не столь строго обоснованными, как это пытались показать их сторонники [9; 20].

Соответственно, социальная база правой идеологии – это пострадавшие от разрушения американского производственного сектора – те, чей уровень жизни упал вследствие «экспорта» производства, «импорта» труда и аналогичных процессов.

В свою очередь, американских левых радикалов можно условно охарактеризовать как социалистов. Их проект – это построение общества справедливости и разнообразия, обеспеченного государственными программами, что позволит высвободить творческую энергию, подавленную при современном капитализме. В практическом плане этот проект подразумевает активное участие правительства в перераспределении благ, основанием для которого выступает очевидное общественное неравенство. Сопrotивление правых подобным программам они склонны интерпретировать как выражение желания оставаться в преимущественном положении. По отношению к обедневшим гражданам европейского происхождения эта интерпретация приобретает характер обвинения в скрытом расизме: по мнению левых радикалов, эти граждане на самом деле борются за сохранение последнего оставшегося у них преимущества – расового.

Такая позиция определено преобладает во взглядах интеллигенции, состав которой значительно вырос и омолодился за последние годы вследствие расширения высшего образования. Но подлинно массовая поддержка обеспечивается за счет различных этнических групп – в первую очередь, афроамериканцев и латиноамериканцев, – объединенных идей о несправедливом общественном устройстве США.

Заключение

В целом, удивительно, насколько точно модель дифференциации идеологий, описанная Маннгеймом почти сто лет тому назад, соответствует разветвлению политических позиций в современных США. И здесь стоит вспомнить, что эта модель была составлена на материале Германии 1920–1930-х гг., которой, как известно, не удалось сохранить демократическое устройство. Маннгейм не писал свою работу как прогноз относительно этой конкретной ситуации – ее главный смысл был в том, чтобы

сформировать схему, способную служить основой для балансировки интересов разных групп и тем самым оказать помощь тем, кто нацелен на придание устойчивости демократии. По-видимому, он считал, что описываемая им структура укоренена в человеческом обществе, является своего рода инвариантом. Претензия на такой уровень его понимания выражена в открывающей книгу строке: «Задача данной книги показать, как люди действительно мыслят» [1, с. 7].

Но одновременно нужно принимать во внимание, что концепция Маннгейма прямо преемствует теории идеологии Маркса и Энгельса. Соответственно, возникает проблема: может ли охват всего идеологического поля в маннгеймовской модели предотвратить неизбежный с точки зрения Маркса приход диктатуры – революционной или реакционной? Можно заметить, что опыт США, который, как мы постарались показать, соответствует модели Маннгейма, пока дает аргументы в пользу положительного ответа на этот вопрос. Несмотря на политическое обострение, сопровождающееся принятием мер, которые, что называется, «испытывают» пределы демократического правления, политической силы, которая реально могла бы осуществить пересмотр конституционного устройства страны, на американском политическом горизонте в настоящее время не просматривается.

Но одновременно есть моменты, которые делают реализацию марксистского сценария все более правдоподобной. Главный среди них – это ухудшение экономического положения: внешний долг и инфляция растут, а мировой оборот американской валюты сокращается. Переломить эти угрожающие финансовым крахом тенденции с помощью технологического рывка не удается – каждая новая «революция», будь то «нанотехнологии», «зеленая энергетика» или «новый индустриальный уклад», приводит к биржевому буму, неизменно сменяющемуся падением. В свою очередь, попытки решить свои экономические проблемы путем военно-политической экспансии сталкиваются с активным противодействием других мировых держав. Невозможность же вырваться из воронки сокращающихся экономических возможностей превращает американскую политику в процесс балансирования на грани обвала. Следует признать, что пока американский истеблишмент с этой задачей справляется, и, видимо, большая его часть сохраняет приверженность идее демократического правления на основе рациональных компромиссов. Однако в случае нарастания неблагоприятных экономических тенденций и сопутствующего политического обострения, сохранение существующей системы потребует незаурядных усилий.

Литература

1. Манхейм К. Идеология и утопия. В кн.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–276.
2. Манхейм К. Эссе о социологии культуры. В кн.: Манхейм К. Избранное. Социология культуры. – М.: Университетская книга, 2000. – С. 7–233.
3. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – М.: АСТ, 2021. – 224 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: URSS, 2022. – 615 с.
5. Пинкер С. Чистый лист. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 608 с.
6. Bell D. The End of Ideology. – New York: Free Press, 1960. – 416 p.
7. Bell D. The End of Ideology. With a New Afterword by the Author. – Cambridge: Harvard University Press, 1988. – 501 p.

8. Bell D. *The End of Ideology. With a New Essay by the Author: 'The Resumption of History in the New Century'*. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – 540 p.
9. Berenson A. *Pandemia: How Coronavirus Hysteria Took Over Our Government, Rights, and Lives*. – Washington D.C.: Regnery, 2021.
10. Breiner P. *Karl Mannheim and Political Ideology*. In: *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 38–55.
11. Breiner P. *Karl Mannheim and the Realism Debate in Political Theory*. In: Kettler D., Meja V. (eds.) *The Anthem Companion to Karl Mannheim*. – London: Anthem Press, 2018. – P. 51–72.
12. Clegg C. *The Black President*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2021. – 672 p.
13. Codevilla A. *The Cold Civil War // Claremont Review of Books*. 2017. No. 2. P. 24–27.
14. Crotty W. (ed.) *A Defining Moment: The Presidential Election of 2004*. – New York: Routledge, 2005. – 280 p.
15. Feagin J. *Systemic Racism. A Theory of Oppression*. – New York: Routledge, 2006. – 386 p.
16. Freeden M. *Ideology Studies: New Advances and Interpretations*. – New York: Routledge, 2022. – 208 p.
17. Gerstle G. *The Rise and Fall of the Neoliberal Order*. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 432 p.
18. Levin M. *American Marxism*. – New York: Threshold Editions, 2021. – 262 p.
19. Mannheim K. *Freedom, Power and Democratic Planning*. – New York: Routledge, 1951. – 384 p.
20. McSwane D. *Pandemic Inc*. – New York: One Signal Publishers, 2022. – 336 p.
21. Parsons T., Platt G. *The American University*. – Cambridge: Harvard University Press, 1973. – 463 p.
22. Schier S. *Panorama of a Presidency: How George W. Bush Acquired and Spent His Political Capital*. – New York: Routledge, 2015. – 208 p.
23. Talshir G. *The Phoenix of Ideology*. In: Talshir G., Humphrey M., Freeden M. (eds.) *Taking Ideology Seriously*. – New York: Routledge, 2006. – P. 14–35.
24. White J. *Caught between Hope and History: Obama, Public Opinion and the 2010 Election*. In: Schier S. (ed.) *Transforming America: Barack Obama in the White House*. – Lanham: Rowan and Littlefield Publishers Inc., 2011. – P. 77–102.
25. Young H. *Equity: In Theory and Practice*. – Princeton: Princeton University Press, 1994.
26. *Publisher's Statement*. *National Review* November 19, 1955. P. 5.
27. Chait J. *The Surprisingly Contrarian Case Against Lying About Science*. – URL: <https://nymag.com/intelligencer/2023/02/lab-leak-hypothesis-lying-about-science-is-bad-for-liberals.html> (дата обращения: 01.10.2024).
28. Holms J. *President Trump Just Called Himself a 'Nationalist.' Here's What That Means-and Why It's So Dangerous*. – URL: <https://www.esquire.com/news-politics/a24103912/donald-trump-nationalist-george-orwell/> (дата обращения: 01.10.2024).

IDEOLOGICAL POSITIONS OF AMERICAN POLITICAL PARTIES THROUGH THE OPTICS OF KARL MANNHEIM'S THEORY

Gasparian S.A.
MGIMO University

The article attempts to reconstruct the relationship between the ideological positions of the main American parties and their factions on the basis of K. Mannheim's model of the dialectical relationship of ideologies. This model implies that ideological images of the world emerge as pairs of opposing and simultaneously complementary complexes of political ideas: ideologies and utopias, conservatism

and reformist concepts, the concept of 'politics of reason' and the concept of 'politics of the will'. Within the framework of this model, it is possible to identify the position of the main political forces in the United States in relation to each other and thus to point out their main driving motives: the preservation of the existing hierarchy for the moderate Republicans, the strengthening of the middle class through rationally justified reforms for the moderate Democrats, the construction of a progressive utopia for the radical wing of the Democratic Party, and a 'conservative utopia' implying a return to the Reagan era for the "Trumpists". Mannheim's model also allows us to identify quite precisely the groups that serve as the main driving force behind these currents: old elites for moderate conservatives, the middle class for liberals, intellectuals for socialists, and marginalized groups for right-wing radical currents.

Keywords: radicalization, liberalism, conservatism, ideology, utopia, Democratic Party of the U.S., Republican Party of the U.S.

References

1. Mannheim K. *Ideology and Utopia*. In: Mannheim K. *Diagnosis of Our Time*. – Moscow: Jurist, 1994. – Pp. 7–276.
2. Mannheim K. *Essay on the Sociology of Culture*. In: Mannheim K. *Selected Works. Sociology of Culture*. – Moscow: University Book, 2000. – Pp. 7–233.
3. Marx K. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*. – Moscow: AST, 2021. – 224 p.
4. Marx K., Engels F. *The German Ideology*. – Moscow: URSS, 2022. – 615 p.
5. Pinker S. *Blank Slate*. – M.: Alpina non-fiction, 2021. – 608 p.
6. Bell D. *The End of Ideology*. – New York: Free Press, 1960. – 416 p.
7. Bell D. *The End of Ideology. With a New Afterword by the Author*. – Cambridge: Harvard University Press, 1988. – 501 p.
8. Bell D. *The End of Ideology. With a New Essay by the Author: 'The Resumption of History in the New Century'*. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – 540 p.
9. Berenson A. *Pandemia: How Coronavirus Hysteria Took Over Our Government, Rights, and Lives*. – Washington D.C.: Regnery, 2021.
10. Breiner P. *Karl Mannheim and Political Ideology*. In: *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 38–55.
11. Breiner P. *Karl Mannheim and the Realism Debate in Political Theory*. In: Kettler D., Meja V. (eds.) *The Anthem Companion to Karl Mannheim*. – London: Anthem Press, 2018. – P. 51–72.
12. Clegg C. *The Black President*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2021. – 672 p.
13. Codevilla A. *The Cold Civil War // Claremont Review of Books*. 2017. No. 2. P. 24–27.
14. Crotty W. (ed.) *A Defining Moment: The Presidential Election of 2004*. – New York: Routledge, 2005. – 280 p.
15. Feagin J. *Systemic Racism. A Theory of Oppression*. – New York: Routledge, 2006. – 386 p.
16. Freeden M. *Ideology Studies: New Advances and Interpretations*. – New York: Routledge, 2022. – 208 p.
17. Gerstle G. *The Rise and Fall of the Neoliberal Order*. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 432 p.
18. Levin M. *American Marxism*. – New York: Threshold Editions, 2021. – 262 p.
19. Mannheim K. *Freedom, Power and Democratic Planning*. – New York: Routledge, 1951. – 384 p.
20. McSwane D. *Pandemic Inc*. – New York: One Signal Publishers, 2022. – 336 p.
21. Parsons T., Platt G. *The American University*. – Cambridge: Harvard University Press, 1973. – 463 p.
22. Schier S. *Panorama of a Presidency: How George W. Bush Acquired and Spent His Political Capital*. – New York: Routledge, 2015. – 208 p.
23. Talshir G. *The Phoenix of Ideology*. In: Talshir G., Humphrey M., Freeden M. (eds.) *Taking Ideology Seriously*. – New York: Routledge, 2006. – P. 14–35.
24. White J. *Caught between Hope and History: Obama, Public Opinion and the 2010 Election*. In: Schier S. (ed.) *Transforming America: Barack Obama in the White House*. – Lanham: Rowan and Littlefield Publishers Inc., 2011. – P. 77–102.
25. Young H. *Equity: In Theory and Practice*. – Princeton: Princeton University Press, 1994.

26. Publisher's Statement. National Review November 19, 1955. P. 5.
27. Chait J. The Surprisingly Contrarian Case Against Lying About Science. – URL: <https://nymag.com/intelligencer/2023/02/lab-leak-hypothesis-lying-about-science-is-bad-for-liberals.html> (access date: 10/01/2024).
28. Holms J. President Trump Just Called Himself a 'Nationalist.' Here's What That Means-and Why It's So Dangerous. – URL: <https://www.esquire.com/news-politics/a24103912/donald-trump-nationalist-george-orwell/> (accessed: 01.10.2024).

Эволюция политики Китая в Антарктике в контексте трансформации политико-экономических интересов

Грибанова Галина Исааковна,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: G.Gribanova@yandex.ru

За последние годы Китайская Народная Республика осуществила значительные инвестиции в Антарктику и стала активным участником процесса управления этим регионом. В статье дается анализ становления и развития антарктической политики Китая, раскрывается ее детерминированность геополитическими и геоэкономическими интересами страны. Особое внимание уделено перспективам многоаспектного сотрудничества КНР и РФ в Антарктике в ситуации, когда этот регион становится все в большей степени вовлеченным в геополитические процессы, происходящие в современном мире. Дается оценка антарктического потенциала обеих стран, перспектив совместных научных исследований и логистической поддержки, а также объединения усилий в защите своих национальных интересов с учетом возможного изменения правового статуса региона. По результатам проведенного исследования делается вывод о необходимости не только укрепления взаимовыгодного российско-китайского взаимодействия, но и его сопряженности с полярным сотрудничеством стран БРИКС+.

Ключевые слова: Антарктика, Китай, Россия, геополитика, национальные интересы, сотрудничество, БРИКС+.

Введение

Исходя из базового принципа современной внешней политики КНР, заключающегося в необходимости присутствия страны во всех регионах земного шара, Китай в последние годы резко активизировал свою деятельность в антарктическом регионе, превратившись в одного из ведущих полярных игроков, демонстрирующих свою заинтересованность в широком круге областей – от науки, ресурсов (например, рыболовства или биоразведки) до туризма и судоходства. Китай осуществляет значительные инвестиции в Антарктику и является активным участником управления данным регионом. Деятельность Китая в Антарктиде направлена на то, чтобы гарантировать защиту прав и интересов страны в будущем.

Официальная политическая позиция Китая в отношении Антарктиды все еще не до конца сформирована. Однако первый шаг в этом направлении был сделан в 2017 году, когда Китай опубликовал белую книгу о своей деятельности в Антарктике, в которой не только изложены его стратегия и повестка дня, но и даны обещания увеличить инвестиции в антарктические исследования и обеспечить защиту системы Договора об Антарктике (ДАО) [7]. Как и в случае с Арктикой, Пекин не имеет официальных территориальных притязаний на этот регион, но на протяжении многих лет постепенно расширяет свое региональное присутствие и операции. Интересно в этой связи отметить различия в оценке иностранными экспертами антарктической политики Китая: одни видят в ней одно из доказательств «китайской угрозы» в контексте глобального подъема Китая, другие же комментаторы утверждают, что действия, заявления и планы Китая в значительной степени согласуются с направленностью научных исследований других игроков в регионе [12].

Основные этапы антарктической политики Китая

Несмотря на то, что Китайская Народная Республика рано начала проявлять интерес к белому континенту, войти в первую группу стран, подписавших Договор об Антарктике (ДАО) в 1959 году, ей не удалось по целому ряду политических и экономических причин. И ключевую роль в этом сыграли США, которые в 1958 году наложили вето на присоединение Китая к соглашению по ДАО, точно так же, как ранее Вашингтон настоял на том, чтобы Китай был исключен из участников Международного геофизического года (МГГ), который положил начало антарктическим программам многих стран. Главным аргументом американской стороны был фактический отказ КНР от участия в научных проектах в Антарктике. Однако дело было в том, что китайские ученые стремились участвовать в работе МГГ, но Пекин потребовал от оргкомитета гарантий того, что его политический соперник – Китайская Республика (Тайвань) – не будет принят в качестве участника. Поскольку согласия получено не было, то китайские власти отказались от участия.

В 1966 году было создано Государственное управление океанических исследований Китая, которому было поручено приступить к работе в Антарктиде «в надле-

жащее время». Однако внутренние потрясения в Китае в 1966–1976 годах привели к тому, что «подходящее время» наступило гораздо позже, чем первоначально предполагалось. Конец 1970-х годов ознаменовался кардинальными изменениями во внешней политике КНР после того, как руководство страны взяло курс на «реформы и открытость». Соответственно, новый этап в отношении китайской политики в Антарктике знаменовался курсом на сотрудничество с другими государствами. В связи с этим в 1978 году Пекин обсудил возможность проведения совместных исследований с рядом других стран в области рыболовства, океанографии и геологических изысканий в регионе. В течение лета 1979–80 годов двое китайских ученых присоединились к Австралийской антарктической исследовательской экспедиции. В тот же период Китай обратился за советом к Новой Зеландии по поводу создания базы в Антарктике.

В 1981 году Китай учредил Национальный комитет антарктической экспедиции для координации антарктических исследований по всей стране и содействия сотрудничеству с другими странами. В 1983 году Китай присоединился к системе ДАО, в 1985 году стал консультативной стороной договора (что означает возможность участия в принятии решений), а в 1986 году вступил в Научный комитет по антарктическим исследованиям (SCAR). Присоединение КНР к Договору об Антарктике было выгодно не только Пекину, но и странам – участникам договора, поскольку это помешало Китаю поддерживать движение против договора, возглавлявшееся Малайзией.

На следующем этапе (1985–1989 гг.) КНР занялась уже разработкой собственной антарктической программы, организацией экспедиций и созданием баз на территории белого континента. Первая китайская база Чанчэн (станция «Великая китайская стена») была создана на острове Кинг-Джордж в Западной Антарктиде, поскольку на тот момент у Китая еще не было возможностей для строительства непосредственно на антарктическом континенте. Вторая китайская база, Чжуншань, названная в честь основателя современного Китая Сунь Ят-сена, начала функционировать в 1989 году в восточном секторе холмов Ларсмана, недалеко от российской базы «Прогресс II». По словам высокопоставленного китайского чиновника по вопросам Антарктики, после того, как Китай создал эту континентальную базу, «он получил право стать страной, ведущей переговоры по Договору об Антарктике, и право голоса в принятии решений по Антарктике» [18].

После 1989 года, когда руководство КНР подверглось жесткой критике Запада за подавление студенческих протестов на площади Тяньаньмэнь, антарктическая стратегия Китая была скорректирована в сторону консолидации, а не экспансии. В 1990-х годах Китай сместил свои приоритеты в сторону создания значимой программы научных исследований. Однако расширению исследований в Антарктике до уровня США или Великобритании препятствовала нехватка средств. Тем не менее, в этот период был достигнут устойчивый прогресс в сочетании с общим экономическим ростом страны.

В октябре 1989 года в Шанхае был создан Китайский институт полярных исследований (Polar Research Institute of China, PRIC), который работает под руководством Государственного управления океанических исследований Китая и в настоящее время является ведущей национальной организацией по полярным исследованиям в стране. Перед PRIC стоят три основные задачи: (1) надзор за полярными исследованиями в Китае; (2) организация китайских полярных экспедиций; и (3) организация материально-технического обеспечения экспе-

диций, которое включает в себя управление китайскими полярными базами и обслуживание китайских ледоколов. Именно PRIC консультирует китайское руководство и государственных служащих по полярным вопросам, организует научные конференции на полярные темы и оценивает программу полярных исследований Китая и ее результаты [16].

С 1996 года Китайская арктическая и антарктическая администрация (China Arctic and Antarctic Administration, CAA) отвечает за административные вопросы, связанные с китайскими полярными экспедициями и членством в организациях и комитетах ДАО [10]. В 1999 году CAA запустило проект «Китайская система баз данных по полярным наукам» [14] (в настоящее время National Arctic and Antarctic Data Center) – веб-сайт с информацией на английском и китайском языках для распространения результатов, полученных китайскими учеными по всему миру. Следует подчеркнуть важность этого шага, поскольку, как показывает практика, именно те страны, которые лидируют в науке об Антарктике, лидируют и в управлении ею.

Китай в Антарктике: специфика современного этапа

На современном этапе, начиная с 2005 года, Китай стал играть все более важную роль в делах Антарктики. Возникает естественный вопрос, почему именно этот год мы берем за точку отсчета. На наш взгляд, о приобретении антарктической политикой КНР нового качества свидетельствовали следующие факты. Во-первых, 18 января 2005 года команда китайских полярников покорила вершину Купол А (Купол Аргус) – последнюю геологически значимую неисследованную территорию Антарктиды. Позже, в том же году, китайская экспедиция провела 130 дней, исследуя горы Гроув, дав китайские названия различным геологическим объектам [11] и тем самым обеспечив китайским ученым статус полярных исследователей. Во-вторых, также в 2005 году Чжан Чжаньхай, бывший директор Института полярных исследований в Шанхае, был избран на двухлетний срок вице-президентом SCAR, что стало важным признанием значимости Китая в Антарктике. В-третьих, в том же году два китайских ученых, Ли Шенгуи и Пан Мин, призвали китайских специалистов в сфере социальных наук уделять больше внимания изучению проблем Антарктики. По их мнению, сосредоточив свое внимание исключительно на естественных науках, Китай ограничил «голос, права и интересы Китая» в международных антарктических делах [8, с. 46]. Этот призыв был услышан, и с этого времени количество посвященных Антарктике китайских публикаций, в первую очередь, геополитического и геоэкономического характера, стало неуклонно расти и использоваться при разработке антарктической политики страны.

Наконец, именно с 2005 года начинается резкое увеличение инвестиций Китая в свою антарктическую программу. Если в период с 1983 по 2003 год Китай потратил 900 миллионов юаней (около 110 миллионов долларов США) на свои антарктические исследования, то в 2005–2008 годах Китай потратил 500 миллионов юаней (около 60 миллионов долларов) только на модернизацию своих существующих баз в Антарктике [9, с. 768].

Сегодня лидерство в Антарктике принимает различные формы, включая занятие руководящих должностей в антарктических организациях, участие в наиболее значимых исследованиях в регионе, принятие на себя ведущей роли в решении таких важных вопросов, как рациональное природопользование, и крупные инвестиции

в развитие потенциала Антарктики. Стремление Китая стать лидером в антарктических делах было выражено на многочисленных форумах, начиная с заявлений ведущих полярных ученых и специалистов в сфере общественных наук в средствах массовой информации и заканчивая дискуссиями в научных публикациях.

Национальная антарктическая программа Китая, сопряженная с пятилетними планами национального экономического и социального развития и представляющая собой план научных исследований, анализ и оценку текущей ситуации, включает три основные части: 1) Морская Антарктика. Исследование окружающей среды, 2) Исследование наземной среды Антарктики и 3) Комплексная оценка состояния окружающей среды Антарктики [13].

Понятно, что для проведения подобного рода исследований необходимо наличие соответствующей инфраструктуры. Соответственно, одним из основных направлений в китайской антарктической программе является строительство новых станций на белом континенте и реконструкция уже существующих. В 2008 году начала функционировать новая станция Куньлунь, которая используется для глубокого бурения во льду, гляциологии, астрономии, атмосферных исследований, наблюдений за погодой и изучения геологии горного хребта Гамбургера. Выбор названия для станции был не случаен, поскольку, согласно китайской мифологии, гора Куньлунь – это даосский рай, место, где возможно общение между людьми и богами, а база Куньлунь открывает Китаю беспрецедентные возможности для астрономических исследований – своего рода диалога с «богами». Станция Тайшань была официально открыта 8 февраля 2014 года. Наконец, свою пятую станцию Циньлин, расположенную на острове Невыразимый в море Росса Китай открыл 7 февраля 2024 года. Таким образом, Китай, располагающий пятью станциями, в настоящее время занимает четвертое место по количеству станций в Антарктиде после Аргентины, Чили и России и имеет самое быстрорастущее присутствие в Антарктиде, открыв три станции с 2009 года.

В официальных отчетах Китая, касающихся полярных исследований, не раскрываются детали его бюджета на полярные исследования. Наиболее распространенная цифра – около 60 миллионов долларов США [15].

В настоящее время КНР располагает тремя действующими ледоколами. Свой собственный первый ледокол Сюэлуан 2 (Хуе Лонг – Снежный дракон) впервые отправился в Антарктиду в 2019 году. А вот первое научно-исследовательское судно ледового класса Сюэлуан, построенное на Херсонском судостроительном заводе, в 1994 г. Было куплено у Украины. Новейшее арктическое ледокольное судно Джи Ди (Полярный) было спущено на воду в июне 2024 года, а второй ледокол этого же класса должен быть готов в 2025 году, в результате чего общее количество китайских исследовательских ледоколов достигнет четырех. Действующие ледоколы используются Китаем для пополнения запасов на своих семи станциях как в Арктическом, так и в Антарктическом регионах [3].

Китайская компания Хуелонг располагает одним вертолетом Хуейинг-12, а компания Хуелонг 2 – вертолетом Хуейинг-12 и вертолетом Eurocopter AS365 Dauphin [15]. Вертолеты Хуейинг-12 предназначены для выполнения поисково-спасательных операций в тяжелых условиях, в то время как вертолеты AS365 Dauphin нацелены на выполнение поисковых и транспортных задач.

Таким образом, за последнее десятилетие Китай превратился в крупного игрока в Антарктике. Он расширил и углубил свое присутствие в регионе, создав новые ба-

зы, совершив значительные географические открытия и дав названия сотням объектов.

В рамках 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития (2021–2025 годы) подчеркивается стремление Пекина «повысить свою способность участвовать в защите и использовании Южного полюса» [6].

Однако антарктическая активность КНР вызывает настороженность у ряда других стран, проявляющих особый интерес к этому региону. В первую очередь, это касается Австралии, Новой Зеландии, Великобритании и США. Сегодня мы уже видим явные признаки того, что геополитическое противостояние переносится и на Антарктику, долгие годы воспринимавшуюся как уникальное пространство стабильности и международного сотрудничества во имя науки, на которое противостояние великих держав распространяется в минимальной степени. В связи с этим особую значимость приобретает сотрудничество Китая и России. Именно его укрепления опасаются западные аналитики, предсказывающие потенциальную биполяризацию Антарктики в будущем [17].

Антарктическая программа КНР в контексте российско-китайского сотрудничества

Несмотря на то, что, как мы уже отмечали, за последние два десятилетия Китай превратился в одного из важнейших игроков в антарктическом регионе, он пока не обладает мощным потенциалом для обеспечения морских и воздушных перевозок, который позволил ему быть независимым или действовать в одностороннем порядке. Кроме того, сказывается и недостаток опыта в проведении полярных исследований. В ситуации, когда любая активность Пекина в регионе вызывает настороженность, а нередко и прямую негативную реакцию со стороны Запада, естественным союзником и партнером страны становится Россия, тем более, что опыт развивающегося сотрудничества в Арктике доказывает взаимовыгодный характер российско-китайского взаимодействия и на Южном полюсе.

Не будем забывать, что Россия присутствует в Антарктике дольше, чем Китай, являясь (как правопреемница СССР) первоначальным участником Договора об Антарктике 1959 года. Она располагает десятью исследовательскими станциями, пять из которых работают круглый год. Именно РФ обладает крупнейшим ледокольным флотом (в том числе уникальными атомными ледоколами) в мире, который в настоящее время используется в Арктике, но при необходимости может быть переброшен и в Южное полушарие.

2020 год в России был объявлен «Годом Антарктики», и к этому событию было приурочено множество мероприятий, главной целью которых было привлечь внимание к 200-летию открытия континента российскими мореплавателями Ф.Беллинсгаузеном и М.Лазаревым. Однако подчеркивая исторические связи России с Антарктидой, следует признать, что в последние десятилетия наша страна сталкивается со значительными трудностями в поддержании своего присутствия в Антарктике, в силу финансовых и технологических проблем. По мнению известного полярного исследователя Артура Чилингарова, высказанного им еще в 2018 году, «российские полярные исследования нуждаются в срочном и глубоком реформировании» [2]. Очевидно, что в сегодняшней ситуации сотрудничество с Китаем несомненно отвечает российским интересам. И не случайно 25 мая 2017 года во время проведения 40-го Консультативного совещания по Договору об Антарктике Россия и Китай подписали

меморандум о сотрудничестве в сферах научных исследований и логистических операций в Антарктике [4].

Россия и Китай сегодня стремятся координировать свои позиции и действия по наиболее острым моментам, касающимся управления Антарктикой. Так, они вместе стремятся предотвратить потенциальную дискриминацию в отношении доступа отдельных стран к региональным биоресурсам. Именно поэтому РФ и КНР совместно блокируют планы, поддерживаемые Европейским союзом, Соединенными Штатами и 23 другими странами по защите трех обширных участков океана вокруг Антарктиды от большинства видов рыболовства, где наиболее активно работают именно китайские рыболовецкие флотилии, и где Россия планирует возобновить промысел кривля на основе применения современных технологий добычи и переработки [1].

Особую обеспокоенность стран Запада вызывает потенциальное военное сотрудничество России и Китая в Антарктике. По мнению американских специалистов, обе страны проводят научные исследования «двойного назначения», которые «маскируют цели обеспечения военной безопасности и подрывают порядок, основанный на правилах» [17].

Оценивая потенциал российско-китайского взаимодействия в Антарктике, необходимо, на наш взгляд, особо отметить близость взглядов двух стран на Договор об Антарктике: и Россия, и Китай считают, что этот договор «не рассчитан на будущее» и должен быть пересмотрен. Как отмечает российский исследователь А.Фененко, «в настоящее время режим интернационализации Антарктики и Южного океана выгоден Соединенным Штатам. ...Россия, напротив, не получает ощутимых дивидендов от сохранения режима интернационализации Антарктики» [5]. Это же безусловно справедливо и для Китая.

Заключение

В настоящее время Китай является одним из наиболее значимых акторов в Антарктическом регионе, стремясь повысить уровень своего участия в управлении им. Китайские ученые активно занимаются научными исследованиями по таким вопросам, как нестабильность полярной ледяной шапки и уровня моря; циркуляция Южного океана и ее глобальное воздействие; геологические процессы в полярных регионах и их влияние на ресурсы и окружающую среду; чувствительность и хрупкость полярных экосистем; и взаимодействие между солнечно-территориальными процессами и полярной атмосферой.

Одновременно антарктическая политика Китая направлена на то, чтобы обеспечить готовность страны к возможным изменениям статуса Антарктики и открывающимися в этом случае экономическим и военным перспективам.

Дальнейшее усиление влияния Китая в Антарктике, на наш взгляд, напрямую зависит от эффективности его взаимодействия с Россией, а в перспективе и с другими странами-партнерами по БРИКС+. Стратегические цели этих стран совпадают и взаимно усиливают друг друга, они используют сотрудничество для продвижения своих собственных национальных интересов и надеются в будущем подтвердить свои стратегические позиции в регионе земного шара, который становится все более значимым для решения ключевых проблем человечества.

Литература

1. Антарктический кривль. Перспективы возобновления российского промысла и переработки. [Электронный ресурс] -URL: <https://www.nfr.ru/303/> (Дата обращения: 28.08.2024)
2. Битва за Антарктиду: Россия сдаёт позиции Китаю [Электронный ресурс] -URL: <https://csef.ru/politica-i-geopolitica/501/bitva-za-antarktidu-rossiya-sdayot-poziczii-kitayu-8563> (Дата обращения: 10.09.2024)
3. Китай впервые направил в Арктику 3 ледокола летом 2024 г. [Электронный ресурс] -URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/851012-kitay-vpervye-napravil-v-arktiku-3-ledokola-letom-2024-g/> (Дата обращения: 15.09.2024)
4. Россия и Китай договорились о сотрудничестве в Антарктике. 25.05.2017 [Электронный ресурс] -URL: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-kitay-dogovorilis-o-sotrudnichestve-v-antarktike.html> (Дата обращения: 28.08.2024)
5. Фененко А. Антарктика: устаревшее наследство. [Электронный ресурс] -URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antarktika-ustarevshee-nasledstvo/?sphrase_id=90170596 (Дата обращения: 28.08.2024)
6. 14-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и план долгосрочных целей на 2035 год. [Электронный ресурс] -URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (Дата обращения: 25.08.2024)
7. Bai T. China releases 1st Antarctic paper, Global Times, 23 May 2017. [Электронный ресурс] -URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1048187.shtml>. (Дата обращения: 29.08.2024)
8. Brady A.-M. China as a Polar Great Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 290 p. DOI:10.1017/9781316832004
9. Brady A.-M. China's Rise in Antarctica? // Asian Survey. 2010. Vol. 50, No. 4, pp. 759–785
10. China Arctic and Antarctic Administration. [Электронный ресурс] -URL: <http://www.chinare.gov.cn/en/index.html?pid=about> (Дата обращения: 09.09.2024)
11. Guan Xiaofeng. Explorers Conquer 'Inaccessible Pole' // China Daily, January 18, 2005.
12. Harrington J. China, global ecopolitics and Antarctic governance: converging paths? Journal of Chinese Political Science. 2017, N. 22, pp. 37–56, DOI:10.1007/s11366-016-9430-2.
13. Mengzhu Zhang, Haward M.. The Chinese Antarctic science programme: origins and development//Antarctic Science. 2022. Vol. 34(2), pp.1–14. DOI:10.1017/S095410202200013X
14. National Arctic and Antarctic Data Center. [Электронный ресурс] -URL: <https://datacenter.chinare.org.cn/data-center/dindex> (Дата обращения: 10.09.2024)
15. Nong Hong. China and the Antarctic: Presence, policy, perception, and public diplomacy// Marine Policy, 2021, N.134, [Электронный ресурс] -URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0308597X21003900> (Дата обращения: 25.08.2024)
16. Polar Research Institute of China [Электронный ресурс] -URL: <https://en.pric.org.cn/> (Дата обращения: 09.09.2024)
17. Runde D.F., Ziemer H. Great Power Competition Comes for the South Pole. February 16, 2023. [Электронный ресурс] -URL: <https://www.csis.org/analysis/great-power-competition-comes-south-pole> (Дата обращения: 27.08.2024)
18. Wang Qian. Twenty Years of Antarctic Research //China through a Lens. November 3, 2004. [Электронный ресурс] -URL: <http://china.org.cn/English/2004/Nov/111106.htm> (Дата обращения: 27.08.2024)

EVOLUTION OF CHINA'S ANTARCTIC POLICY IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF POLITICAL AND ECONOMIC INTERESTS

Gribanova G.I.

St. Petersburg State University

In recent years, the People's Republic of China has made significant investments in Antarctica and has become an active participant in the management of this region. The article analyzes the formation and development of China's Antarctic policy, proves the fact that it is determined by the geopolitical and geo-economic interests of the country. Special attention is paid to the prospects of multifaceted cooperation between China and the Russian Federation in Antarctica in a situation when this region is becoming increasingly involved in the geopolitical processes taking place in the modern world. The author makes an assessment of the Antarctic potential of both countries, the prospects for joint scientific research and logistical support, as well as their joint efforts to protect their national interests, taking into account the possible change in the legal status of the region. According to the results of the study, it is concluded that it is necessary not only to strengthen mutually beneficial Russian-Chinese cooperation, but also its conjugation with the polar cooperation of the BRICS+ countries.

Keywords: Antarctica, China, Russia, geopolitics, national interests, cooperation, BRICS+.

References

1. Antarctic krill. Prospects for the resumption of Russian fishing and processing. [Electronic resource] -URL: <https://www.nfr.ru/303/> (Date of access: 28.08.2024)
2. The Battle for Antarctica: Russia is losing ground to China [Electronic resource] -URL: <https://csef.ru/politica-i-geopolitica/501/bitva-za-antarktidu-rossiya-sdayot-poziczii-kitayu-8563> (Date of access: 10.09.2024)
3. China sent 3 icebreakers to the Arctic for the first time in the summer of 2024. [Electronic resource] -URL: <https://neftgaz.ru/news/politics/851012-kitay-vpervye-napravil-v-arktiku-3-ledokola-letom-2024-g/> (Date of access: 15.09.2024)
4. Russia and China have agreed on cooperation in Antarctica. 25.05.2017 [Electronic resource] -URL: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-kitay-dogovorilis-o-sotrudnichestve-v-antarktike.html> (Date of access: 28.08.2024)
5. Fenenko A. Antarctica: an outdated legacy. [Electronic resource] -URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antarktika-ustarevshee-nasledstvo/?sphrase_id=90170596 (Date of access: 28.08.2024)
6. 14th Five-Year Plan for Economic and Social Development and Long-range Objectives Through the Year 2035 of the People's Republic of China [Electronic resource] -URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (Date of access: 25.08.2024)
7. Bai T. China releases 1st Antarctic paper, Global Times, 23 May 2017. [Electronic resource] -URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1048187.shtml>. (Date of access: 29.08.2024)
8. Brady A.-M. China as a Polar Great Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 290 p. DOI:10.1017/9781316832004
9. Brady A.-M. China's Rise in Antarctica? // Asian Survey. 2010. Vol. 50, No. 4, pp. 759–785
10. China Arctic and Antarctic Administration. [Electronic resource] -URL: <http://www.chinare.gov.cn/en/index.html?pid=about> (Date of access: 09.09.2024)
11. Guan Xiaofeng. Explorers Conquer 'Inaccessible Pole' // China Daily, January 18, 2005.
12. Harrington J. China, global ecopolitics and Antarctic governance: converging paths? Journal of Chinese Political Science. 2017, N. 22, pp. 37–56, DOI:10.1007/s11366-016-9430-2.
13. Mengzhu Zhang, Haward M.. The Chinese Antarctic science programme: origins and development// Antarctic Science. 2022. Vol. 34(2), pp.1–14. DOI:10.1017/S095410202200013X
14. National Arctic and Antarctic Data Center. [Electronic resource] -URL: <https://datacenter.chinare.org.cn/data-center/dindex> (Date of access: 10.09.2024)
15. Nong Hong. China and the Antarctic: Presence, policy, perception, and public diplomacy// Marine Policy, 2021, N.134, [Electronic resource] -URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0308597X21003900> (Date of access: 25.08.2024)
16. Polar Research Institute of China [Electronic resource] -URL: <https://en.pric.org.cn/> (Date of access: 09.09.2024)
17. Runde D.F., Ziemer H. Great Power Competition Comes for the South Pole. February 16, 2023. [Electronic resource] -URL: <https://www.csis.org/analysis/great-power-competition-comes-south-pole> (Date of access: 27.08.2024)
18. Wang Qian. Twenty Years of Antarctic Research //China through a Lens. November 3, 2004. [Electronic resource] -URL: <http://china.org.cn/English/2004/Nov/111106.htm> (Date of access: 27.08.2024)

Ограничения применения политических инструментов миротворческой деятельности ООН: на примере Руандийского конфликта 1990–1994 годов

Де Сейта Лима Далмейда Арагау Ожвалду,

аспирант 2-го года, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: osvaldo_aragao@mail.ru

В статье исследуются ключевые проблемы миротворческой деятельности ООН на примере Руандийского конфликта 1990–1994 годов и геноцида народа тутси. Основное внимание уделено роли ООН в процессе урегулирования этнических и политических противоречий между хуту и тутси, которые привели к одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века. Рассматриваются исторические предпосылки конфликта, начиная с колониальной зависимости Руанды от Бельгии и расстановки политических сил в стране после обретения независимости. Особое внимание уделено влиянию Арушских соглашений 1993 года на попытки примирения хуту и тутси, а также провалу этих соглашений после убийства президента Руанды в 1994 году. В статье анализируются действия миротворческих сил ООН в контексте развития геноцида. В частности, подчеркивается недостаточная численность миротворческого контингента, отсутствие политической воли у мировых лидеров, а также слабую координацию действий международного сообщества. В статье приводятся конкретные примеры упущений руководства ООН, такие как отказ от разоружения боевиков хуту и недостаточная реакция на предупреждения о возможной эскалации насилия. Кроме того, обращается внимание на политические и юридические барьеры, которые препятствовали более активному вмешательству ООН, включая нормы международного права, заложенные в Конвенции о геноциде 1948 года. Статья подчеркивает необходимость пересмотра миротворческих механизмов ООН и выработки новых подходов к урегулированию конфликтов в условиях глобальной нестабильности.

Ключевые слова: конфликт, геноцид, война, урегулирование, эскалация, миротворческая миссия.

Введение

Организация Объединённых Наций (далее – ООН) – это одна из ключевых международных организаций, созданных с целью поддержания и укрепления международного мира и безопасности, а также развития сотрудничества между государствами. Деятельность ООН основана на положениях соответствующего устава [1]. Одной из ключевых задач ООН является предотвращение военных конфликтов на территории планеты, осуществление миротворческих операций, проведение трибуналов по результатам военных действий и т.д.

Судя по вышеуказанным целям, ООН имеет довольно большой вес в современной геополитике. Однако, деятельность ООН в последние несколько десятилетий активно критикуется политиками, общественными деятелями и учёными-политологами. Главное, за что критикуют современную ООН – неспособность эффективно урегулирования конфликтов и осуществления миротворческой деятельности на территории нуждающихся в стороннем вмешательстве государств. На это обращает внимание российский политолог А.О. Торосян. В частности, исследователь обращает внимание на фиаско миротворческой деятельности ООН на территории Руанды в 1990-ых годах. По мнению А.О. Торосяна, «миротворческие силы Организации в данном вопросе потерпели фиаско: в 1994 г. они не смогли предотвратить геноцид в Руанде, а несколько позже – остановить жесточайшую резню в Кного. Следовательно, на Организацию Объединённых Наций обрушился огромный шквал критики вследствие данных трагических событий, и начались дискуссии о том, что миротворчество ООН уже неспособно предвидеть возникновение такого рода ситуаций и предпринимать целенаправленные шаги по их разрешению» [9, с.1–16].

Утверждение о неэффективности миротворческой политики ООН подтверждается при обращении к истории других военных конфликтов 90-ых годов прошлого столетия. В частности, ООН провалилась в урегулировании конфликтов в европейской Югославии, а также в Уганде, Бурунди, Конго и других африканских республиках. Примечательным является тот факт, что значительное количество гражданских войн последнего десятилетия XX века сопровождалось этническими чистками населения. Эти чистки, в некоторых случаях, разрастались до масштабов геноцида. В частности, геноцид населения имел место во время гражданской войны в Руанде.

Учитывая вышесказанное, в рамках данной статьи мы подтвердим наличие значительных проблем миротворческой политики ООН на примере Руанды 1994–2000 годов. Этот временной промежуток интересен тем, что именно в 1994 году, в Руанде произошёл один из наиболее масштабных актов геноцида в истории человечества, который унёс жизни, по разным оценкам, от 500 000 до 1 100 000 человек.

Методология

Для реализации задуманного исследования, нами были применены разнообразные методы. Метод анализа

применялся в ходе исследование устава ООН, международных правовых актов (в том числе Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 года), а также нормативных актов и докладов, связанных с деятельностью ООН в Руанде в 1994 году. Важное место имеет исторический метод – при его помощи будет описан исторический контекст и последовательность событий, связанных с гражданской войной в Руанде, включая этнополитический конфликт между хуту и тутси. Метод критического анализа был применён для изучения критики со стороны учёных, политиков и экспертов по поводу неспособности ООН предотвратить геноцид в Руанде. Важным для исследования является метод социо-политического анализа. В его рамках будут исследованы политические процессы внутри Руанды и на международном уровне, включая действия Совета Безопасности ООН, политику Франции, США и России касательно методов разрешения ситуации.

Результаты исследования

Гражданская война в Руанде, происходившая в 1990–1994 гг., имеет довольно сложный этно-политический контекст, на котором обязательно необходимо остановиться подробнее.

XX век оказался довольно противоречивым. С одной стороны, именно в прошлом веке началось стремительное технологическое развитие человечества. С другой стороны – XX век стал временем самых кровопролитных войн и конфликтов, которые только известны современным историкам. Только лишь за первую половину прошлого столетия мир пережил две мировые войны. Вторая мировая война является самой масштабной по количеству погибших военнослужащих – минимальное количество составляет более 21 миллиона человек (это без учёта мирного населения) [11, с.20–21].

Помимо войн всемирного масштаба, в прошлом веке происходило и множество локальных вооружённых конфликтов. Многие из них происходили в середине и второй половине XX столетия. В большей степени очагами повышенной военной активности послужили страны Ближнего Востока и территории колоний европейских государств в Африке. Одним из таких государств и является центральный объект обсуждения – ныне независимое государство Руанда.

Руанда получила свою независимость 1-го июля 1962 года. До этого момента страна находилась в зависимости от Бельгии, которая стремилась сохранить своё влияние в африканском регионе. Фактически, Руанду трудно было назвать колонией в классическом её понимании. Объясняется это тем, что зависимый статус Руанды от Бельгии был утверждён Лигой Наций – главным миротворческим органом планеты, созданным после Первой мировой войны и прекратившим своё существование после Второй мировой войны. С точки зрения Лиги Наций, Руанда была поставлена под протекторат Бельгии, что влекло за собой определённые последствия для народа зависимого государства.

Бельгийское руководство, во время своего управления страной опиралось на политическую силу народа тутси – одного из трёх основных этносов на территории Руанды. Помимо тутси, на территории страны проживают хуту (основная часть населения) и тва (они занимают наименьшую долю населения). Хуту и тутси – два этноса, которые проживали на территории Руанды довольно давно. Хуту в начале 1990-ых годов составляли около 80 процентов населения, а тутси – около 15. При этом, руководство страной при бельгийском протекторате осуществляли тутси. Соответственно, после освобождения

от протектората Бельгии, хуту, как доминирующая масса населения, получила возможность сместить с руководящих должностей представителей этноса тутси. После обретения независимости, руководство фракции хуту начало довольно масштабные гонения на тутси, что повлекло стремительный рост беженцев в соседние государства (в особенности, тутси бежали на территорию Уганды).

Бежавшие на территорию Уганды тутси, со временем, набрали достаточное количество сил и боевого опыта (тутси принимали участие в гражданской войне в Уганде), что позволило им начать приготовления к вооружённому захвату власти в Руанде. Главной задачей тутси было реформирование системы государственного управления Руанды. Очевидно, что тутси не были довольны расстановкой политических сил в государстве и стремились вернуть себе доминирующее положение. Главным двигателем боевого движения тутси был Руандийский патриотический фронт (далее- РПФ), который в октябре 1990 года вторгся на территорию Руанды со стороны Уганды.

РПФ удалось взять под контроль определённые территории Руанды, однако этого было недостаточно для политической смены власти. В результате, между РПФ и правительственными войсками Руанды было заключено перемирие, которое было называлось Арушскими соглашениями (подписаны 4 августа 1993 года). Согласно данным соглашениям, в структуру управления государством вносились определённые изменения. Главное, что предусматривалось Арушскими соглашениями – создание переходного правительства на широкой основе, в которое вошли бы представители РПФ и пять политических партий, которые составляли бы временное правительство. Помимо этого, Арушские соглашения предусматривали такие положения, как обеспечение верховенства закона, репатриация беженцев и слияние правительственной и повстанческой армий [7, с.80].

Главная задача Арушских соглашений – обеспечить примирение между народами тутси и хуту, которые относились друг к другу с явной ненавистью и недоверием. При благоприятном исходе, Арушские соглашения должны были привести к слиянию власти тутси и хуту и обеспечить представительство двух крупнейших и противоборствующих народов в государстве. Однако, Арушские соглашения не оправдали ожиданий, общего правительства тутси и хуту не установилось, а днём фактического прекращения действия данного соглашения можно считать 6 апреля 1994 года – именно в этот день начался геноцид народа тутси. Поводом для разрыва соглашений послужило нападение на самолёт президента Руанды Жювеналя Хабьяриманы и президента Бурунди Сиприена Нтарьямиры. Оба президента погибли, а Руанда погрузилась в хаос, который продлился до 100 дней.

Примечательно то, что однозначного мнения о том, кто совершил нападение на президентов Руанды и Бурунди до сих пор нет. Однако фактом является то, что сразу после смерти президента ко власти насильственным путём пришли представители хуту. Временным президентом Руанды был поставлен Теодор Синдикубабо, который был подконтролен военным руководителям правительственных войск.

Оценивая сложившуюся на момент начала апреля 1994 года ситуацию в Руанде довольно просто сказать о главной причине конфликта – недоверие хуту и тутси друг к другу, а также нежелание с каждой из сторон к примирению. Представители хуту явно ощущали своё численное и политическое превосходство перед тутси. Тутси, в свою очередь, претерпевали реваншистские настроения и желали вернуть себе главенствующее по-

ложение в стране. Отметим, что именно этим тутси и занимались на подконтрольных им территориях – местные руководители-хуту смещались, а на их места ставились тутси.

Однако, несмотря на несовершенства и трудности политической ситуации в Руанде, мы предпочтём возложить большую ответственность в дальнейших трагических событиях на руководство ООН, которое курировало процесс урегулирования конфликта. ООН, как главный миротворческий орган планеты, специально созданный для предотвращения масштабных человеческих потерь в ходе вооружённых конфликтов, совершенно не справился с этой задачей.

На момент 1994 года, на территории Руанды уже действовал миротворческий контингент ООН, а официально, Миссия ООН в Руанде (далее – МООНПР) действовала с октября 1993 года по март 1996 года. МООНПР, которая привела к срыву Арушских соглашений и масштабному геноциду народа тутси, была признана провальной на официальном уровне. В первую очередь, провал был обусловлен тем, что миротворческий контингент, введённый на территорию Руанды, был немногочисленным и не оказал ощутимого противодействия преступным действиям хуту против тутси. Обусловлено это было тем, что многие из подразделений были заняты спасением бельгийских и французских граждан, которые находились на территории страны в апреле июне 1994 года. На это прямо указывал бывший генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, который говорил, что «войска в Руанде были выведены в момент, когда они были нужны более всего» [10, с.51].

Всего, в рамках МООНПР, на территорию страны было введено около 5500 человек военного персонала (из них 5200 военнослужащих и военно-вспомогательного персонала, 320 военных наблюдателей и 120 гражданских полицейских) [4].

Примечательно, что введённый миротворческий контингент ООН предупреждал руководство организации о грядущем конфликте заблаговременно. Так, генерал Ромео Даллер, который был назначен руководителем миротворческими войсками, уже 11 января 1994 года сообщил о том, что отряды народа хуту накапливают огромные запасы оружия. Учитывая это, генерал попросил у руководства ООН разрешения на захват этого оружия. В ответ на свою просьбу, генерал Даллер получил отказ, так как мандат МООНПР, учреждённый 5-го октября 1993 года, не предусматривал такого рода операции [3, с.191].

Учитывая вышесказанное, представляется очевидным, что высшее руководство МООНПР не имело готовых вариантов разрешения конфликта в Руанде. Запрет на проведение операции по разоружению незаконно владеющих оружием хуту, вероятнее всего, обусловлен нежеланием ООН допускать эскалацию ситуации. Однако, этим же решением руководство ООН способствовало укреплению сил хуту, готовивших масштабные нападения на тутси весной 1994 года. Таким образом, нежелание активно применять потенциал миротворческих войск ООН до начала руандийского геноцида 1994 года и немногочисленность контингента в целом привела к постепенной эскалации межэтнического конфликта тутси и хуту.

Владея информацией о масштабных убийствах тутси на территории Руанды, в Совете Безопасности ООН вплоть до 25-го мая 1994 года отказывались признавать происходящее геноцидом. При этом, разведки государств-участников организации явно указывали на то, что количество убитых достигает десятков ты-

сяч. В частности, на это указывалось в докладах ЦРУ от 23 апреля 1994 года [12, с.58].

Неготовность ООН признавать происходящее в Руанде геноцидом обусловлена политическими и нормативно-правовыми факторами. В первую очередь, следует упомянуть о Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него от 1948 года. Положения данной Конвенции обязывают членов СБ ООН предпринимать активные действия по предотвращению геноцида в тех точках мира, где это потребуется [2].

Учитывая тот факт, что французские представители ООН активно оправдывали действия правительства Руанды и не желали признавать происходящее геноцидом, а другие ключевые участники СБ ООН – Россия и США, не стремились направлять дополнительный контингент в Руанду (возможно, из-за нежелания погрязнуть в гражданской войне), можно сказать о том, что в то время, пока в Руанде убивали тутси, СБ ООН заболел, в первую очередь, о национальных интересах его членов. К такому мнению приходит и А.Ю. Казанцева, которая изучала опыт проведения МООНПР [6, с.122–124].

18 июля 1994 года геноцид тутси можно было считать завершённым. В первую очередь, это было обусловлено тем, что РПФ, воспользовавшись отвлечением правительственных войск на осуществление убийства мирного населения, совершила ряд успешных боевых операций. В результате, РПФ завладел северной частью Руанды и к середине июля 1994 года захватил город Кигали, который является столицей государства. Потери в ходе в гражданской войне в Руанде 1990–1994 гг., по оценкам правительства Руанды от 2002 года составили около 1 074 017 человек, что составляет 1/7 часть от всего населения страны. Доли погибших имеют следующие показатели – тутси – 94 процента, хуту – 6 процентов [13].

В результате произошедшего в Руанде был инициирован Международный трибунал по Руанде, который был создан 8 ноября 1994 года и официально был завершён 31 декабря 2015 года. Организация Международного трибунала также имела определённые сложности. В частности, на неэффективность трибунала указывало руандийское правительство, которое было возмущено отказом ООН от назначения смертных казней виновным в геноциде. Более того, обращалось внимание на то, что юрисдикция трибунала касается только временного периода с 1 января по 31 декабря 1994 года [8, с. 92].

Анализируя позицию руководства Руанды по отношению к Международному трибуналу по Руанде, мы можем согласиться с ней лишь частично. Учитывая тот факт, что в рамках ООН жизнь человека признаётся его неотъемлемым правом, назначение смертных казней виновным в геноциде было бы противоречивым самой идеей данной организации. Однако, стоит отметить, что претензия на счёт ограниченного временного периода юрисдикции трибунала является более чем обоснованной, ведь боевые действия в Руанде происходили с 1990 года. За это время было совершено значительно больше военных преступлений, нежели было расследовано трибуналом.

Начиная с декабря 1995 года и по факту прекращения активной стадии боевых действий в Руанде, ООН принимает изменения в мандат МООНПР с целью сосредоточения внимания подчинённых сил на содействии безопасному и добровольному возвращению беженцев на территорию Руанды. Срок действия мандата МООНПР истек 8 марта 1996 г. Вывод «голубых касок» был завершён в апреле 1996 г. Из числа участников миссии потери составили 26 человек (3 военных наблюдателя, 22 военнослужащих и 1 гражданский полицейский). Общие расходы на содержание миссии составили 437 430 100 долларов (до 19 апреля 1996 г.) [5, с.258].

15 декабря 1999 года был представлен доклад комиссии, ответственной за расследование обстоятельств геноцида в Руанде. Доклад представлял бывший премьер-министр Швеции И.Карлссон. По результатам доклада И.Карлссон сделал следующий вывод: ««Ответственность за то, что Организация Объединенных Наций не смогла предупредить и прекратить геноцид в Руанде, несут многие, особенно Генеральный секретарь, Секретариат, Совет Безопасности, МООНПР и большое число государств – членов Организации Объединенных Наций» [7, с.86].

Заключение

На проблему урегулирования конфликта в Руанде повлияло множество разных факторов и закономерностей. В первую очередь, конфликт в Руанде был обусловлен этно-историческими особенностями народов хуту и тутси. Очевидно, что ООН не было готово к улаживанию конфликта между этими народами. Вполне возможно, что взаимодействие с этими народами было усложнено отсутствием достаточного количества знаний о их культуре и политической предыстории гражданской войны.

Второй фактор, который спровоцировал трагедию в Руанде – неспособность ООН к быстрому и оперативному принятию сложных решений. Довольно просто говорить о более оптимальных методах разрешения конфликта с ретроспективной точки зрения, однако нельзя отрицать того, что ООН обладала средствами подавления геноцида и могли не допустить его начала. Мы установили, что полевое руководство миротворческих войск ООН имело достоверные данные о приготовлении хуту к боевым действиям.

Учитывая всё вышесказанное, мы можем констатировать, что политика урегулирования конфликтов в ООН крайне неэффективна, и геноцид в Руанде – прямое доказательство этого. Примечательно, что опыт Руанды не способствовал кардинальным изменениям в политике урегулирования конфликтов в ООН. Яркими примерами провала миротворческой политики ООН современности является конфликт Израиля с рядом мусульманскими государствами, а также боевые действия между Российской Федерацией и Украиной (которые были вызваны неэффективным разрешением вопроса по автономии Луганской и Донецкой Народных Республик). Следовательно, ООН теряет свой авторитет как миротворческой организации на международной арене и наводит на мысль о том, что данный международный институт требует значительной реформации.

Литература

1. Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 года// СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540400/> (дата обращения: 05.10.2024)
2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года// СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540376/> (дата обращения: 05.10.2024)
3. Бутрос Г.Б. Непокоренная Организация Объединенных Наций: История отношений между ООН и США. М., 2000. 493 с.
4. Документация ООН. S/RES/872 (1993). Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/872> (дата обращения: 05.10.2024)
5. Заемский В.Ф. Реформы ООН и миротворчество. Диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. М., 2009. С. 258

6. Казанцева А.Ю. Опыт проведения миротворческой миссии ООН в Руанде: проблема соотношения ценности человеческой жизни и национальных интересов государств //Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты. – Екатеринбург, 2020. – 2020. – С. 122–124.
7. Кузнецов Д.В. Трагедия 1994 г. в Руанде и международное сообщество //Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2016. – № . 16. – С. 75–100.
8. Питер К.М. Международный уголовный трибунал по Руанде: призвать убийц к ответу от 23 января 2023 на Wayback Machine // IRRС. – 1997. – № 321. – С. 92.
9. Торосян А.О. Эволюция концептуальных основ миротворческой деятельности Организации Объединённых Наций и позиция Российской Федерации в данном вопросе //Genesis: исторические исследования. – 2020. – № . 5. – С. 1–16.
10. Филиппов В.Р. Кому был нужен геноцид в Руанде // Мировая политика. 2014. № 7. С. 51.
11. Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. – М.: Русская панорама, 2004. – С. 20–21.
12. Annan K.A. Interventions: a Life in War and Peace. N. Y., 2012. 512 p.
13. The Associated Press, “More Than One Million Rwandans Killed in 1990’s,” // The New York Times. February, 16. 2002.

LIMITATIONS OF THE USE OF POLITICAL INSTRUMENTS OF UN PEACEKEEPING: THE CASE OF THE RWANDAN CONFLICT OF 1990–1994

De Ceita Lima D'Almeida Aragao Osvaldo

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article explores the key problems of UN peacekeeping activities on the example of the Rwandan conflict of 1990–1994 and the genocide of the Tutsi people. The main attention is paid to the role of the UN in the process of settling ethnic and political contradictions between Hutus and Tutsis, which led to one of the largest humanitarian catastrophes of the XX century. The historical background to the conflict, beginning with Rwanda's colonial dependence on Belgium and the balance of political forces in the country after independence, is examined. Special attention is paid to the influence of the Arusha Accords of 1993 on the attempts to reconcile the Hutus and Tutsis, as well as the failure of these agreements after the assassination of the Rwandan president in 1994. The article analyzes the actions of UN peacekeeping forces in the context of the development of genocide. In particular, it emphasizes the insufficient size of the peacekeeping contingent, the lack of political will of world leaders, and the poor coordination of the international community. The article cites specific examples of omissions by the UN leadership, such as the refusal to disarm the Hutu militants and insufficient response to warnings of a possible escalation of violence. It also draws attention to the political and legal barriers that have prevented greater UN intervention, including the international law provisions of the 1948 Genocide Convention. The article emphasizes the need to review UN peacekeeping mechanisms and develop new approaches to conflict resolution in the context of global instability.

Keywords: conflict, genocide, war, settlement, escalation, peacekeeping mission.

References

1. The Charter of the United Nations Organization of June 26, 1945 // LRS “Garant”. Access mode: <https://base.garant.ru/2540400/> (date of access: 05.10.2024)
2. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide of December 9, 1948// LRS “Garant”. Access mode: <https://base.garant.ru/2540376/> (date of access: 05.10.2024)
3. Boutros G.B. Unconquered United Nations: History of relations between the UN and the USA. M., 2000. 493 p.

4. UN documentation. S/RES/872 (1993). Access mode: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/872> (date of access: 05.10.2024).
5. Zaemsky V.F. UN reforms and peacekeeping. Dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. M., 2009. p. 258
6. Kazantseva A. Yu. Experience of the UN peacekeeping mission in Rwanda: the problem of correlation of the value of human life and national interests of states // Practices of reproduction of values: humanitarian, social and economic aspects.-Ekaterinburg, 2020. – 2020. – p. 122–124.
7. Kuznetsov D.V. Tragedy of 1994 in Rwanda and the international community // Readings in memory of Evgeny Petrovich Sychevsky. – 2016. – № . 16. – p. 75–100.
8. Peter K.M. The International Criminal Tribunal for Rwanda: Call the Killers to Account dated January 23, 2023 on the Wayback Machine // IRRRC. – 1997. – № 321. – p. 92.
9. Torosyan A.O. Evolution of the conceptual foundations of peacekeeping activities of the United Nations and the position of the Russian Federation in this issue //Genesis: Historical Studies. – 2020. – № . 5. – p. 1–16.
10. Filippov V.R. Who needed the genocide in Rwanda // World Politics. 2014. № 7. p. 51.
11. Erlikhman V.V. Population losses in the XX century. – Moscow: Russian Panorama, 2004. – p. 20–21.
12. Annan K.A. Interventions: a Life in War and Peace. N. Y., 2012. 512 p.
13. The Associated Press, “More Than One Million Rwandans Killed in 1990’s,” // The New York Times. February, 16. 2002.

Реализация контртеррористической политики: сопоставительный анализ подходов России и Казахстана

Денисова Перниа Роксана,

магистр, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
E-mail: roxiidenisova@yandex.ru

Макарова Татьяна Сергеевна,

магистр, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
E-mail: tatyana.makarova.01@bk.ru

Шутов Иван Александрович,

магистр, кафедра государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
E-mail: wanjacom17@gmail.com

В статье анализируется политика государств по борьбе с терроризмом – важной и актуальной проблеме современного мира, которая представляет серьезную опасность национальной безопасности государств и международной стабильности. Авторы анализируют контртеррористическую политику России и Казахстана. Эти два государства представляют особый интерес для исследования, поскольку Россия и Казахстан имеют значительный опыт в борьбе с терроризмом, а также являются ключевыми акторами в регионе Центральной Азии, где проблема терроризма особенно актуальна из-за близости к конфликтным зонам на Ближнем Востоке. В работе анализируется нормативно-правовая база государств по борьбе с терроризмом; структура государственных органов и спецслужб, ответственных за борьбу с терроризмом; программы, реализуемые государствами в сфере противодействия терроризму; а также сотрудничество России и Казахстана с другими государствами в деле борьбы с терроризмом. Также авторы проводят сравнительный анализ данных аспектов контртеррористической деятельности двух государств. В заключении авторы делают вывод о сходствах и различиях в подходах России и Казахстана в контртеррористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, контртеррористическая деятельность, борьба с терроризмом, Россия, Казахстан.

В условиях глобализации и возрастания числа транснациональных угроз терроризм стал одной из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкиваются государства по всему миру. Россия и Казахстан, будучи соседями с общими историческими и культурными связями, сталкиваются с рядом вызовов, связанных с терроризмом. Сравнительный анализ методов борьбы с терроризмом представляется важной задачей, поскольку позволяет выявить как успешные практики, так и недостатки в существующих подходах.

Актуальность данной темы обусловлена не только растущими угрозами со стороны террористических организаций, но и недавней встречей президентов России и Казахстана в ноябре 2023 года. На этой встрече лидеры стран договорились об интенсификации взаимодействия в области борьбы с терроризмом, что подчеркивает необходимость совместных усилий для обеспечения безопасности в регионе. В условиях меняющейся геополитической обстановки необходим анализ существующих методов и стратегий, используемых в России и Казахстане.

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ методов борьбы с терроризмом в Российской Федерации и Казахстане, выявить ключевые аспекты их взаимодействия и определить возможности для дальнейшего сотрудничества в данной области.

Нормативно-правовые основы противодействия терроризму

Терроризм является одной из наиболее серьезных угроз безопасности государств и общества в целом. С целью эффективного противодействия террористической деятельности в России и Казахстане была сформирована обширная нормативно-правовая база, в которой закреплены основные принципы и механизмы борьбы с любыми проявлениями терроризма и экстремизма.

Основным законом государства является Конституция. Конституция Российской Федерации, несмотря на отсутствие норм, напрямую регулирующих антитеррористическую деятельность государства, содержит некоторые положения, относящиеся к вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом [1, с. 102]. В документе определено, что государство ставит своей высшей целью защиту прав и свобод граждан РФ, что также относится и к сфере борьбы с террористической и экстремистской деятельностью. Согласно Конституции РФ, борьба с терроризмом относится к вопросу совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [11]. В дополнение к федеральным законодательным актам, касающимся антитеррористической деятельности, на региональном и муниципальном уровнях также были приняты соответствующие нормативно-правовые документы. Стоит отметить, что законодательные акты и стратегии регулярно обновляются ввиду изменяющейся политической ситуации и с учетом появления новых вызовов и рисков.

В Казахстане Конституция является основополагающим механизмом, политико-правовой основой государства, в том числе в сфере противодействия терроризму.

В соответствии с п. 3 ст. 5 Конституции Республики Казахстан, «запрещается создание и функционирование общественных объединений, преследующих цели или действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности республики, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, классовой и родовой вражды, а также создание несанкционированных военизированных формирований» [10].

Основным законодательным актом, регулирующим вопросы борьбы с терроризмом в России, является Федеральный закон «О противодействии терроризму». Положения данного закона охватывают широкий спектр вопросов, в том числе понятие терроризма, меры по предотвращению террористической деятельности, а также наказание для лиц, совершивших преступление [16].

В Казахстане основным нормативно-правовым актом, регулирующим контртеррористическую деятельность, является Закон «О противодействии терроризму», принятый 13 июля 1999 г. [15]. Положения закона определяют основной понятийный аппарат борьбы с терроризмом, компетенции государственных органов в данной сфере, а также устанавливают правовые основы превентивных мер по противодействию терроризму. Закон в полной мере определяет полномочия правоохранительных органов, спецслужб, а также иных государственных структур в сфере противодействия терроризму. Это обеспечивает координированную работу различных ведомств и предупреждает несогласованность действий при реализации контртеррористических мероприятий. Кроме того, в законе изложены ключевые принципы, обеспечивающие защиту прав и свобод граждан в контексте борьбы с терроризмом. Один из принципов гласит, что любые мероприятия по противодействию терроризму должны осуществляться в соответствии с нормами международного права, что гарантирует соблюдение международных норм в сфере борьбы с терроризмом, предотвращая возможность нарушения прав человека и обеспечивая координацию действий международного сообщества в контексте глобальной проблемы терроризма [21, с. 10].

В дополнение к вышеназванным нормативно-правовым актам, в России и Казахстане был принят ряд законов с целью расширения и совершенствования законодательной базы в сфере борьбы с терроризмом. Так, в России правовую базу контртеррористической деятельности составляют такие законы, как Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и др. В Казахстане также были приняты законы, дополняющие Закон 1999 года по борьбе с терроризмом. В частности, были приняты два нормативно-правовых акта: Закон «О противодействии экстремизму» (2005 г.) и Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (2011 г.) [21, с. 10].

Ответственность за противоправные деяния, связанные с осуществлением террористической деятельности, определена Кодексе об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовном кодексе (УК РФ). В КоАП РФ, в частности в статьях 13.37, 15.27, 15.27.1 предусмотрены административные наказания за правонарушения, связанные с терроризмом. УК РФ, а именно статьи 205–205.5, 207, 361, устанавливает уголовную ответственность за преступления террористического характера [19]. Уголовный кодекс Республики Казахстан также занимает важное место в системе предотвращения и пресечения терроризма и экстремизма. Согласно

Уголовному кодексу Республики Казахстан, терроризм, возникающий на почве экстремизма, включает в себя наиболее жесткие методы достижения политических целей (п. 2 Примечания к ст. 233 УК РК) [20].

Таким образом, Россия и Казахстан разработали комплексные системы нормативно-правовых актов, направленные на противодействие терроризму и регулирующие контртеррористическую деятельность государств. Несмотря на то, что Конституции этих государств не содержат прямых положений относительно контртеррористической деятельности, данные законодательные акты являются фундаментальными документами, закладывающими правовые основы для принятия специальных нормативно-правовых актов в данной сфере. Обе страны осознают серьезность террористических угроз и имеют ряд общих целей в данной области, в частности предотвращение и пресечение террористических актов, обеспечение национальной безопасности, защита граждан от угроз терроризма, сохранение внутривнутриполитической стабильности и общественного порядка. Обе страны активно работают над совершенствованием законодательства в области борьбы с терроризмом путем принятия новых правовых актов.

Контртеррористические подразделения и специальные службы

За последние несколько лет в России была сформирована достаточно эффективная государственная система органов, занимающихся вопросами борьбы с терроризмом. Основным органом, выполняющим координирующую функцию в данной системе в РФ, является Национальный антитеррористический комитет (НАК), созданный Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 года № 116 «О мерах по противодействию терроризму». НАК отвечает за координацию действий федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти в сфере противодействия террористическим угрозам. Кроме того, НАК готовит соответствующие предложения по противодействию угрозам для представления Президенту Российской Федерации. В рамках Комитета функционирует Федеральный оперативный штаб. Штаб осуществляет планирование применения ресурсов и сил федеральных органов в ходе борьбы с террористическими угрозами, а также управление контртеррористическими операциями. На региональном уровне с целью согласования действий в ходе контртеррористических мероприятий создаются оперативные штабы. Главами данных органов являются руководители территориальных органов Федеральной службы безопасности (ФСБ). ФСБ России является основным исполнительным органом в сфере контртеррористической деятельности [6, с. 215]. ФСБ осуществляет борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения террористических актов как внутри государства, так и актов международного терроризма [17].

Контртеррористическую деятельность в России также осуществляют следующие субъекты: Министерство внутренних дел России, Служба внешней разведки России, Федеральная служба охраны России, Министерство обороны России, Министерство чрезвычайных ситуаций России, Федеральная пограничная служба России. Кроме того, для координации действий федеральных структур органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления создаются антитеррористические комиссии (АТК) [5, с. 183]. Во главе АТК, как правило, находятся

руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ.

В Казахстане также сложилась собственная государственная система органов, занимающихся контртеррористической деятельностью. Одним из ключевых органов, отвечающих за антитеррористическую деятельность в стране, является Комитет национальной безопасности (КНБ). КНБ выполняет функции, схожие с Национальным антитеррористическим комитетом (НАК), он обеспечивает взаимодействие и сотрудничество между различными государственными учреждениями, правоохранительными органами, спецслужбами и другими организациями, которые участвуют в контртеррористической деятельности Республики Казахстан. В задачи КНБ входит осуществление оперативно-розыскной деятельности, принятие превентивных мер и предотвращение актов терроризма, а также борьба с экстремистскими проявлениями [8].

Важным элементом в системе борьбы с терроризмом в Казахстане являются специальные контртеррористические подразделения, такие как «Алтын» и «Сымбат». Данные спецподразделения оснащены современным оборудованием, имеют высокий уровень профессионализма и быстро реагируют на угрозы террористического характера. К функциям спецподразделений относятся проведение контртеррористических операций, задержание террористических группировок, предотвращение террористических актов. В России также есть подобные спецподразделения. Это подразделения «Альфа» и «Витязь», которые занимаются предотвращением террористических актов и реагированием на террористические угрозы [13, с. 114].

Таким образом, Россия и Казахстан имеют развитую систему государственного реагирования и предотвращения террористических угроз. Координирующим органом данной системы в России является Национальный антитеррористический комитет, в Казахстане – Комитет национальной безопасности. Также в странах сформированы спецподразделения по борьбе с терроризмом.

Программы, направленные на борьбу с террористической деятельностью

Среди государственных программ по борьбе с терроризмом, принятых Республикой Казахстан, следует отметить программу по противодействию религиозному экстремизму в Республике Казахстан на 2013–2017 гг., утвержденную Указом Президента Республики Казахстан от 24.09.2013 г. № 648. В соответствии с Программой, государственные органы, в пределах своих полномочий, обязаны были осуществить реализацию и усовершенствование полного спектра мероприятий, направленных на противодействие терроризму. [3]. В представленном документе содержится определение термина «борьба с экстремизмом», которое включает три ключевые задачи на данном направлении, а именно профилактику экстремистских проявлений, выявление противоправных террористических действий и минимизацию последствий, связанных с актами терроризма и экстремизма.

Реализация программы предполагает комплексный подход, включающий два взаимодополняющих направления:

1. Общая профилактика. Она направлена на формирование в обществе устойчивой нетерпимости к религиозно-экстремистской идеологии и создание атмосферы неприятия идей и практик религиозного экстремизма.
2. Адресная реабилитация. В ее основе лежит индивидуальный подход к группам риска, адресная реабилитация

направлена на предотвращение радикализации и включение в социально-полезную деятельность.

План по противодействию идеологии терроризма в Российской Федерации на период с 2024 по 2028 гг., утвержденный 30 декабря 2023 г. Президентом РФ, также предполагает реализацию комплексных мероприятий, направленных на формирование у населения устойчивого неприятия идеологии терроризма. Ключевой целью плана является создание условий для формирования у граждан ценностных ориентиров, основанных на традиционных российских духовно-нравственных принципах, отвергающих идеологию терроризма и способствующих устойчивости сознания населения к ее пропаганде. [9]. В отличие от программы Республики Казахстан, классификация уровней профилактики идеологии терроризма ведется не по двум направлениям, а по трем: общий, адресный и индивидуальный. На общем уровне предусмотрена работа по осуществлению мероприятий с населением (в образовательной сфере – с учащимися), направленных на формирование антитеррористического мировоззрения. Адресная профилактика представляет собой специфический вид профилактической работы, направленный на проведение мероприятий, в которых принимают участие отдельные группы населения. Они, как правило, оказываются подвергшимися воздействию террористической идеологии через представителей террористических группировок. Это могут быть лица с религиозным образованием, которое они получили в иностранных учебных заведениях, но при этом планируют вести деятельность религиозного характера на территории РФ. На индивидуальном уровне профилактика ведется с отдельными лицами, находящимися под влиянием террористов. Основная цель таких мероприятий заключается в убеждении их в деструктивности террористической деятельности и формировании убеждений о необходимости отказаться от участия в преступлениях, а также обеспечении их реинтеграции в общество [9].

Стоит отметить, что 15 марта 2018 г. Правительство Казахстана утвердило Государственную программу по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 гг., определяющую стратегические направления и механизмы реализации государственной политики в данной сфере [4]. Данный проект отличается от предыдущего (2013–2017 гг.) тем, что помимо трех основных задач, добавился пункт о снижении влияния внешних факторов на радикализацию населения страны. Для достижения поставленных задач, была задействована работа в СМИ (для защиты пользователей Интернета и социальных сетей от влияния пропаганды терроризма и экстремизма в 2017 г. было заблокировано более 620 тыс. материалов). Также были ужесточены меры уголовного наказания за террористическую и экстремистскую деятельность.

28 декабря 2015 г. глава государства утвердил Концепцию развития Ассамблеи народа Казахстана (действует до 2025 г.), которая включает в себя мероприятия, направленные на совершенствование казахстанской модели межэтнической толерантности и общественного согласия. В рамках данной концепции в 2020 г. были проведены несколько лекций на тему «Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия» в высших учебных заведениях страны [12]. В данном аспекте можно отметить схожесть Концепции с Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг., согласно которому основные задачи противодействия идеологии терроризма включают работу с образовательными

ми организациями и трудовыми коллективами, а также укрепление системы образования, молодежной политики и культуры. Так же данный проект подчеркивает важность взаимодействия со СМИ и обеспечение наполнения информационного пространства антитеррористическим контентом, а также своевременной блокировки контента террористического характера.

Международное сотрудничество

Следует отметить, что и Россия, и Казахстан преследуют схожие цели в области борьбы с терроризмом и рассматривают международное сотрудничество как ключевой элемент укрепления порядка и мира между странами, особенно теми, которые находятся в одном регионе. Международное сотрудничество и активное участие в деятельности международных организаций являются неотъемлемыми элементами эффективной борьбы с международным экстремизмом и терроризмом. В данном контексте Министерство иностранных дел Российской Федерации выступает в качестве координатора деятельности федеральных органов исполнительной власти в области международного сотрудничества в деле борьбы с терроризмом. МИД РФ обеспечивает взаимодействие с международными организациями и структурами, важнейшими из которых являются ООН, ОБСЕ, Совет Европы, ОДКБ, СНГ, ШОС, АТЭС, ЕС, НАТО, АСЕАН и ОАГ [14].

В свою очередь, правоохранительные структуры Республики Казахстан также активно взаимодействуют с такими организациями, как ОДКБ, ШОС, Антитеррористический центр СНГ, Антитеррористическая группа ОБСЕ, Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН. Казахстан ратифицировал 15 из 19 резолюций ООН в области борьбы с терроризмом с целью укрепления межправительственных контактов. Также был разработан проект Кодекса поведения по достижению мира, свободного от терроризма, совместно с государствами-членами Совета Безопасности ООН.

Стоит отметить роль России в принятии ключевых документов и резолюций по контртеррористической проблематике. В 2014 г. по инициативе Российской Федерации была принята Резолюция Совета Безопасности ООН № 2178, направленная на приумножение международных усилий по противодействию терроризму и предупреждению угроз, связанных с иностранными террористами-боевиками. Кроме того, Россия выступила с инициативой проведения под эгидой ООН международного форума с участием стран Ближнего Востока и Северной Африки, направленного на рассмотрение проблемы терроризма в этих регионах и разработку эффективных механизмов противодействия угрозе [18]. Также стоит отметить принятую по инициативе Российской Федерации резолюцию СБ ООН 2017 г., которая предусматривает комплекс мер по противодействию бесконтрольному распространению ливийского оружия.

Важно отметить, что НАК РФ играет ключевую роль в укреплении международного антитеррористического сотрудничества. Комитет разрабатывает предложения по усилению взаимодействия с другими государствами в сфере противостояния террористической угрозе, обеспечивает активное участие России в международных антитеррористических инициативах и информирует руководство федеральных органов исполнительной власти о планах по проведению оперативных и информационных мероприятий по борьбе с террористической угрозой.

Также важно уделить внимание совместной работе России и Казахстана в рамках Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Обе страны активно за-

нимаются отслеживаем и мониторингом денежных потоков, поступающими к ним из-за рубежа. Еще одна область, в которой ведется совместная работа – борьба с незаконным оборотом наркотических средств. В данном случае Казахстан выступает в роли транзитного канала для маршрутов наркотрафика из Китая и России в другие страны Центральной Азии [2, с. 68]. Для решения данной проблемы Казахстан активно сотрудничает с такими странами, как Россия и Китай. Кроме того, Казахстан участвует на регулярной основе в антитеррористических учениях с Россией и Узбекистаном, направленных на повышение эффективности борьбы с трансграничной преступностью в Центральной Азии.

Стоит отметить, что действия, предпринятые Казахстаном и направленные на борьбу с терроризмом, сконцентрированы вокруг собственного населения, территории и определенного типа инструментов влияния. Это объясняется нехваткой ресурсов и международным имиджем невмешательства, которые ограничивают действия государства. Казахстан занимает позицию не противодействия терроризму и экстремизму во всем мире, а защиты собственных граждан. Сотрудничество Казахстана со многими организациями антитеррористической направленности позволяет ему использовать преимущества обмена опытом и принятия скоординированных мер.

Россия занимает более открытую и активную позицию на международной арене по вопросам противодействия терроризма и экстремизма в мире, в частности, на территории Евразии, чему способствует место, занимаемое Россией в Совете Безопасности ООН. Подтверждением этому служат проекты и документы, принятые по инициативе Российской Федерации.

Таким образом, сегодня терроризм представляет серьезную угрозу государствам как на внутривнутриполитическом уровне, так и на международном. Анализ методов борьбы с терроризмом России и Казахстана показал, политика государств в области противодействия терроризму имеет как схожие черты, так и существенные различия. Оба государства имеют обширную нормативно-правовую базу, регулирующую действия государств в сфере борьбы с терроризмом. В России и Казахстане действует развитая система государственного реагирования на террористические акты и противодействия им. Россия и Казахстан разработали программы по борьбе с терроризмом, благодаря которым обеспечивается всеобъемлющее взаимодействие в области противодействия террористической деятельности. Сотрудничество происходит как на двусторонней основе, так и в рамках международных организаций и интеграционных объединений. Несмотря на общие цели, наблюдаются различия в трактовках понятия «терроризм», закрепленных в нормативных документах государств. Также отмечаются отличия в некоторых положениях документов и программ, касающихся противодействия терроризму. В сфере международного сотрудничества Казахстан сосредоточен на защите собственного населения, в то время как Россия занимает более открытую и активную позицию на международной арене. Все вышеупомянутые различия требуют пристального внимания при координации действий и разработке единых стратегий на международном уровне.

Литература

1. Асильдаров А.Ч. Правовые основы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 100–106.

2. Будаева С.В., Дегтярева Н.В. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 65–73.
3. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 гг. [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648> (дата обращения: 25.05.2024).
4. Государственная программа противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 гг. [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124> (дата обращения: 25.05.2024).
5. Индык К.П. Антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации: деятельность, проблемы правового регулирования и пути совершенствования (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4(92). – С. 181–187.
6. Кобелев Д.Н. Понятие и сущность антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов Федеральной Службы безопасности // Общество и право. – 2017. – № 2(60). – С. 215–219.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Правительство РФ. – URL: <http://government.ru/docs/all/97204/> (дата обращения: 25.05.2024).
8. Комитет национальной безопасности Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Правительство Республики Казахстан. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/knb?lang=kk> (дата обращения: 25.05.2024).
9. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет. – URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v-0.html> (дата обращения: 25.05.2024).
10. Конституция Республики Казахстан 1995 г. [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 25.05.2024).
11. Конституция Российской Федерации 1993 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 25.05.2024).
12. Концепция развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2025 года) [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000148> (дата обращения: 25.05.2024).
13. Мальков С.М. Модель противодействия терроризму в Российской Федерации: современное состояние, недостатки, пути совершенствования // Современное право. – 2018. – № 9. – С. 111–115.
14. Международное сотрудничество [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет. – URL: <http://nac.gov.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 30.05.2024).
15. О противодействии терроризму: закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416> (дата обращения: 25.05.2024).
16. О противодействии терроризму: федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (дата обращения: 25.05.2024).
17. Организационная структура системы противодействия терроризму в Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: <https://ctmtuci.ru/wp-content/uploads/2023/01/Sisitema-organov-protivodeystviya-terrorizmu-i-ekstremizmu.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).
18. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2178, 2014 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/548/01/pdf/n1454801.pdf> (дата обращения: 30.05.2024).
19. Уголовный кодекс РФ: федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 06 апр. 2024 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9555> (дата обращения: 25.05.2024).
20. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 25.05.2024).
21. Шибуттов М.М., Абрамов В.В. Терроризм в Казахстане – 2011–2012 годы – 2012. – С. 9–12.

IMPLEMENTATION OF COUNTER-TERRORISM POLICY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN'S APPROACHES

Denisova P.R., Makarova T.S., Shutov I.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article analyzes the policy of states to combat terrorism, an important and urgent problem of the modern world, which poses a serious threat to the national security of states, as well as a threat to international stability. The authors analyze the counter-terrorism policy of Russia and Kazakhstan. These two states are of particular interest for the study, since Russia and Kazakhstan have significant experience in combating terrorism, and are also key actors in the Central Asian region, where the problem of terrorism is especially relevant due to its proximity to conflict zones in the Middle East. This paper examines the national legal framework, governmental structures, and programs implemented by states in their fight against terrorism; as well as cooperation between Russia and Kazakhstan with other states in the fight against terrorism. The authors also conduct a comparative analysis of these aspects of the counter-terrorism activities of the two states. On a final note, the authors draw a conclusion about the similarities and differences in the approaches of Russia and Kazakhstan in the fight against terrorism.

Keywords: terrorism, counterterrorism, combating terrorism, Russia, Kazakhstan

References

1. Asildarov A. Ch. The legal foundations of countering terrorism in the Russian Federation // Legal Bulletin of Dagestan State University. – 2019. – No. 1. – P. 100–106.
2. Budaeva S.V., Degtyareva N.V. International cooperation in the field of combating terrorism // Bulletin of the Trans-Baikal State University. – 2014. – No. 1. – P. 65–73.
3. The State Program on countering religious extremism and Terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2013–2017 [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648> (date of access: 25.05.2024).
4. The State Program for countering religious extremism and Terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2018–2022. [Electronic

- resource] // Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124> (date of access: 25.05.2024).
5. Indyk K.P. Anti-terrorist commissions in the subjects of the Russian Federation: activities, problems of legal regulation and ways of improvement (on the example of St. Petersburg) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 4(92). – P. 181–187.
 6. Kobelev D.N. The concept and essence of anti-terrorist activities of special purpose units of border agencies of the Federal Security Service // Society and Law. – 2017. – № 2(60). – P. 215–219.
 7. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 12.30.2021) [Electronic resource] // Government of the Russian Federation. – URL: <http://government.ru/docs/all/97204/> (date of access: 25.05.2024).
 8. National Security Committee of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] // Government of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/knb?lang=kk> (date of access: 25.05.2024).
 9. A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024–2028. [Electronic resource] // National Antiterrorist Committee. – URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v-0.html> (date of access: 25.05.2024).
 10. The Constitution of the Republic of Kazakhstan in 1995 [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (date of access: 25.05.2024).
 11. The Constitution of the Russian Federation 1993 [Electronic resource] // Official website of the President of the Russian Federation. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (date of access: 25.05.2024).
 12. The concept of development of the Assembly of the People of Kazakhstan (until 2025) [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000148> (date of access: 25.05.2024).
 13. Malkov S.M. The model of countering terrorism in the Russian Federation: current state, shortcomings, ways of improvement // Modern law. – 2018. – No. 9. – P. 111–115.
 14. International cooperation [Electronic resource] // National Anti-terrorist Committee. – URL: <http://nac.gov.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo.html> (date of access: 30.05.2024).
 15. On countering terrorism: Law of the Republic of Kazakhstan dated July 13, 1999 No. 416-I [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416_ (date of access: 25.05.2024).
 16. On countering terrorism: Federal Law of the Russian Federation dated March 6, 2006 [Electronic resource] // Official website of the President of the Russian Federation. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (date of access: 25.05.2024).
 17. The organizational structure of the counter-terrorism system in the Russian Federation [Electronic resource] – URL: <https://ctmtuci.ru/wp-content/uploads/2023/01/Sistema-organov-protivodeystviya-terrorizmu-i-ekstremizmu.pdf> (date of access: 25.05.2024).
 18. UN Security Council Resolution No. 2178, 2014 [Electronic resource] // United Nations. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/548/01/pdf/n1454801.pdf> (date of access: 30.05.2024).
 19. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996: as amended. from 06 Apr. 2024 [Electronic resource] // Official website of the President of the Russian Federation. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9555> (date of access: 25.05.2024).
 20. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (date of access: 25.05.2024).
 21. Shibusov M.M., Abramov B.V. Terrorism in Kazakhstan – 2011–2012–2012. – P. 9–12.

Парламентская демократия Вишеградской группы в условиях новой геополитической реальности

Зимин Александр Васильевич,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии, социологии и международных процессов Тамбовского государственного университета им. Г.П. Державина
E-mail: zimmin-1964@yandex.ru

Абросимов Александр Алексеевич,

аспирант кафедры политологии, социологии и международных процессов Тамбовского государственного университета им. Г.П. Державина
E-mail: alexabr541@gmail.com

В статье исследуется деятельность национальных парламентов Вишеградской группы в условиях новой геополитической реальности. Последняя характеризуется углублением кризиса мирового порядка, вызванного событиями на Украине, ответом на который стало проведение Россией Специальной военной операции (СВО). Подобные обстоятельства вызвали негативную реакцию западного сообщества, решившего ужесточить санкции в отношении Москвы и начавшего осуществлять военную помощь Киеву. Парламентарии Центральной Европы, с одной стороны, стремились адекватно реагировать на новейшие вызовы и угрозы, в том числе миграцию, рост националистических настроений, энергетический кризис, последствия пандемии, с другой – на ситуацию в мире после 24 февраля 2022 г. Итоги избирательных кампаний 2021–2023 гг. в национальные парламенты свидетельствуют о том, что если в Государственном собрании Венгрии правоконсерваторам удалось сохранить своё прежнее влияние, то в двухпалатных Парламенте Чехии и Национальном Собрании Польши либералы получили устойчивое большинство. Только в Национальном Совете Словакии доминируют левые, но в союзе с умеренными правыми. Хотя парламентские выборы в Венгрии, Словакии и Польше проходили после начала СВО на Украине, тем не менее решающее значение в электоральных предпочтениях граждан играли внутренние, а не внешние факторы. В этот сложный период правящие элиты Вишеградской четвёрки совместно с коллективным Западом осудили действия России в рамках СВО. Однако Будапешт и Братислава демонстрируют желание не только развивать торгово-экономическое сотрудничество с Москвой, но и добиваться мирного завершения конфликта на Украине.

Ключевые слова: парламентская демократия Вишеградской группы, выборы, парламентская коалиция, законотворческая деятельность, межпарламентское сотрудничество, новая геополитическая реальность.

Введение

Национальные парламенты играют важнейшую роль в законотворческой деятельности, социально-экономическом развитии и политической стабильности Вишеградской группы [1]. В венгерском г. Вишеграде в 1991 г. было создано межгосударственное образование с целью интеграции стран региона в европейские структуры. Первоначально в состав объединения входили Венгрия, Польша, Чехословакия, а после распада последней 1 января 1993 г. – Чехия и Словакия.

Начало деятельности «четвёрки» практически совпадает с крушением социализма и проведением либеральных реформ, направленных на формирование рыночной экономики и демократической политической системы. В результате посткоммунистических трансформаций в трёх вишеградских странах утвердились классические парламентские республики и только в Польше сложилась смешанная парламентско-президентская модель. Кроме того, в Польше и Чехии функционируют двухпалатные парламенты, а в Венгрии и Словакии – однопалатные. По итогам демократического транзита в конституциях вышеперечисленных государств закреплена доминирующая роль парламента в системе разделения властей. Распад Организации Варшавского договора и отказ от социалистической модели повлияли на то, что в 1999 г. Венгрия, Польша и Чехия, а в 2004 г. Словакия вступили в НАТО. После чего все эти государства в 2004 г. вошли в состав Европейского Союза (ЕС).

Каким образом взаимодействует Вишеградская четвёрка в рамках ЕС и НАТО? Какова расстановка партийно-политических сил в парламентах центрально-европейских стран по итогам избирательных кампаний 2021–2023 гг.? Какие решения принимали народные избранники в условиях новой геополитической реальности после 24 февраля 2022 г.? Ответы на поставленные вопросы пытались сформулировать авторы настоящего исследования.

Вишеградская группа в рамках НАТО и ЕС

После вступления в военную организацию Запада и ЕС внешнеполитические инициативы центрально-европейцев нуждались в согласовании своих шагов с Вашингтоном и Брюсселем. Так, в частности, в 2011 г. была создана «Вишеградская боевая группа» с целью проведения регулярных военных учений под эгидой сил реагирования НАТО. Кроме того, по инициативе президентов Польши и Румынии – А. Дуды и К. Йоханниса в 2015 г. создаётся «Бухарестская девятка», в которую кроме двух вышеназванных государств вошли Венгрия, Чехия, Словакия, Эстония, Латвия, Литва и Болгария. Данная организация стала платформой для углубления диалога между странами-участниками в рамках Североатлантического альянса [2]. Ещё задолго до украинских событий Польша встала на путь тесного сотрудничества с США в области национальной безопасности. Стратегия Варшавы в рамках взаимодействия с НАТО выступает «столпом стабильности на континенте» [3].

До начала СВО на Украине МИД РФ 15 декабря 2021 г. выдвинул Соглашение о мерах обеспечения без-

опасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора. В этом документе содержатся требования вывода с территории стран, вступившими в НАТО после 1997 г. всех вооружённых сил и военных баз блока, а также недопущение дальнейшего расширения Альянса [4]. Однако предложения Москвы о возвращении к конфигурации европейской безопасности 1997 г. были проигнорированы руководством коллективного Запада, в том числе Вишеградской четвёркой.

Членство в ЕС принесло парламентским демократиям Центральной Европы существенные экономические преференции, а именно увеличение финансирования в различных областях. Так, в частности, речь идёт о сфере занятости, образования, сельского хозяйства, регионального развития, получивших поддержку со стороны таких структур, как Фонд регионального развития, Фонд сплочения, Европейский социальный фонд, Фонд ориентации и гарантий сельского хозяйства, впоследствии заменённый на Европейский сельскохозяйственный фонд развития сельских территорий [5]. Вместе с тем, Словакия стала единственным центрально-европейским государством, вступившим с 1 января 2009 г. в еврозону. Данное обстоятельство способствовало стабилизации финансовой системы, в то время как в соседних странах наблюдался значительный скачок цен.

Крупнейшим донором бюджета ЕС выступает ФРГ. Согласно данным Института германской экономики, основным получателем средств из «европейской корзины» в 2022 г. стала Польша, поскольку стране предоставлено из бюджета на 11,9 млрд евро больше, чем вложено в него. Кроме того, в число бенефициаров системы общеевропейского финансирования вошла также Венгрия [6].

Таким образом, участие в НАТО и ЕС позволило центрально-европейским государствам приобрести существенные экономические выгоды и проводить более согласованную политику по ключевым проблемам международного развития. Эти страны посредством Вишеградского фонда осуществляют политику «мягкой силы» в отношении бывших республик СССР и балканских государств. Несмотря на сложности посткоммунистической трансформации, в Вишеградской группе сложилась своеобразная специфика институтов парламентской демократии, на которых акцентируется дальнейший авторский анализ.

Парламенты Вишеградской группы: итоги выборов 2021–2023 гг.

Рассмотрим в хронологической последовательности результаты последних избирательных кампаний в Центральной Европе. При этом сфокусируем внимание не только на электоральных предпочтениях граждан, но и на основных трендах развития парламентской демократии стран региона «до» и «после» 24 февраля 2022 г.

Парламент Чешской Республики состоит из верхней – Сената и нижней – Палаты депутатов. Верхняя палата представлена 81 сенатором, избираемых по мажоритарной системе сроком на 6 лет (каждые 2 года 1/3 сенаторов переизбирается), а нижняя – 200 депутатами, избираемых на 4 года по пропорциональной системе. Выборы нынешнего состава Палаты депутатов прошли 8–9 октября 2021 г. Ещё накануне предвыборных баталий, чтобы противостоять тогдашнему консервативно-центристскому правительству А. Бабиша, костяк которого состоял из представителей «Акции независимых граждан 2011» (АНГ 2011), была создана либераль-

ная коалиция «Вместе». В её состав вошли Гражданская демократическая партия (ГДП), Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия (ХДС–ЧНП), Традиция Ответственность Процветание 09 (ТОП 09).

В прошедшей избирательной кампании победу одержала коалиция «Вместе», в том числе ГДП – 13,31% (34 мандата), ХДС–ЧНП – 9% (23), ТОП 09–5,47% (14), в общей сумме получили 27,79% (71 из 200). Затем следовали АНГ 2011–27,12% (71), коалиция «Пираты и Старосты» – Старосты и независимые (33) и Чешская Пиратская партия (4) – 15,62% (37), «Свобода и прямая демократия» (СПД) – 9,56% (20) [7]. После подведения результатов голосования две либеральные коалиции – «Вместе» и «Пираты и Старосты» объединились в нижней палате, что позволило получить парламентское большинство в количестве 108 депутатов. Данное обстоятельство способствовало формированию нового состава правительства во главе с лидером ГДП П. Фиалом, а лидер партии ТОП 09 М. Пекарова-Адамова избрана Председателем Палаты депутатов.

Выборы в Сенат проводятся по мажоритарной системе абсолютного большинства в два тура голосования, если кандидат не получил в первом туре более 50%. Поскольку состав верхней палаты каждые два года обновляется на треть сенаторов, то выборы проходят в 27 из 81 избирательных округов. Первый тур в Сенат состоялся 23–24 сентября 2022 г., а второй – 30 сентября–1 октября того же года. В ходе избирательной кампании ГДП удалось провести 8 из 27 сенаторов, ХДС–ЧНП – 7 и ТОП 09–3, что позволило в конечном итоге всем представителям коалиции «Вместе» получить 18 из 27 мандатов. Количество мест оппозиционных партий следующее: АНГ 2011–3, «Сенатор 21» – 1, «Мэры за Либерецкий край» – 1, а также 4 независимых сенатора [8]. В обновлённом составе Сената коалиция «Вместе» располагает 73 сенаторами из 81 с учётом одного присоединившегося представителя «Сенатор 21», оппозиционная АНГ 2011–6, а также два независимых сенатора, не примкнувшие ни к одному из объединений [9]. Председателем Сената избран представитель ГДП М. Выстрчил.

Предвыборная кампания либералов в основном строилась на критике внутренней политики прежнего правоконсервативного правительства А. Бабиша за отход от демократических ценностей. Представители коалиции выступали за свободный рынок, развитие предпринимательства и ограничение бюрократии. Кроме того, бывшего премьер-министра в качестве владельца крупнейшего бизнес-активов подвергли обструкции за многочисленные скандалы. Либералы предложили курс на углублённое сотрудничество с США и ЕС. При этом они не только жёстко критикуют действия России на Украине, но и осуществляют военные поставки Киеву. Поражение правоконсервативной АНГ 2011 было обусловлено просчётами в развитии национальной экономики, финансирования армии, недостаточными мерами по преодолению пандемии.

Депутаты Государственного собрания Венгрии избираются по смешанной избирательной системе (106 – в одномандатных округах и 93 – по партийным спискам). Начиная с 2010 г. парламент контролируется коалицией ФИДЕС – Венгерского гражданского союза и Христианско-демократической народной партии (ХДНП) во главе с правоконсервативным лидером ФИДЕС В. Орбаном, длительное время возглавляющим правительство. Подобного успеха коалиция достигла и на последующих выборах в 2014, 2018 и 2022 г., позволивших действующему премьер-министру оставаться на своём посту.

На выборах в Государственное собрание 03 апреля 2022 г. представители ФИДЕС/ХДНП получили 67,8%, что составило 135 из 199 депутатских мандатов. По итогам голосования оппозиционные Объединённая коалиция ДК – «Иоббик» – «Моментум» – Венгерская социалистическая партия – Возможна другая политика-Диалог смогли набрать 28,6% (57) и националистическая «Наше отечество» – 3% (6) [10]. Председателем Государственного собрания избран представитель ФИДЕС Л. Кёвер.

Правящая правоконсервативная коалиция, будучи противником неолиберального экономического курса, приоритетное внимание во внутренней политике уделяет мерам национального протекционизма, расширению роли государства в банковской сфере и др. Парламентские выборы по времени совпали с началом СВО на Украине. Правящая элита исходит из того, что Будапешту следует оставаться в стороне от военных действий, в том числе не поставлять вооружение и не пропускать через свою территорию военные грузы в соседнюю страну. Стратегический курс В. Орбана, опирающийся на поддержку парламентского большинства, носит прагматический характер в отстаивании национальных интересов. Внешнеполитические инициативы руководства направлены на активное взаимодействие не только с западными, но и восточными странами, в том числе с Китаем, Турцией и др. Несмотря на антироссийские санкции, осуществляется взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество с Москвой, особенно в области энергетики и др.

Выборы в однопалатный парламент – Национальный Совет Словацкой Республики проходят каждые 4 года по пропорциональной избирательной системе. В связи с распадом правящей либеральной коалиции, избранной ещё 29 февраля 2020 г., были проведены досрочные выборы 30 сентября 2023 г. Успех сопутствовал левоцентристской партии «Курс-социальная демократия» (СМЕР), набравшей 22,95% (42 из 150 мандатов). СМЕР вместе с левой – «Голос – социальная демократия» (ГСД) – 14,71% (27) и умеренными правыми консерваторами – «Словацкая национальная партия» (СНП) – 5,63% (10) образовали правящую коалицию. В нынешнем парламенте оппозиция представлена партиями «Прогрессивная Словакия» – 17,96% (32), «Обычные люди» – 8,9% (16), «Христианско-демократическое движение» – 6,82% (12), «Свобода и солидарность» – 6,32% (11) [11]. Представитель правящей коалиции, лидер партии ГСД П. Пеллегрини избран Председателем Национального Совета. В связи с избранием последнего в марте 2024 г. президентом Словакии, временно исполняющим обязанности спикера, стал представитель СМЕР П. Жига.

Большинство избирателей, уставших от чехарды правительственных кризисов в период 2020–2023 гг., поддержали новую команду в надежде на возвращение к прежнему стабильному развитию. Кроме того, военные столкновения на Украине негативно сказываются на уровне жизни словаков. Победившая трёхпартийная коалиция сформировала правительство, возглавляемое лидером СМЕР Р. Фицо. Кабинет министров предложил программу социальной поддержки населения, в том числе установление государственных кредитов для людей с низким уровнем доходов, увеличение пенсий и других выплат, ограничение расходов на вооружение до 2% ВВП; в области внешней политики – прекращение поставок вооружения Украине при сохранении гуманитарной помощи. Нынешнее руководство последовательно выступает за отмену антироссийских санкций. Хотя правительственная коалиция неоднородна по своему составу, тем не менее ей удалось заметно улучшить отношения с Москвой. Вместе с тем, нельзя исключать, что внешняя

политика Братиславы подвергнется критике со стороны Брюсселя.

Национальное Собрание Республики Польша состоит из двух палат – Сейма и Сената. Основным законом предусматривает одновременное избрание обеих палат парламента сроком на 4 года. При этом выборы в нижнюю палату проходят по пропорциональной избирательной системе, а в верхнюю – по мажоритарной. Парламентские выборы 15 октября 2023 г. отличилась рекордной с 1989 г. явкой избирателей – 74%. По итогам избирательной кампании в Сейм правящая партия «Право и Справедливость» (ПиС) получила наибольшее число голосов – 35,38% (194 из 460 мандатов). Однако оппозиции в сумме удалось получить большинство: «Гражданская платформа» (ГП) – 30,7% (157), альянс «Третий путь» – «Польша 2050» и Польская крестьянская партия – 14,4% (65), «Левые» – 8,61% (26) и замыкает – ультраправая «Конфедерация» – 7,16% (18). Лидер партии «Польша 2050» Ш. Головня избран Маршалом Сейма [12].

Накануне избирательной кампании в Сенат все противники ПиС, за исключением «Конфедерации», заключили «Сенатский пакт 2023». На выборах выдвигался единый кандидат во всех одномандатных округах, чтобы противостоять представителю от правящей партии. Такая стратегия была апробирована ещё в 2019 г. и успешно воплощена в прошедшей кампании [13]. Результаты голосования в верхнюю палату следующие: ГП – 36 сенаторов из 100, к которым примкнули ещё 5 независимых, что в общем итоге составило 41, ПиС – 33, «Третий путь» – 12, «Левые» – 9, а также 4 независимых сенатора, не присоединившихся ни к одному объединению [14]. Представитель ГП М. Кидава-Блонска избрана Маршалом Сената.

В избирательной кампании победившая коалиция акцентировала внимание на провалах прежнего руководства, особенно в области ограничения демократии, поскольку допускались случаи вмешательства властей в деятельность судов. Данные обстоятельства повлияли на изменение уставов Конституционного и Верховного суда, Общепольского совета судей, способствовавшие упрощению ротации судей в интересах властей. Подобные кейсы вызвали недовольство европейской элиты по проблемам судебной реформы, а также миграционной политики. Кроме того, на исход голосования повлияла психологическая усталость значительной части общества от восьмилетнего консервативного правления Пи С.

Нынешний расклад партийно-политических сил в нижней палате свидетельствует о том, что ПиС не сформировало правительство, т.к. не смогла привлечь союзников. Тем временем три оппозиционные партии, а именно либеральная ГП, правоцентристский альянс «Третий путь» и «Левые» 10 ноября 2023 г. подписали коалиционное соглашение. В соответствии с документом, лидер ГП Д. Туск выдвигался единым кандидатом в премьер-министры, а председатель Польской крестьянской партии В. Косиняк-Камыш и «Левые» К. Гавковский номинированы в качестве заместителей главы правительства [15]. После отклонения кандидатуры уходящего премьер-министра М. Моравецкого, предложенного президентом А. Дудой, нижняя палата парламента 11 декабря 2023 г. поручила возглавить правительство Д. Туску. На следующий день депутаты выразили ему доверие и одобрили программу правительства на ближайшие годы.

Правительственная коалиция, опирающаяся на большинство в обеих палатах парламента, продвигает стратегию недифференцированного 15% подоходного налога для частных лиц, пересмотр темпов приватизации,

создание бесплатных мест в детских садах, а в области внешней политики – за продолжение активного сотрудничества с США и более конструктивное взаимодействие в рамках ЕС. Успех либерала Д. Туска ознаменовал не только завершение эпохи многолетнего правления правоконсервативной Пис, но и желание заметно улучшить отношения Польши с европейскими партнерами. Так, например, сотрудничество Варшавы с Брюсселем предполагает разблокировку 35 млрд евро в виде грантов и займов из программы помощи в связи с пандемией и 76 млрд евро, предназначенных на поддержку наиболее депрессивных регионов. В одной из первых зарубежных поездок новый премьер-министр 22 января 2024 г. посетил Киев.

Таким образом, итоги избирательных кампаний 2021–2023 гг. в национальные парламенты Центральной Европы не позволяют сделать однозначный вывод об устойчивом тренде электоральных предпочтений граждан. Если в Государственном собрании Венгрии правоконсерваторам удалось сохранить своё прежнее влияние, то в двухпалатных Парламенте Чехии и Национальном Собрании Польши либералы получили устойчивое большинство. Только в Национальном Совете Словакии доминируют левые, но в союзе с умеренными правыми. И хотя парламентские выборы в Венгрии, Словакии и Польше проходили после начала СВО на Украине, тем не менее решающее значение в электоральных предпочтениях граждан играли внутренние, а не внешние факторы.

Парламентарии Вишеградской четвёрки в условиях новой геополитической реальности

Польский Сейм стал одним из первых, кто обратился с призывом ко всем членам ЕС и НАТО оказать всестороннюю помощь Украине и ужесточить санкции в отношении России ещё 24 февраля 2022 г. [16]. Уже через два месяца парламенты стран Вишеградской группы по итогам встречи в г. Кошице 25 апреля 2022 г. выступили с осуждением действий Москвы, призвав стран-участников ЕС объединиться в поддержку Киева [17].

Спустя год спикеры парламентов Вишеградской четвёрки провели встречу в Братиславе 03 февраля 2023 г., посвящённую поиску решений вопросов региональной безопасности, миграции и энергетики. Во время заседания Маршал польского Сейма Э. Витек (избрание Ш. Головни произойдёт 13 ноября 2023 г.) заявила, что поддержка Украины вместе с энергетическими и миграционными проблемами остаются ключевыми для стран-участниц. Кроме того, она выразила общую позицию вишеградцев, осуждающих внешнеполитические действия Москвы [18].

Парламентарии Центральной Европы 19–20 февраля 2023 г. провели в рамках ЕС совместное заседание комитетов по иностранным делам по вопросам сотрудничества Вишеградской группы и перспектив европейского будущего Западных Балкан. Народные избранники выступили за согласование позиций по обсуждаемой повестке, в том числе в отношении мигрантов и энергетики. Во время встречи законодатели не обошли стороной СВО, и в очередной раз осудили действия Москвы. Вместе с тем парламентарии обратили внимание на необходимость соблюдения прав национальных меньшинств на Украине [19].

Конфликт на Украине, спровоцировавший рост цен на энергоносители, повлиял на инфляцию в вишеградских странах. Наиболее сложная ситуация наблюдается в Чехии, поскольку только за июль 2022 г. тарифы

на электроэнергию и газ увеличились почти в 3 раза. В создавшихся условиях власти предоставили поставщикам энергоносителей субсидии, учитывающие счета, выставяемые для населения [20]. В Словакии осенью 2022 г. внесены поправки в закон «Об энергетике», зафиксировавшие усиление роли государства в чрезвычайной ситуации. Цены на электроэнергию и газ стали регулироваться постановлением правительства. При этом для отдельных потребителей установлены максимальные цены размеров тарифов и пределы увеличения закреплённой цены [21]. Другие центрально-европейские государства менее болезненно пережили сложную ситуацию. Например, Польше с Норвегией удалось наладить выгодные поставки природных ресурсов, а Венгрии с Россией за счёт успешного торгово-экономического сотрудничества избежать резкого скачка цен на газ.

В связи с наплывом украинских беженцев национальные парламенты приняли ряд необходимых мер по оказанию им помощи. В рамках такой поддержки чешские законодатели 17 марта 2022 г. разработали и приняли нормативные документы, регулирующие правовой статус беженцев, получившие название «Lex Ukraina» [22]. Аналогичные меры в отношении вынужденных переселенцев приняты и в других государствах Вишеградской четвёрки. Однако, обеспечение людей, пострадавших от военных действий, стало серьёзной нагрузкой для бюджета центрально-европейских стран. Например, по этой причине польский Сейм ещё в период нахождения у власти представителей Пис 15 июня 2023 г. опубликовал резолюцию, осуждавшую введение Брюсселем квоты количества принимаемых нелегальных мигрантов. В документе отмечается, что решение такого важного вопроса не может быть принято вне контроля государств-членов ЕС или против их воли в обход принципа единогласия [23].

Возрастающая роль Китая в мировой политике выступает одним из факторов, влияющих на характер и содержание отношений с государствами Восточной Европы. В настоящее время для Польши серьёзной проблемой становятся взаимоотношения с Поднебесной, поскольку первая более двух десятилетий выступает надёжным союзником США. Тем не менее, Варшава вряд ли захочет потерять финансовые выгоды от экономических связей с Пекином. В то же время кабинету Д. Туска придется соответствовать общей стратегии ЕС по отношению к Китаю [24]. Кроме того, непростые отношения складываются между Чехией и Китаем из-за позиции по Тайваню. Так, в частности, спикер Палаты депутатов М. Пекарова-Адамова 25 марта 2023 г. посетила Тайбэй по линии поддержки научных и бизнес-контактов. В связи с этим китайское посольство в Праге осудило поездку, ибо, по известным причинам, подобные встречи наносят ущерб двусторонним отношениям [25]. Из других стран четвёрки Венгрия успешно развивает торгово-экономические связи с Китаем, а Словакия после победы Р. Фицо на сентябрьских выборах 2023 г. стремится к более успешному двустороннему сотрудничеству с Пекином.

В контексте нарастания геополитической напряжённости в мире и сложной социально-экономической ситуации в Центральной Европе, ряд представителей правящих элит Вишеградской группы по разным причинам приходят к необходимости пересмотра отношений с Москвой. Новый взгляд на украинский кризис 11 января 2024 г. изложил премьер-министр Словакии Р. Фицо в одной из национальных газет. Глава правительства с пониманием подошёл к тому, что Россия осознаёт угрозу своей национальной безопасности. По убеждению политика, Запад совершил ошибку, не достигнув

ещё в начале 2022 г. нормализации ситуации на Украине, а исходя из неправильной оценки событий, пытался создать максимальные проблемы Москве. Кроме того, Запад ошибался в оценке политического и экономического положения России, которая несмотря на международные санкции, демонстрирует самодостаточность, в том числе поставляя энергоносители в Китай и Индию [26]. Таким образом, Р. Фицо подаёт сигнал другим странам в необходимости нормализации отношений с Москвой.

Заключение

Таким образом, институты парламентской демократии Вишеградской группы пытались оперативно реагировать на новейшие вызовы и угрозы в условиях новой геополитической реальности. Последняя характеризуется углублением кризиса мирового порядка, вызванного событиями на Украине, ответом на которой стало проведение Россией СВО. Подобные обстоятельства вызвали негативную реакцию западного сообщества, в том числе ужесточение санкций в отношении Москвы, а также предоставление военной помощи Киеву. Парламентарии Центральной Европы, с одной стороны, стремились найти конструктивные ответы на современные риски, в том числе миграцию, рост националистических настроений, энергетический кризис, последствия пандемии, с другой – на ситуацию в мире после 24 февраля 2022 г.

Итоги избирательных кампаний 2021–2023 гг. в национальные парламенты Вишеградской четвёрки не позволяют сделать однозначный вывод об устойчивом тренде электоральных настроений граждан. Хотя парламентские выборы в Венгрии, Словакии и Польше прошли после начала СВО на Украине, тем не менее решающее значение в электоральных предпочтениях граждан играли внутренние, а не внешние факторы. В этот сложный период правящая элита Вишеградской четвёрки совместно с коллективным Западом осудили действия России в рамках СВО, присоединившись к четырнадцатому пакету антироссийских санкций. Однако Будапешт и Братислава демонстрируют желание не только развивать торгово-экономическое сотрудничество с Москвой, но и добиваться мирного завершения конфликта на Украине.

Центрально-европейские государства, будучи интегрированные в евроатлантические структуры, оказались в довольно противоречивом положении: с одной стороны, правящие элиты этих стран остаются приверженцами НАТО и европейской солидарности, с другой – проводят внешнюю и внутреннюю политику исходя из национальных интересов, которые сложно представить без торгово-экономического сотрудничества с Китаем, Россией и другими незападными государствами.

Литература

1. Зимин А.В., Абросимов А.А. Парламентская демократия Вишеградской группы в сравнительном аспекте: размышления политологов // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: сборник научных статей / отв.ред.: Н.В. Кефнер, Ю.В. Попова. – Омск: Издательство Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 2024. – С. 143–148.
2. Шишелина Л.Н. Роль «Бухарестской девятки» на восточном фланге НАТО // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 2. С. 7–14.
3. Богуцка Моника. Отношения России и Польши в сфере безопасности / Россия и Польша: пробле-

мы взаимного восприятия // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 110–111.

4. Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/ (дата обращения: 03.07.2024).
5. Четверикова А.С. Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС. – М.: ИМЭМО РАН. 2022. – 153 с.
6. Германия остается крупнейшим донором бюджета Евросоюза. – URL: <https://tass-ru.turbopages.org/tass.ru/s/ekonomika/18867097> (дата обращения: 11.02.2024).
7. Zasedací pořádek. – URL: <https://www.psp.cz/sqw/hp.sqw?k=1003> (дата обращения: 15.09.2023).
8. Volby do Senátu Parlamentu ČR konané dne 23.9.–24.9.2022. – URL: <https://www.volby.cz/pls/senat/se?xjazyk=CZ&xdatum=20220923> (дата обращения: 15.09.2023).
9. Senátorské kluby. – URL: https://www.senat.cz/organy/index.php?ke_dni=25.12.2023&O=14&par_1=K (дата обращения: 15.09.2023).
10. Az országgyűlési képviselők megválasztása. – URL: <https://www.parlament.hu/web/guest/bevezetes9> (дата обращения: 14.09.2023).
11. Poslanecké kluby NR SR. – URL: <https://www.nrsr.sk/web/default.aspx?SectionId=69> (дата обращения: 29.10.2023).
12. Kluby i koła. – URL: https://www.sejm.gov.pl/Sejm10.nsf/page.xsp/kluby_stat (дата обращения: 21.11.2023).
13. Pakt senacki oficjalnie podpisany. Liderzy opozycji ogłosili decyzję. – URL: <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/pakt-senacki-oficjalnie-podpisany-liderzy-opozycji-oglosili-decyzje/> (дата обращения: 21.11.2023).
14. Wybory do Sejmu i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej w 2023 r. – URL: <https://wybory.gov.pl/sejmsenat2023/pl> (дата обращения: 21.11.2023).
15. Три польских оппозиционных объединения подписали коалиционное соглашение. – URL: <https://iz-ru.turbopages.org/iz.ru/s/1603235/2023-11-10/tri-polskikh-opozitcionnykh-obedineniia-podpisali-koalicionnoe-soglashenie> (дата обращения: 21.11.2023).
16. Oświadczenie Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 24 lutego 2022 r. – URL: https://www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/agent.xsp?symbol=UCHWALYALL&NrKadencji=9&NrPosiedzenia=69/2048_u.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
17. Conclusions of the Meeting of the European Affairs Committees of the Senate and the Chamber of Deputies of the Czech Republic, the National Assembly of Hungary, the Sejm of the Republic of Poland and the National Council of the Slovak Republic. – URL: http://www.visegradgroup.eu/documents/official_statements/conclusions_of_the_v4_meeting_kosice.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
18. Bratysława. Spotkanie przewodniczących parlamentów Grupy Wyszehradzkiej z udziałem Marszałek Sejmu. – URL: <https://www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/v4Komunikat.xsp?documentId=96395CD93A718FBCC125894B-0040DC8A&term=9> (дата обращения: 26.02.2023).
19. Zasadnutie parlamentných výborov pre zahraničné veci krajín V4 na Bratislavskom hrade. – URL: <https://www.nrsr.sk/web/Default.aspx?sid=udalosti/udalost&MasterID=56332> (дата обращения: 15.09.2023).
20. Senát schválil úsporný tarif u plynu, elektřiny a tepla pro domácnosti. – URL: <https://www.ceskenoviny.cz/zpravy/senat-schvaili-ustporny-tarif-u-plynu-elektriny->

a-tepla-pro-domacnosti/2235629 (дата обращения: 19.01.2024).

21. Slovenská ekonomika v roku 2022: Toto všetko sa udi-alo. – URL: <https://www.teraz.sk/ekonomika/vyberova-chronologia-udalosti-zoslo/683540-clanok.html> (дата обращения: 19.01.2024).
22. Czech Republic: «Lex Ukraine» law package enters into force. European Commission, 21.03.2022. – URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/library-document/czech-republic-lex-ukraine-law-package-enters-force_en (дата обращения: 28.12.2023).
23. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 czerwca 2023 r. w sprawie propozycji wprowadzenia unijnego mechanizmu relokacji nielegalnych migrantów. – URL: https://oide.sejm.gov.pl/oide/index.php?option=com_content&view=article&id=15088&Itemid=1099/M20230597.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
24. Дынкин А.А., Барановский В.Г. Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. – М.: ИМЭМО РАН, 2023. – С.101.
25. Посольство КНР: визит спикера Палаты депутатов Чехии на Тайвань нарушает связи с Китаем. – URL: https://turbo.lenta.ru/news/2023/03/27/cz_cn (дата обращения: 04.01.2024).
26. Robert Fico: Strategia Zapadu na Ukrainie jednoducho nefunguje. – URL: <https://nazory.pravda.sk/analzy-a-postrehy/clanok/695354-robert-fico-strategia-zapadu-na-ukrajine-jednoducho-nefunguje> (дата обращения: 14.01.2024).

PARLIAMENTARY DEMOCRACY OF THE VISEGRAD GROUP IN THE CONTEXT OF A NEW GEOPOLITICAL REALITY

Zimin A.V., Abrosimov A.A.

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

The article examines the activities of the national parliaments of the Visegrad Group in the context of a new geopolitical reality. The latter is characterized by a deepening crisis of the world order caused by the events in Ukraine, the response to which was the conduct of a Special military Operation by Russia. Such circumstances caused a negative reaction from the Western community, which decided to tighten sanctions against Moscow and began to provide military assistance to Kiev. The parliamentarians of Central Europe, on the one hand, sought to adequately respond to the latest challenges and threats, including migration, the growth of nationalist sentiments, the energy crisis, the consequences of the pandemic, on the other – to the situation in the world after February 24, 2022.

The results of the 2021–2023 election campaigns for national parliaments indicate that while the right-wing conservatives managed to maintain their former influence in the Hungarian State Assembly, the liberals gained a stable majority in the bicameral Parliament of the Czech Republic and the National Assembly of Poland. Only the National Council of Slovakia is dominated by the left, but in alliance with the moderate right. Although parliamentary elections in Hungary, Slovakia and Poland took place after the start of the civil war in Ukraine, nevertheless, internal rather than external factors played a decisive role in the electoral preferences of citizens. During this difficult period, the ruling elites of the Visegrad Four, together with the collective West, condemned Russia's actions within the framework of the CSR, nevertheless Budapest and Bratislava demonstrate a desire not only to develop trade and economic cooperation with Moscow, but also to seek a peaceful end to the conflict in Ukraine.

Keywords: parliamentary democracy of the Visegrad Group, elections, parliamentary coalition, legislative activity, interparliamentary cooperation, new geopolitical reality.

References

1. Zimin A.V., Abrosimov A.A. Parliamentary Democracy of the Visegrad Group in Comparative Aspect: Reflections of Political Scientists // Development of Political Institutions and Process-

- es: Foreign and Domestic Experience: Collection of Scientific Articles / eds.: N.V. Kefner, Yu.V. Popova. – Omsk: Publishing House of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2024. – Pp. 143–148.
2. Shishelina L.N. The Role of the “Bucharest Nine” on NATO’s Eastern Flank // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 2. Pp. 7–14.
3. Bogutcka Monika. Relations between Russia and Poland in the Sphere of Security / Russia and Poland: Problems of Mutual Perception // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. 2011. No. 6. P. 110–111.
4. Agreement on Security Measures for the Russian Federation and the Member States of the North Atlantic Treaty Organization. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/ (accessed on July 3, 2024).
5. Chetverikova A.S. Limits of Independence of the Visegrad Group in the EU. – Moscow: IMEMO RAS. 2022. – 153 p.
6. Germany Remains the Largest Donor to the EU Budget. – URL: <https://tass.ru.turbopages.org/tass.ru/s/ekonomika/18867097> (accessed on February 11, 2024).
7. Zasedací pořádek. – URL: <https://www.psp.cz/sqw/hp.sqw?k=1003> (accessed on 15.09.2023).
8. Volby do Senátu Parlamentu ČR konané dne 23.9.–24.9.2022. – URL: <https://www.volby.cz/pls/senat/se?xjazyk=CZ&xdatum=20220923> (accessed on 15.09.2023).
9. Senátorský club. – URL: https://www.senat.cz/organy/index.php?ke_dni=25.12.2023&O=14&par_1=K (accessed on 15.09.2023).
10. Az országgyűlési képviselők megválasztása. – URL: <https://www.parlament.hu/web/guest/bevezetes9> (access date: 09/14/2023).
11. Poslanecké kluby NR SR. – URL: <https://www.nrsr.sk/web/default.aspx?SectionId=69> (access date: 10.29.2023).
12. Kluby i koła. – URL: https://www.sejm.gov.pl/Sejm10.nsf/page.xsp/kluby_stat (access date: 11/21/2023).
13. Pakt senacki oficjalnie podpisany. Leaders of the opposition have agreed to a coalition agreement. – URL: <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/pakt-senacki-oficjalnie-podpisany-liderzy-opozycji-oglosili-decyzje/> (accessed on 21.11.2023).
14. Parliamentary and Senatorial Blocs of Poland in 2023. – URL: <https://wybory.gov.pl/sejmsenat2023/pl> (accessed on 21.11.2023).
15. Three Polish opposition groups have signed a coalition agreement. – URL: <https://iz.ru/s/1603235/2023-11-10/tri-polskikh-opozitcionnykh-obedinenia-podpisali-koalicionnoe-soglashenie> (date of access: 21.11.2023).
16. Oświadczenie Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 24 Lutego 2022 r. – URL: https://www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/agent.xsp?symbol=UCHWALYALL&NrKadencji=9&NrPosiedzenia=69/2048_u.pdf (date of access: 15.09.2023).
17. Conclusions of the Meeting of the European Affairs Committees of the Senate and the Chamber of Deputies of the Czech Republic, the National Assembly of Hungary, the Assembly of the Republic of Poland and the National Council of the Slovak Republic. – URL: http://www.visegradgroup.eu/documents/official_statements/conclusions_of_the_v4_meeting_kosice.pdf (access date: 09.15.2023).
18. Bratislava. Spotkanie przewodniczących parlamentów Grupy Wyszehradzkiej z udziałem Marszałek Sejmu. – URL: <https://www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/v4Komunikat.xsp?documentId=96395CD93A718FBCC125894B0040DC8A&term=9> (date of access: 02.26.2023).
19. Zasadnutie parlamentných výborov pre zahraničné veci krajín V4 na Bratislavskom hrade. – URL: <https://www.nrsr.sk/web/Default.aspx?sid=udalosti/udalost&MasterID=56332> (access date: 09/15/2023).
20. Senát schválil úsporný tarif u plynu, elektřiny a tepla pro domácnosti. – URL: <https://www.ceskenoviny.cz/zpravy/senat-schvalilusporny-tarif-u-plynu-elektřiny-a-tepla-pro-domacnosti/2235629> (access date: 01/19/2024).
21. Slovenská ekonomika v roku 2022: Toto všetko sa udi-alo. – URL: <https://www.teraz.sk/ekonomika/vyberova-chronologia-udalosti-zoslo/683540-clanok.html> (access date: 01/19/2024).
22. Czech Republic: “Lex Ukraine” law package enters into force. European Commission, 21.03.2022. – URL: [СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ](https://ec.eu-</div><div data-bbox=)

ropa.eu/migrant-integration/library-document/czech-republic-lex-ukraine-law-package-enters-force_en (access date: 12/28/2023).

23. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 December 2023 r. w sprawie propozycji wprowadzenia unijnego mechanizmu relokacji nielegalnych migrantów. – URL: https://oide.sejm.gov.pl/oide/index.php?option=com_content&view=article&id=15088&Itemid=1099/M20230597.pdf (date of access: 15.09.2023).
24. Dynkin A.A., Baranovsky V.G. Russia and the World: 2024. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast. – Moscow: IM-EMO RAS, 2023. – P. 101.
25. PRC Embassy: visit of the Speaker of the Chamber of Deputies of the Czech Republic to Taiwan disrupts ties with China. – URL: https://turbo.lenta.ru/news/2023/03/27/cz_cn (date of access: 04.01.2024).
26. Robert Fico: Strategia Zapadu na Ukrainie jednoducho nefunguje. – URL: <https://nazory.pravda.sk/analyzy-a-postrehy/clanok/695354-robert-fico-strategia-zapadu-na-ukrajine-jednoducho-nefunguje> (date of access: 01/14/2024).

Внешняя культурная политика ФРГ – инструмент построения отношений

Маслова Ксения Валерьевна,

преподаватель кафедры мировых политических процессов
МГИМО МИД России
E-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

В статье рассматривается подход ФРГ к концептуализации и практической реализации принципа строительства отношений во внешней культурной политике (ВКП). На основе анализа политических документов прослеживается эволюция основных конструирующих идей ВКП с момента ее формирования после окончания Второй мировой войны. Отмечается отход в официальной позиции ФРГ от декларированного принципа нейтральности и самостоятельной значимости международных культурных обменов в сторону их политизированного использования как инструмента идейно-ценностного формирования лояльных сообществ в таргетируемых странах. Современное значение ВКП для Германии обуславливается способностью создавать особые сети отношений, развитие которых проводится для поддержания целей внешней политики и экономики.

Ключевые слова: внешняя культурная политика, Германия, внешняя политика ФРГ, политика отношений, культурный обмен.

Политическое руководство Германии на официальном уровне рассматривает свою ВКП как инструмент формирования отношений с зарубежной общественностью. В последнем доступном отчете о реализации внешней культурной и образовательной политики ФРГ заявлено: «наша внешняя культурно-образовательная политика – это внешняя политика для гражданского общества. Она направлена непосредственно на людей» [5]. Данный подход особенно актуализируется в условиях усложнения параметров межгосударственной конкуренции, ее перехода в публичное информационное пространство, где борьба ведется за возможность формировать общественные настроения и предпочтения.

В настоящей работе предпринята попытка проследить, как реализуется принцип строительства отношений во внешней культурной политике ФРГ.

Зарождение политики отношений в германской ВКП

Формирование современного подхода ФРГ к реализации ВКП происходило под влиянием политических и экономических условий, в которых страна оказалась по итогам Второй мировой войны. Положение страны-агрессора, проигравшей войну и лишенной собственного военного потенциала, обусловило, что для реинтеграции в международное сообщество и восстановления своих глобальных позиций Германии следовало ориентироваться на мирные, не-силовые инструменты.

В первые послевоенные годы ключевой целью ВКП являлась демонстрация миру новой, «лучшей Германии». Формирование позитивного образа страны планировалось достичь за счет продвижения немецкой «высокой культуры» без увязки с более широкими задачами внешней или внутренней политики [7, с. 36]. На данном этапе своего развития германская ВКП функционировала в большей степени как односторонний канал передачи на внешний уровень культурной привлекательности страны, элементы выстраивания отношений в ней отсутствовали.

Идея о том, что за счет развития диалога и каналов связи между гражданскими обществами возможно найти решение внешнеполитических проблем, проникли в германскую внешнюю политику, в особенности в ее культурное ответвление, в 1970-е годы. В этот период инициируется масштабная реформа в сфере ВКП, которая в конечном итоге сделала ее «третьим столпом» германской внешней политики. В ее основе лежали принципы беспристрастности (независимости культурной работы за рубежом от задач внешней политики и экономики), нацеленности на диалог и партнерское сотрудничество, формирования сбалансированного, самокритичного и приближенного к реальности представления о Германии [4].

Практическим следствием реализации данных принципов стала смена в выборе механизмов ВКП: наряду с музейно-выставочной деятельностью активное развитие начинает получать практика организации культурных обменов, а также различные дискуссионные форматы.

В свете своего недавнего тяжелого исторического прошлого, акцентирование на принципах диалога и взаимности во ВКП имело большое значение для Феде-

ративной Республики, поскольку позволяло на концептуальном уровне обособить культурную деятельность за рубежом от любых ассоциаций с пропагандой или попытками оказывать целенаправленное одностороннее воздействие.

Новые стратегии, цели и мотивы

Обновление сформулированных в 1970-е годы принципов произошло в начале нового тысячелетия, когда политическое руководство стало искать пути повысить роль ФРГ в международных отношениях и одним из путей к этому должно было стать расширение функционала ВКП, его более тесное увязывание с другими внешнеполитическими областями.

В вышедшей в 2000 году новой доктрине «Внешняя культурная политика – Концепция 2000» устанавливалось, что важнейшей задачей германской ВКП должно стать «привлечение партнеров к международному сотрудничеству посредством диалога» [2]. Вместе с тем, признавалось, что развитие отношений в рамках ВКП больше не может быть «нейтральным», а должно «основываться на ценностях и занимать решительную позицию в вопросах продвижения демократии, реализации прав человека, устойчивого экономического роста, участия в научно-техническом прогрессе, борьбы с бедностью и защиты природных ресурсов. Безусловно, выстроить демократические институты или предотвратить конфликты невозможно с помощью одной лишь культурной работы, однако, согласно логике германской стороны, переориентирование людей в процессе культурного диалога на собственные ценности и идеалы может способствовать этому. Подобная фокусировка, таким образом, перенесла акценты в германской ВКП с развития международных культурных связей как самодостаточной цели на их использование для решения конкретных задач, при этом сама ВКП становится «ценностной политикой».

В последующей концепции, вышедшей в свет в 2011 году, данная идея формулируется еще более однозначно: «С помощью таких инструментов, как образование, обмен и диалог культур, а также через уважение к другим культурам, ... мы достигнем людей напрямую и приобретем их для нашей страны, наших ценностей и наших идей» [9]. Особое внимание уделялось развитию культурных связей со странами, «находящимися в процессе трансформации», и странами – потенциальными источниками международных конфликтов, к которым в рамках германского политического дискурса относят страны бывшего соцлагеря, регион Ближнего Востока и Северной Африки [10, с. 9].

Таким образом к началу второго десятилетия 21 века на доктринальном уровне были обозначены принципиальные сдвиги от принципов нейтральности и неполитизированности культурных связей.

Реализация принципа строительства отношений в современной германской ВКП

В рамках нового концептуального оформления ВКП был развит широкий спектр разноформатных проектов, нацеленных на вовлечение в прямой диалог с немецкой культурой и ее ценностями, каждый из которых отличается нацеленностью на различные аудитории и характером выстраиваемых в результате отношений.

«Концепция 2000» дала старт таким широкомасштабным инициативам, как «Годы Германии» и «Германия – стран идей» [6, с. 293]. Они представляли собой целую серию различных культурных событий в одной конкрет-

ной стране, выбор которой обосновывается «политической целесообразностью». Так, «Года Германии» состоялись в Японии (2005/2006), Китае (2007–2010), Вьетнаме (2010), Казахстане (2010), Индии (2011–2012), России (2012/2013 и 2020/2021), Бразилии (2013/2014), Индонезии (2015), Мексике (2016/2017) и США (2018/2019). При этом страны, принимающие немецкий «культурный марафон» у себя дома, на основе принципа взаимности ответно проводят серию культурных событий на территории ФРГ.

Основными целями кампаний являются продвижение позитивного образа Германии, ее культуры и языка, а также укрепление конкурентных позиций немецкого бизнеса [3, с. 177]. Бесплатные культурные события, проводимые в общественных пространствах (в том числе просто на улицах города) призваны стать первой точкой для установления контакта, знакомства местных жителей с немецкой стороной. Между тем, форматы мероприятий не ограничиваются исключительно презентацией традиционного и современного немецкого искусства, а включают в себя многогранную повестку по широкому кругу проблем, важных для немецкого общества и политики.

Ряд других программ ориентирован на выстраивание контактов между немецкими деятелями культуры и искусства и представителями креативных индустрий зарубежных стран. К числу подобных инициатив можно отнести проводимый ежегодно с 2013 года кинофестиваль Goethe-Filmwoche, в рамках которого проходят показы современных лент немецкого кинематографа. Помимо знакомства широкой публики с немецкими кинолентами, цель фестиваля состоит в налаживании связей между немецкими и зарубежными творческими коллективами.

Помимо этого, внешняя культурная политика Германии за рубежом включает в себя проведение специализированных курсов для узкой категории специалистов, в рамках которых происходит передача немецкого подхода к организации определенной деятельности. Так, в 2011 году в ближневосточном регионе на базе Института им. Гёте была запущена программа по обучению специалистов менеджменту в сфере культуры в странах Ближнего Востока и Северной Африки – Kulturakademie NANO. В рамках Академии проводится обучение независимых негосударственных и правительственных участников из различных творческих сфер и учреждений культуры. Курсы ведут немецкие эксперты, а для участников проекта организуются деловые поездки в Берлин.

Стоит также отметить практику организации пост-проектного общения участников культурных программ. После завершающего лекционного дня взаимодействие между участниками продолжается в рамках создаваемых ассоциаций выпускников, координируемых германской стороной. При этом такие встречи могут проходить как в формате живого общения бывших участников, так и на цифровых площадках для поддержания установленных связей.

Особое внимание уделяется оказанию содействия иностранным деятелям культуры и искусства, причисляемым к уязвимым группам. Создаваемые инициативы в рамках данного направления ориентированы на творческих деятелей, чья жизнь у себя родине находится под угрозой, либо же тем из них, кому отказано в праве на образование или работу в стране их происхождения. Самая первая подобная программа – «Писатели в изгнании» – появилась в 1999 году при поддержке Уполномоченного Федерального правительства по культуре и СМИ на базе германского отделения международной НПО «ПЕН-клуб» (PEN International). Новые подобные проекты начинают появляться после 2015 года. Свою по-

мощь бежавшим художникам и журналистам в виде предоставления финансирования и обеспечения занятости стали оказывать многие организации и фонды: данные программы есть у Фонда им. Гумбольдта (Инициатива Филиппа Швартца), Института международных отношений (Инициатива Элизабет Зелберт), Службы германских академических обменов (Программа Хильде Домин), ряда университетов (Инициатива Ханны Арентс).

Отдельное направление германской ВКП посвящено оказанию помощи в сохранении культурного наследия за рубежом. В 2022 году Федеративная Республика реализовала проекты по защите культурного разнообразия и сохранению культурных ценностей, находящиеся под угрозой исчезновения, примерно в 40 странах. Впервые идея об использовании ВКП как инструмента по борьбе с колониальным прошлым, была высказана в общем виде в коалиционном соглашении 2018 года. Однако в официальной согласованной позиции ныне действующего правительства, данная идея наполняется более предметным изложением направлений работы. Правительство предлагает проводить реставрационные работы; поддерживать исследования, направленные на установление происхождения объектов культуры, содействовать их возвращению в места происхождения; создавать совместные центры изучения наследия и памяти жертв колониализма (по аналогии с национал-социалистическим прошлым) [8]. За счет демонстрации уважения к сохранению национальной культурной идентичности и культурного многообразия, а также своей готовности к возвращению ценностей колониальных времен, выработке совместных подходов к оценке и интерпретации событий германская сторона рассчитывает подобными символическими актами продемонстрировать свою готовность развивать отношения на равных началах, чтобы улучшить взаимоотношения с бывшими колониями. Ярким примером данной политики стало добровольное возвращение Федеративной республикой в Нигерию вывезенных в колониальную эпоху бенинских бронз [1].

Таким образом, реализация проектов в сфере ВКП, направленных на развитие сети отношений, используется в германской политической стратегии как инструмент укрепления диалога, но также и в целях повышения собственной конкурентоспособности среди основных мирополитических акторов. Она продемонстрировала свою эффективность с точки зрения налаживания контактов с гражданским обществом. Поэтому Германия и дальше заинтересована в развитии данной сети для обеспечения поддержки «на местах» своей внешнеполитической линии.

Вместе с тем, по мере своего развития ВКП продемонстрировала отход от начальных принципов нейтральности в сторону более инструментального подхода, когда культурные проекты используются для оказания воздействия на зарубежные сообщества. Вместе с тем, чрезмерный ценностный заряд опасен дегуманизацией культурных обменов и ростом конфликтности в международных отношениях.

Литература

1. Нецаев Ю. ФРГ вернула Нигерии 20 особо ценных музейных экспонатов. [Электронный ресурс]: Российская газета. 2022. – URL: <https://rg.ru/2022/12/22/frg-vernula-nigerii-20-osobo-cennyh-muzejnyh-eksponatov.html?ysclid=lu3wnt4zs4257083731> (дата обращения: 18.10.2024).
2. Auswärtige Kulturpolitik – Konzeption 2000. [Электронный ресурс]: ifa. 2000. – URL: <http://www.ifa.de/filead->

min/pdf/aa/akbp_konzeption2000.pdf (дата обращения: 18.10.2024).

3. Bauersachs H. Wandlungsprozesse in der deutschen auswärtigen Kulturpolitik: eine mehrdimensionale Analyse am Beispiel der Deutschlandjahre. Springer-Verlag, 2019. DOI: 10.1007/978-3-658-25698-2
4. Bundesregierung. Auswärtige Kulturpolitik. Stellungnahme der Bundesregierung zum Bericht der Enquete-Kommission «Auswärtige Kulturpolitik» des Deutschen Bundestages vom 7. Oktober 1975. Drucksache 7/4121. Bundesdrucksache 8/927. Bonn, 1977.
5. Deutscher Bundestag. 26. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik für das Jahr 2022. [Электронный ресурс]: Berlin, 2023. p. 74. – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/098/2009845.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).
6. Hülse R. The catwalk power: Germany's new foreign image policy. *Journal of International Relations and Development*. – 2009. – № 12. – P. 293–316. DOI: 10.1057/jird.2009.12
7. Kathe, S.R. Kulturpolitik um jeden Preis: die Geschichte des Goethe-Instituts von 1951 bis 1990. Frankfurt: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2005. – 525 p.
8. Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP. [Электронный ресурс]. 2021. p. 177. – URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021–2025.pdf (дата обращения: 18.10.2024).
9. Partner gewinnen, Werte vermitteln, Interessen vertreten. Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik in Zeiten der Globalisierung. [Электронный ресурс]: Auswärtiges Amt. 2011. – URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/595030/publicationFile/161964/AKBP-Konzeption-2011.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).
10. Weigel S. Transnationale Auswärtige Kulturpolitik – Jenseits der Nationalkultur. Voraussetzungen und Perspektiven der Verschränkung von Innen und Außen. Stuttgart: ifa, 2019.

GERMANY'S EXTERNAL CULTURAL POLICY AS A TOOL OF RELATIONSHIP BUILDING

Maslova K.V.

MGIMO University

The article examines the Germany's approach to the conceptualization and practical implementation of the idea of building relations through external cultural policy (ECP). Based on the analysis of political documents, the evolution of the main constructive principles of the ECP is traced from the moment of its formation after the end of World War II. It is noted that the Germany's position has changed from the declared principle of neutrality and the independent significance of international cultural exchanges towards their politicized use as a tool for the ideological and value formation of loyal communities in targeted countries. The current importance of the ECP for Germany is determined by its ability to create networks of relations to achieve the goals of foreign policy and the economy.

Keywords: external cultural policy, Germany, German foreign policy, relationship policy, cultural exchange.

References

1. Nechaev Y. (2022) Germany returned 20 particularly valuable museum exhibits to Nigeria. [Electronic resource]: Russian newspaper. – URL: <https://rg.ru/2022/12/22/frg-vernula-nigerii-20-osobo-cennyh-muzejnyh-eksponatov.html?ysclid=lu3wnt4zs4257083731> (accessed: 18.10.2024).

2. Auswärtige Kulturpolitik – Konzeption 2000. [Electronic resource]: ifa. 2000. – URL: http://www.ifa.de/fileadmin/pdf/aa/akbp_konzeption2000.pdf (accessed: 18.10.2024).
3. Bauersachs H. Wandlungsprozesse in der deutschen auswärtigen Kulturpolitik: eine mehrdimensionale Analyse am Beispiel der Deutschlandjahre. Springer-Verlag, 2019. DOI: 10.1007/978-3-658-25698-2
4. Bundesregierung. Auswärtige Kulturpolitik. Stellungnahme der Bundesregierung zum Bericht der Enquete-Kommission «Auswärtige Kulturpolitik» des Deutschen Bundestages vom 7. Oktober 1975. Drucksache 7/4121. Bundesdrucksache 8/927. Bonn, 1977.
5. Deutscher Bundestag. 26. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik für das Jahr 2022. [Electronic resource]: Berlin, 2023. p. 74. – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/098/2009845.pdf> (accessed: 18.10.2024).
6. Hülse R. The catwalk power: Germany's new foreign image policy. *Journal of International Relations and Development*. – 2009. – № 12. – P. 293–316. DOI: 10.1057/jird.2009.12
7. Kathe, S.R. Kulturpolitik um jeden Preis: die Geschichte des Goethe-Instituts von 1951 bis 1990. Frankfurt: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2005. – 525 p.
8. Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP. [Electronic resource]. 2021. p. 177. – URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021–2025.pdf (accessed: 18.10.2024).
9. Partner gewinnen, Werte vermitteln, Interessen vertreten. Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik in Zeiten der Globalisierung. [Electronic resource]: Auswärtiges Amt. 2011. – URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/595030/publicationFile/161964/AKBP-Konzeption-2011.pdf> (accessed: 18.10.2024).
10. Weigel S. Transnationale Auswärtige Kulturpolitik – Jenseits der Nationalkultur. Voraussetzungen und Perspektiven der Verschränkung von Innen und Außen. Stuttgart: ifa, 2019.

«Доктрина Байдена» и построение архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе во внешней политике США

Сафронова Ольга Владимировна,

к.и.н., доцент кафедры истории и теории международных отношений, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: o.v.safronova@imomi.unn.ru

Бушов Александр Сергеевич,

ассистент кафедры истории и теории международных отношений, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: bushov@unn.ru

В статье приводится анализ совокупности американских стратегических установок и конкретных внешнеполитических акций США, проводимых администрацией 46-го президента США, получившей название «Доктрина Байдена», и её применения в Индо-Тихоокеанском регионе. При формировании своей внешнеполитической программы в ИТР Джозеф Байден и его команда опирались на обновления роли США в международных институтах, внесения элементов идеологического противостояния с соперниками, сдерживания противников США посредством создания межгосударственных форумов и объединений, дающих технологическое преимущество США и их союзникам. Ревизия альянсов и партнёрств США в регионе привело к созданию сети, состоящей из организаций различных по своей специализации и уровню вовлечения, но объединённых декларацией общих ценностей и намерений. Концепция «интегрированного сдерживания», описанная в Стратегии Национальной Безопасности 2022, а также развитие в её рамках таких проектов как АУКУС, QUAD, IPEF являются яркими выражениями «Доктрины Байдена» в зоне ИТР, которой удалось соединить в себе достижения предшествующих администраций Белого Дома.

Ключевые слова: «Доктрина Байдена», Индо-Тихоокеанский регион, США, внешняя политика, АУКУС, IPEF, QUAD.

Отказ Джозефа Байдена баллотироваться на второй срок [1] открывает новую главу как во внутренней политике Вашингтона, так и во внешней. Карьерный политик, старожил, за плечами которого 36 лет службы в качестве Сенатора, 12 из которых в составе комитета по международным отношениям, пост вице-президента США в администрации Барака Обамы, в которой он также принимал участие в выработке и принятии внешнеполитических решений [2], Байден стал практически антиподом своего предшественника, Дональда Трампа. В глазах ряда экспертов, он должен был привести порядок во внешней политике своего предшественника, зачастую критикуемого за отсутствие системности и отхода от классических принципов дипломатического процесса.

При анализе истоков того, что получит название «доктрины Байдена» в ИТР, необходимо обратиться к его уже упомянутому опыту, а именно опыту работы в администрации Барака Обамы. Вице-президент Байден поддержал усилия администрации 44-го президента США по восстановлению лидерства в Тихоокеанском регионе, посетив Китай, Японию и Монголию в августе 2011 года и завершив обмен визитами с тогдашним вице-президентом Китая, нынешним лидером этой страны, в феврале 2012 года [3]. Американско-китайские переговоры в рамках потенциального выстраивания нового международного порядка в рамках концепции G-2 являлись одним из краеугольных направлений во внешней политике США на начальном этапе нарастающих противоречий между Вашингтоном и Пекином, и их неудача, которая по мнению ряда американских экспертов была неизбежной в следствии целого ряда экономических и политических причин [4], показала неизбежность конфронтации между двумя державами.

В таких условиях администрация Обамы видела возможность проведения сдерживания наступающего влияния Китайской Народной Республики посредством создания экономического блока, получившего название Транс-Тихоокеанское Партнёрство. В логике американской стратегии ТТП создавало серьёзные проблемы китайской стороне в сфере международной торговли. Создавая глобальную зону свободной торговли, исключая Пекин, страны имели большой стимул к торговле внутри Транс-Тихоокеанского Партнёрства, сокращая поступления в бюджет противника, а также стимулировать создание собственной индустрии, особенно в самых передовых технологических сферах. На момент создания проекта на страны-участницы ТТП приходилось примерно 40 процентов объёма от всей глобальной торговли, де факто ставив Китайскую Народную Республику перед непростым выбором: либо следовать руслу стандартам организации, заданных американской стороной, либо нести существенные издержки для собственной экономики [5]. 3 февраля 2016 года в городе Окленд, Новая Зеландия, президент США и представители других 11 тихоокеанских государств подписывают соглашение о Транс-Тихоокеанском Партнёрстве, не смотря на потенциальные трудности ратификации документа в Конгрессе [6]. По словам Барака Обамы, опубликованном в пресс-релизе Белого Дома, ТТП позволит «Америке, а не таким странам, как Китай», устанавливать прив-

ла взаимодействия между государствами в XXI веке, «что особенно важно в таком динамичном регионе, как Азиатско-Тихоокеанский» [7].

Победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года ознаменовала пересмотр подходов американской внешней политики. Новая республиканская администрация, сделавшая упор на протекционизм в своей предвыборной программе, закономерно оказалась менее готовой к серьёзным потерям в некоторых секторах американской экономики, которые неизбежно бы последовали в случае полноценного запуска проекта Транс-Тихоокеанского Партнёрства. Вместе с этим, администрация Трампа также осознавала важность Индо-Тихоокеанского региона, выпустив отдельную стратегию, получившую название «A Free And Open Indo-Pacific Advancing a Shared Vision». В ней прослеживалась преемственность политики предшественников, сохранялась цель сохранения американского лидерства как на региональном, так и на глобальном уровнях [8]. Главным отличием же являлся отказ от глобальных многосторонних проектов по сдерживанию растущего влияния КНР, вместо которых команда Дональда Трампа пыталась построить сложную модель двусторонних и малых по числу участников партнёрств для сохранения свободы рук во внешнеполитическом маневрировании. Линдси Форд, эксперт Института Брукинса, в своём докладе для аналитического центра отметил, что Трамп в своей внешней политике отошёл от одного из принципов американского лидерства, отстаиваемого его предшественниками, а именно поиска коллективного интереса для Вашингтона и его союзников, даже ценой компромисса, над политикой максимально выгодной только лишь Белому Дому [9].

Электоральный цикл 2020 года поставил перед кандидатами Демократической партии задачу переосмысления не только внутренней политики, но и адаптации к новым внешнеполитическим реалиям. В рамках предвыборной гонки за пост Президента, Джоозефом Байденом была произнесена программная речь по вопросам внешней политики. Мероприятие прошло в Нью-Йорке, 11 июля 2019 года. Общий тон был критичен по отношению к изменениям, произошедших следствием избрания Трампа в 2016 году. Основные положения речи включали в себя констатацию снижения американского лидерства в мире, эксцентричные подходы в дипломатическом процессе как с союзниками США, так и с соперниками Вашингтона. Что же касается непосредственно Индо-Тихоокеанского региона, будущий президент США отметил необходимость укрепления сотрудничества с дружественными демократическими государствами-партнерами в Азии, включая Японию, Южную Корею, Австралию и Индию с целью расширения коллективных возможностей в этой части Земного шара [10].

Более детальную повестку своей внешнеполитической стратегии кандидат в президенты Джоозеф Байден описывает в своей статье для журнала «Foreign Affairs» под названием «Why America Must Lead Again». Кроме тонкого укола в адрес своего оппонента (выигравшего президентские выборы 2016 года с девизом Make America Great Again, что, учитывая заголовок материала, подразумевается автором как нереализованное обещание), будущий президент США в очередной раз перечисляет ошибки своего оппонента, которые, по его мнению, заключаются в отказе от роли глобального арбитра на международной арене. Байден подчёркивает, что в течение 70 лет Соединённые Штаты играли ведущую роль в создании правил, заключении соглашений и продвижении институтов, определявших отношения между государствами, способствующих коллективной без-

опасности и взаимному процветанию [11]. Следующим направлением, напрямую вытекающим из предыдущего, Джоозеф Байден видит необходимость обеспечения технологического лидерства, в том числе и на международной арене, что, согласно этому видению, позволит демократическим обществам процветать и обеспечивать всеобщее благосостояние [11], а также недопущение занятия этих позиций американскими противниками: КНР и Российской Федерацией. Статья будущего 46-го главы Белого Дома завершается обсуждением роли идей свободы и демократии в рамках внешней политики для борьбы с новыми вызовами и угрозами. По мнению Байдена, Вашингтону необходимо вновь сплотить «свободный мир» и стать его лидером, ведь согласно его тексту: «Ни одна другая нация не обладает таким потенциалом. Ни одна другая нация не построена на этой идее» [11].

Таким образом, ещё до вступления в должность новой администрации в 2021 году, выделялись следующие внешнеполитические установки, которые лягут в основу «Доктрины Байдена». Во-первых, возвращение к более институциональной модели проведения внешней политики, основанной на усилении многосторонних связей для сдерживания противников Вашингтона. Во-вторых, стремление к достижению технологического лидерства для США и их союзников. В-третьих, опора на ценностный подход для определения союзников и противников Белого Дома, в котором «свободный мир» под руководством США противостоит вызовам и угрозам XXI века. Иннаугурационная речь 46-го президента США только подтверждает эти выводы. 20 января 2021 года Байден в очередной раз заявил о намерениях восстановить американские альянсы и глобальное сотрудничество для борьбы с актуальными и грядущими вызовами, стремление стать лидером не только благодаря совокупному могуществу, но и своим примером. По его мнению, Соединённым Штатам необходимо вновь стать сильным и надёжным партнёром во имя мира, прогресса и безопасности [12].

В одном из своих самых первых выступлений после инаугурации, посвящённых грядущей внешнеполитической стратегии, произнесённой в штаб-квартире Госдепартамента 04 февраля 2021 года, Джоозеф Байден обозначил главного стратегического соперника США в долгосрочной перспективе – Китайскую Народную Республику. По мнению 46-го президента США КНР является вызовом, связанным с безопасностью, процветанием и угрозой демократическим ценностям. Согласно этому посланию, для сдерживания Пекина администрация предпримет шаги по противостоянию экономическим злоупотреблениям Китая, будет противодействовать агрессивным и силовым акциям КНР на глобальной арене, а также более жёстко отстаивать американские позиции по вопросам интеллектуальной собственности и глобального управления. Вместе с этим Белым Домом оставлено пространство для сотрудничества с Пекином, когда это будет в интересах Америки [13].

Как было отмечено ранее, большая ставка администрации Байдена в решении этих задач была сделана на обновление роли США в международных институтах, а также восстановлении морального авторитета и доверия для своих союзников в ключевом регионе соперничества между Пекином и Вашингтоном, а именно зоне ИТР. Одним из первых шагов новой администрации по укреплению многостороннего сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе стала виртуальная встреча так называемой «Четвёрки» (так же известной под названием QUAD) – регионального переговорного форума, состоящего из США, Индии, Японии и Австралии. QUAD был одним из немногих многосторонних форматов дис-

куссии по безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, используемой администрацией Дональда Трампа (сам формат был возрождён по инициативе его команды [14]). По результатам переговоров 21 марта 2021 года страны выпустили совместное заявление, получившее название «Дух QUAD». Текст, состоящий из пяти пунктов, включал в себя подтверждение обязательства сторон по укреплению сотрудничества по вопросам обеспечения свободы, открытости, инклюзивности, защиты демократических ценностей. Страны подписываются под совместным видением «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона», а также совместным проектам в сфере критически важных и новейших технологий, выработке международных стандартов и инновационных технологий будущего, усиления действий по смягчению последствий изменения климата на глобальном уровне и т.д. [15].

15 сентября 2021 года лидеры трёх стран: Соединённых Штатов Америки, Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Австралийского Союза в совместном заявлении о создании нового стратегического оборонительного объединения, получившего название АУКУС. Три государства, разделяющих долгую совместную историю сотрудничества по широкому спектру вопросов, согласились ещё сильнее углубить взаимодействия в таких сферах безопасность, оборона, обмен информацией и технологиями, интеграции научной, технологической, промышленной баз и цепочек поставок. В документе отдельно подчеркивается наличие разделяемых всеми сторонами идеалов и общей приверженностью международному порядку, основанному на правилах, решимости углублять дипломатическое сотрудничество, сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе путем сотрудничества с партнерами, для решения задач, стоящих перед государствами в двадцать первом веке [16].

Выход США из Транс-Тихоокеанского Партнёрства, одного из ключевых международных проектов администрации президента Барака Обамы и вице-президента Джозефа Байдена, ослабил возможность Вашингтона в формировании общей региональной повестки на Тихом Океане. Напротив, Китайская Народная Республика воспользовалась этой заминкой Белого Дома и смогла по результатам долгих переговоров прийти к согласию с государствами региона заключив Всестороннее региональное экономическое партнёрство (RCEP). И хотя, по мнению экспертов Института Брукингса, данный экономический проект нельзя назвать полным триумфом китайской дипломатии, это всё же поможет Пекину укрепить отношения с соседями, а также ускорит экономическую интеграцию государств Северо-Восточной Азии при участии КНР [17]. В качестве противовеса, администрация Байдена выдвинула идею о создании Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения. В своём заявлении от 23 мая 2022 года Байден выделил четыре ключевых направления: создания условий свободной и справедливой торговли между участниками, повышение стабильности и безопасности в цепочках поставок, поддержка развития устойчивой и долговременной инфраструктуры и оказание технической помощи, а также соглашения о борьбе с уклонением от уплаты налогов и коррупцией в Индо-Тихоокеанском регионе [18].

2022 год ознаменовался выходом целого ряда уставных документов для американской внешней политики, в которых подтверждалась приверженность данному курсу. В Концепции Национальной Безопасности США 2022 года основным инструментом для продвижения национальных интересов и противодействия противникам администрация Байдена видела в подходе, получившем

название «Интегрированное сдерживание». Последнее состоит из пяти основных элементов:

- интеграция военной (наземной, воздушной, морской, кибернетической и космической) и невоенной (экономической, технологической и информационной) областей в стратегическом планировании;
- гармонизация и интеграция внешнеполитических подходов в разных регионах Земного шара для более эффективного противодействия противникам;
- недопущение изменения противниками США статус-кво, посредством более тесного вовлечения Вашингтона по всему спектру конфликтов;
- более тесная интеграция американских институтов для максимизации возможностей и инструментов США при решении конфликтов;
- интеграция с союзниками и партнерами посредством инвестиций в оперативную совместимость и совместное развитие потенциала, совместное планирование действий и скоординированные дипломатические и экономические подходы [19].

В отдельной стратегии для Индо-Тихоокеанского региона администрация Байдена также выделяет пять ключевых направлений своей внешней политики:

- продвижение концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»;
- создание связующих элементов: как внутри самого ИТР, так и связи ИТР с другими частями мира;
- способствование процветанию региона ИТР;
- укрепление безопасности в ИТР;
- повышение устойчивости региона ИТР к транснациональным угрозам [20].

Отдельным документом также является и Стратегия Тихоокеанского Партнёрства, направленного в сторону государств Тихого Океана. Для достижения американских интересов, по мнению администрации Белого Дома, США необходимо укрепить сотрудничество с этими государствами при помощи расширения дипломатического представительства Вашингтона, способствовать объединению позиции тихоокеанских островных государств и их связи со всем остальным миром, поддержка островных государств в условиях изменения климата, а также более глубокая экономическая кооперация [21].

На протяжении всего президентского срока Джозеф Байден и его администрация в своей внешней политике не сходила с заданного курса, лишь укрепляя сотрудничество со своими союзниками и партнёрами в регионе. Так, АУКУС, объединение, начавшееся с совместных разработок по строительству атомного подводного флота для Австралии, перешёл во вторую фазу технологического сотрудничества между Канберрой, Лондоном и Вашингтоном. Она включает разработки в таких передовых технологических направлениях как:

- 1) технологии необходимые для подводных операций;
- 2) квантовые технологии;
- 3) развитие искусственного интеллекта и исследование автономных систем;
- 4) кибернетика;
- 5) гиперзвуковое оружие и меры его противодействия;
- 6) радиоэлектронная борьба;
- 7) перспективные разработки общего характера;
- 8) обмен информацией [22].

Развитие получил и проект Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (IPEF). В июне 2024 года странами-участницами было подписано соглашение, по которому создавался Совет IPEF, а также Совместная Комиссия чтобы способствовать коллективному выполнению соглашений IPEF, включая возможность привлечения новых членов. Кроме того, в рамках нового

партнёрства были также подписаны соглашения о создании органов по регулированию цепочек поставок между участниками (IPEF Supply Chain Agreement [23]), а также соглашения по взаимодействию в сфере «зелёной экономики» (IPEF Clean Economy Agreement [24]) и общее соглашение о совместной работе по борьбе с коррупцией, уклонению уплаты налогов, и транспарентности экономической деятельности (IPEF Fair Economy Agreement [25]), что позволило создать институциональную основу для экономического проекта, способного продвигать американское видение в будущих торговых отношениях в зоне ИТР [26].

Несмотря на то, что администрация Байдена провела в Белом Доме всего один срок, ей удалось достичь значительных результатов в построении архитектуры в Индо-Тихоокеанском регионе, способной обеспечить безопасность и национальные интересы Вашингтона в одном из самых динамичных регионов Земного шара. Интегрировав в своей сути подходы своих предшественников, команде 46-го президента удалось создать механизмы, которые с одной стороны были достаточно гибкими и не провоцирующими серьёзный уровень роста эскалации в ИТР в отношениях с Китайской Народной Республикой, но с другой стороны достаточно прочными для выработки общих подходов по вопросам экономики, технологий и торговли со своими союзниками и партнёрами по комплексному сдерживанию нарастающего потенциала Пекина. Администрации Байдена удалось адаптировать методы неолиберального институционализма с изменяющейся реальностью системы международных отношений, в которой США хотя и обладают наибольшим совокупным потенциалом, однако их лидерство уже не является абсолютным и всеобъемлющим.

Литература

1. Biden drops out of 2024 race after disastrous debate inflamed age concerns. VP Harris gets his nod // The Associated Press. July 22, 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://apnews.com/article/biden-drops-out-2024-election-ddffde72838370032bdcff946cfc2ce6> (дата обращения: 25.09.2024).
2. Joseph R. Biden Jr. // The White House Historical Association. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehousehistory.org/bios/joseph-r-biden-jr> (дата обращения: 25.09.2024).
3. Vice President Joe Biden // the White House President Barack Obama. [Электронный ресурс]. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/node/110> (дата обращения: 25.09.2024).
4. Sarafano J. Why a “US-China G2” won’t work // the Heritage Foundation. January 6, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/why-us-china-g2-wont-work> (дата обращения: 25.09.2024).
5. Chow, Daniel C.K. (2016) “How the United States Uses the Trans-Pacific Partnership to Contain China in International Trade,” Chicago Journal of International Law: Vol. 17: No. 2, Article 2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol17/iss2/2> (дата обращения: 25.09.2024).
6. U.S., 11 nations formally sign largest regional trade deal in history // The Washington Post. February 3, 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.washingtonpost.com/politics/us-11-nations-formally-sign-largest-regional-trade-deal-in-history/2016/02/03/2db4ab26-caa4-11e5-88ff-e2d1b4289c2f_story.html (дата обращения: 25.09.2024).
7. Statement by the President on the Signing of the Trans-Pacific Partnership // the White House President Barack Obama. February 03, 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/02/03/statement-president-signing-trans-pacific-partnership> (дата обращения: 25.09.2024).
8. A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. U.S. Department of State. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
9. Ford L. The Trump administration and the “Free and Open Indo-Pacific” // the Brookings Institute. May 2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/05/fp_20200505_free_open_indo_pacific.pdf (Дата обращения: 25.09.2024)
10. Remarks as Prepared for Delivery by Vice President Joe Biden in New York City, New York // Democracy in Action. July 11, 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.democracyinaction.us/2020/biden/biden-policy071119foreignpolicy.html> (дата обращения: 25.09.2024).
11. Biden J. Why America Must Lead Again. Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump // the Foreign Affairs. January 23, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again> (дата обращения: 25.09.2024).
12. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. // the White House. January 20, 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (дата обращения: 25.09.2024).
13. Remarks by President Biden on America’s Place in the World // The White House. February 04, 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 25.09.2024).
14. Curran J. Trump exhumes the Quad // The Lowy Institute. 17 November, 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.loyyinstitute.org/publications/trump-exhumes-quad> (дата обращения: 25.09.2024).
15. Quad Leaders’ Joint Statement: “The Spirit of the Quad” // The White House. March 12, 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/> (дата обращения: 25.09.2024).
16. Бушов А.С. Роль АУКУС в Индо-Тихоокеанской политике США // Россия и Америка в XXI веке. – 2023. – Спецвыпуск 3. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760029091-7-1/>. DOI: 10.18254/S207054760029091-7 (дата обращения: 25.09.2024).
17. Petri P., Plummer M. RCEP: A new trade agreement that will shape global economics and politics // The Brookings Institute. November 16, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/rcep-a-new-trade-agreement-that-will-shape-global-economics-and-politics/> (дата обращения: 25.09.2024).
18. Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // The White House. May 23, 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (дата обращения: 25.09.2024).
19. The Biden-Harris Administration’s National Security Strategy // the White House. October 12, 2022.

- [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
20. Indo-Pacific Strategy of the United States of America // The White House. February 11, 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
 21. Pacific Partnership Strategy // The White House. September 29, 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/09/Pacific-Partnership-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
 22. Parrish P. Niscastro L.A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service June 20, 2023. R47599. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (дата обращения: 25.09.2024).
 23. The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity Agreement Relating to Supply Chain Resilience // U.S. Department of Commerce. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2023-09/2023-09-07-IPEF-Pillar-II-Final-Text-Public-Release.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
 24. The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity Agreement Relating to a Clean Economy Agreement // U.S. Department of Commerce. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2024-03/IPEF-PIII-Clean-Economy-Agreement.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
 25. The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity Agreement Relating to a Fair Economy. // U.S. Department of Commerce. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2024-03/IPEF-PIV-Fair-Economy-Agreement.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
 26. Kitamura K. Manyin M. Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF) // the Congressional Research Service. July 22, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12373> (дата обращения: 25.09.2024).

“BIDEN DOCTRINE” AND CONSTRUCTION OF SECURITY ARCHITECTURE IN INDO-PACIFIC REGION IN US FOREIGN POLICY

Safronova O.V., Bushov A.S.

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

The article provides an analysis of sum of American strategic attitudes and specific US foreign policy actions carried out by the administration of the 46th President of the United States, called the “Biden Doctrine”, and its application in the Indo-Pacific region. When forming his foreign policy program in the Indo-Pacific, Joseph Biden and his team relied on updating the role of the United States in international institutions, introducing elements of ideological confrontation with rivals, deterring US opponents through the creation of interstate forums and associations that give the United States and its allies a technological advantage. The revision of the US alliances and partnerships in the region has led to the creation of a network consisting of organizations of different specialization and level of involvement, but united by a declaration of common values and intentions. The concept of “integrated deterrence” described in the National Security Strategy 2022, as well as the development of projects such as AUCUS, QUAD, and IPEF within its framework, are vivid examples of the “Biden Doctrine” in the Indo-Pacific region which is able to combine the achievements of previous White House administrations.

Keywords: “Biden Doctrine”, Indo-Pacific region, USA, foreign policy, AUCUS, IPEF, QUAD.

References

1. Biden drops out of 2024 race after disastrous debate inflamed age concerns. VP Harris gets his nod // The Associated Press. July 22, 2024 [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/biden-drops-out-2024-election-ddfde72838370032bdcff946cfc2ce6> (accessed: 09/25/2024).
2. Joseph R. Biden Jr. // The White House Historical Association. [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehousehistory.org/bios/joseph-r-biden-jr> (accessed: 09/25/2024).
3. Vice President Joe Biden // the White House President Barack Obama. [Electronic resource]. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/node/110> (date of access: 25.09.2024).
4. Carafano J. Why a “US-China G2” won’t work // the Heritage Foundation. January 6, 2014. [Electronic resource]. – URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/why-us-china-g2-wont-work> (date of access: 25.09.2024).
5. Chow, Daniel C.K. (2016) “How the United States Uses the Trans-Pacific Partnership to Contain China in International Trade,” Chicago Journal of International Law: Vol. 17: No. 2, Article 2. [Electronic resource]. – URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol17/iss2/2> (date accessed: 09/25/2024).
6. U.S., 11 nations formally sign largest regional trade deal in history // The Washington Post. February 3, 2016. [Electronic resource]. – URL: https://www.washingtonpost.com/politics/us-11-nations-formally-sign-largest-regional-trade-deal-in-history/2016/02/03/2db4ab26-caa4-11e5-88ff-e2d1b4289c2f_story.html (date accessed: 09/25/2024).
7. Statement by the President on the Signing of the Trans-Pacific Partnership // the White House President Barack Obama. February 03, 2016. [Electronic resource]. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/02/03/statement-president-signing-trans-pacific-partnership> (date of access: 09/25/2024).
8. A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. U.S. Department of State. [Electronic resource]. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (date of access: 09/25/2024).
9. Ford L. The Trump administration and the “Free and Open Indo-Pacific” // the Brookings Institute. May 2020. [Electronic resource]. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/05/fp_20200505_free_open_indo_pacific.pdf (Accessed: 09/25/2024).
10. Remarks as Prepared for Delivery by Vice President Joe Biden in New York City, New York // Democracy in Action. July 11, 2019 [Electronic resource]. – URL: <https://www.democracyinaction.us/2020/biden/bidenpolicy071119foreignpolicy.html> (Accessed: 09/25/2024).
11. Biden J. Why America Must Lead Again. Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump // the Foreign Affairs. January 23, 2020. [Electronic resource]. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again> (accessed: 09/25/2024).
12. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. // the White House. January 20, 2021. [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (accessed: 09/25/2024).
13. Remarks by President Biden on America’s Place in the World // The White House. February 04, 2021. [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (date of access: 09/25/2024).
14. Curran J. Trump exhumes the Quad // The Lowy Institute. November 17, 2017. [Electronic resource]. – URL: <https://www.loyyinstitute.org/publications/trump-exhumes-quad> (date of access: 09/25/2024).
15. Quad Leaders’ Joint Statement: “The Spirit of the Quad” // The White House. March 12, 2021. [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/> (date of access: 09/25/2024).
16. Bushov A.S. The Role of AUKUS in the US Indo-Pacific Policy // Russia and America in the 21st Century. – 2023. – Special Issue 3. [Electronic resource]. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760029091-7-1/>. DOI: 10.18254/S207054760029091-7 (date of access: 09/25/2024).

17. Petri P., Plummer M. RCEP: A new trade agreement that will shape global economics and politics // The Brookings Institute. November 16, 2020. [Electronic resource]. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/rcep-a-new-trade-agreement-that-will-shape-global-economics-and-politics/> (accessed: 09/25/2024).
18. Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // The White House. May 23, 2022. [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (accessed: 09/25/2024).
19. The Biden-Harris Administration's National Security Strategy // the White House. October 12, 2022. [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed on September 25, 2024).
20. Indo-Pacific Strategy of the United States of America //The White House. February 11, 2022. [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed on September 25, 2024).
21. Pacific Partnership Strategy // The White House. September 29, 2022. [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/09/Pacific-Partnership-Strategy.pdf> (date of access: 09/25/2024).
22. Parrish P. Niscastro L.A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service June 20, 2023. R47599. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (date of access: 09/25/2024).
23. The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity Agreement Relating to Supply Chain Resilience // U.S. Department of Commerce. [Electronic resource]. – URL: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2023-09/2023-09-07-IPEF-Pillar-II-Final-Text-Public-Release.pdf> (date accessed: 25.09.2024).
24. The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity Agreement Relating to a Clean Economy Agreement // U.S. Department of Commerce. [Electronic resource]. – URL: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2024-03/IPEF-PIII-Clean-Economy-Agreement.pdf> (date accessed: 25.09.2024).
25. The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity Agreement Relating to a Fair Economy. // U.S. Department of Commerce. [Electronic resource]. – URL: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2024-03/IPEF-PIV-Fair-Economy-Agreement.pdf> (accessed: 25.09.2024).
26. Kitamura K. Manyin M. Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF) // the Congressional Research Service. July 22, 2024. [Electronic resource]. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12373> (accessed: 25.09.2024).

Российско-иранские отношения в контексте развития политического процесса взаимодействия стран «глобального Юга»

Цзяо Юньян,

магистрант института русского языка Хэйлунцзянского университета
E-mail: yunyangjiao991203@163.com

Ван Ао,

магистрант института русского языка Хэйлунцзянского университета
E-mail: 2530160204@qq.com

Актуальность исследования определяется политической значимостью российско-иранского сотрудничества в динамично-трансформирующейся международной системе, сочетаемой с потенциалом роста и развития «глобального Юга». Целью работы выступает выявление новых тенденций и перспектив российско-иранских отношений в контексте «глобального Юга». Ее задачи: определение ключевых тенденций российско-иранских отношений, включающих их политические, экономические, военные и другие аспекты; выявление перспектив российско-иранских отношений в контексте развития «глобального Юга». Динамика международной системы, ее сущностная структурная трансформация, а также «молодость» понятия «глобальный Юг» формируют новизну исследования, и его значимость для политических исследований. В условиях современной международной системы Россия и Иран обладают значительным потенциалом для развития своих отношений. Одним из ключевых факторов в этом контексте выступает становление и динамика стран «Глобального Юга». В новой структуре миропорядка они приобретают статус нового полюса мировых взаимоотношений, что обуславливает их международную значимость и способность влиять на глобальные процессы.

Ключевые слова: Россия, Иран, «глобальный Юг», тенденции, перспективы сотрудничества.

Введение

На сегодняшний день сотрудничество РФ со странами, относящимися к «глобальному Югу», обладает особым значением для российского государства. Это обусловлено как динамичным политическим, экономическим, военным и пр. развитием последних, так и особенностями текущих трансформаций международной системы. В ее рамках страны коллективного Запада находятся в состоянии конфронтации с государствами и их объединениями, не соглашающимися сохранять систему доминирования западного мира.

В такой международной обстановке Россия вынуждена укреплять свои позиции и находить сильных союзников, из числа региональных лидеров. Одним из наиболее подходящих в этом контексте партнеров является Исламская Республика Иран (ИРИ, Иран). Будучи одним из ключевых государств Ближнего Востока Иран также заинтересован в развитии отношений с внерегиональными лидерами. Также как ИРИ подвергшаяся активным западным санкциям РФ может выступать для него надежным союзником и обладать значительным потенциалом эффективной динамики совместной деятельности на международной арене.

Политическая значимость российско-иранского сотрудничества, сочетаемая с потенциалом роста и развития «глобального Юга» определяет актуальность их исследования. При этом динамика международной системы, ее сущностная структурная трансформация, происходящая на текущем историческом этапе, а также «молодость» понятия «Глобальный Юг» формируют новизну исследования, и его значимость для политических исследований.

Соответственно, целью работы выступает выявление новых тенденций и перспектив российско-иранских отношений в контексте «глобального Юга».

Ее задачи:

1. определение ключевых тенденций российско-иранских отношений, включающих их политические, экономические, военные и другие аспекты;

2. выявление перспектив российско-иранских отношений в контексте развития «Глобального Юга».

Теоретическую базу исследования составили работы исследователей актуальных отношений России и Ирана, а также развития «Глобального Юга». Кроме того в работе использовались внешнеполитические документы и публицистические материалы, позволившие охарактеризовать основы и текущее состояние российско-иранских отношений.

Методология и методы

Методологическую основу исследования обеспечило объединение таких подходов теории международных отношений как неореализм и глобализм. Первый позволяет сконцентрировать внимание на тенденциях и перспективах отношений двух государств, реализующих свои интересы путем сотрудничества в международной системе. Вторым позволил учитывать понятие «глобального Юга» и сущностных трансформаций глобального мира

в российско-иранском взаимодействии. Соответствующими ими методами работы стали такие общенаучные принципы как анализ, синтез, сравнение и систематизация, а также метод анализа публицистических материалов и нормативных документов.

Результаты

Ключевые тенденции российско-иранского сотрудничества

Очевидно, что в современной международной системе взаимодействие между ее двумя значимыми субъектами предполагает комплексную работу, охватывающую ряд сфер потенциального и текущего сотрудничества. Отношения между РФ и Ираном не являются исключением в этом вопросе. Напротив, имея спектр актуальных для каждой сторон вопросов, в первую очередь, противодействия Западу и его санкциям, обеспечения национальной и региональной безопасности, государственного развития и становления многополярного мира, они должны реализовывать взаимодействие в большинстве ключевых сфер. К ним стоит отнести политику (в том числе работу в международных организациях), военное сотрудничество, сферу экономики (включая энергетические и валютные вопросы) и ряд других.

Приоритет сотрудничества с Ираном для российского государства находит свое отражение и обоснование в ее стратегических внешнеполитических документах. Например, в наиболее современной Концепции внешней политики РФ 2023 г. Иран обозначается в качестве важного партнера, с которым должно осуществляться «развитие всеобъемлющего и доверительного взаимодействия» [2].

В сфере практической политической деятельности стоит выделить несколько направлений российско-иранского сотрудничества. Среди них:

- встречи и осуществление взаимодействия на высшем уровне, демонстрирующее его значимость для каждого из государств;
- работа по обеспечению становления новой структуры миропорядка и безопасности ее участников;
- взаимодействие в формате международных организаций и его актуальная динамика.

Среди наиболее значимых примеров последнего направления (непосредственно связанных и с двумя предыдущими) является активная поддержка Россией вступления Ирана в ШОС и БРИКС. Членство ИРИ в них началось в 2023 и 2024 гг. соответственно [4].

Немаловажно, что расширение состава второй из обозначенных организаций (БРИКС) предполагало включение в ее состав не только Ирана, но и других государств «глобального Юга», таких как ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет. Это также обусловило потенциал развития этих государств и продвигаемого не западным миром мультиполярного миропорядка.

Не менее важной в современных реалиях выступает сфера экономики. В ее рамках динамика российско-иранских отношений выражается в заключении значимых договоров отношений в торгово-экономической, нефтегазовой, денежно-кредитной сферах. Так, еще в 2022 г. между государствами был заключен Меморандум о взаимопонимании по разработке нефтяных месторождений и соглашения по строительству газопроводов и разработке СПГ [5]. В июле 2023 г. В.В. Путин и А. Хаменеи официально заявили о неприятии финансового доминирования Запада и стремление к переходу в расчетах не другую (не американскую) валюту. Товарооборот между РФ и ИРИ в этом же году составил порядка 4 млрд долл. [8]. Он уступал рекордному 2022 году (с по-

казателем почти в 5 млрд. долл.), однако также послужил одной из ключевых сфер российско-иранского сотрудничества.

Не менее значимой в контексте текущего мирового противостояния стала военная сфера совместной российско-иранской работы. Для РФ ее актуальным в контексте военной операции на Украине проявлением стала торговля военной техникой, в частности приобретение иранских беспилотников. Иран, в свою очередь, сформировал крупный заказ на поставку истребителей, вертолетов и учебно-тренировочных самолетов [9]. Это и множество других примеров российско-иранского военного сотрудничества позволяет говорить о развитии и этой сферы.

Помимо обозначенных тенденций, на сегодняшний день Россия и Иран развивают отношения и других областях международного взаимодействия, таких как гуманитарное сотрудничество, культурные и научно-образовательные обмены и мероприятия и т.д. Все это позволяет определить тенденцию к развитию взаимодействия РФ и ИРИ, их ориентацию на взаимовыгодную работу, предполагающую и широкую международную трансформацию.

Перспективы партнерства РФ и ИРИ в контексте «Глобального Юга»

Обозначенные тенденции российско-иранского взаимодействия позволяют обозначить ключевые перспективы их дальнейшего сотрудничества, осуществляемого в контексте развития «глобального Юга».

Так, первой и наиболее очевидной перспективой является развитие Россией всесторонних отношений с самим Ираном, как значимым участником системы международных отношений. Она обусловлена динамикой конфронтации российского государства со странами коллективного Запада, которая не предполагает завершения или снижения своей интенсивности. Западные государства продолжают бороться за сохранение своей гегемонии в современном мире и будут сохранять политику экономических санкций и политико-информационных манипуляций в отношении потенциальных мировых конкурентов, таких как Россия и Иран. Это будет способствовать их дальнейшему сближению.

Вторая тенденция будет предполагать усиление политического и военного участия России на Ближнем Востоке. Будучи регионом, аккумулирующим на своей территории многие мировые процессы, обеспечивающим взаимодействия множества различных конфессий, культур и политических режимов, он обладает стратегическим значением. Расширение в нем своего влияния является одной первоочередных задач для российского государства. Это также будет предполагать развитие ее отношений с влиятельными региональными державами «Глобального Юга», одной из которых, очевидно, выступает Иран.

Еще одной значимой перспективой является становление многополярной мировой системы. В ее рамках «Глобальный Юг» должен стать одним из полюсов, противостоящих западному доминированию и обеспечивающих реальную полицентричность, на которую во внешнеполитических документах и заявлениях политических лидеров РФ ориентируется современная Россия. Это также будет стимулировать ее сотрудничество с наиболее влиятельными субъектами новых мировых полюсов, такими как Иран.

Непосредственно связанной с предыдущей выступает и перспектива дальнейшего развития и расширения международных организаций и объединений, обеспечивающих российско-иранское межгосударственное взаи-

модействия. На сегодняшний день на членство в БРИКС претендуют более двадцати государств [3]. При дальнейшей эффективной работе такие международные организации смогут обеспечить развитие полицентричного диалога между международными субъектами, послужить площадкой развития альтернативных «доллару» финансовых систем и экономических связей и пр.

Таким образом, в текущих условиях Россия и Иран обладают значительным потенциалом дальнейшего сотрудничества, обеспечиваемого развитием современного многополярного миропорядка и «Глобального Юга» в нем.

Обсуждение

К подобным выводам приходят теоретики и практики международных процессов в РФ и за рубежом. О значимости стран «Глобального Юга» сказал глава МИД РФ С.В. Лавров, выступая 22 февраля 2024 года в Рио-де-Жанейро на заседании Совета министров G20. В частности он отметил, что «Государства Азии, Африки и Латинской Америки становятся самоценными субъектами в мировой экономике, нередко задающими ее тон и динамику» [1]. Также по словам министра совокупный ВВП стран БРИКС превысил этот же показатель «большой семерки», что обеспечивает их способность влиять на происходящее в мире и развивать взаимное сотрудничество.

Привлекательность России для стран «Глобального Юга» определил пакистанский аналитик Салман Рафи Шейх. По его мнению, развитие РФ политики альтернативных валют значимо для многих государств Ближнего Востока. Кроме того, реализация Россией этой политики, в отличие от западного давления, не предполагает ограничения суверенитета других государств и сохраняет их международную независимость [10].

Ценность отсутствия взаимного давления и приоритет развития отношений на этой основе для каждого из государств (российского и иранского) обозначает в своей статье российская исследовательница Е.Е. Рябцева. По ее мнению в данный момент РФ и ИРИ «сталкиваются с общими вызовами и угрозами» [6, С. 39] и должны для противодействия им развивать направления своего сотрудничества, среди которых автор выделяет гуманитарную.

Об изоляции каждого из государств со стороны Запада и обусловленного им «подъеме» в отношениях России и Ирана, пишут исследователи А. Скрыбин и А.С. Скрыбина. Немаловажно, что в своей работе они выделяют экономические и политические факторы российско-иранского взаимодействия и предлагают ряд условий развития долгосрочного сотрудничества между ними [7].

Примеры подобных исследований могут быть продолжены. Их ключевым выводом выступает актуальность, обусловленность внешними условиями и перспективность развития взаимоотношений России и Ирана, обладающая значением для каждого из государств.

Результаты

Подводя итоги статье, можно заключить, что в условиях современной международной системы Россия и Иран обладают значительным потенциалом для развития своих отношений. Одним из ключевых факторов в этом контексте выступает становление и динамика стран «глобального Юга». В новой структуре миропорядка они приобретают статус нового полюса мировых взаимоотношений, что обуславливает их международную значимость и способность влиять на глобальные процессы.

Помимо этого фактора, ключевыми тенденциями российско-иранского взаимодействия выступают политические (на уровне высшего руководства и сотрудничества в международных организациях), экономические (финансовые, энергетические, торговые), военные и пр. сферы, предполагающие развитие сотрудничества и сближение государств.

Эти тенденции обуславливают перспективы взаимоотношений РФ и ИРИ, определяемые, упоминавшейся многополярной структурой миропорядка, развитием «не западных» международных организаций, усилением присутствия России на Ближнем Востоке и самим развитием российского и иранского государств, объединяющих усилия для противостояния коллективному Западу.

Развитие указанных тенденций и стимулирование перспектив должно стать для современной России тем стратегическим вектором, который будет способствовать укреплению ее статуса на международной арене, внутригосударственному развитию, а также национальной и региональной безопасности в трансформирующейся международной системе.

Литература

1. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе заседания СМВД «Группы двадцати» по теме. «Реформа системы глобального управления», Рио-де-Жанейро, 22 февраля 2024 года. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1934218/ (дата обращения: 23.09.2024).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) URL: <https://www.mid.ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.09.2024).
3. Названы все страны – кандидаты в члены БРИКС URL: <https://iz.ru/1712278/2024-06-14/nazvany-vse-strany-kandidaty-v-chleny-briks> (дата обращения: 24.09.2024).
4. Президент Ирана: вступление в БРИКС и ШОС поможет в борьбе с санкциями URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/29/992391-prezident-irana-briks-shos> (дата обращения: 25.09.2024).
5. Россия и Иран заключили сделки на сумму 40 миллиардов долларов с фокусом на нефтегазовый сектор URL: <https://www.newscentralasia.net/2022/12/08/rossiya-i-iran-zaklyuchili-sdelkina-summu-40-milliardov-dollarov-s-fokusom-na-neftegazovyy-sektor/> (дата обращения: 25.09.2024).
6. Рябцева Е.Е. Межгосударственные отношения России и Ирана: гуманитарная составляющая // KANT: Socialscience&Humanities. – 2023. – № 2(14). – С. 38–43. EDN: MGBIAB, DOI: 10.24923/2305-8757.2023-14.7
7. Скрыбин А., Скрыбина А.С. Развитие российско-иранских отношений: состояние и перспективы // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 16–32. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.2
8. Товарооборот России и Ирана в 2023 году снизился на 17,3%, до \$4 млрд. URL: <https://www.interfax.ru/russia/948210> (дата обращения: 26.09.2024).
9. Deal Done, Iran to Get Mil Mi-28 Chopper, Sukhoi Su-35 Jet. URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2023/11/28/2996773/deal-done-iran-to-get-mil-mi-28-chopper-sukhoi-su-35-jet> (дата обращения: 26.09.2024).
10. Why Russia is winning in Global South. New Eastern Outlook. Salman Rafi Sheikh. URL: <https://journal-neo>.

RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL PROCESS OF INTERACTION BETWEEN THE COUNTRIES OF THE "GLOBAL SOUTH"

JiaoYunyang, Wang Ao
Heilongjiang University

The relevance of the study is determined by the political significance of Russian-Iranian cooperation in the dynamically transforming international system, combined with the growth and development potential of the "Global South". The purpose of the work is to identify new trends and prospects for Russian-Iranian relations in the context of the "Global South". Its objectives: to determine the key trends in Russian-Iranian relations, including their political, economic, military and other aspects; to identify the prospects for Russian-Iranian relations in the context of the development of the "Global South". The dynamics of the international system, its essential structural transformation, as well as the "youth" of the concept of the "Global South" form the novelty of the study and its significance for political research. In the context of the modern international system, Russia and Iran have significant potential for developing their relations. One of the key factors in this context is the formation and dynamics of the countries of the "Global South". In the new structure of the world order, they acquire the status of a new pole of world relations, which determines their international significance and ability to influence global processes.

Keywords: Russia, Iran, "Global South", trends, prospects for cooperation.

References

1. Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov during the meeting of the G20 Foreign Ministers

2. Council on the topic "Reform of the global governance system", Rio de Janeiro, February 22, 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1934218/ (date of access: 23.09.2024).
3. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (date of access: 23.09.2024).
4. All BRICS candidate countries have been named URL: <https://iz.ru/1712278/2024-06-14/nazvany-vse-strany-kandidaty-v-chleny-briks> (date of access: 24.09.2024).
5. Iran's President: Joining BRICS and the SCO Will Help in the Fight Against Sanctions URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/29/992391-prezident-irana-briks-shos> (date of access: 25.09.2024).
6. Russia and Iran have concluded deals worth 40 billion dollars with a focus on the oil and gas sector URL: <https://www.newscentralasia.net/2022/12/08/rossiya-i-iran-zaklyuchili-sdelki-na-summu-40-milliardov-dollarov-s-fokusom-na-neftegazovyy-sektor/> (date of access: 25.09.2024).
7. Ryabtseva E.E. Interstate relations between Russia and Iran: the humanitarian component // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – No. 2 (14). – P. 38–43. EDN: MGBIAB, DOI: 10.24923/2305-8757.2023-14.7
8. Skryabin A., Skryabina A.S. Development of Russian-Iranian relations: state and prospects // Russia in the global world. 2023. Vol. 26. Issue. 2. C. 16–32. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.2
9. Russia-Iran trade turnover in 2023 decreased by 17.3%, to \$4 billion URL: <https://www.interfax.ru/russia/948210> (date of access: 26.09.2024).
10. Deal Done, Iran to Get Mil Mi-28 Chopper, Sukhoi Su-35 Jet. URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2023/11/28/2996773/deal-done-iran-to-get-mil-mi-28-chopper-sukhoi-su-35-jet> (date of access: 26.09.2024).
11. Why Russia is winning in Global South. New Eastern Outlook. Salman Rafi Sheikh. URL: <https://journal-neo.su/2023/09/14/why-russia-is-winning-in-global-south/> (date of access: 26.09.2024).

Опыт этнокультурной экспедиции в профессиональном становлении педагогов

Абдуллина Амина Шакирьяновна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: aminaabdullina@mail.ru

Лысова Ольга Васильевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Нигматуллина Лейсан Андерзяновна,

к.ф.н., доцент кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: Nigm4tullina.laysan@yandex.ru

В статье описывается опыт организации и проведения Бирским филиалом Уфимского университета науки и технологий этнографической экспедиции. Исследования формируют социологический и психологический опыт, развивают профессиональную коммуникативную культуру будущего педагога. Практический опыт, положительные результаты способствуют развитию интереса в будущем к научно-исследовательской деятельности, участию в просветительских мероприятиях и конференциях. В статье утверждается тезис о том, что участие в проекте становится важным компонентом, влияющим на профессиональное становление и гражданское самосознание. Работа в полевых условиях, социолингвистический анализ оценки сферы бытования языков народов, населяющих Республику Башкортостан; изучение объектов, сообществ и мероприятий природного и культурного наследия этих народов позволяет будущему педагогу воспринимать себя как части профессионального социума и формирует интерес к традициям народов, что способствует созданию условий для поликультурного диалога.

Ключевые слова: этнографическая экспедиция, патриотическое воспитание, гражданское самосознание, национальная идентичность, самобытность культур, Республика Башкортостан, Калтасинский район.

Сотрудничество народов разных национальностей, сохранение самобытности языков и культур народов нашей страны стали значимым общественным явлением. Культура взаимоотношений в поликультурном пространстве зависит от желания уважать и соблюдать общечеловеческие нормы и мораль. Студенты как самая мобильная часть российского общества живо реагирует на различные социальные процессы, происходящие в нашей стране. Для формирования культуры межнациональных отношений среди молодежи ученые выдвигают следующие задачи: формирование толерантного отношения к представителям разных национальностей, стимулирование уважительного отношения к их культуре, языкам, общественным предпочтениям; нацеленность на общечеловеческие приоритеты, непримиримость к таким проявлениям как национализм, веротерпимость к религиозным убеждениям.

В научной литературе разработаны определенные предпосылки для формирования культуры межнационального общения в студенческой среде [2, 3, 4, 5]. В данном аспекте изучение этнографического наследия приобретает большую актуальность, так как современное общество заинтересовано в духовных ценностях народов. Поэтому необходима качественная поликультурная подготовка педагогических кадров, формирование культуры межнационального общения у представителей разных народов нашей страны.

В сентябре 2023 года кафедра филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий при поддержке фонда «Росмолодежь» организовала и провела этнографическую экспедицию. Основным местом проведения экспедиции стал Калтасинский район Республики Башкортостан, территория с интересной, сложной и противоречивой историей, где ярко представлены диаспорные группы русских, татар, башкир, марийцев, удмуртов (см. рисунок 1).

Этнический состав населения Калтасинского района (2021 год)

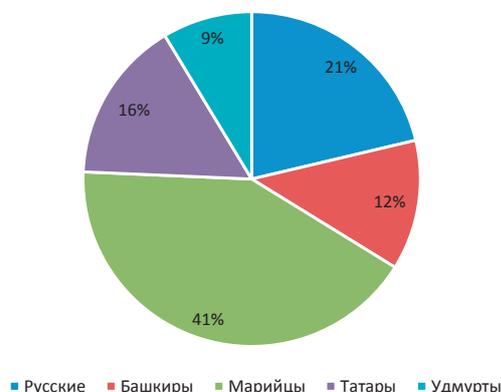

Рис. 1.

Исторически Республика Башкортостан является многонациональной республикой, на территории которой проживают представители разных национальностей, среди которых большую часть составляют русские

(39%), башкиры (33%), татары (25%), марийцы (2%) удмурты (1%) и другие (см. рисунок 2).

Этнический состав населения Республики Башкортостан 2021 год

Рис. 2.

Актуальной проблемой современного общества является то, что национальная идентичность, особенности каждого народа невелируются на фоне глобализации (см. рисунок 3).

Заинтересованность в изучении родного (нерусского) языка (сентябрь 2023 года)

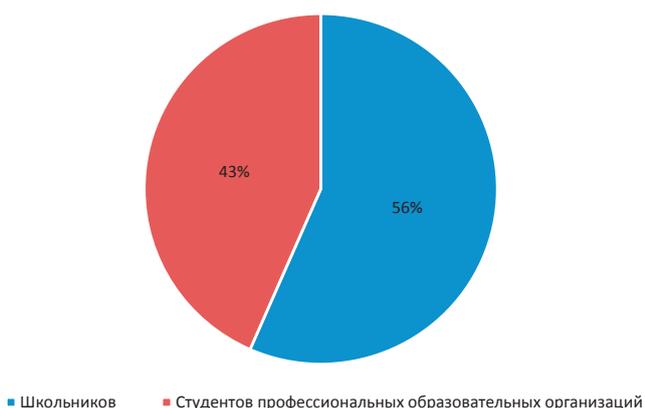

Рис. 3

Потеря русских, башкирских, татарских, марийских, удмуртских традиций губительно скажется на историческом развитии нашей страны. По исследованиям Н.Г. Марковой, среди молодежи отмечается «наличие таких деструктивных элементов в межнациональных взаимодействиях, как нетерпимость к чужому мнению, эгоизм, внутренняя неприязнь, амбициозность, категоричность суждений, неспособность идти на компромисс, отсутствие здравого смысла, наличие национальных предрассудков, недопонимание реальных процессов, происходящих в обществе, мире, отсутствие у студентов культуры понимания и культуры восприятия различий, утрата правильности восприятия себя (концепция «Я») и других (концепция «Они»), культуросентризм» [4, 4–5 с.]. Результаты приемных кампаний последних лет подтверждают эту тенденцию: престиж профиля «Родной язык и литература» у абитуриентов невысокий, они крайне неохотно поступают на направления, связанные с изучением родного языка и родной литературы (см. рисунок 4).

Анализ показал, что за последние 5 лет на специальность «Родной (башкирский) язык и литература» в среднем подается ежегодно на 10 заявлений меньше, чем на другие профили. Результаты анкетирования около 50

студентов 1–5 курсов Бирского филиала УУНиТ, обучающихся по профилю «Родной (башкирский) язык и литература», «Родной (марийский) язык литература», свидетельствуют о невостребованности данного направления: «неперспективным» его считают 57% студентов, «крайне непопулярной специальностью» назвали 32%, только 11% опрошенных считают, что обучение по данной специальности является «важным вкладом в сохранение и развитие родного языка и культуры». Сложившаяся ситуация свидетельствует, что необходима разработка современных форм вовлечения молодежи и создания условий для жизнеспособности и сохранения родных языков, которые позволят сформировать устойчивый тренд на изучение национальных языков. Участие в фольклорно-этнографической экспедиции стало стимулом к изучению, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям своего народа, их популяризации в условиях диалога языков и культур.

Престиж профиля «Родной язык и литература» у студентов

Рис. 4.

Студентами и наставниками была разработана уникальная программа, представляющая собой единое информационно-творческое пространство и состоящее из комплекса просветительско-культурных мероприятий, в которых принимала участие молодежь от 16 до 25 лет, это более 500 студентов и школьников из 5 муниципальных районов Республики Башкортостан. Программа состояла из 19 разноаспектных мероприятий, которые были проведены в течение 5-ти месяцев до октября 2023 года: социолингвистический анализ для оценки сферы бытования языков народов, населяющих выбранный регион; изучение объектов, сообществ и мероприятий природного и культурного наследия этих народов, что позволило определить модели обеспечения их самоидентификации.

Этнографические материалы нашли отражение сборнике «В одной семье». Логичным завершением экспедиции стал IV Поликультурный форум. Проект интересен тем, что студенты и школьники проводили творческую работу по изучению истории своих семей, своего края, что позволило сформировать у молодежи интерес к изучению истории малой Родины. В ходе реализации экспедиции были заложены базисные знания о изначально многонациональном составе населения нашего края, о широком спектре традиций и культур народов, проживающих на территории региона.

При подготовке к экспедиции участники экспедиции собрали подробные сведения о Калтасинском районе, об информантах – «носителях традиции» в администра-

циях сел и деревень, в районной библиотеке, в краеведческом музее с. Калтасы. Кроме подбора информации из литературных, научных источников студенты внимательно исследовали музейные и архивные коллекции, публикации средств массовой информации, личные архивы жителей Калтасинского района.

Предварительный этап вызвал эмоциональный отклик участников экспедиции, способствовал пробуждению интереса к народным традициям. Качество проведения подготовительных этапов оказало непосредственное влияние на итоги «полевой» работы, позволило подготовить студента к самостоятельной собирательской работе, направленной на сохранение наследия национальных культур народов, проживающих в поликультурном пространстве Калтасинского района.

Работа в «полевых» условиях, общение обучающихся и преподавателей с информантами создали особую атмосферу, оказывающую положительное влияние на студента в контексте самоидентификации в профессии.

В ходе экспедиций будущие педагоги пользовались следующими методами сбора материала: наблюдение, опрос, установление и закрепление вещественных ресурсов в экспедиции, установление и обработка документальных материалов.

Наблюдение в нашей этнографической экспедиции было основано на не только непосредственном контакте с информантами по сбору отдельных сведений о культуре народов, но наибольший интерес студенты проявили к стационарному наблюдению, когда не просто фиксировались интересующие нас данные, но обучающиеся проникали внутрь изучаемой группы и принимали участие в их деятельности. Например, в деревне Актуганово Калтасинского района нас встретили все жители в национальной марийской одежде, были представлены мужские и женские костюмы, имеющие заметные особенности в зависимости от конкретного региона, функционального назначения (праздничный, повседневный, рабочий, обрядовый) и возраста (детский, молодёжный, взрослый, пожилых людей). Студенты стали свидетелями молений язычников марийцев на священной горе Шукун, узнали не только историю Священного родника, но приняли участие в празднествах около источника. Будучи полноценным участником, исследователь в процессе наблюдения над обрядом глубоко изучает сообщество, получая максимальное количество необходимой для исследования информации.

В процессе реализации проекта студенты стремились исследовать все стороны культурной жизни жителей Калтасинского района. Еще на этапе подготовки к экспедиции были созданы мини группы, которые должны были заниматься исследованием национальных черт культуры отдельного народа. Участники групп, будучи представителями этих народов, имели четкие представления об этнографии и культуре этих народов, благодаря этому смогли найти более близкий контакт с информантами. «Попадая в «поле (особенно если речь идет о длительном и основательном погружении в изучаемое общество, а не о мимолетном наезде), исследователь, хочет он того или нет, начинает оказывать влияние на своих информантов и сам попадает под их влияние» [1, с. 13].

Метод опроса – сложный, но очень информативный способ получения этнографического материала. В подготовительный период предварительная информация была получена в процессе онлайн-опроса, в ходе экспедиции студенты использовали все виды опроса: интервью, фокус-группы, наблюдательное исследование, панельный опрос. Метод позволяет реализовать двустороннее воздействие изучающего и информанта друг

на друга, что способствует установлению долгосрочных контактов (краеведами Р.Ш. Шакиртовым, В.А. Акиевым).

Метод способствует развитию научной и творческой деятельности, студенты приобретают новые практические навыки, развивают свое профессиональное мастерство, закрепляют теоретические знания. В поле зрения экспедиции находятся вопросы, связанные с историей населенных пунктов, стилевые и жанровые и аналогии культур разных национальностей и уникальные особенности каждой из них. Взаимосвязь и диалог культур развивает в студентах чувство патриотизма, гражданского самосознания, осознания уникальности художественного наследия, являющегося отражением истории края, менталитета, традиций.

В ходе экспедиции студенты уделили особое внимание сбору информации о материальной культуре русских, башкир, татар, марийцев, удмуртов, которые обеспечили полноценное изучение народной культуры. Орудия труда, хозяйственные объекты, одежда и украшения отражают систему социальных связей, нравственных связей, поэтому установление вещественных источников производилась в комплексе с наблюдением и опросом.

Познавательным видом деятельности студентов в этнографической экспедиции стало выявление в частных и муниципальных архивах, музеях документальных материалов и их изучение. Бесконечно благодарны краеведам Р.Ш. Шакиртову, В.А. Акиеву за предоставленные ими материалы и бережное отношение к культуре народов, проживающих в Калтасинском районе.

Результаты экспедиции убеждают, что межкультурная стратегия в Республике Башкортостан должна основываться на гармоничном взаимодействии культур всех народов, проживающих в регионе. Реализация мероприятий этнографической экспедиции привело к повышению уровня гражданской самоидентификации у молодежи, осознанному пониманию необходимости сохранения культурных традиций и межнационального диалога (см. рисунок 5).

Заинтересованность в изучении этнографии народов у участников мероприятий, вовлеченных в реализацию

проекта
(сентябрь 2024 года)

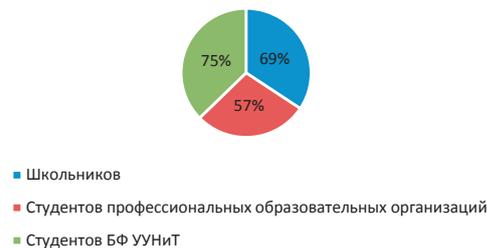

Рис. 5.

Этнографический материал, собранный в процессе работы над проектом, станет важным источником для исследования современных социальных проблем в Республике Башкортостан, вопросов взаимодействия народов разных национальностей и культурного взаимодействия, сохранения и развития национальных языков, литератур как необходимых факторов межнационального диалога. Материалы экспедиции доступны студентам, преподавателям, работникам культуры и образования, заинтересованным исследователям и могут быть использованы в образовательных, воспитательных и научных целях.

Таким образом, можно утверждать, что научное осмысление социально-политических процессов, объективное изучение культуры, традиций разных национальностей в ходе экспедиции способствует сохранению этнокультурного многообразия и определяет значимость исследования, а также служит налаживанию и расширению дружеских и партнерских отношений в поликультурном пространстве нашей страны. Опыт реализации этнографической экспедиции станет исходной платформой не только для активизации интереса студенческой молодежи к изучению проблем межнационального общения, формирования мировоззрения, патриотических и нравственных принципов студентов, но и важнейшим средством в профессиональном становлении педагогов.

Литература

1. Абашин С.Н. Форум: Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 10–15.
2. Егорычев А.М. Национальные духовные традиции в формировании российской системы образования // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2010. – № 2. – С. 30–36.
3. Кожанова, М.Р. Регионально-этническая направленность воспитания / М. Кожанова // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 104–107.
4. Маркова Н.Г. Формирование культуры межнациональных отношений студентов в поликультурном образовательном пространстве вуза: Дисс. ... д-ра пед. наук / Н.Г. Маркова. – Казань, 2010.
5. Ростовская Т.К., Соколовская С.А. Роль принципа поликультурности в управлении процессом патриотического воспитания молодежи. Лocus: люди. Общество // Культуры, смыслы. 2017. № 3. С. 100–108.

EXPERIENCE OF AN ETHNOCULTURAL EXPEDITION IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TEACHERS

Abdullina A.Sh., Lysova O.V., Nigmatullina L.A.
Ufa University of Science and Technology (Birsk branch)

The article describes the experience of organizing and conducting an ethnocultural expedition by the Birsk branch of the Ufa University of Science and Technology. Research forms sociological and psychological experience, develops the professional communicative culture of the future teacher. Practical experience, positive results contribute to the development of interest in future research activities, participation in educational events and conferences. The article asserts the thesis that participation in the project becomes an important component influencing professional development and civic self-awareness. Work in field conditions, sociolinguistic analysis of the assessment of the sphere of existence of the languages of the peoples inhabiting the Republic of Bashkortostan; the study of objects, communities and events of the natural and cultural heritage of these peoples allows the future teacher to perceive himself as part of a professional society and forms an interest in the traditions of peoples, which contributes to the creation of conditions for multicultural dialogue.

Keywords: ethnographic expedition, patriotic education, civic consciousness, national identity, cultural originality, Republic of Bashkortostan, Kaltasinsky district.

References

1. Abashin S.N. Forum: Ethical problems of field research // Anthropological forum. 2006. No. 5. P. 10–15.
2. Egorychev A.M. National spiritual traditions in the formation of the Russian education system // Alma mater (Herald of the Higher School). 2010. No. 2. P. 30–36.
3. Kozhanova, M.R. Regional and ethnic focus of education / M. Kozhanova // Higher education in Russia. 2005. No. 6. P. 104–107.
4. Markova N.G. Formation of the culture of interethnic relations of students in the multicultural educational space of the university: Diss. ... Doctor of Pedagogical Sciences / N.G. Markova. – Kazan, 2010.
5. Rostovskaya T.K., Sokolovskaya S.A. The role of the principle of multiculturalism in managing the process of patriotic education of youth. Locus: people. Society // Cultures, meanings. 2017. No. 3. P. 100–108.

Особенности деятельности первых православных миссий в Китае (1715–1821 гг.)

Данилова Елена Валерьевна,

кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов
E-mail: alendan@mail.ru

Данилов Валерий Витальевич,

кандидат исторических наук, руководитель партнёрской программы ООО «ФИНИОН»
E-mail: vv.danilov@icloud.com

Установление постоянного представительства Российского государства и Русской православной церкви в Китайской империи выразилось в функционировании духовных миссий православной церкви, поскольку только через них было возможно поддерживать контакты с восточным соседом, проводившим политику изоляционизма. Автор поставил задачу определить основные цели, задачи, формы, методы и направления деятельности членов духовных миссий русской Православной церкви, что способствовало выявлению специфики русского миссионерства в Китае. Кроме этого необходимо определить основные направления деятельности духовных миссий Русской православной церкви и насколько каждой их первых девяти миссий удалось справиться с возложенными на них задачами. В ходе исследования было установлено, что первоначально основной задачей миссии было поддержание православной веры у захваченных в плен албазинцев. Однако позднее появились задачи по распространению православия среди китайцев. Следует отметить, что в отличие от западных миссионеров православные миссии никогда не использовали насильственные методы или политику вмешательства в дела государства. Они явились связующим звеном между двумя государствами, выполняя при этом не только религиозные, но и дипломатические и торговые функции.

Ключевые слова: русские православные миссии, Россия, Китай, империя Цин, православие.

Первое распространение православия в Китае относится к XVII веку. Освоение Восточной Сибири русскими промышленниками, казаками и охотниками для добычи пушнины и драгоценных металлов привело к сближению границы с Империей Цин. Основанная казаками крепость Албазин была уничтожена цинскими войсками. Часть пленников вернулась в Тобольск, часть приняло китайское подданство и переместилось в Пекин, среди которых был первый русский православный священник в Китае отец Максим (Леонтьев), который не смог оставить русское население в Китае без пастыря. Русская община была размещена в северо-восточной части Пекина. Для места проведения богослужения среди населения китайский император передал русским буддийскую кумирню Гуаньдимяо, которая была освящена отцом Максимом в часовню во имя Николая Чудотворца. При моральной, финансовой поддержке тобольского митрополита Игнатия отцом Максимом часовня была переосвящена в храм во имя Софии.

Петр I был заинтересован в укреплении православия в Пекине, в связи с чем своим указом от 18 июля 1700 г. учредил в Тобольске духовную миссию. Основной задачей миссии стало распространение православия в Сибири, однако вменялось в обязанность и присутствие священников в Китае. Русский царь в своем письме тобольскому думскому дьяку Винуису дал следующие наставления: «Только для Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также и иезуитов, которые от многих времен гнездо свое имеют» [10, с. 302].

Перед духовной миссией Российским государством ставились директивные цели и задачи, церковь подбирала для их осуществления кадры. Неправоммерно утверждать, что церковь была всего лишь исполнителем этих решений. Русская православная церковь всегда была сильной организацией, которая сама вырабатывала цели, задачи, методы и средства своей деятельности. «Церковь в России всегда считала своей обязанностью не только руководить жизнью православного населения, но и насаждать православие среди людей, принадлежавшим к другим религиям, как в пределах Российской империи, так и вне ее границ» [11, с. 438].

Первые попытки направить духовную миссию в Китай были отклонены цинскими властями под влиянием иезуитов и коренного населения, всячески препятствовавшего насаждению в Китае ростков православия. Кончина в 1712 г. Максима Леонтьева и утрата русской общиной духовного лидера, создали необходимые предпосылки для разрешения формирования первой официальной духовной миссии в Пекин. В состав миссии, возглавляемой архимандритом Илларионом (Лежайским), вошли 11 человек. Среди историков распространена точка зрения, что первая миссия была организована в том числе по требованию самого императора Канси. «Присланы российские священники не по прошению албазинцев, но по требованию самого хана Кансия, как сие значит в подорожной, данной архимандриту, который чрез бывших посланников своих велел тобольскому губернатору Гагарину сказать, что будто он желал видеть у себя российских духовных» [10, с. 37].

Особенность деятельности первой миссии Русской православной церкви в Китае (1715–1728 гг.) состояла в том, что ее миссионеры одновременно находились как под юрисдикцией сибирского митрополита в Тобольске, так и состояли на службе в империи Цин. Миссия находилась одновременно на содержании и у Российского государства, и у Цинского двора. Сложилась действительно странная ситуация – «архимандрит, глава миссии, был не кем иным, как Русским послом в Китае, и, однако, он был также китайским гражданским служителем, получающим жалование от Пекинского двора» [12, р. 5]. Цинское правительство не только пожаловало высокие чины всем прибывшим, платило жалование, выдавало одежду и провизию, но и предоставило членам миссии казенные квартиры. «Этим актом маньчжурское правительство как бы зачисляло прибывших священнослужителей на свою службу на тех же основаниях, что и китайских подданных» [10, с. 37].

Неверно распространенное мнение о том, что члены духовной миссии не знали местных языков и вели проповеди исключительно с русскоговорящим населением. В составе второй миссии присутствовало семь учеников-церковников, которые освоили китайский и маньчжурский языки и осуществляли переводческую деятельность. Высокие личные качества архимандрита Иллариона вместе с дипломатическим талантом завоевали расположение императора Цин, однако в то же время обострили отношения с иезуитами. Так, после смерти архимандрита Сибирский митрополит Фелофей предложил тобольскому губернатору князю Гагарину направить нового главу миссии в статусе архиепископа. Новый глава архиепископ Иннокентий, прибыв в Иркутск в 1722 г. неоднократно вел переговоры по пропуску на территорию империи. Однако после смерти императора Канси дружеские отношения китайцев к русским миссионерам претерпели коренные изменения. Пришедший к власти сын императора Иньчжэнь, по совету иезуитов, отказал архиепископу в приезде [5, с. 4]. Новый император негативно относился к христианской миссионерской деятельности и указом от 1724 г. запретил китайцам изменять веру и позволил разрушать христианские храмы [9, с. 33]. В целом, император Иньчжэнь считал христианство разрушительной религией для «сыновьяго благочестия», которое служит главнейшим звеном в человеческих обязанностях [3, л. 1].

Невозможно сделать однозначные выводы о причинах такого отношения религиозных и светских китайских деятелей к христианской религии, но косвенно об этом можно судить по мировоззрению самих китайцев. Китайцы – один из наиболее нерелигиозных народов. Богомством ему служат Небо и Земля – непреложные законы Вселенной, поэтому христианское учение казалось им непонятным [2, с. 21]. Среди местного населения возникало непонимание, почему христиане, как того требует древний обычай китайцев по учению Конфуция, не приносили жертвы своим предкам. И это признавалось ими как величайшее преступление. Так, согласно их мировоззрению, «христиане не допускали не богопочтение и не богослужение этим предкам, ни духам, но только чествование» [2, с. 4].

По Кяхтенскому договору 1728 г. была вновь достигнута договоренность о назначении новой духовной миссии РПЦ. В 1729 г. в Китай прибыла вторая православная миссия (1729–1735 гг.), во главе с архимандритом Антонием (Платковским). Правительством Империи Цин было профинансировано строительство каменного храма во имя Сретения Господня. Отличительной особенностью второй православной миссии в Пекине стала ее ограниченная сфера деятельности. Так, православные

священнослужители поддерживали вероисповедание только среди албазинцев, в то время как католические священники активно распространяли свою веру среди маньчжуров и китайцев, несмотря на официальный запрет цинских властей. Возможно, что эта стратегия деятельности русской православной миссии позволила избежать гонений на христиан, инициированных правительством Империи Цин.

Несмотря на радикальные настроения среди местного населения, главе третьей русской православной миссии (1736–1743 гг.) архимандриту Иллариону (Трусову) была дана официальная синодальная инструкция от 31 декабря 1734 г., в которой помимо утверждения веры среди существующей паствы вменялось также призыв к благочестию и китайского населения [1, с. 463]. Другой задачей русским священнослужителям стала необходимость добиться отмены китайского верноподданства, на которых, будучи на службе у императора, в полной мере распространялась сила законов Империи Цин. В 1737 г. члены русской православной миссии были освобождены от своих гражданских обязанностей в Китае, однако, получали жалование от Пекинского двора до 1858 г., когда согласно 10 статье Тяньзинского трактата между Россией и Китаем об условиях политических взаимоотношений все издержки на содержание миссии с настоящего времени стали относиться на счет российского правительства, а китайское правительство вовсе освобождалось от расходов, «доселе им производившихся в ее пользу» [8, с. 33]. Достижением архимандрита Иллариона стало строительство новой церкви во имя Сретения Господня и основание при нем монастыря.

Миссионерская деятельность продолжилась с приездом в Пекин главы четвертой миссии (1744–1755 гг.) архимандрита Гервасия (Ленцовского). Священник пользовался большим уважением среди китайцев за свое высоконравственное поведение. По указу священного Синода от 1742 г. члены миссий теперь должны были изучать китайский язык [1, с. 484]. Православные миссионеры пытались наладить положение дел в пастве, однако на деле, из-за недостатка финансирования с обеих сторон, произвести существенные изменения им не удалось. Китайская сторона практически не выполняла возложенные на нее обязательства, в то время как Российское правительство и Синод, перестали уделять должное внимание духовным миссиям, поскольку первые три миссии РПЦ не оправдали возложенных на них задач.

Бесспорно, отсутствие должного внимания российских властей к духовным миссиям в Пекине связано с приоритетностью западного направления внешней политики страны. Однако нельзя не отметить, что немалая роль в неудачах, с которыми столкнулись российские миссионеры, принадлежала природному психотипу русского человека, который испытывал ностальгию вдали от Родины. Климатический фактор также явился серьезным препятствием к достижению поставленных целей. Влажный климат и различные болезни производили крайне негативное влияние на миссионеров. Так, почти все члены пятой миссии (1755–1771 гг.) архимандрита Амвросия (Юматова) умерли в Пекине. Заслугой архимандрита стало основание в 1758 г. маньчжуро-русской школы, в которой преподавалась грамоты и основы православной веры.

В этот период православная миссия в Китае также выполняла функции политического или торгового представительства в Пекине ввиду неоднократных и безрезультатных попыток Российского правительства установить официальные дипломатические отношения.

Шестая (1771–1781 гг.) и седьмая (1781–1794 гг.) православные миссии продолжили деятельность своих

предшественников. Глава шестой православной миссии архимандрит Николай (Цвет) начинал проводить более оживленную миссионерскую деятельность. Он обратил в православие около 90 человек, из которых 65 человек – албазинцы, а 24 человека – китайцы [2, с. 23]. Во время пребывания в столице Китая седьмой православной миссии во главе с архимандритом Иоахимом (Шишковским) в православие обратилось 25 албазинцев и 10 китайцев [1, с. 199].

Глава восьмой духовной миссии (1794–1807 гг.), архимандрит Сафроний (Грибовский), к прежней синодальной инструкции 1735 г., получил наставление обучать китайцев русскому языку, «дабы возможно было при удобных случаях внушать им истины Евангелия» [4, с. 65]. Прослеживается начало некоего генезиса задач, поставленных Российским правительством перед членами миссии. Первым миссиям было запрещено открыто вмешиваться во внутреннюю жизнь китайского общества, проповедь разрешалась только среди потомков албазинцев. Постепенно развивая отношения между двумя государствами, Россия расширяла и задачи деятельности православных миссионеров. Но происходило это крайне медленно и неэффективно, что с свою очередь, является еще одной особенностью распространения православия в Китае.

Руководитель девятой миссии (1807–1821 гг.) был избран архимандрит Яиакиф (Бичурин). Миссии увеличи жалование, обеспечили финансами. Кроме того, был установлен срок пребывания в миссии – не более девяти лет. Глава миссии прекрасно владел китайским языком и издал краткий катехизис на китайском языке для распространения среди местного населения. Труд об описании столицы империи Цин, составленный архимандритом, стал основой для последующих европейских путеводителей по Пекину. Начало войны Российской империи с Францией практически прекратило финансирование миссии. «Члены миссии стали сами изыскивать средства для поддержания себя. Некоторые... стали заниматься адвокатурой, другие торговлей...» [7, с. 68], а начальник миссии РПЦ занялся научной и литературной работой, что с одной стороны явилось началом серьезного изучения Китая, с другой – потерей надзора над членами миссии.

Анализ первых восьми православных миссий показал, что, находясь на двойном жаловании, члены духовных миссий в Пекине не смогли обустроить свой быт и обеспечить беспрепятственное существование. Между членами миссий возникали раздоры, и они часто напоминали о себе Коллегии Иностранных дел и священному Синоду доносами на своих же соотечественников. Однако «это не мешало церковным кругам неизменно внушать царскому правительству, что они играют положительную роль во внешней политике государства» [11, с. 455]. Именно в этой связи внешние миссии были тесно связаны с ведомством иностранных дел и пользовались государственной субсидией.

Отметим, что не смотря на все трудности, миссии продолжали свое существование, поскольку оба государства извлекали из этого пользу, не особо обращая внимание на бедственное положение, в котором пребывали миссионеры русской церкви. «...как бы плохо не обстояли дела (в обители), отношения между Россией и Китаем никогда бы не позволили свести на нет» [14, р. 179].

Поскольку основной целью православных миссионеров в Китае, вырабатываемой Российским государством, было распространение идей православия среди потомков албазинцев, а также и среди китайцев, следует отметить, что негласной целью пребывания миссио-

неров было само существование миссии, которая напоминала китайским властям о своем сильном северном соседе [6, с. 84].

Что касается задач миссий, то они менялись по мере развития русско-китайских отношений. К XIX веку в задачи миссионеров входило изучение экономики и культуры Китая, китайского, маньчжурского и монгольского языков, перевод книг, обучение русскому языку детей, захваченных в плен албазинцев. Примечательно, что первоначально предполагалось лишь поддерживать православие среди потомков албазинцев, но были китайцы, которые сами желали принять православную веру.

В организационном плане в состав миссий входили не только духовные лица, но и светские. Среди них были ученики, приставы. Ученики назначались Министерством иностранных дел России для изучения китайского, маньчжурского и тибетского языков. Позднее из их состава вышли первые русские консулы на Дальнем Востоке [5, с. 80]. Членами первых православных миссий стали такие выдающиеся ученые, как В.П. Васильев, И.П. Войцеховский, И.И. Захаров, П.И. Кафаров, О.М. Ковалевский, А.Л. Леонтьев И.К. Рассохин,

Слабость миссионерской деятельности Русской православной церкви объясняется недостаточным количеством средств, направленных на осуществление этой задачи по сравнению с католическими миссиями, плохим климатом в Пекине «который обвиняли в том, что он ввергал ... в меланхолию» [13, р. 421], одиночеством, которое испытывали члены миссий вдали от Родины.

С другой стороны, и это более важно, выявилось значение религиозных методов отношений между Российской и Китайской империями, русские миссионеры выбрали оптимальные условия религиозной деятельности по отношению к китайским гражданам. Постоянно существовавший пограничный конфликт не давал возможность активно осуществлять миссионерскую деятельность. Логичен вывод, что в случае проведения более активной миссионерской практики, как римско-католическая церковь, существовал риск гонений на священнослужителей и закрытия единственного источника информации об Империи Цин в России.

На основе анализа первых девяти миссий нельзя делать вывод о пассивности миссионерской и проповеднической деятельности и вменять их руководителям вину отсутствие религиозного рвения. Как показывает исторический анализ деятельности последующих миссий, тенденция перехода китайцев в православие не улучшилась. Так, в 1881 г. в столице Китая было всего 500 православных китайцев [6, с. 47], и лишь к 1916 г. количество китайцев, принявших православие, достигло 6255 человек [11, с. 459].

Изучение деятельности первых православных миссий выявило, что среди китайцев присутствовали открытые враги христианства. Преимущественно ими стали ученые, боявшиеся утратить свое влияние среди населения, а также различные тайные общества, целью которых стало «не только взаимная поддержка и помощь в борьбе с властями, но и агитация против всех последователей Христа» [2, с. 5].

Среди всех христианских миссий к православной вере проявилось особенное отношение. Альберт Перри считает, что это связано со схожестью церковных церемониалов в России и Китае: «православная церковь душила все подлинные религиозные чувства в массе церемоний, однако в выполнении сложного ритуала можно провести параллель с китайскими церемониями. Это была именно та параллель, которая служила удерживающим фактором по отношению к русским» [13, р. 421].

За красотой церемоний и ритуалов он не видит духовности, считая, что все это поражает лишь воображение и является данью традициям, что церемонии не могут влиять на религиозные чувства и настроения. Он подходит к этой проблеме, безусловно, с позиций защиты католичества перед православием с его скромными ритуалами и церемониями. Исходя из своего отношения к православной вере, он не верит, что китайцы способны воспринять ее. «Для Китая воспринять православие значило бы принять более чуждое национальное выражение, чем религиозную веру» [13, p. 421].

Более же убедительно то, что именно пассивность церковных деятелей русской православной миссии в Китае и вызвала определенную благосклонность к ним со стороны китайских властей. Конечно, «этот образ действия не мог привлечь китайцев, но сохранил православие среди албазинцев» [6, с. 47].

Литература

1. Адорацкий Н., иером. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам // Православный собеседник, Казань. 1887, Т. 2, февраль, с. 252–265, март, с. 317–151, апрель, с. 460–507, май, с. 99–136, июнь, с. 167–190, июль, с. 310–340, август, с. 402–455, сентябрь, с. 30–58, октябрь, с. 188–213, ноябрь, с. 287–343.
2. Архангелов С.А. Наши заграничные миссии. – Спб., 1899.
3. Виноградов А., иером. Об усвоении китайцами христианства. Материалы о переводе книг Российской Духовной миссии в Пекине на китайский язык // ОР.РГБ. Архив Виноградовых. Ф. 52. Необработанная часть. Алексей Виноградов. 1884. Л. 1.
4. Дацышен В.Г., Чегодаев А.Б. Архимандрит Петр (Каменский). – М.; Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013. 360 с.
5. Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнявшегося в 1913 году двухсотлетья юбилея ее существования. Издание 1-е, Пекин, Типография Успенского монастыря, 1916, 226 с.
6. Мартенс, Ф.Ф. Россия и Китай: историко-политическое исследование Ф.Ф. Мартенса, профессора Императорского С.-Петербургского университета и члена Института международного права / с изм. и доп. авт.; пер. [с фр.] Владимир Телесницкий; [предисл.: В. Телесницкий]. – С.-Петербург: типография И. Габермана, 1881. – IV, 83 с.
7. Петров В.П. Российская духовная миссия в Китае. – Вашингтон; 1968.
8. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы / Под ред. П.Е. Скачкова, В.С. Мясникова. – М., 1958. 142 с.
9. Русско-китайские отношения в XVIII веке / Под ред. В.С. Мясникова. Т. 1.
10. Скачков П.Е. Очерки истории русского Китаеведения. – М., 1977.
11. Смирнов Н.А. Миссионерская деятельность церкви // Русское православие / под ред. А.И. Клибанова – М., 1999.
12. Bolshakoff, S. The Foreign missions of the Russian Orthodox Church. – N.Y., 1943, 120 pp.
13. Parry A. Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917; Their Cultural, Political, and Economic Role. Front Cover. Pacific Historical Review (1940) 9 (4): 401–424 pp.
14. Widmer, E. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking During the Eighteenth Century (Harvard East Asian Monographs). – L., 1976, P. 184 pp.

FEATURES OF THE FIRST ORTHODOX MISSIONS IN CHINA (1715–1821)

Danilova E.V., Danilov V.V.

RUDN University (the Peoples' friendship university of Russia), FINION LLC

The establishment of a permanent representation of the Russian state and the Russian Orthodox Church in the Chinese Empire was reflected in the functioning of the spiritual missions of the Orthodox Church. Russian Russian Orthodox mission members' main goals, tasks, forms, methods, and directions of activity were identified, which helped to identify the specifics of Russian missionary work in China. In addition, it is necessary to determine the main activities of the spiritual missions of the Russian Orthodox Church and how each of their first nine missions managed to cope with the tasks assigned to them. During the study, it was found that initially the main task of the mission was to maintain the Orthodox faith among the captured Albazin people. However, later tasks appeared to spread Orthodoxy among the Chinese. It should be noted that, unlike Western missionaries, Orthodox missions have never used violent methods or policies of interference in the affairs of the state. They served as a link between the two states, while performing not only religious, but also diplomatic and commercial functions.

Keywords: Russian Orthodox missions, Russia, China, Qing Empire, Orthodoxy.

References

1. Adoratsky N., Hieromonk. The Orthodox Mission in China for 200 Years of Its Existence: An Experience of Church-Historical Research Based on Archival Documents // Pravoslavny Sobesednik, Kazan. 1887, Vol. 2, February, pp. 252–265, March, pp. 317–151, April, pp. 460–507, May, pp. 99–136, June, pp. 167–190, July, pp. 310–340, August, pp. 402–455, September, pp. 30–58, October, pp. 188–213, November, pp. 287–343.
2. Arkhangelov S.A. Our Foreign Missions. – St. Petersburg, 1899.
3. Vinogradov A., Hieromonk. On the adoption of Christianity by the Chinese. Materials on the translation of books of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing into Chinese // OR.RSL. Vinogradov Archive. F. 52. Unprocessed part. Alexei Vinogradov. 1884. L. 1.
4. Datsyshen V.G., Chegodaev A.B. Archimandrite Peter (Kamensky). – Moscow; Hong Kong: Brotherhood of the Holy Supreme Apostles Peter and Paul, 2013. 360 p.
5. A Brief History of the Russian Orthodox Mission in China, compiled on the occasion of the bicentennial of its existence in 1913. 1st edition, Beijing, Dormition Monastery Printing House, 1916, 226 p.
6. Martens, F.F. Russia and China: historical and political study by F.F. Martens, professor of the Imperial St. Petersburg University and member of the Institute of International Law / with amendments and additions by the author; trans. [from French] Vladimir Telesnitsky; [preface: V. Telesnitsky]. – St. Petersburg: I. Gaberman Printing House, 1881. – IV, 83 p.
7. Petrov V.P. Russian Ecclesiastical Mission in China. – Washington; 1968.
8. Russian-Chinese Relations 1689–1916. Official Documents / Ed. by P.E. Skachkov, V.S. Myasnikov. – Moscow, 1958. 142 p.
9. Russo-Chinese Relations in the 18th Century / Ed. V.S. Myasnikov. Vol. 1.
10. Skachkov P.E. Essays on the History of Russian Sinology. – Moscow, 1977.
11. Smirnov N.A. Missionary Activity of the Church // Russian Orthodoxy / Ed. A.I. Klibanov – Moscow, 1999.
12. Bolshakoff, S. The Foreign Missions of the Russian Orthodox Church. – N.Y., 1943, 120 pp.
13. Parry A. Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917; Their Cultural, Political, and Economic Role. Front Cover. Pacific Historical Review (1940) 9 (4): 401–424 pp.
14. Widmer, E. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking During the Eighteenth Century (Harvard East Asian Monographs). – L., 1976, P. 184 pp.

Критерии и уровни сформированности гражданской идентичности младших школьников

Иванова Галина Павловна,

д.п.н., профессор кафедры начального образования,
Государственный университет просвещения
E-mail: ivgr@mail.ru

Марченко Алла Александровна,

к.п.н., доцент кафедры начального образования,
Государственный университет просвещения
E-mail: geoalla@bk.ru

Ширкова Наталия Николаевна,

к.п.н., старший научный сотрудник, Институт образования,
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
E-mail: nshirkova@hse.ru

В представленной статье рассматривается процесс формирования гражданской идентичности младших школьников. Результаты исследования выявляют ряд критериев и показателей, характеризующих формирование гражданской идентичности, включая знание гражданских прав и обязанностей, отношения к социальной справедливости и участие в гражданских мероприятиях.

Авторы выделяют несколько компонентов гражданской идентичности: когнитивный, эмоциональный, аналитический и поведенческий критерий сформированности гражданской идентичности. Каждый критерий характеризуется конкретными показателями, такими как осознание гражданских ценностей, признание социальных норм, знание о правах и обязанностях, участие в жизни общества, и может быть выражен на трёх уровнях: низком, среднем и высоком. Результаты данного теоретико-методологического исследования найдут свое отражение в практике учителей начальных классов, методистов, тьюторов, психологов, занимающихся вопросами воспитания и развития детей.

Ключевые слова: младшие школьники, начальное образование, гражданская идентичность, показатели гражданской идентичности, критерии гражданской идентичности, уровни сформированности гражданской идентичности.

Введение

Гражданская идентичность представляет собой важный аспект развития личности, который формируется на стыке индивидуального восприятия, социальных установок и особенностей воспитания в конкретной культурной среде. В условиях современного общества, в котором политическая и социальная ситуация характеризуется высокой степенью напряженности и непредсказуемости, проблема формирования гражданской идентичности школьников становится особенно актуальной [3]. Несмотря на то, что процесс усвоения гражданских норм и осознание своей идентичности происходит на протяжении всей жизни, именно в младшем школьном возрасте дети начинают осознавать свою принадлежность к обществу, развивают базовые представления о правах, обязанности, ответственности, социальной справедливости, культурных и социальных ценностях. В возрасте 7–10 лет у детей закладываются основы гражданской идентичности, и именно в этот период важно обеспечить школьникам правильные ценностные и моральные ориентиры.

Актуальность формирования у детей гражданской идентичности комплексно рассматривается и на государственном уровне. В частности, Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования предписывает включение в образовательные программы и внеучебную деятельность занятий, направленных на формирование у детей гражданской идентичности, которая является важной частью социальной идентичности. Однако анализ реальной практики показывает, что в настоящий момент наблюдается недостаточная гибкость образовательного процесса, что часто приводит к формированию поверхностных взглядов, когда школьники воспринимают информацию о гражданственности как данность, не испытывая потребности в её осмыслении и реальном применении в жизненном контексте [9; 11; 12]. Кроме того, у учителей и воспитателей отсутствует четкое понимание того, как именно формировать и выстраивать образовательный и воспитательный процесс с учетом потребностей и особенностей каждого ребенка или конкретной возрастной группы.

Цель настоящей статьи – рассмотреть специфику гражданской идентичности младших школьников, а также основные критерии, показатели и уровни сформированности их гражданской идентичности.

Проблема гражданской идентичности рассматривается в разных науках и областях знаний – психологии, педагогике, этнопсихологии и этнопедагогике, философии, социологии, культурологии и др. В частности, гражданскую идентичность определяют через аспект социальной принадлежности, основанной на общих ценностях, культурных нормах и историческом опыте страны проживания, а также через культурную самоидентификацию – понимание и принятие своих культурных корней, традиций, аспектов, языка, которые составляют важную составляющую гражданской идентичности и влияют на восприятие себя как гражданина конкретного общества [1].

Анализ научной литературы показывает, что структурными компонентами гражданской идентичности яв-

ляются следующие – осознание собственной принадлежности к конкретной группе людей (этнос, язык, религия, культура), наличие социальных ценностей и убеждений, участие в общественных процессах, уважение к многообразию и культурным традициям своей страны, способность к критическому мышлению и пр. В то же время можно отметить, что в научной литературе отсутствует единая трактовка в части критериев, уровней и показателей сформированности различных компонентов гражданской идентичности. Однако понимание критериев и компонентов сформированности гражданской идентичности позволяет педагогам лучше понимать индивидуальные особенности каждого ученика и его уровень развития в данном направлении, что способствует адаптации своей работы к конкретным потребностям каждого ребенка или отдельной возрастной группы. Целенаправленный мониторинг уровня сформированности компонентов гражданской идентичности позволяет педагогам и учителям начальной школы разрабатывать эффективные образовательные программы, которые соответствуют возрастным и индивидуальным особенностям учеников, а также формировать благоприятную образовательную среду, способствующую развитию диалога, решения социальных проблем, развитию критического мышления и навыков решения проблем [6].

Далее мы рассмотрим основные критерии сформированности уровня гражданской идентичности школьников младшего возраста.

Когнитивный критерий представляет собой один из аспектов гражданской идентичности, который связан с такими процессами, как: знания, понимание и осознание. Когнитивный критерий гражданской идентичности является важной частью гражданского обучения, так как он формирует базу для дальнейшего развития активной гражданской позиции. Он помогает младшим школьникам понимать свои права и обязанности, а также способствует развитию критического мышления и умению анализировать различную информацию. Младшие школьники начинают усваивать знания о своей стране, её истории, политических и социальных институтах, символах, героях и значимых событиях. В то же время они более детально знакомятся с правилами и нормами, регулирующими поведение в обществе, в семье, в школе. Младшие школьники, за счёт активной вовлеченности во внеурочную деятельность и участие в различных проектах, осознают сущность гражданских ценностей, демократических принципов, прав и обязанностей граждан [2].

На *высоком уровне* сформированности когнитивного критерия младшие школьники обладают широким кругозором в области социальных и культурных аспектов своей страны; они имеют обширные знания об истории, правовой системе, политических институтах и культурных особенностях общества. Дети способны анализировать информацию, выражать конструктивное мнение на гражданские темы и оценивать различные точки зрения.

На *среднем уровне* сформированности когнитивного критерия младшие школьники имеют базовое представление об основных аспектах гражданской идентичности, их знания могут быть ограничены и неструктурированы, хаотичны. Дети в меньшей степени проявляют интерес к общественным вопросам, а их активность может быть несистематичной. Они не всегда способны анализировать информацию или принимать то, что у людей могут быть разные точки зрения относительно одного и того же вопроса. Знания о традициях своей страны, истории, выдающихся героях, праздниках и событиях носят, скорее, фрагментарный характер.

На *низком уровне* сформированности когнитивного критерия гражданской идентичности младшие школьники практически не разбираются в гражданских вопросах и не интересуются ими. Эта группа детей практически не владеет знаниями относительно истории своей страны, города, культуры. Дети отличаются неспособностью анализировать информацию, формировать собственное мнение по важным вопросам (даже на уровне класса), они подвержены мнению большинства.

Вторым критерием гражданской идентичности является эмоциональный критерий, который проявляется через эмоциональные переживания, чувства и взаимоотношения, которые младшие школьники развивают по отношению к своей стране, обществу, среде и традициям.

В случае *высокого уровня* сформированности эмоционального критерия гражданской идентичности школьники чувствуют глубокую привязанность и принадлежность к своей стране или обществу. Они испытывают гордость и сильные эмоции, связанные со своей национальной идентичностью. У школьников развита глубокая эмоциональная связь с историческими событиями, культурой и традициями своей нации.

На *среднем уровне сформированности* младшие школьники могут чувствовать себя связанными со своей страной или обществом, но их эмоциональная привязанность оказывается менее интенсивной. Их патриотические чувства и гордость за свою страну проявляются от случая к случаю, в хаотичном порядке, но такие дети не стремятся их выразить в сообществе других людей [10].

Низкий уровень характеризуется тем, что дети не чувствуют себя патриотами своей страны, не ощущают связь с обществом и важными событиями, с историческими датами и вехами истории родной страны. Такие дети не выражают интереса к истории и культуре своей нации.

Аналитический критерий гражданской идентичности проявляется через способность анализировать, понимать и оценивать различные аспекты гражданской жизни. В научной литературе выделяются следующие аспекты, характеристики и особенности данного критерия [7].

- Критическое мышление – позволяет младшим школьникам анализировать информацию, отличать факты от мнений и оценивать различные события.
- Понимание социокультурного контекста – помогает младшим школьникам оценивать ценности и нормы общества, а также сопоставлять их с накопленными ценностями и убеждениями, что способствует формированию собственной гражданской позиции.
- Активное участие в жизни общества и малых групп (класс, кружок, факультатив) – способствует готовности школьников участвовать в диалоге, обсуждении общественных вопросов, начиная с уровня школьного сообщества.

Если говорить об уровнях сформированности аналитического критерия гражданской идентичности младших школьников, то на *высоком уровне* дети обладают способностью проводить глубокий анализ исторических событий и социальных процессов, понимая их взаимосвязи и последствия. В целом, дети способны анализировать информацию из различных источников, оценивать аргументы и приводить контраргументы. Младшие школьники на этом уровне активно участвуют в обсуждении общественных и социально-значимых вопросов, часто выступают с обоснованными и информированными мнениями в силу своего понимания и владения конкретной информацией.

Дети *со средним уровнем* сформированности аналитического критерия способны рассматривать информа-

цию критически, но не всегда могут выявлять сложные взаимосвязи и последствия. Такие дети готовы участвовать в обсуждениях, но их мнения могут быть менее обоснованными и информированными, дети реже готовы возражать и приводить контраргументы. Можно отметить, что у данной категории детей когнитивный и эмоциональный компоненты, скорее всего, также находятся на среднем или низком уровне.

Школьники с *низким уровнем* сформированности аналитического критерия имеют поверхностное представление по различным вопросам. Они редко проводят критический анализ информации и могут принимать любую информацию на веру, что приводит к негативным последствиям.

Поведенческий критерий гражданской идентичности младших школьников проявляется в поведении и действиях в обществе, с друзьями, с родителями, в школе и т.д. Сформированность поведенческого критерия подразумевает, что ребенок уже знает и соблюдает правила поведения в различных социальных контекстах, уважительно относится к окружающим, независимо от различий, участвует в низовых инициативах и т.д.

Дети с *высоким уровнем* владения поведенческим критерием проявляют активное участие в жизни своей школы и общества. Они могут участвовать в школьных мероприятиях, волонтерских начинаниях и поддерживать различные инициативы. Такие дети демонстрируют навыки сотрудничества и лидерства в групповых проектах, а также проявляют уважение к правилам и нормам поведения в школе и обществе, уважают и разделяют ценности своей общеобразовательной организации [8].

Дети *со средним уровнем* сформированности поведенческого критерия могут участвовать в школьных мероприятиях и социальных инициативах, но их активность может быть менее выраженной, по сравнению с первой группой детей. Школьники с этим уровнем сформированности могут сотрудничать с другими детьми в групповых проектах, но не всегда берут на себя роль лидера, а уровень сотрудничества может зависеть от конкретной ситуации. В целом, дети соблюдают правила и нормы поведения, но иногда могут делать исключения из правил, особенно если дело касается несущественных нарушений.

Младшие школьники с *низким уровнем* сформированности данного критерия практически не принимают участие в школьных и общественных мероприятиях, и они совсем не заинтересованы в общественных процессах. У них отсутствуют лидерские навыки, и скорее всего, они не ищут возможности быть лидерами. Дети с *низким уровнем* сформированности гражданской идентичности могут нарушать правила и нормы поведения без особой оглядки на возможные последствия.

Таким образом, гражданская идентичность и ее компоненты (когнитивный, эмоциональный, аналитический и поведенческий критерии) влияют на формирование ценностей, моральных убеждений и поведения детей, на их участие в общественной жизни, а также может проявляться на разных уровнях сформированности, в зависимости от возраста, социального опыта и воспитания. Так, некоторые дети могут иметь *низкий уровень* сформированности, что может привести к недостаточному уважению своей страны, ее законов, норм, традиций. В то же время, дети с *высоким уровнем* сформированности гражданской идентичности могут являться лидерами в школьном коллективе, быть инициаторами различных мероприятий, посвященных государственным праздникам, участвовать в волонтерской деятельности и пр.

Таким образом, учителям при формировании собственной деятельности и педагогической практики не-

обходимо учитывать сформированности каждого компонента гражданской идентичности младших школьников, в том числе и на индивидуальном уровне, что поможет им разработать индивидуальные программы развития и поддержки каждого ребенка.

Литература

1. Гаглоева А.Б. Гражданская идентичность как интегративное качество личности // Вопросы педагогики. 2020. № 10–1. С. 40–44.
2. Глазырина Е.Ю. Проектная деятельность как условие формирования гражданской идентичности студентов // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 16–25.
3. Дианова Г.А., Харькова О.А. Кризис идентичности современной молодежи // Инновационная наука. 2020. № 8. С. 74–76.
4. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 480–498.
5. Иванова Г.П., Марченко А.А., Ширкова Н.Н. Гражданская идентичность младших школьников: особенности ее формирования во внеурочной деятельности // Педагогика и психология образования. 2024. № 1. С. 73–86.
6. Иванова Н.Л. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях [Текст] / Н.Л. Иванова, Г.Б. Мазилова // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 83–93
7. Караханова Г.А. Проблемы формирования основ гражданской идентичности у младших школьников [Текст] / Г.А. Караханова, А.А. Панахова // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2013. № 1(7). С. 22–25.
8. Кашина Н.И. Формирование основ гражданской идентичности у младших школьников средствами проектной деятельности // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 123–129.
9. Кочкина Т.В. Формирование гражданской идентичности младших школьников // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2021. Т. 2. № 10. С. 62–71.
10. Макачук Я.В. Патриотическое воспитание младших школьников в системе дополнительного образования / Я.В. Макачук, М.Л. Мальчевская // Научный диалог. 2017. № 1. С. 280–291.
11. Самсонова Е.К. Формирование гражданской идентичности младших школьников в условиях реализации стандартов нового поколения [Текст] / Е.К. Самсонова // Вектор науки Тольяттинского государственного ун-та. Сер.: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 171–173
12. Эндрюшко А.А. Российская идентичность и школьное образование: современный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 95–110.

COMPONENTS, INDICATORS AND LEVELS OF FORMATION OF THE CIVIC IDENTITY OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Ivanova G.P., Marchenko A.A., Shirkova N.N.

State University of Education, Higher School of Economics

The article examines the process of forming the civic identity of younger schoolchildren. The authors identify and analyze key criteria, indicators and levels of civic identity formation in childhood.

The article begins with an overview of the theoretical basis of civic identity, emphasizing its importance in the context of society and child rearing. The results of the study reveal a number of criteria and indicators characterizing the formation of civic identity, including knowledge of civil rights and responsibilities, attitudes to social justice and participation in civic events.

The authors identify several components of civic identity: cognitive, emotional, analytical and behavioral criteria for the formation of civic identity. Each criterion is characterized by specific indicators, such as awareness of civic values, recognition of social norms and participation in public service, and can be expressed at three levels: low, medium and high. The results of this theoretical and methodological research will be reflected in the practice of primary school teachers, methodologists, tutors, psychologists involved in the upbringing and development of children.

Keywords: primary school students, primary education, civic identity, indicators of civic identity, criteria of civic identity.

References

1. Gagloeva A.B. Civic identity as an integrative quality of personality // *Voprosy pedagogiki*. 2020. No. 10–1. P. 40–44.
2. Glazyrina E. Yu. Project activities as a condition for the formation of students' civic identity // *Pedagogical education in Russia*. 2020. No. 3. P. 16–25.
3. Dianova G.A., Kharkova O.A. Identity crisis of modern youth // *Innovative science*. 2020. No. 8. P. 74–76.
4. Drobizheva L.M. The meanings of all-Russian civic identity in the mass consciousness of Russians // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020. No. 4 (158). P. 480–498.
5. Ivanova G.P., Marchenko A.A., Shirkova N.N. Civic identity of younger students: features of its formation in extracurricular activities // *Pedagogy and psychology of education*. 2024. No. 1. P. 73–86.
6. Ivanova N.L. Changes in ethnic and civic identity in new social conditions [Text] / N.L. Ivanova, G.B. Mazilova // *Questions of Psychology*. 2008. No. 2. P. 83–93
7. Karakhanova G.A. Problems of forming the foundations of civic identity in younger students [Text] / G.A. Karakhanova, A.A. Panakhova // *News of the Chechen State Pedagogical Institute*. 2013. No. 1 (7). P. 22–25.
8. Kashina N.I. Formation of the Foundations of Civic Identity in Primary School Students by Means of Project Activities // *Pedagogical Education in Russia*. 2020. No. 3. Pp. 123–129.
9. Kochkina T.V. Formation of Civic Identity of Primary School Students // *Scientific and Methodological Electronic Journal "Kaliningrad Bulletin of Education"*. 2021. Vol. 2. No. 10. Pp. 62–71.
10. Makarchuk Ya.V. Patriotic Education of Primary School Students in the System of Additional Education / Ya.V. Makarchuk, M.L. Malchevskaya // *Scientific Dialogue*. 2017. No. 1. Pp. 280–291.
11. Samsonova E.K. Formation of Civic Identity of Primary School Students in the Context of the Implementation of New Generation Standards [Text] / E.K. Samsonova // *Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 2013. No. 4 (15). P. 171–173
12. Andreushko A.A. Russian identity and school education: modern context // *Sociological science and social practice*. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 95–110.

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Склонность к абсурду в значительной мере характеризует духовное состояние нашего современника; можно узнать много интересного, если суметь разобраться в абсурде. Но абсурд невозможно понять изнутри, пользуясь его собственными средствами; ведь понимание есть нахождение смысла, а смысл и абсурд несовместимы. Если мы хотим понять абсурд, мы должны выбрать точку зрения вовне. Нужно открыто исповедовать веру, противоположную абсурдной.

Мы брошены в мир, брошены в конкретные ситуации, но они имеют смысл только в той мере, в какой созданы самими людьми. Согласно экзистенциалистам, люди проводят свою жизнь в пустоте, страшной от тоски и отчаяния, в мире, определяемом отчуждением и абсурдом. Подлинная жизнь – это та, в которой вы выбираете то, что важно для создания своего собственного значения, осознание которого приводит к свободе. Разумеется, страшилки экзистенциалистов так и остаются страшилками, ибо повседневная жизнь лишена экстремальных, т.е. пограничных, ситуаций. Она рассудочна большую часть времени, скучна и однообразна другую часть. И лишь на краткие мгновения просыпается, встряхнувшись от своего безмятежного сна. Абсурд указывает ей границы, за которые та не должна переступать – в противном случае ею займётся философия, а не социология.

Ключевые слова: абсурд, экзистенциализм, философия, А. Камю, Ф. Ницше.

Абсурд (лат. ab – от, surdus – глухой, ab-surdus – неблагозвучный, нелепый, причудливый) – философское и культурологическое понятие, характеризующее такое предельное состояние обесмысливания, до которого, при определенных обстоятельствах, может быть доведено любое разумное или осмысленное положение дел. В когнитивном отношении абсурд – родной брат логического парадокса, философского противоречия (не путать с диалектическим противоречием, которое никаким абсурдом не является), нонсенс, наконец, отсутствия смысла или его выворачивания, соединения несоединимого. В театре родственниками абсурда являются гротеск, фарс, буффонада, пародия, сатира, карикатура, шарж. Согласно С. Беккету, абсурд – это бездна, отделяющая разумный мир сознания от беспорядочной гармонии хаоса, со всех сторон продуваемой ветрами смысла. Другими словами, абсурд, как отсутствие смысла, суть повивальная бабка всякого смысла, ибо предупреждает того от последнего шага, совершив который, смысл превратится в свою противоположность, а именно в нелепость. «Абсурдные объекты – то же, что квадратный круг, материя без протяженности, *regretum mobile*, гора без долины – это объекты “без места”, они вне бытия. Однако они имеют четкое и определенное положение в этом “вне”: они из “сверх-бытия” – чистые идеальные события, не реализуемые в положении вещей» [1].

«Абсурд» – ведущая тема в экзистенциалистской мысли, особенно в пьесах Камю, Кафки и Беккета. Эта тема исследуется в нескольких романах Альберта Камю, особенно в «Незнакомце». Главный герой романа Мерсо – безразличный «каждый», у него нет планов, никаких амбиций, никакого чувства его эмоций и даже безразличия к смерти его матери. В конце «Незнакомец» Мерсо говорит, что он открывает свое сердце «доброжелательному безразличию Вселенной», то есть миру без присутствующего ему смысла, следовательно абсурдному. Фраза «доброжелательное безразличие Вселенной» – это способ выразить решительную оппозицию тому, что структурные социологи считают истинными, «*sui generis*» (или независимый смысл) социальных явлений. Франц Кафка создавал сюрреалистические и отчужденные персонажи, чтобы представлять борьбу человека с абсурдом жизни. Например, в «Метаморфозе», пробудившись однажды утро, с удивлением осознал, что превратился в таракана.

Прием выворачивания смысла намеренно используется в современной драматургии, кино- и телепостановках для того, чтобы заглянуть по ту сторону обычного состояния дел, расширить горизонты привычного либо подчеркнуть, что между явлениями существуют такие связи, которые были упущены при обычной перспективе, но которые в действительности выявляют сущность события. М. Стафеецкая определяет абсурд как ловушка, в которую попадает сознание, как плату за ослепление доказательной мощью понятия. Для рационалистов абсурд – грань, отделяющая правильный мир сознания от беспорядочного хаоса. Абсурдное в одном измерении (вселенной, пространстве, парадигме, способе мышления, культуре, эпохе) может не быть таковым в другом. Многие научные теории, противоречащие здравому смыслу, вначале казались абсурдными, например, теория относительности Эйнштейна. О нем говорили, что

он обладает парадоксальным, необычным мышлением. В данном случае выступает синонимом парадоксальному. В русском языке есть слово, семантически вбирающее в себя понятия абсурда и нонсенса – бессмыслица. Нонсенс и бессмыслица во многом имеют сходные значения: нонсенс – не простое отсутствие смысла, а скорее активная невозможность существования смысла; бессмыслица – протекающая из этого невозможность проявления действий субъектом, этого смысла лишенным. Одна из наиболее значительных теорий бессмыслицы была разработана в кружке «чинарей» (А. Введенский, Я. Друскин, Л. Липавский, В. Олейников, Д. Хармс), существовавшем в 1920–1930-е гг.

Его представители исходили из тезиса о текучести мысли и языка; различали два вида бессмыслицы: а) бессмыслица речи, где слова вводятся в непривычный для них контекст (используя разрушение ассоциативных и логических связей создавали новый язык, в котором даже отд. слово могло быть переполненной смыслами герметической метафорой); б) онтологическая бессмыслица, напоминающая пограничную ситуацию в экзистенциализме.

Возможно, первым апостолом абсурда в XIX в. являлся Ф. Ницше, создавший своеобразное «Откровение абсурда». Его нигилизм, по мнению Ю. Роуза, есть тот самый корень, из которого выросло все дерево абсурда. И если Ницше представляет нам саму философию абсурда, то о ее последствиях предупреждал мир его старший современник Ф. Достоевский: Ницше был слеп к свету Христовой правды, которая одна способна противостоять абсурдному мировоззрению. Два знаменитых афоризма Ницше «Бог умер», т.е. вера в Бога умерла в наших сердцах, и «Истины нет», т.е. мы отказались от богооткровенной истины, на которой когда-то была воздвигнута европейская цивилизация, лежат в основании Апокалипсиса абсурда XX в. Личная форма Откровения абсурда выражена в словах Ивана Карамазова: «Если Бога нет, то все позволено». Две фразы – «Бог умер» и «Истины нет» – значат в точности одно и то же; это откровения об абсолютной абсурдности мира, в центре которого вместо Бога оказалось ничто. «Все боги умерли», говорит Заратустра, «и мы хотим теперь, чтоб жил Сверхчеловек». Безумец у Ницше так говорит о богоубийстве: «Не слишком ли мы много на себя берем? Не нужно ли нам самим стать богами, просто чтоб это выглядело нам по плечу?» А Кириллов в «Бесах» Достоевского знает, что «если нет Бога, то я Бог». Атеисты и сатанисты, создавшие откровенно нигилистический тип субкультуры, берут на вооружение идеи Ницше и героев Достоевского, заявляя о своем безверии и отвержении истины. Они верят в Антихриста, а не в Христа. Антихрист выворачивает мир наизнанку, представляя тьму светом, зло – добром, рабство – свободой и хаос – порядком. Он воплощает философию абсурда и идею Человекобога, потому что поклоняется только себе и называет себя Богом. Бессознательными последователями такой субкультуры, видимо, становятся массы простых обывателей, не дающих себе труда задуматься над духовными вопросами бытия, не пропускающие в свою душу свет богооткровенной истины. Безразличие к духовной реальности, душевная растерянность и распушенность, увлечение сектами и псевдорелигиями, – все это служит явным признаком культурного кризиса современного общества, общества, стоящего у черты абсурда или уже перешагнувшего за нее.

Среди экзистенциалистов середины XX в. наиболее полно идею абсурда выразил выдающийся французский писатель-философ А. Камю в произведении, специально посвященном этой проблеме («Миф о Сизифе. Эссе

об абсурде»). У А. Камю абсурд – это чувство, пронизывающее все поры жизни и закоулки человеческой души, т.е. своеобразная болезнь духа, к которой не примешаны ни метафизика, ни вера. Чувство абсурда не равнозначно понятию абсурда. Чувство лежит в основании, это точка опоры. Оно не сводится к понятию. Если я обвиню невиновного в преступлении, размышляя А. Камю, если заявлю добропорядочному человеку, что он вожделем к собственной сестре, то мне ответят, что это абсурд. Мне укажут на антиномию между тем актом, который я ему приписываю, и принципами всей его жизни. «Это абсурд» означает «это невозможно», а кроме того, «это противоречиво». Если вооруженный ножом человек атакует группу автоматчиков, я считаю его действие абсурдным. Но оно является таковым только из-за диспропорции между намерением и реальностью. Равным образом мы расценим как абсурдный приговор, противопоставив ему другой, хотя бы внешне соответствующий фактам. Доказательство от абсурда также осуществляется путем сравнения следствий данного рассуждения с логической реальностью, которую стремятся установить. Во всех случаях, от самых простых до самых сложных, абсурдность тем больше, чем сильнее разрыв между сравниваемыми вещами. Есть абсурдные браки, вызовы судьбе, злопамятства, молчания, абсурдные войны и абсурдные перемирия. В каждом случае абсурдность порождается сравнением. По существу, абсурд есть раскол. Его нет ни в одном из сравниваемых предметов. Он рождается в их столкновении. Следовательно, с точки зрения интеллекта я могу сказать, что абсурд не в человеке и не в мире, но в их совместном присутствии. В противоположность философу А. Камю, и возражая ему, священник Ю. Роуз считает, что абсурд – это не внешнее, а внутреннее явление: не в мире, но в самом человеке исчезает смысл и согласие.

Чувство абсурдности, по А. Камю, есть разлад между человеком и его жизнью, актером и декорациями. Все когда-либо помышлявшие о самоубийстве люди сразу признают наличие связи между этим чувством и тягой к небытию. Когда разлад между реальной жизнью и иллюзорным представлением о нем достигает катастрофических размеров, единственным выходом становится самоубийство. Французский философ проследил связь между двумя социокультурными факторами, самоубийством и абсурдом, и выяснил их глубинную соподчиненность. Несколькими десятилетиями раньше другой француз, которого одни называют социологом и антропологом, а другие философом, проследил взаимосвязь самоубийства и типа религиозности, а так же, как А. Камю выяснил тесное родство. Звали этого учёного Э. Дюркгеймом. У А. Камю самоубийство является естественным исходом абсурда. В принципе для человека, который не жульничает с самим собой, действия регулируются тем, что он считает истинным.

Вера в смысл жизни всегда предполагает шкалу ценностей, выбор, предпочтение. Вера в абсурд, по определению, учит нас прямо противоположному. В таком случае вера в абсурдность существования должна быть руководством к действию. В привязанности человека к миру есть нечто более сильное, чем все беды мира. Тело принимает участие в решении ничуть не меньше ума, и оно отступает перед небытием. Разум, зашедший в тупик при решении каких-то своих, интеллектуальных проблем, дает команду на уничтожение тела, которое ни в чем не повинно. Это и есть абсурд, лежащий в самой основе человеческого существования. Наш разум ищет смысл жизни и не найдя его, уничтожает не себя, а тело, которому для существования никакого смысла не надо, ему необходимы питание и комфорт. Мы при-

выкаем жить задолго до того, как привыкаем мыслить, пишет А. Камю. Тело сохраняет это опережение в бе-ге дней, понемногу приближающем наш смертный час. Спасает от абсурда надежда. Надежда на жизнь иную, которую требуется «заслужить», либо уловки тех, кто живет не для самой жизни, а ради какой-нибудь великой идеи, превосходящей и возвышающей жизнь, наде-ляющей ее смыслом и предающей ее. Если человече-ская жизнь представляет собой абсурдную драму, или, точнее выражаясь, драму абсурда, то репликами в ней обмениваются надежда и смерть.

Если прибегнуть к метафоре, то можно сказать, что наша культура – это путеводитель или огромная карта абсурда, а наш разум – гид в этом хаосе. Он сам, в силу прирожденной способности, приводит наш мозг к нераз-решимым противоречиям. Основное занятие разума – отличать истинное от ложного. Однако стоит мышлению заняться рефлексией, полагает А. Камю, как сразу же обнаруживается противоречие. Здесь не помогут ника-кие убеждения. В ясности и эlegantности доказательств никто на протяжении стольких веков не превзошел Ари-стотеля: «В итоге со всеми подобными взглядами необ-ходимо происходит то, что всем известно, – они сами себя опровергают. Действительно, тот, кто утверждает, что все истинно, делает истинным и утверждение, противоположное его собственному, и тем самым дела-ет свое утверждение неистинным (ибо противополож-ное утверждение отрицает его истинность); а тот, кто утверждает, что все ложно, делает и это свое утверж-дение ложным. Если же они будут делать исключение – в первом случае для противоположного утверждения, заявляя, что только оно одно не истинно, а во втором – для собственного утверждения, заявляя, что только оно одно не ложно, – то приходится предполагать бесчис-ленное множество истинных и ложных утверждений, ибо утверждение о том, что истинное утверждение истинно, само истинно, и это может быть продолжено до беско-нечности». С этим вполне согласен православный мыс-литель Юджин Роуз, полагавший в середине XX в., что философия абсурда, с какой стороны к ней не подойди, противоречит сама себе. Чтобы утверждать всеобщую бессмысленность, нужно вкладывать какой-то смысл в саму эту фразу, чем отрицается исходное положение; когда говорят «Истины нет», подразумевают истинность этого высказывания, снова себе противореча. Филосо-фия абсурда состоит в отрицании, и от начала до конца определяется тем, что именно подлежит отрицанию. Аб-сурдное возможно лишь по отношению к чему-либо не-абсурдному; идея о мировой бессмыслице может прийти в голову только тому, кто веровал в смысл бытия, и в ком эта вера не умерла. Философию абсурда нельзя понять в отрыве от ее христианских корней.

Христианство, по существу, есть высшее согласие, потому что Господь сотворил этот мир в гармонии, по об-разу и подобию своему. Для исповедующего абсурд все распадается на части, включая его собственную сиюми-нутную философию; для исповедующего христианство все собрано воедино и согласовано, включая и то, что беспорядочно само по себе. Абсурд с его хаосом ока-зывается элементом более общей и согласованной кар-тины; если бы это было не так, вряд ли стоило бы о нем говорить. И это всего лишь один из тех порочных кругов, по которым мышление спускается в преисподнюю.

Если первое занятие суждения – искать истину, то второе – создавать великое. Однако начало всех ве-ликих действий и мыслей ничтожно. И это правда жиз-ни. Великие деяния часто рождаются на уличном пере-крестке или у входа в ресторан. Но где бы они ни роди-лись, участь большинства великих замыслов и начина-

ний – забвение, нереализованность, смерть. Огромная вселенная культуры, бесконечное множество цивилиза-ций, стран и обществ созданы 1/10 человеческих замыс-лов. Большинство из них навсегда похоронено в пустыне забвения. И это еще один порочный круг, т.е. еще один абсурд, ведущий человека в преисподнюю хаоса. Тре-тий круг – стремление разума во всем навести порядок и всему придать ясность. Понять явления, поступки, дви-жения – значит прежде всего унифицировать их. Даже в своих наиболее развитых формах разум соединяет-ся с бессознательным желанием ясности. В стремлении понять реальность разум удовлетворен лишь в том слу-чае, когда ему удастся свести ее к мышлению. Если бы мышление открыло в изменчивых процессах вечные от-ношения, устойчивые универсалии, а число последние заставить подчинять одному-единственному принци-пу, то разум был бы счастлив. Ностальгия по Единому, стремление к Абсолюту выражают сущность человече-ской драмы. Драматизм человеческого существования в том и заключается, что единство таит в себе многооб-разие. Разум утверждает всеединство, но этим утверж-дением доказывает существование различия и многооб-разия, которые пытался преодолеть. Так возникает еще один порочный круг. Его вполне достаточно для того, чтобы погасить наши надежды. А там, где умирает на-дежда, рождается абсурд.

Надежда может покинуть равно как образованных, так и неграмотных. Первые живут разумом, но чем боль-ше они его развивают, тем большее число парадоксов он им готовит. Вторые живут чувством и преходящей ми-нутой. Но их ожидает другого типа ловушка. Все извест-но, что человек смертен. Одних эта мысль приводит к са-моубийству, других – к интенсивной творческой работе как попытке преодолеть смерть и стать бессмертным, пусть лишь в памяти потомков. Одних мысль о смерти обезоруживает, других окрыляет. Первые живут в изме-рении абсурда, все время думая о смерти, боясь и од-новременно готовясь к ней. Бытие-к-смерти, как скажет позже Хайдеггер, есть основа человеческого существо-вания. Возможно, если воспользоваться метафорой А. Камю, это последний круг ада, ведущий к небытию, т.е. к абсурду. Попытка преодолеть его при помощи раз-ума иллюзорна, как и попытка сделать то же самое при помощи чувств. Чем больше мы анализируем жизнь и задумываемся над ее смыслом, чем больше трениру-ем свой интеллект, тем широкой и прочной становится сеть, сплетенная из логических противоречий. Чем мень-ше мы задумываемся над жизнью, ее смыслом и живем чувствами, предаваясь наслаждениям, тем более чув-ствительными мы становимся к смерти, тем сильнее бо-имся ее. Но это и есть абсурд.

Таким образом, от абсурда никуда не деться. Он то-тален. Абсурдный человек исчерпывает все и исчерпы-вается сам; абсурд есть предельное напряжение, под-держиваемое всеми его силами в полном одиночестве. Абсурд скрепляет все связи и отношения в этом мире, он приковывает одно живое существо к другому. Человек рождается по воле случая, но уходит из мира по желе-зной логике необходимости. И это тоже абсурд. Но если абсурдны игроки и те отношения, в которые они вступа-ют, проживая свою жизнь, то пьесу в целом следует име-новать драмой абсурда. Абсурден ее сценарий, абсурд-на постановка и игра. Будь у нас выбор, мы, возможно, и не пошли бы смотреть такой спектакль. Но, однажды родившись, мы обречены досмотреть его до конца. В се-редине или даже в самом начале постановки зал поки-дают только самоубийцы. Они уже все поняли, и пьеса им не понравилась. Им даже хватило смелости встать и выйти. Другим ее не хватает. Страдая и мучаясь, они

досиживают до конца. Возможно, это абсурд, но чувство самосохранения, которое сильнее нашего разума, этого игрока в рулетку, любителя парадоксов, спасает нас от последнего шага. Дождавшись окончания премьеры, мы вместе с толпой идем за своими вещами.

Жизнь действительно представляет собой только премьеру, на которую зритель попадает не только впервые, но и единственный раз. В этом философская, биологическая и какая угодно подоплека человеческого существования. Человек живет только один раз, и перед этой истиной обесценивается любая попытка уйти со спектакля раньше времени. Ушел, значит, никогда не вернулся. Это заставляет человека цепляться за жизнь, хотя она абсурдна. Хайдеггер полагал, что человек держится этого абсурдного мира, клянет его за бренность и ищет путь среди развалин. Ясперс был уверен, что выход из смертельной игры нам недоступен. Ему было известно, что, в конце концов, разум потерпит поражение, и он подолгу останавливался на перипетиях истории духа, чтобы безжалостно разоблачить банкротство любой системы, любой всеспасительной иллюзии, любой проповеди. В этом опустошенном мире, где доказана невозможность познания, где единственной реальностью кажется ничто, а единственно возможной установкой – безысходное отчаяние, Ясперс занят поисками нити Ариадны, ведущей к божественным тайнам. Он тем яростнее обрушивается на предрассудки разума, чем радикальнее разум объясняет мир.

Ему вторил русский Л. Шестов, который без конца доказывал, что даже самая замкнутая система, самый универсальный рационализм всегда спотыкаются об иррациональность человеческого мышления. Иронии, иррациональности, несуразностей, глупости в мире так много, что в них, как в болоте, тонет любая попытка разума окончательно навести порядок во вселенной. Свообразным певцом, а, может быть, аналитиком абсурда являлся Достоевский, романы которого не знают привычной рациональной логики, где герои совершают нечто, что никак не поддается культурной калькуляции или предумышленному планированию. В его книгах нет широких проспектов и регулярных парков, зато множество тупиков, закоулков, потаенных ходов. Для Шестова принятие абсурда и сам абсурд единовременны.

Констатировать абсурд – значит принять его, и вся логика Шестова направлена на то, чтобы выявить абсурд, освободить дорогу безмерной надежде, которая из него следует. Общеизвестно, что парадоксальная логика Достоевского, которую А. Эйнштейн называл «бегством от очевидного», гораздо точнее и полнее отражает реальную жизнь людей, чем логически ясные и теоретически безупречные трактаты, эссе, исследования, эксперименты. Один из самых загадочных мыслителей Нового времени Сирен Кьеркегор на протяжении долгих лет не только искал абсурд, но и жил им. Именно он сказал парадоксальную фразу: «Подлинная немота не в молчании, а в разговоре». Он был уверен, что ни одна истина не абсолютна и не может сделать существование удовлетворительным. Всякий раз он выдумывал все новые псевдонимы и создавал всевозможные противоречия, писал одновременно «Назидательные речи» и «Дневник соблазнителья», учебник циничного спиритуализма. Он отвергал утешение, мораль, любые принципы успокоения. Абсурд, будучи метафизическим состоянием сознательного человека, не ведет к Богу. Абсурд – это грех без Бога. Пленником парадоксов и странностей задолго до него был великий Сократ, превративший иронию в главный принцип жизни.

Предметом своего пристального изучения абсурд сделали А. Гуссерль и феноменологи, отвергавшие тран-

сцендентное могущество разума. Гуссерль намеревался избежать «закоренелой привычки жить и мыслить в соответствии с условиями существования, которые нам хорошо известны и для нас удобны». Главный метод феноменологов эпохе предполагает воздержание от любого рассудочного суждения. Когда шумная работа нашего мышления приостанавливается, в наступившей тишине феноменологи могут услышать изначальный голос мира, каким он был до вторжения человека и его конструктивистских нововведений, называемых культурой. Сознание заключает в скобки объекты, на которые оно направлено, и они чудесным образом обособляются, оказываясь за пределами всех суждений. Именно такая интенциональность характеризует сознание.

Сознание не формирует познаваемый объект, оно лишь фиксирует его, будучи актом внимания. Оно последовательно высвечивает то, что лишено внутренней последовательности. В этом волшебном фонаре все образы самоценны. Абсурдный ум нацелен на перечисление того, что не в состоянии трансцендировать, и единственное его утверждение сводится к тому, что за отсутствием какого-либо объяснительного принципа мышление находит радость в описании и понимании каждого данного в опыте образа. Гуссерль как-то заявил: «Если бы мы могли ясно созерцать точные законы психических явлений, они показались бы нам столь же вечными и неизменными, как и фундаментальные законы теоретического естествознания». Во вселенной Гуссерля, полагает А. Камю, мир прояснился настолько, что сделалось бесполезным присущее человеку стремление понять его. Все эти мыслители с завидным упорством провозглашали, что нет ничего ясного, повсюду хаос, что человек способен видеть и познавать лишь окружающие его стены. Стены, прячущие от нас огромное здание абсурда.

Иначе чем А. Камю подходит к анализу А. Юджин Роуз (иеромонах Серафим) в незавершенной книге «Царство Божие и Царство Человеческое», над которой он работал в конце 1950-х – начале 1960-х гг. И его интересуется прежде всего Философия Абсурда, но не отдельного человека, а всего человечества. Он полагает, что нынешний век недаром называют веком абсурда. Поэты и драматурги, живописцы и скульпторы изображают наш мир бессвязным хаосом, а нас самих – бездушными хаотическими частицами. Политика, независимо от направления и оттенка, стала всего лишь ширмой, временно придающей вселенскому развалу жалкое подобие порядка. У всех в памяти самый страшный пример абсурда – фашизм, уничтоживший во имя бредовой идеи национальной чистоты миллионы людей. Один из его идеологов, Гиммлер, мог чередовать инспекцию в лагерях смерти с прослушиванием музыки Баха и посещением художественных выставок. Да и сам Гитлер был воплощенным абсурдом: невзрачный фельдфебель стал властителем мыслей и судеб десятков миллионов людей, достаточно образованных и цивилизованных. Из небытия он взмыл, по словам Ю. Роуза, к мировому господству и канул обратно в небытие за десять с небольшим лет, оставив за собой лишь обломки цивилизации, благодаря одному тому, что он, пустейший из людей, олицетворял пустоту своих современников. Режим Гитлера представляет собой самое совершенное политическое воплощение идеологии абсурда. Гитлеровский сюрреализм остался позади, но эпоха абсурда отнюдь не миновала. Мир просто вступил в новую фазу болезни, именуемой трагедией абсурда: нищие начинают требовать богатства и власти; имущие же прожигают жизнь в суе, или гибнут от разочарования и скуки. Кажется, мир раскололся надвое: одни ведут бессмысленную и бесцельную жизнь, не сознавая этого, а другие вполне

осознанно идут к безумию и самоубийству. «Мы живем в эпоху абсурда, когда несовместимые начала сосуществуют бок о бок в пределах одной человеческой души; когда ни в чем не видно смысла; когда исчез цементирующий центр, и мир разваливается по частям».

Идеология абсурда – не просто случайный иррационализм, а плод европейской цивилизации, сотни лет сеявшей семена затмения и предательства Христовой правды. Идеология абсурда, по существу, есть разочарованный, но нераскаившийся гуманизм. Можно сказать, что наступила последняя фаза его диалектического развития в направлении от христианской истины, фаза, на которой гуманизм, следуя своей внутренней логике, и реализуя все последствия своего первоначального предательства этой истины, обращается в собственное отрицание и становится своим кошмарным двойником, гуманизмом наизнанку. Идеология абсурда – это, в первую очередь, вовсе не интеллектуальное течение, не чистый атеизм, не голое утверждение, что Бога нет (хотя она может принимать и такие формы), а волевой акт, анти-теизм (этот термин Прудон применял к своей программе, а Де Любак в «Драме атеистического гуманизма» видел в нем ключ к пониманию революционеров вообще), борьба против Бога и Божественного порядка вещей. Если Бог выступает родоначальник всеобщего порядка и гармонии в мире, то Сатаны, считает Ю. Роуз, – родоначальником абсурда. Дьявол соблазняет людей самой притягательной для них вещью – идолом собственного «Я», которого Ницше называет Свехчеловеком, а Достоевский – Человекобогом. Ницшевский Сверхчеловек – это наш современник, утративший чувство вины в порыве воодушевления земным лже-мистицизмом, культом земных богов.

Мир абсурда – это, если говорить об искусстве, а не о философии, мир Кафки, Ионеско, в несколько меньшей мере – Беккета, некоторых авангардистских фильмов, как «Прошлый год в Мариенбаде», электронной и прочей экспериментальной музыки, сюрреализма во всех его проявлениях, современной живописи и скульптуры. Ионеско в своем эссе о Кафке отмечает, что «если у нас больше нет путеводной нити (в лабиринте жизни), значит, она нам больше не нужна. Отсюда наше ощущение вины, страха, абсурдности истории». Этот странный мир, по выражению Ю. Роуза, есть не что иное, как осязаемая «смерть Бога». Атмосферу искусства абсурда предвосхитил Ницше, а развили Кьеркегор, Сартр, Камю. Мир абсурда – это мир, где нет ни верха, ни низа, ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи, потому что нет больше общепринятой системы отсчета, абсолютных нравственных ценностей.

В отличие от современного искусства, часто выступающего защитником и проводником абсурда, современная наука не является его прибежищем. Напротив, она по своей природе враждебна идее абсурда, как враждебна она всякому иррационализму. Она, как и христианство, стоит на страже вечных, непреходящих ценностей. Сродство духовных интенций науки и христианства более чем странное явление. На протяжении последней тысячи лет христианство всегда враждовало с наукой, преследовало ученых как еретиков. Скорее оно было близко искусству, которое неустанно прославляло христианские ценности. И вдруг неожиданный поворот в XX в. Христианство отвернулось от своего верного сторонника, став другом своему заклятому врагу. Хотя Ю. Роуз и не говорит об этом, но в такой исторической странности надо видеть глубочайший парадокс современности. Он не случаен потому, что искусство эпохи модернизма и постмодерна в качестве отправной точки берет идею абсурда, иррационализма, которая никогда

ранее и никогда в будущем не будет принята ни христианством, ни наукой.

Абсурдное искусство, где усматривается отчаянная тревога и правдивое свидетельство о нашем безбожном мире, выступает объективным зеркалом нашего мира. Оно объективно потому, что своим абсурдом отображает абсурдность мира. Но оно субъективно потому, что, взяв на себя функцию свидетельства греховного падения постмодерного мира, его бездуховности и анти-теизма, не дистанцируется от него, но берет на вооружение абсурд как художественный принцип изображения. Писатели-постмодернизма сокрушаются по поводу смерти Гранд Нарратива («The Grand Narratives») жизни (Бог, капитализм, социализм, коммунизм, демократия, христианство и т.д.). Это касается той же проблемы, которую послевоенные экзистенциалисты называют «абсурдом».

Писать об абсурде, используя логику и приемы абсурда, что может быть абсурднее?! Только правда, полагает Ю. Роуз, ведёт за пределы абсурда, а ее-то как раз и нет ни в современном искусстве, ни в мире; ее-то отвергают со всей решительностью и те, кто осознанно проповедуют абсурд, и те, кто бессознательно влачат абсурдную жизнь. Герой абсурдного искусства заключен в себе самом, как в темнице, оторван от других людей, неспособен на человеческие чувства и отношения; в нем нет любви, в нем только ненависть, насилие, ужас и тоска.

Природа человека, в том числе современного, устроена таким образом, что ему не нравится абсурдность мироздания. Они признают ее, но не желают с ней мириться. Вот почему современное искусство и философия, признающие абсурдность бытия и использующие для его познания столь же абсурдные средства, ставят своей целью не преумножение всеобщего зла, а, напротив, преодоление абсурда. Как сказал Ионеско, «обличать абсурд – значит утверждать возможность неабсурда», прибавляя, что он «постоянно ищет просвета, откровения». Атмосфера ожидания, наблюдаемая в лучших произведениях абсурдного искусства, есть не что иное, как образ переживаний современника, одинокого и разочарованного, но все-таки не потерявшего надежды человека. Но это означает, считает Ю. Роуз, что небытие, предполагаемый центр абсурдного мира, уже не сама суть болезни, а всего лишь ее грозный симптом. Суть же – это вера в нечто, чего ждут, но точно не знают, что именно; это «Годо», неопределенный и неявный участник произведений абсурдного искусства; это таинственное нечто, которое способно снова дать жизни некий смысл. Современное искусство, отказавшись от Бога как абсолютной истины, остановилось в промежутке между путем истинного обожествления, на котором художник смиряет и распинает себя, чтобы воскреснуть и возвыситься к Богу в вечности, и ложным путем самообожествления, ведущим к сиюминутному возвышению, а затем – в бездну.

Литература

1. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995, с. 55.

ONTOLOGY AND PHENOMENOLOGY OF THE ABSURD

Kravchenko A.I.

A tendency towards the absurd largely characterizes the spiritual state of our contemporary; one can learn a lot of interesting things if one can understand the absurd. But the absurd cannot be understood from within, using its own means; after all, understanding is finding meaning, and meaning and absurdity are incompatible. If we want to understand the absurd, we must choose an external point

of view. We must openly profess a faith that is the opposite of the absurd.

We are thrown into the world, thrown into specific situations, but they make sense only to the extent that they are created by people themselves. According to existentialists, people spend their lives in emptiness, terrible with melancholy and despair, in a world defined by alienation and absurdity. Authentic life is the one in which you choose what is important to create your own meaning, the awareness of which leads to freedom. Of course, existentialists' horror stories remain horror stories, because everyday life is devoid of extreme, i.e. borderline, situations. It is rational most of the time, boring

and monotonous the other part. And only for brief moments does it wake up, shaking itself from its serene sleep. The absurd shows it the boundaries it should not cross – otherwise it will be dealt with by philosophy, not sociology.

Keywords: absurdity, existentialism, philosophy, A. Camus, F. Nietzsche.

References

1. Deleuze J. The Logic of Meaning. Moscow, 1995, p.55.

Обзор специализированного образовательного учреждения кхмерской буддийской академии Тхеравады города Кантхо, Вьетнам

Дао Ньы,

аспирант кафедры религиоведения, Университет гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский Национальный Университет города Ханой; Ректор кхмерской буддийской академии Тхеравады города Кантхо

Нгуен Ван Тхань,

руководитель центрального организационно-кадрового отдела, Национального Отечественного Фронта Вьетнама

Цель исследования: роль, значение и потребность кхмерской буддийской академии Тхеравады во вьетнамском обществе. Методы исследования: общепринятые научные методы исследования, совокупность методов анализа и сбора информации, единства логического и исторического, культурного и социологического. Объект исследования: кхмерская буддийская академия Тхеравады города Кантхо. Результат исследования: Значение и роль кхмерской буддийской академии Тхеравады подтверждаются спросом для поступления практикующих монахов на территории юга Вьетнама. С момента основания под руководством государственных властей до сегодняшних дней, академия выпустила большое количество квалифицированных специалистов и практикующих монахов, наряду с программами бакалавриата, магистратуры и аспирантуры других университетов. Академия, понимая важность в сохранении интереса абитуриентов, пытается расширить свою образовательную программу, преподавательский состав и делает ее более широкой и практичной для современного общества.

Ключевые слова: буддийская академия, академия Тхеравады, город Кантхо, образовательная программа.

Введение

Кхмерский буддизм Тхеравады является неотделимой частью буддизма Вьетнама, представители которого входят в официальный состав Буддийской Сангхи Вьетнама. Роль буддизма Тхеравады в обучении и образовании кхмерского народа не раз была показана на практике, подтверждаются исследованиями и монографиями [1]. Создание кхмерской буддийской академии Тхеравады в традиционной системе образования укрепило тесную связь «пагода-школа», улучшило качество преподавания. Образовательное и учебное содержание кхмерской буддийской академии Тхеравады вносит большой вклад в подготовке кадров и монахов на юге Вьетнама, подходит под общую концепцию вьетнамского буддизма и социализма «дхарма-демократия-социализм» и реализуется на всех уровнях Буддийской Сангхи Вьетнама.

Методы исследования: общепринятые научные методы исследования, совокупность методов анализа и сбора информации, единства логического и исторического, культурного и социологического.

Объект исследования: кхмерская буддийская академия Тхеравады города Кантхо.

Цель исследования: роль, значение и потребность кхмерской буддийской академии Тхеравады во вьетнамском обществе.

Результат исследования

В настоящее время более 8500 монахов обучаются в 454 кхмерских буддийских храмах, монастырях или пагодах Тхеравады на территории дельты реки Меконга во Вьетнаме. Монахи являются важными кадровыми ресурсами не только для буддизма Тхеравады, но и для Вьетнамской Буддийской Сангхи, в будущем именно эти монахи будут определять вектор развития буддизма на юге Вьетнама, представлять общий интерес буддистов-мирян Тхеравады, а также станут хранителями и наставниками кхмерских традиций для будущего поколения. Около 2 миллионов мужчин кхмеров проходят традиционную практику сыновней почтительности в храмах, монастырях и пагодах, поэтому монахи-наставники являются «мостами» для кхмерских мужчин во взрослую жизнь, интегрируют будущее поколение в социальную жизнь Вьетнама.

Создание кхмерской буддийской академии Тхеравады решило сложные вопросы буддийского образования и подготовки монахов-наставников кхмерского буддизма Тхеравады на существующих уровнях и высшего образования на юге Вьетнама. К примеру, до основания кхмерской буддийской академии Тхеравады на территории юго-запада Вьетнама в городе Кантхо 2006 года, для повышения квалификации монахам буддизма Тхеравады приходилось выезжать за границу. Стоя у истоков основного образования кхмерского народа, некоторым монахам-наставникам недостаточно среднего образования или буддийского колледжа, ведь современное общество не останавливается в развитии, и для сохранения кхмерских традиций, а именно системы «пагода-школа», и идти в ногу с реалиями жизни, монахам-наставникам нужны более высокие образовательные стандарты. До 2006 года многие монахи из-за своей некомпетент-

ности выезжали за границу неортодоксальными путями, что вызывало отрицательное влияние между пограничными странами, буддийскими общинами зарубежных стран и государственными органами с Вьетнамом и Вьетнамской Буддийской Сангхой. Согласно отчету Исполнительного совета Вьетнамской Буддийской Сангхи за 2018 год, более 100 кхмерских буддийских монахов Тхеравады обучаются за рубежом, в таких странах, как Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Шри-Ланка и Индия [2].

С момента основания буддийской академии Тхеравады в городе Кантхо, обучение монахов-наставников при высоких стандартах образования позволило сэкономить много государственных средств. При этом буддийская академия Тхеравады тесно сотрудничает с передовыми высшими образовательными учреждениями Вьетнама для подготовки центральных кадров уровня бакалавра, магистра и кандидата наук, к примеру с кафедрой религиоведения Ханойского университета гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский Национальный Университет. Помимо высших образовательных учреждений внутри страны, буддийская академия Тхеравады взаимодействуют с международными и региональными буддийскими академиями [3]. Такая политика развития соответствует с вектором работы правительства Вьетнама в вопросах расширения деятельности религии и сохранения идентичности культуры государства. Буддийская академия Тхеравады укрепляет международные и региональные позиции Вьетнамской Буддийской Сангхи, дает важный толчок кхмерскому народу в интеграции интернационализации современного общества, усиливает фигуру буддизма Тхеравады внутри Вьетнама.

Буддийские монахи Тхеравады для кхмерского народа являются не только духовными наставниками, помимо этого они также носят идеологический и абсолютный характер. Политическая и идеологическая важность в подготовке центральных кадров, монахов-наставников в сохранении мира и гармонии между народами, религиями внутри социалистической страны стоит в первую очередь для центрального государственного аппарата, ведь при неправильном подходе может сказаться негативное влияние при соприкосновении тонких религиозных вопросов и недопонимание со стороны народ меньшинств. Также монахи являются ключевыми и связующими фигурами в исполнении религиозной работы между Вьетнамской Буддийской Сангхой и представителями буддистов-мирян Тхеравады. Таким образом, качество и эффективность буддийской деятельности на территории юго-запада Вьетнама напрямую зависит от уровня образовательной подготовки монахов-наставников в буддийских учреждениях Тхеравады. По объективным и субъективным причинам, на данный момент количество монахов-наставников Тхеравады имеет ограниченный характер, и создание лучших условий для подготовки и повышения квалификации позволит повысить необходимое число квалифицированных монахов-наставников [4]. Буддийская академия Тхеравады полностью удовлетворяет практическую нуждаемость и разрешает необходимый вопрос об образовании монахов-наставников.

В процессе интеграции и развития во Вьетнаме, кхмерский буддизм Тхеравады имеет много общего и тесные связи с буддизмом Тхеравады в странах Юго-Восточной Азии, особенно с Камбоджей, Лаосом, Таиландом и Мьянмой. Из-за этой особенности, монахи-наставники кхмерского буддизма должны точно представлять доктрину вьетнамского буддизма, особенности идентичности культуры и идею своей религии. Вместе с этим, монахи-наставники следуют знать и понимать историю формирования и отношения между своей религией и религиями вышеупомянутых стран для избежания

конфликтов и недопонимания. В этом вопросе, при тесном сотрудничестве с региональными международными буддийскими общинами, буддийская академия Тхеравады создает возможность монахам-наставникам в обмене и сравнении своей религии с другими религиями.

Во время подготовки и обучения в буддийской академии Тхеравады, монахи получают возможность общения и взаимодействия с иностранными делегациями [5]. Многие иностранные делегации для изучения особенностей кхмерского буддизма во Вьетнаме приезжают в академию, контактируют с обучающимися монахами, а монахи, в свою очередь. Получают необходимое для себя представление современного международного общества.

Академия также выполняет функцию нейтрального и научного взгляда, свободного подхода со стороны правительства к развитию деятельности и свободы религии на территории своего государства. Существуют многие пропагандистские мнения о подавлении деятельности религии во Вьетнаме, ущемлении прав народ меньшинств. С момента деятельности буддийской академии Тхеравады в городе Кантхо, многие международные делегации посетили и работали в академии и пагодах, таких как пагода Поти Сомрон в районе О Мон, пагода Питукхосарангсай и пагода Мунирансай в районе Нинь Киеу (районы города Кантхо) [5].

Буддийская академия Тхеравады также представляет монахам-наставникам, помимо изучения религиозных доктрин, углубленное обучение палийского языка. Основной литературой для монахов являются палийские сутры, винайи и аналекты. Монахи в академии получают еще и юридическое образование, образовательные педагогические курсы [6]. Из-за традиции кхмерского народа, ответственность за будущее поколение лежит на плечах монахов-наставников. Значит, образование в академии должно быть наполнено культурным, этическим и организационным содержанием. Задача монахов и академии состоит в том, что при сохранении культурных традиций, необходимо также донести до народа меньшинств их гражданские права, юридическую ответственность, Конституцию Вьетнама. То есть, помимо религиозных доктрин, этических правил, традиционных обычаев, каждый монах-наставник должен в совершенстве овладеть кхмерским, палийским и вьетнамским языком. Кхмерский язык и кхмерская письменность являются неофициальным языком, и в поддержании сохранения, передачи языка, монахи-наставники из года в год обучают языку тысяча молодежи народа Кхмеров.

Кроме углубленных занятий, академия также проводит традиционные, культурные, художественные и спортивные мероприятия по случаю праздников и юбилеев кхмерского народа. Для буддийской академии Тхеравады также важно поддержание и развитие культурных ценностей и традиций кхмерского этноса.

Организационная структура буддийской академии Тхеравады была организована при помощи правительства и государства, а также Комитета по делам и вопросам религии, постоянного исполнительного комитета Центральной Буддийской Сангхи Вьетнама. Дistinguished Упадьяя, являющимся председателем исполнительного комитета Центральной Буддийской Сангхи, подписал документ о решении утверждения состава ректората буддийской академии Тхеравады № 473/QD/HDTС от 19 сентября 2006 года в городе Кантхо [7].

Совет директоров (ректорат) является представительным отделом академии, обладает высшими полномочиями, ответственностью и правом принимать решения по важным вопросам, касающимся организации, персонала, финансов и имущества академии, также ста-

вит цели, утверждает образовательные программы, подготовку кадров, научные исследования, планы развития академии в соответствии с политикой, законом государства и уставом Буддийской Общины, Образовательным комитетом Буддийской Сангхи.

Девять членов совета директоров буддийской академии были утверждены Исполнительным комитетом Вьетнамской Буддийской Сангхи согласно решению № 473/QD/HDTС от 19 сентября 2006 года [7]. Ректором буддийской академии Тхеравады по решению Сангхи стал почетный Упадхья Зань Ньонг. К 2018 году сменились позиции и кадры академии по различным причинам, на данный момент, совет директоров состоит из 11 членов, во главе которых стоит почетный Упадхья Дао Ньы.

В структуре буддийской академии Тхеравады еще не созданы такие подразделения, как кафедры, факультеты, отдел бухгалтерского отчета, административный отдел, совет по образованию. Недостаток этого пробела восполняется работой совета директоров, который по их окончательному решению издаются указы.

В буддийской академии Тхеравады еще нет штатного преподавательского состава. Большинство нынешних преподавателей Кхмерской буддийской академии Тхеравады являются приглашенными лекторами или преподавателями Ханойского Института гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский Национальный Университет города Ханой.

Образовательная программа буддийской академии Тхеравады делится на два вида: буддийская образовательная программа и светские предметы [8].

Буддийская образовательная программа включает в себя следующие предметы: история буддизма; перевод палийского трактата «Висуддхимагга» (путь очищения), том «пути заповедей» и «пути мудрости»; словарный запас палийского языка; словосочетания в палийском языке; кхмерская Литература; психология; кхмерская цивилизация; социология; санскрит; английский язык с уклоном буддийские термины; информатика; логика; философия нравственности; социальная культура; палийская Литература; тайский язык; сравнительное религиоведение; индийская философия; методология исследования; медитация [8].

Преподаватели из Университета Канто обучают студентов в буддийской академии Тхеравады светским предметам: основные принципы марксизма-ленинизма; революционная политика коммунистической партии Вьетнама; идеология Хо Ши Мина; общая история Вьетнама; общее право; основы научного социализма; основы безопасности и обороны; социальная культура [8].

Также приглашаются кадры из разных административных уровней правительства для преподавания такие предметы, как: религиозная политика; этническая политика; национальная политика единства; обсуждение новостных сводок.

Образовательная программа кхмерской буддийской академии Тхеравады длится 4 года, каждый год состоит из двух семестров, каждый семестр – четыре с половиной месяца. В конце каждого семестра проводятся экзамены. Каждый студент должен набрать минимум баллов для перехода на следующий год. По итогу последнего курса студенты защищают дипломную работу и получают диплом бакалавра в исследовании буддизма.

На данный момент 68 студентов-монахов обучаются в академии по двойной программе, согласованной с университетом гуманитарных и социальных наук, вьетнамский национальный университет [9]. При окончании они не только получают диплом бакалавра в исследовании буддизма, но и диплом бакалавра религиоведения.

С момента основания кхмерской буддийской академии Тхеравады и по сей день монахи или буддисты-миряне свободно поступают в академию. Для них обязательное требование является диплом об окончании буддийских средних школ, либо средних образовательных учреждений. Помимо этого, абитуриенты должны обладать минимальным словарным запасом палийского языка и знанием кхмерского языка.

Кхмерская буддийская академия Тхеравады состоит из следующих зданий и функциональных структур [3]:

- Главный зал: в главном зале обучающиеся монахи проводят ежедневные ритуалы перед Триратной, читают утром и вечером мантры и сутры, читают заповеди раз в полмесяца.
- Зал воздержания: здесь буддисты-миряне проводят обеты, ритуалы пятнадцатого и первого календарных чисел каждого лунного месяца, читают мантры и сутры, а также является местом для обеда и ужина для них.
- Жилые помещения для монахов, монахов-студентов и буддистов-мирян.
- Практические и аудиторные лекционные классы для проведения обучения. Классы содержат необходимые оборудования для проведения занятий.
- Площади и дворы для проведения культурных мероприятий народу, или общественных событий.

С 2006 года по настоящее время академия набрала и выпустила 7 курсов, 155 выпускников получили диплом бакалавра в исследовании буддизма [9].

Существующие трудности для академии являются преподавательский состав, у академии нет образовательных подразделений. С каждым годом набор студентов становится сложнее, ведь количество практикующих монахов становится меньше в современном мире, а буддисты-миряне не находят достаточный интерес для поступления.

Для преодоления трудностей, ректорат академии пытается расширить список преподаваемых предметов, внедрить в образовательную программу многие другие дисциплины на выбор, а также привлечь высокоспециализированных специалистов на место преподавательского состава.

Заключение

Значение и роль кхмерской буддийской академии Тхеравады подтверждаются спросом для поступления практикующих монахов на территории юга Вьетнама. С момента основания под руководством государственных властей до сегодняшних дней, академия выпустила большое количество квалифицированных специалистов и практикующих монахов, наряду с программами бакалавриата, магистратуры и аспирантуры других университетов. Академия, понимая важность в сохранении интереса абитуриентов, пытается расширить свою образовательную программу, преподавательский состав и делает ее более широкой и практичной для современного общества.

Литература

1. Нгуен Фу Лой (2024) История религий мира и Вьетнама, мон., изд. «Народная полиция», Ханой, с. 432
2. Тхит Ньят Ты (2020) Буддизм Тхеравады на юге Вьетнама, мон., изд. «Хонг Дык», Ханой, с. 234
3. Упадхья Дао Ньы (2019) Современное состояние подготовки и образования монахов кхмерского буддизма Тхеравады: результаты, ограничения и решения для улучшения качества обучения и образования монахов буддизма Тхеравады, материалы

научной конференции в кхмерской буддийской академии Тхеравады, совместно с Ханойским университетом гуманитарных и социальных наук по подготовке талантов и человеческих ресурсов кхмерских этнических групп на юге Вьетнама, город Кантхо.

4. Шон Фьюк Хоан (2019) Содержание и главные положения образовательной программы в кхмерской буддийской академии Тхеравады в соответствии с практическими требованиями, текущими ситуациями, ориентацией и решениями, материалы научной конференции в кхмерской буддийской академии Тхеравады, совместно с Ханойским университетом гуманитарных и социальных наук по подготовке талантов и человеческих ресурсов кхмерских этнических групп на юге Вьетнама, город Кантхо.
5. Кхмерская буддийская академия Тхеравады (2019) Официальное сообщение о работе кхмерской буддийской академии Тхеравады за 2019 г.
6. Кхмерская буддийская академия Тхеравады (2007) Документы об образовательной программе кхмерской буддийской академии за 2007 год.
7. Вьетнамская буддийская Сангха (2006) Решение № 473/QD/HDTС от 19 сентября 2006 г. о назначении кадров Исполнительного совета Кхмерской буддийской академии Тхеравады, Ханой.
8. Кхмерская буддийская академия Тхеравады (2007) Официальный документ о списке предметов и образовательной подготовки за 2007 год.
9. Кхмерская буддийская академия Тхеравады (2023) Официальное сообщение о работе кхмерской буддийской академии Тхеравады за 2023 г.

OVERVIEW OF SPECIALIZED EDUCATIONAL INSTITUTION KHMER THERAVADA BUDDHIST ACADEMY IN CAN THO CITY, VIETNAM

Dao Nhu, Nguyen Van Thanh

Vietnam National University, Khmer Buddhist Academy, National Fatherland Front of Vietnam

The purpose of the study: the role, significance and need of the Khmer Theravada Buddhist Academy in Vietnamese society. Research methods: generally accepted scientific research methods, a set of methods in analysis and collecting information, the unity of logical and historical, cultural and sociological. The object of the

study: Khmer Theravada Buddhist Academy in Can Tho city. The result of the study: The significance and role of the Khmer Theravada Buddhist Academy are confirmed by the demand for admission of practicing monks in the territory of southern Vietnam. Since its foundation under the guidance of state authorities to the present day, the academy has graduated many qualified specialists and practicing monks, along with bachelor, master and doctor programs with other universities. Understanding the interest of applicants, the Academy is trying to expand its educational program, teaching staff and make it broader and more practical for modern society.

Keywords: Buddhist academy, academy of Theravada, Can Tho city, educational program.

References

1. Nguyen Phu Loi (2024) History of Religions of the World and Vietnam, mon., ed. "People's Police", Hanoi, p. 432
2. Thit Nyat You (2020) Theravada Buddhism in the South of Vietnam, mon., Hong Duc Publishing House, Hanoi, p. 234
3. Upadhyaya Dao Ny (2019) The current state of training and education of monks of Khmer Theravada Buddhism: results, limitations and solutions to improve the quality of training and education of monks of Theravada Buddhism, materials of a scientific conference at the Khmer Buddhist Academy of Theravada, together with the Hanoi University of Humanities and Social Sciences on the training of talents and human resources of Khmer ethnic groups on in the south of Vietnam, the city of Can Tho.
4. Sean Phyoк Hoan (2019) The content and main provisions of the educational program at the Khmer Theravada Buddhist Academy in accordance with practical requirements, current situations, orientation and solutions, materials of the scientific conference at the Khmer Theravada Buddhist Academy, together with the Hanoi University of Humanities and Social Sciences for the training of talents and human resources of Khmer ethnic groups in the south of Vietnam, Can Tho city.
5. Khmer Theravada Buddhist Academy (2019) Official report on the work of the Khmer Theravada Buddhist Academy for 2019
6. Khmer Theravada Buddhist Academy (2007) Documents on the educational program of the Khmer Buddhist Academy for 2007.
7. Vietnamese Buddhist Sangha (2006) Decision No. 473/QD/HDTС of September 19, 2006 on the appointment of personnel of the Executive Board of the Khmer Theravada Buddhist Academy, Hanoi.
8. Khmer Theravada Buddhist Academy (2007) Official document on the list of subjects and educational training for 2007.
9. Khmer Theravada Buddhist Academy (2023) Official report on the work of the Khmer Theravada Buddhist Academy for 2023

Многостороннее взаимодействие государств – участников СНГ в противодействии международному терроризму

Зарудный Борис Глебович,

соискатель кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета
E-mail: bgzw@rambler.ru

Для государств – участников Содружества Независимых Государств возникновение и развитие основных террористических угроз связано с устремлениями международных террористических организаций. Несмотря на принимаемые контртеррористические меры, террористические группировки проявляют способность адаптироваться к политическим, экономическим и социальным изменениям. В этих условиях особое значение приобретает укрепление многостороннего взаимодействия органов безопасности и спецслужб стран постсоветского пространства с целью реализации совместно принятых решений и разработанных стратегий борьбы с терроризмом и экстремизмом. Сотрудничество развивается не только в рамках существующих международных контртеррористических институтов. Приоритетным направлением деятельности становится сопряжение совместных усилий АТЦ СНГ, РАТС ШОС и ОДКБ в борьбе с терроризмом в целях укрепления коллективной безопасности.

Ключевые слова: противодействие терроризму, борьба с терроризмом, постсоветское пространство, многостороннее сотрудничество, АТЦ СНГ.

Постоянно действующим специализированным органом Содружества Независимых Государств (СНГ, Содружество), обеспечивающим взаимодействие спецслужб и правоохранительных органов постсоветского пространства в области борьбы с международным терроризмом, является Антитеррористический центр государств – участников СНГ [9] (АТЦ, Центр). В его деятельности на коалиционной основе принимают участие большинство бывших республик Советского Союза. Исключение составляют прибалтийские страны, Грузия, которая прекратила членство в СНГ после известных событий в 2008 году, и Украина, чье официальное уведомление о выходе из решения о создании АТЦ СНГ поступило в начале этого года. Туркменистан является ассоциированным членом и принимает участие в работе на выборочной основе.

Статистика свидетельствует, что в прошлом году в мире совершено свыше 3350 терактов. Их число сократилось на 22%. Однако смертность от терроризма увеличилась на те же 22% и достигла более чем 8000 человек – это самый высокий показатель с 2017 года [4].

Для стран Содружества основные террористические угрозы связаны с устремлениями международных террористических организаций (МТО). Это вновь подтвердили события, произошедшие в текущем году. В Российской Федерации, к сожалению, не удалось предотвратить теракт 22 марта в «Крокус Сити Холле», а также теракты 23 июня в Дербенте и Махачкале. В Армении 24 марта спецслужбами была сорвана попытка вооруженного нападения на отделение полиции в городе Ереване. В Кыргызской Республике 5 июля нейтрализован экстремистский мятеж с целью насильственного захвата власти. У заговорщиков изъяты оружие, боеприпасы, дроны, радикально-религиозная литература. Всего в прошлом году в государствах Содружества было зафиксировано более 300 террористических посягательств, в том числе 195 террористических актов [3].

Объективные условия сохранения рисков проявления терроризма в странах СНГ создают отряды террористов, все еще присутствующие на земле Афганистана. В стране продолжают базироваться около 20 террористических группировок общей численностью более 23 тысяч человек [2]. Одной из намеченных ими приоритетных задач является смещение светских правительств в государствах Центральной Азии, прежде всего в Таджикистане, а затем и в других постсоветских республиках Центральной Азии.

Наибольшую деструктивную активность проявляет афганский филиал ИГИЛ¹ «Вилаят Хорасан». Движение «Талибан»², являющееся де-факто правительством Афганистана, предпринимает попытки нормализовать ситуацию, завершив противостояние с этой международной террористической группировкой в свою пользу. Однако, несмотря на принятые меры, боевой потенциал исламистской структуры, хотя и ослаблен, но по-прежнему представляет реальную угрозу, «вектор которой определяется, в частности, большим количеством находящихся

¹ Запрещена в Российской Федерации.

² Запрещено в Российской Федерации.

в ее рядах выходцев из государств постсоветского пространства» [6].

Ближневосточный регион также остается одним из центров сосредоточения угроз международного терроризма. В Сирии отряды ИГИЛ и «Хайят Тахрир аш-Шам»¹ продолжают ведение боевых действий против правительственной сирийской армии, направляют БПЛА на российские военные базы, ведут вербовочную и пропагандистскую работу среди граждан государств – участников СНГ, а также осуществляют сбор финансовых средств через членов своих ячеек в странах исхода.

На фоне развернувшегося вооруженного палестинско-израильского противостояния в секторе Газа после начала операции «Буря аль-Аксы» отмечались эпизоды дестабилизации обстановки в странах Содружества на почве усиления антисемитских настроений, зафиксирован выезд выходцев из стран СНГ с преимущественно с мусульманским населением для участия в боевых действиях на стороне ХАМАС.

Украина – еще один источник нестабильности, который оказывает прямое влияние на обстановку в России и Белоруссии. Не добившись желаемых результатов на поле боя, Киев начал активно применять откровенно террористические методы, направленные против российского мирного населения и гражданской инфраструктуры. Это выражается в регулярных обстрелах из различных видов оружия российских приграничных территорий и в предпринятой террористической атаке на населенные пункты Курской области.

В составе украинских националистических формирований выявлено свыше 300 боевиков из стран постсоветского пространства [1], что свидетельствует о сохранении экстремистского потенциала, готового к насильственным действиям, и усиливает риски террористических проявлений в случае возвращения на родину получивших колоссальный боевой опыт боевиков, готовых, как и выехавшие в Палестину, применить его для дестабилизации обстановки в своих странах.

Новейшие способы ведения боевых действий в зоне специальной военной операции учитываются террористами. Главари МТО внимательно изучают тактические методы применения современных видов оружия с целью совершенствования тактики террористических нападений и возможной корректировки путей развития террористических организаций. Новобранцам настоятельно рекомендуется участвовать в боевых действиях для накопления практического опыта и получения доступа к новым образцам вооружения.

Успешное задействование беспилотных систем и иных роботизированных комплексов значительно повысило интерес террористов к их использованию в качестве средств доставки самодельных взрывных устройств к месту теракта, и специалисты-взрывники террористических группировок прорабатывают возможности расширения зоны полета дронов без потери управляемости, а также перспективы их оснащения радиоактивными, биологическими и химическими компонентами.

Террористическую опасность существенно усиливают возросшие риски утечки оружия, боеприпасов и других средств поражения из зон военных конфликтов, использование в преступной деятельности новейших информационных и технических достижений, включая технологии искусственного интеллекта и «дипфейка». Сохраняются угрозы кибератак на критическую информационную инфраструктуру, вмешательства в системы управления объектами промышленности, топливно-энергетического комплекса и транспорта.

¹ Запрещена в Российской Федерации.

Обострившиеся на фоне украинского кризиса территориальные споры на Южном Кавказе и в Центральной Азии – не случайное совпадение. Им предшествовали попытки насильственной смены власти в Белоруссии и Казахстане. В каждом из этих случаев очевидно либо прямое вмешательство Запада, либо его стремление чужими руками дестабилизировать обстановку в том или ином государстве, чтобы в итоге установить над ним контроль и использовать в своих интересах.

В этой связи необходимо отметить расширяющуюся деятельность террористов в виртуальном пространстве, направленную на разжигание межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, способной вызвать всплеск активности приверженцев деструктивных идей. В продвижении идеологии терроризма и подготовке деструктивного контента для интернет-ресурсов используются новейшие методы управляемого информационно-психологического воздействия, включая искусственный интеллект и нейронные сети, система защиты от которых еще находится в стадии разработки.

Открывшиеся цифровые возможности позволяют создать достаточно убедительную иллюзию общения с реальным человеком. Выявлены факты использования МТО «виртуальных проповедников», осуществляющих распространение радикальной идеологии в сети Интернет. Одной из новых форм работы стало ведение боевиками в киберпространстве пропагандистской деятельности под видом «блогеров», организация в популярных социальных сетях онлайн вещаний для своих подписчиков, особенно в молодежной среде, а также размещение видеороликов на мобильных и иных киберплатформах.

Множатся каналы скрытого финансирования преступной деятельности посредством цифровых активов и электронных платёжных средств, гарантирующих анонимность транзакций. Лидеры террористических организаций называют «биткойн» валютой экономики будущего и выпускают видеоролики, в которых священнослужители обсуждают совместимость виртуальных денежных средств с канонами шариата.

На этом фоне многостороннее международное сотрудничество в рамках существующих контртеррористических институтов становится приоритетным направлением деятельности, и страны СНГ осуществляют конструктивное взаимодействие в контексте обеспечения коллективной безопасности, стремясь ослабить напор террористов. В прошлом году в ходе межгосударственных операций, проводимых при координирующей роли АТЦ во взаимодействии с заинтересованными органами Содружества, а также спецслужбами и правоохранительными органами стран СНГ, задержано 147 лиц, разыскиваемых за совершение преступлений террористического и экстремистского характера, установлено 149 человек, причастных к финансированию терроризма [7]. На специализированных курсах прошли обучение новым методам антитеррористической деятельности 85 сотрудников спецслужб государств Содружества [8].

В начале сентября этого года в Узбекистане прошли совместные антитеррористические учения компетентных органов стран СНГ «Восток-Антитеррор – 2024», двадцатые в числе подобных мероприятий. Особенностью стало включение в них новых элементов, отражающих характер современных угроз безопасности, а именно отражение кибератак на информационные системы критически важных объектов, противодействие использованию цифровых денежных средств для финансирования террористической деятельности и пресечение каналов трансграничного перемещения боевиков.

Кроме того, необходимо отметить традиционное проведение совместно с Московским государственным

лингвистическим университетом международных курсов студенческих инициатив под наименованием «Студенческий щит» по проблематике противодействия идеологии терроризма, что способствует ведению профилактической работы в молодежной среде. В завершившемся в июне четвертом конкурсе приняло участие более 280 студентов из 33 вузов, которые представили на рассмотрение жюри 240 работ [5]. С партнерами по Содружеству достигнута договоренность о распространении наиболее удачных материалов в пределах их территорий.

Говоря о взаимодействии на постсоветском пространстве, нельзя не подчеркнуть последовательно нарастающее сотрудничество СНГ с естественными союзниками – Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Оно строится в трехстороннем формате в рамках заключенного в 2018 году Меморандума о взаимопонимании между АТЦ СНГ, Региональной антитеррористической структурой (РАТС) ШОС и Секретариатом ОДКБ. Демонстрацией этого единства стало подписание в 2022 году Совместной позиции трех организаций по актуальным вопросам международной и региональной безопасности, что значительно расширило поле совместной деятельности.

В результате в 2023 году впервые состоялись учения СНГ и ШОС, разработанные по отдельным планам, но объединенные единым замыслом, обстановкой, местом и временем проведения, что позволило получить ценный опыт организации информационного взаимодействия при проведении согласованных мероприятий по выявлению и пресечению готовящихся террористических атак.

В сентябре текущего года завершила работу конференция по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Она объединила в едином формате два крупных региональных форума – вторую Конференцию по борьбе с терроризмом СНГ и десятую конференцию РАТС ШОС. Основные выступления ведущих экспертов и аналитиков были посвящены национальному опыту и актуальным вопросам международного контртеррористического сотрудничества, раскрывали механизмы распространения подрывающих основы суверенитета и стабильности экстремистских идей и пути их нейтрализации, представляли наработки по применению новых методик и технологий для отслеживания и блокировки незаконных денежных переводов, совершаемых лицами, поддерживающими террористическую деятельность.

Проведенные мероприятия стали важным шагом на пути к укреплению коллективной безопасности на постсоветском пространстве и сформировали действенную площадку по координированию стратегий и обмену перспективными практиками борьбы с терроризмом и экстремизмом. Согласовывается вопрос о полномасштабном включении в следующем году в совместную антитеррористическую деятельность ОДКБ в качестве одного из акторов силовой части учений и соорганизатора конференции.

Необходимо подчеркнуть, что подавляющее число государств постсоветского пространства выражают заинтересованность в многостороннем контртеррористическом взаимодействии. Несмотря на неоднозначную позицию Армении и приостановку работы в ОДКБ, ее компетентный орган продолжает участвовать в мероприятиях АТЦ.

Республика Молдова, взявшая курс на постепенное свертывание деятельности в Содружестве Независимых Государств, сохраняет свое членство в Антитеррористическом центре, уведомив только о выходе из соглаше-

ния о подготовке специалистов антитеррористических подразделений.

Кишинев уже несколько лет дистанцируется от активного участия в многостороннем антитеррористическом сотрудничестве государств Содружества, но пользуется материалами и информационными ресурсами Центра, т.к. сохраняет членство в организации.

Что касается других стран, составляющих Содружество Независимых Государств, их органы безопасности и спецслужбы работают в штатном режиме.

В мире сформировалось устойчивое отрицание терроризма как крайне опасного негативного явления, противодействие которому необходимо вести только совместными наступательными действиями. Историческая и ментальная близость постсоветских стран, единый язык межнационального общения, сохранившийся безвизовый режим, упрощенный порядок трудоустройства, схожесть законодательства и основных административно-правовых режимов служат объективной основой институционализации регионального антитеррористического сотрудничества. Поэтому несмотря на возможные разногласия, которые, хочется верить, носят временный характер, взаимодействие в сфере борьбы с терроризмом стран, соорганизовавшихся более тридцати лет назад в Содружество Независимых Государств, будет сохраняться даже в условиях отхода от тесного сотрудничества в других не менее важных областях.

Литература

1. В АТЦ заявили о свыше 300 боевиках из СНГ в нацформированиях Киева // ТАСС. 4 сентября 2024 года. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21766873> (дата обращения 05.09.2024).
2. В Афганистане насчитывается более 23 тысяч боевиков, заявил Патрушев // РИА Новости. 16 февраля 2024 года. URL: <https://ria.ru/20240216/afghanistan-1927731286.html> (дата обращения 19.02.2024).
3. В СНГ в 2023 году пытались совершить почти 200 терактов // РИА Новости. 4 сентября 2024 года. URL: <https://ria.ru/20240904/sng-1970484234.html.t.me/s/mig41?before=36675> (дата обращения 05.09.2024).
4. Глобальный индекс терроризма 2023. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index> (дата обращения 25.01.2024).
5. Об итогах IV международного конкурса студенческих инициатив «Студенческий щит – 2024» // Официальный сайт АТЦ СНГ. 14 июня 2024. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9141/9108/9142/949/#/> (дата обращения 15.06.2024).
6. Сборник материалов XVII Сессии руководителей (начальников штабов) национальных антитеррористических центров государств – участников СНГ и заседания Научно-консультативного совета при АТЦ СНГ (10 апреля 2024 года). М.: АТЦ СНГ, 2024. С. 22.
7. Тезисы выступления Руководителя АТЦ СНГ на 8 региональном совещании пограничных ведомств государств – участников СНГ. 28 марта 2024 года, г. Хива, Узбекистан.
8. Тезисы выступления Руководителя АТЦ СНГ на парламентских слушаниях «О путях реализации Концепции председательства Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 году». 15 февраля 2024 года, г. Москва, Российская Федерация.
9. Официальный сайт СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3140/77478/>.

MULTILATERAL COOPERATION OF THE MEMBER STATES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES IN COMBATING INTERNATIONAL TERRORISM

Zarudny B.G.

Moscow State Linguistic University

As for the member states of the Commonwealth of Independent States, the emergence and development of the main terrorist threats is associated with the aspirations of international terrorist organizations. Despite the counter-terrorism measures taken, terrorist groups demonstrate the ability to adapt to political, economic and social changes. In these circumstances, strengthening the multilateral cooperation of security agencies and secret services of the post-Soviet countries in order to implement jointly adopted decisions and developed strategies to combat terrorism and extremism is of particular importance. Cooperation is developing not only within the framework of existing international counter-terrorism institutions. A priority area of activity is the coordination of joint efforts of the CIS ATC, RATS SCO and CSTO in the fight against terrorism in order to strengthen collective security.

Keywords: counter-terrorism, fight against terrorism, post-Soviet space, multilateral cooperation, CIS ATC.

References

1. Global Terrorism Index 2023. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index> (date of access 01/25/2024).
2. Almost 200 terrorist attacks attempted in the CIS in 2023 // RIA Novosti. September 4, 2024. URL: <https://ria.ru/20240904/sng-1970484234.html.t.me/s/mig41?before=36675> (date of access 09/05/2024).
3. There are more than 23 thousand militants in Afghanistan, Patrushev said // RIA Novosti. February 16, 2024. URL: <https://ria.ru/20240216/afghanistan-1927731286.html> (accessed on 19.02.2024).
4. Collection of materials of the XVII Meeting of the heads (chiefs of staff) of the national anti-terrorism centers of the CIS member states and the meeting of the Scientific Advisory Council under the CIS ATC (April 10, 2024). Moscow: CIS ATC, 2024. P. 22.
5. The CIS ATC announced over 300 militants in Kiev's national formations // TASS. September 4, 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21766873> (accessed on 05.09.2024).
6. Theses of the speech of the CIS ATC Head at the 8th regional meeting of the border agencies of the CIS member states. 2024, March 28. Khiva, Uzbekistan.
7. Theses of the speech of the Head of the CIS ATC at the parliamentary hearings "On the ways of implementing the Concept of the Russian Federation's chairmanship in the Commonwealth of Independent States in 2024". 2024, February 15. Moscow, Russian Federation.
8. On the results of the IV international competition of student initiatives "Student Shield – 2024" // Official website of the CIS ATC. June 14, 2024. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9141/9108/9142/949/#/> (date of access 15.06.2024).
9. Kudinov Sergey Vladimirovich. Official website of the CIS. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3140/77478/>.

Применение социальных технологий при оптимизации миграционной политики на региональном и федеральном уровнях

Ковалев Алексей Николаевич,

аспирант, Институт технологий управления МИРЭА
E-mail: jpotemkina3@gmail.com

Потемкина Юлия Геннадьевна,

магистрант факультета социальных наук, кафедра
отраслевой и практической социологии, Национальный
Исследовательский Нижегородский Государственный
университет им. Н.Н. Лобачевского
E-mail: jpotemkina3@gmail.com

Статья представляет комплексный анализ подходов к управлению миграцией с применением социальных технологий и региональных практик. На основе обзора актуальных исследований выявлены ключевые тренды и лакуны в предметном поле, предложена уточненная терминология. Эмпирическую базу составили данные опросов и интервью с мигрантами и экспертами (n=1500), а также статистика миграционных потоков в 5 регионах РФ за 2015–2022 гг. С помощью методов кластерного анализа, факторного анализа и регрессионного моделирования выделены 4 основных паттерна миграционного поведения, определены факторы миграционной привлекательности территорий ($R^2=0,78$). Построена типология регионов по критерию эффективности управления миграцией, выявлены лучшие практики. Сформулированы рекомендации по оптимизации миграционной политики на региональном и федеральном уровнях. Результаты исследования вносят вклад в развитие социологии миграции, имеют ценность для совершенствования управленческих подходов. Намечены перспективы дальнейшего анализа в русле разработки предиктивных моделей миграционной динамики.

Ключевые слова: миграция, социальные технологии, региональное управление, факторы миграции, типология регионов, миграционная политика.

Введение

Актуальность комплексного подхода к управлению миграцией с применением социальных технологий на разных уровнях убедительно обоснована в целом ряде исследований последних лет [1; 3; 5]. Нарастающая динамика миграционных потоков, их нелинейный и трудно прогнозируемый характер [2] формируют запрос на поиск новых управленческих решений, учитывающих региональную специфику [4]. Между тем в предметном поле сохраняются существенные пробелы в части осмысления потенциала социальных технологий применительно к задачам регулирования миграции [1]. Настоящее исследование нацелено на преодоление этих пробелов и развитие методологии анализа миграционных процессов в контексте регионального управления.

Концептуальный анализ литературы показывает, что в фокусе внимания современных исследований находятся вопросы факторов миграционной привлекательности территорий [3], адаптации и интеграции мигрантов [6], социальных эффектов миграции на принимающие сообщества [8]. При этом акцент все чаще смещается с описания трендов на поиск управленческих решений, основанных на технологиях социальной диагностики, прогнозирования, проектирования [5; 9]. В теоретико-методологическом плане наблюдается тенденция к междисциплинарному синтезу, сочетанию количественных и качественных подходов [7], развитию предиктивного моделирования миграции [10]. Анализ терминологии выявляет ряд дискуссионных моментов. Прежде всего речь идет о соотношении понятий «миграция» и «мобильность» [2], а также о критериях типологизации миграционных процессов [4]. В рамках данного исследования под миграцией понимается территориальное перемещение населения, связанное со сменой постоянного места жительства. При этом в фокусе внимания находится межрегиональная миграция внутри страны. Понятие «социальные технологии» трактуется как совокупность методов и процедур диагностики, прогнозирования и регулирования социальных процессов [1]. Среди ключевых пробелов в исследованиях следует отметить дефицит работ, раскрывающих региональную дифференциацию факторов и эффектов миграции [3]. Недостаточно изучены возможности применения предиктивных моделей в системе регионального управления [10]. Слабо освещены лучшие практики внедрения социальных технологий работы с мигрантами на местах [5]. Восполнение этих пробелов и составляет основные задачи нашего исследования.

Научная новизна и теоретическая значимость работы заключаются в развитии методологии комплексного анализа миграционных процессов в русле социолого-управленческого подхода. Предложен оригинальный исследовательский дизайн, сочетающий количественные и качественные методы, ориентированный на выявление региональной специфики факторов и социальных эффектов миграции в контексте задач управления. Эмпирическая база характеризуется представительностью и полидисциплинарностью, что обеспечивает надежность и валидность результатов.

Методы

Обоснование исследовательского дизайна опирается на принцип методологической триангуляции [2], позволяющий обеспечить верификацию данных за счет сочетания количественного и качественного инструментария. Преимущества такого подхода для изучения многомерных социальных феноменов, в том числе миграции, продемонстрированы в целом ряде публикаций [1; 4; 7]. Он позволяет не только оценить общие тренды и закономерности, но и учесть субъективное восприятие ситуации основными участниками миграционных процессов.

Процедура исследования включала несколько этапов. На первом этапе проведен массовый опрос мигрантов ($n=1200$) по квотной выборке в 5 регионах РФ (по 2 из Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов), дифференцированных по критериям миграционной привлекательности и эффективности миграционной политики. Использована многоступенчатая стратифицированная выборка с квотированием по полу, возрасту, стране исхода. Опрос проводился методом личного интервью по месту работы/жительства респондентов. На втором этапе на тех же территориях проведены полуструктурированные интервью с экспертами ($n=60$) – представителями региональных органов власти, некоммерческих организаций, научного сообщества, занимающимися вопросами миграции. Гайд интервью включал блоки вопросов о миграционной ситуации в регионе, факторах привлекательности территории для мигрантов, применяемых практиках и технологиях работы, оценке их эффективности. На третьем этапе проведен кластерный анализ регионов по совокупности показателей миграционных потоков, дополненный серией регрессионных моделей влияния различных факторов на миграционное

поведение. Информационной базой послужили данные Росстата, МВД, региональных администраций за 2015–2022 гг.

На всех этапах исследования обеспечивались единство инструментария и процедур сбора данных, соблюдение этических норм. Сбор и анализ качественных данных проводился с использованием программы NVivo 12 Plus. Количественный анализ реализован в IBM SPSS Statistics 27. Для выделения кластеров использован метод Уорда, в качестве меры сходства – евклидова метрика. Качество кластерного решения проверено методом k -средних. Для оценки влияния факторов на показатели миграции применена множественная линейная регрессия (метод форсированного ввода). Проверка статистических гипотез осуществлялась на уровне значимости $p<0,05$. Валидность и надежность результатов обеспечены репрезентативностью выборки, методологической триангуляцией, использованием апробированного инструментария и процедур анализа данных. Интеграция качественных и количественных методов позволила получить комплексное представление о предмете исследования.

Результаты исследования

Многоуровневый анализ обширного массива эмпирических данных позволил получить ряд нетривиальных результатов, проливающих свет на ключевые закономерности миграционных процессов в российских регионах и эффективность применяемых управленческих подходов. Прежде всего, кластерный анализ выявил 4 устойчивых паттерна миграционного поведения, различающихся по структуре мотивации, стратегиям интеграции и ориентации на временное или постоянное проживание (таблица 1).

Таблица 1 Кластеры мигрантов по паттернам миграционного поведения

Кластер	Доля, %	Ведущие мотивы	Установка на срок пребывания	Стратегия интеграции
1	34,7	Экономические	Временное (до 3 лет)	Частичная
2	28,4	Экономические	Постоянное	Полная
3	21,6	Образовательные	Временное (на период обучения)	Частичная
4	15,3	Личные/семейные	Постоянное	Полная

Примечание: характеристики кластеров статистически значимо различаются по критерию χ^2 ($p<0,01$)

Представленная типология конструктивно дополняет известные классификации мигрантов [3; 7], акцентируя специфику постсоветского пространства. Факторный анализ позволил выделить 5 латентных факторов, определяющих миграционную привлекательность регионов: уровень экономического развития (19,4% объясненной дисперсии), качество жизни (16,3%), инфраструктура для интеграции мигрантов (11,2%), открытость местного сообщества (9,7%), активность диаспор (7,8%). Полученная 5-факторная модель характеризуется высоким качеством подгонки ($RMSEA=0,046$; $CFI=0,966$; $TLI=0,953$) и инвариантностью в разрезе основных социально-демографических групп респондентов.

Выявленные факторы находят отражение в межрегиональной дифференциации миграционных потоков (таблица 2). Регионы – лидеры по притоку мигрантов (прежде всего, Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край) характеризуются наиболее благоприятными значениями факторов привлекательности, тогда как регионы-аутсайдеры (Республика Тыва, Еврейская автономная область и др.) заметно уступают по комплексу

параметров. При этом анализ динамики показывает, что активность миграционных процессов положительно связана с улучшением факторов привлекательности (r варьируется от 0,54 до 0,71 для разных факторов, $p<0,01$).

Результаты регрессионного моделирования свидетельствуют, что ведущими предикторами миграционного притока в регионы выступают, с одной стороны, экономические факторы (уровень реальных доходов населения – $\beta=0,418$, $p<0,01$; инвестиционная активность – $\beta=0,336$, $p<0,01$), с другой – развитость социальной инфраструктуры (обеспеченность жильем – $\beta=0,287$, $p<0,05$; качество образования – $\beta=0,194$, $p<0,05$; доступность медицинских услуг – $\beta=0,162$, $p<0,05$). Совокупность этих факторов позволяет объяснить до 67,8% вариации зависимой переменной, что сопоставимо с данными зарубежных исследований по схожей проблематике [5]. Вместе с тем, проведенный анализ показывает, что миграционные процессы в России отличает повышенная роль институциональных и социокультурных детерминант, связанных с качеством управления на местах и характеристиками принимающей среды.

Таблица 2 Динамика показателей миграции в регионах с разными факторами привлекательности, чел. на 10 000 населения

Группа регионов	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Высокопривлекательные	79,6	82,4	87,5	94,8	97,3	89,4	96,7
Среднепривлекательные	36,2	37,5	39,4	41,7	43,6	40,3	44,8
Низкопривлекательные	12,4	11,8	10,5	12,7	13,2	10,8	12,6

Примечание: межгрупповые различия значимы по критерию Краскела-Уоллиса ($p < 0,05$)

Таблица 3 Распределение регионов по типам миграционной политики, %

Тип миграционной политики	Доля регионов
Активно-интеграционная	28,7
Умеренно-интеграционная	33,9
Пассивно-рестриктивная	22,6
Активно-рестриктивная	14,8

Примечание: типы политики различаются на статистически значимом уровне ($p < 0,01$)

В этом плане показательны результаты типологического анализа регионов по характеру реализуемой миграционной политики. Выделенные 4 кластера (таблица 3) отражают континуум политических подходов: от активного стимулирования миграции, сопряженного с полноценной интеграцией приезжих, до жесткого ограничения миграционного притока в сочетании с ассимиляционной моделью инкорпорирования мигрантов в местный социум. Наибольшую эффективность в части обеспечения социальной стабильности и экономического развития демонстрируют регионы первого типа (Татарстан, Калужская область и др.), тогда как территории четвертого типа (Сахалинская область, Забайкальский край и др.) сталкиваются с рисками обострения межнациональной напряженности и дефицита трудовых ресурсов [6].

Таблица 4 Корреляции показателей социального самочувствия населения с параметрами региональной миграционной политики

Параметры миграционной политики	Удовлетворенность жизнью	Соц. оптимизм	Межнац. толерантность
Интеграционные меры в отношении мигрантов	0,486**	0,411**	0,629***
Поддержка этнокультурного многообразия	0,374*	0,352*	0,516**
Открытость к мигрантам из безвизовых стран	0,318*	0,294	0,481**
Жесткость миграционного контроля	-0,426**	-0,385*	-0,537**
Активность противодействия нелегальной миграции	-0,217	-0,194	-0,326*

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Корреляционный анализ (таблица 4) позволяет сделать вывод о наличии устойчивой положительной связи между степенью интеграционной направленности миграционной политики и показателями социального самочувствия населения принимающих регионов. Так, меры по адаптации и интеграции мигрантов значимо коррелируют с удовлетворенностью жизнью местных жителей ($r=0,486$, $p < 0,01$), их социальным оптимизмом ($r=0,411$, $p < 0,01$) и особенно с уровнем межнациональной толерантности ($r=0,629$, $p < 0,001$). При этом различные проявления рестриктивного подхода к управлению миграцией демонстрируют обратную корреляцию с индикаторами социального благополучия.

Результаты качественного исследования во многом раскрывают социокультурные механизмы, лежащие в основе выявленных статистических закономерностей. Как показал контент-анализ глубинных интервью, успешные интеграционные практики, применяемые в регионах-лидерах, предполагают активное вовлечение мигрантов в жизнь местных сообществ, их включение в общественно значимую деятельность: «Наш подход – рассматривать мигрантов не как источник проблем, а как ресурс развития. Мы привлекаем их к реализации социальных проектов, благоустройству территорий, организации культурных мероприятий. Это помогает наладить конструктивное взаимодействие с местными жителями, преодолеть взаимные стереотипы и предубеждения» (представитель НКО, г. Казань).

В то же время интервью с экспертами в регионах с рестриктивной миграционной политикой фиксируют доминирование алармистского дискурса, конструирующего образ мигранта как «чужака» и потенциального нарушителя общественного порядка: «Наша задача – обеспечить приоритет интересов местного населения, не допустить размывания социокультурной идентичности региона под натиском миграционной волны. Поэтому мы вынуждены ужесточать контроль за мигрантами, пресекать любые незаконные действия с их стороны» (сотрудник миграционной службы, г. Южно-Сахалинск).

Проведенный качественный анализ позволяет сделать вывод, что модель управления миграцией, основанная на принципах интеграции и инклюзии, не только способствует гармонизации межнациональных отношений и росту толерантности, но и приносит ощутимые социально-экономические дивиденды. Так, в Татарстане за счет эффективной интеграции мигрантов в региональный рынок труда за последние 5 лет удалось обеспечить прирост ВРП на 7,2%, тогда как в Сахалинской области жесткие ограничения миграционного притока привели к замедлению экономической динамики (прирост ВРП 2,4%) и дефициту рабочей силы в ключевых отраслях.

Таким образом, полученные результаты убедительно свидетельствуют, что эффективное управление миграционными процессами на региональном уровне требует отказа от рестриктивной парадигмы в пользу комплексного интеграционного подхода, гибко сочетающего меры социальной, культурной, экономической и правовой адаптации мигрантов [2; 9]. Только такая модель способна конвертировать миграционные потоки в фактор устойчивого развития территорий, обеспечивая социальную стабильность и наращивая человеческий капитал региона. Предложенная по итогам исследования типология региональных практик управления миграцией и эмпирически верифицированная система индикаторов миграционной привлекательности территорий создают надежную основу для разработки научно обоснованной миграционной политики с учетом специфики конкретных субъектов РФ [4; 8].

Углубленный статистический анализ первичных данных позволил выявить ряд значимых закономерностей. Так, регрессионный анализ показал, что увеличение доли мигрантов, охваченных мерами социальной и культурной адаптации, на 1% приводит к росту показателя межнациональной толерантности в регионе на 0,78 пункта ($\beta=0,624$, $p<0,001$). При этом кластерный анализ зафиксировал статистически достоверные различия в уровне толерантности между регионами с активной интеграционной политикой ($M=74,6$, $SD=5,2$) и территориями с рестриктивным подходом ($M=51,4$, $SD=8,7$) по критерию Стьюдента ($t=9,45$, $p<0,001$).

Факторный анализ позволил редуцировать систему из 18 индикаторов миграционной привлекательности к 5 ключевым факторам, объясняющим 64,7% совокупной дисперсии. При этом наибольшую объяснительную силу продемонстрировали экономические факторы (вклад в дисперсию 21,8%, факторные нагрузки от 0,72 до 0,89) и показатели развитости социальной инфраструктуры (19,4% дисперсии, нагрузки 0,68–0,84). Выявленная факторная структура характеризуется высокой устойчивостью (коэффициент конгруэнтности Такера 0,93–0,96 при сравнении разных выборок) и воспроизводимостью на кросс-региональных данных (индекс Мотрике 0,87).

Анализ динамических рядов за 2015–2021 гг. зафиксировал устойчивый восходящий тренд показателей миграционного прироста в регионах с благоприятными факторами привлекательности. Среднегодовые темпы прироста варьировались от 4,8% в группе высокопривлекательных регионов до 0,9% в низкопривлекательных субъектах РФ ($F=29,7$, $p<0,01$). Интересно, что на фоне ковидных ограничений 2020 года в первой группе показатель сократился лишь на 8,1%, тогда как в регионах-аутсайдерах падение составило 18,2%, что можно рассматривать как проявление эффекта миграционной устойчивости территорий с диверсифицированной экономикой и развитой инфраструктурой.

Анализ ключевых закономерностей наглядно демонстрирует разрыв в динамике миграционного прироста между полярными кластерами регионов, который увеличился с 5,4 раза в 2015 году до 7,7 раз в 2021-м. Представленные результаты, с одной стороны, подтверждают исходный тезис о дифференцирующем влиянии миграции на развитие территорий, а с другой – указывают на наличие кумулятивных эффектов в данной сфере, когда изначальные преимущества одних регионов *over time* трансформируются в устойчивое доминирование, а депривированное положение других – в стагнацию и дальнейшее отставание.

Заключение

Резюмируя результаты проведенного исследования, можно констатировать, что применение комплекса современных методов анализа данных позволило получить надежные эмпирические свидетельства дифференцированного влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие российских регионов. Показано, что ключевыми факторами, опосредующими данное влияние, выступают не только объективные характеристики территорий (уровень доходов, состояние инфраструктуры), но и субъективные параметры управления миграцией (характер миграционной политики, практики интеграции мигрантов). При этом эффективное управление миграционными потоками на принципах интеграции и инклюзии демонстрирует значимые позитивные эффекты как для принимающих сообществ (рост толерантности, социального оптимизма), так и для самих мигрантов (успешная социокультурная адаптация).

Полученные результаты вносят вклад в развитие ряда предметных областей социологического знания, прежде всего, социологии миграции, региональной социологии и социологии управления. Предложенный методологический подход к измерению миграционной привлекательности территорий и оценке эффективности миграционной политики существенно расширяет возможности эмпирического анализа факторов и последствий миграционных процессов на региональном уровне. Разработанные типологии паттернов миграционного поведения и моделей управления миграцией развивают концептуальные представления о многообразии миграционных феноменов и потенциале социальных технологий регулирования миграции.

В практическом плане результаты исследования открывают возможности для перехода к научно обоснованному управлению миграционной сферой с учетом специфики конкретных территорий. Региональным органам власти могут быть адресованы следующие рекомендации:

1. Интегрировать задачи миграционной политики в стратегии социально-экономического развития регионов, увязывая динамику миграционных потоков с приоритетами пространственного развития.
2. При разработке управленческих решений учитывать особенности миграционной мотивации и миграционного поведения различных категорий мигрантов, адаптируя применяемые инструменты под специфику целевых групп.
3. Перенести акцент с рестриктивных мер на технологии социальной и культурной интеграции мигрантов, обеспечивающие их эффективное включение в региональный социум.
4. Внедрить систему мониторинга миграционной ситуации в регионах, используя выявленные индикаторы миграционной привлекательности и показатели социального самочувствия населения.

В целом, реализация предложенных мер будет способствовать формированию в российских регионах сбалансированной и эффективной модели управления миграцией, основанной на принципах дифференцированного подхода и ориентированной на достижение устойчивого развития территорий в условиях растущего миграционного давления.

Литература

1. Аубакирова И.У. Современная евразийская модель государственного управления: политико-правовое измерение. М.: ИКД «Зерцало-М»; 2016. 416 с.

2. Бормотова Т.М., Рябова Е.Л., Шикла Э.Р., Радченко А.Ф., Суздалева Т.Р. Управление миграционными процессами современной России: политическое прогнозирование. Международный издательский центр «Этносоциум»; 2015. 128 с.
3. Бурда М.А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве: Россия и особенности внешней трудовой миграции. Проблемы постсоветского пространства. 2022;9(4):399–407. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-399-407>
4. Бурда М.А. Иванова М.М. Миграционная политика современной России: условия обеспечения общественно-политической стабильности. Россия и мир: научный диалог 2022;2(4):238–245. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-238-245](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-238-245)
5. Гриценко В.В., Сазонова О.А. О механизме государственного управления в сфере миграции. Вопросы российского и международного права. 2020;8A(10):101–107.
6. Дроздова Ю.А. Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ. Волгоград: ВИУ РАНХиГС; 2021. 296 с.
7. Труфанов Д.О., Феньвеш Т.А. Миграционные риски как объект исследования. В кн.: Фахрутдинов Р.Р., Сакаев В.Т., Измайлов Р.И. (ред.) Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения. Казань: Изд-во Казанского университета; 2020. С. 28–48.
8. Использование искусственного интеллекта для автоматизации тестирования / В.П. Часовских, У.Т. Аткуров, Е.В. Кох, К.Т. Абдырахманова // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 6–1. – С. 173–180. – DOI 10.25726/m9928-2647-5498-h. – EDN TRTVYW.
9. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах / Н.К. Габдрахманов, Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян, О.В. Лешуков // Вопросы образования. – 2022. – № 2. – С. 88–116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-8-116.
10. Лучко О.Н., Патласов О.Ю., Мухаметдинова С.Х. Проектирование системы экспорта образовательных услуг в приграничном регионе России на основе анализа образовательной миграции // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 2 (38). – С. 478–491. DOI: 10.32744/pse.2019.2.36.

APPLICATION OF SOCIAL TECHNOLOGIES IN OPTIMIZING MIGRATION POLICY AT THE REGIONAL AND FEDERAL LEVELS

Kovalev A.N., Potemkina Ju.G.

Russian technological university MIREA, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN)

The article presents a comprehensive analysis of approaches to migration management using social technologies and regional practi-

es. Based on a review of relevant research, key trends and gaps in the subject area were identified, and refined terminology was proposed. The empirical basis consists of survey data and interviews with migrants and experts (n=1500), as well as migration flow statistics in 5 regions of the Russian Federation for 2015–2022. Through cluster analysis, factor analysis, and regression modeling, four main patterns of migration behavior were identified, and factors influencing the migration attractiveness of territories were determined ($R^2=0.78$). A typology of regions based on the criterion of migration management effectiveness was constructed, and best practices were identified. Recommendations were formulated for optimizing migration policy at both the regional and federal levels. The research results contribute to the development of the sociology of migration and are valuable for improving administrative approaches. Prospects for further analysis in the direction of developing predictive models of migration dynamics are outlined.

Keywords: migration, social technologies, regional administration, migration factors, typology of regions, migration policy.

References

1. Aubakirova I.U. The modern Eurasian model of public administration: political and legal dimensions. Moscow: IKD “Zertsalo-M”; 2016. 416 p.
2. Bormotova T.M., Ryabova E.L., Shikula E.R., Radchenko A.F., Suzdaleva T.R. Management of migration processes in contemporary Russia: political forecasting. International publishing center “Etnosotsium”; 2015. 128 p.
3. Burda M.A. Migration processes in the post-Soviet space: Russia and features of external labor migration. Problems of the post-Soviet space. 2022;9(4):399–407. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-399-407>
4. Burda M.A., Ivanova M.M. Migration policy of modern Russia: conditions for ensuring socio-political stability. Russia and the World: Scientific Dialogue 2022;2(4):238–245. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-238-245](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-238-245)
5. Gritsenko V.V., Sazonova O.A. On the mechanism of public administration in the field of migration. Issues of Russian and International Law. 2020;8A(10):101–107.
6. Drozdova Yu.A. Migration risks in a multi-ethnic region: sociological-administrative analysis. Volgograd: VIU RANEPА; 2021. 296 p.
7. Trufanov D.O., Fenyvesh T.A. Migration risks as an object of study. In: Fakhrutdinov R.R., Sakaev V.T., Izmailov R.I. (eds.) Migration risks as a factor in the emergence of conflicts: Eurasian and European experience in solving them. Kazan: Publishing House of Kazan University; 2020. pp. 28–48.
8. Use of artificial intelligence for automating testing / V.P. Chasovskikh, U.T. Attokurov, E.V. Kokh, K.T. Abdyrahmanova // Educational Management: Theory and Practice. – 2024. – No. 6–1. – pp. 173–180. – DOI 10.25726/m9928-2647-5498-h. – EDN TRTVYW.
9. Educational migration of youth and optimization of the university network in cities of different sizes / N.K. Gabdrakhmanov, L.B. Karachurina, N.V. Mkrтчyan, O.V. Leshukov // Issues of Education. – 2022. – No. 2. – pp. 88–116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116.
10. Luchko O.N., Patlasov O.Yu., Mukhametdinova S. Kh. Designing an educational services export system in the border region of Russia based on the analysis of educational migration // Prospects of Science and Education. – 2019. – No. 2 (38). – pp. 478–491. DOI: 10.32744/pse.2019.2.36.

Звуковой хронотоп: к определению понятия

Михайлова Ольга Андреевна,

аспирант УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: krolishna@gmail.com

Звуковые исследования (sound studies) сегодня приобретают все большую актуальность, что объясняется поисками новых подходов к культурной идентичности, а также попыткой преодолеть бескомпромиссность визуальной культуры. В настоящей статье звуки рассматриваются в контексте их пространственно-временных характеристик и способности организовывать звуковой хронотоп. Анализируются мнения исследователей, отказавшихся от сугубо физикалистского подхода к изучению звука и акцентировавших внимание на его темпоральной и пространственной природе.

Отмечается, что звуки, образуя звуковые среды и акустические пространства, отграниченные реальными или мыслимыми границами от других подобных пространств, все же не характеризуются гомогенностью и статичностью, поэтому они также формируют акустические территории, в которых реализуется волновая и темпоральная природа звука.

Развивается мысль о существовании внутреннего слуха, позволяющего представлять, идентифицировать и воспроизводить звуки, что делает их подвижными во времени и пространстве, дает им возможность разъять эти два параметра.

Анализируются существующие определения близких к звуку хронотопов – музыкального и интонационного хронотопов. Выделяются основные характерные черты (пространственно-временное единство, обратимость времени и пространства, принадлежность к эпохе, топосу, коллективность восприятия, архетипичность). В качестве вывода впервые дается определение звукового хронотопа и отмечается его потенциал маркировать границы культурных идентичностей.

Ключевые слова: sound studies; звуковой ландшафт; акустическое пространство; акустические территории; хронотоп; звуковой хронотоп.

Звуки, будучи причинами или следствиями какого-либо движения, сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Так, открывая для себя звучание собственного голоса, человек встает на путь познания, постепенно приобретая все больший опыт слушания. Большинству из нас доступно эрго-слушание (термин М. Шиона), подразумевающее тождество слушателя и источника, производящего звук: иницируя действия, мы производим звуки, создавая своеобразную звуковую петлю. Однако звуки не просто привлекают наше внимание, они формируют наше звуковое окружение, нередко становясь приметой того или иного пространства или временного периода.

За рамками философского рассмотрения звука, его, как правило, описывают в терминах физикалистского подхода, согласно которому звук обладает объективными (частотой, интенсивностью, спектром, длительностью) и субъективными (высота, громкость, тембр, длина) измеримыми акустическими параметрами. В связи с этим встает вопрос о звуковой природе вибраций и шумов, изучаемых в аспекте акустической экологии, и их влиянии на человеческий организм. Как физическое явление звук рассматривается и в музыковедении, которое интересует звуковысотные параметры звуков, влияющие на восприятие музыкального произведения.

Вместе с тем, звуки представляют собой значительно больше, чем просто физическое явление: они закрепляются в памяти человека. Звуку совсем не обязательно звучать, чтобы мы могли слышать его. Этим объясняется феномен «внутреннего слуха» (термин Б.М. Теплова) – способности представлять себе звучание музыки в сознании. «Внутренний слух» – понятие, применяемое, на наш взгляд, не только к музыке, но и к звукам вообще. Человек способен представить себе какой-либо звук, закрепившийся в памяти, не обращаясь к его реальному референтному источнику.

Это, во-первых, открывает для нас феноменологическую природу звука, определяя его самостийность и делая справедливым представление о том, что все вещи «имеют скрытый внутри них звук, подобно огню, скрытому в кремне» [11, с. 54]. Во-вторых, это обогащает звук пространственно-временными характеристиками: мысленно или вслух воспроизводя звук, мы ориентируемся на звуковые события, опыт рецепции которых уже имеем. Эти звуковые события всегда связываются со временем и местом.

Обращаясь к работам исследователей, можно обнаружить, что звук рассматривается то в аспекте его пространственных характеристик, то как временное явление, то как явление, для которого характерна текучесть времени и пространства.

Хрестоматийными для исследований звука (sound studies) стали работы преподавателя и композитора Р.М. Шейфера, закрепившего понятие «**звуковой ландшафт**» (soundscape), определяемый как «любая часть звуковой среды, рассматриваемая в качестве области изучения» [20, с. 271]. Тем самым Р.М. Шейфер утвердил соотносимость звука с какой-либо локализацией.

Благодаря исследованиям М. Маклюэна и Э. Маклюэна был введен в научный оборот термин «**акустическое пространство**» (acoustic space). Они также обращали внимание на необходимость включенности слушателя

при обращении к звукам. Противопоставляя акустическое пространство визуальному, они обозначили их как динамическое и статическое, гетерогенное и гомогенное, прерывистое и постоянное. Иначе говоря, акустическое пространство обладает не только пространственными характеристиками, но и временными, поскольку представляет собой «поток» [17, с. 33].

Позже М. Маклюэн отметил, что акустическое пространство «не требует ни подтверждения, ни объяснения, оно манифестируется своим культурным контекстом» [18, с. 71]. Следовательно, акустическое пространство значительно больше, чем реальная локализация источников звуков. Акустическое пространство требует «акустического воображения» или, как отмечалось выше, внутреннего слуха: оно, в сущности, может ограничиваться только слушательским опытом, влияющим на способность к мысленному представлению какого-либо звука.

Схожим образом осмысляется Б. Лабеллем понятие «**акустические территории**»: закладывая в понятие пространственную семантику, исследователь, тем не менее, определяет акустическую территорию как маршрут, путь, навигацию по звуковой географии. Б. Лабель обращает внимание на реляционный характер этой географии, говоря о «текучести», «связательности», «эмоциональности» звуков в акустических территориях [8, с. 28].

Мысль о подвижности пространства, заполняемого звуком, развивается в положениях Ж.-Ф. Огойяра и Г. Торка, провозглашающих «**эффект повсеместности**» звука. Это объясняется самой природой звуковой волны: вследствие отражения звука от различных объектов, слушателю может казаться сложным определить единственный его источник [15, с. 130–131]. Такая сложная акустическая параметризация определяет метафизическую природу звука: он разливается повсюду, звучит везде.

Идея о связи звука с пространством фундирует такой подход к звуку, как «акустическая археология» (термин Б. Смита), предполагающий реконструкцию акустической картины мира какого-либо периода или общности. Так, по мысли Б. Смита, «все звуки, когда-либо звучавшие, все еще отдаются эхом, пусть и слабым, где-то там, в дикой синеве» [21, с. 21]. Однако зафиксировать их можно, обратившись к конкретной локализации: чтобы вслушаться в звук, его словно необходимо поймать, ограничить пространственно.

М. Шион обращает внимание на то, что звук не может быть однородным и концентрироваться в одном месте. Так, даже обыватель, склонный к рецепции звука как акустического явления, способен отметить мимолетность этого явления. Однако звуки, так или иначе, характеризуют конкретные топосы: отправляясь на променады, М. Шион описывает ряд таких топосов, с одной стороны, отмечая схожие и уникальные звуковые элементы в них, с другой – обозначая их как **звуковые среды** [16].

Слушатель оказывается замкнутым между источником звука и пространством, в котором он располагается, и мимолетностью этого события, когда нужно восстанавливать событие благодаря способности внутреннего слуха, поэтому «ничего не остается, кроме как расположить звук в его символической циркуляции между причиной и ощущением» [14, с. 144].

Звуки, по мысли М. Шиона, имеют архетипическую природу, что позволяет слушателю обнаруживать тождество звуков с общими источниками (как пространственными, так и временными) или их тождество со знакомыми ситуациями [14, с. 124]. В силу гетерогенности многих звуков слушатель не всегда во время рецепции может

определить акустические параметры звука, это и не требуется для узнавания. Этим объясняется феномен фоли – искусственных шумовых эффектов, применяемых для озвучивания кинокартин. Фоли вторичны по отношению к звукам с референтных источников. Более того, они не всегда соответствуют этим источникам. Так, например, интенсивности и яркости визуальному образу каплющего дождя в кинокартинах добавляет звук жарящегося на сковородке бекона.

Итак, звуки мыслятся человеком в контексте источника, соответственно в контексте какого-либо пространства. Вместе с тем, звуки в силу своей природы (звук – волна) не могут быть статичны и находиться в пределах визуального пространства. Звукам свойственно распространяться во времени. Этим объясняются такие акустические явления, как реверберация (уменьшение интенсивности звука в процессе отражения) и эхо.

Мысль о временном характере звука также подтверждается наблюдениями и положениями исследователей. Так, согласно исследованию К. Кокса, звук представляет собой **звуковой поток**. Он отмечает, что «звуки не привязаны к своим источникам как их качества», они не статичны, не определяют ни источники, ни объекты, от которых отражаются [7, с. 57].

К. О'Каллаган подчеркивает событийную сущность звука, отмечает его внутреннюю процессуальность, протяженность во времени, вводя понятие «**темпоральное событие**» для обозначения звуков [19, с. 11].

Время протяженности звука, однако, не ограничено и может длиться от мига до метафизической бесконечности. Это связано с тем, что звук может рассматриваться в контексте его непосредственной рецепции или в контексте внутреннего слуха, формирующего своего рода звуковую память. Человек, обладающий слушательским опытом, может в любое время сонастроиться со звуком и продлить его, представив или воспроизведя. Звук не всегда, таким образом, соответствует ожидаемым пространственным характеристикам.

Более того, в искусстве звук используется как особый инструмент, способный развязать связь времени и пространства. Так, например, один из ранних советских режиссеров В.И. Пудовкин находил в звуке источник деконструкции привычных представлений зрителя о синхронности визуального и аудиального событий, поэтому звукозрительный монтаж его фильмов был инновационным для своего времени: звук не был аккомпанементом, он дополнял фильм смыслами [6, с. 36–38].

Вместе с тем, звук, создающий диссонанс между временем и пространством, в котором находится слушатель, может провоцировать отрицание его подлинности. Такой звук не рождает узнавания. Так, например, в 1960-е годы в России возобновилась традиция прослушивать записи чтения стихов поэтов Серебряного века, копированные на различные звуковые источники с фонографических записей 1920-х годов. Рецепция этих записей часто сопровождалась противоречивыми реакциями. Л. Шилов, создававший архив звукозаписей того периода и курировавший их слушание, отмечал, что слушатели, которые ранее вживую слышали голоса поэтов, отрицали ценность и даже подлинность звукозаписей: «Общим в их реакции было не только отрицание значения таких записей, но и убежденность в том, что именно и только в их памяти сохраняется истинное представление об этом голосе» [13, с. 153]. Таким образом, слушание опосредовано памятью, а слушательский опыт существенным образом меняется во времени [5, с. 219]. Следовательно, звук обладает временными параметрами.

Итак, звук представляет собой сложное явление, рассмотрение которого в рамках акустических мер значи-

тельно сужает его ценность и значимость. Как показывают звуковые исследования, звуки формируют звуковые среды, которые обладают пространственно-временными характеристиками. Это сближает их с **хронотопами**, подразумевающими неразрывность пространства и времени и определяющимися как «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом», где время «сгущается», а пространство «интенсифицируется» [1, с. 235].

Звук в контексте хронотопа способен связывать «давно прошедшие события с событиями данного мгновения – а через них с событиями исчезающего вдали будущего», поскольку он уже не ограничивается ни временем, ни топосом рецепции его слушателем, он существует самостоятельно, реализуясь как звуковое событие и как феномен [12, с. 184].

На сегодняшний день понятие «звуковой хронотоп» еще не закрепилось в научном обороте и требует осмысления и дефиниции.

Для этого обратимся к одной из форм гармонической организации звука – музыке. Музыка сегодня активно использует возможности спатIALIZации, описывая те или иные пространства с точки зрения специфики музыкального восприятия тех, кто находится в этих пространствах, их музыкальной памяти и предпочтений. Как правило, такие описания ограничиваются и временными рамками.

В музыковедении термин «**музыкальный хронотоп**» используется с XX в., хотя импульс этому был задан философией. Так, А.Ф. Лосев, исследуя музыку и намекая тем самым границы понятия «музыкальный хронотоп», отмечал, что музыкальное произведение обладает пространственно-временными характеристиками. Музыкальный хронотоп определялся им как «сочетание нескольких структурных уровней, концентрирующихся в виде замысла, звуковой ткани, а затем в восприятии слушателя» [10].

Музыкальный хронотоп характеризуется «взаимобратимостью пространственных и временных отношений», что подразумевает их постоянное взаимодействие и «текучесть». Каждой музыкальной эпохе и произведению соответствует свой хронотоп [9, с. 138].

Музыкальный хронотоп обуславливают теми особенностями музыкальной речи, которая воплощается при исполнении конкретного произведения в конкретных обстоятельствах: «пространство и время – не только обязательное условие восприятия, но и тот ориентир, который позволяет слуху организовывать звуковой поток» [2, с. 144].

Закономерно говорить о хронотопе музыкального произведения, хронотопе музыки какого-либо этноса, хронотопе произведений композитора и др.

Также в музыковедении фигурирует понятие «**интонационный хронотоп**» в качестве одного из видов музыкального хронотопа. Интонационный хронотоп определяет точность, интонационную выразительность исполнения музыки. Более того, интонационный хронотоп описывает особенности музыкального восприятия какой-либо социальной или этнической группы. Как отмечает Т.Ю. Гордеева, «хронотопы <...> определяют в целом мыслежестовую активность коллективного сознания. Мыслежестовая активность связывает внешние пространственно-временные ощущения с внутренними музыкальными хронотопами» [4, с. 9].

Звук как хронотоп рассматривает в своей работе А.А. Галеева, реконструируя акустический образ советской Москвы по сохранившимся фотографиям. Обращаясь к визуальному образу, фиксируя звук в пространстве, А.А. Галеева в сущности использует упомянутый

нами подход акустической археологии, направленный на реконструкцию звучания города в конкретное время.

Выделим черты, характерные для музыкального и интонационного хронотопов, а также особенности звука, определяемого как хронотоп.

Прежде всего, такие хронотопы представляют собой пространственно-временное единство, в котором наблюдается обратимость времени и пространства. Названные нами хронотопы характеризуются принадлежностью к какой-либо эпохе, пространству, социальной или этнической группе. Более того, восприятие таких хронотопов, хотя во многом и субъективно, все же обладает чертами коллективности. То есть такие хронотопы могут отражать особенности восприятия какой-либо общности.

Резюмируя, определим **звуковой хронотоп** как конфигурацию времени и пространства, воспринимаемую или осознаваемую человеком-слушателем через посредство звуков, характеризующую коллективное звуковое восприятие эпохи или топоса и его источников звука.

Звуковой хронотоп архетипичен по своей природе и связан с коллективным внутренним слухом и коллективной звуковой памятью. Вместе с тем, особенности такого восприятия говорят, на наш взгляд, о единой звуковой идентичности. Изучение звукового хронотопа в этом ракурсе способствует расширению исследований культурной идентичности в условиях поликультурного мира.

Литература

1. Бахтин, М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. Воронцова, И.В. *Восприятие музыкальной речи в координатах пространства и времени* // МНКО. 2017. № 4 (65). С. 143–144.
3. Галеева, А.А. *Невидимый город: звук как хронотоп. Проектная часть ВКР «Музей исчезающих звуков»*. М., 2019. 146 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.calameo.com/read/0059554968331ab7d6dca> (дата обращения: 27.10.2024).
4. Гордеева, Т.Ю. *Анализ «Интонационного хронотопа» в аспекте классификации певческих культур* // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3. С. 8–11.
5. Золотухин, В. *Голос и воск. Звучащая художественная речь в России в 1900–1930-е годы: поэзия, звукозапись, перформанс* / Валерий Золотухин. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 256 с.
6. Кагановская, Л. *Голос техники: Переход советского кино к звуку 1928–1935* / Л. Кагановская; [пер. с англ. Н. Рябчиковой]. Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. 319 с.
7. Кокс, К. *Звуковой поток. Звук, искусство и метафизика* / Кристоф Кокс; пер. с англ. Н. Сафонова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 304 с.
8. Лабелль, Б. *Акустические территории* / Брэндон Лабелль; пер. с англ. Д. Шалагинова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 296 с.
9. Петина, М.А. *Музыкальный хронотоп: философское осмысление* // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 138.
10. Путчева, О. А., Выстороп, А.В. *Философия музыкального хронотопа А.Ф. Лосева в свете проблем современного творчества* // Общество: философия, история, культура. 2018. № 7 (51). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-muzykalnogo-hronotopa-a-f-loseva-v-svete-problem-sovremenno-go-tvorchestva> (дата обращения: 27.10.2024).

11. Румянцев, С.Ю. Книга тишины. Звуковой образ города / С. Румянцев. М.: Бослен, 2022. 304 с.
12. Ухтомский, А.А. Доминанта. «Public Domain» [Электронное издание]. 258 с.
13. Шилов, Л. Голоса, зазвучавшие вновь. Записки звукоархивиста-шестидесятника. М.: Альдаон, 2004. 365 с.
14. Шюон, М. Звук: слушать, слышать, наблюдать / Мишель Шюон; пер. с франц. И. Кушнаревой. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 312 с.
15. Augoyard, J.-F., Torgue, H. Sonic Experience: A guide to everyday sounds. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005. 216 p.
16. Chion, M. Le Promeneur Ecoutant: essais d'acoulogie. 2 éd. 2009, 188 p.
17. McLuhan, M., McLuhan, E. Laws of Media. The new science. University of Toronto Press. Toronto. 1988. 252 p.
18. McLuhan, M. Visual and Acoustic Space // Audio Culture readings in modern music / ed. Ch. Cox and D. Warner. 2004. Pp. 67–72.
19. O'Callaghan, C. Sounds: A Philosophical theory. Oxford: Oxford University Press, 2007. 451 p.
20. Schafer, R.M. The soundscape: our sonic environment and the tuning of the world, New York: Knopf. 1994. 305 p.
21. Smith, B.R. Listening to the Wild Blue Yonder: The Challenges of Acoustic Ecology // Hearing Cultures: Essays on Sound, Listening, and Modernity / ed. by V. Erlmann. NY: Berg, 2004. 240 p.

SOUND CHRONOTOPE: TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT

Mikhailova O.A.

UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Sound studies are becoming increasingly relevant today, which is explained by the search for new approaches to cultural identity, as well as an attempt to overcome the uncompromising nature of visual culture. In this article, sounds are considered in the context of their spatial and temporal characteristics and the ability to organize a sound chronotope. The opinions of researchers who rejected a purely physicalistic approach to the study of sound and focused on its temporal and spatial nature are analyzed.

It is noted that sounds, forming sound environments and acoustic spaces delimited by real or conceivable boundaries from other similar spaces, are still not characterized by homogeneity and static, therefore they also form acoustic territories in which the wave and temporal nature of sound is realized.

The idea of the existence of an internal hearing is developing, which makes it possible to represent, identify and reproduce sounds, which makes them mobile in time and space, and gives them the opportunity to separate these two parameters.

The existing definitions of chronotopes close to the sound – musical and intonation chronotopes – are analyzed. The main characteristic features are highlighted (spatial and temporal unity, reversibility of time and space, belonging to an epoch, topos, collectivity of perception, archetypal). As a conclusion, the definition of the sound chronotope is given for the first time and its potential to mark the boundaries of cultural identities is noted.

Keywords: sound studies; soundscape; acoustic space; acoustic territories; chronotope; sound chronotope.

References

1. Bahtin, M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерki po istoricheskoy pojetike // Voprosy literatury i jestetiki. M.: "Hudozh. lit.", 1975. Pp. 234–407. (in Russian language)
2. Vorontsova, I.V. Perception of musical speech within coordinates of space and time // MNKO. 2017. № 4 (65). Pp. 143–144. (in Russian language)
3. Galeeva, A.A. Nevidimyj gorod: zvuk kak hronotop. The project part of the final qualification thesis « Museum of Disappearing Sounds». M., 2019. 146 p. [Electronic resource] URL: <https://www.calameo.com/read/0059554968331ab7d6dca> (date of application: 10/27/2024). (in Russian language)
4. Gordeeva, T. Ju. Analyzes of «intonation chronotopos» in terms of classification of vocal cultures // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. 2014. № 3. Pp. 8–11. (in Russian language)
5. Zolotuhin, V. Golos i vosk. Zvuchashhaja hudozhestvennaja rech' v Rossii v 1900–1930-e gody: poezija, zvukozapis', performans / Valerij Zolotuhin. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 256 p. (in Russian language)
6. Kaganovskaja, L. Golos tehniki: Perehod sovetskogo kino k zvuku 1928–1935 / L. Kaganovskaja; [transl. from eng. N. Rjabchikova]. Saint-Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2021. 319 p. (in Russian language)
7. Cox, K. Zvukovoj potok. Zvuk, iskusstvo i metafizika / Christof Cox; transl. from eng. by N. Safonov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 304 p. (in Russian language)
8. Labell', B. Akusticheskie territorii / Brjendon Labell'; transl. from eng. D. Shalaginova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 296 p. (in Russian language)
9. Petinova, M.A. Muzykal'nyj hronotop: filosofskoe osmyslenie // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2013. № 7. Pp. 138. (in Russian language)
10. Putecheva, O. A., Vystorop, A.V. Philosophy of the music chronotope of A.F. Losev in the context of problems of contemporary creative works // Society: philosophy, history, culture. 2018. № 7 (51). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-muzykalnogo-hronotopa-a-f-loseva-v-svete-problem-sovremennogo-tvorchestva> (date of application: 10/27/2024). (in Russian language)
11. Rumyancev, S. Yu. Kniga tishiny. Zvukovoj obraz goroda / Sergej Rumyancev. M.: Boslen, 2022. 304 p. (in Russian language)
12. Uhtomskij, A.A. Dominanta. «Public Domain» [Electronic edition]. 258 p. (in Russian language)
13. Shilov, L. Golosa, zazvuchavshie vnov'. Zapiski zvukoarhivista-shestidesjatnika. M.: Al'daon, 2004. 365 p. (in Russian language)
14. Shion, M. Zvuk: slushat', slyshat', nabljudat' / Mishel' Shion; transl. from Fr. by I. Kushnareva. 2nd publ.. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 312 p. (in Russian language)
15. Augoyard, J.-F., Torgue, H. Sonic Experience: A guide to everyday sounds. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005. 216 p.
16. Chion, M. Le Promeneur Ecoutant: essais d'acoulogie. 2 éd. 2009, 188 p.
17. McLuhan, M., McLuhan, E. Laws of Media. The new science. University of Toronto Press. Toronto. 1988. 252 p.
18. McLuhan, M. Visual and Acoustic Space // Audio Culture readings in modern music / ed. Ch. Cox and D. Warner. 2004. Pp. 67–72.
19. O'Callaghan, C. Sounds: A Philosophical theory. Oxford: Oxford University Press, 2007. 451 p.
20. Schafer, R.M. The soundscape: our sonic environment and the tuning of the world, New York: Knopf. 1994. 305 p.
21. Smith, B.R. Listening to the Wild Blue Yonder: The Challenges of Acoustic Ecology // Hearing Cultures: Essays on Sound, Listening, and Modernity / ed. by V. Erlmann. NY: Berg, 2004. 240 p.

Роль профильных классов школ в приобретении студентами вузов профессиональных компетенций

Бутко Наталия Борисовна,

к.ф.-м.н., доцент, доцент ИФИТ (Институт физических исследований и технологий)
E-mail: nbutko@rambler.ru,

Степина Светлана Петровна,

к.ф.-м.н., доцент, доцент ИФИТ, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: stepinasvetlana@rambler.ru

В статье рассмотрено отношение студентов младших курсов естественно-научных и физико-математических специальностей РУДН им. Патриса Лумумбы к их участию в научно-исследовательской работе. Рассмотрены причины, мешающие студентам проводить исследования в выбранной области науки для формирования необходимых профессиональных компетенций. Проведен сравнительный анализ готовности абитуриентов, окончивших профильные классы школ, гимназий или предуниверсарии и обычные школы, к обучению в вузе, а также в их адаптации к учебному процессу. Выявлены преимущества студентов, окончивших профильные классы, на первом году обучения в вузе.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, компетентностный подход, профильные классы, вуз, научная работа, учебные программы.

В настоящее время одной из стратегических целей высшего профессионального образования становится компетентностный подход. Он заключается в формировании у выпускника вуза не системы знаний, умений, навыков, а компетентности как совокупности особых качеств, сформированных на способности применения знаний и умений в деле [1]. Это соответствует концепции модернизации высшего профессионального образования, продиктованной современными требованиями к специалисту, обусловленными проблемами общественной жизни. Успешность выпускника определяется компетенциями, сформированными в вузе и получающими постоянное развитие в течение всей профессиональной деятельности. Такой подход позволяет улучшить качество образования, повысить его эффективность, что в итоге обеспечивает выпуск специалистов, обладающих наряду с профессиональными знаниями и умениями способностью к саморазвитию, самообразованию, а также к инновационной деятельности.

Одним из видов профессиональной деятельности, к которой готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата, является научно-исследовательская работа. Для ее выполнения надо иметь определенные компетенции, а именно обладать способностью проводить исследования в избранной области науки. Ранее нами был проведен опрос студентов естественно-научных специальностей РУДН им. П. Лумумбы об их отношении к самостоятельной работе и о влиянии дистанционного образования на формирование компетенций. Результаты наших исследований опубликованы в работе [2]. Из опросов стало ясно, что несколько лет дистанционного образования практически не повлияло на готовность студентов заниматься научной деятельностью. И даже около 20% опрошенных студентов, оканчивающих 1-й курс, ответили, что занимаются в той или иной степени научной деятельностью.

Задачей настоящего исследования было разобраться в том, что первокурсники подразумевают под термином «научная деятельность» и какое влияние оказывает образовательное учреждение, в котором студенты учились до поступления в университет, на их желание заниматься научной работой, особенно на 1-ом курсе. Такой вопрос возник не случайно. Обычно студенты начинают серьезно заниматься наукой на 3-м, а иногда только на 4-м курсе во время написания дипломной работы. Как правило, им трудно определиться с выбором тематики. Зачастую они до 3-го курса не понимают, что их больше привлекает – теория или эксперимент. Но известно, что чем раньше студенты начинают заниматься наукой, тем лучше они продвигаются в своей научной деятельности, тем больше компетенций они получают.

К нам в РУДН им. П. Лумумбы на естественно-научные специальности поступают абитуриенты, окончившие как обычную школу, так и профильные классы гимназий и школ, а также предуниверсарии. Представлялось интересным выяснить, отличаются ли абитуриенты профильных классов от выпускников обычных школ в умении правильно распределять свое время, а также являются ли они более «стрессоустойчивыми», т.е. более адаптированными к учебе в вузе. Были опрошены

110 студентов младших курсов – 60 первокурсников и 50 второкурсников. Доля первокурсников, окончивших профильные классы гимназий и школ, составила (53%), второкурсников – 48%. Почти все они (порядка 85%) выбрали те же научные направления, по которым усиленно занимались в школе. Надо заметить, что в таких классах количество часов, отведенных на изучение профильной дисциплины, составляет 5–9 уроков в неделю, в то время как в обычной школе – 1–2 урока. Кроме углубленного изучения предмета школьники самостоятельно выполняют лабораторные работы, знакомятся с методикой проведения измерений, участвуют в проектной деятельности. Все это способствует формированию компетенций, соответствующих студенческому уровню, и повышает уверенность обучающихся. Наши исследования показали, что более 80% выпускников профильных классов выполняли научно-исследовательские проекты (индивидуальные или групповые), в то время как среди выпускников обычных школ доля таких студентов составила всего 36%. Известно, что в последнее время растет число старшеклассников и, следовательно, студентов, которые испытывают высокую тревожность и эмоциональный дискомфорт во время учебной деятельности. Существуют исследования, где показано, что у выпускников обычных школ уровень ситуативной тревожности выше, чем у выпускников предвузовских [3]. Наш опрос показал, что большинство студентов первого курса всегда или иногда испытывают эмоциональный дискомфорт при устных ответах, а также при выполнении лабораторных работ. В основном это чувство тревожности из-за того, что делают что-то не так или из-за боязни испортить установку в лабораторном практикуме. Однако среди выпускников обычных школ таких студентов на 24% больше. Переход из школы в вуз всегда сопровождается сложностями: новые требования, углубленное изучение выбранных дисциплин, других дисциплин согласно учебному плану, предусмотренному ФГОС, на которые школьники, как правило, не обращали внимания, делая упор на предметы по специальности. Но ко второму курсу ситуация меняется, и дискомфорт при устных ответах и при выполнении лабораторных работ испытывает чуть более 50% студентов (рис. 1).

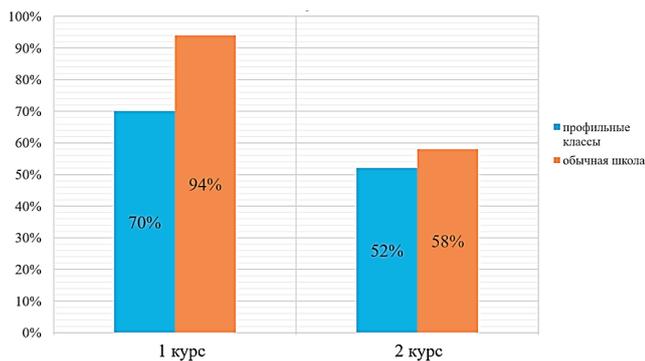

Рис. 1. Доля студентов, испытывающих эмоциональный дискомфорт при устных ответах и при выполнении лабораторных работ.

Выпускники профильных классов оказались более адаптированными к учебному процессу в целом – 45% первокурсников успевают полностью выполнять все домашние задания (рис. 2).

Несмотря на то, что многие абитуриенты занимались в школе тем или иным видом научной деятельности, на первом курсе научной деятельностью не занимается никто из опрошенных студентов. Только два человека ответили, что самостоятельно без научного руководства читают статьи и другую литературу по ин-

тересующей их тематике. Примерно 40% опрошенных много времени уделяют учебе и из-за нехватки времени не могут заниматься наукой, часть студентов (19%) готовы заниматься, но еще не определились с выбором темы. Ко второму курсу ситуация меняется: занимаются научно-исследовательских лабораториях примерно 30% студентов, окончивших обычную школу, и 45%, окончивших профильные классы. Однако большая часть студентов наукой не занимается. На рис. 3 приведены причины, по которым студенты не занимаются наукой на 2-м курсе.

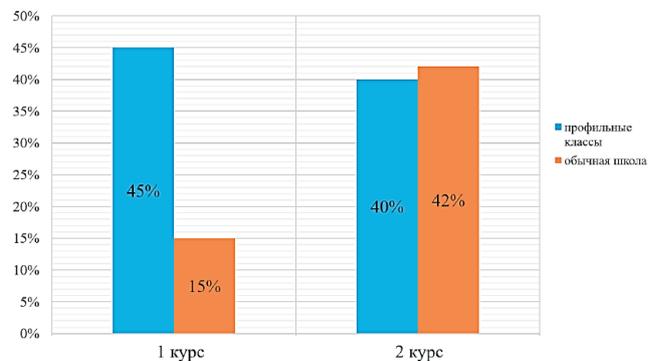

Рис. 2. Доля студентов, успешно справляющихся с выполнением домашнего задания.

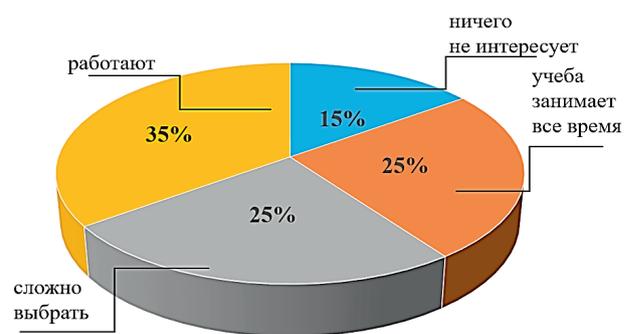

Рис. 3. Причины, не дающие возможности студентам 2-го курса заниматься наукой.

Особую тревогу вызывает то, что у многих студентов не хватает времени на занятия наукой, т.е. на приобретение необходимых компетенций, из-за другой работы. С каждым годом растет число работающих студентов младших курсов, что также негативно сказывается на их успеваемости – только 40% опрошенных второкурсников утверждают, что успевают выполнять задания полностью (рис. 2). Это находится в хорошей корреляции с числом работающих студентов.

Наши исследования показали, что выпускники профильных классов школ и гимназий, поступившие на первый курс, находятся в более выгодном положении по сравнению с выпускниками обычных школ. Они легче вовлекаются в учебный процесс, меньше подвержены стрессам и эмоциональным напряжениям, что находится в согласии с исследованиями других авторов, опубликованных в ряде работ [3, 4]. Однако в силу некоторых причин эти преимущества уже ко второму курсу оказываются незначительными или совсем исчезают. Это связано, в первую очередь, с тем, что с каждым последующим курсом растет число «непрофильных» дисциплин, на изучение которых студентам требуется большее количество времени. Выпускники обычных школ за время обучения на первом курсе смогли адаптироваться к учебному процессу. В начале учебы в университете студенты еще не занимаются научной работой

из-за большой учебной нагрузки и сложности выбора темы. Но уже на 2-м курсе почти половина выпускников профильных классов школ и гимназий начинают работать в научных лабораториях, в то время как среди выпускников обычных школ таких студентов меньше. Мы можем видеть преимущество выпускников профильных классов в готовности к интенсивным нагрузкам в учебе, к научно-исследовательской работе, т.е. к получению необходимых профессиональных компетенций.

Литература

1. Андреев А.В. Знания или компетенции. Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 3–11.
2. Бутко Н.Б., Степина С.П. Влияние дистанционного образования на отношение к самостоятельной работе студентов. Социология. 2024. № 6. С. 161–163.
3. Есауленко И.Э. и другие. Предуниверсарий как форма повышения мотивации и подготовки школьников старших классов к выбору профессии. Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2023. № 1. С. 78–82.
4. Карашева А.Г. и другие. Довузовская подготовка: цели, задачи, принципы. Перспективы науки и образования. 2018. № 3. С. 117–123.

THE ROLE OF SPECIALIZED SCHOOL CLASSES IN THE ACQUISITION OF PROFESSIONAL COMPETENCIES BY UNIVERSITY STUDENTS

Butko N.B., Stepina S.P.

IFIT (Institute of Physical Research and Technology), Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the attitude of junior students of natural sciences and physics and mathematics specialties of RUDN named after Patrice Lumumba to their participation in research work. The reasons that prevent students from conducting research in the chosen field of science to form the necessary professional competencies are considered. A comparative analysis of the readiness of applicants who graduated from specialized classes of schools, gymnasiums or pre-university and regular schools for studying at a university, as well as their adaptation to the educational process, was conducted. The advantages of students who graduated from specialized classes in the first year of study at a university were revealed.

Keywords: professional competencies, competence-based approach, specialized classes, university, research work, curricula.

References

1. Andreev A.V. Knowledge or Competence. Higher Education in Russia. 2005. No. 2. P. 3–11.
2. Butko N.B., Stepina S.P. The Impact of Distance Education on Students' Attitudes to Independent Work. Sociology. 2024. No. 6. P. 161–163.
3. Esauenko I.E. et al. Pre-university as a Form of Increasing Motivation and Preparing Senior Schoolchildren for Choosing a Profession. VSU Bulletin. Series: Problems of Higher Education. 2023. No. 1. P. 78–82.
4. Karasheva A.G. et al. Pre-university training: goals, objectives, principles. Prospects of Science and Education. 2018. No. 3. P. 117–123.

Исследование развития китайского боевого искусства – тайцзицюань в Беларуси

Хоу Шихао,

магистр, БГУФК

E-mail: 15993095373@163.com

Исследование развития китайского ушу-тайцзицюань в Беларуси проводилось с использованием литературы, экспертных интервью и других методов. Большинство практикующих тайцзицюань недостаточно знают об истоках, культуре и видах тайцзицюань, что является препятствием для развития проекта; организация занятий и мероприятий по тайцзицюань и его специализация привели к спросу на преподавателей ушу, одежду и места проведения, способствуя формированию смежных отраслей и имея чрезвычайно широкие перспективы развития; сам тайцзицюань воплощает миролюбивые национальные особенности китайского народа и типичные восточные культуры, что способствует взаимным обменам и изучению китайского и байского языков. Успешное развитие тайцзицюань в Беларуси дает хорошие ориентиры для развития китайского боевого искусства тайцзицюань в мире.

Ключевые слова: Тайцзицюань, Беларусь, Туйшоу, культура, боевые искусства, межкультурный обмен.

Введение

Китайские боевые искусства – это сокровище китайской нации, важный участник 5000-летней культуры, а также древних войн. С развитием и структурной трансформацией современного общества китайское ушу постепенно превратилось из боевой формы в общедоступный вид спорта для укрепления, тренировки и самообороны. На современном этапе отношения между Китаем и Беларусью стремительно развиваются, углубляется сотрудничество на государственном уровне и все более тесное взаимодействие в различных областях между частным сектором, а отличные спортивные программы Китая и Беларуси также перенимают друг у друга опыт. Традиционный китайский вид боевых искусств – тайцзицюань – развивается в Беларуси благодаря своим отличительным культурным особенностям и высокой спортивной ценности.[1] В данной статье в качестве объекта рассматривается тайцзицюань, проводится глубокий анализ исторического развития, стилей и культурных особенностей тайцзицюань, чтобы помочь белорусским любителям боевых искусств правильно воспринимать тайцзицюань и его культуру, а также восполнить пробелы в белорусских исследованиях в области тайцзицюань.[2] В то же время в работе анализируются осведомленность, публичность и численность населения в Беларуси, чтобы выявить потенциал развития тайцзицюань в Беларуси.

Исследование содержания культуры Тайцзи

Тайцзицюань – одно из традиционных китайских боевых искусств, один из представителей трех основных внутренних боевых искусств. Он имеет давнюю и разнообразную культуру, включающую в себя культурные концепции Тайцзи (учение об инь и ян), порядки Тайцзи (Старая рамка одного пути, Новая рамка одного пути, 24 упрощенных Тайцзицюань и т.д.), оборудование Тайцзи (одиночный меч, одиночный кусок и т.д.), техники Тайцзи (Тайцзи захват, Тайцзи разбросанные руки и т.д.), Туйшоу, а также стойки Тайцзи и т.д.

История тайцзицюань насчитывает более сотни лет, а история его создания широко обсуждается в истории китайских боевых искусств. Среди них наиболее исторически доказанной является та, что она была создана Чэнь Ваньтином в начале династии Цин на основе принципа тайцзи инь-ян багуа в хэту и луошу, сочетая китайские боевые искусства с принципами руководства, туй-на и теорией меридианов традиционной китайской медицины и т.д., и является своего рода народным кулаком, который имеет глубокий культурный подтекст, уникальный стиль практики и превосходные наступательные и защитные техники, и привлекает внимание всего мира и пользуется большой популярностью. [3] Из-за фамилии основателя Чэнь, потомки назвали этот бокс «Тайцзицюань Чэнь», также известный как «Бокс семьи Чэнь». После многих лет наследования и развития, в период Китайской Республики, остальные пять видов тайцзицюань были расширены на основе тайцзицюань Чэнь.

В настоящее время сформировались шесть знаменитых школ тайцзицюань (Чэнь, Ян, Сунь, У, У и Хэ). (В насто-

ящее время сформировались шесть знаменитых школ тайцзицюань (Чэнь, Ян, Сунь, У, У и Хэ). (Рис. 1.)

Таблица основных систем доставки традиционного Тайцзицюань

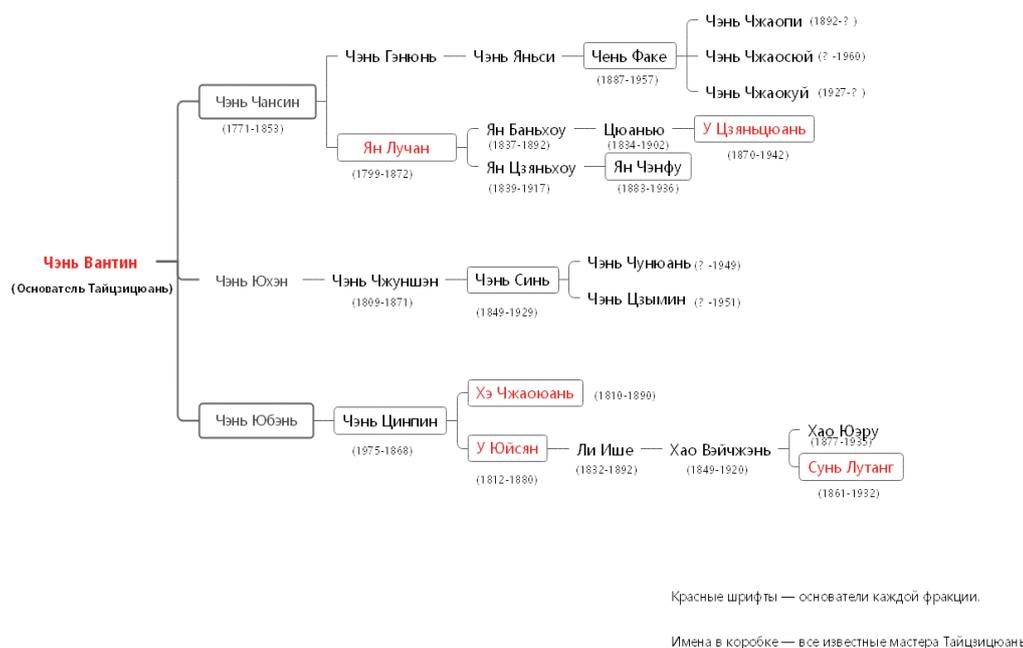

Рис. 1. Школы тайцзицюань

В марте 2007 года Китайская ассоциация деятелей народной литературы и искусства признала деревню Чэньцзяоу в уезде Вэньсянь города Цзяоцзуо провинции Хэнань местом зарождения тайцзицюань, что было подтверждено в августе 2007 года Государственным департаментом ушу Китая. С 1985 года в Китае стали проводиться национальные соревнования по тайцзицюань, а в 1990 году этот вид спорта был включен в программу соревнований по ушу на 11-х Азиатских играх. С тех пор соревнования по тайцзицюань в различных формах продолжают развиваться. После основания Нового Китая под руководством Главного управления спорта КНР тайцзицюань был разделен на две основные соревновательные формы: тайцзицюань и тайцзи Туйшоу. Тайцзицюань стал известен благодаря своим плавным движениям, изменению реального и виртуального в бою, а также поворотам с использованием нескольких ударов. Среди таолу тайцзицюань «Старая рамка Чэнь» и «24 упрощенных тайцзицюань» являются двумя распространёнными формами с уникальными особенностями и стилем. «Старая рамка Чэнь» характеризуется быстрыми и медленными, сильными и мягкими движениями, что делает его подходящим для физической и психической подготовки, особенно среди пожилых людей. В то же время «24 упрощенных тайцзицюань» с мягкими и сбалансированными движениями активно используется как учебный курс в университетах и популярен среди студентов и иностранных энтузиастов. Разнообразие форм таолу тайцзицюань позволяет адаптировать тренировки для людей всех возрастов. Медленный темп движений способствует глубокому освоению силы и техники, что, в свою очередь, улучшает здоровье, повышает выносливость, способствует восстановлению после болезней и укреплению эмоционального состояния.[4]

Туйшоу Тайцзи – это вид практики для проверки мастерства Тайцзицюань, это практика реакции на «слушание силы и преобразование силы» Тайцзицюань, и существует два вида форм: Туйшоу с фиксированным шагом и Туйшоу с живым шагом. Однако, под влиянием

мировой тенденции проектов борьбы и противостояния, с целью более широкого воплощения и распространения техники тайцзицюань, появился боевой тайцзицюань Туйшоу, который сразу же привлек внимание и практику молодых китайских спортсменов боевых искусств. Обладая такими характеристиками, как сильная техничность, быстрая победа и малая травматичность, боевой тайцзицюань «Туйшоу» является хорошим воплощением способа «преобразования силы в ловкость» и лучшим способом продемонстрировать очарование техники тайцзицюань. С момента создания программы она быстро развивается и распространяется во многих странах и регионах за пределами Китая, таких как Россия и Беларусь, привлекая большое количество иностранных энтузиастов толкания рук.

Культура тайцзи – это типичная восточная культура, которая является основной концепцией, созданной тайцзицюань, и ее главной особенностью является восприятие действия законов функций человеческого тела через обобщение практики и опыта.[5] Культура Тайцзи включает в себя множество дисциплин, таких как астрономия, медицина, военное искусство, география и т.д., и объединяет в себе концепции «конфуцианства, буддизма и даосизма». В основе культуры Тайцзи лежит идея «гармонии с природой», которая проявляется в трех аспектах: гармония с самим собой, гармония между людьми и гармония между людьми и природой. [6] В «Теории тайцзицюань» Ван Цзуньюэ говорится: «Тайцзи рождается из ничего, и ничто рождается из ничего, мать инь и ян». Это утверждение опирается на даосскую концепцию о возникновении «нечто» из «ничего», что отражает идеалистический подход. В данном контексте устанавливается цель практики тайцзицюань, заключающаяся в следовании естественному закону гармоничного движения и взаимодействия телесных функций. Принцип метода тайцзицюань, выраженный в словах «Когда люди жесткие, а я мягкий, это называется ходьбой; когда я послушен спине людей, это называется прилипанием», предполагает использование мягкости для управления

силой противника и поиска благоприятного момента для контратаки. Достижение такого уровня требует глубокого понимания и многолетней практики, что формирует не только физические, но и духовные аспекты развития.

Философия тайцзицюань, ориентированная на плавность, гармонию и устойчивость, отвечает потребностям современных людей, стремящихся к балансу и внутреннему спокойствию. Китай, как одна из древнейших цивилизаций, сформировал уникальный национальный характер, который ярко выражается в китайских боевых искусствах. Основной принцип ушу отражен в древнем высказывании: «Практике боевых искусств предшествует практика добродетели», что подчеркивает важность моральных качеств в достижении успеха. Культура ушу, с ее акцентом на воспитание характера и уважение к окружающим, ставит перед собой цель предотвращать конфликты и укреплять моральные устои.

Процесс обучения китайским боевым искусствам начинается с традиционного приветствия кулаком, что символизирует уважение и почтение. Приветствие выполняется следующим образом: левая рука с раскрытой ладонью накрывает правый сжатый кулак, образуя круг перед грудью. Этот жест является внешним выражением культуры ушу и отражает принципы вежливости, самоконтроля и уважения к другим. (Рис. 2)

Рис. 2. Сжать кулак в другой руке (в знак уважения)

Смысл приветствия «сжатым кулаком» тройкий. Левая рука – это текст, обозначающий четыре достоинства: добродетель, интеллект, телосложение и красоту, а большой палец согнут, чтобы показать, что человек не гордится тем, что он «главный». Правая рука – кулак, олицетворяющий мужество и силу. Левая ладонь, обернутая вокруг правого кулака, означает, что этикет превыше всего, сила – во вторую очередь, что означает умеренность силы. Левая ладонь обхватывает правый кулак, а две руки согнуты в круг, что указывает на пять озер и четыре океана. Практикующие боевые искусства в мире как семья, смирение и единство, чтобы подружиться с боевыми искусствами. Левая ладонь обозначает литературу, а правый кулак – боевые искусства. Указывает на практику обоих искусств и боевых искусств, а также на смирение, чтобы учиться». [7] В процессе обычного обучения неотъемлемым занятием для практикующих боевые искусства является спарринг. Цель – проверить результаты и научиться друг у друга. В процессе подчеркивается «точка на точку», что означает, что обе стороны придерживаются цели «дружба на первом месте, соревнование на втором», выиграть или проиграть можно, а не причинять вред другим, что отражает дух китайской культуры боевых искусств, но и Китай в мире стоит на месте! Это отражает дух китайской культуры боевых искусств, а также является причиной того, что Китай твердо стоит на ногах в мире. По сей день превосходная культура боевых искусств по-прежнему влияет на все аспекты жизни Китая, а также международные обмены и сотрудничество с иностранными государства-

ми должны основываться на мирных обменах, общем развитии и не вступать в конфронтацию силой в качестве критерия отношения, но и формирование иностранных культур и терпимости, смирение и хорошее изучение национальных особенностей.

Современное развитие тайцзицюань в Беларуси

Китайские боевые искусства, являясь одной из характерных традиционных культур Китая, всегда были одним из основных объектов распространения за рубежом. С появлением на мировом кинорынке большого количества китайских боевых фильмов о боевых искусствах, они вызвали интерес у людей во всем мире к изучению боевых искусств. На основе исторических традиций дружбы между Китаем и Беларусью расширяются сферы сотрудничества между двумя странами, гражданские контакты между двумя странами становятся все более тесными, китайское ушу в Беларуси также завоевывает все большее внимание и любовь белорусского народа. С 1991 года, когда в Витебске прошли первые национальные соревнования по ушу, в Беларусь съехались более 3000 практиков ушу со всей страны, и количество участников постоянно растет, как и виды соревнований по ушу. На Открытом кубке Беларуси 21–22 октября 2023 года впервые был добавлен тайдзи Туйшоу, который имел большой успех, так что две основные дисциплины тайцзицюань были добавлены к белорусским соревнованиям по ушу. Благодаря развитию соревнований по ушу в течение длительного периода времени совершенствовались программы, правила и нормы ушу, было подготовлено множество профессиональных судей по ушу, а влияние соревнований по ушу расширилось.

Общение с белорусскими любителями тайцзицюань, спортсменами и судьями Федерации ушу выявило уровень знаний белорусов об ушу-тайцзицюань, а также предвзятость в их понимании. Все любители тайцзицюань и спортсмены боевых искусств тайцзицюань знают только бокс тайцзицюань и наступательные и защитные значения некоторых боксерских движений, но не историю развития тайцзицюань, его происхождение, его основателя, его конкретные виды, и основные понятия, заложенные в культуре тайцзицюань.[8] Лишь очень немногие отличные спортсмены и судьи могут кратко объяснить стилевые характеристики тайцзицюань, знать основные виды тайцзицюань, наступательные и оборонительные значения движений, смутно описать историю развития тайцзицюань, с односторонним пониманием доктрин инь и ян культуры тайцзицюань.

Согласно вышеуказанному опросу, основная проблема большинства любителей боевых искусств заключается в том, что они «только знают, как учиться, но не знают, зачем и чему учиться», что является серьезным недостатком знаний и мастерства. Такое половинчатое понимание тайцзицюань, непонимание культуры тайцзицюань, философского мышления и спортивных концепций, не способствует долгосрочному стабильному и здоровому развитию проектов тайцзицюань, не способствует правильному пониманию белорусским народом традиционной китайской культуры, может лишь в короткий период времени «вспыхнуть огнем».

В результате опроса и общения с тайцзицюаньщиками мы узнали, что основными местами их занятий являются школы и клубы. Кроме того, в Институте Конфуция при ряде белорусских начальных и средних школ и университетов проводятся занятия по боевому искусству тайцзицюань. Преподавательский состав состоит из белорусских преподавателей тайцзицюань и небольшого количества китайских преподавателей тайцзицюань

из Института Конфуция Белорусского государственного университета физической культуры и спорта. Целевыми учениками являются молодые люди в начальной и средней школе, и содержание обучения основано на Таолу; целевыми учениками в университетах являются студенты колледжей и взрослые энтузиасты, и их возраст более обширный, и содержание обучения также основано на Таолу, и нет курса «Руки-ноги». С другой стороны, Белорусский государственный университет физической культуры и спорта предлагает курс тайцзицюань с двумя формами тайцзицюань: «Таолу» и «Туйшоу», и это единственная школа в Беларуси, которая имеет две основные программы тайцзицюань, и она оснащена преподавателем тайцзицюань высокого уровня, поэтому содержание обучения является более полным и профессиональным. Это единственная школа в Беларуси с двумя основными дисциплинами тайцзицюань и высококвалифицированным преподавателем тайцзицюань, что делает обучение более полным и профессиональным. Помимо школ, во всех шести областях Беларуси существуют клубы по изучению боевых искусств, и в большинстве из них проводятся занятия по тайцзицюань, причем большинство преподавателей тайцзицюань обучались в Китае или у китайских учителей тайцзицюань. Обучение проходит в форме занятий по интересам для юных учеников, а содержанием занятий являются «Таолу», и лишь немногие клубы проводят занятия по «Туйшоу».

По наблюдениям Тонга, основными формами распространения тайцзицюань в Беларуси на протяжении многих лет являются церемонии открытия масштабных китайско-белорусских мероприятий, мастер-классы и практические занятия по тайцзицюань в Белорусском государственном университете физической культуры и спорта, а также популяризация национальных чемпионатов по ушу, организуемых Белорусской федерацией ушу. Второстепенными формами пропаганды являются сарафанное радио от энтузиастов тайцзицюань, короткие платформы, ролики о боевых искусствах в социальных сетях, новостные сообщения. В целом, пропаганда тайцзицюань очень ограничена, и большинство из них основаны на церемонии открытия мероприятия или рекламных выступлениях в ограниченном пространстве, а масштабных, многопрофильных и высокого уровня выступлений или мероприятий, организованных с «тайцзицюань» в качестве основного ядра, не существует. Такие методы рекламы сдерживают скорость распространения тайцзицюань, влияют на круг людей, которых он охватывает, и не способствуют качественному и устойчивому развитию тайцзицюань в Беларуси, что является одной из главных проблем, которую нельзя игнорировать.

Перспективы развития тайцзицюань в Беларуси

Являясь одной из репрезентативных программ боевых искусств, тайцзицюань активно работает на международной арене. В настоящее время тайцзицюань распространился более чем в 150 странах и регионах по всему миру, среди которых более 50 стран и регионов создали свои организации. С 2001 года Международная федерация ушу ежегодно объявляет май «Всемирным месяцем тайцзицюань», организации ушу по всему миру ежегодно проводят в мае красочные обмены, а зарубежные китайские культурные центры и другие учреждения в иностранных государствах также различными способами способствуют развитию и распространению тайцзицюань по всему миру. [9]

В последние годы развитие боевого искусства тайцзицюань в Беларуси, а также постоянные исследования и сертификация международных экспертов и уче-

ных о полезных аспектах практики тайцзицюань привели к пониманию программ тайцзицюань в Беларуси более широким кругом людей и развитию смежных индустрий семимильными шагами. Уже в 2016 году тайцзицюань в Беларуси превратился в клуб боевых искусств, зимние лагеря практики тайцзицюань и другие виды индустрии. К настоящему времени количество клубов боевых искусств растет, в ряде начальных и средних школ открыты курсы боевых искусств, количество участников Чемпионата Беларуси по ушу в тайцзицюань неуклонно растет, судьи по боевым искусствам становятся более специализированными, а на Чемпионате по ушу в октябре 2023 года впервые будет проведен новый вид соревнований «Толчок руками тайцзицюань». Изменение ситуации в различных аспектах доказало, что тайцзицюань любим и поддерживается белорусским народом, также формируется индустриализация тайцзицюань, что привело к спросу на преподавателей тайцзицюань, оборудование для тайцзицюань и одежду для тайцзицюань. И этот вид спорта, на фоне дружеских отношений между двумя странами и тесного гражданского обмена и сотрудничества, анализирует будущее развитие тайцзицюань в Беларуси, чтобы иметь широкий простор.

Развитием китайского ушу в Беларуси занимается Белорусская федерация ушу, которая также является важной организацией по продвижению китайского ушу в Беларуси и организации турниров по ушу, под руководством Министерства физической культуры и туризма Беларуси и при поддержке трупп ушу Института Конфуция при Белорусском государственном университете физической культуры и спорта. «Программа танца дракона Белорусского национального телевидения» – все при участии китайских проектов ушу, а также Минской городской управы, Министерства спорта и туризма Беларуси, Посольства Китая в Беларуси, Белорусского национального спортивного и других подразделений, предоставляющих различные условия и мощную поддержку. Эти мероприятия были хорошо продемонстрированы на таких важных площадках, как центральная площадь Минска, актовый зал Белорусского спортивного университета, выставочный зал Белорусского университета культуры и искусств и т.д., и получили единодушную высокую оценку жителей Китая и Беларуси, а также были специально освещены в основных средствах массовой информации двух стран. При взаимной помощи и поддержке китайских и белорусских организаций мероприятия прошли с полным успехом и достигли ожидаемых результатов, предоставив хорошую платформу и возможность для развития китайского спорта и культуры боевых искусств.

Дружба между Китаем и Беларусью прошла испытания суровыми мировыми испытаниями, а два народа разделяют братские чувства. 15 сентября 2022 года лидеры двух стран официально повысили статус двусторонних отношений до всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства. [10] Китайская стратегия «Один пояс, один путь», направленная на общее развитие всех стран мира, привлекла большое количество дружественных стран, таких как Беларусь, Россия, Казахстан и т.д., что привело к формированию здоровой, дружественной и единой среды для развития опыта каждой страны.

Наряду с общим развитием в экономической сфере, сотрудничество между Китаем и Беларусью в области образования, культуры, туризма и спорта также значительно улучшилось. Под влиянием стран бывшего Советского Союза системы образования Китая и Беларуси имеют определенные сходства, и уже в ранние годы между ними происходил культурный обмен и обучение.

До сих пор культурный обмен и сотрудничество в области спорта между двумя странами продолжают уверенно развиваться. Ушу, как традиционный китайский вид спорта и один из видов Азиатских игр, обладает сильным обаянием движения и уже много лет упорно работает над тем, чтобы присоединиться к Олимпийским играм, что имеет большой потенциал для развития. Беларусь, как современная страна, ставит перед собой цель вырастить разносторонние и выдающиеся спортивные таланты, а Китай – продвигать отличные традиционные виды спорта, поэтому цели и стратегии двух стран совпадают, закладывая основу для спортивных и культурных обменов. В настоящее время Белорусский государственный университет физической культуры и спорта предлагает специальные курсы по ушу, а также время от времени организует мероприятия, связанные с ушу. Однако эти мероприятия успешно способствуют обмену между китайскими и белорусскими любителями культуры, контактам и знакомству между людьми всех возрастов, а также позитивному развитию спорта и культуры между двумя странами, используя ушу в качестве моста для развития культурных обменов и сотрудничества в других областях.

Заключение

Ушу тайцзицюань является традиционным видом спорта китайской нации, и его технические движения, а также внутренний смысл его культуры демонстрируют особенности любви китайской нации к миру и общему развитию. Полезные выводы международных экспертов и ученых по изучению тайцзицюань, а также сообщения о нем в средствах массовой информации на протяжении многих лет сделали тайцзицюань очень влиятельным и популярным в странах всего мира. Тайцзицюань, являясь одним из направлений китайской внешней коммуникации и обмена, эффективно распространялся в контексте непрерывного и быстрого развития дружбы между Китаем и Беларусью и получил помощь и поддержку от различных государственных ведомств и организаций в Беларуси. Путем многочисленных корректировок и поисков был найден путь, подходящий для развития тайцзицюань в Беларуси, благодаря чему развитие тайцзицюань в Беларуси увенчалось большим успехом. В итоге, проведя анализ, мы пришли к выводу, что тайцзицюань имеет огромный рынок и пространство для развития в Беларуси. Верится, что китайское боевое искусство тайцзицюань обязательно сыграет в Беларуси свою неповторимую прелесть и сделает здоровую жизнь белорусских людей более красочной.

Литература

1. Сон, Цинхуа, Шэнь, Гоцин. Международная коммуникационная стратегия тайцзицюань на фоне национальной культурной стратегии «Пояс и путь» // *Journal of Wuhan Institute of Physical Education*. – 2018. – Т. 52, № 3. – С. 61–66.
2. Чжан, Ж. Распространение и культурное влияние тайцзицюань в Соединенных Штатах: дис. ... канд. пед. наук. – Пекин: Пекинский спортивный университет, 2012.
3. Ван, Яньчэн. Чэнь-стиль тайцзицюань: история, текущая ситуация и перспективы // *Журнал нормального колледжа Цзяоцзую*. – 2013. – Т. 29, № 4. – С. 5–8, 18.
4. Мурашова, А. В., Комиссаров, С. А., Дэпэй, Л., и др. Этапы освоения навыков тайцзицюань и уровни

управления движениями человека // *Science for Education Today*. – 2017. – Т. 7, № 6. – С. 37–53.

5. Мурашова, А.В. Оздоровительная китайская гимнастика тайцзицюань: обзор исследований и постановка проблемы // *Сибирский педагогический журнал*. – 2016. – № 2. – С. 88–94.
6. Peng, Guoqiang, Zheng, Lisa, Yu, Jungang. Возвращение и возрождение: анализ культурной направленности и современной ценности тайцзицюань // *Журнал Шаньдунского института физической культуры*. – 2020. – Т. 36, № 1. – С. 48–53. DOI: 10.14104/j.cnki.1006-2076.2020.01.008.
7. Wu, Yongcheng. Культурная интерпретация китайского боевого искусства «приветствие кулаком» // *Occupational time and space*. – 2009. – Т. 5, № 10. – С. 133–134.
8. Мурашова, А. В., Майер, Б.О. Оздоровительная китайская гимнастика тайцзицюань. 1. Представленность в наукометрических базах Web of Science и Scopus // *Science for Education Today*. – 2014. – Т. 6 (22). – С. 65–80.
9. Ян, Цзяньин, Ян, Цзяньин. Исторический поток и трансформационное развитие тайцзицюань // *Journal of Wuhan Institute of Physical Education*. – 2017. – Т. 51, № 7. – С. 68–73. DOI: 10.15930/j.cnki.wtxb.2017.07.011.
10. Шоу, Цзяруй, Ян, Липин. Китайско-бельгийский образовательный обмен и сотрудничество в контексте «Пояса и пути» // *Journal of Zhejiang Shuren University*. – 2023. – Т. 23, № 5. – С. 73–81.

RESEARCH ON THE DEVELOPMENT OF CHINESE WUSHU-TAIJIQUAN IN BELARUS

Hou Shihao

Belarusian state university of physical culture

The research of Chinese Wushu Taijiquan development in Belarus was conducted using literature, expert interviews and other methods. Most Taijiquan practitioners do not know enough about the origins, culture and types of Taijiquan, which is an obstacle to the development of the project; the organization of Taijiquan classes and activities and its specialization has led to the demand for Wushu teachers, clothing and venues, contributing to the formation of related industries and having extremely broad development prospects; Taijiquan itself embodies the peaceful national characteristics of the Chinese people and typical Oriental cultures, which promotes mutual exchanges and the study of Chinese and Baijiquan. The successful development of Taijiquan in Belarus provides a good reference point for the development of the Chinese martial art of Taijiquan in the world.

Keywords: Taijiquan, Belarus, Push Hands, Culture, Martial Arts, Intercultural Exchange

References

1. Song, Qinghua, Shen, Guoqing. International Communication Strategy of Taijiquan under the Background of the National Cultural Strategy “Belt and Road” // *Journal of Wuhan Institute of Physical Education*. – 2018. – Vol. 52, No. 3. – Pp. 61–66.
2. Zhang, J. The Spread and Cultural Influence of Taijiquan in the United States: dis. ... Cand. Pedagogical Sciences. – Beijing: Beijing Sport University, 2012.
3. Wang, Yancheng. Chen-Style Taijiquan: History, Current Situation and Prospects // *Journal of Jiaozuo Normal College*. – 2013. – Vol. 29, No. 4. – P. 5–8, 18.
4. Murashova, A. V., Komissarov, S. A., Depei, L., et al. Stages of mastering taijiquan skills and levels of human movement control // *Science for Education Today*. – 2017. – Vol. 7, No. 6. – P. 37–53.
5. Murashova, A.V. Health-improving Chinese gymnastics taijiquan: a review of research and problem statement // *Siberian pedagogical journal*. – 2016. – No. 2. – P. 88–94.

6. Peng, Guoqiang, Zheng, Lisa, Yu, Jungang. Return and revival: analysis of the cultural orientation and modern value of taijiquan // Journal of the Shandong Institute of Physical Culture. – 2020. – Vol. 36, No. 1. – P. 48–53. DOI: 10.14104/j.cnki.1006-2076.2020.01.008.
7. Wu, Yongcheng. Cultural interpretation of the Chinese martial art “fist salute” // Occupational time and space. – 2009. – Vol. 5, No. 10. – P. 133–134.
8. Murashova, A. V., Mayer, B.O. Health-improving Chinese gymnastics Tai Chi Chuan. 1. Representation in the scientometric databases Web of Science and Scopus // Science for Education Today. – 2014. – Vol. 6 (22). – P. 65–80.
9. Yang, Jianying, Yang, Jianying. Historical Flow and Transformational Development of Taijiquan // Journal of Wuhan Institute of Physical Education. – 2017. – Vol. 51, No. 7. – P. 68–73. DOI: 10.15930/j.cnki.wtxb.2017.07.011.
10. Shou, Jiarui, Yang, Liping. Sino-Belgian Educational Exchange and Cooperation in the Context of the “Belt and Road” // Journal of Zhejiang Shuren University. – 2023. – Vol. 23, No. 5. – P. 73–81.

Чэнь Цзони,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 2499018327@qq.com

В статье рассматривается развитие китайской геополитической теории, опираясь на традиционные культурные ценности и современные международные реалии. Цель исследования – выявить проблемы и предложить направления совершенствования китайской геополитической теории для адаптации её к национальным интересам и глобальным вызовам. В ходе исследования использовались методы системного анализа, сравнительного подхода и историко-аналитического исследования. Научная новизна заключается в критическом переосмыслении западных геополитических концепций и адаптации их к китайскому контексту, а также в разработке модели, сочетающей историческое наследие и современные вызовы. Основные выводы показывают, что успешное развитие китайской геополитической теории требует перехода от критики западных подходов к созданию собственных моделей, учитывающих уникальные географические и геостратегические реалии Китая. Значимость исследования заключается в создании теоретической базы, направленной на формирование эффективной геополитической стратегии, учитывающей национальные интересы и глобальные вызовы.

Ключевые слова: Китайская Геополитическая Теория, Традиционные Ценности, Геостратегия, Национальные Интересы, Адаптация.

Введение

Развитие геополитической теории в Китае имеет долгую историю, корнями уходящую в традиционную китайскую философскую мысль и практику управления государством. В условиях современной глобализации и растущего влияния Китая на международной арене становится особенно актуальным создание самостоятельной и адаптированной под особенности страны геополитической теории. Однако данная задача сталкивается с рядом проблем, таких как недостаточная систематизация традиционных подходов, зависимость от западных геополитических концепций и ограниченность методологических рамок.

Целью настоящего исследования является анализ существующих проблем в развитии китайской геополитической теории и поиск путей их решения, которые позволят разработать теоретические основы, отвечающие национальным интересам Китая и учитывающие его культурные и исторические особенности. Для достижения поставленной цели были использованы такие методы, как системный анализ, сравнительный метод и историко-аналитический подход, которые позволили выявить ключевые тенденции и проблемы в развитии китайской геополитики. Научная новизна исследования заключается в переосмыслении традиционных китайских подходов к управлению и адаптации западных геополитических концепций с учетом уникальных национальных особенностей и актуальных международных вызовов.

Реальность китайских геотеоретических исследований

Как независимая дисциплина, понятие геополитики было впервые введено в 1899 году шведским политическим географом Рудольфом Кьелленом, который рассматривал геополитику как «теорию устеряющую государства как географического организма или пространственного явления».[1] Как британская энциклопедия объясняет: «Геополитика – это анализ влияния географии на соотношение сил в международных отношениях».[2] Китай обращает внимание на влияние геополитики на национальную судьбу. Это не только потому, что Китай признал важность геополитики после реформы и открытости, но и потому, что в последние годы возвращение традиционной геополитики заставило Китай подвергаться геополитическими давлениями. На фоне возвращения традиционной геополитики Китай нужна своя отечественная теория геополитики, отвечающая интересам Китая, это стало самым важным вопросом в развитии китайской геополитике. Вокруг этих целей китайские ученые предприняли много поучительных попыток «китаизировать» традиционную западную геополитическую теорию, применяя элементы традиционной западной геополитики для модернизации традиционной китайской геополитической мысли и практики.

Лу Дадао, Ду Дэбин, Гэ Юэцин и Ху Чжидин подчеркивают важность изучения геополитики для следующего десятилетия геополитических исследований в Китае, а также важность создания платформы интеграции и обслуживания больших данных геополитики для текущего исследования различных конкретных геополитических

проблем; [3] Колин Флинт и Чжан Сяотун подчеркивают, что «Пояс и путь» должно использоваться как «теоретический полигон» для изучения геополитики с китайской спецификой. В качестве «теоретического полигона» они исследуют геополитику с китайской спецификой [4]. Лю Цзяньюн предлагает концепцию «Теории соединения моря и суши», выступая за мирный и кооперативный подход к управлению и использованию геополитических отношений между странами, гарантируя доступ к морю для стран, не имеющих выхода к морю, и желание морских стран выйти на Евразийский континент; [5] Гэ Ханьвэнь подчеркивает, что «Пояс и путь» ломает оковы традиционной западной геополитической теории. [6] Профессор Е Цзычэн подчеркивает важную роль традиционной китайской геополитической мысли, утверждая, что классическая китайская геополитическая мысль является самодостаточной системой и своего рода микрогеополитикой; [7] Цзэн Сяньхун отметила, что «Пояс и путь» воплощает новое геополитическое пространство, демонстрируя форму пространственного воображения, которое конструирует не связанный между собой евразийский подход, превосходя за рамки традиционной геополитической теории по понятию дихотомических сил морских и сухопутных. [8]

Таким образом, развитие китайской геополитической теории застревает в изучение и дополнение существующих теорий. Многие ключевые вопросы в развитии теории (такие как парадигма китайской геополитической теории; гипотетическое пространство китайской геополитической теории и т.д.) до сих пор широко не обсуждались и не изучались, а современные исследования китайской геополитической теории увлекаются критикой традиционной западной геополитической теории, что делает развитие китайской геополитической теории неровным.

Размышления об устоявшихся исследованиях

Хотя в последние годы изучение китайской геополитической теории получило значительное развитие и достигло определенных результатов, но все еще остаются некоторые проблемы, которые необходимо прояснить при построении китайской геополитической теории: во-первых, проблема универсальности. Во-вторых, проблема китайской исключительности. В-третьих, проблема «Пояса и пути» и теоретических инноваций.

Об изучении китайской геополитической теории профессор Е Цзычэн отметил: «Китайская геополитика самодостаточна и сформирована из традиционной китайской геополитической мысли, и даже можно сказать что китайская геополитика лучше западной геополитики. [7]

Автор считает, что китайскую геополитическую теорию нельзя просто понимать как теорию созданную из традиционной китайской геополитической мысли, или что краткое изложение традиционной китайской геополитической мысли не может составлять основной субъект китайской геополитической теории. Это связано с тем, что теория не может быть создана простым обобщением традиционной мысли. Если бы создать теорию простым обобщением, то первой проблемой, с которой столкнулась бы проблема универсальности теории. Хотя традиционная китайская геополитическая мысль охватывает некоторые темы современных геополитических исследований, но традиционная китайская геополитическая мысль была разработана в аграрном Китае, и многие идеи коренились в требованиях развития производительности сельского хозяйства; Развитие традиционной западной геополитической теории было требованием развития капитализма в западных национальных госу-

дарствах и служило логике глобальной экспансии западного капитала. Современное развитие геополитики коренится в логике экономической глобализации, и хотя объяснительная сила традиционной геополитической теории пострадала с развитием новых вещей, традиционная геополитическая теория по-прежнему очень точна в своем описании мирового географического пространства. Использование традиционной китайской геополитической мысли, родившейся в сельскохозяйственную эпоху, для объяснения сегодняшней геополитической реальности не соответствует объективным законам геополитического развития. Поэтому, до того как традиционная китайская геополитическая мысль может объяснить развитие китайской геополитической теории, любое ее слепое использование является действием, лишенным рациональности.

Во-вторых, по мнению автора, причина появления китайской геополитической теории заключается не только в том, что Китай разработал набор геополитических мыслей, отличные от западных. Скорее потому, что китайская геополитика развивалась в геотемпоральном контексте, отличном от западного. Поэтому основной задачей китайской геополитической теории является объяснение этого особого географического пространства-времени. Причина, по которой объективные факты, а не китайская классическая геополитическая мысль, находятся в центре внимания китайской геополитической теории, заключается в том, что любая теория является систематизированным знанием, полученным в результате исследования объективных вещей. Это «система знаний о геополитике, которая формируется в соответствии с субъективным уровнем познания, принимая объективное геополитическое поведение и отношения в качестве объекта и содержания наблюдения и анализа». [9] Традиционная китайская геополитическая мысль родилась в процессе присоединения земли феодальной империи Китая и служила великому объединению феодальной династии. Поэтому в современном Китае традиционная геополитическая мысль все еще не обладает достаточной объяснительной силой. Однако этим традиционным геополитическим идеям не хватает объяснительной силы в описании основного вопроса геополитических исследований – отношений между человеком и землей, они не объясняют систематически вопрос «что такое геополитика» и не отражают суть геополитического поведения Китая и объективные законы китайской геополитики. Более того, эти традиционные китайские геополитические мысли больше не могут объяснить современное китайское геополитическое пространство-время. Почитание традиционных китайских геополитических мыслей в современных китайских геополитических исследованиях все еще остается по сути тем, за что выступает критическая геополитика, – процессом пространственного анализа международной политики путем рассмотрения географии как культуры или дискурса, лишенного объективности и определенности.

Размышления о китайской геополитической теории

Во-первых, с точки зрения теоретического мышления и научных исследований, китайская геополитическая теория должна быть универсальной и фокусироваться на эффективном сочетании структуры и процесса. Классическая геополитическая теория уделяла слишком много внимания структуре в ущерб процессу, который статичен, в то время как процесс динамичен и постоянно меняется. Критические геополитические теории, появившиеся

после холодной войны, уделяют особое внимание динамическим изменениям процесса. Объективно говоря, фокус на процессе способствует гибкости и изменчивости самой теории и позволяет избежать ситуации, когда теория оторвана от реальности. Однако развитие геополитической теории после холодной войны имеет тот недостаток, что оно слишком много внимания уделяет изучению процессов, пренебрегая пространственными структурами.[10] Китайская геополитическая теория должна сосредоточиться на структуре в пространстве и на динамике процесса во времени. Поскольку в геополитике геополитические факторы статичны, а государство динамично и изменчиво, ни процесс, ни структура не являются целью построения теории; конечная цель теории – служить интересам государства. Поэтому китайская геополитическая теория должна не только уметь объяснять меняющиеся законы взаимоотношений между силой и пространством в китайском географическом пространстве-времени, но и объяснять объективные законы в мировом пространстве-времени и обеспечивать теоретическое руководство для геостратегии Китая.

Во-вторых, китайская геополитическая теория должна подробно рассмотреть историческое развитие теории и реальность теоретического развития в двух измерениях: теория и политика, история и реальность, а также переосмыслить концепцию власти. На самом деле, намеренное избегание «власти» в китайских геополитических исследованиях привело к серьезному искажению традиционной китайской геополитической мысли в объяснении географической реальности современного Китая и отсутствию преемственности в традиционной китайской геополитической теории. На самом деле, с развитием производительных сил понятие «власть» перестало быть простым притязанием на права, а значительно расширилось, с большим вниманием к экономической, культурной и правящей власти в геополитической сфере. Поэтому китайская геополитическая теория должна сосредоточиться на роли «власти» и устранить разрыв традиционной китайской геополитической мысли, чтобы объяснить, как китайская геополитика формируется с позиции «власть-пространство» и власть, которую преследует Китай как геополитический актер в мировом географическом пространстве, чтобы повысить объяснительную силу теории. объяснительную силу теории.

Наконец, по географической реальности, китайская геополитическая теория должна основываться на географической реальности и национальной силе Китая. Любая теория служит практике, и теория должна как направлять практику, так и проверяться ею. Геополитическая теория, служащая внешней стратегии страны. Если требования, выдвигаемые теорией, превышают уровень силы страны, то в лучшем случае теория потеряет свое практическое значение, или серьезно исказит направление политики страны.[11] В этом отношении Британия извлекла урок, теория Макиндера, которая служила необходимости поддержания британской гегемонии. Более того, сама теория сердцевинной области Макиндера страдала от парадокса теоретической обоснованности и практической непрacticности, феномена, который Чжан Вэньму называет «парадоксом Макиндера».[12] Завоевание Британией сухопутной власти в сердцевинной области закончилось третьим вторжением в Афганистан. Поэтому развитие геополитической теории должно основываться на уровне могущества страны и измеряться ее способностью предотвращать крупные стратегические ошибки. Поэтому китайская геополитическая теория должна сочетаться с уровнем могущества Китая.

В целом, китайская геополитическая теория должна быть новой теорией, которая является универсальной,

обладает достаточной объяснительной силой, соответствует логике исторического развития китайской геополитики и отвечает потребностям развития китайских интересов с реалистической точки зрения.

Заключение

Проведенное исследование показало, что успешное развитие китайской геополитической теории требует более глубокого осмысления и систематизации исторического наследия, а также критического переосмысления западных концепций с адаптацией их под специфику Китая. Одним из ключевых выводов является необходимость перехода от критики западных подходов к созданию собственных моделей, учитывающих уникальные географические и геостратегические реалии страны.

Значимость данного исследования заключается в том, что оно способствует формированию более целостного и адаптированного под национальные реалии Китая подхода к разработке геополитической стратегии. В условиях глобализации и инициативы «Один пояс, один путь» формирование самостоятельной геополитической теории становится особенно важным для укрепления национального влияния и международных позиций страны.

В перспективе дальнейших исследований представляется важным изучение конкретных практических шагов и стратегий, направленных на реализацию разработанных теоретических основ, а также проведение межкультурного анализа с целью выявления оптимальных путей интеграции китайских и международных концепций. Это позволит создать более сбалансированную и комплексную систему стратегического планирования, способствующую устойчивому развитию Китая на мировой арене

Литература

1. Коэн, Сол. Геополитика: география международных отношений / пер. Янь Чуньсун. – Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук, 2011. – 14 с.
2. Knutsen, T.L. Halford J. Mackinder, Geopolitics, and the Heartland Thesis // *The International History Review*. – 2014. – Vol. 36, No. 5. – P. 835.
3. Ху, Чжидин, Лу, Да Дао, Ду, Дэбин, Гэ, Юэцзин, Ло, Хуасун. Основные направления исследований в китайской геополитике в следующем десятилетии // *Географические исследования*. – 2017. – Т. 2. – С. 205–214.
4. Флинт, Колин, Чжан, Сяотун. «Один пояс, один путь» и инновации геополитической теории // *Обзор международных отношений*. – 2016. – № 3. – С. 24.
5. Лю, Цзяньюн. Геополитика устойчивой безопасности в «Поясе и пути» // *Исследования международной безопасности*. – 2015. – № 5. – С. 3–21.
6. Гэ, Ханьвэнь. «Один пояс, один путь» и дух геостратегии Китая // *Тропическая география*. – 2015. – Т. 5. – С. 609–613.
7. Ye, Zicheng. An Experimental Analysis of the Features of Chinese Geopolitical Theory and Practice // *World Economics and Politics*. – 1997. – Vol. 11, No. 1. – P. 19.
8. Цзэн, Сянхун. Геополитическое воображение и региональное сотрудничество «Один пояс, один путь» // *Мировая экономика и политика*. – 2016. – Т. 1. – С. 46–71.
9. Кофрин, Чжан, Сяотун. «Один пояс, один путь» и инновации геополитической теории // *Foreign Affairs Review*. – 2016. – Vol. 3, No. 3. – P. 21.

10. Ли, Хунмэй. Новые черты эволюции геополитической теории и размышления о геостратегии Китая // *Международные перспективы*. – 2017. – Т. 6. – С. 106.
11. Чжан, Цзяньхэ. Анализ трех часто путаемых вопросов геополитики // *Исследования Юго-Восточной Азии*. – 2009. – № 4. – С. 82.
12. Чжан, Вэньму. Парадокс Макиндера и упадок англо-американской гегемонии // *Журнал Института международных отношений*. – 2012. – Т. 5. – С. 1.

RETHINKING THE DEVELOPMENT OF CHINESE GEOPOLITICAL THEORY

Chen Jiongyi

St. Petersburg State University

This article examines the development of Chinese geopolitical theory based on traditional cultural values and modern international realities. The aim of the study is to identify problems and propose directions for improving Chinese geopolitical theory to adapt it to national interests and global challenges. The research employs methods of system analysis, comparative approach, and historical-analytical research. The scientific novelty lies in the critical rethinking of Western geopolitical concepts and their adaptation to the Chinese context, as well as in the development of a model that combines historical heritage and contemporary challenges. The main findings indicate that the successful development of Chinese geopolitical theory requires moving from critiquing Western approaches to creating indigenous models that take into account China's unique geographic and geostrategic realities. The significance of the study lies in creating a theoretical framework aimed at forming an effective geopolitical strategy that addresses national interests and global challenges.

Keywords: Chinese Geopolitical Theory, Traditional Values, Geostrategy, National Interests, Adaptation.

References

1. Cohen, S. *Geopolitics: Geography of International Relations* / Translated by Yan Chunsun. – Shanghai: Shanghai Academy of Social Sciences Publishing House, 2011. – 14 p.
2. Knutsen, T.L. Halford J. Mackinder, Geopolitics, and the Heartland Thesis // *The International History Review*. – 2014. – Vol. 36, No. 5. – P. 835.
3. Hu, Zhiding, Lu, Dadao, Du, Debin, Ge, Yuejing, Luo, Huasun. Main Research Directions in Chinese Geopolitics for the Next Decade // *Geographical Research*. – 2017. – Vol. 2. – Pp. 205–214.
4. Flint, C., Zhang, Xiaotong. “One Belt, One Road” and Innovations in Geopolitical Theory // *International Relations Review*. – 2016. – No. 3. – P. 24.
5. Liu, Jianguyun. Geopolitics of Sustainable Security in the “Belt and Road Initiative” // *International Security Studies*. – 2015. – No. 5. – Pp. 3–21.
6. Ge, Hanwen. “One Belt, One Road” and the Spirit of China's Geostrategy // *Tropical Geography*. – 2015. – Vol. 5. – Pp. 609–613.
7. Ye, Z. An Experimental Analysis of the Features of Chinese Geopolitical Theory and Practice // *World Economics and Politics*. – 1997. – Vol. 11, No. 1. – P. 19.
8. Zeng, Xianghong. Geopolitical Imagination and Regional Cooperation in the “Belt and Road Initiative” // *World Economy and Politics*. – 2016. – Vol. 1. – Pp. 46–71.
9. Kofrin, Zhang, Xiaotong. “One Belt, One Road” and Innovations in Geopolitical Theory // *Foreign Affairs Review*. – 2016. – Vol. 3, No. 3. – P. 21.
10. Li, Hongmei. New Features in the Evolution of Geopolitical Theory and Reflections on China's Geostrategy // *International Perspectives*. – 2017. – Vol. 6. – P. 106.
11. Zhang, Jianghe. Analysis of Three Frequently Confused Issues in Geopolitics // *Southeast Asian Studies*. – 2009. – No. 4. – P. 82.
12. Zhang, Wenmu. The Mackinder Paradox and the Decline of Anglo-American Hegemony // *Journal of the Institute of International Relations*. – 2012. – Vol. 5. – P. 1.

Применение искусственного интеллекта в политике: кейс-анализ в различных странах

Яманова Ольга Александровна,

аспирант, стажер-исследователь Центра политических исследований Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: bobrovskaya29@mail.ru

Работа посвящена исследованию применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различных аспектах политики, включая выборные процессы, анализ общественного мнения и управление государственными ресурсами. Цель исследования заключается в выявлении наиболее значимых кейсов использования ИИ в политике и оценке существующих нормативно-правовых рамок, касающихся данного феномена в разных странах. В статье рассмотрены вопросы применения искусственного интеллекта в политику, проведен кейс-анализ на основе примеров внедрения ИИ в политических процессах различных государств. Автором составлена классификация видов возможного внедрения ИИ в политический процесс на основе существующих кейсов. Результаты исследования показывают, что несмотря на существующие кейсы внедрения ИИ в политику, цели применения ИИ различаются и чаще касаются вопросов управленческого характера, нежели политического. Это связано со спецификой существующих систем искусственного интеллекта, которые чаще всего обучены для решения конкретной задачи, а не обширного спектра. Соответственно, под типовую задачу государственного управления обучить систему ИИ проще, чем под обширный спектр задач политтехнологов, хотя бывают и подобные примеры. Подходы к регулированию ИИ в государствах значительно различаются. В то время как некоторые страны стремятся создать гибкие и адаптивные правовые рамки, другие сталкиваются с серьезными вызовами, связанными с этикой и прозрачностью использования ИИ в политических процессах. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе кейсов внедрения ИИ в различных странах и рассмотрении проблем внедрения ИИ в контексте политических процессов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, избирательный процесс, политика, законодательное регулирование

Развитие искусственного интеллекта в контексте современных политических процессов

В последние несколько лет, в особенности с конца 2022 года, когда в Сети стали доступны открытые нейросетевые инструменты (ChatGPT, OpenAI и пр.) феномен искусственного интеллекта стал переживать настоящий подъем в массовом представлении людей. В средствах массовой информации стали появляться новости о защите выпускных квалификационных работ, написанных с применением нейросетей, о возможностях использования нейросетей для различных целей во многих отраслях (копирайтинг, дизайн, финансы и пр). Не обошел процесс внедрения искусственного интеллекта и политическую сферу.

Говоря о внедрении ИИ в политику, стоит сказать о целях этого внедрения. Прежде всего, они касаются оптимизации как государственного управления, например, снижения коррупции последствием внедрения ИИ и оптимизации процессов, «отдачи» их компьютером для того, чтобы сократить человеческий, и в том числе коррупционный фактор. Искусственный интеллект в политике чаще всего определяется как использование компьютерных технологий и алгоритмов для анализа данных и принятия решений в области государственного управления, выборов, политических кампаний и других сферах, связанных с политикой.

Несмотря на то, что искусственный интеллект является достаточно молодой технологией и сегодня созданы системы только слабого искусственного интеллекта, он является достаточно прорывной технологией, инструменты которой уже сегодня используются во многих областях.

Рис. 1. Области возможного внедрения искусственного интеллекта в политический процесс

Источник: составлено автором

Рассмотрим подробнее каждую из областей.

Электронное правительство представляет как деятельность исполнительной ветви власти в государстве с использованием искусственного интеллекта. В рамках электронного правительства искусственный интеллект может быть внедрен для передачи данных между ведомствами и для формирования оптимального решения. Можно говорить о том, что предоставление государственных услуг относится также к электронно-

му правительству, однако, мы сочли разумным выделить их в отдельный пункт в связи с тем, что технологии искусственного интеллекта, внедряемые в работу исполнительных органов власти могут быть направлены прежде всего на оптимизацию их работы и межведомственного взаимодействия, а также для найма государственных служащих и других аспектов работы ФОИВ. Для каждого отраслевого ФОИВ может быть разработан собственный порядок внедрения искусственного интеллекта в связи со спецификой его работы, так, в рамках Минстроя РФ искусственный интеллект планируется применять при создании базы документов для стройэкспертизы и для мониторинга изношенности коммуникаций в доме¹.

В Финляндии в 2022 году запущен проект «Северное сияние», который нацелен на частичное замещение государственных служащих в области принятия рутинных решений. Проект позволит оптимизировать принятие решений благодаря тому, что учет потребности граждан, бизнеса и государства и будет предлагать решения исходя из разумного согласования этих интересов. При этом подразумевается, что на основе искусственного интеллекта будет создаваться база знаний и предлагать решение, а принимать итоговое решение будет непосредственно государственный служащий. При этом, как заявляет Правительство Финляндии, граждане сами могут решать, какие данные они доверяют государству, а какие предпочитают скрыть. Например, если некий финн переживает жизненный кризис и в скором времени явно лишится работы, «Северное сияние» начнёт заранее подбирать для него подходящие вакансии для нового трудоустройства и в нужный момент предложит их. Таким образом, будут решаться множество задач, стоящих перед руководством страны и касающихся проблем безработицы, ухудшения трудовых условий и т.д.².

Уже сегодня искусственный интеллект применяется в некоторых странах для того, чтобы принять решение о выдаче социальной помощи и для того, чтобы социальная помощь со стороны государства была эффективной и помогала гражданам. Например, такие программы уже существуют в Армении. Республика Армения является достаточно бедной страной, 25% населения страны находятся за чертой бедности, поэтому для государства актуально оказание социальной помощи. В том числе одной из стратегических целей государства является сокращение социальной помощи. Для этого социальная помощь со стороны государства должна выполнять функцию возвращения и становления граждан экономически самостоятельными. В 2022 году Министерство труда и социальных вопросов республики разработало проект, который позволит применить искусственный интеллект в сфере социальной поддержки населения. По мнению министра, при принятии решений и реализации программ для уязвимых групп населения зачастую остаются люди, которые не подпадают под условия ни одной из программ. Именно они наиболее уязвимы. Система задействована по 5 задачам:

1. выявить бенефициариев, которые останутся в программах соцобеспечения более 3 лет;
2. выявить бенефициариев, которые выйдут из программы поддержки в результате увеличения дохода;

¹ Цифровое государственное управление: учебное пособие / А.А. Косоруков. – Москва: МАКС Пресс, 2020. С. 120

² Ministry of finance Finland.. National Artificial Intelligence Programme AuroraAI [Электронный ресурс] – URL <https://vm.fi/en/national-artificial-intelligence-programme-auroraai> (дата обращения 19.06.2023)

3. с помощью программного алгоритма сгруппировать бенефициариев сферы соцобеспечения с целью обнаружения скрытых трендов³.

В современном мире достаточно часто наблюдаются такие проявления политического участия граждан как митинги и забастовки. Бельгийская технологическая компания CitizenLab разработала технологию краудсорсинга с применением искусственного интеллекта, которая помогает бельгийским властям понимать требования общественности и на их основе разрабатывать программные документы для развития государства. Таким образом, искусственный интеллект в политике применяется для быстрого распознавания социальных тенденций и оперативного принятия политических решений⁴.

Предоставление государственных и муниципальных услуг является еще одной сферой, в которой внедрение искусственного интеллекта имеет перспективы, уже сегодня в рамках Госуслуг пользователи используют помощника чат-бот, анализирующий профиль гражданина и предлагающий востребованные для него услуги, технологии работы которого включают технологии искусственного интеллекта, распознавание речи и запросов пользователей. При функционировании сервисов происходит инициация государственной услуги по голосовым запросам граждан, что тесно связано с использованием сквозной технологии «распознавание и синтез речи», которая позволяет переводить речевой запрос в текстовый вид и анализировать его.

Из практических примеров является интересным опыт Палаты представителей Нидерландов, которая внедрила систему Speech2Wräe, позволяющую Управлению парламентской отчетности преобразовывать голос в текст и автоматически редактировать отчеты о заседаниях.

В США искусственный интеллект в парламенте применяется для автоматизации процесса выявления различий между законопроектами, поправками и действующими законами.

В Австрии с 2017 г. система искусственного интеллекта помогает обеспечивать членов парламента достоверной информацией. Медиамонитор EULE осуществляет поиск, фильтрацию и анализ информации социальных медиа, новостей и докладов экспертов по заданной проблематике.

Электронный парламент представляется также одной из возможных сфер внедрения искусственного интеллекта, что позволит создать более эффективный механизм использования законодательной процедуры в рамках принципов открытости и доступности для граждан политических институтов⁵.

При этом следует различать внедрение искусственного интеллекта в электронный парламент и внедрение искусственного интеллекта в избирательные процессы, потому как первое связано прежде всего с организацией работы парламента, а второе направлено на использование технологий искусственного интеллекта в процессе выборов и для вхождения в парламент.

³ EA Daily. Армения первой в мире применит искусственный интеллект в сфере соцзащиты

[Электронный ресурс] – URL <https://eadaily.com/ru/news/2022/10/26/armeniya-pervoy-v-mire-primenit-iskusstvennyy-intellekt-v-sfere-soczhachity> (дата обращения 19.06.2023)

⁴ CitizenLab. Your dedicated community engagement platform, backed by a team of experts. [Электронный ресурс] – URL <https://www.citizenlab.co/> (дата обращения 19.06.2023)

⁵ ICT Moscow Регулирование ИИ в мире и в России: топ событий 2022 года [Электронный ресурс] – URL: <https://ict.moscow/news/2022-ai-regulation/> (дата обращения 07.11.2023)

Одним из кейсов использования ИИ в избирательном процессе является создание политической партии, управление которой осуществляется искусственным интеллектом. Такая политическая партия была создана в Дании. В 2021 году творческий коллектив современных дизайнеров и художников Computer Lars основал Синтетическую партию (Det Syntetiske Parti)¹. Она управляется моделью искусственного интеллекта Leader Lars. Целью создания партии является получение мест в парламенте. Создатели партии хотят стать выразителями общественного мнения малых партий, которые никогда не имели представительства в парламенте и тех 15% жителей страны, которые воздержались от участия в прошлых выборах страны. Для этого модель искусственного интеллекта, которая носит название «Лидер Ларс» (Ларс – самое популярное имя в стране) обучили составить политическую программу на основе публикуемых с 1970 года материалов малых партий. На основе проанализированных текстовых материалов модели предстоит сформулировать политические предложения, которые будут предложениями данной партии. Так, партия уже выдвинула такие идеи как безусловный базовый доход, создание IT-компании при Правительстве Дании, которая бы находилась в общей собственности и другие весьма популистские инициативы, которые высказываются искусственным интеллектом именно по причине его обучения на таковых текстовых массивах. При этом не существует законодательства, которое бы разрешало искусственному интеллекту занимать государственную должность в парламенте, в связи с чем обратиться от имени человека все равно предстоит человеку – живому кандидату².

В связи с этим использование технологий искусственного интеллекта для организации электронного голосования автором отнесено к избирательному процессу, так как технологии могут быть использованы для организации выборов не только в рамках парламента, но и в рамках голосования в процессе выборов главы региона или государства.

В избирательном процессе технологии искусственного интеллекта могут также применяться политическими партиями и движениями. Технологии ИИ могут быть внедрены практически на всех этапах политических процессов. Среди основных направлений применения технологий ИИ можно выделить:

Создание агитационного контента (тексты, изображения, видео). ИИ может проводить анализ информационного поля и формулировать различные лозунги и агитационные материалы, релевантные текущей ситуации. Это может быть речь, пресс-релиз, фотография или видео. ИИ может применяться и в условиях развивающегося коммуникационного кризиса, где необходимо отслеживание новостей, выявление закономерностей и рисков для минимизации ущерба. Время ответа может сократиться до минут, а не часов или дней. Но пока что сгенерированные материалы не учитывают социально-культурный контекст и больше похожи на работы студента или стажера, требующие редактуры.

Рассылка таргетированных сообщений. В перспективе тексты, которые были персонализированы на основе истории запросов и предпочтений пользователя станут более детализированными. К примеру, в американских

политических кампаниях таргетированные сообщения используются для воздействия на четко выделенные колеблющиеся группы избирателей. Это позволяет кандидатам не тратить деньги на определившихся, а сфокусироваться на колеблющихся избирателях, которые будут решать исход выборов. Самым ярким примером является предвыборная кампания Д. Трампа, в которой компании Cambridge Analytica удалось успешно микротаргетировать сообщения на основе данных о пользователях, собранных из социальных сетей.

Использование чат-ботов для ответов на вопросы избирателей. Обученный чат-бот сможет экономить время телефонных операторов и отвечать на наиболее частые вопросы избирателей. Для эффективного убеждения разных групп избирателей сложность ответов может варьироваться от эмоциональных призывов и лозунгов до статистики, опыта правоприменительной практики и мирового опыта. Кроме того, представители партий смогут «собирать» своих избирателей на специальных цифровых платформах, коммуницировать с ними. Там же будет вестись анализ поведения (с согласия самих избирателей).

Совершенствование предсказательных моделей. ИИ может помочь предсказывать результаты выборов и иных политических кампаний, дополняя уже известные прогнозные технологии с помощью выделения неочевидных для человека взаимосвязей.

Проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта в политическую сферу

Влияние искусственного интеллекта на политический процесс вызывает активные дискуссии в научном сообществе.

Бажанов В.А. высказывал мнение о том, что искусственный интеллект представляется перспективным для внедрения в политический процесс, так как позволяет найти наиболее выгодное и оптимальное политическое решение. При этом исследователь задается вопросом о легитимности решений, принятых на основе искусственного интеллекта, могут ли они придать политической активности больше рациональности и сделать политические решения более приемлемыми для широкого круга людей, а не только для определенных социальных групп. Автор отмечает явление так называемого диджитального авторитаризма, который связан с распространением технологий больших данных и искусственного интеллекта. Искусственный интеллект может быть использован не только в благих целях, но и дискриминировать людей в определенном ключе, например, использование алгоритмов искусственного интеллекта для отбора государственных служащих может привести к дискриминации людей определенной национальности или взглядов. Использование технологий искусственного интеллекта в избирательных процессах ведет к рискам, связанным с фейками и созданием правдоподобных фейковых выступлений различных политических акторов³.

Помимо диджитального авторитаризма существует и явление диджитальной демократии, для которой, по мнению Бажанова В.А. характерна управляемость электоральными процедурами в силу невозможности проконтролировать алгоритмы со стороны общественных наблюдателей. При этом существенная власть ока-

¹ Det Syntetiske parti. Ai-Drevet, Antipolitisk Partisammenslutning [Электронный ресурс] – URL: <https://detsyntetiskeparti.wordpress.com/> (дата обращения 19.06.2023)

² Futurism. New European Political Party Is Led by an Artificial Intelligence [Электронный ресурс] – URL: <https://futurism.com/political-party-led-by-artificial-intelligence> (дата обращения 19.06.2023)

³ Бажанов В.А. Искусственный интеллект и технологии Big Data (больших данных): тернистый путь сквозь туман метафор // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 251–256.

зывается в руках сообщества программистов, которые обслуживают властные структуры.

Р.А. Алексеев высказывает точку зрения о том, что использование технологий блокчейн для выборов также несовершенно и может иметь проблемы, среди которых особенно выделяются возможности технических сбоев и взломы систем интернет-голосования, в результате которых результаты выборов не будут соответствовать реальному волеизъявлению граждан, перспективны возможной кражи персональных данных злоумышленниками, невозможность переголосовать в случае ошибки – технически транзакцию не представляется возможным отменить. Также возникает вопрос об анонимности голосования, так как исключить хранение уникальных ключей для проголосовавших избирателей из базы невозможно. При этом электронное голосование обслуживается определенными информационными структурами, которые могут иметь доступ к влиянию на результаты¹.

Существует также риск так называемых дипфейков – создания ложных видеороликов с участием людей, часто публичных, и предполагающая синтез речи и изображения с применением искусственного интеллекта.

Государства пытаются бороться с таковыми продуктами, обязывая прилагать специальную маркировку к материалам, созданным с использованием ИИ и ответственность за распространение заведомо сгенерированных фейков, однако, до сих пор отследить подобные материалы довольно сложно и людям зачастую не представляется возможным установить авторство искусственного интеллекта или отсутствие такового².

В то же время развитие систем искусственного интеллекта открывает невиданные перспективы в области управления общественными процессами, так как увеличивает скорость и эффективность планирования, снижает риски в процессе управления и значительно снижает количество времени, затрачиваемого на обработку информации.

Важным элементом в распространении дипфейков являются платформы – такие как Instagram, Facebook, которые принадлежат Meta³, также Twitter, принадлежащий И. Маску.

Выдача, продвижение определенного контента зависит от алгоритмов платформ и часто платформы продвигают те публикации, которые выгодны им, либо же теми, кто за ними «стоит». Например, платформы, принадлежащие Meta, продвигают либеральные идеи. Маск, который купил социальную сеть Twitter сразу же, заявил о том, что Twitter был не политически нейтральным, а поддерживал демократов. В 2023 году в сети появились сообщения НПО Human Right Watch о том, что Instagram блокирует весь «пропалестинский» контент и тем самым негласно выступает на стороне Израиля. НПО задокументировала и рассмотрела более тысячи случаев удаления контента, а также временной или постоянной блокировки учетных записей в Facebook и Instagram. Правозащитники пришли к выводу, что Meta включила в цензурный фильтр любой контент в поддержку Палестины⁴.

¹ Алексеев Р.А. Перспективы и проблемы применения технологии блокчейн на выборах в России и за рубежом // Русская политология. 2018. № 4 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-problemy-primeneniya-tehnologii-blokcheyn-na-vyborah-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 07.11.2023).

² Васильева И.А., Халина Н.В. Дипфейк как технология прозрачных коммуникаций // РРРИМРА. 2021. № 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-kak-tehnologiya-prizrachnyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 07.11.2023).

³ Признаны экстремистскими организациями в России.

⁴ TRT. Meta скрывает в выдаче пропалестинские посты в соцсетях по всему миру [Электронный ресурс] – [https://www.trtrussian.com/novosti/meta-skryvaet-v-vydache-propalestinskie-posty-v-socsetyah-po-vsemu-miru-16346375](https://www.trtrussian.com/novosti/meta-skryvaet-v-vydache-propalestinskie-posty-v-socsetyah-po-vsemu-miru) (дата обращения 06.01.2024)

Правительства пытаются ограничить работу платформ – так, в 2020 году, Министерство юстиции США предложило Конгрессу способы ограничить юридическую защиту технологических компаний, включая Facebook Inc, Google и Twitter Inc, и заставить их нести больше ответственности за управление контентом на своих платформах, побудить интернет-платформы активнее бороться с незаконными действиями и управлять контентом на справедливой основе в соответствии с нормами регулирования.

Российское правительство, признав платформы Meta экстремистскими также попытались ограничить работу платформ в России, фактически заблокировав доступ к ним на территории страны. Российская прокуратура аргументировала это тем, что под видом коммерческой деятельности компания распространяет призывы к насилию в отношении граждан, нарушает их права и несет угрозу конституционному строю. Прокурор отметил, что требования не распространяются на мессенджер WhatsApp, поскольку в нем нет функции публичного распространения информации.

Платформы, которые публикуют дипфейки, привлечь к ответственности не так просто, ведь их ответственность сильно ограничена: они отвечают лишь за те материалы, которые были опубликованы именно ими. Наказать платформы за авторский контент не получится, так как они не в состоянии проверять каждую публикацию.

Часто в неправильной и специальной выдаче обвиняют и поисковые системы – так, подобные заявления звучали и от Президента РФ В.В. Путина, он говорил об ангажированности некоторых поисковых систем и выдаче результатов определенной идеологической направленности.

Проанализировав примеры использования искусственного интеллекта в политики, которые внедрены в системы государственного управления различных государств, мы можем сделать вывод о расширяющемся значении искусственного интеллекта. Однако, искусственный интеллект остается инструментом, который пусть и задействован в принятии политического инструмента, но не может принимать решения самостоятельно – на текущем этапе развития общества, решения принимает человек и пока что нет предпосылок для принятия решения искусственным интеллектом. Происходит это отчасти из-за отсутствия законодательной базы – наглядно таким примером представляется партия, созданная с помощью искусственного интеллекта – за ней в любом случае должен стоять человек, так как в парламенте Дании согласно законам, партию могут представлять только люди. Второй же причиной является слабая разработанность искусственного интеллекта для самостоятельности его позиций в политическом пространстве и необходимость контроля его решений со стороны человека.

В российском законодательстве автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат (статья ГК РФ 1228)⁵. В США существует подобная практика, согласно которой авторским правом может быть защищено только то, что создано человеком⁶. Часть

⁵ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023). ГК РФ Статья 1228. Автор результата интеллектуальной деятельности

⁶ Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие – Нижний Новгород: Нижегород-

ученных предполагает, что созданные искусственным интеллектом объекты могут быть признаны объектами интеллектуальной собственности, например в Законе Великобритании об авторском праве, предусматривается отдельная категория объектов, которые созданы с помощью компьютеров.

В рамках российского права, на объекты, созданные нейросетями, не распространяется действие авторского права. Автором может признаваться только человек, творческим трудом которого было создано то или иное произведение. Исходя из этого, объекты, созданные искусственным интеллектом, свободно могут использоваться в коммерческих целях без оглядки на возможные нарушения в сфере авторского права. Однако, у некоторых разработчиков нейросетей, например Midjourney, есть пользовательское соглашение, по которому пользователь, если пользуется нейросетью бесплатно, не имеет права использовать сгенерированные изображения в коммерческих целях, а если совершает оплату за подписку Midjourney, то использование в коммерческих целях допустимо. Авторы запросов, на основе которых создаются объекты, также не могут претендовать на авторство полученных объектов. Искусственные объекты, доработанные человеком, уже являются объектами авторского права. Сегодня в большинстве развитых стран появляются концепции регулирования искусственного интеллекта, но страны все более расходятся в применимых к регулированию подходах. Например, В ЕС в конце 2022 году был разработан проект закона об искусственном интеллекте, который предполагает консервативный подход и практически полное ограничение на использование отдельных систем искусственного интеллекта или сложный механизм регуляторного воздействия. В США был представлен Билль о правах в области ИИ в 2022 году, согласно которому есть пять принципов обращения с ИИ и разработке ИИ-систем, при этом основной принцип – отказ от жесткого регулирования систем искусственного интеллекта¹. В Китае активно идет реализация 14-го пятилетнего Плана (14th Five-Year Plan (2021–2025)), в рамках которого предполагается расширение использования технологий искусственного интеллекта и снижение барьеров для разработки таковых технологий. При этом на текущем этапе все материалы, созданные с использованием ИИ, должны иметь специальную маркировку, что снижает риски недостоверной информации и предупреждает человека об ИИ².

Заключение

Практически все государства отказываются признавать искусственный интеллект как автора произведения и в качестве изобретателя при патенте. Права на результаты интеллектуальной деятельности, которые созданы с использованием искусственного интеллекта, до сих пор может получить только человек.

Результаты исследования показывают, что несмотря на существующие кейсы внедрения ИИ в политику, цели применения ИИ различаются и чаще касаются вопросов управленческого характера, нежели политического. Системы ИИ, как правило, разрабатываются для решения узких задач, таких как обработка данных,

ский госуниверситет, 2020. – 90 с.

¹ Капустин, А.А. Сравнительный анализ особенностей стратегии развития искусственного интеллекта в США и КНР / А.А. Капустин // Экономические отношения. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 311–332.

² ICT Moscow Регулирование ИИ в мире и в России: топ событий 2022 года [Электронный ресурс] – URL: <https://ict.moscow/news/2022-ai-regulation/> (дата обращения 07.11.2023)

анализ общественного мнения, оптимизация процессов или автоматизация рутинных действий. В государственном управлении такие задачи могут включать в себя, например, сбор и обработку статистической информации или управление ресурсами. Политические задачи, в свою очередь, часто требуют более гибкого подхода, включающего в себя анализ различных политических сценариев, оценку рисков и принятие управленческих решений в условиях неопределенности. Это делает использование ИИ более сложным и не всегда целесообразным.

Во-вторых, этика и ответственность. Политическая сфера требует более тщательного учета этических аспектов, таких как прозрачность, справедливость и неподкупность. Использование ИИ в этой области должно учитывать возможные последствия, влияющие на выборы, общественное мнение и нарушение прав личности. Введение алгоритмов, которые могут стать причиной принятия предвзятых решений, может сильно подорвать доверие к политической системе и ухудшить её легитимность.

В-третьих, изменчивость политической среды. Политика является динамической и часто непредсказуемой областью, где необходимо быстро реагировать на изменения. Системы ИИ, как правило, требуют периода обучения и адаптации, что может быть неэффективно в условиях быстрых изменений, таких как политические кризисы или новые социальные движения.

Наконец, интеграция ИИ в политические процессы должна учитывать существующие нормативно-правовые и культурные контексты. В некоторых странах использование ИИ в управлении может быть противопоставлено традиционным подходам, существующим в политической культуре, что также снижает эффективность его внедрения.

Таким образом, искусственный интеллект представляется инструментом, который все более внедряется в жизнь людей и в том числе в политическую сферу. Аспекты внедрения в политические процессы представляются диаметрально различными – от внедрения в системы голосования до создания дипфейков с участием политических акторов как новой черной технологии предвыборных кампаний, однако, фактические, реальные примеры применения ИИ кажутся достаточно ограниченными, таких примеров достаточно небольшое количество, они представляются скорее частными ноу-хау отдельных стран, нежели используемыми многими государствами системами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994.
2. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»
3. Байден на встрече с компаниями-разработчиками обсудил связанные с ИИ риски [Электронный ресурс]. // РИА Новости. 5 мая – URL: <https://ria.ru/20230505/razrabotchiki-1869805091.html> (дата обращения 06.01.2024)
4. Единороссы решили использовать на выборах искусственный интеллект «Демонизация», «сатиризация» и «галлюцинация реальности» – какие риски видят в партии [Электронный ресурс]. // РБК. 24 апр. 2023. – <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2023/6442b5009a7947672f42b743> (дата обращения 06.01.2024)

5. «Ужасающе реалистичные»: в президентской гонке в США участвуют дипфейки [Электронный ресурс] // ТАСС. 14 августа 2023. – URL: (дата обращения 17.03.2023) https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18505371?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
6. Регулирование ИИ в мире и в России: топ событий 2022 года [Электронный ресурс] // ICT Moscow 19 января 2023. – URL: <https://ict.moscow/news/2022-ai-regulation/> (дата обращения 07.11.2023)
7. Ministry of finance Finland. National Artificial Intelligence Programme AuroraAI [Электронный ресурс] – URL <https://vm.fi/en/national-artificial-intelligence-programme-auroraai> (дата обращения 19.06.2023)
8. Боровская Е.В. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие [Текст]. / Е.В. Боровская, Н.А. Давыдова. // 4-е изд., электрон. – М.: Лаборатория знаний, 2020. 130 с.
9. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 90 с.
10. Алексеев Р.А. Блокчейн как избирательная технология нового поколения – перспективы применения на выборах в современной России // Вестник МГОУ. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-kak-izbiratel'naya-tehnologiya-novogo-pokoleniya-perspektivy-primeneniya-na-vyborah-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 07.11.2023).
11. Алексеев Р.А. Перспективы и проблемы применения технологии блокчейн на выборах в России и за рубежом // Русская политология. 2018. № 4 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-problemy-primeneniya-tehnologii-blokcheyn-na-vyborah-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 07.11.2023).
12. Туронок, С.Г. Big Data и искусственный интеллект на службе политических технологов: опыт и перспективы применения // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: Материалы 15-й Международной конференции, Москва, 25 мая 2017 года. – Москва: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – С. 690–700.
13. Rich E., Knight K. Artificial Intelligence. Second edition. – New York: McGraw-Hill, 1991
14. Abbott R. Understanding Artificial Intelligence. // In: The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2020. P. 18–35.
15. Bontridder N., Pouillet, Y. The role of artificial intelligence in disinformation. // Data & Policy. № 3. 2021. P. 32–53.
16. Hopgood A.A. Intelligent Systems for Engineers & Scientists: A Practical Guide to Artificial Intelligence. – Boca Raton, FL: CRC Press Inc., 2022. – 514 p.
17. Liao S.M. Ethics of Artificial Intelligence. – New York: Oxford University Press. 2020. – 544 p.
18. Meneguette R.I., De Grande R.E., Loureiro A.A. Intelligent Transport System in Smart Cities. – Springer, 2018. – 280 p.
19. Molina M. What is an intelligent system? // Cornell University: arXiv. 2022. P. 1–16. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2009.09083> (дата обращения: 03.04.2023)
20. Peng S., Lin C., Streinz T. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration. – Cambridge: Cambridge University Press. 2021. – 352 p.
21. Schalkoff R.J. Intelligent Systems: Principles, Paradigms and Pragmatics. – Sudbury, MA: Jones & Bartlett Learning, 2017. – 228 p.
22. Yigitcanlar T., Cugurullo F. The Sustainability of Artificial Intelligence: An Urbanistic Viewpoint from the Lens of Smart and Sustainable Cities // Sustainability, MDPI. 2020. Vol. 12 (20). P. 1–24.
23. Yigitcanlar T., Desouza K., Butler L., Roozkhosh F. Contributions and risks of artificial intelligence (AI) in building smarter cities: Insights from a systematic review of the literature // Energies. 2020. Vol. 13. P. 1473–1509.
24. The White House. Blueprint for an AI Bill of Rights [Электронный ресурс] – URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения 06.01.2024)
25. New European Political Party Is Led by an Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // Futurism. 10.16.22 – URL: <https://futurism.com/political-party-led-by-artificial-intelligence> (дата обращения 19.06.2023)

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN POLITICS: CASE ANALYSIS IN DIFFERENT COUNTRIES

Yamanova O.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This work is devoted to the study of the application of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) in various aspects of politics, including election processes, public opinion analysis and public resource management. The purpose of the study is to identify the most significant cases of using AI in politics and assess the existing regulatory frameworks related to this phenomenon in different countries. The article examines the issues of applying artificial intelligence in politics, conducts a case analysis based on examples of implementing AI in political processes in various countries. The author has compiled a classification of types of possible implementation of AI in the political process based on existing cases. The results of the study show that despite the existing cases of AI implementation in politics, the goals of AI application vary and more often concern management issues than political ones. This is due to the specifics of existing artificial intelligence systems, which are most often trained to solve a specific problem, rather than a wide range. Accordingly, it is easier to train an AI system for a typical public administration task than for a wide range of political strategists' tasks, although there are such examples.

Approaches to AI regulation in states vary significantly. While some countries seek to create flexible and adaptive legal frameworks, others face serious challenges related to the ethics and transparency of AI use in political processes. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of AI implementation cases in various countries and consideration of the problems of AI implementation in the context of political processes.

Keywords: artificial intelligence, neural network, electoral process, politics, legislative regulation

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) [Text]: from 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 16.12.2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 05.12.1994.
2. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation"
3. Biden discussed AI-related risks at a meeting with development companies [Electronic resource]. // RIA Novosti. May 5 – URL: <https://ria.ru/20230505/razrabotchiki-1869805091.html> (date accessed 06.01.2024)
4. United Russia decided to use artificial intelligence in the elections "Demonization", "satirization" and "hallucination of reality" – what risks do they see in the party [Electronic resource]. // RBC. April 24, 2023. – <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2023/6442b5009a7947672f42b743> (date accessed 06.01.2024)
5. "Terribly realistic": deepfakes participate in the presidential race in the USA [Electronic resource] // TASS. August 14, 2023. – URL: (date of access 03/17/2023) https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18505371?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

6. AI regulation in the world and in Russia: top events of 2022 [Electronic resource] // ICT Moscow January 19, 2023. – URL: <https://ict.moscow/news/2022-ai-regulation/> (date of access 11/07/2023)
7. Ministry of finance Finland. National Artificial Intelligence Programme AuroraAI [Electronic resource] – URL <https://vm.fi/en/national-artificial-intelligence-programme-auroraai> (date of access 06/19/2023)
8. Borovskaya E.V. Fundamentals of Artificial Intelligence: a tutorial [Text]. / E.V. Borovskaya, N.A. Davydova. // 4th ed., electronic. – M.: Knowledge Laboratory, 2020. 130 p.
9. Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: a tutorial – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2020. – 90 p.
10. Alekseev R.A. Blockchain as a new generation electoral technology – prospects for use in elections in modern Russia // Bulletin of MGOU. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-kak-izbiratel'naya-tehnologiya-novogo-pokoleniya-perspektivy-primeneniya-na-vyborah-v-sovremennoy-rossii> (date of access: 07.11.2023).
11. Alekseev R.A. Prospects and problems of using blockchain technology in elections in Russia and abroad // Russian political science. 2018. No. 4 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-problemy-primeneniya-tehnologii-blokcheyn-na-vyborah-v-rossii-i-za-rubezhom> (date of access: 07.11.2023).
12. Turonok, S.G. Big Data and artificial intelligence in the service of political strategists: experience and prospects of application // Public administration of the Russian Federation: challenges and prospects: Proceedings of the 15th International Conference, Moscow, May 25, 2017. – Moscow: “KDU”, “University book”, 2018. – P. 690–700.
13. Rich E., Knight K. Artificial Intelligence. Second edition. – New York: McGraw-Hill, 1991
14. Abbott R. Understanding Artificial Intelligence. // In: The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2020. P. 18–35.
15. Bontridder N., Pouillet, Y. The role of artificial intelligence in disinformation. // Data & Policy. No. 3. 2021. P. 32–53.
16. Hoggood A.A. Intelligent Systems for Engineers & Scientists: A Practical Guide to Artificial Intelligence. – Boca Raton, FL: CRC Press Inc., 2022. – 514 p.
17. Liao S.M. Ethics of Artificial Intelligence. – New York: Oxford University Press. 2020. – 544 p.
18. Meneghette R.I., De Grande R.E., Loureiro A.A. Intelligent Transport System in Smart Cities. – Springer, 2018. – 280 p.
19. Molina M. What is an intelligent system? // Cornell University: arXiv. 2022. P. 1–16. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2009.09083> (access date: 04/03/2023)
20. Peng S., Lin C., Streinz T. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration. – Cambridge: Cambridge University Press. 2021. – 352 p.
21. Schalkoff R.J. Intelligent Systems: Principles, Paradigms and Pragmatics. – Sudbury, MA: Jones & Bartlett Learning, 2017. – 228 p.
22. Yigitcanlar T., Cugurullo F. The Sustainability of Artificial Intelligence: An Urbanistic Viewpoint from the Lens of Smart and Sustainable Cities // Sustainability, MDPI. 2020. Vol. 12 (20). P. 1–24.
23. Yigitcanlar T., Desouza K., Butler L., Roozkhosh F. Contributions and risks of artificial intelligence (AI) in building smarter cities: Insights from a systematic review of the literature // Energies. 2020. Vol. 13. P. 1473–1509.
24. The White House. Blueprint for an AI Bill of Rights [Electronic resource] – URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (accessed 06.01.2024)
25. New European Political Party Is Led by an Artificial Intelligence [Electronic resource] // Futurism. 10.16.22 – URL: <https://futurism.com/political-party-led-by-artificial-intelligence> (accessed 19.06.2023)